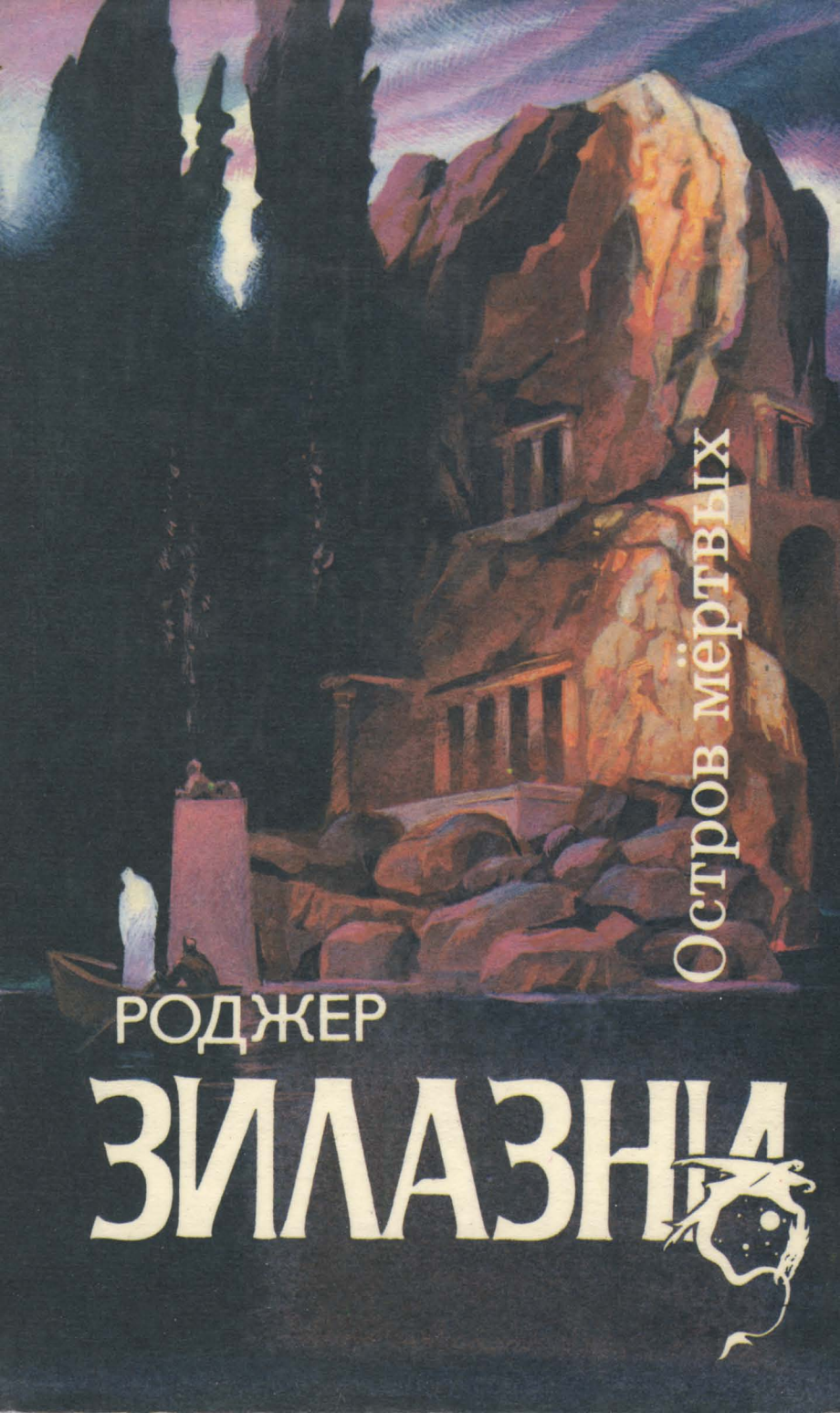

Остров мёртвых

РОДЖЕР

ЗЕЛАЗНИ

von Shrove, freischaffend gewohnt

Die Enteninsel

Symphonische Dichtung
zum Gemälde von A. Büchlin
für großes Orchester

von
Richard Maximilian
Op. 29
Piano 3-4
Preis 1,50

Piano 3-4
Preis 1,50

Verlag
Preis 1,50

Toteninsel.
(Nach dem Gemälde von Böcklin.)
Soprano.
B. Bachmann Op. 25
für kleine und große Stimmen
mit Klavierbegleitung.

Andante.
Soprano.
Klavier.
Soprano.
Klavier.
Soprano.
Klavier.

Die Toteninsel.
(Nach dem Gemälde von Böcklin.)
Primo.
B. Bachmann Op. 25
für kleine und große Stimmen
mit Klavierbegleitung.

Andante.
Klavier.
Soprano.
Klavier.
Soprano.
Klavier.
Soprano.
Klavier.
Soprano.
Klavier.
Soprano.
Klavier.

РОДЖЕР
ЗИЛАЗНИ

Остров мертвых

РОДЖЕР
ЗИЛАЗНИ

**Творец
СНОВ**

**Этот
Бессмертный**

**Остров
мертвых**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
1993**

Зилазни Р.

З 61 **Остров мертвых: Романы/Пер. с англ. — СПб.: Северо-Запад, 1993. — 544 с.**
ISBN 5-8352-0124-9

Роджер Джозеф Зилазни (р. 1937) — всемирно известный американский писатель-фантаст, один из тех, с кого начался отсчет «новой волны» в англо-американской НФ литературе.

Все произведения Р. Зилазни отличает глубокий психологизм, высокое литературное мастерство и необычность трактовки традиционных научно-фантастических сюжетов.

Предлагаемая книга знакомит читателя с ранним периодом творчества Р. Зилазни — романами «Творец снов» (1966), «Этот Бессмертный» (1966) и «Остров мертвых» (1969), — оказавшими заметное влияние на дальнейшее развитие этого жанра.

В профессиональных переводах эти произведения публикуются впервые.

Перепечатка отдельных глав и всего произведения в целом — запрещена. Всякое коммерческое использование данного произведения возможно исключительно с ведома издателя.

© И. Куберский, В. Симонов, перевод, 1993
© Ю. Шор, перевод, вступительная статья, 1993
© Издательство «Северо-Запад», оформление, 1993
© **СЕВЕРО-ЗАПАД**. Зарегистрированная торговая марка. Охраняется законом.

ISBN 5-8352-0124-9

МИФЫ И ФАНТАЗИИ РОДЖЕРА ЗИЛАЗНИ

Наши читатели давно привыкли к тому, что все новинки западной литературы приходят к ним с большой задержкой. То, что в Америке давно считается классикой в области научной фантастики, у нас становится бестселлером. Такая судьба не обошла и фантаста с мировым именем, Роджера Зилазни, книги которого буквально два-три года назад появились на прилавках книжных магазинов в русских переводах. Издательство „Северо-Запад“ уже опубликовало всемирно известные произведения Р. Зилазни „Князь Света“ и „Хроники Эмбера“. Теперь читателю предоставлена возможность познакомиться еще с тремя романами этого писателя: „Творец снов“ (1966), „Этот Бессмертный“ (1966) и „Остров мертвых“ (1969), которые относятся к раннему периоду творчества уже запомнившегося нашим любителям фантастики автора.

Роджер Зилазни прочно завоевал популярность у американских фэнов научной фантастики еще в начале 1960-х годов. Книги его неоднократно переводились на французский, итальянский, испанский, немецкий, голландский, шведский, греческий, японский языки. По его романам и повестям сделаны инсценировки для театра, сняты кинофильмы.

Он — автор более двадцати пяти повестей и романов, а также многочисленных коротких рассказов и критических статей, вошедших в самые разнообразные антологии научно-фантастической литературы. Жаль, конечно, что нашим читателям шедевры Р. Зилазни стали доступны с опозданием лет на двадцать пять, но лучше поздно, чем никогда.

* * *

Роджера Зилазни обычно причисляют к писателям-фантастам „Новой волны“. Сам термин чаще всего используется в тех случаях, когда говорят о новой англо-американской научно-фантастической литературе, сломавшей закосневшие традиции. Движение писателей „Новой волны“ охватывает 1964—1972 годы. Хотя до сих пор нет единого мнения о том, что именно считать литературой „Новой волны“, ее часто характеризуют как некое противопоставление укоренившимся в 1950-е годы формам и идеям старой фантастики, где речь шла об антитезе „человек — мир машин, роботов, механизмов будущего“. Писатели „Новой волны“ глубже заглянули в духовную сферу человека, сделав свои произведения более психологичными, более сложными и неоднозначными, тем самым отказавшись от примитивных сюжетов и ходульных персонажей. Вобрав в себя все лучшие традиции реалистической литературы прошлых веков, сторонники нового движения начали разрабатывать незаезженные, оригинальные сюжеты, где тесно переплетались фантастика и история, космические просторы и мифология, новейшая компьютерная техника и мистика,

роботы и колдовство. В фантастике 1960-х годов открылись темы, которые долгое время считались своего рода табу для этого жанра. Фантасты заговорили о таких сложных, интимных и ранее подлежащих замалчиванию вещах, как секс, насилие, кровосмешение, психические расстройства, гомосексуализм, каннибализм, переместив реальность на вымышленную почву. Простота и занимательность интриги, стремительность действия перестали быть основными мерилем произведения: одним из важнейших критериев была теперь психологическая достоверность героев, их индивидуальность, рост личности и ее обновление. В печати стали появляться и откровенно эротические произведения на космические темы. Одним словом, любая свежая мысль, сюжет или форма произведения давали автору право на то, чтобы он считал себя принадлежащим к „Новой волне“.

Если говорить более конкретно, движение „Новой волны“ возглавила группа английских писателей, объединившихся вокруг журнала „Новые миры“. Официально история „Новой волны“ началась с того момента, когда главный редактор и издатель этого журнала, Е. Дж. Карнелл, ушел в отставку, передав бразды правления фантасту Майклу Муркоку, который превратил традиционный, добротный и безнадёжно устаревший журнал в арену для экстремистски настроенных литераторов-фантастов, сокрушавших старые устои. С апреля 1964 года началась новая эра в научной фантастике.

Вокруг журнала, издаваемого М. Муркоком, сгруппировалось ядро из английских и американских писателей. Британцы были представлены Дж. Г. Баллардом и Б. Олдисом, среди американцев можно назвать таких фантастов, как Г. Гаррисон, Н. Спинрад и Т. М. Дич. К ним примкнула Дж. Эллисон, известный американский критик и составитель модных авангардистских антологий фантастических рассказов, а также многие другие, кто ратовал за свободную от жестких ограничений фантастику.

Молодые авторы пытались создать богатейшую палитру красок, что превратило бы изобилующую штампами фантастику в подлинную литературу, где в противовес космическим суперменам были выведены многогранные и трагические характеры, глубоко чувствующие и мыслящие личности. Расширение рамок фантастики сделало этот жанр менее специфическим, приблизило его к общечеловеческим проблемам.

„Новая волна“ — целый исторический этап в развитии научной фантастики, характеризующийся разочарованием как в идеях всемирного прогресса, доминирования науки и техники, так и в торжестве человеческого разума в насквозь компьютеризированном, обезличенном будущем. Отсюда — и пессимистический настрой многих произведений, и жутковатые концовки, и мрачные предвидения. Однако ценным в идеях писателей „Новой волны“ было то, что они, отказавшись от решения глобальных, галактических проблем мироздания, обратились к не менее сложному и противоречивому миру — внутреннему миру человека.

В начале 1960-х годов появилось новое поколение писателей-фантастов. Более шестидесяти новых имен замелькали на страницах альманахов, сборников, журналов научной фантастики. Это было поколение образованных молодых людей, не только знакомых с традицией, но и имеющих свой собственный мощный творческий потенциал, разностороннюю эрудицию, живое воображение и владеющих мастерством пера. Провозвестниками нового движения стали такие писатели, как Ф. Дж. Фармер, А. Бестер и Ф. Дик. И не случай-

но на фоне литературной борьбы в фантастике возник профессиональный союз литераторов-фантастов. Благодаря усилиям Д. Найта в 1965 году была основана „Американская ассоциация писателей-фантастов“. Одновременное появление на литературной сцене множества фантастов — сторонников нового движения было весьма симптоматичным для данного периода. Среди самих писателей, критиков и читателей произошёл раскол. Мнения поляризовались: на одной стороне оказались приверженцы старых методов, на другой — активисты „Новой волны“. Выразителем взглядов старого поколения, оплотом консерваторов стал Р. А. Хайнлайн, в авангарде были М. Муркок и Х. Эллисон.

* * *

Роджера Зилазни связывают с „Новой волной“ прежде всего по времени появления его произведений в печати. Но дело не в одной лишь хронологии. В его литературном арсенале масса средств, в палитре — множество оттенков. Он никогда не останавливается на достигнутом, не перерабатывает уже имевшие успех сюжеты, а ищет непроторенные пути, постоянно экспериментируя, оттачивая стилистические приемы, нащупывая новые жанры. Нельзя сказать, что Р. Зилазни принадлежит к какому-то одному направлению в научной фантастике. Чаще всего его творчество относят к области „фэнтези“ (термин этот, пришедший из английского языка, уже укоренился в русском и хорошо знаком любителям фантастики). Богатейшая фантазия, не ограниченное никакими раиками воображение и глубокая, разносторонняя эрудиция в самых различных сферах: философия, история, религия, мифология преломляются в его творчестве. Знания в сплаве с традициями как „жесткой“ американской фантастики, так и с наследием лучших образцов западно-европейской реалистической прозы дают уникальный результат, делая произведения Р. Зилазни ни на что не похожими, стоящими особняком.

Р. Зилазни ярко выделяется на фоне других фантастов своим психологизмом, попытками решить вечные проблемы о месте человека в жизни, о внутренней борьбе. В своих повестях и романах Р. Зилазни разрабатывает такие мотивы, как целостность и стабильность духовного мира человека, развитие и становление личности, осознание героем самого себя в крайних, пограничных, ирреальных ситуациях. Тема борьбы вечных сил: одной — разрушающей, а другой — созидющей, тема возрождения, будь то воскрешение и обновление через метаморфозы отдельного индивидуума или восстановление погибших миров и цивилизаций, тема смерти и бессмертия постоянно присутствуют в творчестве писателя. Его внимание привлекают людские пороки: жадность, тщеславие, ненависть, мстительность, и он приводит своих героев к осознанию вины либо перед другим человеком, либо перед обществом. Внутренний рост, духовная зрелость героя возможны лишь после того, как он идет на тяжелые жертвы, претерпевает множество несчастий. Жертвенность у Р. Зилазни противопоставлена гордыне. Не все герои Р. Зилазни становятся мудрыми в результате трагического опыта: вот почему его произведения часто пессимистичны. Глобальность масштабов, в которых существуют персонажи фантаста, ведет к тому, что они ощущают себя одинокими, затерянными в просторах Галактики; они — „ксенопаты“, как их называет автор, то есть чужаки в преобразившемся мире. С психологической точки зрения, действующие лица романов Р. Зилазни

вполне правдоподобны, даже если они наделены сверхъестественными качествами, уникальными телепатическими способностями, бессмертием.

Р. Зилазни сплетает реальность и литературу, жизнь и выдумку. Он погружает читателя в мир мифов и сказаний. Его произведения тяготеют к рыцарским романам, но легенды и вымысел сопряжены с космическим антуражем, где чародейство и волшебство бок о бок соседствуют со звездолетами, спиннерами, сканнерами, мониторами и хайвеями, по которым бегут запрограммированные автомобили без водителей.

Удивителен и причудлив мир, созданный Р. Зилазни,— в этом можно убедиться, прочитав романы, входящие в настоящий сборник. В его макрокосмосе обитают разумные расы инопланетян: зеленые пейане с головой, как воронка, чей уровень развития намного выше человеческого; голубокожие веганцы, купающие Землю, опустошенную после „Трех Дней Катастрофы“; боги неизвестных землянам религий; мифологические существа, русалки, сатиры, менады, парки...

А какая у него флора и фауна! Чудовищные шестиметровые пурпурные цветы, растения-мутанты — розодуванчики, соловьиные жабы, стеклянные и рогатые змеи, хищные боадилы — покрытые броней зубастые чудовища с двумя дюжинами ног, паукообразные летучие мыши размером с самолет и прочая мерзкая живность. Тут уж фантазиям автора нет предела...

Иногда читателю трудно прорваться сквозь плотную ткань его повествования: текст усложнен красочными метафорами, этнографическими деталями, бесконечными намеками и ссылками на художественную литературу; мифы и сказания — то скандинавские, то древнегреческие, то индийские. Р. Зилазни как бы вскользь упоминает имена знакомых ему авторов, как известных, так и малоизвестных, причем не всегда в уважительной манере. Так, великого английского поэта-метафизика Джонна Донна он фамильярно называет „бедный Джонни Донн“, явно считая себя писателем, не уступающим ему по рангу. Получив прекрасное филологическое образование, Р. Зилазни шеголяет своими знаниями, ссылаясь то на Шарля Бодлера, то на Андре Жюда, то еще на кого-нибудь, так что без комментариев иногда просто не обойтись. В „Творце снов“, например, врач-психиатр погружает свою пациентку в сон, образы которого последовательно построены на основе стихотворения Уолта Уитмена: строка за строкой, картина за картиной.

Чрезмерная „литературность“ Р. Зилазни ведет к тому, что порой сюжет отодвигается на задний план и действие становится неясным из-за нагромождения аллюзий, выплывших из глубин подсознания. Читателю, не привыкшему к такой творческой манере в фантастике, стилистические построения Р. Зилазни могут показаться чересчур запутанными, громоздкими. Однако „сложно“ не значит „плохо“.

Стиль Р. Зилазни весьма разнообразен: автор виртуозно переходит от внутреннего монолога к рассуждениям на философские темы, потом — внезапная ретроспектива лирического плана, когда герой вспоминает о своем прошлом, о детстве, потом — документальная регистрация событий, где строгий и точный язык напоминает запись в бортовом журнале, потом — авторское лирическое отступление, — все это можно найти в одном произведении. Р. Зилазни — мастер диалога, речевые характеристики его персонажей ярко выражены: тут и выпренный, цветистый слог инопланетян, как у Марлинга с планеты Мегапея („Остров мертвых“), и обрывочная недоговоренность

фраз Конрада Номикоса и его жены, где за намеками всегда скрывается нечто большее, чем произносится вслух („Этот Бессмертный“), и перегруженная медицинскими терминами лекция о психиатрии доктора Чарльза Рендера („Творец снов“), и нецензурная брань карлика Ника („Остров мертвых“).

Р. Зилазни — не только великолепный стилист. Он — смелый экспериментатор и в области жанра. С равным успехом автор пишет и романы, и повести, и новеллы-шутки, и притчи, и очень короткие рассказы. Оригинальные сюжеты, смелые повороты в интриге, неожиданные концовки делают произведения фантаста необыкновенно привлекательными.

* * *

Роджер Джозеф Зилазни родился 13 мая 1937 года в Кливленде, штат Огайо. В роду у него имеются предки самых разных кровей: и поляки, и ирландцы, и американцы, и голландцы. Родители — Джозеф Фрэнк и Джозефина Флора Зилазни (урожденная Суит). У писателя трое детей — два сына и дочь, которых зовут Девин, Трент и Шэннон.

Вырос Роджер Зилазни в Юклиде, пригороде Кливленда, где и закончил школу. Затем будущий писатель поступил в университет «Вестерн Резерв» и в 1959 году был удостоен степени бакалавра искусств. Степень магистра искусств Р. Зилазни получил в Колумбийском университете в 1969 году, где занимался драмой елизаветинских времен. В конце 1960 года вступил в ряды Национальной Гвардии штата Огайо. Три года спустя был причислен к резервистской армии США. В 1966 году Р. Зилазни расстался с воинской службой, которая несомненно оказала большое влияние на его творчество. Высокий профессионализм в описании оружия, в том числе и фантастического, амуниции, военной стратегии и тактики, хода сражений безусловно связан с личным опытом писателя. Какое-то время он служил в специальном отряде, занимавшемся вопросами сохранения культурных центров на оккупированных территориях после войны. В ведении данного подразделения были искусство, музеи, памятники старины и архивы. Кстати, в романе „Этот Бессмертный“ главный герой, Конрад Номикос, — руководитель отдела „Искусство, памятники старины, архивы“, и его работа связана с изучением и охраной культурных ценностей, чудом сохранившихся на планете Земля после трех дней атомной войны. Автор опять-таки переносит на своих персонажей личный опыт, приписывая им черты собственной биографии, но погружая их при этом в искаженный, обезображенный мир, где сюрреалистический кошмар становится явью.

В 1962 году Р. Зилазни устраивается на службу в Отдел Социального Обеспечения правительства США и возвращается в Кливленд. Там он знакомится со своей будущей первой женой, Шэрон Стекберл, работавшей с ним в одном учреждении. Брак был недолгим: они поженились 5 декабря 1964 года и вскоре разошлись. После развода Р. Зилазни живет в Балтиморе, куда он переезжает, получив повышение по службе. 20 августа 1966 года он женится во второй раз, также на служащей Отдела Социального Обеспечения, Юдит Эйлин Каллахан, уроженки г. Колумбус, штат Огайо. В 1969 году Р. Зилазни оставляет службу и становится профессиональным писателем.

Р. Зилазни — очень плодовитый автор. После первой публикации (повесть „Роза для Экклезиаста“), состоявшейся в 1963 году, звезда

писателя стремительно взошла на небосклоне научно-фантастической литературы нового поколения. Среди наиболее известных произведений автора, кроме тех, которые представлены в этом сборнике, необходимо назвать такие, как „Князь Света“ (1967), „Создания Света и Тьмы“ (1969), „Долина проклятий“ (1969), „Девять принцев Эмбера“ (1970), „Ружья Авалона“ (1973), „Умереть в Италбаре“ (1973), „Знак единорога“ (1975), „Имя мне — легион“ (1976), „Рука Оберона“ (1976), „Царства Хаоса“ (1978), „Хроники Эмбера“ (в двух томах) (1979), „Меняющаяся земля“ (1981), «Вариации на тему „Единорога“» (1982), киноповесть „Вечная мерзлота“ (1987), а также множество коротких рассказов. Следует упомянуть также роман „Витки“ (1982), написанный в соавторстве с Ф. Сейберхегеном, и роман „Deus Igae“ (1976), созданный вместе с Филипом К. Диком.

Р. Зилазни — лауреат множества премий за научно-фантастическую литературу, в том числе таких престижных, как „Небьюла“ (1966, 1976) и „Хьюго“ (1966, 1968, 1976, 1982, 1987), а также премии „Апполо“ (1972) и других.

Нужно сказать, что в США существует масса литературных премий, присуждаемых различными органами, ассоциациями, университетами и частными лицами. В среде писателей-фантастов высоко ценится даже не только само присуждение высокой награды, но и выдвижение в кандидаты на получение „Небьюла“ или „Хьюго“. Насколько престижны эти премии, можно судить по тому, какие имена значатся в списках лауреатов: среди них известные фэны научной фантастики Урсула Ле Гуин, Артур Кларк, Клиффорд Д. Саймак, Роберт Силверберг и многие другие.

Коротко о премиях за научную фантастику.

Премия „Хьюго“ была учреждена в 1953 году на Всемирном съезде писателей-фантастов, но фактически вручается с 1955 года. Название свое получила по имени родоначальника научной фантастики Хьюго Гернсбека. Церемония награждения проводится в торжественной обстановке, на официальном собрании в день вручения премий, что совпадает с заключительным днем работы съезда. Победитель выбирается членами этого высокого собрания путем тайного голосования. Лауреату вручается специальный приз: серебряная ракета, устремленная ввысь. Премия „Хьюго“ может получить любой писатель-фантаст, работающий как в жанре „жесткой“ научной фантастики, так и „фэнтези“. Призы присуждаются по разным категориям: за роман, рассказ, иллюстрации к научной фантастике, профессиональный научно-фантастический журнал, любительскую публикацию, спектакль, очерк, а также по совокупности — отдельным писателям или художникам. Иногда премии присуждаются за телеспектакль или кинофильм. Премия „Хьюго“ — ежегодная, нумеруется по году присуждения.

Премия „Небьюла“ была учреждена Американской ассоциацией писателей-фантастов в 1965 году. Она присуждается за лучший роман, повесть, новеллу и короткий рассказ, опубликованные за год до конкурса. Нумерация идет не по году вручения премии, а по году выхода произведения в свет. Лауреатом премии может стать любой любитель или писатель-профессионал, причем членство его в Ассоциации не обязательно.

Премия „Небьюла“ — ежегодная, вручается победителю в середине марта. На конкурс может быть представлено любое произведение, относящееся к жанру научной фантастики, но в качестве непременного условия выдвигается требование, чтобы работа была опубли-

кована в американском журнале и распространена через книготорговую сеть США. Объем произведений, предлагаемых на конкурс, строго фиксирован: короткий рассказ — до 7,5 тысяч слов, новелла — 7,5—17,5 тысяч слов, повесть — от 17 550 до 40 тысяч слов. Лауреат выбирается тайным голосованием по каждой категории.

„Небьюла“ по-английски значит „туманность“, в астрономическом смысле. Приз, вручаемый победителю, представляет собой прозрачный параллелепипед на основании из черного крупнозернистого камня — лунцита; внутри прозрачного купола над горными кристаллами висит спиралевидная Галактика. Каждый приз уникален. Идея повторяется, но каждый экземпляр имеет авторское исполнение. Награда вручается лауреату на торжественном заседании, которое проводится в Нью-Йорке, Новом Орлеане или Калифорнии.

* * *

Роман „Творец снов“ (1966) представляет собой расширенную версию рассказа „Ваятель“ (1965), за который Р. Зилазни получил свою первую премию „Небьюла“. Хронологически — это одно из первых крупных произведений писателя. Фантаст написал роман о гордыне, тщеславии, отсутствии взаимопонимания, которые приводят к трагическим, необратимым последствиям. Главный герой романа — Чарльз Рендер, врач-психиатр, имеющий новомодную специальность — „невроконтактор“. Он обладает уникальной способностью лечить неврозы на основе собственного экспериментального метода. Погружая своих пациентов в сон, Чарльз Рендер сам становится и творцом, и участником искусственного миража. И врач, и его пациент (по прихоти первого) получают определенные роли в созданном воображением сне. Сны напоминают реальные картины бытия либо возвращают к историческому прошлому. Порой они идиличны, порой — кровавы и разрушительны, хотя и необыкновенно живописны: таковы сцены убийства Юлия Цезаря, гибель Атлантиды, путешествия по гниющим мусорным свалкам. Профессия Чарльза Рендера сложна и опасна: врач знает о том, что проникновение в больное сознание пациента может окончиться безумием для него самого, если система даст сбой или он совершит хоть малейшую оплошность — тогда инициатива уйдет из его рук. Необычайная самонадеянность Рендера, его уверенность в собственной непогрешимости приводит его к краху. Первой ступенью к падению его идеалов становится согласие вылечить от природы незрячую Эйлин Шеллот, врача-психиатра, как и он. Девушка уговаривает Рендера помочь ей стать невроконтактором, научить ее видеть чужими глазами методом погружения в общий сон. Рендер недооценивает силу характера Эйлин, не может сопротивляться воле, которую она навязывает ему. Ошибка за ошибкой, — и сознание Рендера раскалывается. Он, прагматик, не в состоянии противиться ее идеалистическому представлению о мире. Недаром в веренице лечебных сновидений Эйлин облачает Рендера в рыцарские доспехи, что совершенно не было предусмотрено его сценарием. Рендер теряет власть над своей пациенткой, которую он и любит, и ненавидит одновременно. Рендер сбит с толку: он в сновидении путает ее образ с другими женщинами — своей женой, погибшей в катастрофе, и нынешней возлюбленной. Рендер не в состоянии преподать ей урок реальности, уродливой и жестокой. Слепая пациентка отказывается понимать и принимать иной мир, чем тот, который нарисовал ей Рендер по стихотворению Уолта Уитмена: мир, где

шелестит трава, плещется ручей, греется на песке зеленая ящерица. Рендер сходит с ума, — и, как всегда у Р. Зилазни, причиной трагедии становится женщина.

В этом романе Р. Зилазни использует множество метафор, проводя параллели между образами своих героев и всемирно известными парами, чья история любви имела трагический конец: Абелья и Элоиза, Орфей и Эвридика, Эней и Дидона и, конечно, Тристан и Изольда, что сближает произведение фантаста с циклом легенд о короле Артуре и его рыцарях Круглого Стола.

Особая тема, разработанная в романе, — это тема самоубийства: в иносказательной форме Р. Зилазни, не морализируя, ставит вопрос о нравственности такого поступка, моральном праве на него. Нужно сказать, что почти во всех своих произведениях Р. Зилазни обсуждает проблему жизни и смерти. Герои его не приемлют ухода из жизни по собственному желанию, считая этот шаг недостойным и противным человеческому естеству.

В романе много запоминающихся персонажей. Надолго в памяти останутся порожденные дикой фантазией автора образы говорящих собак-мутантов, которые запросто садятся за руль автомобиля с программным управлением. Но и здесь не обходится без метаморфоз: один такой жутковатый пес-мутант, поводырь доктора Эйлин Шеллот, в последнем сне, созданном Рендером, превращается в зловещего оборотня Фернира из скандинавских легенд, который и загоняет обезумевшего психиатра в пропасть.

Бесконечное количество аллюзий несколько затемняет сюжетную линию романа. Следует заметить, однако, что автор не задавался целью перенести фантастический сюжет на мифологическую почву. Он приблизил фантазию к реальности, подняв вечные темы и обогатив своих персонажей опытом, накопленным человечеством.

За роман „Этот Бессмертный“ (1966) Р. Зилазни был удостоен своей первой премии „Хьюго“. По сути дела, фантаст написал роман-притчу, роман-предостережение. Как всегда у Р. Зилазни, основная идея сводится к борьбе двух противоборствующих сил: добра и зла. Добро понимается как созидание, зло — хаос, разрушение. Автор, верный гуманистическим идеалам, вселяет в читателя надежду, что силы созидания все-таки восторжествуют.

Действие романа разворачивается на опустошенной после атомной войны Земле. Население ее составляет не более четырех миллионов, а те, кому удалось спастись, эмигрировали, переселившись на другие планеты. Даже правительства на Земле не осталось, оно сбежало на Вегу и теперь именуется „Правительством в отсутствии“. Окончательная гибель цивилизации неминуема, так как даже то, что осталось на погибающей планете, вскоре будет принадлежать голубокожим веганцам, чей уровень развития явно превышает человеческий. Веганцы скупают территории Земли, желая превратить ее в исторический музей, а также своеобразную туристическую базу для обитателей космоса. Как олицетворение сил Зла, на Землю, где остались последние островки культуры, в качестве туриста прибывает веганский журналист, Корт Миштиго, весьма влиятельная фигура.

Главный герой романа, противостоящий хаосу, распаду, уничтожению, — некий Конрад Номикос. Но это — лишь одно из его имен.

Он, по замыслу автора, бессмертен, дата его рождения затерялась в глубине веков, хотя на вид ему лет тридцать — тридцать пять. Пройдя цепь метаморфоз, играя разные роли в истории Земли, он становится основной силой, способной возродить планету. Он же — Карагиозис, глава революционной организации Редпол, члены которой борются за возвращение людей на Землю, он же — бог Пан из греческой мифологии, покровитель пастухов, частый спутник бога вина Диониса, он же — руководитель отдела, занимающегося охраной исторических ценностей, оставшихся на Земле. Бессмертному Номикосу поручено охранять веганца, на которого тайные агенты Редпола готовят покушение.

Роман „Этот Бессмертный“ корнями уходит в мифологию. Не только Конрад Номикос отождествляется с героями легенд и мифов Древней Греции: если он сам по роману — лесной бог, играющий на свирели, вечно живой, как сама природа, сын его, пастух, носит известное по мифу об аргонавтах имя Ясон (вспомните путешествие за Золотым руном). Жenu Номикоса зовут Кассандра. Как и дочь царя Трои, Приама, она — ясновидящая, хотя ее зловещих пророчеств никто не желает слушать. В романе она гибнет, но возрождается вновь, что напоминает нам о гибнущих и возрождающихся богах, а также о Персефоне, дочери богини плодородия Деметры, которая полгода проводит в темном царстве Аида, а полгода — со своей матерью. Пока ее нет, богиня Деметра льет слезы, и все в природе увядает, а когда Персефона возвращается к матери, природа оживает, цветут деревья, зеленеет трава.

Страницы романа пестрят персонажами из греческих легенд. Они символизируют первичную основу всего сущего, обращение истории к своим началам.

Лесные жители, сатиры, русалки противостоят бездушным роботам, запрограммированным на убийство: Конрад Номикос, обезумев от извещения о гибели жены, вступает в бой с такой машиной-борцом, которую его спутник, профессиональный убийца Хасан, специально держит для тренировок, чтобы поддерживать спортивную форму.

Человек должен победить робота — это одна из идей Р. Зилазни. Человеку нужно искать спасение не в механизированном обществе и даже не в самом себе, а в живой природе. Так, когда Конрад Номикос попадает в плен, его вызволяет из беды не человек, а сатир, мифологическое существо с рогами и копытами, неизменный участник празднеств бога Диониса.

Р. Зилазни рисует леденящие кровь картины: в одном из эпизодов романа растаскивают по камням великую пирамиду Хеопса, — не хватает строительных материалов для нового жилья, так как Каир радиоактивен и там жить опасно. (Впрочем, у нашего читателя от подобных угроз вряд ли побегут по спине мурашки: еще не забыт Чернобыль, а к сознательному уничтожению культурных памятников Россия давно привыкла.)

Р. Зилазни не столько угрожает, сколько предостерегает человечество, хочет удержать его от бездумного, варварского разбазаривания своего наследия. Недаром бессмертный герой Р. Зилазни тайно нумерует и метит каждую глыбу демонтируемого вручную Чуда Света, и недаром именно ему по завещанию веганца достается планета Земля, которая еще возродится из пепла. Грустным кажется автору будущее человечества, но в конце все же остается лучик надежды...

„Остров мертвых“ (1969), пожалуй, самый многоплановый и сложный из трех романов, публикуемых в настоящем сборнике. В нем — несколько пластов сразу, поэтому жанр этого произведения с первого взгляда определить довольно трудно. „Остров мертвых“ — и детектив, и авантурный роман, и философский, и психологический одновременно, где космические приключения опять-таки имеют религиозно-мифологическую подкладку, причем на сей раз индуистского толка.

Повествование в романе идет от первого лица, как и в „Этом Бессмертном“. У читателя — большое искушение отождествить главного героя с автором, когда читаешь витиеватые философские рассуждения о судьбе, добре и зле, творчестве, выборе между жизнью и смертью, нравственных и безнравственных поступках, красоте и виновности и прочих вечных категориях.

Р. Зилазни ставит своих героев перед решением глобальных проблем и заставляет их совершать поступки, которые определяют не только их собственную, личную жизнь, но и влияют на судьбы многих в масштабе Вселенной, где в многомерных межгалактических пространствах обитают расы разумных существ. Это — философская сторона романа, где сама Жизнь уподобляется волнам Токийского залива, которые то выносят что-либо на берег, то уносят, и грязные, смрадные воды напоминают автору Время, истирающее любые предметы, в том числе и Память.

Действие романа развивается в XXXII веке. Главный герой — Фрэнсис Сэндоу, единственный человек из тех, кто родился в XX веке. Сохранив молодость и здоровье и сколотив изрядный капитал (он то ли 86-й, то ли 87-й самый богатый человек Галактики), он приобрел за свою долгую жизнь уникальные, сверхъестественные способности, овладел мастерством, которым могут похвастаться только пейзажисты планеты Меганя. Он умеет сам способствовать зарождению планет, создавать океаны, возводить горы, растить леса и заселять их невиданными животными по своей прихоти. Он — творец не снов, а самой природы, эдакий супермен, отчасти напоминающий знаменитого агента 007, Джеймса Бонда. Он же — одно из телесных воплощений Бога пейзажной религии — Громовержца Шямбо из Башни Черного Древа. Фрэнсис Сэндоу, как Антей, черпает свои силы от Земли, принимая к созданию фантазией Р. Зилазни природным энергетическим источникам. Постоянные метаморфозы Фрэнсиса Сэндоу — из человека (пусть уникально одаренного, телепата, спортсмена, вояки) в Бога, который запросто может устроить потоп, землетрясение, извержение вулкана, и обратно — в человека, несчастного в любви, страдающего от ран и физических и душевных, — заставляет читателя с неослабевающим интересом следить за развитием действия.

Начинается роман как детектив: Фрэнсис Сэндоу получает шесть объемных фотографий, на которых изображены его друзья и враги, две его женщины, а также первая жена Кэти. Снимки сделаны недавно, но дело в том, что люди на фотографиях умерли давным-давно, много столетий назад. Сэндоу приходит к выводу, что его враги похитили „пленки памяти“, по которым можно воскресить мертвых (подумать только, до чего дошла наука будущего!), и бросается на поиски своих оживших друзей и возлюбленной, а также неизвестного врага, с которым ему предстоит кровавый бой не на жизнь, а на смерть. Приключения следуют за приключениями, погоня за погоней, — нельзя не отметить, что интрига закручена мастерски, — и Сэн-

доу попадает на им же сотворенный Остров мертвых, который находится на его собственной планете Иллирия. Это — шедевр Сэндоу, его любимое детище, некогда прекрасное, но теперь обезображенное и испоганенное злокозненным пейанином, мстительным Грин-Грином. Здесь и томятся в заключении воскрешенные друзья и недруги Фрэнка Сэндоу, который ищет одного врага, но находит другого и в результате бросает вызов богам.

С того момента, как герой романа прибывает на Иллирию, повествование приобретает другую окраску: авантурный план сменяется философским, Р. Зилазни возвращается к своей любимой теме — созидание и разрушение, гибель и возрождение, торжество жизни над смертью. Фрэнсис Сэндоу, он же — Бог-творец, Бог-созидатель Шимбо, вступает в „последний и решительный бой“ с Белионом, богом разрушения, который вселяется в его старинного недруга — телепата Майка Шендона. И опять-таки, как всегда у Р. Зилазни, в одной сюжетной линии — два плава. Фрэнсис Сэндоу и Майк Шендон — заклятые враги. Они должны вступить в бой как простые смертные. Но есть небесные силы, которые руководят ими свыше, Боги-враги, которые делают людей игрушкой в своих руках. Идея рока явно заимствована Р. Зилазни из мифологии, так как в „Острове мертвых“ боги определяют судьбу героев. И Шимбо, и Белион напоминают индийских богов. Р. Зилазни прибегает к греческой мифологии, когда Фрэнсис Сэндоу, отрекшись от Шимбо, в какой-то момент ощущает себя Атлантом, на плечах которого лежит весь земной шар, но при этом где-то далеко внизу раскинул свою бескрайнюю гладь Токийский залив, прообраз самой Жизни. Взвалив на своего героя тяжелую ношу, автор делает его ответственным за судьбы мироздания.

Иногда Р. Зилазни бывает трогательно наивен: не без улыбки читаешь, как в космической драке Боги-противники, как малые дети, кидаются друг в друга чем попало, обрушивают горные лавины, устраивают землетрясения, насылают цунами и электрические бури. Однако автор может быть глубоко лиричным и даже сентиментальным: необыкновенно живописные виды природы, зарисовки космических ландшафтов доставят наслаждение любителям слова. Его пышные метафоры, смелые сравнения придадут своеобразие обычно сухому стилю научной фантастики.

Р. Зилазни может быть и строго документальным, как запись в путевом блокноте, и умеет рисовать чудовищные сюрреалистические картины, достойные Сальвадора Дали, если сравнивать литературу с живописью: „Данго корнями врос в землю. Свисающая космами черная борода еще больше удлиняла его худое, вытянутое лицо, а курчавые волосы вились, переплетаясь с листьями кроны. В его темных глазах сквозили бесконечная печаль и усталость. На теле, покрытом издевательной жучками корой, были видны зарубки от ножа и присохшие комки птичьего помета, а у основания торчали обугленные корни — следы многочисленных кострищ. Там, где я случайно сломал сучок, образовалась открытая рана, из которой капала кровь. Под яркими фосфорическими лучами черты его казались призрачными. У него было сморщенное лицо, кожа землистого цвета и злой взгляд дикой кошки. Зубы были наполовину выбиты, а на левой щеке гноился глубокий шрам. Затылком он врос в ствол дерева, плечи едва выступали из-под коры, а ветви служили продолжением рук. От пояса вниз Данго был Деревом“.

Впрочем, Р. Зилазни не специализируется на сюрреализме в фантастике. Натуралистическое изображение картин убийства, пожалуй,

можно встретить на страницах его книги, но ни в коем случае не эротику. Секс, насилие, инцест — такие темы, поднятые авангардом „Новой волны“, совершенно не свойственны писателю. Даже в вопросах любви он необычайно деликатен и даже целомудрен.

Разработав универсальный тип литературного героя, Р. Зилазни от своего имени поручает ему бороться со всемирным Злом, Хаосом и Распадом во славу Жизни и Добра.

Роман „Остров мертвых“ явно имеет героическую окраску, он написан в приподнятом и даже высокопарном тоне. Самая патетическая сцена — в финале романа, когда отчаявшийся Фрэнсис Сэндоу, чьи надежды разбиты, видит перед собой „Парад планет“. Перед его взором проходят все миры, некогда созданные им, брошенные в космическую тьму „как горсть драгоценных камней“, чтобы засиять всеми красками жизни. Мираж это или явь, — но мистическое видение дает герою силы вновь обрести свое „я“, поверить в безграничные возможности своего таланта. Душа Фрэнсиса Сэндоу возрождается, герой проходит через катарсис — очищение, обновление, и в нем крепнет уверенность, что он еще будет творить новые миры. Нельзя сказать, что роман имеет идеально счастливый конец, но гуманистическая направленность произведения Р. Зилазни не вызывает сомнений.

И последнее — о названии романа.

В 1880 году немецкий живописец швейцарского происхождения, представитель символизма и стиля модерн, Арнольд Беклин, пишет картину „Остров мертвых“, имевшую большой успех. На полотне изображен замок на скале, со всех сторон окруженный водой. Пессимистическое настроение, грустная символика, мрачный сюжет картины популярного художника увлекли Сергея Рахманинова, композитора и дирижера, и вдохновили его на создание симфонической поэмы „Остров мертвых“, которую он сочинил в 1909 году. В названии музыкального произведения указано, что оно написано под впечатлением одноименной картины А. Беклина.

Формально эти факты и знание самих произведений натолкнули Р. Зилазни на мысль назвать роман „Остров мертвых“, где главный герой воплощает в жизнь художественное полотно, оживляет унылый пейзаж.

Теперь „Остров мертвых“ существует в трех ипостасях одновременно в живописи, музыке и литературе, — так замкнулся круг искусства.

Итак, перед читателем — три фантастических романа Р. Зилазни, впервые публикуемые на русском языке, и пусть фантастический вымысел поможет нам хоть на несколько часов отвлечься от повседневности и серых будней.

Юлия Шор

РОМАН

Творец
СНОВ

Джуди — там, где сумрачный геральдический волк выступает, как живой, из глубины дубовой рощи.

I

Это было даже красиво, несмотря на кровь и прочее, и Рендер почувствовал, что скоро все кончится.

Поэтому неплохо было бы растянуть каждую микросекунду до минуты и, пожалуй, следовало прибавить температуру... Где-то там, на самой периферии сознания, кольцо тьмы перестало сужаться. Откуда-то, пробуждающимся крещендо, нарастали раскаты, замершие на одной яростной ноте. В этой ноте слились, плавясь, стыд, и страх, и боль.

Форум задышался.

Цезарь скорчился на земле перед иступленным кругом. Он закрыл лицо рукой, но и это сейчас не мешало ему видеть.

У сенаторов не было лиц, и одежды их — забрызганы кровью. Их голоса звучали, как птичий гвалт. С нечеловеческим иступлением вонзали они кинжалы в лежащее тело.

Все, кроме Рендера.

Лужа крови, в которой он стоял, расползалась. Его рука тоже поднималась и падала с механическим однообразием, и голосовые связки его, казалось, тоже вот-вот начнут модулировать птичьи крики, но, будучи частью происходящего, он был в то же время вне его.

Ибо он был Рендер-Ваятель.

Ползая в пыли, причитая и всхлипывая, цезарь пытался протестовать.

— Ты зарезал его! Ты убил Марка Антония, этого ни в чем не повинного, никому не нужного парня!

Рендер обернулся; кинжал в его руке был действительно страшен, окровавленный, огромный.

— Полностью согласен! — сказал он, поводя клинком в воздухе. Цезарь, замороженный видом блестящей стали, мерно покачивался в такт движениям кинжала.

— Почему? — выкрикнул он. — Почему?

— Потому что, — ответил Рендер, — он был намного знатнее тебя.

— Лжешь! Это не так!

Рендер пожал плечами и снова принялся наносить удар за ударом.

— Это неправда! — взвыл цезарь. — Неправда!

Рендер вновь повернулся к нему и помахал клинком. Голова цезаря качалась на плечах, как маятник.

— Неправда? — улыбнулся Рендер. — А кто ты такой, чтобы устраивать здесь допрос? Ничтожество! Ты недостойн даже говорить о подобных вещах! Убейся!

Весь трясаясь, розоволицый человек, лежавший у его ног, поднялся; волосы его торчали пучками, висели, как влажная, свалившаяся пакля. Он повернулся и стал медленно удаляться, то и дело оглядываясь.

Он отошел уже далеко от стоявших кольцом убийц, но вся сцена была по-прежнему видна ему крупным планом. Очертания ее были наэлектризованно-четкими. И от этого ему показалось, что он ушел очень далеко, что он уже по ту сторону, один.

Рендер вывернулся из-за не замеченного раньше угла, — и вот слепой нищий стоял перед цезарем.

Цезарь сгреб его за одежды.

— Какие вести несешь мне сегодня?

— Остерегайся! — злорадно усмехнулся Рендер.

— Да, да! — воскликнул цезарь. — „Остерегайся“. Правильно! Но чего?

— Остерегайся ид...

— Как, как? Ид?..

— ...мартобря.

От удивления он разжал руки.

— Что ты плетешь? Какого мартобря?

— Мартобря месяца.

— Лжешь! Такого месяца нет!

— И этого месяца должен бояться благородный цезарь — там, в несуществующем времени, среди внесенных-ни-в-один-календарь событий.

Рендер вновь скрылся за углом.

— Постой! Вернись!

Рендер смеялся, и форум смеялся вместе с ним. Птичьи крики слились в нечеловеческий глумливый хор.

— Ты издеваешься надо мной! — простонал цезарь.

Форум дышал жаром, как печь, и испарина жирным гляncем облепила низкий лоб цезаря, его острый нос и срезанный подбородок.

— Я тоже хочу, чтоб меня убили! — воскликнул он. — Так нечестно!

И тогда Рендер порвал все: форум, и сенаторов, и оскаленный труп Марка Антония, и одним неуловимым движением пальца смел клочки в черный мешок. Последним исчез цезарь.

Чарльз Рендер сидел, рассеянно глядя на девяносто белых и две красных кнопки, расположенных на панели. Его правая рука на гибком подвесе бесшумно двигалась над низким пультом, нажимая одни кнопки, скользя над другими, то вперед, то назад, по очереди отключая Серии Памяти.

Чувства, переживания — меркли, обращались в ничто. Представитель Эриксон прекрасно знал о забывчивости „Чрева“.

Раздался мягкий щелчок.

Рука Рендера скользнула к нижнему краю панели. Чтобы нажать красную кнопку, потребовалось сознательное или, если хотите, волевое усилие.

Рендер высвободил руку и снял свой похожий на голову Медузы шлем, весь опутанный проводами, с вмонтированными в него микросхемами. Выбравшись из стоявшего перед пультом кресла, он поднял колпак. Потом подошел к окну и осветлил его, достал из пачки сигарету.

„Минуту, не больше, — подумал он про себя. — Да, это был кризис... Похоже, если снег и пойдет, то не скоро; вроде бы прояснилось...“

Ровная желтизна решетчатых конструкций и высокие, глянцево-серые башни тлели в сумерках на фоне неба, похожего на срез сланцевой породы; город, распавшийся на квадраты вулканических островов, сверкающих в предзакатном свете, гудел глубоко под землей нескончаемыми, стремительными потоками машин.

Отойдя от окна, Рендер подошел к лежавшему позади пульта большому яйцу, поблескивавшему своей гладкой поверхностью. Из выпуклого зеркала на него глянуло смазанное, расплывшееся отражение: орлиный нос превратился в картошку, глаза круглились блюдцами, волосы сверкали, как извилистые разряды молний, а светло-красный галстук свисал широким кровавым языком вурдалака.

Усмехнувшись, он перегнулся через панель и нажал вторую красную кнопку.

С протяжным звуком тускло-слепающая поверхность яйца померкла, и горизонтальная трещина прошла посередине. Сквозь ставшую прозрачной капсулу Рендер разглядел Эриксона, который лежал, хмурясь и плотно сжав веки, словно борясь с пробуждением и с тем, что оно несло. Верхняя половина яйца поднялась вертикально, открыв покоящееся в полусфере узловато-мускулистое розовое тело. Эриксон открыл глаза, стараясь не смотреть на Рендера, вылез и начал одеваться. Рендер воспользовался паузой, чтобы проверить „чрево“.

Нагнувшись над пультом, он одну за другой нажимал кнопки: температурный контроль, полная шкала — „проверено“; экзотические звуки, — он надел наушники, — колокольный звон, жужжание насекомых, скрипичные гаммы и свист, визги и стоны, шум транспорта и грохот прибора, — „проверено“; контур обратного питания, удерживающий голос пациента, снятый при предварительном обследовании, — „проверено“; наложение звуков, распылитель влаги, банк запахов — „проверено“; вибратор, подсветка и вкусовые стимуляторы — „проверено“...

Рендер закрыл крышку „яйца“ и отключил питание. Закатив аппарат в стенной шкаф, он закрыл раздвижную дверь. Запись показала, что результаты сеанса полноценны.

— Садитесь, — обратился он к Эриксону.

Мужчина послушался и сел, нервно теребя воротник рубашки.

— Память сработала полностью, — сказал Рендер, — так что вряд ли мне придется делать резюме. От меня ничего не утаишь. Я там был.

Эриксон кивнул.

— Думаю, смысл эпизода вам понятен.

Эриксон снова кивнул и прокашлялся.

— Но можно ли считать сеанс полноценным? — спросил он. — Ведь вы сами выстроили сюжет и все время контролировали его. Это не был в полном смысле слова *мой* сон — такой, каким я его вижу, когда просто сплю. Ваша способность воздействовать на события заходит так далеко, что вряд ли можно до конца верить вашим словам, разве не так?

Рендер медленно покачал головой, шелчком пальца стряхнул пепел в южное полушарие пепельницы, сделанной в виде глобуса, и встретился глазами с Эриксоном.

— Верно, я задавал масштабы и изменял формы. Однако именно вы наполняли их эмоциональным содержанием, возводя их в ранг символов, соотносенных с вашей проблемой. Если бы сон не был полноценной аналогией, он не вызвал бы такой реакции. В нем не проявились бы те симптомы невроза, которые отметила запись.

— Вы обследуетесь уже не первый месяц,— продолжал он,— и все полученные на сегодня результаты убеждают меня в том, что ваш страх насильственной смерти не имеет реальной почвы.

Взгляд Эриксона сверкнул.

— Тогда какого дьявола я его чувствую?

— Вы чувствуете его потому,— сказал Рендер,— что вам очень хотелось бы стать жертвой.

Эриксон улыбнулся; самообладание возвращалось к нему.

— Уверяю вас, доктор, я никогда не думал о самоубийстве и не имею ни малейшего желания перебирать-ся на тот свет.

Он вынул сигарету и прикурил.

Рука его дрожала.

— Когда вы пришли ко мне этим летом,— сказал Рендер,— вы уверяли, что боитесь, будто на вашу жизнь покушаются. Что же касается причин, по которым вас будто бы хотят убить, вы предпочитали отделяться туманными фразами...

— Но мое положение! Попробуйте столько лет пробыть Представителем и не нажить себе врагов!

— И все-таки,— возразил Рендер,— похоже, вам это удалось. Когда вы разрешили мне побеседовать с вашими детективами, они сказали, что не могут раскопать ничего, что реально подтверждало бы ваши страхи. Ни-че-го.

— Значит, не там копали или не глубоко. Погодите, что-нибудь найдется.

— Боюсь, что нет.

— Почему?

— Повторяю, ваши чувства объективно не обоснованы. Давайте начистоту. Есть ли у вас информация,

которая каким-либо образом указывала бы, что кто-то ненавидит вас настолько, что готов убить?

— Я получаю много писем с угрозами...

— Как и остальные Представители. К тому же все письма, полученные вами за последний год, были проверены и оказались ложной тревогой. Можете ли вы привести мне хотя бы *одно* очевидное свидетельство, подтверждающее ваши опасения?

Эриксон задумчиво поглядел на кончик своей сигары.

— Я пришел к вам за советом, как к коллеге,— сказал он,— пришел, чтобы вы покопались у меня в мозгах и выяснили, в чем дело, чтобы моим детективам было над чем поработать. Это может быть кто-то, кого я нечаянно оскорбил или кому пришлось не по вкусу мои законы...

— Однако я ничего не нашел,— сказал Рендер,— совсем ничего, кроме истинной причины вашего беспокойства. Конечно, теперь вы боитесь услышать правду и стараетесь сбить меня, чтобы, не дай Бог, я не назвал диагноз.

— Я ничего не боюсь!

— Тогда послушайте. Потом можете думать и говорить все что угодно, но вы крутились здесь несколько месяцев, не желая признавать того, что я наглядно доказывал вам тысячью разных способов. Теперь я объясню вам все без обиняков, а там уж делайте, что хотите.

— Прекрасно!

— Во-первых,— сказал Рендер,— вам очень хочется иметь врага или врагов...

— Чушь!

— ...потому что, если у человека нет врагов, то у него нет и друзей...

— Но у меня масса друзей!

— ...потому что никто не хочет быть пустым местом, все хотят, чтобы к ним испытывали по-настоящему сильные чувства. Любовь и ненависть — крайние формы человеческих отношений. Если одна из них вам недоступна, вы стремитесь к другой. И вам так сильно хотелось достичь одного из этих двух полюсов, что вы убедили себя, будто вам это удалось. Но все имеет цену, и в данном случае расплачивается психика. Если человек в ответ на свои истинные эмоциональные по-

требности получает фальшивку, суррогат, он никогда не испытает настоящего удовлетворения, наоборот, его ждет беспокойство, тревога, потому что в подобных ситуациях психика должна представлять открытую систему. Вы не пытались искать ответа на свои чувства за рамками своего „я“. Вы замкнулись, отъединились. Вы компенсировали нехватку реальных эмоций за счет собственной психики. И вы очень, очень нуждаетесь в полноценном общении с другими людьми.

— Бред собачий!

— Можете не соглашаться,— сказал Рендер.— Но я бы на вашем месте согласился

— Полгода я платил вам за то, чтобы вы помогли мне выяснить, кто хочет меня убить. А теперь вы тут сидите и пытаетесь мне внушить, что я все это затеял только затем, чтобы удовлетворить свою потребность в ненависти.

— В ненависти или в любви Именно.

— Это абсурд! Я вижу со столькими людьми, что мне приходится носить магнитофон в кармане и камеру на лацкане, чтобы запомнить всех, с кем я встречаюсь...

— Я имел в виду вовсе не количество людей, с которыми вы встречаетесь. Скажите мне, действительно ли так важны для вас последние эпизоды сна?

Эриксон ответил не сразу, и в тишине стало слышно тиканье больших настенных часов.

— Да,— признал он наконец,— действительно. Не думайте, я все равно считаю, что все ваши рассуждения — абсурд. И все же, если предположить,— так, из любопытства,— что всё, что вы говорили, верно. Что мне тогда делать, чтобы из этого выпутаться?

Рендер откинулся в кресле.

— Переключите усилия, они были направлены не на то. Ищите людей, похожих на вас,— не на Представителя Эриксона, а просто на Джо Эриксона. Возьмитесь за что-нибудь, что можно делать вместе с другими,— что-нибудь вне политики, в такой области, где может проявиться дух соперничества, и пусть у вас появится несколько настоящих друзей — или врагов. Первое предпочтительнее. Я уже давно вас на это вдохновляю.

— Тогда объясните мне вот еще что.

— С удовольствием.

— Предположим, вы правы. Почему же тогда никто не любит и не любил меня, никто никогда меня не нена-

видел? Я занимаю ответственный пост. Я постоянно на людях. Почему же меня воспринимают как... вещь?

Хорошо знакомый теперь с карьерой Эриксона, Рендер вынужден был частично скрывать свои подлинные мысли, поскольку они не обладали оперативной ценностью. Он мог бы процитировать Эриксону то место из Данте, где говорится о приспособленцах, о душах тех, для кого вход в рай закрыт из-за недостатка добродетелей, а врата ада — из-за недостатка крупных пороков, иными словами, о тех, кто всегда подстраивал свой курс к новым веяниям, у кого не было своего внутреннего ориентира и кому было не важно, в какую гавань несет его течение. Такова была долгая и бесцветная карьера Эриксона, за время которой он понаторел в политических метаморфозах и маневрах.

И Рендер сказал:

— В наши дни все больше и больше людей оказываются в ситуации, сходной с вашей. Происходит это прежде всего благодаря усложнению социальных структур и обезличиванию индивидуума, превращению его в деталь общественного механизма. В результате отношения между людьми становятся все более неестественными. Сегодня это не только ваша проблема.

Эриксон кивнул, Рендер же про себя усмехнулся: „Политика кнута и пряника... по-научному“.

— У меня появилось ощущение, что вы и в самом деле правы,— сказал Эриксон.— Иногда я *действительно* чувствую себя точь-в-точь так, как вы описываете,— обезличенной деталью...

Рендер мельком глянул на часы.

— Что вам делать дальше, это, конечно, придется решать вам самому. Думаю, что продолжать обследование,— пустая трата времени. Теперь нам обоим ясна причина ваших жалоб. Я не могу и дальше вести вас за ручку и объяснять, как вам строить вашу жизнь. Я могу помочь советом, могу посочувствовать, но все глубокие погружения в вашу психику пока, пожалуй, лучше оставить. А как только вы почувствуете необходимость поговорить о своих делах и сопоставить их с моим диагнозом,— дайте о себе знать.

— Обязательно,— кивнул Эриксон,— и черт бы побрал этот сон! Здорово он меня зацепил. Как это у вас получается — совсем как наяву, как в жизни, даже еще живее. Долго я теперь его не забуду.

— Надеюсь.

— О'кей, доктор,— он встал и протянул руку.— Возможно, я еще появлюсь через пару недель. Что ж, будем общительными! — произнося это слово, он осклабился, хотя обычно оно заставляло его хмуриться.— Начнем прямо сейчас. Как насчет того, чтобы выпить вместе? Я могу спуститься, купить что-нибудь.

Рендер пожал влажную руку, такую вялую, такую уставшую после сеанса, какими бывают руки ведущих актеров после удачной премьеры.

— Спасибо, но сегодня я занят,— сказал он почти с сожалением.

Потом помог Эриксону влезть в пальто, подал ему шляпу и проводил до двери.

— Ладно, доброй вам ночи.

— Доброй ночи.

Когда дверь бесшумно закрылась, Рендер аккуратно повесил черный каракуль на распялку, запер его в махогониевой крепости и погасил сигарету в южном полушарии. Откинувшись в кресле, он заложил руки за голову и прикрыл глаза.

— Конечно, живее, чем жизнь,— сказал он в пространство.— Ведь это я изваял его.

Улыбаясь, он вспоминал один за другим эпизоды сна, жалея, что никто из его бывших наставников не увидит этой работы. Конструкция сна была строго выверена и воплощена свободно и мощно, к тому же идеально соотносилась с данным случаем. Но на то он и был Рендер-Ваятель — один из примерно двухсот специально подготовленных аналитиков, чья психическая структура позволяла проникать внутрь неврозов, испытывая лишь чисто эстетическое наслаждение от подражания патологии,— Разумный Шляпник.

Рендер покопался в памяти. Он тоже прошел горнило анализа, прошел и был признан человеком со стальной волей и сверхустойчивой психикой, крепким достаточно, чтобы вынести горящий, гипнотический взгляд навязчивой идеи, пройти невредимым сквозь химерические дебри извращений и заставить саму угрюмую Мать Медузу смежить веки перед древними тайнами своего искусства. Его собственный анализ прошел легко. Девять лет назад (хотя казалось, что про-

шло уже намного больше) он сознательно и добровольно подверг обезболиванию самую ранимую часть своей души. После аварии, в которой погибли Руфь и их дочь Миранда, он почувствовал, что вышел из игры. Возможно, он подспудно не хотел воскрешать в себе бывшие симпатии; возможно, его собственный мир был теперь несколько замкнутым, жестким. Если это и было так, он оказался достаточно мудр, чтобы осознать это и решить, что такой мир имеет свои преимущества.

Его сыну Питеру недавно исполнилось десять лет. Он учился в престижной школе и каждую неделю слал отцу письма. Раз от раза письма становились все грамотнее, что свидетельствовало о бурном развитии молодого человека, которое Рендер мог только приветствовать. Летом он собирался взять мальчика с собой в Европу.

Что касается Джилл, Джилл де Виль (Боже, какое приторное, жеманное имя — за него он любил ее еще больше), то она, пожалуй, интересовала его все серьезнее. Иногда он задумывался — а не старость ли это? Ее пронзительный голос, манера говорить в нос, ее неожиданно вспыхнувший интерес к архитектуре, ее переживания по поводу не поддающейся пластическим операциям родинки справа от безупречного в остальных отношениях носика, — все это глубоко волновало его. Пожалуй, стоило позвонить ей прямо сейчас и вместе отправиться на поиски нового ресторана. Тем не менее ему почему-то не хотелось этого.

Уже несколько недель он не был в своем клубе „Скальпель и куропатка“, и теперь ему вдруг ужасно захотелось поужинать, сидя за дубовым столом, одному, в многоярусном зале с тремя каминами, под развешенными на стенах искусственными факелами и кабаньими головами, как на этикетке джина. Он опустил свою членскую карточку в телефонную щель на пульте, и за экраном послышалось два гудка.

— „Скальпель и куропатка“ приветствует вас, — произнес голос. — Чем можем быть полезны?

— Я Чарльз Рендер. Хочу заказать столик, буду примерно через полчаса.

— На сколько персон?

— На одного.

— Хорошо, сэр. Значит, через полчаса. Уточняя фамилию: „Р-е-н-д-е-р“?

— Верно.

— Спасибо.

Он отключил телефон и встал. День за окном окончательно поблек.

Каменные глыбы и башни светились теперь собственным светом. Снег, мелкий и белый, как сахар, сеялся сквозь потемки и таял каплями на оконном стекле.

Рендер запахнулся в пальто, выключил свет, запер дверь в приемную. В книге записей рукой миссис Хеджес было написано: „Звонила мисс де Виль“.

Он вырвал листок, смял его и бросил в мусоросборник. Ничего, позвонит ей завтра и скажет, что допоздна сидел над лекцией.

Выключив последнюю лампу, он низко надвинул шляпу и, выйдя, запер входную дверь. Лифт доставил его в подземный гараж, где стояла его машина.

В гараже было сыро, и шаги Рендера, проходившего между рядами машин, гулко отдавались под бетонными сводами. В ярком свете ламп его спиннер С-7 был похож на блестящий, гладкий серый кокон, готовый вот-вот выпростать трепещущие крылья. Двойной ряд антенн, веером торчавших над покатым капотом, усиливал это впечатление. Рендер поднял большой палец, и дверца открылась.

Он включил зажигание — и словно одинокая пчела загудела, проснувшись, в большом улье. Он потянул на себя штурвал, и дверца медленно и бесшумно встала на свое место. Вырулив по спиральному пандусу, он остановился на площадке перед большой эстакадой.

Пока дверь поднималась, он зажег маршрутный экран и стал вертеть ручку настройки радиоэкрана. Двигаясь слева направо, сверху вниз, квадрат за квадратом, он дошел до нужного ему участка Карнеги-авеню. Отступав координаты, он отпустил штурвал. Машина подключилась к монитору и выехала на боковое полотно хайвея. Рендер закурил сигарету.

Установив сиденье по центру, он осветлил все окна. Было приятно, облокотившись на колени, глядеть сквозь лобовое стекло на машины, несущиеся навстречу, подобно рою летучих светляков. Сдвинув шляпу на затылок, он задумчиво смотрел вперед.

А ведь было время, когда он любил снег, когда снег напоминал ему о романах Томаса Манна и о музыке

скандинавских композиторов. Однако сейчас ему вспоминалось другое, то, что успело стать неотъемлемой частью его сознания. С болезненной ясностью виделась ему млечно-белая морозная пыль, змеящаяся вокруг его старой, еще с ручным управлением машины, змеящаяся и летящая внутрь, белизной оседающая на обгорелом до черноты металле; он видел это до боли ясно, словно шел к останкам разбитой машины по меловой поверхности озера, словно она была остовом затонувшего корабля, а он — ныряльщиком, не могущим даже крикнуть, чтобы не захлебнуться; и всякий раз, глядя на падающий снег, он знал, что где-то такой же снег падает в пустые глазницы черепов. Но девять лет унесли с собой много старой боли, и он не мог не чувствовать красоты вечера.

Машина мчала его по широким-широким дорогам, пронеслась по высоким мостам, чья поверхность лоснилась и поблескивала в свете фар, круто кренилась на петлях развязок, ныряла в туннели, стены которых тускло мерцали вокруг, подобно миражу. Затенив окна, он прикрыл глаза.

Он не мог вспомнить, вздремнул ли по пути, что скорей всего значило — да. Он почувствовал, что машина замедляет ход, выдвинул вперед кресло и снова осветил окна. Почти одновременно прозвучал сигнал отключения от монитора. Рендер потянул штурвал на себя, машина въехала под куполообразный навес; оставив ее на попечение парковочного устройства, он получил свой проверенный билет от одного из тех квадратноголовых роботов, которые мрачно мстят человечеству, показывая картонный язык каждому клиенту.

Как всегда, его встретил шум голосов, приглушенный, как и освещение. Вся обстановка здесь, казалось, поглощает звуки, обращая их в тепло, ласкает язык запахами, достаточно сильными, чтобы он на них отзывался, завораживает слух живым потрескиванием дров в трех каминах.

Рендер с удовольствием отметил, что его любимый столик в углу справа, возле самого маленького камина, дожидается его. Хотя он и знал меню наизусть, но, прихлебывая свой „манхэттен“, внимательно изучал его, прикидывая, в какой последовательности станет ублажать свой аппетит. После сеансов он всегда был зверски голоден.

— Доктор Рендер?..

— Да,— он поднял голову.

— С вами хочет поговорить доктор Шеллот,— сказал официант.

— У меня нет знакомых по фамилии Шеллот,— сказал Рендер.— А может быть, ему нужен Бендер? Это хирург из скорой помощи метрополитена, он иногда обедает здесь...

Официант покачал головой.

— Нет, сэр. Именно Рендер. Взгляните.— И он протянул Рендеру карточку размером три на пять, где его имя было отпечатано заглавными буквами.— Доктор Шеллот появляется здесь каждый вечер вот уже почти две недели и каждый раз просит уведомить, когда вы появитесь.

— Хм,— пробормотал Рендер.— Странно. Почему бы ему просто не позвонить мне на работу?

Официант улыбнулся и сделал неопределенный жест.

— Хорошо, скажите, что я жду его,— он залпом допил „манхэттен“,— и принесите еще один коктейль.

— К сожалению, доктор Шеллот не видит,— пояснил официант.— Было бы проще, если бы вы...

— Да-да. Конечно.

Рендер встал, покидая свой любимый столик с явным предчувствием, что сегодня уже больше за него не сядет.

— Ведите.

Пройдя между столиками, они поднялись на верхний ярус. „Привет“,— сказал, когда они проходили мимо, молодой человек, сидевший за столиком у стены, лицо его показалось знакомым, и Рендер кивнул,— это был один из бывших учеников его семинара, по фамилии то ли Юргенс, то ли Джирканс.

На верхнем ярусе зал был поменьше и только два столика заняты. Точнее, три. В самом конце, за темной стойкой бара, загороженный старинными рыцарскими латами, стоял еще один. Официант двинулся именно к нему.

Они остановились перед столиком, и Рендер взглянул вниз, в темные стекла очков, поднимавшихся по мере того, как они подходили. Доктор Шеллот оказался женщиной; на вид ей можно было дать что-то около тридцати. Челка волос с тускло-золотым отливом не

скрывала серебряного кружка, который она носила на лбу, как знак принадлежности к людям с подобным же недостатком. Рендер затаился, кончик сигареты вспыхнул, и женщина слегка откинула голову. Казалось, она смотрит на него в упор. Чувство было не очень приятное, хотя он знал, что видит она не больше того, что фотоэлектрическое устройство могло передать в зрительные участки ее головного мозга через тончайшие провода, подсоединенные к преобразующему осциллятору,— короче говоря, вспыхнувший огонек его сигареты.

— Доктор Шеллот, доктор Рендер,— между тем представил их официант.

— Добрый вечер,— сказал Рендер.

— Добрый вечер,— ответила она.— Меня зовут Эйлин, и мне очень хотелось с вами встретиться.

Ему показалось, что голос ее чуть заметно дрожит.

— Может быть, поужинаете со мной?

— С удовольствием,— вежливо ответил он и знаком попросил официанта принести еще стул.

Рендер сел, обратив внимание на то, что перед женщиной на столике стоит бокал. Он напомнил официанту о своем втором „манхэттене“.

— Вы уже отдали заказ? — поинтересовался он.

— Нет.

— ...и два меню,— вырвалось у него, и он прикусил язык.

— Одно, пожалуйста,— улыбнулась она.

— Тогда не надо вообще,— вышел он из положения и продекламировал меню вслух.

Они сделали заказ, и она спросила:

— Скажите, вы всегда так делаете?

— Как?

— Заучиваете меню наизусть.

— Нет, только иногда,— сказал он.— Для неловких ситуаций. Так зачем же вы хотели меня видеть... то есть, я хотел сказать, поговорить со мной?

— Вы занимаетесь невроконтактной терапией,— сказала она.— Вы — Ваятель.

— А вы?

— Я психиатр, стажируюсь в Психиатрическом центре. Мне остался еще год.

— Тогда вы должны знать Сэма Рискома.

— Да, он помог мне получить назначение и был моим руководителем.

— Это был один из моих лучших друзей, когда мы учились вместе в Меннингере.

— Он часто говорил о вас, это одна из причин, по которой я решила с вами встретиться. И он всегда меня поддерживал, несмотря на мой дефект.

Рендер внимательно посмотрел на нее. На ней было темно-зеленое платье из материала, напоминающего бархат. В трех дюймах слева от середины груди была приколата брошь, по виду золотая. Брошь светилась красным камнем, вполне похожим на рубин, в его гранях отражались очертания бокала. А может быть, это два обращенные друг к другу профиля мерцали в глубине камня? Что-то смутно знакомое почудилось Рендеру в этом, но что — он не мог сейчас вспомнить. В приглушенном свете зала брошь отливала дорогим блеском.

Рендер взял у официанта коктейль.

— Я хочу стать терапевтом-невроконтактором, — сказала женщина.

Будь она зрячей, Рендер подумал бы, что она внимательно глядит на него, стараясь прочесть ответ в выражении его лица. Он не мог точно понять, какого именно ответа она ждет.

— Похвальный выбор, — сказал он, стараясь, чтобы голос его звучал непринужденно, — и ваше мужество вызывает у меня искреннее уважение. Однако задача эта не из легких, поскольку, как вы понимаете, требования тут предъявляются не совсем обычные.

— Я знаю, — сказала она. — Но ведь для человека, слепого от рождения, достичь того, чего достигла я, тоже задача не из легких.

— От рождения? — невольно повторил он. — Я полагал, что вы потеряли зрение недавно. Так, значит, вы писали диплом и потом учились вслепую... Это, знаете... впечатляет.

— Спасибо, — сказала она. — Дело в том, что я слышала о первых невроконтакторах, Бартельметце и других, еще в детстве и тоже решила заняться этим. С тех пор всё в моей жизни подчинялось этому желанию.

— Но как же вы обходились в лаборатории? — поинтересовался он. — Ведь вы не могли ни анализиро-

вать пробы, ни работать с микроскопом. Или — всё по книжкам?..

— Я нанимала людей читать мне задания. Я делала магнитофонные записи. В школе поняли, что я хочу заниматься психиатрией, и разрешили пользоваться специальным оборудованием. На вскрытиях мне помогали ассистенты, описывали весь ход операций. Ощупав вещь, я могу рассказать о ней почти все... И память у меня не хуже, чем у вас — на меню.

Она улыбнулась.

— Качество психоконтактных явлений может оценить только сам врач в тот момент, когда он оказывается — вне времени и пространства в обычном понимании — в мире, созданном из снов другого человека, видит неэвклидову структуру патологии и, взяв пациента за руку, проводит его по всем уголкам, исследуя этот мир... И если при этом ему удастся снова вернуть больного на землю, значит, рассуждения его были верны, действия — справедливы.

«Это из „Почему у нас нет психометрии“», — подумал про себя Рендер.

— ...автор — доктор медицины Чарльз Рендер.

— А вот и наш обед на подходе, — заметил он и поднял бокал с коктейлем, освобождая место для тарелок с блюдами быстрого приготовления, которые выставлял на их столик кухонный робот.

— Это одна причина, по которой я хотела встретиться с вами, — продолжала она, тоже подняв свой бокал, пока тарелки, позвякивая, выстраивались перед ней. — Я хочу, чтобы вы помогли мне стать Ваятелем.

Взгляд ее глаз за темными стеклами, отрешенный, как у статуи, вновь остановился на нем.

— Ваш случай совершенно уникален, — ответил он после паузы. — До сих пор не было ни одного невроконтактора слепого от рождения, и это понятно. Вряд ли я смогу что-то вам посоветовать, пока не изучу всех аспектов проблемы. А пока давайте поедим. Я ужасно проголодался.

— Хорошо. Но моя слепота еще не означает, что я никогда не видела.

Он не стал спрашивать, что она имеет в виду, — дымящееся ароматное рагу и бутылка „шамбертена“ стояли перед ним. И все же, когда она подняла лежав-

шую на коленях левую руку, он обратил внимание, что обручального кольца на безымянном пальце у нее нет.

— Интересно, идет ли еще снег,— сказал он, пока они пили кофе.— Когда я подъезжал, была настоящая метель.

— Мне бы хотелось,— откликнулась она.— Правда, он рассеивает свет, и я совершенно ничего при нем не „вижу“, но мне нравится, когда снежинки тают на лице.

— Как же вы ходите?

— Мне помогает собака Зигмунд. Сегодня вечером у него выходной,— она улыбнулась,— но обычно он водит меня повсюду. Это овчарка-мутант.

— Вот как,— заинтересовался Рендер.— И он хорошо разговаривает?

Она кивнула.

— Правда, на нем операция прошла не так успешно, как бывает. Словарный запас у него почти четыре тысячи слов, но, мне кажется, разговор дается ему с трудом. А вообще он умный. Я думаю, вы еще встретитесь.

Рендер задумался. Ему случалось разговаривать с подобными животными на недавних медицинских симпозиумах, и его поразило, как уживаются в них способность логически рассуждать и преданность хозяевам. Чтобы достичь у собаки уровня мышления выше, чем у шимпанзе, надо было изрядно покопаться в хромосомах и провести сложнейшую эмбрионхирургическую операцию. Речевой аппарат тоже формировался в процессе нескольких операций. Как правило, большинство подобных экспериментов заканчивалось неудачей, а щенки, около дюжины в год, успешно прошедшие весь цикл, котировались необычайно высоко и стоили до ста тысяч долларов.

Рендер прикурил и не сразу погасил зажигалку,— да, теперь он практически не сомневался, что рубин в медальоне у мисс Шеллот — настоящий. Попутно он заподозрил, что и ее поступление в медицинскую школу, помимо академических успехов, объяснялось солидным пожертвованием в казну облюбованного ею колледжа. Хотя, конечно, он мог и ошибаться, вряд ли стоило делать столь поспешные выводы.

— Да,— сказал он,— о собачьих неврозах можно было бы написать целую диссертацию. Он никогда не

называет своего папочку „старым сыном собачьей самки“?

— Он никогда не видел своего отца,— ответила Эйлин довольно сухо.— Он воспитывался, не общаясь с другими собаками. Вряд ли можно считать его реакции типичными, и я не думаю, что вам удалось бы изучить функциональную психологию собаки на примере мутанта.

— Скорее всего, вы правы,— сказал он и, желая сменить тему, спросил: — Еще кофе?

— Нет, спасибо.

Чувствуя, что настало время вернуться к самому важному, он сказал:

— Итак, вы хотите быть Ваятелем?..

— Да.

— Терпеть не могу, когда приходится разрушать чьи-то заветные мечты. Поверьте, действительно терпеть этого не могу. Даже если мечты абсолютно беспочвенны. Тогда хоть можно оправданно быть жестким. Так вот, честно и откровенно, положив руку на сердце, я вам скажу: по-моему, это совершенно невозможно. Вполне вероятно, вы прекрасный психиатр, но я считаю, что у вас нет физических и умственных данных, чтобы стать невроконтактором. Мне кажется...

— Подождите,— сказала она.— Не здесь, пожалуйста. И вообще, поухаживайте за мной. Мне здесь надоело, здесь слишком душно. Увезите меня куда-нибудь, и по дороге поговорим. Я думаю, мне удастся убедить вас, что выход *есть*.

— Что ж, прекрасно,— Рендер пожал плечами.— Я весь в вашем распоряжении. Уверен, у вас уже есть план. Так куда?

— Может быть — блайндспин?

Он скрыл довольную усмешку, а она рассмеялась.

— Чудно,— сказал он,— но мне все еще хочется пить.

Была заказана еще бутылка шампанского, и он, несмотря на протесты мисс Шеллот, выписал чек. Шампанское появилось в яркой корзинке с надписью: „Пейте, пока вы в пути“.

Оба встали, и она оказалась высокой, но он был выше.

Блайндспин.

Сколько самых разных возможностей, которые дает машина на автопилоте, кроется за одним этим словом. Молнией проносится по шоссе автомобиль в надежных руках невидимого водителя, окна затенены, ночь темна, над головой — высь небосвода, шипы покрышек врезаются в бетонное полотно, как четыре фантастических пилы, — вновь возвращаетесь вы к стартовой черте, никогда не зная точно, куда мчит вас и где успели вы побывать, и даже в самой холодной, трезвой голове пробудится хоть на минуту чувство индивидуальности, вспыхнет мгновенное ощущение собственной неповторимости, когда вы отделены от мира, целиком отдавшись стремительному движению. Ведь движение сквозь тьму — это сама жизнь в ее предельно абстрактном выражении; по крайней мере, так сказал один из персонажей Человеческой Комедии, чем изрядно рассмешил публику.

В последнее время явление, известное как „блайндспин“, получило распространение, как то и можно было предположить, прежде всего среди подрастающего поколения, когда полновластно воцарившиеся на хайвеях мониторы лишили их возможности вкладывать хоть какую-то долю индивидуальности в управление автомобилем, — на всякого рода вольности Национальный совет по контролю за движением смотрел косо. Необходимо было что-то предпринять.

И это „что-то“ было предпринято.

Первая повлекшая катастрофические последствия уловка состояла в элементарном отключении радио-контрольного устройства, после того, как автомобиль выезжал на прослеживаемый мониторами хайвей. Таким образом машина ускользала от недремлющего ока монитора, и управление снова переходило к едущей в ней компании. Ревнивый, как божество, монитор не мог потерпеть такого явного нежелания считаться со своим запрограммированным всеведущим мозгом; ближайшая к месту последнего контакта контрольная станция метала громы и молнии, посылая крылатых серафимов на поиски преступников.

Однако часто возмездие запаздывало, поскольку дорог много, да и скорость у автомобилей немалая. Так

что на первых порах уйти от преследования оказывалось сравнительно легко.

Другие же машины, само собой разумеется, продолжали движение так, как если бы ничего не произошло. Сама возможность появления мятежных водителей казалась недопустимой. Со всех сторон окруженный тесным потоком транспорта, правонарушитель моментально уничтожался при любом общем повышении скорости или изменении внутри транспортных рядов, подразумевавшем заполнение его теоретически свободного места. В раннюю пору мониторинга это приводило к сериям многочисленных столкновений. Позже, когда конструкция мониторов стала гораздо более хитроумной и сложной, механические отсекатели значительно снизили число неизбежных аварий. Однако получаемые травмы не становились от этого легче.

Следующая хитрость любителей блайндспина была построена на обстоятельстве, которое просто проглядели,— настолько оно было очевидно. Мониторы доставляли пассажиров туда, куда те хотели, только потому, что пассажиры сами сообщали монитору, куда они хотят направиться. Стоило же кому-нибудь наугад набрать координаты своего маршрута без всякой соотнесенности с маршрутной картой, и его автомобиль либо стопорился, и на табло загоралась надпись „Перепроверьте ваши координаты“, либо монитор неожиданно мчал его в каком-нибудь совершенно неизвестном направлении. Последнее привлекало своей романтичностью, поскольку вас ждали умопомрачительные скорости, мелькающие за окном новые, неожиданные виды и возможность расслабиться. К тому же это совершенно не противоречило закону, и, действуя таким образом, можно было прокатиться из конца в конец по обоим континентам, если, конечно, у тебя избыток жизненных сил и финансов.

Как это обычно бывает в подобных случаях, увлечение очень скоро вышло за пределы исходных возрастных рамок. К школьным преподавателям, ограничивавшимся мирными воскресными поездками с семьей, стали относиться так же презрительно, как к торговцам подержанными автомобилями. Так и наступает конец света, сказал один остро слов.

Прав он или нет, в любом случае автомобиль, предназначенный для езды по мониторинговым хайвеям,

представляет собой движущееся устройство, снабженное многими удобствами, как-то: туалетом, баром, холодильником и ломберным столиком. В нем достаточно места, чтобы переночевать двоим; четверым, пожалуй, будет тесновато. Впрочем, иногда теснее всего бывает троим.

Рендер вывел машину из-под купола и остановился на крайней полосе дороги.

— Хотите пройтись по клавиатуре? — спросил он

— Нет, наберите координаты сами, у меня слишком памятливые пальцы.

Рендер нажал несколько кнопок наугад. Спиннер выехал на хайвей. Рендер задал скорость, и машина встроилась в скоростной ряд

Фары спиннера прожигали тьму насквозь. Город быстро уходил назад; по обеим сторонам дороги дымились костры, налетающий порывами ветер колыхал языки пламени, угли рдели сквозь золу, сквозь падающие сверху густые, пепельно-серые хлопья. Рендер знал, что скорость машины сейчас не больше шестидесяти процентов того, что она способна выдать в ясную ночь.

Он не стал затенять окна и, откинувшись в кресле, глядел по сторонам. Эйлин „смотрела“ вперед, на летящие навстречу огни. Минут пятнадцать они молчали.

Город сменился предместьем, и скоро стали появляться участки открытой дороги.

— Расскажите, что там, снаружи, — попросила она.

— А почему вы не попросили меня описать ваш обед или рыцарские доспехи над вашим столиком?

— Одно я чувствовала на вкус, другое — на ощупь. Сейчас не то.

— Снаружи идет снег. Кроме того, все черным-черно.

— Что еще?

— На дороге слякоть. Когда начнет подмерзать, придется тащиться ползком, даже если мы обгоним тучу. А слякоть похожа на старый, темный сироп, покрывшийся сверху сахарной корочкой.

— Что-нибудь еще?

— Все, моя госпожа.

— Снег идет сильнее, чем когда мы выехали из клуба?

— Да, пожалуй, сильнее.

— Налейте мне чего-нибудь.

— Конечно, сейчас.

Они развернули кресла друг к другу, и Рендер поднял столик, достал из бара два бокала.

— За ваше здоровье,— сказал Рендер, наполнив бокалы.

— И за ваше.

Рендер опустил бокал. Эйлин медленными глотками пила шампанское. Рендер ждал следующего хода. Он знал, что сократовские игры — не для двоих, и приготовился к новым вопросам прежде, чем она сказала то, что собиралась сказать.

— А что было самое красивое из того, что вам приходилось видеть?

„Да,— подумал он,— я угадал“.

И ответил, не задумываясь:

— Гибель Атлантиды.

— Я говорю серьезно.

— И я тоже.

— Может быть, расскажете поподробнее?

— Очень просто. Я потопил Атлантиду,— сказал он.— Собственноручно. Это было три года назад. Боже мой, как это было красиво! Кругом башни из слоновой кости, золотые минареты, серебряные балконы. Там были опаловые мосты с пурпурными арками и млечно-белые реки, текущие в лимонно-желтых берегах. Там были выложенные нефритом кровли, и кроны деревьев, древних, как мир, нежно касались пузатых облаков, а у пристаней Ксанаду, изящных, как музыкальные инструменты, морские корабли покачивались на волнах прилива. Двенадцать принцев королевской крови собрались на закате в двенадцатиколонном Зодиакальном зале Колизея послушать игру грека, тенор-саксофониста.

Само собой, грек был моим пациентом — параноиком. Этиология в таких случаях всегда сложная, но, покопавшись в нем хорошенько, я пришел именно к такому диагнозу. Потом я дал ему немного покуражиться, но в конце концов пришлось-таки расколоть Атлантиду пополам и утопить так, что и следа не осталось. Он снова выступает, и вы, конечно, слышали его музыку, если

вообще вам нравится подобного рода музыка. Славный парень. Мы с ним время от времени встречаемся, но он уже больше не считает себя последним премником величайшего менестреля Атлантиды.

И все же иногда, когда я вспоминаю апокалипсис, который я устроил, исходя из его мании величия, то испытываю мимолетное чувство утраченной красоты,—ведь, пусть даже на одно мгновение, его патологически обостренные чувства были моими чувствами, а ему его сон казался самым прекрасным в мире.

Он снова наполнил бокалы.

— Я имела в виду не совсем то,— сказала она.

— Знаю.

— Мне хотелось услышать о чем-то реальном.

— Это было реальнее реального, уверяю вас.

— Не сомневаюсь, но...

— Но я разрушил то, на чем вы собирались строить ваши доводы. О'кей, извините. Постараюсь исправиться. Вот, пожалуй, то, что могло бы быть реальным.

— Представьте себе,— начал он,— что мы идем по краю глубокой песчаной воронки. Ветер заметает ее снегом. Весной снег тает, ручьи потекут по склонам, а часть талой воды испарится на солнцепеке. Останется один песок. На нем ничего не растет, разве что редкие кактусы. Живут здесь только змеи, несколько птиц, насекомые, да маленькие твари, роющие себе норы, да пара бродячих койотов. В полдень все они будут искать тень. Какой-нибудь старый столб, камень, череп или кактус, за которыми можно укрыться от солнца. Там вы увидите, как жизнь прячется, отступает перед стихией. Но краски там неправдоподобно красивы, и стихии — даже прекрасней, чем то, что они разрушают.

— Здесь, поблизости, такого места нет,— сказала Эйлин.

— Если я говорю, значит, есть. Я видел его сам.

— Да... Вы правы.

— И какая разница, будь то картина художницы по фамилии О'Киф или что-то, что я вижу из окна? Ведь я вижу это.

— Признаю правильность вашего диагноза,— сказала Эйлин.— Может быть, вы скажете сами?

— Нет, продолжайте.

Рендер снова наполнил низкие бокалы.

— Не в порядке мои глаза,— сказала она,— но не мозг.

Рендер поднес зажигалку к ее сигарете.

— Я смогу видеть чужими глазами, если сумею проникнуть в чужой мозг.

Он тоже закурил.

— Невроконтактный метод основан на том, что в двух разных нервных системах могут возникать одинаковые стремления, фантазии...

— *Контролируемые* фантазии.

— Я могу выступать в роли терапевта и одновременно получать реальные зрительные впечатления.

— Нет,— сказал Рендер.

— Вы не знаете, что значит быть наглухо отгороженным от целого мира, влекущего, прекрасного! Знать, что какой-нибудь кретин-монголоид может испытывать что-то, что вам не дано и что он никогда не сможет оценить, потому что, как и вы, был еще до рождения обречен генетической прихотью, чем-то таким, где нет места справедливости, где царит чистейшая случайность.

— Справедливость появилась во Вселенной не сама по себе. Ее выдумал человек. Но, к сожалению, человек живет во Вселенной.

— Я прошу помощи не у Вселенной, а у вас.

— Извините,— сказал Рендер.

— Почему вы не хотите помочь мне?

— Потому что вы себя так ведете.

— А именно?..

— Эмоционально. Для вас слишком много значат эмоции. Когда врач находится в резонансе с пациентом, возникающее в нем возбуждение, как наркотик, отвлекает его от собственных телесных ощущений. Это неизбежно — его сознание должно быть полностью поглощено непосредственными операциями. И его эмоции тоже должны как бы на время отключаться. Конечно, в каком-то смысле это невозможно, поскольку личность всегда в той или иной степени эмоционально заряжена. Но эмоции врача сублимируются в отвлеченное чувство бодрости, веселья или, как в моем случае, в художественную грезу. В вас же „видение“ может вызвать слишком сильную реакцию. Вы будете подвергаться постоянному риску утратить контроль за развитием сна.

— Я не согласна.

— Разумеется, вы не согласны. Однако факт остается фактом: вам придется, причем постоянно, иметь дело с патологией. Девяносто девять процентов людей не отдадут себе отчета в том, какая это могучая сила — неврозы, просто потому, что мы не в состоянии оценить масштабы собственных неврозов, — я уж не говорю о посторонних, — когда воспринимаем их извне. Поэтому ни один неврококонтактор никогда не возьмется лечить вконец свихнувшегося психа. Из немногих первопроходцев в этой области почти все теперь сами — пациенты. Это похоже на низвержение в мальстрем. Если врач теряет контроль во время напряженного сеанса, он становится уже не Ваятелем, а Ваемым. В том случае, когда нервные импульсы искусственно усилены, симптомы нарастают в геометрической прогрессии, а эффект трансференции происходит мгновенно.

Пять лет назад я ужасно часто катался на лыжах. Бегать на лыжах мне пришлось потому, что я вдруг начал страдать клаустрофобией, и вытравить из себя эти страхи удалось только через полгода, — а все из-за ничтожной ошибки, происшедшей в неуволнимо короткое мгновение. Пациента мне пришлось передать другому врачу. А ведь обратный эффект тогда казался очень незначительным. Иначе, моя милая, можно провести остаток дней, прохладаясь в психолечебнице.

Рендер наполнил ее пустой бокал. Ночь стремительно мчалась за окнами. Город остался далеко позади, и дорога лежала перед ними ясная и прямая. Падающие хлопья съедали темноту. Спиннер прибавил скорость.

— Хорошо, — согласилась Эйлин, — допустим, вы правы. И все же, я думаю, вы можете помочь мне.

— Как? — спросил Рендер.

— Приучите меня видеть так, чтобы образы теряли свою новизну, эмоции стерлись. Пусть я буду вашей пациенткой, а вы поможете мне избавиться от моей навязчивой идеи — видеть. Тогда то, о чем вы так убедительно рассказывали, не сможет на меня повлиять, я смогу уделить все свое внимание обучению и сублимировать радость видения в какие-нибудь другие эмоции.

Рендер задумался.

Может быть, и удастся. Хотя предприятие не из легких.

Да и сам по себе случай оказывался небезынтересным.

Квалификации тут не хватило бы никому, поскольку никто никогда не брался за подобное.

Но Эйлин Шеллот действительно была редким — нет, не редким, а уникальным экземпляром, ведь, похоже, она была единственным человеком на свете, у которого необходимая специальная подготовка сочеталась с уникальной проблемой.

Рендер допил шампанское и снова наполнил оба бокала.

Он все еще пребывал в задумчивости, когда донесся сигнал „перепроверка“, и машина встала, свернув в тупик. Он выключил зуммер и долго сидел неподвижно, раздумывая.

Мало нашлось бы людей, перед которыми он открыто говорил бы о собственном мастерстве. Коллеги считали его скромным. Однако сейчас даже не слишком проникательный наблюдатель мог бы заметить — он понимал, что если когда-нибудь за дело возьмется невроконтактор лучше, чем он, то это будет скорее всего один из тех ангелов, что некогда нисходили к смятенному *Номо sapiens*¹.

В бокалах еще оставалось шампанское. Рендер бросил пустую бутылку в мусоросборник.

— А знаете что? — спросил он.

— Что?

— Пожалуй, стоит попробовать.

Развернув кресло, он нагнулся над панелью, собираясь набрать новые координаты, но Эйлин опередила его. Когда Рендер нажимал на кнопки и C-7 разворачивался, она быстро поцеловала его. Глаза ее под темными стеклами очков были мокры от слез.

II

Известие о самоубийстве взволновало Рендера больше, чем можно было ожидать; к тому же миссис Ламбер позвонила накануне и сказала, что не придет на прием. Поэтому первую половину дня он решил

¹ Человек разумный (лат.).

провести в печальной задумчивости и в соответствии с ролью вошел в приемную, хмуро попыхивая сигарой.

— Вы уже знаете?..— спросила миссис Хеджес.

— Да.— Он швырнул пальто на стол в дальнем углу и, подойдя к окну, посмотрел вниз.

— Да,— повторил он.— Окна в машине были не затенены, и когда я проезжал, то видел, как убирают мостовую.

— Вы его знали?

— Откуда? Я даже не успел узнать, как его зовут.

— Мне только что звонила Присс Тьюли, секретарша из инженерной конторы на восемьдесят шестом этаже. Она сказала, что это был какой-то Джеймс Иризарри, дизайнер из соседнего офиса. С восемьдесят шестого лететь долго; наверное, он был уже без сознания, когда упал. Он задел за карниз. Можете высунуться, взглянуть — вон там слева, внизу...

— Не беспокойтесь, Бенни. У вашей приятельницы есть соображения, почему он это сделал?

— Особых нет. Его секретарша вбежала в холл, закричала. Кажется, она вошла в его кабинет спросить насчет каких-то эскизов и увидела, как он перелезает через подоконник. На столе была записка: „У меня было все, что мне нужно. К чему тянуть?“ Забавно, правда? То есть я не в том смысле — *забавно*...

— Да, да. Известно что-нибудь о его личной жизни?

— Женат. Двое ребятишек. Работал профессионально. Большое дело. Сама строгость. И денег хватало — платить за офис в этом здании.

— Господи Боже! — Рендер обернулся.— Вы что, заглядывали в его файл?

— Вы же знаете,— Бенни пожала своими пышными плечами,— у меня повсюду друзья в этом муравейнике. Когда особенной работы нет, можно и поболтать. Как-никак Присси моя свояченица...

— Хотите сказать, что, если бы я сейчас сиганул в окошко, подробности моей биографии через пять минут стали бы всеобщим достоянием?

— Может быть,— она скривила ярко накрашенные губы в улыбку,— минут через пять, плюс-минус. Но только не делайте этого сегодня, ладно? Иначе вы отнимете у бедняги долю известности, да и про вас, учитывая, что вас было двое, так много не напишут.

— К тому же,— продолжала она,— вы человек легкий, общительный, чего вам выбрасываться в окошко?

— Статистика с вами не согласна,— заметил Рендер.— С медиками, так же как с адвокатами, это случается втрое чаще, чем с людьми любой другой профессии.

— Эй! — крикнула Бенни притворно-встревоженным голосом.— Ну-ка отойдите от моего окна! А то придется мне наниматься к доктору Хансену, а он такой зануда и слюнтяй.

Она вернулась к своему столу.

— Никогда не поймешь, шутите вы или говорите всерьез,— сказала она решительно.

— Я искренне ценю вашу заботу, поверьте,— кивнул Рендер.— А в общем, я никогда излишне не доверял статистике, иначе мне пришлось бы закончить свою карьеру еще четыре года назад.

— Про вас написали бы на первых страницах,— мечтательно проговорила Бенни.— Репортеры бы все вились вокруг меня, расспрашивали... Хм, а почему они вообще это делают?

— Кто?

— Ну, все они.

— Откуда мне знать, Бенни. Ведь я всего-навсего что-то вроде психостимулятора. Если бы мне удалось точно определить общую для всех случаев причину, а потом, может быть, и выдумать способ, как их предупредить, это разогрело бы газетчиков больше, чем если бы я просто выпрыгнул вниз. Но я не могу, потому что одной такой ясной и понятной причины нет, по крайней мере так кажется.

— Хм.

— Лет сорок назад это была девятая по частоте причина смертности в Соединенных Штатах. А теперь уже шестая, если брать обе части континента. В Европе, я думаю, она на седьмом месте.

— Выходит, никто никогда так и не узнает, почему Иризарри это сделал?

Рендер отставил кресло и сел, стряхнув сигарный пепел в маленькую блестящую пепельницу. Бенни быстрым движением опрокинула пепельницу в мусоросборник и значительно откашлялась.

— Разумеется, всегда можно строить гипотезы,— сказал Рендер,— а человек моей профессии просто обя-

зан это делать. В первую очередь следует учесть те черты характера, которые предрасполагают человека к периодам депрессии. Люди, которые держат свои эмоции под строгим контролем, люди чувствительные, волей-неволей реагирующие на самые мелкие раздражители...

Он снова стряхнул толстый сигарный пепел в ее пепельницу и проследил, как она, быстро вытянув руку, щелчком сбила пепел со своей сигареты и так же быстро убрала руку назад. Злорадная усмешка появилась на его лице.

— Короче,— заключил он,— черты, свойственные людям всех профессий, где индивидуальное начало проявляется больше, чем коллективное,— медицина, юриспруденция, искусство.

Бенни задумчиво поглядела на него.

— И все же не беспокойтесь,— Рендер широко улыбнулся,— я чертовски доволен жизнью.

— Что-то вы сегодня не в духе.

— Питер звонил. Вчера сломал на физкультуре лодыжку. Администрация ни за чем не следит. Пожалуй, надо перевести его в другую школу.

— Опять?

— Может быть. Погляжу. Директор будет звонить мне сегодня после обеда. Конечно, не хотелось бы таскать парня с места на место, но я хочу, чтобы он окончил школу целым и невредимым.

— С мальчиком обязательно должно что-то случаться, хоть раз или два. Такова статистика.

— Статистика и судьба — разные вещи, Бенни. Каждый распоряжается ею сам.

— Чем, судьбой или статистикой?

— И тем и другим, я полагаю.

— Мне кажется, если что-то должно случиться, это обязательно случится.

— А мне не кажется. Я считаю, что воля плюс здравый рассудок могут в той или иной степени контролировать то, что с нами происходит. Если бы я думал иначе, вряд ли бы я пускался в такие авантюры.

— Но согласитесь, что жизнь — это причинно-следственный механизм. Статистика опирается на вероятность.

— Человеческое сознание не механизм, и я никогда не знаю, где причина и где следствие. И никто не знает.

— Вы же специалист в химии, насколько я помню. Вы же ученый, док.

— Кто знает, а может быть, я троцкистский уклонист,— улыбнулся Рендер, потягиваясь.— Вы ведь тоже были когда-то учительницей танцев.

Он встал и взял со стола пальто.

— Кстати, звонила мисс де Виль, оставила послание. Велела спросить: „Как насчет Сент-Морица?“

— Не люблю шиковать,— сказал Рендер.— Лучше Давос.

Известие о самоубийстве взволновало его больше, чем можно было ожидать, и, закрыв дверь в кабинет и затенив окна, он включил диктофон. В комнате горела только настольная лампа.

„Какие качественные перемены в человеческой жизни произошли после начала промышленной революции?“— записал Рендер и, взяв в руку листок, перечитал записанную фразу.

Это была тема лекции, с которой он должен был выступать в ближайшую субботу. Как всегда в таких случаях, он не знал, что будет говорить, потому что слишком многое хотелось бы сказать, а времени отводился только час.

Он встал и начал прохаживаться по кабинету, в полумраке которого плыли звуки Восьмой симфонии Бетховена.

— Возможность причинить ущерб другому,— сказал Рендер, пощелкивая по прикрепленному к лацкану микрофону, выставляя максимальный уровень записи,— росла пропорционально техническому прогрессу.

Воображаемая аудитория притихла. Он улыбнулся.

— Способность человека калечить себе подобных умножалась с ростом масштабов производства; его способность наносить психические травмы в процессе личного общения расширилась в точном соответствии с улучшением средств связи. Но все это общеизвестные факты, и говорить я сегодня собираюсь не об этом. Мне хотелось бы порассуждать о том, что я сам для себя называю аутопсихомимесис, то есть самозарождающиеся невротические комплексы, которые на первый взгляд вполне напоминают классические образцы, но которые сегодня являются основными формами выброса психической энергии. Явление это характерно именно для нашего времени...

Он сделал паузу, чтобы закурить сигару и сформулировать следующую мысль.

— Автопсихомимесис, — продолжал он размышлять вслух, — это саморазвивающийся подражательный комплекс, который уже начал привлекать к себе внимание. Представьте себе, скажем, джазиста, который во время игры как бы впадает в состояние наркотического опьянения, даже если он никогда не прибегал к наркотикам и едва помнит тех, кто это делал, ведь сегодня стимуляторы и транквилизаторы совершенно безвредны. Подобно Дон Кихоту, он устремлен вслед мечте, хотя сама по себе музыка — достаточный выход для его психического напряжения.

Или, к примеру, один из моих пациентов — корейский мальчик, осиротевший во время войны и оставшийся в живых только благодаря Красному Кресту, ЮНЕСКО и своим приемным родителям, которых он никогда не видел. Ему так хотелось семьи, что он придумал ее. И что же случилось потом? — Он ненавидел своего воображаемого отца и нежно любил свою воображаемую мать, поскольку мальчик он был развитой и тоже стремился подражать классическим, хотя и полупрофессиональным комплексам. Почему?

Психика сегодняшнего человека сложна настолько, что многие перестают понимать освященные веками классические образцы психических расстройств. Сегодня большинство причин таких расстройств устранено, пусть не всегда радикально, как то, что сделало сиротой моего, теперь уже, кстати, взрослого корейца, но с не меньшим эффектом. Таким образом, мы живем среди старых неврозов, в психиатрическом прошлом. И снова встает вопрос — почему? Потому что время, в котором мы живем, ориентировано на такие ценности, как физическое здоровье, безопасность и благосостояние. Мы покончили с голодом, и все-таки выросший в лесной глуши сирота предпочтет получать свою порцию концентратов из рук человеческого существа, которое ухаживает за ним, чем натуральную горячую пищу из автомата, установленного среди джунглей.

Телесное здоровье теперь — бесспорное право каждого. И это дало реакцию в области здоровья душевного. Развитие техники привело к тому, что причины многих социальных проблем ушли в прошлое, и вместе с ними — многие причины нарушений психики. Но меж-

ду черными красками вчерашнего дня и светлым завтра лежит длинный и пасмурный сегодняшний день, полный ностальгии по прошлому и страха перед будущим, которые не могут быть объяснены только материально, и поэтому сегодня мы сталкиваемся с сознательным стремлением подражать старым неврозам...

Раздался короткий телефонный гудок. Рендер не услышал его из-за звуков симфонии.

— Мы боимся того, чего не знаем,— продолжал он,— а „завтра“— это великая загадка. Ведь даже та область психиатрии, в которой я работаю, еще не существовала каких-нибудь тридцать лет назад. Наука способна развиваться так быстро, что люди испытывают поистине тревогу,— я бы даже сказал, мучительную тревогу,— перед логически напрашивающимся вопросом: а не приведет ли тотальная технологизация жизни в мире к...

Он проходил мимо стола, когда телефон зазвонил снова. Рендер отключил микрофон и сделал музыку тише.

— Слушаю.

— Сент-Мориц? — раздался женский голос.

— Давос,— решительно ответил он.

— Чарли, ты безнадежен!

— Джилл, милая, ты тоже.

— Поговорим об этом вечером?

— Тут не о чем говорить.

— Но ты хоть заедешь за мной в пять?

Он ответил не сразу.

— Да. А почему отключен экран?

— Я сделала прическу. Собираюсь снова тебя удивить.

Он подавил глупый произвольный смешок.

— Надеюсь, приятно. О'кей, до встречи,— и, дождавшись ее „до свиданья“, он отключил связь.

Высветлив окна, он погасил свет и взглянул за окно. Снова нависла серая пелена, медленно и часто падали снежинки, задумчиво кружась в неподвижном воздухе и теряясь внизу, в кипении улицы.

Открыв окно, он перегнулся через подоконник: действительно, слева внизу виднелась отметина — предпоследний след, оставленный на этом свете Ирри-зарри.

Рендер закрыл окно и дослушал симфонию. Прошла уже почти неделя с того дня, когда они катались на спиннере с Эйлин. Она была назначена на час.

Он вспомнил, как кончики ее пальцев, мягко щечка, касались его лица, словно листья или лапки насекомого, изучая его внешность,— древняя манера слепых. Однако воспоминание было скорее неприятным. Он задумался, почему.

Внизу был виден далекий кусочек политой из шланга мостовой, снова белой и чистой, но скользкой, как стекло, под тонким покровом только что выпавшего снега. Сторож вышел из дверей дома и стал энергично разбрасывать по мостовой соль: чтобы никто не поскользнулся, не ушибся.

Зигмунд казался ожившим мифическим Фенриром. После того, как Рендер попросил миссис Хеджес: „Покажите им, как пройти“,— дверь нерешительно открылась, потом вдруг широко распахнулась, и пара дымчато-желтых глаз в упор взглянула на него. Глаза были широко посажены на странной, искаженной формы собачьей голове.

Лоб у Зигмунда был не такой, как у обычной собаки,— скошенный и едва заметный; заросший густой шерстью, он поднимался мощно и высоко, и от этого глаза, казалось, сидели еще глубже. Рендеру стало слегка не по себе от вида и размеров глядящей на него собачьей морды. До этого ему приходилось видеть только щенков-мутантов. Зигмунд был уже совсем взрослым, и его серая, в черных подпалинах шерсть постоянно щетинилась, отчего он казался больше, чем средний представитель породы мутантов.

Он совсем не по-собачьи, в упор взглянул на Рендера, издав низкий рычащий звук, слишком похожий на „привет, доктор“, чтобы это могло быть совпадением.

Рендер кивнул в ответ и встал.

— Привет, Зигмунд,— сказал он.— Входи.

Собака повернула голову, приносясь к запаху комнаты и словно решая, можно ли доверять хозяину этих чертогов. Потом пес снова перевел пристальный взгляд на Рендера, утвердительно склонил голову и толчком плеча распахнул дверь настежь. Знакомство,

таким образом, длилось не больше секундного замешательства.

Эйлин шла за псом, слегка придерживая его за двойной поводок. Собака мягко, бесшумно ступала по толстому ковру, низко опустив голову, словно подкрадываясь к добыче. Взгляд ее ни на минуту не упускал из виду Рендера.

— Так вот он какой, Зигмунд... Как поживаете, Эйлин?

— Прекрасно... Да, он ужасно хотел поехать со мной, и я тоже очень хотела, чтобы вы с ним познакомились.

Рендер подвел ее к креслу и усадил. Щелкнув карабином, она отстегнула поводок и положила его на пол. Зигмунд сел перед своей упряжью, по-прежнему пристально глядя на Рендера.

— Как дела в Центре?

— Как обычно. Можно стрельнуть у вас сигарету, доктор? Свои забыла дома.

Он вложил сигарету ей в пальцы, поднес зажигалку. Эйлин была в темно-синем платке, и стекла ее очков отливали яркой синевой. Огонек зажигалки отразился в серебряном кружке у нее на лбу; Рендер уже убрал руку, а она все еще продолжала глядеть в ту точку, где только что трепетал огонек. Ее волосы до плеч казались чуть светлее, чем в тот вечер, когда они встретились впервые; сейчас они были цвета только что отчеканенной медной монетки.

Рендер сел на край стола, кончиком ботинка подняв с пола пепельницу-глобус.

— Вы говорили, что, хотя вы и слепая, это не значит, что вы никогда не видели. Тогда я не спросил, что вы имели в виду. Но теперь мне хотелось бы знать.

— У меня был сеанс с доктором Рискомом, — сказала она, — еще до несчастного случая. Он хотел приспособить мое сознание к зрительным впечатлениям. К сожалению, второй сеанс так никогда и не состоялся.

— Понятно. Как протекал тот сеанс?

Она скрестила ноги, и Рендер заметил, какие у нее тонкие лодыжки.

— Помню в основном цветочные пятна. Слишком сильное было переживание.

— И вы хорошо их помните? Как давно это было?

— Примерно полгода назад. Я их никогда не забуду. С тех пор мне даже стали сниться цветные сны.

— Часто?

— По несколько раз в неделю.

— Какие ассоциации у вас возникают?

— Ничего особенного. Они просто возникают в мозгу, так же как и другие очаги возбуждения, без всякой системы.

— И все же, как именно?

— Ну, скажем, когда вы сейчас задали мне этот вопрос, я „увидела“ узор из оранжево-желтых пятен. Когда вы поздоровались, узор был другой формы и серебристый. А сейчас, когда вы просто сидите и молча слушаете меня, вы представляетесь мне темно-синим, почти фиолетовым пятном.

Зигмунд перевел взгляд на стол и принялся рассматривать боковую панель.

„Неужели он слышит шум магнитофона? — подумал Рендер. — А если слышит, неужели догадывается, что там такое и зачем оно шумит?“

Если так, пес наверняка скажет об этом Эйлин, и дело не в том, что она не знает о подобной повсеместно принятой практике, но ей может не понравиться, если ей напомнят, что он, Рендер, относится к ней как к пациентке. Если бы он хоть на минуту поверил, что из этого может выйти толк (он внутренне улыбнулся), он, пожалуй, поговорил бы с собакой наедине.

При этой мысли Рендер незаметно пожал плечами.

— Что ж, тогда я придумаю какой-нибудь мир попроще, — сказал он наконец, — и познакомлю вас для начала с самыми элементарными формами.

Она улыбнулась, а Рендер взглянул вниз на мифологического зверя, свернувшегося у ног хозяйки, — язык у него свисал из-за частокола зубов, как кусок свежего мяса.

„А если он тоже улыбается?“

— Спасибо, — сказала она.

Зигмунд завилял хвостом.

— Хорошо, — Рендер положил дымящуюся сигарету рядом с Мадагаскаром. — Тогда я проверю „чрево“. А пока, — он незаметно нажал на кнопку, — музыка поможет вам немного расслабиться.

Она собиралась было что-то ответить, но раскаты вагнеровской увертюры заглушили ее слова. Рендер

снова нажал кнопку и в последовавшей затем тишине сказал:

— Так-так, интересно. Я думал, потом идет Респики.

Он еще два раза нажимал кнопку, пока не зазвучали „Пинии Рима“.

— Можно было и оставить,— заметила она,— мне вполне нравится Вагнер.

— Спасибо за совет,— сказал он, открывая шкаф,— предоставьте мне распоряжаться последовательностью мелодий.

„Яйцо“ выкатилось на середину кабинета бесшумно, как облако. Рендер покатило его к пульта, как вдруг услышал у себя за спиной тихое рычание. Он быстро обернулся.

Стремительный, как тень птицы, Зигмунд поднялся и кругами ходил возле аппарата, обнюхивая его; хвост был напряжен, уши прижаты, зубы оскалены.

— Полегче, Зиг,— сказал Рендер.— Это всего-навсего Многоканальное Невроконтактное Устройство. Оно не кусается. Просто машина, вроде автомобиля, телевизора или посудомойки. Сегодня она поможет нам показать Эйлин то, чего она еще не видела.

— Не нравится,— проворчал пес.

— Почему?

Ничего не ответив, Зигмунд бесшумно вернулся к Эйлин и положил голову ей на колени.

— Не нравится,— повторил он, глядя на хозяйку.

— Почему?

— Не могу объяснить,— сказал он наконец.— Поедем домой?

— Нет,— ответила она.— Пристройся где-нибудь в уголке и вздремни, а я пристроюсь внутри этой штуки и тоже подремлю — вроде того.

— Нехорошо,— сказал пес, понуро опустив хвост.

— Давай, давай,— подтолкнула она пса,— ложись и будь умницей.

Тот неохотно поплелся в угол, заскулив, когда Рендер затенил окна и нажал кнопку, превращая стол в пульт управления.

Он заскулил снова, когда подсоединенное к сети „яйцо“ раскололось на половинки и верхняя, откинувшись, открыла внутренность машины.

Рендер сел в кресло. Точнее, лег, потому что теперь оно представляло собой нечто вроде ложа, наполовину задвинутого под панель. Он привстал — и кресло снова стало креслом. Потом он коснулся пульта, и половина потолка, отъединившись и изменив форму, нависла над креслом, как большой колокол. Рендер встал и, обойдя пульт, подошел к „яйцу“. Пока Респиги проникновенно повествовал о римских пиниях, Рендер отключил наушники, нагнувшись, заглянул внутрь „яйца“, потом снова склонился над пультом. Прижав наушники к плечу, он проверил микрофон; свободная рука его бегала по панели, нажимая кнопки. Мерный рокот прибоа, рык мчащихся машин попеременно заглушали проникновенные звуки музыки; „...когда вы просто сидите и молча слушаете меня, вы представляетесь мне темно-синим, почти фиолетовым пятном“, — прорвалось вдруг.

Он настроил контакты шлема и начал проверку: „один“ — пахнуло корицей, „два“ — лесной зеленью, „три“ — липким, влажным мускусом; ...и дальше — мгновенное чувство жажды, вкус меда, уксуса, соли, и назад — сквозь запахи сирени, и влажного бетона, сквозь свежее предгрозовое дуновение, и дальше — сквозь все основные обонятельные и вкусовые коды утра, дня и вечера.

Ложе плавало в ртутной емкости, стабилизируемое магнитным полем, которое создавали стенки „яйца“. Рендер поставил кассеты с записями.

„Чрево“ было в идеальном состоянии.

— О'кей, — сказал Рендер, — проверено.

Эйлин положила очки поверх сложенной одежды. Пока Рендер проверял аппарат, она успела раздеться. Он почувствовал себя немного смущенным, глядя на ее тонкую талию, полные груди с темными сосками, длинные стройные ноги. „Слишком хорошо сложена для женщины ее роста“, — решил он.

Разглядывая Эйлин, он подумал, что испытывает неловкость прежде всего от сознания, что она — его пациентка.

— Я готова, — сказала она, и Рендер шагнул к ней.

Взяв Эйлин под руку, он подвел ее к машине. Пальцы ее внимательно изучали внутренность аппарата. Когда он помогал ей забираться внутрь, он заметил, что серые глаза ее ярко позеленели. Рендер отметил это с неодобрением.

— Удобно?

— Да.

— О'кей, приготовились. Я закрою. Приятных сновидений.

Верхняя створка медленно опустилась. Закрывшись, „яйцо“ потускнело, потом ослепительно засияло. Рендер взглянул вниз, на собственное кривое отражение.

Потом пошел обратно к пульту.

Зигмунд стоял у пульта, преграждая ему дорогу.

Рендер протянул руку, чтобы потрепать его по голове, но пес отстранился.

— Пусти меня, хочу вместе,— проворчала собака.

— Боюсь, это не получится, старина,— сказал Рендер.— Кроме того, мы ведь никуда не уходим. Просто вздремнем малость, не выходя из комнаты.

Но пес, похоже, не собирался уступить.

— Зачем?

Рендер вздохнул. Спорить с собакой — подобная нелепость могла прийти в голову разве что с похмелья.

— Зиг,— сказал он,— я собираюсь помочь ей узнать, как выглядит наш мир. Конечно, ты замечательно делаешь, вода ее среди всех этих невидимых для нее вещей, но ей нужно узнать, как они выглядят, и я собираюсь помочь ей.

— Тогда она — я — не нужен.

— Конечно, ты будешь ей нужен,— Рендер с трудом сдерживал смех. Патетика момента так тесно переплелась с абсурдом, что это было и вправду презабавно.

— Я не могу вернуть ей зрение,— объяснил он.— Я просто хочу внушить ей кое-какие зрительные абстракции, ну, как бы одолжить ей на время свои глаза. Ясно?

— Нет,— ответил пес.— Лучше мои.

Рендер выключил музыку.

„История отношений между собакой-мутантом и ее хозяйкой,— решил он про себя,— заслуживает по меньшей мере шести томов по-немецки“.

— Поди туда и ляг,— он указал на дальний угол.— Эйлин же сказала тебе. Это продлится недолго, и, когда кончится, вы уйдете, как и пришли. И ты поведешь ее. О'кей?

Зигмунд ничего не ответил и молча, опустив хвост, побрел в угол.

Рендер устроился в кресле и опустил колпак — теперь его место тоже напоминало „чрево“. Он был один против девяноста белых кнопок и двух красных. Мир кончался в темноте за пультом. Рендер развязал галстук, расстегнул воротник рубашки.

Достав шлем, он проверил контакты. Потом надел шлем и опустил темное прозрачное забрало так, что оно сомкнулось с нижней половиной, закрывающей подбородок. Вложив правую руку в подвес, он одним движением отключил сознание пациентки.

Ваятель нажимает белые кнопки бессознательно. Он лишь отдает мысленные приказы. Потом датчик мышечных рефлексов передает напряжение чувствительному подвесу, тот перемещается в нужное положение и отдает приказ пальцу нажать необходимую кнопку. Когда кнопка нажата, подвес двигается дальше.

Рендер ощутил покалывание у основания черепа; запахло свежескошенной травой.

Мгновенье — и он уже шел, восходя, по широкой сумрачной аллее между двух миров...

После показавшегося долгим отрезка времени Рендер почувствовал под ногами непривычную, чужую землю. Он ничего не видел; и только какое-то смутное ощущение чьего-то присутствия подсказывало: он на месте. То была самая непроглядная, самая темная из всех ночей, в которых ему пришлось побывать.

Он приказал тьме рассеяться. Никакого эффекта.

Часть его сознания пробудилась — та часть, которую он не чувствовал спящей; он спросил у памяти, в чей мир он попал.

Он вслушивался в неведомое присутствие. Страх и настороженное ожидание.

Он приказал явиться цвету. Сначала — красный.

Он ощутил ответное движение. Потом откликнулось эхо.

Все окрасилось в красный цвет; он словно оказался в самой сердцевине огромного рубина.

Оранжевый. Желтый...

Он был мушкой в куске янтаря.

Потом — зеленый, жаркие морские испарения. Синий принес вечернюю прохладу.

Он напряг мозг, стараясь вызвать все цвета сразу. И они явились — огромным переливающимся плюмажем.

Он разделил их, придавая каждому форму.

Слепящая, сияющая радуга выгнулась на черном небосводе.

Он вновь напрягся, призывая коричневое и серое. Они проступили снизу — мелькающими, мерцающими пятнами.

Он ощутил далекий трепет. Однако в нем не было ничего истеричного, и Рендер продолжал Ваять.

Он установил черту горизонта, впитавшего черный цвет. Небо слабо поголубело, и он рискнул выпустить стаю темных туч. Работая над перспективой, он почувствовал, как что-то сопротивляется его усилиям, и добавил к общей картине слабый шум прибоа. Представление о перспективе начало медленно смещаться там, на другом конце, как только он начал разгонять тучи. Чтобы компенсировать приступ акрофобии, он быстро набросал высокий лес.

Паника улеглась.

Рендер сконцентрировался на больших деревьях — дубах и соснах, тополях и платанах. Он разметал их стволы вокруг, вонзая их в землю, как копыя, осыпая ворохом зеленых, коричневых и желтых лоскутков, раскатил толстый ковер травы в утренней росе, разбросал на неравном расстоянии серые валуны и зеленоватый валежник и переплел ветви в высоте над головой, укрыв равномерной тенью всю лошину.

Эффект был ошеломляющий. Казалось, весь мир содрогнулся в радостных рыданиях и смолк.

Но сквозь застывшую тишину он чувствовал ее присутствие. Он решил, что лучше всего будет как можно скорее заложить основание, закрепиться на клочке ясной, осязаемой реальности, подготовить почву для маневра. Потом он мог вернуться вспять по собственным следам, устранить последствия травмы во время следующих сеансов; но это был необходимый для начала минимум.

Молчание не означало отступления. Эйлин была повсюду: в деревьях и траве, в камнях и зарослях кустарника; она воплощалась в их формы, соотносила их с осязательными ощущениями, звуками, запахами.

Мягким порывом ветра прошелестел он в ветвях деревьев. Воспроизвел плеск невидимого ручья.

Эйлин радостно откликнулась, и он обрадовался тоже.

Пока она держалась замечательно, и он решил расширить сферу первой попытки. Он позволил себе мысленно пройти среди деревьев, испытывая мгновенное удвоение зрения; в одно из таких мгновений он увидел огромную руку возницы, направляющего алюминевую колесницу к слепяще-белому кругу.

Он был уже по ту сторону ручья и осторожно шел ей навстречу.

Его уносило течением. Он еще не обрел формы. Всплески слились в согласное журчание ручья, который он заставлял течь, играя, между камней. Еще усилие — и лепет воды зазвучал членораздельно.

— Где ты? — спросил ручей.

— *Здесь! Здесь! И здесь!* — откликнулись деревья, кусты, камни, трава.

— Выбери одно, — сказал ручей; он разлился широко, обтекая большой валун, потом побежал под гору, к голубому озеру.

— *Я не могу,* — прошелестел ветер.

— Ты должна, — ручей скользнул в озеро, взвихрив его ровную гладь, и замер, отражая ветви деревьев и темные облака. — Сейчас!

— *Хорошо,* — ответило легкое эхо. — *Одну минутку.*

Над озером встал туман и медленно поплыл к берегу.

— Сейчас, — прозвенел туман.

— *Тогда здесь...*

Она выбрала маленькую иву. Деревце покачивалось на ветру, склонив ветви к воде.

— Эйлин Шеллот, — сказал он, — взгляни на озеро.

Налетел порыв ветра, ива затрепетала.

Ему не составляло труда вспомнить ее лицо, ее тело. Деревце беспокойно кружилось — так, словно у него не было корней. Эйлин стояла среди смятенных, бесшумным взрывом разметанных листьев; со страхом взглянула она в глубокое синее зеркало воды — мыслей Рендера.

Она закрыла лицо руками, но это не мешало ей видеть.

— Взгляни на себя, — сказал Рендер.

Она отняла руки и быстро опустила глаза. Потом медленно повернулась, в одну, в другую сторону, изучая себя.

— Мне кажется, я вполне симпатичная, — сказала она наконец. — Это вы так захотели, или это правда?

Говоря, она не переставала оглядываться в поисках Ваятеля.

— Это правда,— голос Рендера звучал отовсюду.

— Спасибо.

Налетел белый вихрь, и когда он рассеялся, на ней было шелковое, перехваченное кушаком платье. Свет, разгорающийся вдалеке, был едва уловим. Бледно-розовая полоса обозначилась вдоль нижней гряды облаков.

— Что там происходит? — спросила она, поворачиваясь.

— Я хочу показать тебе восход солнца,— сказал Рендер,— боюсь, правда, выйдет неважно, ведь это первый восход в моей практике, да еще в таких условиях.

— А где ты? — спросила она.

— Везде,— ответил он.

— Пожалуйста, стань чем-нибудь, я хочу тебя видеть.

— Договорились.

— Стань самим собой.

Он представил, что стоит на берегу, у нее за спиной, и вот он уже стоял там.

Что-то металлически блеснуло, и он опустил глаза. Мир на мгновение заколебался, потом вновь обрел стабильность. Рендер улыбнулся, но улыбка застыла у него на губах, когда он вспомнил.

На нем были те же рыцарские латы, которые стояли рядом со столиком Эйлин тогда, в „Скальпеле и куропатке“.

Она вытянула руку и коснулась стали.

— Рыцарские латы, они стояли рядом с нашим столиком,— сразу догадалась она, ощупывая металлические пластины и скрепы.— В тот вечер я представляла вас в них.

— И сейчас ты, не раздумывая, засунула меня в них,— заметил он.— У тебя сильная воля.

Латы исчезли — на Рендере снова был его серо-коричневый костюм, свободно повязанный галстук цвета запекшейся крови, на лице — профессионально-сосредоточенное выражение.

— Представь себе реального меня,— он слабо улыбнулся.— А теперь — восход. Я использую все цвета. Следи!

Они сели на зеленую парковую скамью, возникшую за ними, и Рендер указал в направлении, которое, как он решил, будет востоком.

Солнце не торопясь продельывало свою утреннюю работу. Впервые оно явилось в этом мире, подобное божеству, отразилось в поверхности озера, разорвало тучи, и туман, курясь, окутал влажную древесную листву, скрыл лощину.

Пристально, не отрываясь, глядела Эйлин на разгорающийся в небе пожар; долго сидела она, не вымолвив ни слова. Ее восхищение сообщалось Рендеру.

Она не сводила глаз со всемирного источника света, а восходящее светило, слепя, отражалось в металлическом кружке у нее на лбу, как блестящая капля крови.

— Это солнце, а это тучи,— сказал Рендер, хлопнул в ладоши — тучи скрыли солнце, и сверху послышались мягкие раскаты.— А это — гром.

Пошел дождь; капли его разбили зеркальную гладь озера; щекоча, покатались по щекам Эйлин, громко застучали по листьям деревьев, мягко зашлепали по траве; струйки дождя потекли с ветвей; одежда на обоих вымокла, волосы слиплись, а капли все падали, стекая по лицам, заставляя жмуриться и превращая в грязь коричневые пятна земли.

Сверкающая молния прочертила небо, а мгновение спустя снова прогрохотал гром.

— ...А это — летняя гроза,— сказал он наставительно.— Можно наблюдать, какое действие оказывает дождь на листву и на людей. А то, что ты видела в небе перед громом, называется молния.

— Я устала,— сказала она.— Пожалуйста, пусть он на минутку перестанет.

Дождь мгновенно перестал, и солнце проглянуло сквозь тучи.

— Чертовски хочется курить,— сказала она,— но я оставила свои сигареты там, в том мире.

Стоило ей сказать это, как зажженная сигарета уже дымилась в ее пальцах.

— Покажется пресной,— сказал Рендер загадочно.

Потом он мельком взглянул на нее.

— Это не я дал тебе сигарету,— сказал он.— Ты сама выудила ее у меня в мыслях.

Дым качнулся в сторону, свился спиралью и уплыл.

— А это значит,— продолжал он,— что уже второй раз сегодня я недооценил силу той свободной части твоего сознания, где должен помещаться механизм зрения. Ты усваиваешь новые впечатления очень быстро. А теперь даже подбираешься к новым. Будь осторожна. Постарайся держать себя в руках.

— Но это как голод,— сказала она.

— Пожалуй, на сегодня хватит.

Одежда их уже высохла. В ветвях запела птица.

— Нет, подождите! Пожалуйста! Я буду осторожней. Я хочу видеть еще.

— Ну, этот визит не последний,— сказал Рендер.— Но еще немножко можно. Что бы тебе больше всего хотелось увидеть?

— Зиму. Снег.

— О'кей,— улыбнулся Ваятель.— Тогда накинь эту шубу...

Часть дня, оставшаяся после ухода пациентки, пролетела незаметно.

Настроение у Рендера было хорошее. Казалось, что ему удалось выплеснуть всю энергию, а теперь он снова полон ею до краев. Первый опыт прошел без каких-либо обратных воздействий. Он решил, что успех обеспечен. Чувство удовлетворения было сильнее чувства страха. Ощущая прилив бодрости, он вернулся к работе над лекцией.

— В чем же состоит возможность причинить ущерб ближнему? — спросил он у микрофона.

— Жизнь нашей управляют приятные и неприятные эмоции,— ответил он на собственный вопрос.— Удовольствие и боль. Одно воодушевляет, другое подавляет. Но хотя удовольствие и боль имеют биологические корни, распределение их обусловлено обществом: общество формирует ценности. Огромные массы людей, жителей больших городов, ежедневно с лихорадочной поспешностью перемещаются с места на место, и это сделало необходимым установление полностью механизированных форм контроля за этими передвижениями. Каждый день они прокладывают себе пути в новые области: они управляют нашими автомобилями, пилотируют наши самолеты, опрашивают нас, ставят нам диагнозы,— и я не рискнул бы оценивать эти вторже-

ния техники в моральном плане. Они неизбежны и в конце концов могут оказаться даже благотворными.

Но, как бы там ни было, я бы хотел сделать акцент на том, что мы часто не отдаем себе отчета в наших ценностях. Мы не можем прямо сказать, что значит для нас та или иная вещь, пока она не исчезнет из нашей жизни. Когда же ценностный объект исчезает, вложенная в него психическая энергия высвобождается. И мы отправляемся на поиски новых ценностных объектов, на которые могли бы обратить свою „ману“, или свое „либидо“, как вам больше нравится.

И надо сказать, что ни одно из явлений, исчезнувших за последние три, четыре или пять десятилетий, не обладало достаточной массовой значимостью; и ни одно из новшеств, появившихся за это время, нельзя считать враждебным по отношению к людям, которых оно заменило, или к тем, кого оно контролирует. Тем не менее общество представляет из себя сложную систему явлений, и, если они сменяют друг друга слишком быстро, результаты могут оказаться непредсказуемыми. Тщательное изучение душевных заболеваний часто проливает свет на природу стрессов, бытующих в обществе, где эти заболевания возникли. Если психические расстройства подлежат классификации, то скрытые болезни общества так или иначе обнаруживаются в них. Карл Юнг установил, что, когда сознательное терпит постоянные неудачи в поисках ценностей, поиски эти переходят на уровень подсознания; если же и там ждет его неудача, то оно обращается к гипотетическому коллективному подсознанию. В послевоенный период, изучая психологию бывших нацистов, он заметил, что чем дольше искали они чего-либо жизнеспособного на руинах своих судеб — пройдя через период классического иконоборчества, а затем видя крах новых идеалов, — чем дольше они искали, тем глубже уходили они в коллективное подсознание своего народа. Даже их сны отливались в образы древнегерманских мифов.

Пусть не в столь драматической форме, но нечто подобное происходит и сейчас. В некоторые исторические периоды групповая тенденция обращаться на самое себя, двигаться вспять возрастает сравнительно с другими эпохами. Сегодня мы переживаем эру донкихотства в изначальном значении этого слова. А от-

сюда следует, что в наши дни нанести ущерб можно, прежде всего, игнорируя, не признавая, строя козни, и мы уже не можем сказать, что исключительная привилегия человеческих существ...

Телефонный гудок прервал его. Отключив диктофон, Рендер нажал кнопку переговорного устройства.

— Чарльз Рендер слушает.

— Это Пол Чартер, — раздался шепелявый голос, — директор школы в Диллинге.

— Слушаю вас.

Появилась картинка. С экрана на Рендера глядело лицо человека с близко посаженными глазами и высоким лбом. Слова давались Чартеру с трудом, лоб морщился, губы кривились.

— Я хотел бы еще раз извиниться за то, что произошло. Дело в том, что этот физкультурный снаряд был неисправен, и...

— Неужели вы не в состоянии приобрести более качественное оборудование? Плата за обучение у вас достаточно высокая.

— Но это был новый снаряд. Дело в фабричном браке...

— Так, значит, класс был оставлен без присмотра?

— Нет, но...

— Почему же тогда преподаватель не осмотрел снаряды? Почему не подстраховал мальчика?

— Он был рядом, но все произошло слишком быстро. А осматривать оборудование с целью обнаружения фабричного брака — не его задача. Послушайте, мне действительно очень жаль. Вашим мальчиком я очень доволен. Уверяю вас, ничего подобного больше не произойдет.

— Вот тут вы правы, но только потому, что я завтра же забираю его и отдаю в школу, где соблюдаются соответствующие правила безопасности.

Нажав кнопку, Рендер прервал разговор.

Еще несколько минут он сидел за столом, потом встал и прошел в дальнюю часть комнаты, отгороженную книжным шкафом. Быстро, привычным движением он открыл дверцу и достал шкатулку, в которой лежало дешевое ожерелье и фотография в рамке, изображавшая мужчину, похожего на Рендера, но моложе, и женщину с темными, зачесанными назад волосами и маленьким ртом; между ними стояла девочка и, держа на

руках малыша, улыбалась широкой, ясной, хотя и несколько напряженной улыбкой.

Как всегда в подобных случаях, Рендер несколько секунд смотрел на фотографию, ласково перебирая ожерелье, потом закрыл шкатулку и на долгие месяцы вновь спрятал ее в шкаф.

„Вумп! Вумп!“ — гудели басы. „Чг-чг-чга-чг!“ — сухо трещали маракасы.

Светильники бросали косые отсветы — красные, зеленые, синие и ядовито-желтые — на фигурки механических танцоров.

„Люди?“ — вопрошала вывеска на балагане.

„Или роботы?“ — было написано чуть ниже.

„Войдите, и вы увидите себя!“ — значилось загадочно в самом низу.

Так они и сделали.

Джилл и Рендер сидели за крошечным столиком, специально поставленным так, чтобы посетители могли разглядеть нарисованные углем на стене карикатуры на местных знаменитостей, по большей части неизвестных (таких неизвестных знаменитостей немало найдется в субкультурах города с населением в четырнадцать миллионов человек).

Морща нос от удовольствия, Джилл упивалась самым колоритным зрелищем, каким могла угостить их эта субкультура, и, чтобы подчеркнуть переполнявший ее восторг, то и дело высоко поднимала плечи, прыскала и повизгивала; и действительно — танцоры были *слишком* похожи на людей, взять хотя бы то, с какой галантностью черный робот брал свою партнершу за руку, когда они сходились...

Рендеру приходилось делить свое внимание между Джилл, танцорами и сомнительного вида смесью в стакане, напоминавшем бочонок виски, в котором колыхались морские водоросли (казалось, в любую минуту из них может вынырнуть Кракен, чтобы утянуть какое-нибудь злосчастное суденышко в роковые глубины).

— Чарли, по-моему, это взаправдашние люди!

Рендер отвел взгляд от волос Джилл и ее покачивающихся сережек и внимательно посмотрел вниз, на пол, где кружились под музыку танцующие фигурки.

А что, если внутри этих металлических каркасов действительно люди? Тогда мастерство их просто поразительно. Конечно, получить достаточно легкий сплав сейчас несложно, и все же от танцоров потребовалось бы большое искусство, чтобы так ловко выделывать па на протяжении столь долгого времени, будучи с ног до головы закованными в броню, и ни разу не произвести ни малейшего звука.

Ни малейшего...

Они двигались легко, как чайки, скользящие над водой; тот, что побольше, отливал, как кусок антрацита; второй, поменьше, серебрился, как лунный свет, падающий сквозь витрину на шелковое платье манекена.

Даже сталкивались они бесшумно, и если какой-то звук и возникал, он полностью заглушался наигрышами музыкантов.

„Вумп! Вумп! Чга-чг!“

Рендер заказал еще коктейль.

Движения замедлились; танцоры исполняли танец апашей. Рендер взглянул на часы. Пожалуй, слишком долго для наемных танцоров. Наверное, это все же роботы. Когда он вновь посмотрел на танцующую пару, черный робот подбросил свою партнершу футов на десять, а затем поймал.

Никакого лязга или звона.

„Любопытно, сколько может стоять такая игрушка?“ — подумал он.

— Чарли, я не слышала ни единого звука. Как это у них получается?

— Ни звука? — переспросил Рендер.

И снова замелькала подсветка — желтая, красная, синяя, зеленая.

— А тебе не кажется, что они могут сломаться?

Серебристый робот вернулся в прежнюю позицию; другой стоял, небрежно помахивая рукой с зажженной сигаретой. Когда он механически поднес ее к своему безгубому, безликому лицу, раздался смех. Серебристый робот снова стоял перед ним. Он обернулся, выбросил сигарету и вновь беззвучно повернулся к партнерше. Неужели он снова проделает такой же трюк? Нет, вряд ли...

И снова начался танец, причем танцоры выступали медленно и важно, как длинноногие птицы Востока, то и дело сходясь и расходясь.

Где-то в глубине Рендер чувствовал, что это забавно, однако ему не хотелось копаться в себе, выясняя, что же именно смешного в движениях танцующей пары. И он принялся разглядывать Кракена, притаившегося на дне стакана.

Джилл уцепилась за бицепс, привлекая его внимание к происходящему внизу.

Высвечивающие площадку прожекторы вновь принялись терзать спектр, и черный танцор стал медленно поднимать над головой серебристую партнершу, а затем, расставив ноги, прогнув спину и вытянув руки, начал вращать ее, поначалу медленно, а потом все быстрее и быстрее.

Скорость резко увеличивалась — и вот они уже вращались с немыслимой быстротой, и одновременно все быстрее мелькали цветные пятна.

Рендер встряхнул головой, в глазах рябило.

Танцоры вращались так быстро, что неминуемо *должны были* упасть — будь то роботы или люди. Однако они не падали. Очертания их тел слились в мандалу, в нечто расплывчатое, однородно-серое. Рендер взглянул вниз.

Но вот вращение стало замедляться. Медленнее, медленнее, наконец они остановились.

Музыка смолкла.

Свет погас. В темноте раздались аплодисменты.

Когда свет снова зажегся, оба робота стояли, застыв, как статуи, перед публикой. Медленно, очень медленно они поклонились.

Аплодисменты стали громче.

Танцоры повернулись и скрылись.

И снова заиграла музыка, снова загорелся ровный, яркий свет. Зазвучал слитный гул голосов. Рендер прикончил Кракена.

— И что ты об этом думаешь? — спросила Джилл.

Рендер напустил на себя серьезность.

— Человек ли я, которому снится, что он робот, или робот, которому снится, что он — человек?

Он усмехнулся:

— Не знаю.

Джилл весело хлопнула его по плечу, и Рендер заметил, что она пьяна.

— Ничего подобного, — запротестовала она. — Разве что капельку. Меньше, чем ты.

— И все же, я думаю, тебе стоит показаться врачу. Такому, как я. Такой, как сейчас. Может, пойдем отсюда, покатаемся?

— Подожди, Чарли, подожди немного. Я хочу еще раз их увидеть. Ну пожалуйста!

— Если я еще выпью, вряд ли я что-нибудь увижу.

— Тогда закажи чашку кофе.

— Уф-ф!

— Тогда пива.

— Обойдусь без пива.

На площадке танцевало несколько пар, но у Рендера ноги словно налились свинцом.

Он закурил.

— Значит, ты сегодня говорил с собакой?

— Да. Очень странная история...

— Она была хорошенькая?

— Это был кобель. И далеко не красавец.

— Глупый, я про хозяйку.

— Ты ведь знаешь, Джилл, я никогда не обсуждаю пациентов.

— Ты же сам рассказывал, что она слепая, и про собаку. Мне только интересно: она хорошенькая?

— Как сказать... и да, и нет.

Он шлепнул ее под столом и неопределенно пожал плечами:

— Ты понимаешь...

— То же и еще раз то же,— сказала она официанту, неожиданно возникшему из темноты рядом с ними. Официант кивнул и так же мгновенно исчез.

— Вот чем заканчиваются всегда мои благие намерения,— вздохнул Рендер.— Похоже, тебе хочется, чтобы тебя обследовал подвыпивший врач, иначе я не могу объяснить.

— Ну, ты у нас быстро трезвеешь. Секреты Гиппократа.

Он фыркнул, взглянул на часы.

— Завтра еду в Коннектикут, забрать Пита из этой чертовой школы.

Джилл зевнула; тема явно ей надоела.

— Мне кажется, ты слишком за него переживаешь. Сломать лодыжку — обычная история для молодого парня. Это болезнь роста. Я сломала руку в детстве, когда мне было семь лет. Несчастный случай. Школа тут не виновата, это всегда случается само собой.

— Черта с два,— сказал Рендер, принимая стакан с темным напитком из рук темного человека с темным подносом.— Если им не справиться со своей работой, я найду того, кто справится.

Джилл пожала плечами.

— Тебе виднее. Я знаю только то, о чем пишут в газетах,— сказала она и добавила: — А ты по-прежнему настаиваешь на Давосе, хотя знаешь, что публика в Сент-Морице гораздо приличнее.

— Не забывай: мы едем кататься на лыжах. А бегать на лыжах мне больше нравится в Давосе.

— Может, мне удастся выиграть хоть один забег сегодня?

Рендер пожал ее руку.

— Ты же всегда обгоняешь меня, милая.

И они допили свои коктейли, и докурили свои сигареты, и долго сидели, взявшись за руки, пока люди не ушли с танцевального круга, и вновь не замелькали разноцветные пятна, закружились, окрашивая клубы табачного дыма то инфернально-красным, то нежно-розовым, как заря, цветом, и в оркестре не бухнул бас: „Вумп!“

„Чга-чг!“ — отозвались маракасы.

— Чарли, смотри, вот они опять!

Небо было как темное стекло. Дорожное покрытие — чистое. Снег перестал.

Джилл дышала ровно, как дышат спящие. С-7 стремительно мчался через городские мосты. Когда Рендер сидел не шевелясь, ему удавалось убедить себя, что сознание его работает трезво; однако стоило чуть наклонить голову — и вселенная начинала кружиться. В такие моменты ему казалось, что все вокруг — сон, и это он изваял его.

И так оно и было, когда он перевел стрелку звездного циферблата назад, улыбнувшись во сне. Но вот он снова проснулся, и улыбка исчезла с его лица.

Вселенная мстила ему за самонадеянность. На одно ослепительное мгновение, с беспомощностью, которая была ему дороже помощи, она спросила с него сполна за озерный мираж; и когда он вновь устремился к разбитому остоу на поверхности мира — как ныряльщик, не в силах открыть рот для крика,— он услышал донесшийся сверху, сквозь толщу покрывающих Землю вод, вой Фенрира Волка, разинувшего пасть,

чтобы пожрать луну; и едва Рендер услышал этот звук, как понял, что он похож на трубы Судного дня, так же, как женщина рядом с ним похожа на луну. Во всем. Как ни взгляни. И ему стало страшно.

III

Он был собакой.

Но не обычной собакой.

Он сидел — сам — за штурвалом автомобиля, едущего за город.

Крупный, по виду похожий на немецкую овчарку, он сидел на задних лапах на переднем сиденье, глядя на проезжающие мимо машины и на пейзаж за окном. Он ехал по полосе скоростного движения, обгоняя другие машины.

День был холодный, снег лежал на полях; деревья были скованы ледяной броней, и птицы в небе и на земле казались черными пятнами.

Пес открыл пасть, и длинный язык лизнул оконное стекло, затуманившееся от собачьего дыхания. Морда у него была длиннее любой другой собачьей морды, кроме, пожалуй, ирландского волкодава. Глаза были темные, глубоко посаженные. Открыв пасть, он смеялся.

Он прибавил скорость.

Наконец машина замедлила ход и, перестроившись на правую боковую полосу, свернула на проселочную дорогу. Еще несколько миль она ехала по проселку, затем опять свернула — на узкую аллею — и остановилась под деревом.

Мотор заглох; дверца открылась.

Пес вышел из машины и с силой толкнул дверь плечом. Увидев, что свет внутри погас, он повернулся и полем побежал к лесу.

Осторожно переставляя лапы, он изучал собственные следы.

Вбежав в лес, он глубоко втянул в себя воздух.

Потом встряхнулся — от кончика носа до хвоста.

Зала~~л~~в странным, не похожим на собачий, лаем, пес побежал в глубь леса.

Он бежал между деревьев и валунов, перепрыгивая через замерзшие лужи, небольшие промоины, избегая

по склонам холмов и сбегая вниз — в лощины, ломая ледяную коросту на траве, на радужно-разноцветных кустах, и дальше — по заледеневшему руслу ручья.

Потом остановился, тяжело дыша. Принюхался.

Открыл пасть и засмеялся — этому он научился у людей.

Затем, глубоко вздохнув, поднял морду к небу и завыл — этому он научился не у людей.

По правде сказать, он и сам не знал, у кого.

Его вой прокатился по холмам и эхом отозвался вдалеке, как зычный звук охотничьего рога.

В ответ донесся вой, похожий и не похожий на его собственный.

Любой другой голос не мог быть похож на его, ведь он был не просто собакой.

Он прислушался, понюхал воздух и снова завыл.

И снова донесся ответный зов. На этот раз ближе...

Он подождал, принюхиваясь — что несут с собой порывы ветра.

Собака приближалась к нему по склону холма, сначала быстро, потом сменив рысцу на шаг. Остановившись футах в сорока, она внимательно уставилась на него. Потом опустила голову.

Она была похожа на гончую — большая, вислоухая дворняга.

Еще раз потянув воздух, он издал горлом короткий, неопределенный звук.

Собака оскалилась.

Он двинулся навстречу незнакомцу, и тот не двигался, пока он не подошел футов на десять. Тогда незнакомец повернулся и стал отступать.

Он остановился.

Собака, внимательно за ним наблюдая, принялась кружить вокруг него. Двигаясь с подветренной стороны, она постоянно принюхивалась.

Наконец, глядя на собаку, он издал глубокий горловой звук, странно похожий на „привет!“.

Собака заворчала. Он шагнул ей навстречу.

— Хорошая собака, — сказал он наконец.

Незнакомец склонил голову набок.

— Хорошая собака, — повторил он и сделал еще шаг вперед. Потом еще. Потом сел.

— Оч-чень хор-рошая собака.

Хвост его едва заметно вильнул.

Встав, он пошел к собаке. Когда он подошел, та внимательно обнюхала его. Он ответил ей взаимной вежливостью. Собака, помахивая хвостом, вновь принялась описывать круги и, запрокинув голову, дважды пролаяла.

Она все расширяла круги, время от времени опуская морду к земле. Вдруг она стремглав бросилась в лес, по-прежнему держа голову низко опущенной.

Он подошел к месту, где она только что стояла, и обнюхал его. Потом повернулся и побежал по следу между деревьями.

Через несколько секунд он поравнялся с собакой, и теперь они бежали бок о бок.

Потом он вырвался вперед; след описал круг, начал петлять. И все же он был достаточно отчетлив.

Из-под куста выскочил затаившийся кролик.

Он быстро догнал его и схватил своими мощными челюстями.

Кролик забился, но он мгновенно перекусил ему позвонки.

Кролик еще раз дернулся и затих.

Держа в пасти тельце зверька, он оглянулся.

Гончая спешила к нему, вся дрожа.

Он бросил кролика перед ней.

Гончая выжидательно взглянула на него.

Он следил за ней.

Она опустила морду и вонзила клыки в маленькую тушку. Кровь дымилась в холодном воздухе. Редкие снежинки, кружась, падали на коричневую морду собаки.

Она жадно глотала кусок за куском...

Наконец он тоже опустил морду и откусил от добычи. Мясо было теплое, жесткое и пахло дичью. Глядя на него, собака отступила, глухо рыча.

Он был не очень голоден, поэтому тут же бросил кролика и отошел. Собака вновь склонилась над тушкой.

После этого они несколько часов охотились вместе.

И каждый раз он опережал гончую в поимке добычи, и каждый раз оставлял добычу ей.

Всего им удалось поймать семь кроликов. Последних двух они не тронули.

Собака села, внимательно на него глядя.

— Хорошая собака, — сказал он.

Она завиляла хвостом.

— Плохая собака,— сказал он.

Хвост замер.

— Очень плохая собака.

Она опустила голову, потом виновато взглянула на него.

Он развернулся и пошел прочь.

Собака последовала за ним, поджав хвост.

Остановившись, он оглянулся.

Собака еще больше поджала хвост и съежилась.

Тогда он пролаял пять раз и завыл.

Собака приободрилась, хвост выпрямился. Она подошла к нему и снова его обнюхала.

Он издал звук, похожий на смех.

— Хорошая собака.

Хвост заходил из стороны в сторону.

Он снова рассмеялся.

— И-ди-от. Ми-кро-це-фал,— сказал он.

Хвост продолжал вилять.

Он засмеялся.

— Хорошая собака, хорошая собака, хорошая собака, хорошая собака, хорошая собака.

Она стала бегать вокруг него маленькими кругами, потом опустила голову, прижав ее к земле между передними лапами, и взглянула на него.

Он оскалил клыки и заворчал. Потом прыгнул на нее и укусил в плечо.

Она отбежала, заскулив.

— Дурак! — прорычал он.— Дурак, дурак, дурак, дурак, дурак!

Ответа не было.

Он зарычал снова — так не рычит больше ни один зверь на свете. Потом он вернулся к машине, носом открыл дверцу и запрыгнул внутрь.

Нагнувшись, он нажал на кнопку, и мотор завелся. Дверца медленно опустилась. Лапой он набрал нужные координаты. Машина вырулила из-под дерева, выехала по узкой дороге на шоссе.

Потом, доехав до хайвея, смешалась с потоком других машин.

А в это время где-то шел человек.

Утро было холодное, и он мог бы надеть пальто потеплее, но ему нравилось старое, с меховым воротником.

*Засунув руки в карманы, он шел вдоль ограждения.
По другую сторону, рыча, проносились машины.*

Человек не замечал их.

Он мог быть в это время в тысяче других мест, но он выбрал это.

Он предпочел путь пешком в это холодное утро.

Он предпочел не замечать ничего и просто шел.

Машины мчались мимо, а он шел, медленно, но верно двигаясь вперед.

Навстречу ему не попался ни один пешеход.

Дул ветер, и он поднял воротник, но все равно было зябко.

Он шел, и утро хлестало его по лицу и дергало за полы его одежды. День раскрывал перед ним свою бесконечную анфиладу, и он шел, никем не учтенный и не замеченный.

Канун Рождества.

...Противоположность Новому году.

Это время, когда семьи собираются вместе, и большие рождественские поленья трещат в каминах; время подарков, время особых кушаний и особых напитков.

Это время больше принадлежит личности, чем обществу. Это время, чтобы обратиться к себе и к семье, оставив в стороне общественные проблемы; это время морозных узоров на окнах, ангелов в украшенных звездами одеяниях, пылающих каминов, пойманных жарптиц, толстых Санта-Клаусов, надевающих две пары брюк (ведь малыши, которых они усаживают к себе на колени, могут и описать в благоговейном трепете); это время, когда ярко горят окна соборов, время метелей, рождественских гимнов, колоколов, сценок с волхвами у яслей, поздравлений от тех, кто не с нами (даже если они живут поблизости), время радиопостановок по Диккенсу, время ветвей падуба, свечей и неувядающей зелени, сугробов, разряженных елок, сосен, Библии и Доброй Старой Англии, время, когда поют „Что за дитя?“ и „Городок Вифлеем“; время рождения и надежды, света и тьмы; время сиюминутное и грядущее, чувство перед свершением, свершение до срока, время красного и зеленого, смена того, кто стоит на страже, время традиций, одиночества, симпатий, антипатий, сентиментальности, песен, веры, на-

дежды, милосердия, любви, желаний, стремлений, страха, свершений, исполнения желаний, веры, надежды, смерти; время собирать камни и время разбрасывать камни, время объятий, находок, потерь, смеха, танцев, сна под утро, усталости, молчания, разговоров, смерти и вновь молчания. Это время разрушать и время строить, время сеять и время пожинать посеянное...

Чарльз Рендер, Питер Рендер и Джилл де Виль были вместе в этот тихий вечер в канун Рождества.

Квартира Рендера находилась на самом верху башни из стекла и стали. В ней царил дух спокойствия и постоянства. Ряды книг протянулись по стенам; то тут, то там статуэтка нарушала однообразные ряды корешков; картины примитивистов, сияющие чистыми красками, висели в простенках. Маленькие зеркала, выпуклые и вогнутые, украшенные ветками падуба, были развешаны в беспорядке.

На скатерти стояли рождественские открытки с поздравлениями. Растения в горшках (два в столовой, одно в кабинете, еще по одному в кухне и в ванной) были украшены блестками и звездами из фольги.

Чаша для пунша была из розового камня, инкрустированного бриллиантами. Она занимала почетное место на столике из фруктового дерева, окружающие ее бокалы поблескивали в мягком, рассеянном свете.

Настало время открывать подарки...

Джилл завернулась в свой, ошетилившийся тысячью маленьких мягких копий.

— Горностай! — воскликнула она. — Великолепно! До чего ж красиво! Спасибо тебе, Ваятель!

Рендер улыбнулся и выпустил клуб дыма.

Манто искрилось, переливалось.

— Теплый снег! Мягкий лед! — сказала она.

— Шкуры убитых животных, — заметил он, — лучше всего доказывают умение охотника. Я добыл их для тебя, обойдя вдоль и поперек всю Землю. Я настиг красивейших из белых созданий и сказал: „Отдайте мне свои инкуры“, — и они сделали это. Слава великому охотнику Рендеру!

— У меня есть для тебя кое-что, — сказала она.

— Что же?

— А вот. Это тебе.

Рендер стал разворачивать обертку.

— Так-так, — сказал он. — Запонки. В виде тоте-

ма. Три лица — одно над другим. Золото. „Оно“, „я“ и „сверх-я“. Пожалуй, я назову их так, поскольку верхнее кажется мне наиболее экспрессивным.

— Зато нижнее улыбается,— сказал Питер.

Рендер кивнул.

— Я не уточнил, какое именно я беру за точку отсчета,— сказал он сыну,— а улыбается оно потому, что ему доступны радости, о которых плебеи не имеют ни малейшего понятия.

— Бодлер? — спросил Питер.

— Хм. Да, Бодлер.

— ...Цитата, мягко говоря, неточная,— ответил сын.

— Бывает,— отозвался Рендер,— все зависит от контекста. В контексте Рождества Бодлер заставляет вспомнить о старом и предвещает новое.

— Звучит как свадебное поздравление,— сказал Питер.

Лицо Джилл над белоснежным мехом вспыхнуло; Рендер сделал вид, что не расслышал.

— Ну, пора и тебе посмотреть подарки,— сказал он.

— Посмотрим.

Питер разорвал обертку.

— Ага,— сказал он.— Набор юного алхимика. То, о чем я всегда мечтал. Змеевики, реторты, паровая ванна и эликсир жизни. Здорово! Благодарю, мисс де Виль.

— Пожалуйста, зови меня Джилл.

— Конечно. Спасибо, Джилл.

— Открывай второй.

— Сейчас.

Он снял обертку из белой бумаги с рисунком из ветвей падуба и колокольчиков.

— Потрясающе! Еще две мечты: синее и грустное — семейный альбом в синем переплете, а также копия доклада доктора Рендера в Сенатскую подкомиссию слушаний по вопросу о социопатических расстройствах среди государственных служащих. И еще — полные собрания Лофтинга, Грэхема и Толкина. Спасибо, па. О боги! И еще Талли, Морелли, Моцарт и покойный старина Бах. Музыкой я теперь обеспечен! Спасибо, спасибо, спасибо! А теперь моя очередь. Посмо-о-о-трим...

— Ну-ка, а как насчет этого? — спросил он.

Он вручил отцу и Джилл по пакету.

Каждый развернул свой:

Рендер: — Шахматы.

Джилл: — Пудреница.

Рендер: — Спасибо.

Джилл: — Спасибо.

— Не стоит благодарности.

— А как поживает твой магнитофон? — спросил Рендер.

— Могу дать послушать, — сказал Питер.

Он настроил магнитофон и включил его.

Магнитофон заиграл музыку, которая рассказывала о Рождестве и о святости, о вечерней заре и сверкающих звездах, о теплоте домашнего очага, о верных вассалах, пастухах, королях, о свете и об ангельских голосах.

Когда музыка кончилась, Питер отключил магнитофон и убрал его.

— Очень хорошо, — сказал Рендер.

— Да, хорошо, — сказала Джилл. — Очень...

— Спасибо.

— Как в школе? — спросила Джилл.

— Нормально, — ответил Питер.

— Все-таки новое место.

— Ничего.

— Правда?

— Правда. Просто я хороший. Хороший ученик. Папа меня отлично подготовил.

— Но там новые учителя...

Питер пожал плечами:

— Если вы разбираетесь только в учителях, это одно. Если в предметах — другое. Я предпочитаю разбираться в предметах.

— А архитектуру ты знаешь? — неожиданно спросила она.

— В каком смысле? — спросил, улыбаясь, Питер.

Джилл откинулась в кресле и отвела взгляд.

— По твоей реакции видно, что ты кое-что о ней знаешь.

— Верно, — согласился он. — Знаю. Мы ее недавно изучали.

— Да я просто так спросила, правда...

— Спасибо. Я рад, что вы верите в мои скромные знания.

— И все же, откуда ты знаешь архитектуру? Я уверена, она не входит в обычную программу.

— *Nihil hominum*¹, — пожал плечами Питер.

— Ну ладно. Я просто полюбопытствовала.

Она бросила быстрый взгляд на свою сумочку.

— И что же ты думаешь об архитектуре? — она достала сигарету.

Питер улыбнулся.

— А что можно думать об архитектуре? Это как солнце: оно большое, яркое, и оно существует. И так обо всем, если обходиться без ученых слов.

Джилл опять покраснела.

Рендер поднес зажигалку к ее сигарете.

— Я хотела спросить — тебе она нравится?

— Да, любая: и древние развалины, и новый дом, когда я — внутри, а на улице холодно. Я утилитарен в том, что касается физических удовольствий, и романтик во всем, что связано с эмоциями.

— Господи! — сказала Джилл, взглянув на Рендера. — И чему ты только учишь своего ребенка!

— Всему, чему могу, — ответил Рендер. — И по возможности ускоренно.

— Не хочу, чтобы в один прекрасный день на него обрушилась эдакая современная Вавилонская башня, напичканная фактами вперемешку с законами современной физики.

— Это дурной тон — говорить о присутствующих так, словно их тут нет, — вмешался Питер.

— Правильно, — сказал Рендер, — но хороший тон — это не всегда хороший тон.

— Ты говоришь это так, словно кто-то перед кем-то должен оправдываться.

— Это каждый сам решает для себя, иначе — какой смысл?

— В таком случае я решил, что ни перед кем оправдываться не буду. А если кто-нибудь захочет оправдаться передо мной, я приму его извинения как джентльмен, это и будет хороший тон.

— Питер, — Рендер строго взглянул на сына.

— Можно мне еще пунша? — спросила Джилл. — Очень вкусно, я уже весь выпила.

¹ Ничто человеческое (лат.). Начало латинского изречения: „Ничто человеческое мне не чуждо“.

Рендер потянулся к ее бокалу.

— Дай я,— сказал Питер.

Взяв бокал, он помешал пунш хрустальным ковшом. Потом встал, облокотившись одной рукой на подлокотник кресла.

— Питер!

Питер покачулся.

Бокал с пуншем упал на колени Джилл. Красные струйки растеклись по белому меху манто. Бокал покатился по дивану, остановившись в центре быстро расплывающегося пятна.

Питер вскрикнул, схватившись за лодыжку, и осел на пол.

Раздался звонок в дверь. Гости.

Рендер разразился длинным латинским термином. Наклонившись над сыном, он взял его ногу, потрогал лодыжку.

— Больно?

— Да!

— А здесь?

— Да! Да! Везде больно!

— А вот здесь?

— Вот здесь, сбоку. Да, да!

Рендер помог ему встать на здоровую ногу и подал костыли.

— Иди. Держись за меня. У доктора Хейделла здесь, внизу, домашняя лаборатория. Гипс треснул. Я хочу сделать новый снимок.

— Не надо! Все в порядке...

— А как же мое манто? — спросила Джилл.

Снова раздался звонок.

— Черт бы всех побрал! — и Рендер нажал переговорную кнопку.

— Да, слушаю!

Кто-то молча дышал в микрофон.

— Уф! — раздался наконец запыхавшийся голос. — Это я, босс. Похоже, я не вовремя?

— Бенни! Нет, послушай,— извини, что я на тебя наорал, но тут черт знает что творится. Поднимайся. Надеюсь, пока ты едешь наверх, страсти улягутся.

— О'кей, раз вы уверены, что все в порядке, значит, так оно и есть. Я на минутку. Мне еще надо кое-куда заехать.

— Да, да, конечно. Дверь рядом.

Он нажал кнопку.

— Джилл, оставайся здесь ипусти ее. Мы вернемся через пару минут.

— А как же с моим манто? И с диваном?

— Все будет в порядке. Не переживай. Ну, трогай, Пит.

Поддерживая сына, он прошел с ним через холл, вызвал лифт, и они спустились на шестой этаж. По дороге их лифт разминулся с лифтом, в котором ехала Бенни.

Дверь щелкнула, но Рендер нажал кнопку „занято“.

— Питер,— сказал он,— ты ведешь себя, как вредный сопляк.

Питер сделал вид, что утирает глаза.

— Вот дьявол, я не виноват, что у меня преждевременное развитие... А что касается сопляка...— Он шмыгнул носом.

Рендер медленно поднял руку, потом опустил.

— Обсудим это позже,— вздохнул он.

Он отпустил кнопку, и дверь скользнула в сторону. Квартира доктора Хейделла помещалась в конце коридора. На двери, окружая медный молоток, висел большой венок из еловых веток с шишками.

Рендер стукнул несколько раз.

Изнутри доносились слабые звуки рождественских мелодий. Через минуту послышались шаги, и дверь открылась.

Доктор Хейделл стоял перед ними, глядя снизу вверх из-под очков с толстыми стеклами.

— А вот и ряженые,— возвестил он басом.— Входите, Чарльз. Входите...

— Мой сын, Питер,— сказал Рендер.

— Рад познакомиться, Питер,— произнес Хейделл.— Проходите, присоединяйтесь.

Он широко распахнул дверь и отступил, пропуская гостей.

Переступив порог, они почувствовали, как на них дохнуло Рождеством.

— Видите ли,— объяснил Рендер,— у нас там произошел небольшой инцидент. Питер недавно сломал лодыжку, а сегодня опять упал на эту ногу. Я хотел бы сделать рентген, на всякий случай.

— Конечно, конечно,— сказал маленький доктор.— Сюда, пожалуйста.

Он провел их через гостиную, где в разных позах сидели и стояли около десятка человек.

— Счастливого Рождества!

— Эй, Чарли!

— Счастливого Рождества, док!

— Как идет прочистка мозгов?

Рендер машинально поднял руку в знак приветствия, несколько раз кивнул.

— Это Чарльз Рендер, невроконтактор, — объяснил Хейделл остальным, — а это его сын Питер. Мы через пару минут вернемся. Нужна моя помощь.

Пройдя через комнату, они вышли в вестибюль. Хейделл открыл дверь в свою изолированную лабораторию. Оборудовать ее стоило ему немало времени и затрат. Потребовалось согласие местной жилищной администрации, пришлось подписать документ о том, что оборудование удовлетворяет всем требованиям безопасности, предъявляемым к госпитальным лабораториям, понадобилось также разрешение управления по найму, которое, в свою очередь, основывалось на согласии всех жильцов. Некоторым из них потребовалось финансовое обоснование; Рендер хорошо все это понимал.

Они вошли в лабораторию, и Хейделл подготовил установку к работе. Сняв несколько проекций, он запустил снимки в аппарат скоростного проявления и просушки.

— Все в порядке, — сказал он, посмотрев снимки. — Никаких новых повреждений, и сам перелом уже почти сросся.

Рендер улыбнулся. Он заметил, что руки его едва заметно дрожат.

Хейделл хлопнул его по плечу.

— Ну что, пойдете отведаем нашего пунша.

— Спасибо, Хейделл. Хорошая мысль. — Он всегда называл своего тезку по фамилии.

Отключив оборудование, они вышли из лаборатории.

Снова войдя в гостиную, Рендер пожал несколько přátельски протянутых ему рук и сел на диван рядом с Питером.

Он не спеша отхлебывал пунш, когда один из тех, кого он только что приветствовал, доктор Минтон, обратился к нему:

— Так, значит, вы — Ваятель?

— Совершенно верно.

— Я всегда этим интересовался. У нас в госпитале на прошлой неделе такие были страсти, просто коррида...

— Да что вы?

— И все из-за того, что наш ведущий психиатр сказал, что невроконтактный метод ничуть не более эффективен, чем обычные терапевтические методики.

— Я полагаю, он вряд ли имеет право судить, особенно если вы говорите о Майке Мисмайре, а я думаю, что о нем.

Доктор Минтон воздел руки к потолку.

— Он сказал, что ведет статистику.

— Изменения в психике пациента, полученные в процессе невроконтактного сеанса, носят качественный характер. Я не знаю, что он имел в виду, говоря об „эффективности“. Лечение эффективно, если вам удалось помочь пациенту. Путь здесь столько же, сколько врачей,— но невроконтактный метод качественно превосходит любой психоанализ, поскольку влечет значительные, качественные изменения. Он воздействует в первую очередь непосредственно на нервную систему, сквозь поверхностный слой ложных центростремительных импульсов. Он провоцирует требуемое состояние самоосознанности и подводит под них необходимое неврологическое обоснование. Психоанализ и смежные с ним дисциплины сугубо функциональны. В большинстве случаев использование невроконтакта позволяет радикально устранить причину заболевания.

— Почему же вы тогда не лечите психозы?

— Лечили, и не раз. Но, как правило, это рискованно. Напомню, ключевое слово здесь — контакт. Взаимодействуют два сознания, две нервных системы. Процесс может принять обратный характер, стать своего рода „антиконтактом“, если оператор оказывается не в силах справиться с патологией пациента. Тогда уже изменяется *его* самотождественность, смещаются основы *его* нервной системы. Он сам становится психопатом в результате органических изменений мозга.

— Но неужели же нельзя как-то отсекают эту обратную связь? — спросил Минтон.

— Пока нельзя,— объяснил Рендер,— и не один оператор пострадал в поисках возможности такой

отсечки. Над этой проблемой как раз сейчас работают в Вене, но чем дальше они продвигаются, тем дальше они от цели.

— Если вам все же это удастся, вы, вероятно, сможете вторгнуться и в область более радикальных психических нарушений.

Рендер допил пунш. Ему не понравилось, с каким выражением Минтон произнес слово „радикальные“.

— Ну, а пока,— ответил он после небольшой паузы,— мы лечим то, что можем лечить, и наилучшим из всех возможных способов, а невроконттакт, безусловно, наилучший.

— Находятся люди, которые считают, что вы не столько лечите неврозы, сколько потакаете неврастеникам, давая вашим пациентам возможность передохнуть от реальной жизни, снабжая их собственными маленькими мирами, где они распоряжаются всем, как полубоги.

— Это не совсем так,— ответил Рендер.— То, что происходит в этих маленьких мирах, вовсе не обязательно приятно для пациентов. И не они распоряжаются в них; распоряжается Ваятель, или, как вы заметили, полубог. Там вы учитесь на собственном опыте. Опыт же этот может быть и приятным, и болезненным. И, как правило, он скорее болезненный, чем приятный.

Он зажег сигарету, взял полный кубок.

— Вот почему я считаю критику нашего метода несостоятельной,— закончил он.

— К тому же это недешево,— сказал Минтон.

— А вы когда-нибудь прикидывали, во сколько обходится многоканальное невроконттактное устройство?

— Нет.

— Займитесь на досуге.

Прислушавшись к звукам рождественской песенки, он отложил сигарету и встал.

— Огромное спасибо, Хейделл,— сказал он.— Мне надо идти.

— Куда торопиться? — возразил Хейделл.— Побудьте еще немного.

— Я бы не прочь,— ответил Рендер,— но там, наверху, меня ждут.

— И много там у вас народу?

— Двое.

— Пусть спускаются. Я собирался устраивать буфет, и запасов предостаточно. Я их и накормлю, и напою.

— Договорились,— сказал Рендер.

— Отлично. Почему бы не позвонить им прямо отсюда?

Рендер позвонил.

— С Питером все в порядке,— сказал он.

— Замечательно, но как же мое манто? — спросила Джилл.

— Пока забудь о нем. А потом я все устрою.

— Я попробовала отмыть теплой водой, но все равно остаются розовые пятна...

— Положи его обратно в коробку и не морочь мне больше голову! Я сказал, что все сделаю сам.

— О'кей, о'кей. Мы спустимся через минуту. Бенни принесла подарок Питеру и кое-что для тебя. Она едет к сестре, но говорит, что может задержаться.

— Прекрасно. Тащи ее сюда. Хейделла она знает.

— Хорошо,— и Джилл повесила трубку.

Канун Рождества.

...Противоположность Новому году.

Это время больше принадлежит личности, чем обществу; это время, чтобы обратиться к себе и к семье, позабыв об общественных проблемах. Это время для самых разных вещей: время находить и время терять, время соединять и время порывать. Это время сеять и время пожинать посеянное...

Они ели, стоя у буфета. Большинство гостей пило подогретый ром с корицей и гвоздикой, фруктовые коктейли и имбирный пунш. Они говорили о пластиковых легких, о кровяных фильтрах, о компьютерных диагнозах и о том, что пенициллин безнадежно устарел. Питер сидел, зажав руки между колен, слушал и наблюдал. Костыли были сложены у ног. Комната наполнилась музыкой.

Джилл тоже сидела и слушала.

Когда говорил Рендер, другие разговоры смолкали. Бенни, улыбаясь, опустошала бокал за бокалом. Шутил доктор или нет, но невозможно было устоять против его голоса диск-жокея, рассуждающего с логикой иезуита. Ее босс был *знаменитостью*. Кто слышал о Минтоне?

Или о Хейделле? Другие врачи, коллеги — и всё. Ваятели были символом времени, и она, она была его секретаршей. О Ваятелях знали *все*. Подумаешь — что значит какой-нибудь кардиолог, анестезиолог, специалист по кишечнику или вообще какой-нибудь костоправ. Ее босс был ее мерой известности. Другие девчонки всегда расспрашивали у нее про него и про его волшебную машину... „Тайм“ окрестил невроконтакторов „электронными Свенгали“ и посвятил Рендеру на три колонки больше, чем остальным. Кроме, конечно, Бартельметца.

Музыка тем временем сменилась: зазвучала легкая классика, балетные партитуры. Бенни почувствовала прилив тоски по уходящему году, и ей захотелось танцевать, как она танцевала когда-то, давным-давно. Праздник, компания, в которую она попала, вместе с музыкой, пуншем и висящими на стенах еловыми гирляндами,— все это действовало на нее,不由自主 заставляя тихонько отстукивать каблуками ритм и вспоминать о высвеченной в темноте площадке, полной движения и цвета, и о себе самой — там, далеко. Она прислушалась к разговору.

— ...но если вы можете передавать и принимать их, значит, вы можете их записывать,— продолжал допытываться Минтон.

— Да,— ответил Рендер.

— Так я и думал. Но почему об этой стороне дела почти совсем не пишут?

— Еще пять-десять лет, если не меньше,— и об этом будут писать все. А пока использование воспроизводящих систем разрешено только самому квалифицированному персоналу.

— Почему?

— Понимаете,— Рендер сделал паузу, чтобы прикурить сигарету,— если быть до конца откровенным, то дело в том, что желательно держать эту область под контролем, пока мы не узнаем о ней больше. Если не соблюдать определенной секретности, то результаты могут быть использованы преждевременно в коммерческих интересах, и с катастрофическими последствиями.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что могу сконструировать в сознании психически вполне здорового человека лю-

бой сон, даже такой, какой вы не в состоянии представить, на любую тему,— начиная от секса и насилия и кончая садизмом и другими извращениями,— сон со сложным и законченным сюжетом или сон, граничащий с безумием, сон, в котором будут исполняться любые желания и разыгрываться любые роли. Я даже могу подобрать, по вашему желанию, соответствующий видеоряд или живописный стиль — от импрессионизма до сюрреализма. Скажем, сон с насилием в кубистическом варианте. Неплохо? Отлично! Если захотите, вы даже можете стать конем из „Герники“. Нет проблем. А потом я могу записать все происходящее и прокручивать вам же или кому-нибудь другому сколько угодно раз.

— О Боже!

— Вот именно. Я мог бы сделать вас и Богом, если вы того пожелаете, и дать вам возможность пережить все семь дней творения. Я контролирую чувство времени — ваши внутренние часы,— и поэтому могу превратить объективно протекшие минуты в часы субъективного переживания.

— И рано или поздно это сбудется, не правда ли?

— Да.

— Каковы же окажутся результаты?

— Этого никто не знает.

— Босс,— робко вмешалась Бенни,— а вы не можете воскресить воспоминания? Отыскать что-то в прошлом и астаивать человека пережить в воображении все **сначала** — так, как оно было когда-то, все сначала?

Рендер прикусил губу и как-то странно взглянул на Бенни.

— Да,— сказал он наконец,— но думаю, это было бы нехорошо. Это подталкивало бы людей жить в прошлом, в уже не существующем времени. Это нанесло бы ущерб психике. Это способствовало бы регрессу, движению вспять и давало бы возможность неврастенькам укрываться в собственном прошлом.

Сюита из „Щелкунчика“ закончилась, и по комнате поплыли звуки „Лебединого озера“.

— И все же,— сказала Бенни,— я бы так хотела еще раз побыть лебедем...

Она тяжело поднялась и сделала несколько неуклюжих па — тучный, подвыпивший лебедь в красно-коричневом оперении.

Вся вспыхнув, она поспешила снова сесть. Потом не выдержала и рассмеялась так заразительно, что все рассмеялись вместе с ней.

— А где бы вы хотели оказаться? — обратился Мinton к Хейделлу.

Маленький доктор улыбнулся.

— На одном пикнике, в летние каникулы, когда я учился на третьем курсе, — сказал он. — Да, я бы уж точно за неделю протер эту запись до дыр. Ну, а ты, сынок? — обратился он к Питеру.

— Я еще слишком молод, и хороших воспомина-ний у меня немного, — отозвался Питер. — Ну, а вы, Джилл?

— Не знаю... Наверное, мне хотелось бы снова стать маленькой, и чтобы папа, мой любимый папа, читал мне зимой по воскресеньям книжки вслух.

Она быстро взглянула на Рендера.

— А ты, Чарли? Если бы ты хоть на минутку позабыл про работу, что бы с тобой было в эту минутку?

— То же, что и сейчас, — ответил он с улыбкой. — Я счастлив быть здесь, в настоящем, я принадле-жу ему.

— Правда? Скажи, что это правда.

— Да, — сказал он, взяв новый бокал пунша.

Потом рассмеялся:

— Ну конечно, правда.

Сзади, за его креслом, послышался тихий храп. Бенни вздремнула.

Музыка звучала не умолкая, и Джилл переводила взгляд с отца на сына и обратно. Рендер заменил Питеру гипсовую повязку. Мальчик зевал и тер глаза. Она внимательно вгляделась в него. Каким он будет через десять лет? А через пятнадцать? Надломленным, истощенным вундеркиндом? Или повелителем еще не открытых сил природы?

Она внимательно изучала Питера, наблюдавшего за отцом.

— ...но это не может быть полноценным видом искусства, — говорил Мinton, — и я не представляю, каким образом цензура...

Она перевела взгляд на Рендера.

— ...человек не имеет права быть безумным, — говорил он, — так же, как не имеет права сам уходить из жизни...

Она коснулась его руки, и он подпрыгнул в кресле, словно очнувшись, и отдернул руку.

— Я устала,— сказала Джилл.— Ты не мог бы отвезти меня домой?

— Сейчас,— кивнул Рендер,— только пусть Бенни еще немножко подремлет.

И он вновь повернулся к Минтону.

Питер с улыбкой посмотрел на нее.

Неожиданно она и в самом деле почувствовала себя очень уставшей.

А ведь она всегда любила Рождество.

Сидя напротив нее в кресле, Бенни продолжала тихонько посапывать, и слабая улыбка изредка пробегала по ее лицу.

Где-то там, далеко, она танцевала.

Где-то там, далеко, человек по имени Пьер пронзительно кричал, может быть, потому, что уже не был Пьером.

Кто я? Я — Жизнелюб, как пишут в „Тайм“, который вы получаете каждую неделю. Подсаживайся-ка, Чарли, заморим червячка. Нет, не твоего! Моего червячка. Видишь? Вон там. Нужное слово всегда приходит слишком поздно. Ладно, от добра добра не ищут, словом, ты понимаешь... Попроси парня принести кувшин с водой и тазик, о'кей? „Конец номера“ — так они это называли. Говорят, человек может выступать с одним и тем же номером несколько лет, двигаясь внутри большой и сложной социологической структуры, известной под названием „социоцепи“, подыскивая себе свеженькую аудиторию. Смертельно люблю жизнь! Мировая сеть телекоммуникаций спихнула эту колымагу вниз бесчисленное количество выборов назад. Сейчас она, наверное, гроыхает по скалам Лимба. А мы — на пороге новой эры, славной эры жизнелюбов... Так вот, все вы там — от Хельсинки до Огненной Земли — наострите ваши уши и скажите мне: слышали вы нечто подобное раньше? Словом, речь об одном древнем комике, который возился над своим „номером“. Как-то раз выступал он в радиопередаче, и, естественно, со своим „номером“. „Номер“ был что надо: остроумный, острословный, с тезами и антитезами, словом, шедевр. Только вот беда: с работы его после этого турнули,

потому что оказалось, что номер-то старый. В отчаянии, разодрав на себе одежды и посыпав голову пеплом, взобрался он на перила ближайшего моста и приготовился сигануть в черные струи символа смерти, протекавшего вниз. Как вдруг — голос. „Не бросайся, мол, в черные струи символа смерти, подбери свои одежды, стряхни пепел и спускайся сюда, на рельсы“. Обернулся он и видит странное существо, скорее, не странное, а страшное, страхолюдное — всё в белом, смотрит на него: рот до ушей, а во рту один зуб торчит. „Кто ты, странное, улыбающееся существо в белом?“ — спрашивает комик. „Ангел Света, — отвечает она. — Явилась, чтоб ты руки на себя не наложил“. Он головой качает: «Увы! Ничего мне больше не осталось, „номер“ мой все знают, никому не смешно». Она ему: „Не надо. Выбрось из головы. Мы, Ангелы Света, творим чудеса. Я тебе столько анекдотов расскажу, что ты потом их за всю вашу недолгую и скучную смертную жизнь не перескажешь“. — „Благодарю, — он отвечает. — Что же я должен сделать, чтобы сбылось такое диводивное?“ — „А ты переспи со мной“, — отвечает Ангел. „Да неужто вы, ангелы, тоже этим занимаетесь?“ — он спрашивает. „Очень даже, — отвечает Ангел. — Ты Ветхий Завет перечитай повнимательней, много чего про нас, ангелов, узнаешь“. — „Ладно, договорились“, — отвечает комик и пепел с головы отряхает. И они удалились, и сделал он с ней „номер“, хотя, по правде сказать, вряд ли это была среди Дочерей Света первая красавица. Наутро проснулся он бодрый и полный сил, прикрыл ее наготу и кричит: „Пробудись! Пора сдержать слово — жду твоих анекдотов“. Она открывает один глаз и так это смотрит на него. «Ты со своим „номером“ сколько выступал?» — спрашивает. „Тридцать лет“, — комик отвечает. „А всего тебе сколько годков будет?“ — „Уф, сорок пять“. Она зевнула и говорит с улыбкой: „В твои-то годы странно в Ангелов Света верить“. Ну вот, это и был его новый „номер“... А теперь поставьте мне какую-нибудь музыку душевную, ладно? Вот-вот, хорошо. Сразу ничего не чувствуешь. А знаешь, почему? Где ты теперь, в наши дни, можешь услышать душевную музыку? У дантиста, в банке, магазине и в таких местах, как это, где приходится черт знает сколько ждать, пока тебя обслужат. То есть слушаешь ты душевную музыку

и одновременно получаешь психическую травму. И каков результат? А таков, что душевная музыка теперь — самая бездушная вещь. Но аппетит от нее — зверский. Почему? Потому, что ее играют во всех ресторанах, где приходится долго ждать. Ждешь, ждешь, и тебе ублажают душу душевной музыкой. Ладно... Где этот парень с водой и с тазиком? Я хочу вымыть руки... А это ты слышал — про чудака, которого послали на Альфа Центавра? Обнаружил он там гуманоидов и стал изучать их нравы и обычаи, фольклор и табу. В конце концов столкнулся он с проблемой воспроизводства. Подвернулась тут нежная юная особа, взяла нашего чудака под ручку и отвела на фабрику, где этих самых центаврийцев делали. А там такая картинка: туловища по конвейеру едут, суставы им ввинчивают, мозги прямо в черепушки отгружают, ногти в пальцы вставляют, требуху по животам распахивают, ну, и прочее. Удивился наш чудак, а юная леди его спрашивает: „Что ж тут удивительного? А вы на Земле как обходитесь?“ Взял он ее тогда за белую руку: „Пойдем, — говорит, — вон за тот пригорок, там я тебе и покажу“. Пошли, стал он показывать, а она хохочет. „В чем дело? — он интересуется. — Почему смеешься?“ — „А потому, — она отвечает, — что у нас так машины делают...“ Не забывайте меня, девочки, пишите письма!

— ...Это я, Орфей, рвите меня на куски! Пришло время! Придите, корибанты, и свершите над несчастным певцом вашу волю!

Темнота. Крик.

Тишина...

Аплодисменты!

Она всегда приходила задолго до начала, одна, и всегда садилась на одно и то же место.

Она садилась в десятом ряду, справа, и единственное, что действительно причиняло ей неудобство, было то, что в антракте она могла помешать тем, кто хотел выйти.

Она приходила задолго до начала и оставалась в зале, пока театр не стихал. Ей нравились хорошо поставленные актерские голоса, и поэтому она предпочитала английских актеров американским.

Она любила мюзиклы, даже не столько потому, что любила музыку, сколько потому, что ей нравились трепетные звуки голосов. Поэтому же она особенно любила пьесы в стихах.

Она любила елизаветинцев, но не любила „Короля Лира“.

Ее глубоко волновали пьесы древних греков, однако слушать „Царя Эдипа“ было выше ее сил.

„Чудотворец“ и „Свет погас“ ей тоже не нравились.

Она носила дымчатые очки и не носила трость.

Как-то вечером, еще до того, как поднялся занавес перед последним действием, темноту прорезал луч света, и появившийся в нем мужчина спросил: „Есть в зале врач?“

Никто не откликнулся.

— Это срочно,— сказал мужчина.— Если здесь есть врач, большая просьба пройти в канцелярию в главном фойе, сейчас же.

Говоря, он оглядывал ряды, но люди сидели не шевелясь.

— Спасибо,— сказал он и покинул сцену.

Когда в темноте появился луч света, она инстинктивно наклонила голову в его сторону.

После объявления занавес поднялся, движение и голоса на сцене возобновились.

Она ожидала, вслушиваясь. Потом, встав, пошла вдоль рядов, ведя кончиками пальцев по стене.

Выйдя в фойе, она остановилась.

— Разрешите помочь вам, мисс?

— Да, я ищу канцелярию.

— Это здесь, налево.

Она повернулась и двинулась влево, выставив вперед руку. Коснувшись стены, она провела по ней ладонью, быстро нащупав дверной косяк.

Потом постучала.

— Да? — Дверь открылась.

— Вам нужен врач?

— А вы врач?

— Да, да.

— Тогда скорее! Вот сюда, пожалуйста!

Она двинулась вперед, следуя за звуком мужских шагов, вверх по коридору, опоясывающему зал.

Потом услышала, как он поднялся на семь ступенек вверх, и сделала то же самое.

Они подошли к артистической уборной; она вошла следом за ним.

— Вот.

Она повернулась вслед за его голосом.

— Что случилось? — спросила она, подходя к тому месту, куда указывал голос.

Руки ее коснулись лежащего тела.

В тот же момент она услышала неприятный булькающий звук и тихое, еле слышное покашливание.

— Рабочий сцены, — пояснил мужской голос. — Кажется, подавился конфетой. Он все время их сосет. Короче, что-то у него там, в глотке, застряло. Не проглотить, не выплюнуть.

— Скорую вызвали?

— Да. Но вы поглядите, он уже синеть начал! Боюсь, как бы они не опоздали.

Опустив руку, она запрокинула голову рабочего и ощупала горло.

— Да, что-то у него застряло, от этого и удушье. Придется резать, иначе мне никак не добраться. Дайте мне короткий, острый нож, и стерильный, — скорее!

— Слушаю, мэм, сейчас!

Мужчина ушел. Она осталась одна.

Прощупала пульс на сонной артерии. Положила руки на судорожно вздымающуюся грудную клетку. Еще больше запрокинула голову и снова ощупала горло.

Прошла минута, еще одна.

Послышались торопливые шаги.

— Вот, возьмите... Мы протерли лезвие спиртом...

Она взяла нож. Издалека донеслась сирена „скорой“. Однако нельзя было сказать наверняка, успеет ли она.

Женщина провела кончиками пальцев по лезвию. Потом еще раз ощупала горло лежащего перед ней человека. Развернувшись вполоборота к тому, чье присутствие угадывалось у нее за спиной, она сказала:

— Думаю, вам лучше не смотреть. Мне придется сделать экстренную трахеотомию. Это зрелище не из приятных.

— О'кей. Я подожду в коридоре.

Звук шагов. Звук закрывшейся двери.

Она сделала первый надрез. Послышалось нечто вроде вдоха. Струя воздуха вырвалась наружу.

Потом было мокро... Хлюпающий звук.

Она откинула голову. Когда врачи „скорой“ вошли в комнату, руки ее уже перестали дрожать: она знала, что человек будет жить.

— ...Шеллот,— представилась она врачу.— Эйлин Шеллот, психиатр.

— Я слышал о вас. Но разве вы?..

— Совершенно верно. Но в людях читать легче, чем читать по Брейлю.

— Да, я понимаю. Значит, встретимся с вами в Центре?

— Конечно.

— Спасибо, доктор. Спасибо,— сказал директор театра.

Она вернулась на свое место и досидела до конца.

Занавес опустился. Она подождала, пока разойдется публика.

Даже сидя в своем кресле, она живо чувствовала сцену. На сцене для нее, как в фокусе, собиралось всё: звук, движение, ритм, оттенки — не света, но светотени; сцена была для нее неким темно-сияющим центром жизни; в ней бился пульс пифагорейской триады — *pathema*, *mathema*, *roema*; на ней, в круговороте чувств и страстей, ощущались содрогания жизни; сцена была тем местом, где способные к благородным страданиям герои благородно страдали, где остроумные французы плели паутинное кружево своих комедий вокруг мощных Идей; местом, где черная поэзия нигилистов отдавалась за стоимость одного билета тем, над кем издевалась, где лилась кровь, раздавались вопли, звучали песни, где Аполлон и Дионис ухмылялись из-за кулис, где Арлекин без конца дурачил капитана Спеццаффера, заставляя его терять штаны. Сцена была местом, где умели подражать всему, но где за всем скрывались два основных чувства: радость и грусть, комическое и трагическое,— иными словами, жизнь и смерть — две вещи, определяющие место человека в мире; местом, где появлялись герои и те, кому было далеко до героев; местом, которое она любила и где видела единственного человека, чье лицо она знала,— он ходил многоликим Символом по подмосткам Сцены... И, ополчась на море смут, в недобрый час, при лунном свете, сразить их противоборством,— кто призывал мятежные ветра, от волн зеленых вздымал валы

до голубых небес,— два перла там, где взор сиял... Что за мастерское создание — человек! Как бесконечен способностью! В облики и в движении — как выразителен и чудесен!

Она знала все его роли, которые тем не менее не могли существовать без аудитории. Он был самой Жизнью.

Он был Ваятелем.

Он был Творцом и Двигателем миров.

Он был выше героев.

Сознание способно запечатлеть многое. Оно учится. Однако оно не может научиться не думать.

Эмоции человека качественно не меняются на протяжении жизни; внешние впечатления могут меняться, но чувства — вечный товар.

Вот почему театр так жизнеспособен; он — перекресток культур; в нем — альфа и омега человеческого бытия; он — как магнит, притягивающий частицы человеческих эмоций.

Сознание не может научиться не думать, но чувства следуют определенным моделям.

Он был для нее театром...

Он был альфой и омегой.

Он был действием.

Он был не имитацией действий, а самими действиями.

Она знала, что этого талантливого человека зовут Чарльз Рендер.

Она чувствовала, что он — Ваятель.

Сознание способно запечатлеть многое.

Но он не был чем-то одним.

Он был всем.

...И она чувствовала это.

Она встала, пошла к выходу, и каблуки ее туфель стучали в пустынной тьме.

Она шла вверх по проходу, и звуки вновь и вновь возвращались к ней.

Она шла по пустому залу, удаляясь от опустевшей сцены. Ей было одиноко.

Дойдя до верха, она остановилась.

Словно далекий смех, прерванный неожиданным хлопком, и — тишина.

Она уже не была ни публикой, ни актерами. Она была одна в темном театре.

Она разрезала горло и спасла жизнь.

Сегодня она слушала, переживала, хлопала.

И вот — все это ушло, и она была одна в темном театре.

И ей стало страшно.

Человек продолжал идти вдоль шоссе, пока не дошел до знакомого дерева. Держа руки в карманах, он долго стоял, глядя на него. Потом обернулся и пошел обратно тем же путем.

Завтра был новый день.

„О венчанная печалью, единственная моя любовь! Почему ты покинул меня? Разве я не хороша? Я долго любила тебя, и все тихие уголки полнятся моими стенаниями. Я любила тебя больше, чем самое себя, и страдаю за это. Я любила тебя больше жизни с ее усадками, и вот все улады обратились в горечь. Я готова расстаться с моею жизнью ради тебя. Почему унесли тебя за море быстрокрылые, многорукие корабли, и всех своих божеств взял ты с собою, а я здесь — одна? Я взойду на костер, и да испепелится время, да сгорит пространство, разделившее нас. Я буду с тобой всегда. Не кроткой жертвой пойду я навстречу гибели, но великим будет мой плач. Ведь я не из тех, кто станет чахнуть и томиться, не из тех, чья кожа желтеет и вянет от скорби. Ибо в моих жилах течет кровь Царей Земных, а рука моя в битве крепка, как рука мужа. Перед мечом моим — ничто любые доспехи врагов моих. И никому никогда не покорялась я, мой господин. Но ныне глаза мои ослепли от слез, и язык не в силах вымолвить слова. Тяжкий грех совершил тот, по чьей воле увидала я тебя, а потом разлучилась с тобою навеки. Не прошу я тебя, не прошу и своей любви. Было время, когда смешны мне были песни любви, что поют девушки над рекой. Вырвали у меня смех, как стрелу из раны, одна я теперь, и нет тебя рядом. Не прощай меня и ты, любимый, за то, что любила тебя. И пусть ярче разгорится огонь от воспоминаний моих и надежд. Пусть пылает он, как пылают мои мысли о тебе, пусть пеплом станут

напевные слова моей любви. Я любила тебя — и вот нет тебя рядом. Никогда уже в этой жизни не увидеть мне тебя, не услышать сладких звуков голоса твоего, не почувствовать, как содрогается тело от ласк твоих. Я любила тебя — и вот я покинута и одна. Я любила тебя, но уши твои были глухи к моим словам, а глаза не видели меня. Разве я не хороша, ответьте мне, ветры земные, вы, что раздуваете пламя моего костра? Ответь, о сердце, что бьется в моей груди, — почему он покинул меня? Отцу моему, огню, вверяю себя, да будет он ласков ко мне. Много любимых на свете, но никто так не любим, как ты. Быть может, благословят тебя, о мой свет, и да не будет суровым их суд за то, что ты сделал со мной. Из-за тебя я гибну, Эней! О огонь, будь моей последней любовью!”

Стоя в освещенном круге, она пошатнулась и упала. Раздались аплодисменты. Комната погрузилась в темноту.

Через мгновение снова вспыхнул свет, и прочие члены Мифологического клуба поспешили подойти к ней, чтобы поздравить с прочувствованной игрой. Потом заговорили о важности фольклорных мотивов — от „сатти“ до жертвоприношения Брунгильды. Да, огонь в основе — это хорошо, — таково было общее мнение. „Огонь — моя последняя любовь!” Хорошо! Эрос и Танатос, объединившиеся в последней вспышке очистительного пламени.

После того, как все комплименты были произнесены, на середину комнаты вышли невысокий сутулый мужчина и его похожая на птицу, по-птичьи мелко ступающая жена.

— „Абеляр и Элоиза”, — объявил мужчина.

В комнате воцарилась почтительная тишина.

Плотный мужчина, лет за сорок, с лицом, лоснящимся от пота, подошел к Абеляру.

— Мой главный кастратор, — сказал Абеляр.

Здоровяк с улыбкой поклонился.

— Что ж, начнем...

Раздался одинокий хлопок, и свет погас.

Подобно глубоко зарывшимся в землю мифологическим червям, тянутся через весь континент трубопроводы, силовые кабели, трубки пневмопочты. Пульсируя,

напрягая свои тела, они пьют соки Земли, изнуряют ее недра. Нефть и электроэнергия, вода и уголь, бандероли, посылки и письма — все проходит через их чрево. И, пройдя через него, под землей, все это исторгается в чрева машин, ожидающих в пункте назначения.

Слепые, они прячутся подальше от солнечных лучей; не зная, что такое вкус, равнодушно жуют тело Земли; лишенные обоняния и слуха, навечно заключены они в скалистую темницу. Лишь осязание знакомо им; и в постоянном осязании — их суть.

В нем — подспудная, темная радость червя.

Переговорив с психологом, работавшим в новой школе Питера, Рендер сам проверил спортивное оборудование. Потом прошелся по общежитию, и оно ему в общем понравилось.

И все же то, что он снова оставил Питера в школе, не давало ему покоя. Он сам не понимал почему. Казалось бы, все было в порядке, как и в первый раз. И Питер выглядел бодро. Даже очень бодро.

Он сел в машину и выехал на хайвей, это огромное, лишенное корней дерево, чьи ветви охватывали два континента (а после того, как будет закончен мост через Берингов пролив, они раскинутся по всему миру, кроме Австралии, полярных шапок и островов), — неотступно думая, в чем же причина его беспокойства. Думая — и не находя ответа.

Может быть, стоит позвонить Джилл и спросить, почему она с ним так холодна? Или она еще до сих пор сердится из-за манти и рождественского вечера?

Он отпустил штурвал; холмистый пейзаж скачками мчался за окном.

Его рука вновь потянулась к панели.

— Слушаю.

— Здравствуйте, Эйлин. Это Рендер. Не мог позвонить вам раньше, но я слышал о том, как вы сделали трахеотомию в театре...

— Да, — сказала она, — я вовремя оказалась там, я — и острый нож. Откуда вы звоните?

— Из машины. Только что отвозил Питера в школу, теперь еду назад.

— Как он? Как его нога?..

— Все в порядке. Правда, на Рождество у нас

случилась маленькая неприятность, но все обошлось. Расскажите поподробнее, как это было там, в театре. Если, конечно, вам это не тяжело.

— Ну, я ведь врач,— она тихо рассмеялась.— Собственно, было уже поздно, спектакль заканчивался...

Рендер с улыбкой откинулся в кресле, закурил и приготовился слушать.

За окном холмы сменились равниной, и машина мчалась по ней, как бильярдный шар, катящийся точно в лузу.

Он проехал мимо идущего по обочине человека.

Под протянутыми высоко в небе проводами, над захороненными глубоко в земле кабелями, он шел по одному из могучих ответвлений дорожного дерева, шел сквозь усеянный снежинками, пронизанный эфирными голосами воздух.

Машины проносились мимо, но не многие из едущих в них людей замечали его.

Он шел, засунув руки в карманы и опустив голову, не глядя вокруг. Воротник его куртки был поднят, и снежинки — тающий дар неба — оседали на полях его шляпы.

На ногах у человека были галоши. Земля была мокрой, покрытой тонким слоем слякоти.

Он шел, медленно, с трудом — заблудшая частица в поле действия вселенского генератора.

— Поужинаем сегодня в „Скальпеле и куропатке“?

— Почему бы и нет? — ответил Рендер.

— Скажем, в восемь.

— В восемь? Отлично!

Некоторые из них падали с небес, но чаще они мчались, как самолеты в шторм, по дорогам...

Люди выходили на платформы из машин, запаркованных в похожие на огромные улы гаражи. Воздушные такси садились на специальные площадки рядом с кносками у входа на подземный эскалатор.

Но на чем бы они ни приезжали, все посетители ходили по Выставочному залу пешком.

Крыша восьмиугольного здания напоминала перевернутую супницу. Восемь треугольников из черного камня, не несущие специальной архитектурной нагрузки, украшали каждый угол.

Супница одновременно играла роль светофильтра. В данный момент фильтр забирал из атмосферы все оттенки голубого, рассеянные в серых сумерках, и слабо светился снаружи — белее, чем грязный вчерашний снег. Крыша раскинулась над залом, как безоблачное летнее небо часов в одиннадцать утра, как безупречный в своей бесконечной голубизне огромный Инеистый Вьюнок.

Людской поток двигался под этим небосводом, оттеня экспонаты, подобно волнам прилива в гроте.

Иногда в плавно струящемся потоке возникали завихрения, водовороты. Струи кружились, свиваясь и развиваясь; слышался похожий на журчанье гул голосов. То здесь, то там мерцали яркие вспышки...

Поток людей непрерывно стекался в зал из припаркованных под искусственным синим небом машин.

Когда круг был пройден и замыкался, люди возвращались в породившие их стальные облака.

Павильон, где происходило это безостановочное движение, назывался „Лики Космоса“.

„Лики Космоса“ представляли из себя выставку, устроенную и финансируемую Министерством Военно-Воздушных сил; работавшая уже две недели выставка была открыта круглосуточно и привлекала посетителей со всех концов земного шара.

„Лики“ давали возможность ознакомиться со всеми последними достижениями человечества в космосе.

Возглавлял выставку генерал-полковник, командовавший дюжиной полковников, восемнадцатью подполковниками, множеством майоров, капитанов и бесчисленным количеством лейтенантов. Никогда никто не видел самого генерала, кроме полковников и представителей Выставочной компании. Выставочный зал принадлежал Выставочной компании в качестве аэропорта; на время выставок компания переоборудовала зал в полном согласии с требованиями клиентов и хорошего вкуса.

Сразу направо, как только вы входили в Зал-

Поганку, как в шутку окрестил главный зал один из Жизнелюбов, находилась Галерея.

По стенам Галереи висели огромные фотографии, которые посетитель мог обойти кругом и изнутри, блуждая между высоких, призрачных гор, окружающих Третью лунную базу (таких высоких и призрачных, что, казалось, они раскачивались бы на ветру, если бы на Луне дули ветры); или можно было побродить под надувным куполом этого подлунного города и даже, пожалуй, украдкой провести рукой по одной из холодных долей — отсеков Мозга-наблюдателя и услышать, как быстро щелкают его мысли; или заглянуть в пыльную пустыню под бледно-зеленым небом и, кашлянув раз-другой, выплюнуть кровавый сгусток, пройтись вокруг высоких стен наземного Комплекса — серо-голубых, без единого шва, возведенных на руинах Бог весть каких древних сооружений, — войти в эту крепость, где, как привидения, ходят сотрудники Марсианского отдела, попробовать на ощупь фактуру гладких стеклянистых стен и нарушить вечное безмолвие этого мира, где все звуки звучат приглушенно и мягко; или в прохладной капсуле Воображения прогуляться по Дьявольскому кладбищу меркурианской поверхности, упиваясь игрой цветов — пламенно-желтого, карминного и оранжевого, — и, наконец, отдохнуть в Большой Ледяной Шкатулке, где Мороз-великан не на жизнь, а на смерть бьется с Огнечеловеком и где каждый отсек опечатан и наглухо отделен от остальных, как в подводной лодке или на транспортной ракете, по тем же причинам; или совершить вылазку на Пятую околоземную станцию, где сердца героев пылают, а сердца злодеев холодны, постоять в добела раскаленной морозом печи горной пещеры, держа руки в карманах, считая разноцветные прожилки на опаловых стенах, увидеть блистающий кристалл Солнца, выдыхая облака пара и дрожа от холода, и признать, что да, немало дивных див вращается вокруг Солнца, да и фотографии не хуже.

За Галереей находились Гравитационные комнаты, к которым можно было подняться по лестнице, пахнувшей свежесрубленным деревом. Там, наверху, каждый мог выбрать гравитационное поле по вкусу: как на Луне, как на Марсе или Меркурии, — и затем съехать вниз, в Зал, на пневмоподушке, похожей на лифт, и на

несколько минут ощутить себя важной персоной, которую персонально доставляют на любую приглянувшуюся ей планету. Платформа уходит вниз, мягкое приземление... Словно падаешь в стог сена, валишься на пышно взбитую перину.

Дальше был зал Фонтана Миров, опоясанного медным поручнем.

Можно было перегнуться, посмотреть вниз...

Как выкопанная в световой толще яма, зияла чернота бездонного колодца...

Это был планетарий.

Сияя, миры крутились во тьме по магнитным орбитам. В центре пылающим пляжным мячом висело солнце; масштаб пропорционально уменьшался, и дальние планеты мерцали во мраке слабым холодным светом; Земля переливалась изумрудом и бирюзой; матово-зеленым отливала Венера; Марс напоминал цветом апельсиновый шербет; Меркурий — масло, а комета Галлея была золотистой, как корочка свежeweпеченного хлеба.

Фонтан Миров был похож на выставку съедобных драгоценностей. И те, кого привлекала роскошь, и кто был голоден, равно заворожено глядели вниз, свесившись через поручень. Таков материал наших мечтаний и снов.

Иные бросали на Фонтан беглый взгляд и шли дальше — посмотреть выполненную в натуральную величину модель декомпрессионной камеры с Первой лунной станции или послушать специалиста, рассказывающего малоизвестные факты, касающиеся конструкции и механизма действия запорных клапанов и мощности вакуумных насосов. (Это был невысокий рыжий человек, большой эрудит.) Или покататься по залу в подвешенных к монорельсу машинках. Или посмотреть двадцатиминутный фильм „Лики Космоса — понемногу о многом“, в котором вместо обычной фонограммы текст читал помещенный внутри экрана живой диктор. Они поднимались на возникающие на стенных экранах горы в кабинках подвесной дороги и могли сами попробовать управлять огромными, похожими на клешни захватами машин, используемых для добычи угля во внеземных условиях.

Те, кому было особенно любопытно, подолгу задерживались в одном месте.

Они больше стояли и вели себя тише.

В общем потоке они образовывали сверкающие бликами заводи...

— Ну что, интересно было бы как-нибудь отправиться туда самому?

Мальчик обернулся, опираясь на костыли, оглядел заговорившего с ним подполковника. Это был высокий мужчина в военной форме. Продубленная на солнце, загорелая кожа, темные глаза, коротко подстриженные усы и маленькая дымящаяся трубка из красноватого дерева были самыми запоминающимися деталями в его внешности, не считая безупречно пошитого, с иголочки мундира.

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Ты как раз в том возрасте, когда человек начинает задумываться о будущем. Свой жизненный путь надо рассчитывать заранее. Если не продумать все наперед, можно и к тридцати оказаться не у дел.

— Я много читал...

— Конечно. В твои годы все много читают. Но сейчас ты видишь модели — пойми, всего только *модели* — того, что есть в настоящей жизни. Это всё наши форты на границе с неизвестным, и граница эта велика. По книжкам нельзя научиться чувствовать.

Вагон монорельсовой дороги со свистом промчался через Зал над их головами. Офицер указал на него трубкой.

— Даже это — совсем не то, что скатиться по ледяному склону Большого Каньона.

— Значит, виноваты те, кто сочиняет книжки, — сказал мальчик. — Любой человеческий опыт может быть расшифрован и описан хорошим писателем.

Офицер покосился на него.

— Что-то я не совсем понял, сынок.

— Я хотел сказать, что если вы не находите в ваших книжках того, что хотите, это не вина материала.

— Сколько тебе лет?

— Десять.

— Да, для своих десяти ты смекалистый.

Мальчик пожал плечами, поднял один из костылей и указал в сторону Галереи.

— Хороший художник может в своей картине вы-

разить в сто раз больше, чем эти огромные переводные картинки.

— Но это действительно отличные фотографии.

— Конечно, замечательные. И, наверное, дорогие. А настоящий художник мог бы воспроизвести любую из этих сцен, и это не стоило бы ему ни копейки.

— Художники туда еще не добрались. Сначала идут землепроходцы, а уже потом — культура.

— Тогда почему бы не изменить ситуацию и не пригласить нескольких художников? Они могли бы помочь вам найти хороших землепроходцев.

— Хм,— сказал офицер.— Интересная мысль. Может, пройдемся немного вместе? Посмотрим еще виды?

— Конечно,— откликнулся мальчик.— Почему бы и нет? Хотя „пройтись“ не совсем то слово...

Он повернулся на костылях, и они пошли рядом.

Налево подвесная дорога поднимала посетителей в горы, шелкали клешни захватов.

— А что, правда, что этот механизм скопирован с лапок скорпиона?

— Да,— сказал офицер.— Какая-то светлая голова украла эту хитрую штуковину у Природы. Вот такие умы, пожалуй, нужны нам больше всего.

Мальчик кивнул.

— Когда-то я жил в Кливленде. На Куайога-ривер используют то, что они называют хьюлановским конвейером для разгрузки вагонеток с рудой. Он действует по принципу лапки кузнечика. Один молодой человек со светлой головой — из тех, что вас интересуют,— лежал как-то у себя во дворе и отрывал лапки кузнечикам, пока один из них его не укусил. „Ага,— сказал молодой человек,— должен же во всем этом быть какой-то смысл“. Он наловил еще кузнечиков для своих опытов,— так и возник хьюлановский конвейер. Одним словом, он, как вы выражаетесь, украл эту хитрую штуковину у Природы, которая приспособила ее для тварей, которые только и делают, что бездельничают, прыгают по травке и жуют свою жвачку. Как-то раз отец повез меня на пароходе вверх по реке, и я видел, как эта штука работает. Такие огромные металлические лапы с захватами на концах, и тархтят они так ужасно, как духи всех замученных кузнечиков, собравшиеся вместе. Боюсь, у меня не тот ум, который вам нужен.

— Что ж,— сказал военный,— похоже, у тебя действительно тот, другой ум.

— Какой другой?

— Тот, про который ты рассказывал. Который умеет видеть и объяснять, который сможет потом рассказать людям о том, как все это выглядит там.

— Вы хотите взять меня летописцем?

— Нет, тебе мы подыщем что-нибудь другое. Но это не должно тебя смущать. Скольких людей мировые войны навели на мысль написать роман о войне? И сколько их, военных романов, было написано? И сколько среди них хороших? Ведь были же хорошие, ты сам знаешь. Ты тоже мог бы. Что-нибудь в этом духе.

— Возможно,— сказал мальчик.

Они двинулись дальше.

— Пойдем сюда? — предложил военный.

Мальчик кивнул и пошел вслед за ним. Они свернули в коридор и сели в лифт. Дверь закрылась, и голос из микрофона спросил, куда их везти.

— Нижний ярус,— сказал подполковник.

Движение было практически неощутимо. Дверь снова открылась. Они вышли на узкий балкон, опоясывавший „супницу“. Закрытый стеклянным козырьком балкон был освещен мягким, рассеянным светом.

Отсюда, сверху, была хорошо видна почти вся экспозиция и часть взлетной площадки.

— Скоро отправляются несколько кораблей,— сказал офицер.— Я хочу, чтобы ты посмотрел, как взлетают эти огненные колесницы.

— Огненные колесницы,— улыбаясь, повторил мальчик.— Да, я помню, эта фраза часто встречается в ваших проспектах. Да, сэр, это действительно поэтично.

Офицер ничего не ответил. Стальные башни стояли неподвижно.

— Эти никуда не полетят, ты же знаешь,— сказал он наконец.— Они только доставляют людей и материалы на орбитальные станции. Настоящие большие корабли никогда не возвращаются.

— Да, я знаю. А что, тот парень, утром, и в самом деле покончил с собой здесь, на выставке?

— Нет,— сказал офицер, отводя взгляд.— Это был несчастный случай. Он вошел в комнату марсианской

гравитации, когда воздушная подушка была отключена. Упал в шахту.

— Тогда почему же этот павильон не закрыли?

— Потому что техника безопасности в принципе работает нормально. Световая предупредительная сигнализация и ограждения в порядке.

— Тогда почему вы сказали — „несчастный случай“?

— Потому что он не оставил записки. Смотри! Одна из них сейчас стартует!

Он указал в сторону ракет трубой.

Пышные клубы дыма окружили основание одного из стальных сталагмитов. Сердцевина его засветилась. Затем свечение сместилось в нижний конец, дым волнами растекся по взлетной площадке, стеной поднялся в воздух.

И все же верхняя часть корабля была видна.

...Он поднимался.

Почти незаметно оторвался он от земли. Но постепенно движение ускорялось, становилось заметным.

Вдруг пламя ринулось из сопла, и ракета в одно мгновение ушла высоко, пронзая серый сумеречный воздух.

Сначала казалось, что в небе пылает яркий костер; уменьшаясь, он превратился в сияющую звезду, уносящуюся ввысь.

— Ничто не сравнится с ракетой в полете, — сказал офицер.

— Да, — сказал мальчик. — Вы правы.

— А ты хотел бы полететь вслед за ней, вслед за этой звездой?

— Да, и когда-нибудь я обязательно полечу.

— Мне подготовка далась нелегко, а сейчас требования еще серьезнее.

Они проводили взглядами еще два взлетевших корабля.

— А сами вы — когда последний раз летали? — спросил мальчик.

— Совсем недавно... — ответил мужчина.

— Пожалуй, мне надо идти. Еще работу писать для школы.

— Погоди, я хочу тебе дать наши новые проспекты.

— Спасибо, они у меня уже все есть.

— Что ж, ладно... Доброй ночи, дружок.

— Доброй ночи. Спасибо, что показали выставку. Мальчик повернулся и пошел обратно, к лифту. Офицер еще долго стоял на балконе, глядя вверх, на небо, и держа в руке догоревшую трубку.

В кругу света судорожно сплелись фигуры борцов...
Потом — темнота.

— О мой меч! Как больно входит в тело стали! Тысячеустый, я истекаю кровью!

Тишина.

Аплодисменты.

IV

„...Архитектура Винчестерского собора,— гласил путеводитель,— отличается прямыми, жесткими, суровыми очертаниями. Ряды мощных, как древесные стволы, колонн строго упорядочивают внутреннее пространство: потолки плоские; нефы, разделенные колоннами, сами по себе усиливают ощущение незыблемости и прочности. Действительно, кажется, что собор воплотил в себе характер Вильгельма Завоевателя. Пренебрежение к вычурности и страстное, влюбленное стремление к иному миру делают его, помимо прочего, подходящей декорацией для какой-нибудь истории в духе Мэлори...“

„Обратите внимание также на зубчатые капители,— значилось далее.— Их примитивные каннелюры предвосхитили то, что впоследствии стало широко распространенным мотивом...“

— Фу! — сказал Рендер, впрочем, достаточно тихо, поскольку вокруг плотно стояли экскурсанты.

— Ш-ш!..— сказала Джилл (последняя ее фамилия была Фотлок) де Виль.

Однако Рендер был разочарован не меньше, чем восхищен.

Отвращение к хобби, которое выбрала себе Джилл, тем не менее настолько превратилось у него в рефлекс, что он скорее предпочел бы отдохнуть под хитроумным восточным изобретением, по капле сочащим воду на череп осужденного, чем признать, что ему иногда и в самом деле нравится бродить по

аркадам и галереям, по анфиладам и туннелям и, задыхаясь, карабкаться по винтовым лестницам древних башен.

И, еще раз окинув взглядом всю картину, он сжег вымысел, потом снова восстановил декорацию из еще дымящихся обломков воспоминания, так, чтобы потом можно было возобновить представление для единственного пациента, который мог видеть все только так, а не иначе. Это здание нравилось ему все же больше других. Да, он снова построят его для нее.

И, пока фотокамера сознания запечатлевала окружающее, Рендер покорно шел вместе с группой, перекинув пальто через руку и постоянно теребя в кармане сигареты. Не обращая внимания на гида, он был занят своим делом, впрочем, прекрасно понимая, что это низшая из форм человеческого протеста. Бродя по Винчестеру, он вспоминал последние два сеанса с Эйлин Шеллот.

И снова они бродили вместе.

Там, где пантера скачет по ветвям...

Они бродили.

Там, где олень от голода ревет...

Они остановились, когда она поднесла руки с вывернутыми наружу ладонями и растопыренными пальцами к вискам и посмотрела на него — губы ее открылись, словно она хотела спросить о чем-то.

— Оленьи рога,— подсказал Рендер.

Эйлин кивнула, и олень-самец подошел.

Она пощупала его рога, погладила нос, внимательно оглядела копыта.

— Да,— сказала она. Олень повернулся, отошел, и тут, одним прыжком очутившись у него на спине, пантера разорвала ему глотку.

Олень дважды успел вонзить рога в тело зверя и затих. Пантера принялась рвать тушу, и Эйлин отвела глаза.

Там, где гремучая змея на камне греется, подставив солнцу каждую чешуйку...

Она наблюдала за тем, как змея сворачивается, потом вытягивается, потом снова сворачивается, и так трижды. Потом потрогала кольца на хвосте.

— А для чего это? — спросила она, обернувшись к Рендеру.

— Природа — не всегда идиллия, — сказал он и объяснил назначение колец.

Там, где аллигатор в бугорчатой броне в трясине дремлет...

Она коснулась пластинчатой шкуры. Зверь широко зевнул. Она с любопытством рассматривала его зубы, строение его челюстей.

Насекомые, жужжа, кружились вокруг нее. Комар сел ей на руку и вонзил в кожу свой хоботок. Она прищипнула комара и рассмеялась.

— Ну как, получается? — спросила она.

Рендер улыбнулся, кивнул.

— Держись отлично.

Он хлопнул в ладоши — лес и болото исчезли.

Они стояли, босые, на волнистом песке, и солнце и его колышущийся призрак виднелись сквозь толщу воды где-то высоко над их головами. Стая разноцветных блестящих рыбок проплыла между ними, а водоросли плавно покачивались, словно полируя струи течений.

Их волосы развевались, колыхаясь, как водоросли, и одежда колыхалась в такт движениям воды. Причудливо закрученные раковины самых разных форм и цветов — розовые и голубые, красные, белые и шоколадные, — лежали перед ними драгоценной россыпью, вздымались стены коралловых рифов, грудками высились отполированные течением камни, и огромные моллюски разевали свои беззубые рты.

Они двинулись вперед сквозь зеленое море.

Наклонившись, Эйлин подняла одну из ракушек. Это была большая, тонкая, как яичная скорлупа, бледно-голубая раковина; один конец напоминал оттиск большого пальца какого-нибудь великана, потом она круто, штопором скручивалась тонкими, как спагеттинка, витками и заканчивалась игриво изогнутым хвостиком.

— Это и есть ракушка Дедала, — сказала Эйлин.

— Ракушка Дедала?

— А разве мой господин не знает историю о том, как величайший из умельцев, Дедал, однажды вынужден был прятаться от царя Миноса?

— Слабо припоминаю...

— Царь искал его по всему древнему миру, но безуспешно. Ибо мастерство Дедала позволяло ему

менять свой облик быстрее и искуснее, чем Протею. И все же в конце концов один из советников царя измыслил план, как отыскать его.

— И как же?

— С помощью ракушки, вот этой самой, которую я сейчас держу в руке перед тобой, мой умелец.

Рендер взял у Эйлин ракушку и внимательно, со всех сторон осмотрел ее.

— Он разослал такие ракушки во все города Эгейского моря и посулил богатую награду тому, кто сможет продеть нить сквозь все ее изгибы.

— Кажется, я начинаю вспоминать...

— Что именно: как это было сделано или почему? Минос знал, что единственный человек, которому это под силу, должен быть величайшим из умельцев, и он знал также, как самолюбив Дедал,— знал, что он отважится на невозможное, чтобы доказать, что он может свершить то, что не дано никому в мире.

— Да,— сказал Рендер, продевая шелковую нить в устье ракушки и наблюдая за тем, как кончик нити показывается из отверстия на другом конце.— Да, я вспомнил. Он обвязал кончик нити вокруг маленького ползучего насекомого, зная, что оно привыкло к темным, запутанным, как лабиринт, ходам и что сила его намного превосходит его размеры.

— ...и продел нить сквозь ракушку, и явился за наградой, и был схвачен царем.

— Хороший урок всем Ваятелям: будь в своем ремесле мудр, но не перемудри.

Эйлин рассмеялась.

— Но, конечно, потом он бежал.

— Конечно.

Они карабкались по коралловым уступам.

Рендер вытащил нитку, приложил раковину к губам и дунул.

Протяжный звук разнесся по океанским глубинам.
Там, где выдра подстерегает рыбу...

Гибкое, похожее на торпеду тело стремительно вторглось в стаю рыб, жадно хватая добычу направо и налево...

Они подождали, пока охота закончится и зверь вынырнет из воды.

Они продолжали карабкаться по колючим коралловым уступам.

Потом медленно выходили из воды — сначала показались головы, потом плечи, руки, бедра, и вот уже они стояли, обсыхая, на узкой полосе песчаного берега. Потом вошли в окаймлявший ее лес и стали двигаться вверх по течению впадающего в море ручья.

Там, где черный медведь выкапывает корни и ищет мёд, и где бобр шлепает по грязи своим широким, как весло, хвостом...

— Слова, — сказала она, прикоснувшись к уху...

— Да, но взгляни на медведя и на бобра.

Она взглянула.

Пчелы, остервенело жужжа, роились вокруг мохнатого мародера; грязь шлепала, когда хвост грызуна ударял по ней.

— Медведь и бобр, бобр и медведь, — сказала она. — Ну, куда отправимся теперь?

— *Сквозь побеги сахарного тростника, сквозь желтые цветы хлопка, по затопленным рисовым полям,* — ответил он, указывая вперед.

— О чем вы?

— Взгляни, и ты увидишь. Посмотри на растения, на их цвета, на их формы.

Они шли, глядя по сторонам.

— *Сквозь рощи хурмы, сквозь многолетнюю кукурузу, по расцветшему нежными голубыми цветами льняному полю.*

Эйлин становилась на колени, вглядывалась, принохивалась, пробовала на ощупь и на вкус.

Они шли по полям, и она чувствовала босыми ступнями черную теплую землю.

— ...Мне как будто вспоминается что-то, — сказала она.

— *По матово-зеленой ржи,* — сказал Рендер, — *когда она волнуется и рябит в порывах ветра.*

— Подожди немного, Дедал, — сказала Эйлин. — Оно приходит ко мне медленно. Ты подарил мне желание, которое я никогда не решалась назвать вслух.

— Давай поднимемся на эту гору, — предложил он. — *Крепче держись за уступы.*

Они начали подниматься, и скоро земля осталась далеко внизу.

— И только ветер холодный и скалы — там, высоко в горах, — сказала она. — Куда мы идем?

— На вершину. На самый верх.

Вечность протекла или мгновение — но они уже стояли на вершине горы. Сейчас восхождение казалось им долгим.

— Расстояние, перспектива,— сказал Рендер.— Мы прошли все это, все, что ты видишь там, внизу. Равнины, за ними леса и море.

— А гора выдуманная,— заметила она.— Когда-то я уже забиралась на нее, только не видела.

Он кивнул, и она снова с любопытством взглянула на океан, лежавший вдали под голубым океаном неба.

Через некоторое время они начали спускаться по противоположному склону.

И снова Время дурачило их, то затягиваясь, то сжимаясь, и, оказавшись у подножия горы, они двинулись вперед.

...Идти протоптанной в траве тропой и чувствовать прикосновение листьев.

— Теперь я знаю! — воскликнула Эйлин, хлопая в ладоши.— Теперь я знаю!

— Тогда — где мы? — спросил Рендер.

Эйлин бережно сорвала травинку, протянула ее Рендеру, потом пожевала кончик.

— Где? — переспросила она.— Ну, конечно же, там, где слышен перепела свист в лесах, в пшеничном поле.

В этот момент раздался свист перепела, и птица пересекла им дорогу, причем птенцы шли сзади ровной цепочкой, словно нанизанные на нить.

— А я всегда гадала, что бы это могло значить,— сказала она.

Тьма сгущалась над тропинкой, которая вела их то лесом, то между пшеничных полей.

— Как много всего,— сказала Эйлин.— Целый каталог чувств Сиэrsa и Робака. Дайте мне еще строчку.

— *Там, где летучая мышь кружит накануне Седьмого месяца,*— сказал Рендер, поднимая руку.

Летучая мышь резко спикировала вниз, Эйлин пригнулась, и темное пятно, трепеща в воздухе, скрылось за деревьями.

— *Там, где большой золотой жук мелькает во тьме,*— подхватила она.

...И мгновенно маленький сверкающий метеорит в двадцать четыре карата прочертил темнеющий воз-

дух и упал на дорожку к их ногам. Прележав мгновение неподвижно, как золотистый, солнечный скарабей, он уполз на обочину и исчез в траве.

— Теперь ты помнишь,— сказал Рендер.

— Теперь я помню,— ответила Эйлин.

Канун Седьмого месяца выдался холодный, и звезды бледными огоньками зажглись в небе. Они шли по тропинке, и Рендер показывал Эйлин созвездия. Месяц повис, зацепившись за горизонт, и еще одна летучая мышь перечеркнула его. Вдалеке заухала сова. Оживленный разговор сверчков донесся словно бы из-под земли. И все же последнее, предзакатное сияние упорно не исчезало с небосвода, озаряя мир вокруг.

— Мы далеко ушли,— сказала Эйлин.

— Как далеко? — спросил Рендер.

— Туда, где *ручей, рождаясь меж корней, течет в луга*,— уверенно ответила она.

— Верно,— и, вытянув руку, Рендер нагнулся к корням большого, старого дерева, мимо которого они проходили. Между корней бил ключ, питавший ручей, вдоль которого они шли раньше. Словно связка бубенчиков, вода взлетала вверх и падала со звоном, растекаясь по земле. Ручеек журчал между деревьев, прокладывая себе русло, вился на пути к морю.

Эйлин вошла в воду. Плавные струи пенились у ее ног. Брызги окатили ее всю: спину, шею, грудь, руки.

— Идите сюда,— сказала она.— Этот ручей волшебный.

Но Рендер покачал головой и не тронулся с места.

Выйдя из воды, она встряхнулась и снова была сухой, как прежде.

— Лед и радуга,— заметила она.

— Да,— сказал Рендер,— я еще много чего позабыл.

— Я тоже, но я помню, что чуть дальше идет строчка *о пересмешнике, который курлычет нежно, заливаясь трелями, стенает и плачет*.

И Рендер вздрогнул, словно заслышав пенье пересмешника.

— Но это не мой пересмешник,— заметил он.

Эйлин засмеялась.

— Какая разница? Все равно скоро его очередь.

Рендер покачал головой и отвернулся. Эйлин снова оказалась у него за спиной.

— Жаль. Я буду внимательнее.

— Прекрасно.

Он сошел с тропинки и пошел вперед.

— Я забыл, что дальше.

— Я тоже.

Ручей остался далеко позади.

Они шли, приминая траву, по бескрайним плоским равнинам, и только краешек пылающей солнечной короны виднелся над горизонтом.

Там, где закатные тени тянутся по безграничным, безлюдным прериям...

— Вы что-то сказали? — спросила Эйлин.

— Нет. Но я опять вспомнил. Вот это место: *там, где стада бизонов, растекшись темными пятнами на много миль, движутся с места на место.*

Большое темное пятно слева от них постепенно принимало все более отчетливые очертания, все более явно в темноте проступали формы бизона — царя американских равнин. Словно и не было никогда никаких родео, ярмарок скота, изображений на старых пятицентовиках, — животные стояли теперь перед ними, неповторимые, темные, пахнувшие землей, медлительные, могучие, мохнатые, они стояли тесно, опустив книзу рогатые головы, мощные бока вздымались и опадали; это был живой символ зодиакального Быка, неистощимого весеннего плодородия; и вместе с сумерками таяли они, уходя в прошедшее, в прошлое — быть может, туда, где *трепещут радужные колибри.*

Они шли по огромной равнине, и луна была уже высоко над ними. Наконец они вновь подошли к краю земли, где снова были высокогорные озера, ручьи, пруды, где снова было море. Пройдя мимо опустевших ферм с садами, они пошли дальше по краю воды.

— *Там, где лебедь-долгожитель плывет, покачиваясь и изогнув свою длинную шею,* — сказала Эйлин, и это был первый лебедь, которого она увидела. Он медленно скользил в лунном свете по глади озера.

— *Там, где чайки мечутся над берегом, хохоча,* — подхватил Рендер, — *и хохот их так похож на человеческий.*

И хохот раздался в ночи, но он не был похож ни на смех чайки, ни на смех человека, потому что Рендер никогда не слышал хохочущих чаек. Кудахчущие зву-

ки, которые он извлек из сырой, необработанной эмоции, сделали вечерний воздух холодным, неуютным.

Он заставил воздух потеплеть снова. Подсветил темноту серебристым свечением. Кудахчущий смех сошел на нет, замер. Подобие чайки, вспыхивая серебристым исподом крыльев, унеслось в сторону моря.

— Ну вот,— сказал Рендер,— это почти все на сегодня.

— Но ведь еще много, так много осталось,— возразила Эйлин.— Ведь вы так хорошо запоминаете меня. Неужели вы сейчас ничего больше не вспомните? Я помню еще кое-что о куропатках, которые на ночь усаживаются в кружок, выставив наружу головы, о хохлатой желтой цапле, по ночам охотящейся на крабов в тине, и о темном кузнечике, что сидит на ореховом дереве над колодцем, и...

— Прекрасная память,— сказал Рендер.— Превосходная. Даже, пожалуй, слишком.

Они шли сквозь лимонные и апельсиновые рощи, еловые леса, там, где охотилась цапля и где кузнечик распевал свою песенку, сидя на ореховом дереве над колодцем, и где куропатки спали, сидя кружком и выставив головы наружу.

— Вы назовете мне всех этих животных в следующий раз? — спросила Эйлин.

— Да.

Она свернула на тропинку, ведущую к ферме, открыла дверь, вошла. Рендер с улыбкой последовал за нею. Внутри была тьма.

Плотная, беспросветная тьма, какая может быть только в абсолютной пустоте.

В доме не было ничего. Вообще ничего.

— Что случилось? — донесся откуда-то голос Эйлин.

— Несанкционированное вмешательство в сценарий,— ответил Рендер.— Я уже собирался опустить занавес, но вы захотели, чтобы представление продолжалось. Тогда я решил не делать вам больше никаких подсказок.

— Мне не всегда удастся контролировать это,— сказала Эйлин.— Извините. Давайте вернемся. Я уже взяла себя в руки.

— Нет, пойдем дальше,— сказал Рендер.— Свет!

Они стояли на высоком холме, и вокруг ущербного

месяца кружились стальные летучие мыши. Вечерний воздух был холодным, и резкие, каркающие звуки доносились с мусорных куч. Не деревья, а стальные столбы раскинули вокруг свои мертвые прикрепленные ветви. Вместо травы под ногами расстиралось зеленое пластиковое покрытие. Огромный пустынный хайвей тянулся вниз.

— Но... где мы? — спросила Эйлин.

— Вы только что побывали в „Песни-О-Себе“, — ответил Рендер, — и вложили в нее столько нарциссизма, сколько смогли. Ничего странного, впрочем, в этом нет. Разве только то, что вы слегка перестарались. Теперь, я думаю, надо несколько сбалансировать ситуацию. Иначе я просто разорюсь, если каждый раз буду только и делать, что рассказывать сказки.

— Что вы хотите делать?

— Как насчет „Песни-Не-О-Себе“? — и он хлопнул в ладоши.

— *...Там, где пересохшие равнины Даст-Баула алчут воды,* — произнес чей-то голос. Эйлин и Рендер шли вперед, кашляя.

— *...Там, где всё живое погибло в загрязненных водах рек,* — продолжал голос, — *и пена их цвета ржавчины.*

Они шли по берегу зловонной речки; Эйлин зажимала нос, но и это не могло помешать ей чувствовать зловоние.

...Там, где леса сведены под корень и пейзаж напоминает Лимб.

Они шли, обходя пни, наступая на обломанные сухие ветви; мертвая листва шуршала под ногами. Зловещий, изъязвленный лик луны, словно подвешенный на тонкой нити, угрюмо глядел на них с черных небес.

Словно великаны, шли они между пней по голым пустошам, где когда-то шумели бескрайние леса. Под покровом сухих листьев земля покрылась глубокими трещинами.

...Где шахты — как обескровленные артерии в выжженной плоти Земли.

Огромная свалка машин простиралась перед ними. Погребальными курганами высилась во тьме развороченная земля. Провалы и ямы были наполнены чем-то, напоминающим сгустки черной крови.

...Пой, Жестяная Муза, ты, что показала древним пастухам, как стройный и прекрасный мир возникает из Хаоса, или, ежели смерть приятнее твоим очам, гляди — вот величайшее из кладбищ земных!

Они стояли на вершине холма, озирая груды металлургического лома. Здесь были тракторы, бульдозеры, экскаваторы, с их некогда мощными, а теперь бессилыми замершими ковшами и гусеницами. Горы металла, ржавого, искореженного, ненужного. Станины, рамы, лопасти, корпуса, стрелы подъемных кранов — все было погнуто, сломано, сплющено. Могильным холмом, Землей Горшечника было это место для стальной плоти машин.

— Что это?.. — спросила Эйлин.

— Свалка, — ответил Рендер. — Эту сторону жизни Уолт позабыл воспеть. Это то, что подмяло под себя нежную траву его лугов и лесов, а сами леса свело под корень.

Они пошли через свалку машин.

— Впрочем, в каком-то смысле меня сюда тянет, — добавил Рендер.

— Вот этот бульдозер, например, сровнял с землей древнюю индейскую усыпальницу, а этот свалил самое старое дерево на нашем континенте. Вот этот экскаватор прорыл канал, чтобы отвести реку, затопившую и превратившую в пустыню прекрасную зеленую долину. Вот этот кран рушил стены домов наших предков и возводил перекрытия уродливых башен, выросших на их месте...

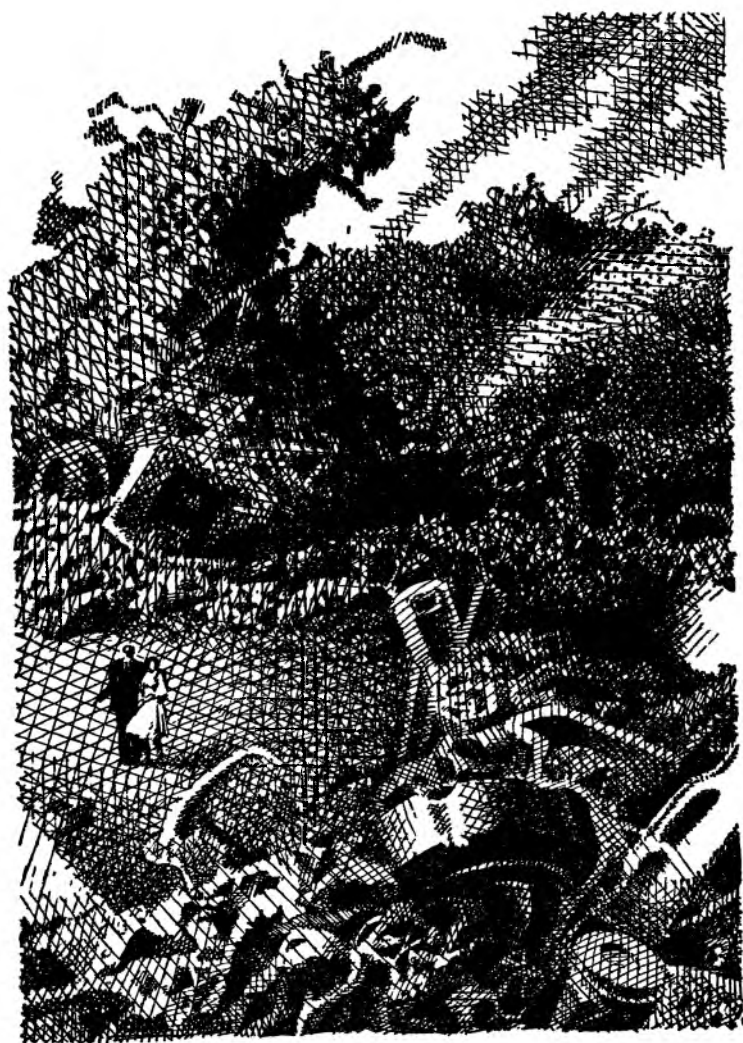
— Вы очень несправедливы, — сказала Эйлин.

— Конечно, — ответил Рендер. — Стремясь к малому, всегда замахиваешься на большое. Вспомните, я взял вас туда, где пантера скачет по ветвям, где гремучая змея на камне греется, подставляя солнцу каждую чешуйку, где аллигатор, в бугорчатой броне, в трясине дремлет. И помните, что я ответил, когда вы спросили: „А для чего это?“

— Вы сказали: „Природа — не всегда идиллия“.

— Верно, и, когда вы снова попробовали перехватить у меня инициативу, я решил, что будет лучше для меня дать вам понять, что в мире, помимо удовольствия, есть еще и боль. Мне кажется, вы уже и сами уловили, что именно не в порядке.

— Да, я понимаю. Но как выглядит эта дорога в ад,

вымощенная нашими благими намерениями? Какая она — белая или черная?

— Ни то и ни другое,— ответил он.— Серая. Пройдем еще немного.

Они обогнули груды пустых банок, бутылок и пружинных матрацев. Нагнувшись, Рендер откинул выступающую крышку люка.

— Взгляните, что скрыто в этом темном чреве уже много веков.

Он открыл ящик с инструментами, и волшебное сияние мягким зеленым светом озарило темную глубину.

— О!..

— Чаша Святого Грааля,— провозгласил Рендер.— Это называется энантиадромия, моя дорогая. Круг всегда рано или поздно замыкается. И когда его начало смыкается с концом, начинается спираль. Откуда я все это знаю? Но Грааль может таиться в ящике с инструментами. И мало ли что еще. Время искажает вещи. Со временем друзья становятся врагами; то, что было злом, может обернуться добром. Но я позволю себе выгадать немного времени, чтобы рассказать вам одну маленькую историю, раз уж вы подарили мне сюжет о греке Дедале. Мне рассказал ее один из моих пациентов по фамилии Ротман, он изучал Каббалу. Как вы думаете — каково происхождение Грааля, этого символа чистоты, света, святости и божественного величия?

— Тут ничего про это не сказано.

— Да, но есть предание, легенда; ее-то и рассказал мне Ротман. Мельхиседек, первосвященник Израиля, передал Грааль в наследство своим потомкам, чтобы те вручили его Мессии. Но откуда же попал он к Мельхиседеку? Он вырубил его из огромного изумруда, найденного им в пустыне, а изумруд этот выпал из короны Измаила, Ангела Тьмы, когда он был низвергнут с небес. Таков Грааль: из света во тьму, из тьмы — к свету и снова во тьму, и что дальше — кто знает? Так в чем же тут дело? В энантиадромии, моя дорогая. До свиданья, Грааль.

Он закрыл крышку, и всё погрузилось во тьму.

И потом, бродя под плоскими потолками Винчестерского собора, проходя мимо статуи, обезглавленной по приказу Кромвеля (как уверял путеводитель), он вспоминал следующий сеанс. Он вспоминал, как, сам того

не желая, вынужден был выступать в роли Адама, давая имена проходящим перед ними животным, во главе которых, разумеется, шло то, которое она хотела видеть, — жуткой окраски, поскольку он немного нервничал. Потом ему пришлось пережить несколько приятных, идиллических минут, когда, проштудировав старый учебник ботаники, он ваял и давал имена полевым цветам.

Пока они держались вдалеке от городов, от машин. Ее эмоции пока еще слишком живо откликались даже на самые простые, осторожно вводимые в ее психику объекты, для того чтобы подвергать ее риску, сразу погрузив в сложные, хаотичные городские дебри; нет, он будет строить ее город не спеша.

Что-то быстро пронеслось в высоте над собором, издав гулкий, похожий на громовой раскат, звук. Рендер задержал руку Джилл в своей и улыбнулся, когда она взглянула на него сверху вниз. Джилл знала, что ее можно назвать почти красивой, и обычно прилагала массу усилий, чтобы действительно выглядеть красавицей. Но сегодня ее волосы были просто зачесаны назад, а чуть оттопыренные уши казались тоньше, бледнее и чуть заостренными кверху.

— Обратите внимание также на зубчатые капители, — прошептала она. — Их примитивные каннелюры предвосхитили то, что впоследствии стало широко распространенным мотивом.

— Фу-у! — сказал Рендер.

— Ш-ш! — сказала маленькая женщина с красной, сожженной на солнце кожей. Говоря, она быстро открывала и закрывала рот, похожий на трещину в глине.

— Ну что, как Винчестер? — спросил Рендер, когда они медленно шли обратно к отелю.

— Полный порядок.

— Довольна?

— Довольна.

— Хорошо, тогда можно будет отправиться прямо сегодня.

— Ладно.

— В Швейцарию...

Джилл остановилась и потерела пуговицу у него на пальто.

— А не могли бы мы еще пару дней побродить по старым замкам? В конце концов, только и дел, что

перебраться через Ла-Манш, и ты бы мог спокойно дегустировать местные вина, пока я...

— О'кей,— сказал Рендер.

Она подняла голову — лицо ее выражало крайнее изумление.

— Что случилось? Он даже не спорит.— Джилл улыбнулась.— А где же твой пресловутый бойцовский дух? Подозрительная сговорчивость.

Она взяла его за руку, и они пошли дальше.

— Вчера,— сказал Рендер,— когда мы рысью про-
бегали под этими почтенными сводами, я услышал слабый стон, и затем чей-то голос воскликнул: „Ради всего святого, Монтресор!“ Полагаю, что это и был мой бойцовский дух, поскольку голос был точно мой. Я от-
рекся от *der Geist, der stets verneint*¹. *Pax vobis-*
*cum!*² Отправляемся во Францию. *Alors!*³

— Милый Ренди, всего только на денек-другой...

— Аминь,— сказал Рендер.— Жаль только, что я уже смазал лыжи.

Они сделали все так, как и было решено, однако когда на утро третьего дня Джилл завела речь о замках Испании, Рендер принялся вслух рассуждать о том, что если психологи, выпив, обычно ограничиваются тем, что впадают в раж, то психиатры, как известно, не только впадают в раж, но и начинают бить посуду. Восприняв это как скрытый намек на свою коллекцию веджвудского фарфора, Джилл сложила оружие и согласилась отправиться кататься на лыжах.

„Свобода!“ Рендер едва удержался, чтобы не выкрикнуть это слово вслух.

Кровь стучала у него в висках. Он мчался, сжавшись в комок. Вираз налево. Ветер упруго и больно хлестал по лицу; мелкие льдинки, острые, как наждачная крошка, летели ему в лицо, царапая щеки.

Он мчался вперед. Отныне и навсегда — мир кончился в Вайсфлойхе, и Дорфтали лежал далеко внизу.

Его ноги стали двумя светящимися реками, бежавшими по волнистым, замерзшим равнинам; они текли,

¹ Дух упрямого отрицания (*нем.*).

² Мир вам (*лат.*).

³ Итак! (*франц.*).

они двигались, они не могли замерзнуть. Вниз. Его тело было текучим, струящимся. Долой мир, замкнутый в четырех стенах. Прочь от душной рутины буден, прочь от цивилизации, которая кормит тебя с ложечки, от убийственной жвачки насильственных развлечений, придуманных с одной целью — убить стоглавую гидру скуки. Прочь!

И пока он мчался вниз по склону, растворяясь в текучем чувстве движения, его не покидало желание оглянуться, как бы для того, чтобы посмотреть, действительно ли мир, который он оставил там — позади, над собой,— послал ему вослед свой жуткий символ, свою тень, чтобы неотступно следовать за ним и затащить его обратно, в повисший в небе теплый, ярко освещенный гроб и уложить его там на покой, пронзив его волю алюминиевыми остриями и убаюкивая переменимыми токами его дух.

— Ненавижу,— выдохнул он сквозь стиснутые зубы, и ветер отнес слова назад; потом он засмеялся, ведь он привык анализировать свои эмоции с точки зрения рефлексов,— и добавил: „Те же и Орест, безумный, преследуемый фуриями...“

Склон становился все более пологим, и скоро Рендер притормозил, остановился.

Выкурив сигарету, он вновь полез в гору, чтобы повторить спуск, на этот раз уже не в медицинских целях.

Вечером Рендер сидел у камина в просторном охотничьем домике, чувствуя, как жадно впитывают тепло его усталые мышцы. И пока Джилл массировала ему плечи, он угадывал в огнистых узорах углей фигуры, наподобие Роршаховских таблиц, и в тот момент, когда в пламени ясно обрисовался сверкающий кубок, из Зала Девяти Каминов донесся чей-то знакомый голос.

„Чарльз Рендер!“ — произнес голос (хотя это прозвучало скорее как „Шарльц Рандер“). Рендер инстинктивно обернулся, но призрачные узоры еще плясали у него перед глазами, и он не сразу идентифицировал источник звука.

— Морис? — спросил он через секунду.— Бартельметц?

— Он самый,— раздалось в ответ, и Рендер различил знакомое пепельно-серое лицо человека с лысой, как бильярдный шар, головой, практически без шеи, одетого в красно-синий свитер из грубой шерсти, который сидел в обтяжку, не скрывая мощных округлостей похожей на бочонок фигуры. Человек двигался в сторону Джилл и Рендера, ловко пробираясь между лежащими на полу лыжами, палками, составленными в пирамиды, и людьми, которые, подобно Джилл и Рендеру, презирали отдых в кресле.

— Что-то ты потяжелел,— заметил Рендер, оглядывая фигуру Бартельметца.— Нездоровый симптом.

— Ерунда, это сплошные мышцы. Ну, как живешь, как дела?

Он взглянул на Джилл, и она улыбнулась ему в ответ.

— Мисс де Виль,— пояснил Рендер.

— Джилл,— представилась она.

Бартельметц слегка поклонился, отпустив наконец уже занывшую руку Рендера.

— А это — профессор Морис Бартельметц из Вены,— закончил Рендер,— укрывшийся под покровом мрака последователь всех форм диалектического пессимизма и выдающийся первооткрыватель в области невроконтактной терапии, хотя, глядя на него, этого и не скажешь. Я имел счастье быть его учеником в течение года.

Бартельметц утвердительно кивнул, принимая от Рендера фляжку для шнапса, которую тот вынул из маленького пластикового рюкзака, и наполнил свой складной стаканчик до краев.

— Да, ты все еще хороший специалист,— вздохнул он.— Моментально ставишь диагноз и прописываешь правильное лечение. Ваше здоровье.

— Семь лет — залпом,— важно произнес Рендер, вновь наполняя стаканчик.

— Что ж, потянем время — будем пить мелкими глоточками.

Они уселись на полу.

Огонь рычал в камине, дымом уносясь в большую кирпичную трубу; объятые пламенем поленья сгорали: и толстые сучья, и тоненькие веточки, и годовые кольца — кольцо за кольцом.

Рендер разворошил огонь.

— Я читал твою последнюю книгу,— сказал Бар-
тельметц как бы невзначай.— Года четыре назад.

— Верно,— утвердительно кивнул Рендер.

— Над чем-нибудь сейчас работаешь?

Рендер лениво ткнул кочергой в горящее полено.

— Да, есть кое-что.

Он бросил беглый взгляд на Джилл, которая дремала, прислонив голову к подлокотнику высокого кожаного кресла, подложив под бок рюкзак Рендера, и алые тени огня выпукло скользили по ее лицу.

— Я столкнулся с довольно необычным явлением и начал работать над темой, о которой давно собирался написать.

— Необычным? В каком смысле?

— Хотя бы в том, что пациентка — слепая от рождения.

— И ты пользуешься МНУ?

— Да. Она хочет стать Ваятелем.

— Verflucht!¹ А ты учиываешь возможность обратных воздействий?

— Конечно.

— Ты ничего не знаешь о бедняге Пьере?

— Нет.

— Что ж, значит, им удалось это скрыть. Пьер был студентом-философом в Парижском университете и писал диссертацию об эволюции сознания. В этом году, летом, он решил, что для его работы необходимо исследовать мозг обезьяны — с тем чтобы установить, кто из них, он или обезьяна, более легкомыслен, не иначе. Как бы там ни было, ему удалось получить незаконный доступ к МНУ и к мозгам нашей мохнатой родственницы. Потом так и не удалось установить, насколько он успел ознакомить обезьяну с банком внешних воздействий, но, надо полагать, что именно один из тех сигналов, которые по-разному резонируют в сознании человека и обезьяны,— шум транспорта и тому подобное,—напугал неразумное создание. Пьер до сих пор сидит в обитой войлоком палате, и реакции у него — точь-в-точь такие, как у испуганной обезьяны.

— Так что, хоть ему и не удалось завершить собственную диссертацию,— закончил свой рассказ Бар-

¹ Проклятье! (нем.)

тельметц,— он вполне может послужить материалом для чужого исследования.

Рендер покачал головой.

— Впечатляющая история,— сказал он мягко,— но в моем случае всё отнюдь не так драматично. Моя пациентка — человек с исключительно стабильной психикой, в конце концов она сама психиатр, прошедший школу обычного психоанализа. Она давно хотела заниматься невроконтактной терапией, но ее удерживал страх перед зрительной травмой. Я постепенно вводил ее в мир зрительных образов. Когда курс будет закончен, она должна полностью свыкнуться с процессом усвоения видеоряда и сможет уделить все внимание невроконтактной терапии, не боясь ослепнуть от зрения, если можно так выразиться. У нас уже было четыре сеанса.

— И?

— ...И она держалась прекрасно.

— Ты уверен?

— Да, и думаю, что здесь я достаточно компетентен.

— М-м,— протянул Бартельметц.— Скажи, как потвоему,— у нее достаточно сильная воля? Я имею в виду, нет ли у нее навязчивого комплекса сопротивляться внешнему принуждению?

— Нет.

— И никогда не бывало так, чтобы она брала в свои руки контроль над сновидением?

— Нет!

— Врешь,— сказал Бартельметц просто.

Рендер потянулся за сигаретами. Прикурив, он улыбнулся.

— Каюсь, учитель, каюсь, старый лукавец,— произнес он примирительно,— годы не притупили твоего чутья. Мне легче провести самого себя. Да, ее действительно очень и очень непросто контролировать. Ей недостаточно просто видеть. Уже сейчас она сама хочет ваять. Это понятно нам обоим — и мне, и ей,— но рассудочное и эмоциональное восприятие, видимо, никогда не достигнут гармонии. Иногда ей удавалось доминировать, но я почти сразу снова брал ее под контроль. В конце концов, это я заказываю музыку!

— Хм,— пробормотал Бартельметц.— Тебе никогда не попадался буддистский текст „Шанкара“?

— Боюсь, что нет.

— Тогда слушай, я тебя просвещу. „Шанкара“ утверждает, причем абсолютно безотносительно к невро-контактной терапии, что существуют два „я“ — истинное и ложное. Истинное „я“ в человеке бессмертно, и оно переходит в нирвану — словом, что-то вроде души. Отлично. Что же касается ложного „я“, то это обычное, находящееся в плену иллюзий человеческое сознание — твое, мое, всех тех, с кем мы сталкивались в процессе работы. Согласен? Согласен. Материалом для этого ложного „я“ служит то, что индусы называют „скандами“. Сканды включают чувства, восприятия, мыслительные способности, само сознание и даже физическое строение. Подход явно ненаучный. Да. Но дело в том, что сканды — это отнюдь не то же самое, что неврозы, или „лже-жизни“ мистера Ибсена, или галлюцинации, — нет, даже учитывая, что они не истинны, поскольку изначально являются частью ложного единства.

Взятые вместе, пять сканд составляют то весьма эксцентричное целое, которое мы называем личностью, — в верхнем слое располагаются неврозы и прочая ерунда, за счет которой мы и кормимся. Согласен? Слушай дальше. Я решил прочитать тебе эту небольшую лекцию, потому что сейчас мне, как никогда, нужны сильные драматические выражения, поскольку я собираюсь изречь нечто весьма драматичное. Если предположить, что сканды образуют дно, то неврозы — это рябь на поверхности воды; истинное же „я“, если таковое имеется, спрятано глубоко под выстилающим дно песком. Итак. Рябь лежит в промежутке, образует, так сказать, *Zwischenwelt*¹ между субъектом и объектом. Сканды — это часть субъекта, неотъемлемая, уникальная часть его сути, бытия. Пока возражений нет?

— Есть, и немало.

— Хорошо. Теперь, когда мы договорились о понятиях, я попробую сформулировать свою точку зрения. Ты попусту тратишь время, потому что хочешь воздействовать уже не просто на неврозы, а на сканды. Хочешь гармонизировать общее представление этой женщины о себе самой и о мире. И для этого

¹ Междумирье (нем.)

пользуешься МНУ. С тем же успехом ты мог бы воздействовать на психопата или обезьяну. На первый взгляд, все может идти прекрасно, но в любой момент, сам того не подозревая, ты можешь сделать что-нибудь такое, показать ей что-то необычное или обычное в таком необычном ракурсе, что ее самоощущение нарушится, нарушится одна из сканд, а это все равно что пробить дно. В этом месте образуется водоворот, который затянет тебя и... Словом, молодой человек, юный мастер, я не хотел бы видеть вас в числе своих пациентов и поэтому советую приостановить эксперимент. Не следует использовать МНУ в таких целях.

Рендер бросил сигарету в камин.

— Во-первых,— сказал он, загибая палец,— вы напустили мистического тумана, хотя все ясно как день. Единственное, что я пытаюсь сделать, это подготовить ее сознание к восприятию дополнительных впечатлений. Во многом это удается сделать за счет других чувств. Во-вторых, вначале ее эмоциональные реакции *действительно* были достаточно болезненными, поскольку затрагивали травмированную область ее психики, но этот этап уже позади. Теперь она только удивляется новизне мира. Скоро и новизна утратит свою необычность. В-третьих, Эйлин сама — психиатр; она хорошо разбирается в методике лечения и полностью сознает, насколько тонким делом мы занимаемся. В-четвертых, ее самоощущения и ее желания, или ее сканды, называйте как хотите, непоколебимы, как Гибралтарская скала. Только представьте, какие усилия Эйлин приложила, чтобы получить такое образование, какое она получила. Тут нужна была стальная воля и самообладание, которому может позавидовать любой отшельник...

— ...и если в одно неуловимое мгновение из-за минутного замешательства весь этот могучий потенциал высвободится,— Бартельметц грустно улыбнулся,— желаю тебе встретить тени Зигмунда Фрейда и Карла Юнга в Долине тьмы. И в-пятых,— неожиданно добавил он, пристально взглянув в глаза своего ученика,— в-пятых,— он загнул последний палец,— она хо-рошенькая?

Рендер промолчал и отвернулся к огню.

— Мудро,— вздохнул Бартельметц. Огонь бросал

алые отсветы на его лицо, так что нельзя было понять, покраснел ли он. — Боюсь, что да, а это значит — ты отдаешь себе отчет в том, что сам сможешь стать источником возбуждения. Сегодня же вечером поставлю свечку перед портретом Адлера и буду молиться, чтобы он дал тебе силы выйти победителем в поединке с новым пациентом.

Рендер посмотрел на Джилл. Она по-прежнему спала. Он нагнулся и откинул локон, упавший ей на лицо.

— Тем не менее, — сказал Бартельметц, — если все и дальше пойдет успешно, я с огромным интересом буду ждать выхода твоей книги. Не помню, рассказывал я или нет, но мне случалось лечить буддистов, и никакого „истинного я“ найти не удалось.

Оба дружно рассмеялись.

Этот, на поводке, похожий и не похожий на меня, пахнувший страхом, маленький, серый, доверчивый. „Рр-р-р!“ — и он задержается в ошейнике, задыхаясь. В голове у него пусто, как в духовке, пока она не нажмет кнопку и не начнет готовиться еда. Сколько с ними ни говори — не поймут, и все же они как я. Однажды я убью одного из них, но зачем?.. Сверни сюда. „Три ступеньки вверх. Стеклянная дверь. Теперь направо“.

Зачем? Сюда, вперед. Сады — там, внизу. Запах, приятный. Трава, мокро, грязно, деревья и чистый воздух. Я вижу. Птицы, снова. Я вижу все. Я.

„Четыре ступеньки“.

Вниз. Да. Из глотки рвутся звуки, хочется звуков, громких. Глупо. Много деревьев, чисто, приятно. Боже... Она любит посидеть на скамейке, пожевать листик, подышать чистым, свежим воздухом. Не может видеть, как я. Или теперь!.. Нет.

Не может Зигмунд плохо трава, деревья, здесь. Жаль. Отличное место.

„Внимательно. Четыре ступеньки“.

Вперед. Направо, налево, направо, налево, деревья и трава. Зигмунд видит. Медленно. Идем... Доктор с машиной дает ей свои глаза. „Рр-р-р!“ — и он перестанет дергаться. Запаха страха — нет.

Вырой глубокую яму и похорони в ней глаза. Бог — слеп. Зигмунд видит. Ее глаза прозрели, а он — он

боятся острых клыков. Он поможет ей видеть и унесет ее высоко в небеса, где видно все, далеко. Я выкопаю глубокую яму в земле...

Было уже начало одиннадцатого, когда Джилл проснулась. Даже не поворачиваясь, она знала, что Рендер уже ушел. Он всегда вставал рано. Джилл протерла глаза, потянулась, приподнялась на локтях. Мельком взглянув на стоявшие рядом с кроватью часы, она взяла со столика сигареты и зажигалку.

По запаху было понятно, что пепельницу вынесли. Конечно, это Рендер — он не одобрял курение в постели. Зевая, пофыркивая, Джилл выскользнула из-под одеяла и, накинув плед, поспешила стряхнуть пепел.

Она ужасно не любила вставать, но, раз поднявшись, уже не могла допустить, чтобы хоть что-нибудь нарушило предустановленное течение дня.

„Вот противный“. Джилл улыбнулась. Она хотела заказать завтрак в постель, но было уже поздно.

Обдумывая свой туалет, она вдруг заметила пару незнакомых лыж, стоявших в углу. На конец одной из них был наколот листок бумаги. Джилл подошла поближе.

„Не желаете присоединиться?“ — значилось в записке.

Джилл решительно покачала головой, и ей почему-то стало грустно. Она каталась на лыжах всего два раза в жизни и боялась их. И все же, хоть она и понимала, что стоит попытаться еще, поскольку это, безусловно, достойный вид спорта, но при одном только воспоминании о том, с какой неприличной быстротой и беспомощностью летишь вниз по склону (такие „полеты“ довольно скоро оканчивались для нее в сугробе), ее пробирала дрожь и моментально возвращалось мучительное чувство, знакомое ей по первым попыткам.

Поэтому, приняв душ и одевшись, она спустилась в ресторан.

Огонь уже вовсю ревел в девяти каминах, когда она проходила через холл. Несколько лыжников с красными, обветренными лицами грелись, протянув руки к ярко пылавшему пламени центрального очага. Вообще же народу было немного. На решетке для сушки обуви стояло всего несколько пар ботинок, с которых капало,

яркие лыжные шапочки висели на вешалке, сохли составленные за дверьми лыжи. Посередине холла в креслах сидели несколько человек — читали газеты, курили, негромко беседовали. Никого из знакомых не было, и Джилл двинулась в сторону ресторана.

Когда она проходила мимо конторки регистратора, сидевший там старик остановил ее, назвав по имени. Джилл с улыбкой подошла к нему.

— Вам письмо,— сказал старик, поворачиваясь к ящикам с корреспонденцией.— Вот. Похоже, что-то важное.

С этими словами он протянул Джилл объемистый коричневый конверт с обратным адресом ее адвоката. Письмо было трижды проштемпелевано.

— Спасибо.

Она отошла к креслу, стоявшему у большого окна, за ним виднелся заснеженный сад, каток и выходящая вдалеке тропа, по которой двигались маленькие темные фигурки с лыжами на плече. Она отвела взгляд от слепящей белизны за окном и разорвала конверт.

Наконец-то. В конверте лежала короткая записка от адвоката и копия свидетельства о разводе. Джилл только недавно приняла решение разорвать свои официальные отношения с мистером Фотлоком, чью фамилию она перестала носить еще пять лет назад, когда они расстались. Теперь же, добившись цели, она не знала, что ей делать дальше. „Зато вот радости-то будет для Ренди“,— подумала она. Надо сообщить ему с таким невинным выражением. Она достала пудреницу и состроила перед зеркальцем недоуменную гримаску. „Ладно,— пропела она тихонько,— ну, с этим можно не торопиться“. Хотя и особо тянуть тоже не следует... Ее тридцатилетие маячило на горизонте, как большая черная туча, заранее отравляя весь апрель, до которого, впрочем, было еще четыре месяца. Она подвела помадой свой лукавый ротик, хорошенько припудрила родинку возле носа и захлопнула косметичку.

В ресторане она увидела доктора Бартельметца, восседавшего перед огромной яичницей, штабелями кроваво-красных сосисок, горой тостов с сыром и наполовину опорожненной бутылкой апельсинового сока. Большая чашка кофе дымилась сбоку. Бартельметц сидел очень прямо, и только вилка, которой он орудовал, мелькала, как крылья ветряной мельницы.

— Доброе утро,— сказала Джилл.

Бартельметц воззрился на нее.

— А, мисс де Виль... Джилл.. Доброе утро,— он кивнул на кресло напротив.— Присаживайтесь, пожалуйста.

Джилл села и, когда официант подошел к их столу, сказала:

— Мне, пожалуйста, то же самое, только раз в десять поменьше.

— Вы не видели сегодня Чарльза? — обернулась она к доктору.

— Увы! — Бартельметц сокрушенно развел руками.— Хотя мне бы очень хотелось продолжить нашу дискуссию, пока его сознание еще пребывало на ранней стадии пробуждения и было сравнительно податливо. К сожалению,— он сделал большой глоток кофе,— он спит хорошо и сразу вступает где-то примерно в середине второго акта.

— А вот я обычно вступаю в интермедии и сразу прошу кого-нибудь объяснить мне, в чем суть дела,— подхватила Джилл.— Так почему бы не продолжить дискуссию со мной? Я всегда податлива, и мои сканды в форме.

Их взгляды встретились, и Бартельметц откусил кусок тоста.

— Да,— сказал он после паузы.— Кажется, я правильно вас понял. Что же, тем лучше. Что вы знаете о работе Чарльза?

Джилл поудобнее устроилась в кресле.

— М-м. Он — редкий специалист в некоей сверхспециальной области, требующей самой высокой степени специализации, и мне, конечно, трудно судить о ней по тому немногому, что он о ней рассказывает. Мне бы тоже хотелось иногда заглянуть в чужие мысли — конечно, только чтобы узнать, что люди думают обо мне,— но я вряд ли могла бы долго находиться там. Особенно,— она кокетливо передернула плечами,— если это человек... с комплексами. Боюсь, я могу отнестись к нему слишком сочувственно, или напугаться, или... словом, мало ли что. И тогда, если верить тому, что я читала, в силу некоей магии взаимности, его комплексы перейдут ко мне.

— Впрочем,— продолжала она,— у Чарльза почти никогда не возникает таких сложностей. По крайней

мере мне он о них не рассказывает. Хотя в последнее время он меня беспокоит. Похоже, эта слепая девушка и ее говорящая собака значат для него слишком много.

— Говорящая собака? — переспросил Бартельметц.

— Да, у нее собака-поводырь из этих, знаете, мутантов.

— Очень интересно... Вы когда-нибудь с ней встречались?

— Ни разу.

— Так, так, — пробормотал Бартельметц.

— Иногда невроконтакторам приходится иметь дело с пациентами, проблемы которых близки им самим. Тогда сеансы могут проходить достаточно болезненно, — заметил он. — Со мной всегда так бывало, когда я брался лечить своих коллег. Возможно, Чарльзу эта ситуация кажется в чем-то похожей на то, что волнует его лично. Я никогда не обследовал его психику с точки зрения психоанализа. И я не могу сказать, что знаю все уголки его души, хотя он и был моим учеником довольно долго. Он всегда был сдержанным, несколько даже скрытным; хотя при всем том умел бывать и категоричным, властным. А что еще его привлекает в последнее время?

— Он постоянно переживает из-за Питера, своего сына. В среднем раз в год переводит его в новую школу.

Появился завтрак. Джилл растелила на коленях салфетку и подвинулась ближе к столу.

— ...И еще он все время читает материалы о самоубийствах и говорит про них, говорит и говорит.

— Почему?

Джилл пожала плечами и приступила к еде.

— Он никогда этого не объяснял, — сказала она, поднимая глаза на Бартельметца. — Может быть, пишет что-нибудь.

Покончив с яичницей, Бартельметц налил себе еще кофе.

— А вас не беспокоит эта его новая пациентка?

— Нет... То есть да. Беспокоит.

— Почему?

— Боюсь магии взаимности, — сказала Джилл, слегка покраснев.

— Звучит достаточно многозначительно.

— Да, — согласилась она и после минутной паузы

добавила: — Мы оба заботимся о его благополучии, и оба видим, откуда исходит угроза. Поэтому — могу я попросить вас об одной услуге?

— Можете.

— Поговорите с ним еще раз. Попробуйте уговорить его отказаться.

Бартельметц сложил свою салфетку.

— Попробую, после обеда, — решительно сказал он. — Я верю в ритуальную силу попыток спасти человека. Их обязательно стоит предпринимать.

„Дорогой мой богоподобный папочка!

Что сказать, школа отличная, нога тоже ведет себя на отлично, а ребята в классе все — юные гении. С монетами порядок, даже слишком, к новому расписанию и учителям понемногу привыкаю, так что ни о чем не беспокойся, ладно?

Школу описывать не стану, ты ведь сам видел это мрачайшее сооружение. Спортплощадки описал бы, да не могу, поскольку в настоящий момент они покоятся под холодными белыми пеленами. Бр-р! Я думаю, ты сейчас наслаждаешься разными зимними утехами. Разделяю твой энтузиазм, однако предпочитаю зиму на картинках или на стаканчиках с мороженым.

Больная нога сковывает свободу моих передвижений, сосед по комнате укатил домой на уик-энд, — и то, и другое — истинное блаженство (как выразился бы Панглосс), потому что теперь можно хоть иногда прочесть пару страниц. Чем и собираюсь немедля заняться.

*Твой чудо-ребенок
Питер“.*

Рендер нагнулся, чтобы потрепать тяжелую лохматую голову. Его движение было воспринято со стоическим самообладанием, темные глаза взглянули на австрийца, у которого Рендер попросил прикурить, — так, словно спрашивали: „Должен ли я терпеть подобное унижение?“ Мужчина улыбнулся при виде страдальческого выражения, написанного на собачьей морде, и, громко щелкнув, закрыл зажигалку; Рендер заметил, что один из выгравированных сбоку инициалов — маленькое „в“.

— Спасибо,— сказал он и обратился к собаке: — Как тебя зовут?

— Бисмарк,— проворчал пес.

— Ты мне напомнил одного такого же. Того зовут Зигмунд, он друг и поводырь одной моей слепой знакомой — там, в Америке.

— А мой Бисмарк — охотник,— сказал молодой человек. — И нет такой добычи, которая бы могла его перехитрить,— ни олень, ни семейство кошачьих.

Собака наострила уши и взглянула на Рендера гордыми, сияющими глазами.

— Мы охотились в Африке и в Северной и Юго-Западной Америке. И в Центральной Америке тоже. Он никогда не терял следа. Никогда не сдавался. Прекрасный зверь, а зубы у него не хуже золингеновской стали.

— Да, у вас и вправду прекрасный товарищ для охоты.

— Я охочусь,— проворчал пес,— я иду по следу... А иногда я убиваю...

— Так, значит, вы не слышали о собаке по имени Зигмунд и о ее хозяйке — Эйлин Шеллот? — спросил Рендер.

Мужчина покачал головой.

— Нет, Бисмарка прислали мне из Массачусетса, но сам я в Центре никогда не был. И ни с кем из других хозяев не встречался.

— Понятно. Что ж, спасибо. Всего хорошего.

— Всего хорошего.

— Все-го хо-рро-ше-го...

Засунув руки в карманы, Рендер медленно двинулся вперед по узкой улочке. Он извинился и ушел, не сказав, куда. И теперь он шел вперед без всякой цели. Вторая попытка Бартельметца увещевать его едва не заставила Рендера наговорить резкостей, о чем он сам бы потом пожалел. Прогулка была выходом — слишком тяжелый получался разговор.

Повинуясь неожиданному импульсу, он зашел в лавочку и купил часы с кукушкой, которые привлекли его внимание. Он был уверен, что Бартельметц правильно поймет его подарок. Улыбнувшись, он пошел дальше. Интересно, а что это за письмо, которое клерк так торжественно вручил Джилл за обедом? Три штемпеля на конверте, и обратный адрес — адрес ее адвоката.

Джилл не стала вскрывать письмо, однако улыбнулась и, наградив старика щедрыми чаевыми, спрятала конверт в сумочку. Ему пришлось вскользь намекнуть на то, что его интересует содержание загадочного послания. Ну что ж, раз уж он такой любопытный, она пожалеет его и скажет.

Порыв студеного ветра налетел с севера, и как будто сам небосвод зашатался на своих ледяных устоях. Рендер поборол дрожь, еще больше втянул голову в плечи. Зажав под мышкой часы, он поспешил обратно.

В ту ночь змея, что держит свой хвост в своей пасти, изрыгнула огонь, Фенрир Волк напал на Луну, кукушка прокуковала в маленьких часах, и утро явилось, как последний бык Манолите, потрясая роговые ворота своим ревом и обещая пролить реку львов на песок.

Рендер поклялся себе, что покончит наконец с сентиментальными бреднями.

Позже, гораздо позже, когда похожий на хищную птицу лайнер мчал их в поднебесье, то и дело проваливаясь в воздушные ямы, Рендер взглянул вниз, на лежащую в темноте Землю, представив звездные огни ее городов, потом вверх — на их небесные отражения, потом — на ряд экранов, на прищуренные лица людей, представил, как автоматы, раздающие кофе, чай и коктейли, пытаются заглянуть в души своих гипотетических клиентов, посылают флюиды, стараясь заставить каждого нажать нужную кнопку, потом посмотрел на Джилл, так привязавшуюся к каменным интерьерам старинных построек, — он знал, что она чувствует его взгляд, и сам, почувствовав команду своего кресла, откинулся, превратив его в постель, и — уснул.

V

В ее приемной всегда было много цветов, она любила экзотические ароматы и даже иногда жгла ладан.

Ей нравилось до изнеможения нежиться в горячих бассейнах, гулять во время снегопада, без конца и, быть может, слишком громко слушать музыку, каждый

вечер смаковать ликеры (ее излюбленным был анисовый, в который иногда она добавляла несколько капель полынной настойки).

У нее были длинные, тонкие пальцы. Колец она не носила.

.....Обследован пациент. Жалобы: нервозность, бессонница, боли в области желудка, периодически депрессивные состояния. Имеется запись предыдущих обследований. Поступил в госпиталь в 1995, с диагнозом — маниакально-депрессивный психоз; поступил вторично 2-го марта 1996. Также госпитализировался в другую клинику 9 февраля 1997. Артериальное кровяное давление 170/100. Общее физическое состояние удовлетворительное — запись от 12 ноября 1998. Также отмечены жалобы на хронические боли в спине и умеренные симптомы алкогольной абстиненции. В дальнейшем никаких патологий в физическом развитии не обнаружено; мышечные рефлексы выраженные, в пределах нормы. Последствия алкогольной абстиненции. Психопатических симптомов и галлюцинаций за период обследования не отмечалось. Временная, пространственная и самоориентация — удовлетворительные. Психологическое тестирование показало некоторую склонность к мании величия, экспансивности, а также определенную агрессивность. Потенциально может являться источником конфликтных ситуаций. Учитывая опыт работы поваром, определен работать на кухне, после чего наблюдалось значительное улучшение общего состояния. Реакции более свободные, уровень общительности повысился. Диагноз: маниакально-депрессивные реакции (прогрессирующих последствий внешних стрессов не отмечалось). Степень психопатологических отклонений умеренная. Может считаться юридически полноценным лицом. Курс терапевтического лечения в госпитале — продолжить“.

Она остановила магнитофон и рассмеялась. Смех прозвучал жутковато. Смех — явление общественное, а она была одна. Покусывая кончик носового платка, она отмотала запись к началу, и вновь в тишине зазвучала мягкая скороговорка. Скоро внимание ее переключилось, и она уже не слышала магнитофонного голоса.

Когда запись подошла к концу, она выключила магнитофон. Она чувствовала себя одинокой. Очень

одинокой. Такой одинокой, что, когда она повернулась к окну и небольшое пятно света упало на ее лицо, ей вдруг показалось, что в этом небольшом пятне света — вся жизнь, что в мире нет ничего важнее его. Ей захотелось, чтобы оно разлилось, превратилось в океан света. Или наоборот, самой стать такой маленькой, чтобы утонуть в нем.

Вчера исполнилось три недели с того дня, как...

„Я слишком долго ждала,— решила она.— Нет! Не может быть! Но что, если он исчезнет, как исчез Рискон? Нет! Он не может. Не может. Он неуязвим. Что бы ни случилось. Он могуч и закован в латы. И все же, все же теперь придется ждать следующего месяца, чтобы начать снова. Три недели... Обратная реакция зрения — вот что это было. Неужели память не способна удержать то, что я видела? Неужели воспоминания поблекнут? (Как выглядит дерево? А облако? Нет, я не могу вспомнить! Какой он — красный цвет? А зеленый? Господи, да это просто истерика! Я вижу, и я не могу не видеть! Таблетку, скорее принять таблетку!)“

Плечи ее начали вздрагивать. И все же она не стала принимать таблетку, а лишь еще крепче впилась в уголок платка, пока зубы не прорвали ткань.

— Бойся,— повторила она про себя свою формулу блаженства,— бойся тех, кто алчет справедливости, ибо нам воздастся.

— И бойся кротких, ибо мы попытаемся унаследовать Землю.

— Бойся...

Раздался отрывистый телефонный звонок. Отложив платок, она придала лицу обычное сдержанное выражение и включила экран.

— Слушаю?..

— Эйлин, я вернулся. Как вы?

— Неплохо, даже можно сказать, хорошо. Ну, как провели отпуск?

— Пожаловаться не на что. Я уже давно хотел хорошенько отдохнуть, и, думаю, я этого заслуживаю. Послушайте, я тут кое-что привез показать вам — скажем, Винчестерский собор. Может быть, встретимся на этой неделе? У меня все вечера свободны.

„Сегодня? Нет, мне слишком этого хочется. Не надо, чтобы он это заметил“.

— Как насчет завтра? — спросила она. — Или по-слезавтра?

— Прекрасно, давайте завтра, — сказал Рендер. — Буду ждать вас в „Скальпеле и куропатке“ около семи.

— Ладно, хорошо. Может быть, заказать столик?

— Почему бы и нет? Я закажу.

— Отлично. До встречи.

— До свидания.

Гудки.

И в этот момент красочный водоворот снова закружился у нее перед глазами; она увидела деревья: дубы и сосны, тополя и платаны — они были высокие, кроны их отсвечивали зеленым и коричневым, а стволы отливали сталью; она увидела пышные, кудрявые облака, которые словно окунули в разведенную акварель, и теперь они медленно растушевывали небо; увидела пылающее солнце и маленькую иву у темно-синего, почти фиолетового озера. Сложив порванный платок, она убрала его.

Потом нажала кнопку внизу стола, и по комнате поплыли звуки музыки. Это был Скрябин. Потом она нашла начало записи, которую до того диктовала, и включила ее, слушая одновременно обе пленки.

Пьер недоверчиво обнюхал еду. Служитель отошел от подноса и, выйдя в холл, закрыл за собой дверь. Огромная миска с салатом стояла на полу. Пьер осторожно приблизился, схватил горсть овощей и стал жадно запихивать их в рот.

Вид у него был напуганный.

О, если бы только умолк этот звон стали, ударяющей о сталь, там, во тьме ночной... О, если бы только.

Зигмунд встал, зевнул, потянулся. Задние лапы на мгновение вытянулись, он настороженно прислушался, потом встряхнулся. Она скоро должна была прийти. Повиливая хвостом, он взглянул на часы с рельефным циферблатом, висевшие на высоте человеческого роста, еще раз проверил свою внутреннюю готовность, потом пересек комнату и подошел к телевизору. Встал на задние лапы и, опираясь одной из передних лап о панель, другой нажал сетевую кнопку.

По телевизору как раз передавали сводку погоды. На дорогах ожидалась гололедица.

„Я ехал мимо сельских кладбищ,— записал Рендер,— этих дремучих каменных лесов, которые разрастаются день ото дня.

Почему человек так ревниво относится ко всему, что связано со смертью? Не потому ли, что это монументальный и одновременно демократичный способ обрести бессмертие, предельное выражение возможности причинить боль — иными словами, самой жизни — увечия ее. Унамуно полагал, что дело именно в этом. Если он прав, то в этом году процент людей, активно взыскующих бессмертия, выше, чем когда бы то ни было...“

Чг-чга, чга-чг!

— Ты думаешь, это настоящие люди?

— Нет, они слишком безупречны.

Вечер был ослепительно звездный, сияюще льдистый. Рендер завернул С-7 в подземный гараж, осторожно выруливая, поставил его на свободное место. Исходящий от бетонных стен сырой холод мелкими крысиными зубами впивался в кожу, кости. Рендер провел свою спутницу налево; оба выдыхали клубы пара, которые медленно таяли в воздухе.

— Слегка прохладно,— заметил Рендер.

Она кивнула, покусывая губы.

В лифте он со вздохом размотал шарф, закурил.

— Дайте и мне тоже,— попросила она, почувствовав запах дыма.

Рендер дал ей сигарету.

Лифт медленно ехал вверх, и Рендер, прислонясь к стене, после каждой затяжки выдувал клубы дыма, смешанные с влажным паром.

— Я встретил еще одного мутанта,— вспомнил он,— в Швейцарии. Большой, как Зигмунд. Однако завзятый охотник и пруссак по духу, как и хозяин.

Он усмехнулся.

— Зигмунд тоже любит охотиться,— заметила его

спутница.— Каждый год мы дважды уезжаем на Север, в леса, и я предоставляю ему полную свободу. Иногда он отсутствует несколько дней подряд, а когда возвращается, вид у него очень довольный. Что он делал в лесу, не рассказывает никогда, но, похоже, голодать ему не приходится. Я уже давно догадывалась, что ему нужно время от времени отдыхать от людей, чтобы сохранять внутреннее равновесие. Скорее всего, так и есть.

Лифт остановился, дверь открылась, и они прошли в холл, причем Рендер снова взял Эйлин под руку.

Он включил в приемной обогреватель, в комнате пахло теплом. Повесив пальто в задней комнате, Рендер выкатил „яйцо“ МНУ из его гнезда. Он подключил аппарат к сети и сел за пульт.

— Как вы думаете, долго это продлится? — спросила Эйлин, проводя кончиками пальцев по гладким, холодным выпуклостям.— Я говорю про всю операцию. Про то, чтобы полностью адаптироваться к зрению.

Рендер задумался.

— Понятия не имею,— ответил он наконец.— Пока не представляю. Начало можно считать удачным, но еще осталась масса работы. Думаю, месяца через три я смогу дать более точный прогноз.

Эйлин задумчиво подошла к пульту, ощупала кнопки панели — пальцы ее были похожи на распушенные перья птичьего хвоста.

— Осторожно, не нажимайте чего-нибудь ненароком.

— Да, конечно. А как вы думаете, сколько времени понадобится, чтобы я тоже могла управлять такой машиной?

— Через три месяца можно будет сказать, сколько. Через шесть — вы достигнете достаточного профессионального уровня; и, наконец, еще через полгода работы под строгим контролем вам можно будет доверить самостоятельную работу. То есть всего около года.

— Уф-ф! — она пододвинула кресло.

Рендер подключил времена года, пробудил к жизни фазы дня, запахи деревни, городские запахи, воздушные стихии во всей их первозданной наготе и десятки других непоседливых духов, которых он использовал, созидая миры. Круто вмешавшись в течение времени,

он испытывал горечь и сладость разных возрастов, данных человеку.

— О'кей,— повернулся он к своей пациентке.— Все готово.

Дальнейшее произошло очень быстро и совершенно неожиданно для Рендера. На мгновение все застлала серая пелена. Затем мертвенно-белый туман. Затем туман развеялся, словно под дуновением ветра, хотя никакого ветра Рендер не ощутил.

Он стоял перед ивовым деревцем на берегу озера; Эйлин глядела на него, полускрытая листвой и кружевом теней. Солнце клонилось к закату.

— Мы вернулись,— сказала Эйлин, делая шаг вперед; листья запутались в ее волосах.— Одно время я боялась, что это никогда не повторится, но я снова вижу и помню все.

— Хорошо,— сказал Рендер.— Взгляни на себя.

И Эйлин взглянула на свое отражение в поверхности озера.

— Я не изменилась,— сказала она.— Совсем не изменилась...

— Да.

— А вот вы изменились,— продолжала Эйлин, поднимая глаза на Рендера.— Вы стали выше, и как будто еще что-то...

— Нет,— ответил он.

— Наверное, я ошибаюсь,— быстро отозвалась она.— Я еще не понимаю всего, что вижу. Но я научусь.

— Конечно.

— Что вы собираетесь делать?

— Смотри внимательно,— предупредил ее Рендер.

Вдалеке за деревьями, скользя по ровной, бесцветной асфальтовой реке, показалась машина. Казалось, она спускается с неба, перепрыгивая через горы, с ревом одолевая холмы, петляя между болотами, всколыхивая трясину слитной серебристо-серой мощью своего голоса; рябь пробежала по воде озера от этих звуков; машина остановилась футах в ста, почти не видная сквозь густой кустарник, выжидая. Это был С-7.

— Пойдем,— сказал Рендер, беря Эйлин за руку.— Пойдем прокатимся.

Пройдя между деревьями, они подошли к спиннеру. Эйлин коснулась поверхности блестящего стального кокона, провела рукой по антенне, дотронулась до окон —

и они, словно почувствовав ее прикосновения, высветлились. Заглянув внутрь машины, она кивнула.

— Это же наш спиннер.

— Да,— он открыл дверцу.— Садись. Вернемся в клуб. Теперь самое время. Воспоминания еще свежи, и они будут приятными или, в конечном счете, нейтральными.

— Лучше приятными,— сказала Эйлин, садясь в машину.

Рендер закрыл дверцу и, обойдя спиннер, сел на переднее сиденье. Эйлин внимательно наблюдала за тем, как он набирает воображаемые координаты. Спиннер устремился вперед; деревья по обе стороны дороги слились в одну мелькающую полосу. Рендер чувствовал, что напряжение возрастает, поэтому не стал менять декораций. Поворачиваясь на своем сиденье, Эйлин изучала внутренний вид машины.

— Да,— сказала она наконец,— теперь я разобралась, что к чему.

Она вновь поглядела в окно, на стремительно летящие навстречу деревья. Рендер проследил за ее взглядом и почувствовал, как стремительно нарастает беспокойство. Он затенил окна.

— Спасибо,— сказала Эйлин.— Так действительно лучше. Мне вдруг стало больно видеть... Все это мелькало так быстро, исчезало позади, как...

— Конечно,— сказал Рендер, по-прежнему поддерживая ощущение движения вперед.— Я это предвидел. Однако ты начинаешь все больше привыкать.

— Расслабься,— сказал он через минуту.— Расслабься!

Где-то нажалась невидимая кнопка; Эйлин расслабилась, а они все ехали и ехали дальше, и наконец машина стала замедлять ход, и Рендер сказал:

— А теперь выгляни. Ненадолго. Тебе это должно понравиться.

И она выглянула.

Рендер извлек из банка эмоций все, что только могло спровоцировать чувство приятной расслабленности, и вокруг машины возник город, окна высветлились, и, выглянув, Эйлин увидела очертания башен и монолиты отдельных зданий, потом промелькнули три закусочных быстрого обслуживания, большое увеселительное заведение, аптека, медицинский

центр — здание из желтого кирпича с алюминиевыми кадуцеями над арками, все почти сплошь из стекла здание школы, пустое во время каникул, бензоколонка на пятьдесят заправочных автоматов, еще одна аптека и множество машин, припаркованных или с ревом проносящихся мимо, и, конечно, она увидела людей — людей, входящих и выходящих из домов, идущих по улице, садящихся или выходящих из машин; было лето, и свет поздних сумерек струился, окрашивая дома и одежды прохожих — тех, что гуляли по бульвару или беспечно болтали на террасах, глядели на улицу, перегнувшись через балконные решетки, свесившись с подоконников; человека, вышедшего из телефонной будки на углу, и другого — зашедшего позвонить; женщину с пуделем, сворачивающую за угол; высоко в небе то тут, то там вспыхивали ракеты.

Но вот мир распался, и Рендер аккуратно собрал осколки.

Воцарилась абсолютная темнота, которую он поддерживал, не позволяя проникать в нее ни единой эмоции, оставив одно лишь чувство движения вперед.

Постепенно проступил слабый, рассеянный свет, и они вновь сидели в спиннере, окна были вновь затенены, и воздух, который они вдыхали, казался насыщенным душистым бальзамом.

— Господи,— сказала Эйлин,— сколько всего в мире! Неужели я и вправду все это видела?

— Я не собирался делать это сегодня, но вам удалось меня переубедить. Мне показалось, что вы готовы.

— Да,— сказала Эйлин, и они снова стали прозрачными. Она быстро обернулась.

— Его уже нет,— сказал Рендер.— Я хотел, чтобы вы только чуть заглянули.

Теперь за окном было темно; спиннер медленно ехал по высокому мосту. Других машин не было. Внизу лежали фабричные кварталы, иногда то тут, то там мелькал яркий, похожий на маленький дремлющий вулкан огонек плавильни, оранжевые искры снопами взлетали высоко в небо, которое было усыпано звездами: они мерцали в мерно дышащей темной глубине под мостом, они были похожи на светящуюся татуировку, испещрившую небосвод. Наклонные опоры моста неторопливо шагали сквозь ночь.

— Ты сделал это,— сказала Эйлин.— Спасибо.

— Но что ты на самом деле? — спросила она после небольшой паузы. Это был именно тот вопрос, которого ждал от нее Рендер.

— Я — это я,— засмеялся он. И они продолжали свой путь через темный, опустевший город, пока не добрались до клуба и не въехали под большой купол.

Когда они вошли, Рендер тщательно проверил все чувства Эйлин, готовый в одно мгновение стереть окружающее при малейшем сигнале тревоги. Однако интуиция подсказывала ему, что все будет в порядке.

Они вошли. На этот раз в клубе, так решил Рендер, не должно было быть слишкомлюдно. Их провели к столику у бара, тому самому, в небольшой нише, где стояли рыцарские доспехи, и, устроившись, они заказали то же, что и в тот, первый вечер.

— Нет,— сказал Рендер, взглянув вниз,— их место там.

Доспехи вновь заняли положенное место, а на Рендере снова появился его серый костюм и черный галстук с серебряной булавкой в виде веточки.

Оба рассмеялись.

— Вся эта железная мишура мне не идет, так что, пожалуйста, не надо представлять меня в ней.

— Прошу прощения,— улыбнулась Эйлин.— Сама не понимаю, как это у меня вышло и зачем.

— Зато я понимаю и сам отклоняю свою кандидатуру. И хочу предупредить еще раз. Ты не должна ни на минуту забывать, что все это — иллюзия. Я стараюсь устроить все так, чтобы использовать ситуацию максимально. Хотя большинство пациентов в процессе сеанса принимает все за реальность, и это влечет за собой либо травму, либо возникновение еще более мощного потока образов. Но поскольку ты представляешь масштабы игры, то вольно или невольно контролируешь ситуацию, в отличие от тех, с кем я обычно имею дело. Пожалуйста, будь осторожна.

— Извини. Я нечаянно.

— Понимаю. А вот и наш съеденный ужин.

— Уф! Страшно подумать! И неужели мы могли столько съесть?

— Могли,— усмехнулся Рендер.— Вот это нож, это вилка, это ложка. Это ростбиф, это пюре, вот горошек, а вот масло...

— Боже правый! Нет, мне решительно не по себе.

— ...салаты и приправы. А это — озерная форель, объединение! Картофель-фри. В бутылке — вино. Хм, посмотрим. Романи-Кonti, что ж, все равно не мне платить, ну и наконец — бутылка Айкема... Эй!

Стены зашатались.

Столик, ресторан были мгновенно уничтожены. Оба снова стояли на лесной прогалине.

Сквозь прозрачную ткань, разделяющую миры, Рендер следил за рукой, которая двигалась вдоль пульта. Одна кнопка, другая, третья. Мир снова стал осязаемым, вещным.

Пустой столик теперь стоял на берегу озера, снова была ночь и лето, и скатерть ослепительно белела в свете огромной полной луны.

— Какой же я дурак,— сказал Рендер.— Просто ужасный болван. Надо было действовать постепенно. Реальный вид пищи, вызывающей вкусовые ощущения, может вызвать сильный стресс у человека, увидевшего ее впервые. Так увлечся Ваянием, что позабыть про пациента,— хорошо, нечего сказать! Приношу свои извинения.

— Ничего, со мной все в порядке. Правда.

Он приказал подуть свежему ветру.

— ...А вот — луна,— добавил он неуверенно, винноватым тоном.

Эйлин кивнула, и маленький лунный диск блеснул у нее на лбу; он сиял не хуже, чем луна в небе, и волосы, и платье отливали серебром.

На столике появилась бутылка Романи-Кonti и два бокала.

— А это откуда?

Она пожала плечами. Рендер наполнил бокал до краев.

— Вкус может показаться пресноватым,— предупредил он.

— Нет, нет. Вот попробуй.— И Эйлин протянула ему бокал.

Сделав глоток, Рендер и в самом деле почувствовал все оттенки букета: здесь был и „fruité“, который дает только лоза, возвращенная на каких-нибудь Блаженных Островах, мягкий, упругий привкус „châpnu“ и „сарпитеих“, отдающий дымком горящих маковых полей. С изумлением он понял, что его рука — там, над пуль-

том,— проходит сейчас по всей шкале сенсуальных восприятий, гармонизируя их шифры в скрещивающемся потоке прямого и обратного воздействия — здесь, на берегу озера.

— Да, верно,— признался он.— А теперь пора возвращаться.

— Так скоро? Но ведь я еще не видела собора...

— Так скоро.

Он приказал окружающему исчезнуть.

И оно исчезло.

— Здесь холодно,— сказала Эйлин, одеваясь.— Холодно и темно.

— Да, я знаю. Приготовлю нам чего-нибудь выпить, а потом почищу машину.

— Отлично.

Рендер просмотрел запись сеанса и покачал головой. Потом подошел к бару.

— Это, конечно, не Романи-Конти,— сказал он, откупоривая бутылку.

— Ну и что. Все равно я не против.

Сейчас не против был и Рендер. А потом он почистил машину, они выпили, он помог Эйлин одеться, и они вышли.

Когда лифт вез их вниз, в гараж, Рендер снова приказал окружающему исчезнуть. Но оно не подчинилось.

„Сейчас в стране насчитывается примерно один миллиард восемьдесят миллионов жителей и около пятисот шестидесяти миллионов частных автомашин. Если один человек занимает два квадратных фута земли, а машина около ста двадцати квадратных футов, то самый нехитрый подсчет покажет, что в то время, как люди занимают два миллиарда сто шестьдесят миллионов квадратных футов всей территории нашего государства, на автомобили приходится шестьдесят семь миллиардов два миллиона, то есть примерно в тридцать раз больше пространства, занимаемого людьми. Если на данный момент половина из этих машин используется активно и перевозит в среднем по два пассажира, то пропорция увеличится до одного к сорока семи.

Таким образом, для того, чтобы технический прогресс мог в дальнейшем свободно развиваться в пред-

сказанном статистикой темпе, достаточно всего лишь превратить поверхность земного шара в сплошное дорожное полотно, ну, а людям — либо вернуться в Мировой океан, из которого они вышли, либо переселиться в подземные жилища, либо улететь на другие планеты“.

Из речи Сибила К. Дельфи в день присвоения ему
звания Почетного профессора в отставке
Брокенрокского Государственного педагогического колледжа,
Шотовер, штат Юта.

„Па!

Я тут предпринял вылазку, доковылял от школы до такси, а от такси до космодрома, где выставка ВВС „Лики Космоса“. (Ладно, насчет „доковылял“ я слегка преувеличиваю. Хотя, конечно, на костылях особенно не разбежишься.) Затеяли они всю эту штуку, думаю, чтобы подбить представителей молодого поколения на небольшую, на пять лет, прогулку типа автостопа. И неплохо вышло. Я тоже хочу записаться. Хочу отправиться Туда. Как думаешь — возьмут, когда подрасту? То есть, я хочу сказать, Туда, а не в какую-нибудь занудную газетенку. Согласен?

В общем, я решил.

Нашелся там один хитрюга подполковник (пardon, забыл, как это по-французски), заметил увечного парнишку, что ему все интересно, и решил его потихоньку уболтать. Слушай, па! Он меня по всей галерее провел, показал, каких они там чудес понастроили, и Лунную базу, и на Марсе. Прочитал целый лекцион о Великих Традициях ВВС, а какие там мультики крутят, настоящий бой в условиях невесомости, „где уменье решает, не сила“, помнишь, и всякие фигуры объемные цветные прямо в воздухе, и как морская пехота готовится к высадке с крейсера. Потрясно!

А по-честному, я бы хотел сам увидеть высадку на Пятую межпланетную и выход в космос. Не из-за всех этих липовых капсул и скафандров, которые рисуют в буклетах, и прочей ерунды, а просто я думаю, что везде должен быть человек с чувствами, чтобы запечатлеть, как все это было. Такой, знаешь, честняга-летописец Фронтира. Вроде Фрэнси-

са Паркмена или Мэри Остин. Так что я решил лететь.

Этот парень из ВВС со своими цыплячьими крыльшками на погонах хоть учить меня не пытался. Просто мы стояли на галерее, смотрели, как уходят ракеты, и он говорил, что если я буду стараться в учебе и вообще, то тоже смогу когда-нибудь так. Не хотелось его напрягать и обьянять, что вряд ли я такой уж уметвенно отсталый, и аттестат получу, когда мне еще будет слишком мало, чтобы что-нибудь предпринять всерьез, ну хотя бы поступить в их службу. Прого оказал ему спокойно, как раз ракета взлетала: „Через десять лет я буду смотреть уже не снизу вверх, а сверху вниз“. Я уж не стал спрашивать, как это он сам так вляпался, что теперь торчит здесь. Нет, правильно, что не стал, я еще потом об этом думал. Сам-то он теперь что-то вроде экзотиката. Надеюсь, во мной такого не случится.

Спасибо тебе за монеты, теплые носки и струнные квинтеты Моцарта, как раз сейчас слушаю. На следующее лето я бы лучше поехал в гости к Селене, чем в Европу. Впрочем, не буду загадывать... Уф, если только одолею новый тест, который ты мне придумываешь... Но все равно, пожалуйста, подумай насчет этого.

Твой сын Пит“.

— Добрый день! Психиатрический институт.

— Я хотела бы записаться на обследование.

— Минутку. Соединяю вас с бюро записи.

— Добрый день. Бюро записи слушает.

— Я хотела бы записаться на обследование.

— Минутку... Какое именно обследование?

— Я хочу поговорить с доктором Шеллот. Эйлин Шеллот. И чем скорее, тем лучше.

— Минутку. Я должна проверить ее расписание. Вы могли бы подойти к двум часам в следующий вторник?

— Очень хорошо.

— Ваше имя, пожалуйста.

Де Виль. Джилл де Виль.

— Хорошо, мис де Виль. Вторник, в два часа.

— Спасибо.

Человек шел вдоль хайвея. По хайвею проезжали машины. Те, что ехали по полосе скоростного движения, мелькали расплывчатыми пятнами.

Десять тридцать утра. И утро было холодным.

Человек шел, подняв отороченный мехом воротник, засунув руки в карманы, сгибаясь под порывами ветра. За ограждением дорога была чистой и сухой.

Утреннее солнце глубоко зарылось в тучи. За четверть мили впереди в несвежем, пасмурном свете виднелось дерево.

Человек увидел его, но не ускорил шага. Он шел, не спуская глаз с дерева. Маленькие камушки хрустели под его башмаками.

Дойдя до дерева, он снял куртку и аккуратно ее сложил.

Потом положил куртку на землю и стал карабкаться на дерево.

Добравшись до ветки, которая свешивалась через заграждение, он посмотрел, нет ли внизу машин. Потом на мгновение повис, ухватившись за ветку обеими руками, ветка согнулась — и человек прыгнул на дорогу.

Ширина хайвея была сто ярдов, правая полоса занимала половину.

Человек быстро взглянул налево, еще раз убедился, что машин нет, и пошел к центральной полосе. Он знал, что ему до нее никогда не дойти. В это время машины на полосе движутся со скоростью около ста шестидесяти миль в час. Человек шел вперед.

Машины проносились мимо. Человек шел, не глядя по сторонам. Пассажиры в машинах с затененными окнами, а таких было большинство, просто не могли заметить его. И лишь позже, увидев вмятину на капоте, они могли бы догадаться о столкновении.

Машина промчалась перед ним. Ее окна были высветлены. На мгновение мелькнули два перепуганных лица с вытаращенными глазами. Лицо человека было по-прежнему бесстрастно. Оно застыло, как маска. Еще две стремительно промелькнувших машины с затененными окнами. Человек отошел уже ярдов на двадцать от края хайвея.

Двадцать пять...

То ли порыв ветра, то ли дрожь земли под ногами шепнули ему, что оно приближается. Человек не обернулся.

Краешком глаза он увидел — оно близко. Но походка его оставалась спокойной и ровной.

Окна в машине Сесила Грина были осветлены, ему так больше нравилось.

Левая его рука шарилась в блузке его спутницы, юбка ее задралась, и правая рука Сесила тем временем уже готова была потянуть на себя штурвал, чтобы опустить сиденья. Вдруг девушка оттолкнула его и сдавленно вскрикнула.

Сесил быстро взглянул в левое окно.

Взглянул — и увидел идущего по дороге человека.

Увидел только в профиль, потому что человек не обернулся, а походка его оставалась спокойной и ровной.

Мгновение — и человек исчез.

Машину слегка подбросило, автоматически включились „дворники“. Сесил Грин не затормозил.

Потом он затенил окна.

„Как это могло случиться?“ — недоумевая, спрашивал он себя; его спутница прижалась к нему, всхлипывая.

„Наверное, просмотрел монитор...“

„Но как же он проник через заграждение? ...“

„Просто сумасшедший!“

„Мог бы придумать что-нибудь попроще“.

Обернись он, — чье лицо увидел бы Сесил?.. Свое собственное?

Стараясь унять дрожь, Сесил опустил сиденья.

— Привет, ребята! Как вам понравилась эта улыбка крупным планом, эти толстые губы, смачно жующие табак? Весело, верно? Сегодня вечером мы решили несколько выйти, так сказать, за рамки общепринятых рамок. И мы начинаем с заумнейшего и по последней моде инсценированного драматического представления.

Мы хотим показать вам Миф — Миф с большой буквы.

— Надо сказать, нам пришлось немало покопаться в тайниках человеческих душ и исследовать самые темные глубины человеческой психики, прежде чем мы решили представить сегодня вашему вниманию именно этот миф.

— Да, вы правильно догадались,— я жую табак марки „Краснокожий“, высший сорт — **беспошлинный плиточный табак.**

— А теперь, когда я буду кувыркаться по сцене и поплывывать вокруг,— кто из вас первый догадается, сцену из какого мифа я представляю? Только не все сразу **бегите к телефонам!**

— Правильно, правильно, леди и джентльмены и все, кто нас теперь слушает. Я — Тифон, бессмертный старина Тифон, и мне **ничего не стоит** прямо на ваших глазах превратиться в **кузнецика.**

— А теперь, для моего следующего номера, мне нужен свет. Много света.

— **Больше света, пожалуйста!**

— **Еще больше!..**

— **Яркий свет, ослепительный свет!**

— **Отлично!**

— А теперь — где мой летный шлем, зонтик от солнца и мое любимое шелковое кашне... Подать мне хлыст!

— Итак, все готово.

— **Вперед, собачки! Гони! Гони! Направо, налево! Быстрее, быстрее! Хоп! Хоп! Выше, в небо — туда, бессмертные кони! Выше! Выше!**

— **Добавьте света!**

— Вперед, лошадки! Быстрее! Папочка с мамочкой смотрят на нас снизу, и моя **девчонка с ними!** Давай! Жми! Не подводите сейчас, **раз уж мы забрались так высоко!**

— А что это, черт возьми, там, сзади? Да это похоже на **мол-ни-ю-ю-ю-ю...** А-а-а!

— Уф. Это был **Фаэтон, решивший заняться** **блайнд-спином** на солнечной колеснице.

— А теперь, я надеюсь, вы все помните старую поговорку „Только Бог может создать **дерево**“. А этот миф называется „Аполлон и **Дафна**“... **Убейте их!.. Они ослепли от слишком яркого света!**

Чарльз Рендер работал над главой „Некрополь“ для книги „Недостающее звено — Человек“, первой книги после четырехлетнего перерыва. Вернувшись из Давоса, он регулярно, каждый вторник и четверг, записался в своем кабинете, покрывая страницу за стра-

ницей своим неразборчивым почерком, внося бесконечные исправления.

„Смерть всегда одинакова, но является в разных обликах...“ — писал он, когда раздался сначала короткий, потом длинный, потом снова короткий гудок.

— Да? — он нажал на кнопку.

— К вам посетитель, — между „вам“ и „посетитель“ говорящий слегка запнулся.

Положив баллончик с аэрозолем во внутренний карман, Рендер встал и подошел к входной двери.

Открыв дверь, он выглянул на лестницу.

— Доктор... помогите...

Рендер сделал несколько шагов и опустился на колени.

— Что случилось?

— Поедем, она... заболела, — раздалось в ответ глухое ворчание.

— Заболела? Но чем? Что с ней?

— Не знаю. Ты — ехать.

Рендер встретил нечеловечий взгляд в упор.

— Чем заболела? — настойчиво повторил он.

— Не знаю, — снова ответил пес. — Молчит. Не встает. Я... чувствую. Заболела.

— Как ты сюда попал?

— Машина. Помню ко-ор-ди-на-ты... Машина — там.

— Сейчас я позвоню.

Рендер двинулся к телефону.

— Не надо. Не ответит.

Да, пес был прав.

Рендер вернулся в приемную, взял пальто и аптечку. Он выглянул в окно и увидел машину Эйлин; она была припаркована у въезда на боковую полосу, там, где монитор уже не действовал и нужно было управлять вручную. Если бы машину не завели на боковую полосу, монитор автоматически припарковал бы ее на нейтральной. Другие машины, ведомые монитором, обьезжали ее.

„Так просто — даже собака может вести машину, — подумал Рендер. — Надо скорее спускаться, пока не приехала контрольная служба. Возможно, блок управления уже подал сигнал о самопроизвольной остановке. А возможно, и нет. У меня еще несколько минут в запасе“.

Он взглянул на большие настенные часы.

— Отлично, Зиг,— он подозвал пса.— Едем.

Они спустились вниз и, выйдя через дверь слева от главного подъезда, поспешили к машине.

Мотор еще потихоньку работал.

Рендер открыл дверцу для пассажиров, и Зигмунд скользнул внутрь. Он последовал за ним и собирался было сесть на место водителя, но собака уже тыкала лапой, набирая координаты на табло.

„Невольно почувствуешь себя не на своем месте“, — мелькнуло у Рендера.

Он закурил. Машина свернула в подземную у-образную развязку. Выехав на противоположную боковую полосу, она притормозила и плавно влилась в поток бегущих мимо машин. Собака перевела автомобиль на полосу скоростного движения.

— Уф! — выдохнул Зигмунд.

Рендеру захотелось потрепать его по мохнатой голове, но, взглянув на оскаленные клыки, он решил воздержаться.

— Когда ты заметил, что с ней неладно? — спросил он.

— Пришла с работы. Не ела. Я спрашивал — что, молчала. Сидела молча.

— А раньше она когда-нибудь так себя вела?

— Нет.

„Что могло повлиять, ускорить процесс? Может, у нее просто был тяжелый день, неприятности на работе? В конце концов, он всего лишь собака — ну, вроде. Нет. Он не ошибся. Но почему?“

— А как она вела себя вчера? И когда сегодня ушла из дома?

— Как всегда.

Рендер снова набрал ее номер. Ответа не было.

— Ты. Из-за тебя, — сказал пес.

— Что именно?

— Глаза. Видеть. Ты. Машина. Плохо.

— Нет, — сказал Рендер, и его рука нащупала в кармане газовый баллончик.

— Да, — сказал пес, снова поворачиваясь к нему. — Ты, ее, вылечишь?..

— Конечно, — ответил Рендер.

Зигмунд опять уставился вперед, на дорогу.

Рендер чувствовал физическое возбуждение, но

мысль работала вяло. Он думал о том, что могло нарушить процесс. Предчувствие не покидало его еще со времени первого сеанса. В том обличье Эйлин Шеллот, который у него сложился, всегда было что-то тревожное: сочетание высокоразвитого интеллекта и беспомощности, решительности и ранимости, чувствительности и жесткости.

„А может быть, именно этим она так привлекает меня? Нет! Тут всего лишь обратное воздействие, черт возьми!“

— Пахнешь страхом,— сказала собака.

— Тогда раскрась меня страхом,— ответил Рендер,— и берись за следующую картинку.

Машина то притормаживала на поворотах, то снова набирала скорость, снова притормаживала и снова разгонялась. Наконец они оказались на узком участке хайвея, в одном из малозастроенных районов города. Машина свернула в боковую улицу, проехала еще около полумили. В глубине пульта раздался мягкий щелчок, и машина въехала в парковочный бункер у высокого кирпичного дома. Щелчок произвел скорее всего специальный сервомеханизм, взявший контроль над машиной после монитора. Он медленно провел автомобиль в его прозрачный парковочный отсек и затормозил. Рендер выключил зажигание.

Зигмунд тем временем успел открыть боковую дверцу. Рендер прошел вслед за ним в дом, и лифт доставил их на пятидесятый этаж. Пес быстро перебежал через холл, нажал носом металлическую, вделанную в дверь дощечку и уселся, выжидая. Дверь слегка приоткрылась внутрь. Он толкнул ее плечом и вошел. Рендер вошел тоже, прикрыв за собой дверь.

Стены просторной комнаты были практически голые — никаких украшений. Они были окрашены в мягкие, успокаивающие тона. В одном углу высилась настоящая пирамида кассет с записями; перед ней располагался устрашающего вида аудиокомбайн. У окна стоял широкий стол на изогнутых ножках, а справа, вдоль стены,— низкий диван. За диваном была запертая дверь, а сводчатый коридор вел, очевидно, в другие комнаты. Эйлин сидела в кресле с пушистой обивкой в дальнем углу, у окна. Зигмунд стал рядом с креслом.

Рендер пересек комнату и достал сигарету. Щелкнув зажигалкой, он не закрывал ее, пока Эйлин не повернула голову в сторону пламени.

— Сигарету? — спросил Рендер.

— Чарльз?

— Угадали.

— Да, спасибо. Пожалуй, тоже закурю.

Эйлин взяла сигарету из рук Рендера, поднесла ее к губам.

— Спасибо. А что вы здесь делаете?

— Вызов по соседству.

— Я не слышала ни звонка, ни стука.

— Вздремнули, наверное. Зиг меня впустил.

— Да, наверное, задремала, — она потянулась. —

А сколько времени?

— Около половины пятого.

— Значит, я уже два часа как дома... Наверное, слишком устала...

— Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно. Сделать вам чашку кофе?

— Давайте я сделаю.

— Что-нибудь перекусите?

— Нет, спасибо.

— А если немного баккарди к кофе?

— Вот это неплохо.

— Тогда подождите минутку, пожалуйста.

Она вышла в дверь рядом с диваном, и Рендер успел заметить большую, блистающую чистотой автоматизированную кухню.

— По-моему, ничего? — шепнул он псу.

Зигмунд покачал головой.

— Обычно другая.

Рендер в свою очередь, задумчиво покачал головой.

Он положил пальто на диван, накрыв им аптечку, сел и задумался.

„Не слишком ли я нагрузил ее зрительными впечатлениями? А может быть, сказались побочные депрессивные эффекты, скажем, подавленные воспоминания, нервное переутомление? Или я как-то повлиял на процесс сенсорной адаптации, вызвал обострение синдрома? К чему было так торопиться? Никаких поводов для спешки нет. Неужели, черт возьми, мне так уж не терпится описать этот случай? Или это она подгоняет меня? Достаточно ли она сильна — сознательно или

бессознательно — для этого? Или это я оказался в чем-то уязвим?”

Эйлин позвала его помочь ей принести поднос. Рендер поставил поднос на стол и сел напротив Эйлин.

— Хороший кофе,— сказал он, глотая обжигающую жидкость.

— Автомат хорошо варит,— отозвалась она, обращаясь на звук его голоса.

Зигмунд лег, вытянувшись, на ковре у стола, положил морду между передних лап, зевнул и закрыл глаза.

— Я все думаю,— начал Рендер,— о возможных последствиях последнего сеанса, ну, скажем, о выросшей синестезии, о появлении новых форм сновидений или о галлюцинациях...

— Да,— вяло согласилась Эйлин,— новые сны.

— Какого рода?

— Последний сеанс. Он снится мне снова и снова.

— Весь целиком?

— Нет. Строгой связи между эпизодами нет. Скорее — вспышками: то мы едем по городу, то переезжаем через мост, сидим за столиком в клубе или идем к машине. Яркие вспышки.

— А какие чувства вызывают эти... вспышки?

— Не знаю. Очень запутанные.

— А что вы чувствуете сейчас, когда говорите о них?

— То же самое. Все перепутано.

— Испытываете страх?

— Н-нет. Я бы так не сказала.

— Может быть, сделаем небольшую передышку? Вам не кажется, что мы продвигаемся слишком быстро?

— Нет. Дело совсем не в этом. Как бы вам объяснить... Это — словно ты учишься плавать: вот ты наконец научился и плаваешь, плаваешь, плаваешь, пока хватает сил. А потом лежишь, еле дышишь, а приятели не отстают, подначивают: „Пошли опять!“ И это здорово, хотя тебя и колотит от холода, и мышцы свело... В конечном счете я всегда веду себя именно так. Так я вела себя с первого до последнего сеанса. Первый раз — это всегда что-то особенное... Мышцы уже не сводит, я согрелась и отдохнула. Нет, Бога ради, я не хочу никаких передышек! Я чувствую себя отлично.

— Вы привыкли спать днем?

Эйлин потянулась, и ее лежащие на столе руки сжались и разжались, выпустив десять ярко-красных ногтей.

— ...Нет, просто устала.

Она улыбнулась, подавляя зевок.

— Половина нашего персонала в отпуске или болеет, вот мне и приходится отдуваться за всех. После работы я едва волочу ноги. Но теперь я передохнула, и все в порядке.

Она взяла свою чашку обеими руками и сделала большой глоток.

— Уф! Хорошо. Я немного беспокоилась за вас. Слава Богу, страхи были пустые.

— Беспокоились? А вы читали заметки доктора Рискома о моем анализе, спрашивали у МНУ? И после всего этого вы говорите, что беспокоились обо мне! У меня имплантированный доброкачественный невроз, гарантирующий мою психику от распада. Он помогает мне концентрировать энергию, координирует мои усилия, направленные к достижению определенной цели. Чувство адекватности и целостности...

— Дьявольская у вас память,— заметила Эйлин.— Почти слово в слово.

— Конечно. Кстати, и Зигмунд сегодня обо мне беспокоился.

— Зиг? Что это значит?

Собака беспокойно зашевелилась и приоткрыла один глаз.

— Да,— проворчал он, глядя на Рендера тускло горящим взглядом.— Надо. Его. Подвезти.

— Ты что, опять водил машину?

— Да.

— И это после того, как я тебе запретила?

— Да.

— Зачем?

— Я испугался. Ты не отвечала. Когда я. Спрашивал.

— Я просто очень, очень устала. А если ты еще раз возьмешь машину, я запру дверь, так что ты не сможешь выйти, и тогда делай, что хочешь.

— Прости.

— Со мной все в порядке.

— Я. Вижу.

— *Никогда* больше не делай этого.

— Прости,— полыхающий зрачок собаки следил за Рендером.

Рендер отвел взгляд.

— Не ругайте так беднягу,— вступился он.— Просто он решил, что вы заболели, и поехал за доктором. Разве он не прав? Вам его благодарить, а не ругать нужно.

Не смирившись, Зигмунд еще раз пронзил взглядом Рендера и закрыл глаза.

— Когда он ведет себя плохо, я всегда даю ему понять,— наставительно закончила Эйлин.

— Допустим,— сказал Рендер, делая глоток кофе.— Но ничего страшного. И раз уж я здесь, давайте побеседуем на профессиональные темы. Я тут кое-что сочиняю, и хотелось бы услышать квалифицированный отзыв.

— Отлично. Жду пояснений.

— Сейчас поясню. Во-первых, как вы считаете: отличаются ли друг от друга основные мотивы самоубийств в разных странах?

— Мое веское мнение — нет, не отличаются,— сказала Эйлин.— Психические расстройства могут приводить либо к депрессиям, либо к буйному помешательству; если они выражены достаточно сильно, то они могут спровоцировать акт самоуничтожения. Вы спрашиваете о мотивах,— продолжала она,— и я полагаю, что в основном они одинаковы. В моем понимании это один из основных атрибутов человеческого бытия, и здесь — точка пересечения всех культур и всех эпох. Я думаю, что, не изменив самой сути человека, тут ничего не изменить.

— О'кей. Принято. Но что же является побуждающим фактором? Пусть человек неизменен, но ведь его окружение меняется. И если мы возьмем ситуацию, в которой человек сверхзащищен, то — как, по-вашему,— в большей или меньшей степени он сумеет противиться факторам, толкающим его к умопомешательству?

— Хм. Желательно, чтобы вы конкретизировали свой пример, но в любом случае, я думаю, все зависит от самого человека. Но теперь я вижу, куда вы клоните: массовая предрасположенность людей прыгать в окна ни с того ни с сего, тем более что окно само распаивается перед вами по вашему прика-

зу, — восстание изнывающих от скуки масс... Я не разделяю эту концепцию. Мне она не нравится.

— Я тоже, но я имел в виду, так сказать, символические самоубийства — функциональные расстройства, вызванные неадекватными, ничтожными поводами.

— А, да-да. Ваша последняя лекция: автопсихомесис. У меня есть запись. Красиво, но не слишком убедительно.

— Теперь и я это чувствую. Поэтому хочу переработать целиком главу, которую для себя называю „Танатос в стране чокнутых ангелов“. Да, инстинкт саморазрушения дает знать о себе все сильнее.

— Хорошо, допустим, я вам дам скальпель и представлю в ваше распоряжение труп — вы сможете вырезать этот инстинкт и показать его мне?

— Сомневаюсь, — сказал Рендер притворно-ироничным тоном. — Думаю, у трупа он уже весь израсходован. А вот если найдется доброволец, то уже одним своим поступком он докажет мою правоту.

— Неопровержимая логика, — улыбнулась Эйлин. — Принесите еще кофе, ладно?

На кухне Рендер налил кофе, добавил баккарди, выпил стакан воды и вернулся в комнату. Эйлин сидела в той же позе; Зигмунд тоже лежал, не шевелясь.

— А чем занимается Ваятель в свободное от Ваяния время? — спросила Эйлин.

— Тем же, чем и все простые смертные: ест, пьет, спит, разговаривает, встречается с друзьями, и не только с друзьями, путешествует, читает...

— А вы умеете прощать?

— Не всегда. А почему вы спросили?

— Простите меня. Я сегодня слишком резко говорила с одной женщиной, ее фамилия де Виль.

— О чем же вы говорили?

— О вас. Она мне наговорила такого, что, кажется, право, лучше бы мне и не рождаться на свет. Вы собираетесь на ней жениться?

— Нет, брак — это нечто из области алхимии. Когда-то эта идея мне очень помогла, но теперь в ней нет необходимости.

— Хорошо.

— И что вы ей сказали?

— Выдала ее карту с результатами обследования.

Диагноз: сука. Рекомендации: физиотерапия и хороший намордник.

— Вот как,— заинтересовался Рендер.

— Она порвала ее и швырнула мне в лицо.

— Интересно, почему бы это?

Эйлин улыбнулась и пожала плечами, чертя пальцем на скатерти квадратный узор.

— „Вы, старики и молодые, ответьте,— что такое ад?“ — вздохнул Рендер.

— Думаю, ад — это страдание от неспособности любить,— подытожила Эйлин.— Разве Достоевский не прав?

— Сомневаюсь. Я бы порекомендовал ему групповую терапию. Вот это бы для него было настоящим адом. В одной компании со своими вдруг ожившими персонажами.

Рендер поставил чашку на стол, отодвинул кресло.

— Уже собираетесь уходить?

— Мне действительно надо,— сказал Рендер.

— Могу ли я соблазнить вас обедом?

— Да нет.

Она встала.

— Сейчас, только накину пальто.

— Я могу добраться и сам, а потом отправлю машину по обратному монитору.

— Нет! Когда я слышу о том, что по городу разъезжают пустые машины, мне становится страшно. Последние две недели только об этом и говорят.

— К тому же,— добавила Эйлин, выходя в сводчатую дверь,— вы обещали мне Винчестерский собор.

— Хотите прямо сегодня?

— Если удастся вас уговорить.

Рендер остановился в нерешительности. Зигмунд поднялся и встал напротив, глядя прямо в глаза человеку. Он несколько раз открывал и закрывал пасть, но не издал ни звука. Потом пес повернулся и вышел из комнаты.

— Нет,— донесся голос Эйлин.— Побудь здесь, пока я не вернусь.

Рендер поднял пальто, надел, спрятав аптечку в карман.

Когда они шли через холл к лифту, Рендеру показалось, что он слышит очень слабый, доносящийся откуда-то издалека вой.

Это было единственное место, где Рендер точно знал: он — повелитель всего.

Он не был чужим в этих чуждых мирах, где время застыло, в мирах, где обитают цветы-любовники, а светила воюют друг с другом в небесах и, расколовшись на тысячи осколков, истекая пурпурной кровью, падают на землю, как разбитые кубки, где моря уходят вглубь, ища тайных подземных ходов, и где руки поднимаются из пещер, размахивая факелами, пламя которых похоже на зыбкие призрачные лица,— долгий кошмар в зимнюю глухую ночь, когда лето ушло побираться по дорогам; все это было хорошо знакомо Рендеру, ведь он не раз, выбрав подходящий момент, отправлялся в эти миры в научные командировки и провел в них немало прекрасных минут. Одним движением пальца он мог пленять злых волшебников, вершить над ними суд по обвинению в государственной измене, казнить их и назначать им преемников. Ах!..

Но на сей раз, по счастью, это был скорее визит вежливости...

Он шел по лесной прогалине в поисках Эйлин.

Он чувствовал ее присутствие повсюду и с каждой минутой все сильнее.

Раздвинув ветви, он вышел на берег озера.

Озеро лежало перед ним, холодное, голубое, бездонное, и маленькая стройная ива, в ветвях которой обычно появлялась Эйлин, отражалась в его поверхности.

— Эйлин!

Деревце качнулось ему навстречу.

— Эйлин! Явись!

Ива обронила несколько листьев, и, упав на зеркальную гладь воды, они разрушили мирно застывшее на ней отражение.

— Эйлин?

Все листья, разом пожелтев, облетели, заколыхались на воде.

Деревце застыло. Станный звук раздался в темнеющем небе — словно провода высоковольтной линии загудели в холодный осенний день.

Внезапно двойной ряд лун протянулся по небу.

Рендер выбрал одну, дотянулся до нее, нажал. Как только он сделал это, другие луны поблекли, и кругом стало светлее; гул в воздухе смолк.

Рендер обошел озеро кругом, чтобы выгадать для себя небольшую передышку и предупредить обратное воздействие. Потом прошел между сосен к тому месту, где должен был возникнуть собор. В ветвях деревьев теперь было слышно птичье пение. Мягко повеял ветер. Присутствие Эйлин ощущалось достаточно сильно.

— Сюда, Эйлин. Сюда.

Она прошла рядом: зеленый шелк платья, отливающие бронзой волосы, глаза как расплавленный изумруд; на лбу у нее тоже было изумрудное украшение. Мягко ступая по ковру хвои ногами в зеленых туфельках, она спросила:

— Что случилось?

— Ты испугалась.

— Чего?

— Может быть, собора. А ты не ведьма?

Рендер улыбнулся.

— Вообще да, но сегодня у меня выходной.

Он рассмеялся.

Взял ее за руку, и они пошли вокруг острова пышной зелени, и там, в глубине, на поросшем шелковистой травой холме они увидели собор — он рос, раздвигая ветви, тянулся вверх, вот уже показался в небе над вершинами деревьев, гулко вздыхая органами трубами, отражая снопы солнечных лучей.

— Держись крепче, теснее контакт, — сказал Рендер. — Экскурсия начинается.

Они приблизились и вошли.

„...Ряды мощных, как древесные стволы, колонн строго упорядочивают внутреннее пространство, — начал Рендер — Цитирую по путеводителю. Взгляните на северный трансепт...“

— „Зеленые рукава“, — прервала Эйлин. — Орган играет „Зеленые рукава“.

— Верно. Но только я тут ни при чем. „Обратите внимание на зубчатые капители...“

— Подойдем поближе. Мне нравится эта музыка.

— Хорошо. Тогда вот сюда.

Рендер чувствовал, что что-то не так. Но он никак не мог определить, что именно.

Мир кругом по-прежнему казался устойчивым, прочным...

И вдруг что-то гулко ухнуло в небе над собором. Рендер улыбнулся — теперь он наконец понял: прои-

зошло нечто вроде оговорки — на мгновение он спутал Эйлин с Джилл, да, вот в чем было дело.

Но тогда почему...

Алтарь казался вспышкой ослепительной белизны. Но раньше его здесь вообще не было. От темных стен, смыкавшихся в вышине, веяло холодом. Свечи мерцали по углам и в высоких нишах. Орган стройно гремел под руками невидимого органиста.

Но Рендер не мог не чувствовать, что что-то не так.

Он обернулся к Эйлин: зеленый конус высился у нее на голове, и зеленая вуаль ниспадала на волосы тонкими складками. А на шее, плохо различимое в полутьме, было...

— Откуда это ожерелье? Откуда оно?

— Я не знаю,— улыбнулась Эйлин.

Кубок в ее руках мерцал, лучился розовым светом. Пучок отраженного света падал на него от лучистого изумруда, словно омывал его волнами прохладного ветра.

— Выпьете? — спросила Эйлин, протягивая кубок.

— Не двигайся,— приказал Рендер.

Он пожелал, чтобы стены рухнули, и они заколыхались в темноте.

— Не двигайся! — повторил Рендер еще более резким тоном.— Стой на месте. Попробуй не думать.

— Падите! — крикнул он. Обломки стен разлетелись в разные стороны, кровлю сорвало и унесло в небо. Эйлин и Рендер стояли посреди развалин, освещаемых слабым светом единственной тоненькой свечи. Ночь кругом была черной, как смола.

— Почему ты сделал это? — спросила Эйлин, все еще протягивая Рендеру кубок.

— Не думай. Постарайся ни о чем не думать,— сказал он.— Расслабься. Ты слишком устала. Твое сознание еле мерцает сейчас, как эта свеча. Ты едва борешься со сном. Едва стоишь на ногах. Твои глаза закрываются. Здесь мы уже все посмотрели, смотреть больше нечего.

Он приказал свече погаснуть. Но свеча продолжала гореть.

— Я не устала. Пожалуйста, выпей.

Звуки органа донеслись сквозь ночную тьму. Но строй был уже иным. Рендер слышал его впервые.

— Мне нужна твоя помощь.

— Я готова сделать все что угодно.

— Взгляни, луна! — Рендер указал на небо.

Эйлин взглянула вверх. Из-за чернильно-черной тучи показалась луна.

— А вот еще и еще...

Луны выплывали одна за другой в темном небе, как нанизанные на нитку жемчужины.

— Последняя будет красной, — уверенно сказал Рендер.

В небе показалась красная луна.

Тогда, протянув правую руку с вытянутым указательным пальцем так далеко, как только мог, Рендер попытался достать красный кружок.

Боль ожога заставила его отдернуть руку. Она безвольно повисла.

— Проснись! — закричал он изо всех сил.

Красная луна исчезла, и белые исчезли вслед за ней.

— Пожалуйста, выпей.

Рендер выбил кубок из ее рук и отвернулся. Но Эйлин вновь стояла перед ним, по-прежнему протягивая ему кубок.

— Выпей.

Повернувшись, Рендер стремглав бросился в обступившую его тьму.

Это было похоже на бег по глубокому снегу. Решение было неправильное. Он допустил ошибку — бег лишь истощал его силы и увеличивал силы Эйлин. Бег истощал его силы, отбирал его энергию.

Рендер остановился. Кругом была тьма.

— Мир вокруг меня движется, — произнес он. — И я — его центр.

— Пожалуйста, выпей, — сказала Эйлин, и Рендер увидел, что он вновь стоит перед их столиком на берегу озера. Поверхность озера была черной, и луна отливала серебром, высокая и недостижимая. В слабом пламени свечи, мерцавшей на столе, волосы и платье Эйлин тоже казались серебряными. На лбу у нее сияла маленькая луна. На белой скатерти стояла бутылка Романи-Конти и широкий бокал. Он был полон до краев, этот бокал, и ожерелье розовой пены вскипало до краев. Рендера мучила жажда, а Эйлин была прекрасней, чем всегда, — изумруд на ее груди сиял, с озера повеяло прохладой, и было что-то во всем этом — что-то такое знакомое...

Он шагнул к ней, и сталь доспехов тихонько звякнула. Рендер потянулся к бокалу, но боль в правой руке была слишком сильной.

— Ты ранен!

Рендер медленно опустил взгляд. Кровь текла из открытой раны на плече, стекала, капала с кончиков пальцев. Латы, закрывавшие плечо, были рассечены. Он заставил себя отвести взгляд.

— Выпей это, любовь моя. Этот напиток излечит тебя.

Эйлин встала.

— Я подержу бокал.

Рендер пристально следил, как она подносит бокал к его губам.

— Кто я? — спросил он.

Эйлин молчала, но что-то — легкий всплеск, донесшийся с озера, — ответило ему:

— *Ты — Рендер, Ваятель.*

— Да, я помню, — сказал Рендер, и, как за соломинку, цепляясь за ту ложь, которая одна могла разрушить иллюзию, заставил себя выговорить:

— Эйлин Шеллот, я ненавижу тебя.

Мир вокруг содрогнулся, словно сотрясаемый судорожными рыданиями.

— Чарльз! — вскрикнула Эйлин, и тьма мгновенно обступила обоих.

— Проснись! Проснись! — кричал он, снова чувствуя жгучую боль от кровоточащей раны.

Теперь он стоял один посередине белой равнины — безмолвной, бескрайней. Она полого уходила к горизонту — туда, где кончался мир. Поверхность ее светилась, а вместо неба над головой было ничто. Ничто. Он был один. И эхо его собственного голоса донесло от пределов мира: „...ненавижу, ненавижу...“

Он упал на колени. Он знал теперь, что он — Рендер.

И ему хотелось плакать.

Красная луна возшла над равниной, заливая бледным, мертвенно-бледным светом все пространство. Скалы отвесной стеной поднимались справа и слева.

Рендер поднял правую руку. Поддерживая больную кисть левой рукой, он вытянул указательный палец и дотянулся до луны.

И тогда из-за скал донесся скорбный вопль — нечеловеческий, полный угрозы, и одинокой тоски, и боли.

И Рендер увидел, как, ступая по вершинам скал, сметая с них снежные лавины своим хвостом, бежал, объятый яростью, последний человек-волк, последний великий оборотень Севера — Фенрир, сын Локи.

Взметнувшись в небо, он проглотил луну.

Потом он опустился рядом с Рендером. Его огромные глаза горели желтым огнем. Бесшумно ступая, он крался по равнине, по морозным белым полям, окружавшим скалы; и Рендер обратился в бегство: он бежал то вверх, то вниз по склонам холмов, по расщелинам и ущельям гор, пересекал долины, преодолевая леса сталагмитов и горные пики, — бежал через ледники и по руслам замерзших рек, все вниз и вниз, пока не почувствовал сзади горячего дыхания и не увидел, как разверзлась над ним огромная хохочущая пасть.

Тогда ноги его стали двумя светящимися реками, уносящими его прочь.

Одним рывком он оставил весь мир позади и теперь скользил вниз по склону — все вниз и вниз, все быстрее и быстрее...

Прочь...

Он оглянулся.

Серый призрак прыжками неся за ним.

Рендер почувствовал, что он может в любой момент сократить разделяющее их расстояние. Надо было двигаться быстрее.

Все мелькало и кружилось вокруг. Начал падать снег.

Он мчался вперед.

Впереди ломаным контуром обрисовалось темное пятно.

Он мчался вперед, разрывая снежную завесу, — казалось, что снежинки теперь падают не сверху вниз, а наоборот, снизу вверх, как поднимающиеся в воде пузырьки.

Он приближался к обломкам.

Он приближался к ним, подобно ныряльщику, который не может крикнуть, чтобы не захлебнуться, — ведь тогда он уже не узнает, никогда не узнает...

Движение вперед стало неконтролируемым, неподвластным ему, словно волна прилива несла его. Наконец он приблизился и остановился.

Есть вещи, которые не меняются. Вещи, которые давно перестали существовать в вещном мире и одино-

ко стоят среди не-внесенных-ни-в-один-календарь событий, выпав из потока, именуемого Время.

Рендер стоял перед обломками, и ему было уже все равно, даже если бы Фенрир прыгнул сейчас ему на плечи и выгрыз его мозг. Он закрыл глаза, но и это сейчас не могло помешать ему видеть. Не могло заставить его думать о чем-то другом. Перед ним лежала умершая, и большая часть его самого.

Раздался вой. Серая тень взметнулась в воздух.

Сумрачно блеснули глаза, и окровавленные клыки впились в обломки машины, сминая сталь, дробя стекло...

— Нет! Чудовище! Пожиратель трупов! — крикнул Рендер. — Мертвые — это святыня! *Мои* мертвые для меня — святыня!

В руках его оказался скальпель, и он яростно и умело впился стальным острием в жилистую плоть, в напрягшиеся мускулистые плечи, в мягкое брюхо, рассекая прочные, как канаты, артерии.

Пот и слезы, мешаясь, текли по его лицу, пока он пластовал тушу чудовища, расчленяя ее, и кровь текла потоками, заливая искореженный остов и мертвые тела в нем, сочились адские животные соки, и вот уже вся равнина кругом корчилась, окрасившись в зловещий красный цвет.

Рендер упал ничком на смятый капот, и он показался ему мягким, теплым и сухим. Он лежал, тихо всхлипывая.

— Не плачь, — сказала она.

И Рендер увидел, что он стоит, опершись на ее плечо, крепко обняв ее, на берегу черного, как смола, озера, а луна в небе над ними словно сошла с росписи веджвудского фарфора. Пламя свечи слабо колыхалось над столом. Она поднесла бокал к его губам.

— Пожалуйста, выпей!

— Да, я хочу пить!

Он одним залпом осушил бокал, и вино мягким, струящимся светом растеклось по его телу. Оно согревало, и Рендер ощутил, как силы возвращаются к нему.

— Я...

— Ты — Рендер, Ваятель, — всплеском отозвалось озеро.

— Нет!

Он снова повернулся и бросился прочь, ища взглядом разбитый остов машины. Он должен был быть там, он должен был вернуться...

— Ты не можешь.

— Могу! — крикнул он. — Могу, если попытаюсь...

Желтые языки пламени прошили душный воздух. Как желтые змеи, они обвивались вокруг его ног. И вот, колыхаясь в сумрачном мареве, показалась огромная, как башня, двухголовая фигура его Врага.

Осыпь мелких камней прошуршала сзади. Невыносимый запах впился в его ноздри, ударил в голову.

— Ваятель! — прорычала одна из голов.

— Ты вернулся, чтобы рассчитаться со мной! — проревела другая.

Рендер глядел, вспоминая.

— Мне ничего от тебя не нужно, Таумиель, — сказал он. — Я уже победил тебя и сковал тебя цепями для... для Ротмана, да, это был Ротман, каббалист.

Он начертал в воздухе пентаграмму.

— Возвращайся в Клипот. Я изгоняю тебя.

— Клипот — здесь!

— ...Именем Хамаэля, ангела крови, именем Элохима Гебора, всеми силами небесными заклинаю тебя и приказываю тебе исчезнуть!

— На этот раз не выйдет! — обе головы захохотали.

Чудовище двинулось на Рендера.

Рендер отступал шаг за шагом, и желтые змеи обвивались вокруг его ног.

Он чувствовал, как бездна разверзается у него за спиной. Мир был похож на загадочную мозаику, рассыпающуюся по частям. Рендер видел, как они смешиваются в беспорядке.

— Сгинь!

Ревущий хохот двух голов был ему ответом.

Рендер запнулся.

— Сюда, любовь моя!

Она стояла у входа в небольшую пещеру справа от него.

Рендер покачал головой и продолжал отступать к разверзшейся сзади бездне.

Таумиель ринулся на него.

Рендер покачнулся на краю.

— Чарльз! — раздался пронзительный женский крик, и мир распался на куски от рыданий.

— Что ж. Значит — Vernichtung¹, — откликнулся Рендер, уже падая. — Я спешу к тебе, во тьму.
Все оборвалось.

— Я хочу видеть доктора Чарльза Рендера.

— Очень жаль, но это невозможно.

— Но я просто с ног сбил, пока его искал. Хотел его поблагодарить. Он сделал из меня другого человека, понимаете! Он изменил мою жизнь.

— Очень жаль, мистер Эриксон, но я еще утром, когда вы звонили, сказал — это невозможно.

— Сэр, я — Представитель Эриксон, и когда-то Рендер оказал мне огромную услугу.

— А теперь ваша очередь. Поезжайте домой.

— Вы не имеете права так со мной разговаривать!

— Имею. Пожалуйста, оставьте его в покое. Может быть, через год...

— Всего несколько слов могут сделать настоящее чудо...

— Вот и поберегите их!

— Что ж... извините...

Это было красиво: море, как влага, выплеснувшаяся из огромного кубка, дымилось и розово переливалось в лучах зари, — но он знал, что скоро это *должно* кончиться. А следовательно...

Он спустился по узкой лестнице башни и вошел во двор. Подойдя к увитой розами беседке, он заглянул внутрь, где, посередине, на грубом соломенном ложе лежал рыцарь, и сказал:

— Приветствую вас, милорд.

— Приветствую тебя, — отозвался рыцарь.

Кровь сочилась у него из раны и, блестя на латах, стекала и капала с кончиков пальцев. Кровь пропитала землю, забрызгала цветы и траву.

— Как ваше здоровье, милорд?

Рыцарь покачал головой.

— Моя надежда истекает кровью.

— Но близок ожиданию конец.

— Что ты хочешь этим сказать? — рыцарь приподнялся и сел.

¹ Гибель (нем.).

— Корабль. Там, в море, показались паруса.

Рыцарь встал, прислонившись к обомшелому стволу. Голос слуги, широкоплечего, бородатого, звучал хрипло, по-варварски грубо.

— Как черный лебедь перед бурей, он стремится назад — в свое гнездо.

— Черный, ты сказал? Черный?

— Паруса его черны, лорд Тристан!

— Ты лжешь!

— Желаете взглянуть? Взгляните сами!

Он указал в сторону моря.

Земля под ногами вздрогнула, мир пошатнулся. Пыль взвилась и осела. С того места, где они стояли, был виден корабль, спешивший к пристани под черными, как ночь, парусами.

— Нет! Ты солгал! Смотри — они белые!

Свет зари плясал на водной ряби. Тени бежали, рассекаемые парусами.

— Что за чушь! Черные! Они *должны быть* черными!

— Белые! Они белые! Изольда, ты верна мне! Ты вернулась!

И рыцарь бегом бросился к пристани.

— Вернись!.. Твоя рана! Ты болен, остановись!

Корабль под белыми парусами приближался к берегу в лучах солнца, похожего на красную кнопку. Слуга быстро нажал ее.

И пала тьма.

РОМАН

ЭТОТ
БЕССМЕРТНЫЙ

— Ты ведь калликанзарос,— неожиданно объявила она.

Я повернулся на левый бок и улыбнулся в темноте:

— Свои рога и копыта я оставил в конторе.

— Так ты знаешь, про кого я!

— Вообще-то я Номикос.

Я потянулся к ней и нашел ее.

— Ты что, действительно собираешься разрушить весь мир?

Я засмеялся и привлек ее к себе:

— Надо подумать. Если именно поэтому Земля и разваливается...

— Послушай, у детей, рожденных здесь на Рождество, калликанзаросская кровь,— сказала она,— а ты однажды обмолвился, что твой день рождения...

— Вот и отлично!

Мне пришлось в голову, что она лишь наполовину шутит. Зная, какие существа могут случайно попасться на глаза в этих Старых, а теперь Горючих, местах, начинаешь почти без труда верить в мифы — в разные там рассказы о похожих на Пана лешаков, которые собираются каждую весну, чтобы потолкаться под Деревом Мира, а затем разбежаться кто куда от звона пасхальных колоколов. (*Дин-дон* — колокола, *клак-клак* — зубы, *цок-цок* — копыта и т. д.) Мы с Кассандрой не имели привычки обсуждать в постели вопросы религии, политики или фольклор Эгейского бассейна, но меня, поскольку в этих местах я и родился, подобные воспоминания задевают за живое.

— Ты делаешь мне больно,— сказал я полушутя-полусерьезно.

— А мне не больно?

— Прости.

Я снова расслабился.

Помолчав, я объяснил:

— Когда я был сорванцом и ко мне приставали другие сорванцы, они меня звали „Константин Калликанзарос“. Когда я подрос и подурнел, они перестали так меня звать. По крайней мере, в лицо...

— „Константин“? Это было твое имя? А я полагала...

— Теперь я Конрад, и больше не будем об этом.

— Но мне оно нравится. Я бы лучше звала тебя „Константин“, чем „Конрад“.

— Ну, если тебе это приятно...

Луна выкатила свою постную физиономию на подоконник и стала строить мне рожи. Я не мог достать не только до луны, но и до окна, потому отвернулся. Ночь была холодной, влажной и полной тумана — здесь всегда такие.

— Комиссар по делам Искусств, Памятников и Архивов планеты Земля не станет рубить Дерево Мира, — проворчал я.

— Калликанзарос мой, — откликнулась она слишком поспешно, — я этого не говорила. Но с каждым годом колоколов все меньше, а добрые намерения далеко не всегда идут в расчет. Но у меня такое чувство, что, так или иначе, ты все изменишь. Можешь изменить...

— Ошибаешься, Кассандра.

— А мне страшно и холодно...

И она была прелестна в темноте, и я обнимал ее, чтобы хоть как-то уберечь от этих туманов, влажных и знобких.

Пытаясь воссоздать в памяти подробности минувших шести месяцев, теперь я осознаю, что, пока мы огораживали страстью наш октябрь и остров Кос, Земля уже пала в руки сил, что сметают все октябри. Возникнув изнутри и извне, эти силы роковой развязки уже тогда маршировали гусиным шагом среди руин — безликие, неотвратимые, с оружием на изготовку. Корт Миштиго приземлился в Порт-о-Пренсе на древнем *Сол-Бус Девять*, который доставил его с Титана в сопровождении груза, состоявшего из туфель и рубашек, нижнего белья, носков, вин разных марок, разных медицинских средств и новейших магнитофонных кассет, всех этих производных цивилизации. В общем, богатый

и влиятельный журналист Галактики. Насколько богатый — для нас это оставалось неизвестным еще много недель, а насколько влиятельный — для меня это открылось лишь пять дней тому назад.

Пока мы бродили по рощам одичавших олив, лазали по руинам франкского замка или вплетали наши следы в следы серебристых чаек, похожие на иероглифы, там, на влажных песках пляжей острова Кос, мы прожигали время в ожидании расплаты, которой могло и не быть и которой на самом деле вовсе и не следовало ожидать.

Волосы Кассандры — цвета олив Катамары и блестят. Руки у нее мягкие, пальцы короткие, с нежными перепонками. Глаза у нее очень темные. Она ниже меня только на четыре дюйма, но это не мешает ей быть грациозной, а во мне как-никак шесть футов с лишком. Вообще-то рядом со мной любая женщина сама грация, совершенство и привлекательность, поскольку ничего подобного во мне нет: левая моя щека была в ту пору вроде карты Африки, выполненной в пурпурных тонах, — и все из-за мутантного грибка, который я подцепил от заплесневевшего с задней стороны холста, когда в нью-йоркскую поездку откапывали Галерею Гугенхейма; мысок линии волос у меня всего на ширину пальца отступает от бровей; глаза у меня разные. (Когда я хочу уstrasить человека, я вперяюсь в него холодным голубым правым глазом, карий же служит для Взглядов Искренних и Честных.) Правый сапог у меня с утолщенной подошвой, поскольку сама нога короче.

Хотя для Кассандры в подобном контрасте нет нужды. Она прекрасна.

Я встретился с ней случайно, преследовал ее без удержу, женился на ней против желания. (Это была ее идея.) Сам я об этом действительно не думал — даже в тот день, когда я пригнал свой кайк в бухту и увидел ее там, русалкой нежащейся под солнцем близ плоской кроны дерева Гиппократы, и решил, что хочу быть с ней. Калликанзаройцы особой приверженностью к семье никогда не отличались. Я вроде как поскользнулся, в очередной раз.

Было ясное утро. Начало нашего третьего месяца вместе. Это был последний мой день на Косе, поскольку вчера вечером я получил вызов. Все еще было влажным

после ночного дождя, и мы сидели в патио — пили кофе по-турецки и ели апельсины. День понемногу нажимал на педали, въезжая в этот мир. Бриз дул влажно и прерывисто, покрывая нас гусиной кожей под черной тяжестью свитеров и срывая парок с края кофейных чашек.

— „Родос, перстами дарящий Аврору...“ — сказала она, вытягивая перед собой руку.

— Угу,— кивнул я,— действительно она, розово-перстая и славная.

— Давай полюбуемся.

— Угу. Прости.

Мы допили кофе и закурили.

— Чувствую себя погано,— сказал я.

— Знаю,— сказала она.— Только зря ты так.

— Ничего не могу с собой поделать. Велено уезжать, покидать тебя — вот и погано.

— Может, всего на пару недель. Ты сам так говорил. И потом ты вернешься.

— Надеюсь,— сказал я.— Хотя если это затянется, я пошлю за тобой. До сих пор неизвестно, где я буду.

— Кто этот Корт Миштиго?

— Деятель с Ваги, журналист. Важная птица. Хочет написать о том, что от Земли осталось. Вот я и должен ему показать. Я. Лично. Черт его дерит!

— Если тебе дают десятимесячный отпуск на плавание, то не жалуйся, что перетрудился.

— А я жалуюсь и буду жаловаться. Считается, что моя работа — это синекюра.

— Почему?

— В основном потому, что я сам так поставил. Двадцать лет я вкалывал, чтобы сделать Искусства, Памятники и Архивы тем, что они есть теперь, а десять лет назад я довел это дело до того, что мои сотрудники прекрасно управляют и сами. Так что я позволяю себе пастись на лужайке и являться, когда хочу, чтобы подписать бумаги да заодно поделать что-нибудь эдакое, для собственного удовольствия. И на тебе — лизать чей-то сапог! Чтобы сам Комиссар ехал вместе с веганским писакой, когда его мог бы сопровождать любой мой сотрудник. Не боги же они, веганцы!

— Одну минутку,— сказала она,— извини. Ты сказал: „Двадцать лет? Десять лет?“

Такое чувство, будто тонешь.

— Тебе ведь нет и тридцати.

Я погрузился. Подождал. Снова vyplыл.

— Гм... знаешь, есть кое-что такое, о чем я, человек в общем-то скрытный, никогда при тебе не упоминал... А тебе-то сколько, Кассандра?

— Двадцать.

— Ух! М-да... Я примерно раза в четыре тебя старше.

— Не понимаю.

— Я тоже. Даже доктора. Я как бы остановился где-то между двадцатью и тридцатью, там и остаюсь. Полагаю, что это как бы, ну... часть моей персональной мутации, так вот примерно. Разве это что-нибудь значит?

— Не знаю... Да, значит.

— Тебе наплевать на мою хромоту, мою жуткую косматость, даже на мое лицо. Тогда почему тебя должен волновать мой возраст? Я молод для всего, что положено.

— Это как раз не одно и то же,— сказала она непримиримо и окончательно.— Что, если ты никогда не станешь старше?

Я куснул губу:

— Должен, рано или поздно.

— А если поздно? Я люблю тебя. Я не хочу, чтобы ты был без возраста.

— Ты проживешь до ста пятидесяти. Есть специальные средства Ж. С. Ты будешь их принимать.

— Но они не оставят меня молодой, вроде тебя.

— На самом деле я не молод. Я родился старым.

Это тоже не помогло. Она начала плакать.

— Но впереди еще столько лет,— сказал я ей.— Кто знает, что за это время может случиться?

После этих слов она еще пуще заплакала.

Я всегда живу по воле импульса. С головой у меня, в общем, все в порядке, но получается, что, как правило, я начинаю соображать только после того, как что-нибудь лягну, так что дальнейший разговор уже теряет смысл.

Вот одна из причин, почему я имею штат компетентных сотрудников, хорошую радиосвязь и пасусь себе на лужайке большую часть времени.

Однако есть вещи, которые никому не препоручишь. Поэтому я сказал:

— Послушай, тебя ведь тоже не обошло Горючее Вещество. Я только через сорок лет понял, что мне не сорок. Может, то же самое и с тобой. И я просто соседский малыш...

— Ты что-нибудь знаешь о других подобных случаях?

— Ну, если...

— Не знаешь.

— Не знаю.

Я помню, что тогда снова испытал желание оказаться на борту моего корабля. Не на большом, великолепном судне. А просто на моей старой посудине „Золотой Идол“, прямо там, в бухте. Я помню, что мне захотелось снова привести его в гавань и увидеть ее там в тот первый сверкающий миг, и чтобы можно было начать все сначала — и то ли рассказать ей сразу же обо всем, то ли пробиться назад, сквозь уходящее время, и держать язык за зубами по поводу своих лет.

Это была неплохая идея, но, черт возьми, медовый месяц уже закончился.

Я подождал, пока она перестанет плакать и я снова почувствую на себе ее взгляд. Затем я еще немного подождал.

— Ну как? — спросил я наконец

— Нормально, спасибо

Я нашел ее вялую руку и поднес к губам.

— Родос, перстами дарящий, — тихо выдохнул я, и она сказала:

— Может, это хорошо, что ты уезжаешь, — не совсем же ..

И бриз, срывающий пар с кофейных чашек, снова явился, влажный, покрывающий нас гусиной кожей и вызывающий дрожь то ли в ее, то ли в моей руке — точно не знаю. Он встряхивал и листья, и они роняли росу на наши головы.

— А ты не преувеличиваешь специально для меня свой возраст? — спросила она. — Хотя бы немножко?

Тон ее голоса предполагал, что самым разумным будет с нею согласиться.

Поэтому я сказал со всей убедительностью:

— Да.

В ответ она улыбнулась, в какой-то мере снова уверовав в мою человеческую природу.

Ха!

Так мы там и сидели, держась за руки и глядя на пробуждение дня. Вдруг она начала напевать. Это была грустная песня, рожденная много веков назад. Баллада. В ней рассказывалось о молодом борце по имени Фемокл, борце, который ни разу не терпел поражения. Так что, само собой, он решил, что он величайший борец на земле. В конце концов он бросил свой вызов с вершины горы, и, так как оттуда до жилища богов было недалеко, они быстро откликнулись: на следующий же день на спине огромной дикой собаки, покрытой железом, в город въехал мальчик-калека. Они боролись три дня и три ночи, Фемокл и мальчик, и на четвертый день мальчик переломил ему хребет и оставил его там, в поле. И где проливалась кровь его, там вырастал strigefleur, как называет его Эммет, цветок-вампир, который, не имея корня, стелется, крадется в ночи, ища утраченный дух павшего победителя в крови его жертв. Но дух Фемокла покинул землю, и цветам этим вечно красться и искать. Проще, чем у Эсхила, но и мы ведь проще, чем были когда-то, особенно обитатели Материка. Кроме того, на самом деле все было вовсе не так.

— Почему у тебя слезы? — вдруг спросила она меня.

— Я подумал об изображении на щите Ахиллеса, — сказал я, — и о том, как это ужасно — быть образованным существом. И это не слезы. Это на меня с листьев капает.

— Я сделаю еще кофе.

Пока она возилась, я вымыл чашки и сказал, чтобы она позаботилась об „Идоле“ и чтобы поставила его в сухой док, если я пришлю за ней. Она пообещала.

Солнце еще выше забралось в небо, и вскоре со двора старого Алдониса, гробовщика, стал доноситься стук молотка. Проснулись цикламены, и в дуновениях бриза долетал с полей их аромат. В небе высоко над головой, словно темное предзнаменование, скользила по направлению к матерiku летуче-паучья мышь. Я дернулся, чтобы подхватить ствол тридцать шестого калибра да бабахнуть, да посмотреть, как она упадет. Но все известное мне огнестрельное оружие было на борту „Идола“, так что я просто проследил, как она скрылась с глаз.

— Говорят, что на самом деле их родина не Земля,— сказала она, глядя вслед,— и что их завезли с Титана для зоопарков и прочих подобных мест.

— Верно.

— ...И что их упустили во время Трех Дней, и они одичали, и что они выросли и стали еще больше, чем были там, откуда родом.

— Однажды я видел одну с размахом крыльев в тридцать два фута.

— Брат моего деда как-то рассказывал мне одну историю, что он слышал в Афинах,— вспомнила она,— о человеке, который убил такую же летуче-паучью мышь безо всякого оружия. Она напала на него в доке, где он стоял, в Пирее, и понесла, и он голыми руками сломал ей шею. Они упали в залив с высоты примерно в сто футов. И человек остался жив.

— Это было давно,— вспомнил я,— еще до того как Контора начала кампанию по истреблению этих тварей. Тогда их было много больше и они были посмелее. Теперь они держатся подальше от городов.

— Насколько я помню эту историю, человека звали Константин. Может, это был ты?

— Его звали Карагиозис.

— А ты не Карагиозис?

— Если тебе этого хочется. Только почему?

— Потому что позднее он помог основать в Афинах Возвращенство Редпола. К тому же у тебя очень сильные руки.

— Ты возвращенка?

— Да. А ты?

— Я работаю на Контору. У меня нет политических взглядов.

— Карагиозис бомбил курорты.

— Бомбил.

— Тебе не жаль, что он их бомбил?

— Нет.

— Я действительно мало про тебя знаю.

— Ты про меня знаешь достаточно. Но можешь и спросить. У меня нет тайн, правда... Воздушное такси уже близко.

— Я ничего не слышу.

— Услышишь.

Через мгновение оно появилось в небе, скользя вниз к Косу и направляясь на радиомаяк, который я устано-

вил в углу патио. Я встал и помог ей подняться, а такси уже жужжало на низах — скиммер Рэдсона: двадцатифутовая скорлупка, вся — прозрачность и зеркальность; плоскодонная, тупоносая.

— Хочешь что-нибудь взять с собой? — спросила она.

— Ты знаешь, что, только не могу.

Скиммер сел и плавно открылся сбоку. Пилот в защитных очках повернул голову.

— У меня такое чувство, — сказала она, — что впереди у тебя какая-то опасность.

— Сомневаюсь.

Слава богу, что ни давление, ни осмос не возродят утраченное Адамом ребро.

— До свидания, мой калликанзарос.

И я сел в скиммер и прыгнул в небо, шепча про себя молитву Афродите. Внизу Кассандра махала мне рукой. За спиной солнце натягивало свою световую сеть. Мы неслись на запад, перелет тут гладкий, однако, увы, не на сей раз.

От Коса до Порт-о-Пренса было четыре часа, серая вода, бледные звезды и я, псих. Только и оставалось, что смотреть на цветные огни...

Холл был битком набит людьми, большая тропическая луна сияла так, будто вот-вот лопнет, и причина, почему я видел и то, и другое, заключалась в том, что мне в конце концов удалось завлечь Эллен Эммет на балкон, а магнитные двери были открыты.

— Снова из мертвых, — приветствовала она меня, сдержанно улыбаясь. — Год почти прошел, мог бы и посылать с Цейлона открытку, здоровья пожелать.

— Ты что, болела?

— Заболеешь тут.

Она была маленькой и, подобно всем, кто ненавидит день, белой под своим полугримом, как сметана. Она напоминала мне совершенную механическую куклу с неисправной начинкой — холодная грация и некая предрасположенность бить людей ногой в челюсть, когда они меньше всего этого ожидают; у нее было великое множество оранжево-коричневых волос, завязанных в гордиев узел по последней моде, что выводило меня из себя, когда я пытался его развязать, мысленно,

конечно; глаза ее были того цвета, что пришлось бы по вкусу очередному ее богу, на которого пал бы ее выбор именно в этот день,— да, забыл, где-то глубоко-глубоко на дне они всегда голубые. Все, что бы она ни носила, было коричнево-зеленым, достаточно было выйти в таком наряде пару раз, чтобы он превратил ее в чучело огородное, но на сей счет модельер явно вводил в заблуждение, если, конечно, таковой у нее когда-нибудь был; впрочем, она вполне могла быть снова беременной, хотя вряд ли.

— Что ж, желаю здоровья,— сказал я,— если ты в нем нуждаешься. Я не занимался Цейлоном. Большую часть времени я был на Средиземном.

Внутри раздались аплодисменты. Я был рад, что я снаружи. Исполнители как раз закончили „*Маску Деметры*“ Грейба, которую он написал пентаметром специально в честь нашего гостя с Беги; вещь была в два часа длинной и скверной. Фил был жутко образованный и почти лысый и вполне подходил для своей роли, но с того дня, как мы остановили на нем свой выбор, нам пришлось потрудиться на будущего лауреата. Ему поручили примериться к Рабиндранату Тагору и Крису Изервуду, заняться сочинением устрашающе длинной метафизической эпики, как можно больше разглагольствовать об эпохе Просвещения и ежедневно выполнять на берегу моря дыхательные упражнения. Во всем же остальном он был человеком вполне достойным.

Аплодисменты стихли, и я услышал стеклянное теньканье заигравшей телинстры и ожившие голоса.

Эллен прислонилась спиной к ограде.

— Слышала, что ты вроде как женился недавно.

— Верно,— признал я,— но вроде как поспешил. Почему они меня отозвали?

— Спроси у своего босса.

— Спрашивал. Он сказал, что меня назначают гидом. Однако я хотел бы выяснить — почему? Настоящую причину. Я думаю об этом, но вопросов не меньше, а больше.

— Откуда мне знать?

— Ты знаешь все.

— Ты меня переоцениваешь, дорогой. Как она из себя?

Я пожал плечами:

— Возможно, что русалка. А что?

Она пожала плечами:

— Обычное любопытство. А как ты говоришь обо мне людям? С кем сравниваешь?

— Когда я говорю о тебе, то не сравниваю.

— Обижаешь. Должна же я быть на кого-то похожа, если я только не уникам.

— Вот именно, ты уникам.

— Тогда почему ты не взял меня с собой прошлый год?

— Потому что ты существо социальное и тебе нужен город. Ты можешь быть счастлива только здесь, в Порту.

— Но я не счастлива здесь, в Порту.

— Здесь, в Порту, ты несчастлива меньше, чем в любом другом месте на этой планете.

— Мы могли бы попробовать,— сказала она и повернулась ко мне спиной, чтобы посмотреть с откоса на огни видимой отсюда части гавани.

— Знаешь,— сказала она, помолчав,— ты настолько уродлив, что это делает тебя привлекательным. Видимо, так.

Я остановился рядом, в паре дюймов от ее плеча.

— Знаешь,— продолжала она, голос ее звучал плоско, опустошенно,— ты ночной кошмар с походкой мужчины.

Я уронил руку, закатившись грудным смехом.

— Знаю,— сказал я.— Приятных снов.

Я повернулся, чтобы уйти, но она поймала меня за рукав:

— Погоди!

Я посмотрел вниз, на ее руку, затем вверх, на ее лицо, затем вниз, на ее руку. Она выпустила рукав.

— Знаешь, я никогда не говорю правду,— сказала она. Затем засмеялась своим коротким ломким смешком.—...И я подумала, что кое-что тебе следует знать об этой поездке. Здесь Дональд Дос Сантос, и я думаю, что он едет.

— Дос Сантос? Странно.

— Сейчас он наверху, в библиотеке, вместе с Джорджем и каким-то большим арабом.

Я посмотрел мимо нее вниз на гавань, где по тускло освещенным улицам двигались тени, похожие на мои мысли, темные и медленные.

— Большой араб? — сказал я спустя какое-то время. — Руки в шрамах? Желтые глаза? По имени Хасан?

— Да, верно. Ты с ним встречался?

— В прошлом он кое-что сделал для меня, — признал я.

Так я стоял и улыбался, хотя кровь во мне застыла, — улыбался, потому что я не люблю, чтобы люди знали, о чем я думаю.

— Улыбаешься, — сказала она. — Интересно, о чем ты думаешь?

В этом вся она.

— Я думаю, что ты относишься к вещам серьезнее, чем можно было бы предположить.

— Чушь. Я часто тебе говорила, что я ужасная лгунья. Да, буквально секунду назад — я лишь намекала на маленькую стычку в большой войне. И ты прав, что здесь я менее несчастлива, чем в любом другом месте на Земле. Может, ты поговоришь с Джорджем — возьми его на работу на Тайлер или Бакаб. Возьмешь, а?

— Ага, — сказал я. — Всенепременно. Клянусь. Именно так и сделаю. После того, как ты десять лет этим занималась... А что с его коллекцией жуков?

Она изобразила улыбку:

— Растет, прыжками и скачками. А также жужжит и ползает... и некоторые из этих ползучих — радиоактивны. Я ему говорю: „Джордж, завел бы себе женщину, вместо того чтобы тратить все свое время на этих жуков“. Но он только головой трясет, весь такой занятый. Потом я говорю: „Когда-нибудь один из этих уродцев возьмет и укусит тебя и сделает импотентом. Что тогда?“ А он объясняет, что такого не может быть, и читает мне лекцию о ядах насекомых. Может, он сам большой жук, замаскировавшийся. Думаю, он получает что-то вроде сексуального удовольствия, когда наблюдает, как они роятся в этих баночках. Не знаю, что еще...

Я повернулся и вслед за ней глянул в холл, поскольку выражение ее лица изменилось. Услышав ее смех, я обернулся к ней и сжал ее плечо:

— О'кей, теперь я знаю больше, чем раньше. Спасибо. Скоро увидимся.

— Мне подождать?

— Нет, спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Конрад.
И я ушел.

На то, чтобы пересечь пространство, может потребоваться и время и обходительность: особенно если там куча народу и если все тебя знают, и у всех в руках фужеры, а ты к тому же слегка прихрамываешь.

Куча и была, и все знали, и держали фужеры, и я хромал. Так что...

Позволив себе только самые скромные и неприметные мысли, я отмерил с краю, вдоль стены, как бы по периферии человечества, двадцать шагов, пока не достиг компании юных леди, которых этот старый холостяк всегда держал подле себя. Подбородка у него не было, как, в общем, и губ, волосы повылезли, и выражение, которое жило когда-то на этом лице, этой материи, обтягивающей его череп, давным-давно ушло во тьму его глаз, и оно было в этих глазах, остановившихся на мне, — улыбка готовности быть неизбежно оскорбленным.

— Фил, — сказал я, кивая, — не каждый напишет такую маску. Я слышал разговоры, что это умирающее искусство, но теперь мне виднее.

— Ты еще жив, — сказал он, и голос его был лет на семьдесят моложе, чем все остальное, — и снова опоздал, как обычно.

— Приношу свое искреннее раскаяние, — сказал я ему, — но меня задержали в доме одного старого друга на дне рождения леди, которой сегодня исполнилось семь. — (Что было правдой, хотя и не имеющей отношения к данной истории.)

— У тебя все друзья старые, не правда ли? — спросил он, и это был удар ниже пояса, потому что когда-то я знал его почти забытых ныне родителей и водил их к южной стороне Эрехтейона, чтобы показать им Портик Кариатид и объяснить, что сделал со всем остальным граф Элгин, в то время как на моих плечах сидели их яркоглазые отпрыски, и я рассказывал ему, Филу, мифы, которые были старыми уже тогда, когда возникли все эти храмы.

— ...И мне нужна твоя помощь, — добавил я, не обращая внимания на этот укол и осторожно прокладывая путь сквозь мягкий и язвительный кружок жен-

щин.— Эдак я всю ночь буду прорываться из холла к Сэндзу, который устраивает прием нашему веганцу,— извиняюсь, мисс,— а у меня нет на это ночи. Простите меня, мэм. Так что я хочу, чтобы ты вмешался ради меня.

— Это вы, Номикос! — вздохнула одна маленькая очаровашка, уставившись на мою щеку.— Я всегда хотела...

Я схватил ее руку, прижал к губам, отметив, что ее камень на перстне наливается розовым, сказал: — А ну как отрицательный кисмет, а? — и выпустил руку.

— Как ты насчет этого? — спросил я Грейба.— Отведи меня отсюда туда за минимум времени в своей типичной светской манере, под разговор, который никто не посмеет прервать, о'кей? Помчались.

Он бесцеремонно кивнул:

— Извиняюсь, дамы, я скоро вернусь.

Мы двинулись наискосок, пробираясь по людским аллеям. Высоко над головой медленно проплывали люстры и поворачивались, как граненые ледяные сателлиты. Телинстра, цивилизованный вариант Эоловой арфы, рассыпала вокруг осколки цветного стекла — мелодию песни. Люди жужжали и роились, точь-в-точь как насекомые Джорджа Эммета, и, стараясь избежать их толчеи, мы переставляли без паузы ногу за ногой и производили собственный шум. Несмотря на тесноту, мы ни на кого не наступили.

Ночь была теплой. Большинство мужчин были одеты в невесомую черную униформу, в которой, согласно протоколу, и гробит себя здесь Личный Состав. На ком ее не было, те к нему не относились.

Неудобные, несмотря на свою легкость, черные костюмы застегиваются по бокам снизу, впереди же, где гладко, слева над грудью находится знак различия — для Земли он четырехцветный: зеленый, голубой, серый и белый, трех дюймов в диаметре; ниже располагается эмблема твоего ведомства вместе с меткой ранга; на правой же стороне собраны благословенные крохи цыплячьего помета — символ, о котором можно только мечтать, так он утверждает тебя в чувстве собственной значимости,— его выдает контора с богатым воображением под названием Полировка, Ремонт Орденов, Символов, Медалей (коротко ПРО СИМ — первый ее Директор ценил свое место). Ворот костюма

имеет склонность после первых десяти минут превращаться в удавку; во всяком случае, мой.

Дамы носили, или не носили, все, что им нравилось, обычно яркое или в придачу с полупастельным (если только они не были из Личного Состава, в этом же случае они были аккуратненько упакованы в черные костюмы с терпимыми воротниками и короткими юбками); все это, в общем-то, помогает отличать хранителей Земли от хранимых.

— Я слышал, Дос Сантос здесь,— сказал я.

— Значит, здесь.

— А почему?

— По правде говоря, не знаю и знать не хочу.

— Тэк-с, тэк-с... Что стряслось с твоим замечательным чутьем политика? Отдел Литературной Критики обычно награждал тебя за него.

— В мои годы запах смерти с каждой новой встречей становится все тревожней.

— Разве Дос Сантос пахнет?

— Скорее — смердит.

— Я слышал, что он нанял нашего бывшего партнера — по тому давнему Мадагаскарскому делу.

Фил вскинул голову и стрельнул в меня вопрошающим взглядом.

— Быстро до тебя доходят новости. Впрочем, ты друг Эллен. Да, Хасан здесь. Он наверху с Доном.

— Кого же это он на сей раз собирается избавить от груза кармы?

— Я уже сказал, что не знаю и знать ничего не желаю.

— А может, рискнешь прикинуть?

— Навряд ли.

Мы вошли в кое-как засаженную деревьями секцию зала, и я задержался, чтобы прихватить спиртного с глубокого подноса — больше не было мочи смотреть, как он плывет над головой; кончилось тем, что я надавил на желудь, свисавший на собственном хвостике. При сем поднос послушно опустился, весь как сама улыбка, и явил мне сокровища своего морозного нутра.

— О радости! Купить тебе выпить, Фил?

— Я думал, ты елещишь.

— Слешу, но мне нужно осмыслить ситуацию.

— Что ж, прекрасно. Я возьму полукоку.

Я покосился на него и передал ему сей напиток. Затем, когда он отвернулся, я проследил за его взглядом туда, где стояли легкие удобные кресла, занимавшие нишу, образованную двумя сторонами северо-восточного угла комнаты и корпусом телинстры с третьей стороны. На телинстре играла пожилая леди с мечтательными глазами. Земной Директор Лоурел Сэндз пыхтел своей трубкой...

Да, эта трубка — одна из самых интересных достопримечательностей личности Лоурела. Это подлинный Меершаум, а в мире их осталось не так уж много. Что же до остального, то директор функционирует скорее как антикомпьютер: ты потчешь его самыми разными фактами, собранными по крупице, цифрами, статистикой, а он превращает все это в помойку. Глубокий взгляд и манера говорить медленно и громко, не сводя с тебя темных глаз; жестикуляцию себе не позволяет, а если да, то — очень взвешенную, тогда он широкой правой лапой пилит воздух или же тыкает воображаемых дам своей трубкой; виски седые, но над ними волос еще темен, скулы высокие, цветом лица он как раз для своих твидов (черных костюмов он старательно избегает), притом, он постоянно пытается выдвинуть свою челюсть хотя бы на дюйм подальше и повыше, чем это представляется возможным. Он здесь политический представитель Земного Правительства на Тайлере и к своей работе относится вполне серьезно, доходя в служебном рвении даже до того, что периодически предпринимает атаки на моральные язвы общества. На Земле он не самый умный человек. Он мой босс. Он также один из близких моих друзей.

Возле него сидел Корт Миштиго. Я чуть ли не кожей осязал, как Фил его ненавидит — начиная от бледно-голубых подошв его шестипалых ступней и кончая полоской розовой краски — знаком принадлежности к высшей расе, тянувшейся по его волосам от виска к виску. Ненавидит не столько потому, что он это он, а потому, как я был уверен, что он ближайший наличествующий родственник — внук — Татрама Иштиго, который еще сорок лет тому назад наглядно продемонстрировал, что величайший из нынешних англоязычных писателей — веганец. Сей пожилой господин на том и стоит до сих пор, и я не уверен, что Фил когда-нибудь простит его за это.

Краем глаза (того, что голубой) я видел, как по большой нарядной лестнице на другом конце зала поднимается Эллен. Краем другого глаза я видел, что Лоурел смотрит в мою сторону.

— Меня засекли,— сказал я,— надо пойти выразить свое уважение этому Уильяму Сибруку с Тайлера. Пойдешь со мной?

— М-мм... Прекрасно,— сказал Фил.— Страдание полезно для души.

Мы двинулись к нише и остановились перед двумя стульями, между музыкой и шумом, там, где вся власть и пребывала. Лоурел медленно встал и пожал руки. Миштиго встал еще медленней и руки не пожал; пока мы представлялись, он пялился на нас янтарными глазами и лицо его ничего не выражало. Его свободно болтающаяся оранжевая рубашка трепетала каждый раз, когда он подкачивал легкие, которые делали лишь непрерывный выдох из наружных ноздрей у начала его широкой грудной клетки. Он коротко кивнул, повторив мое имя. Затем с чем-то вроде улыбки повернулся к Филу.

— Вы не будете возражать против того, чтобы я перевел вашу маску на английский? — спросил он, и голос его прозвучал, как замирающий камертон.

Фил развернулся на каблуках и зашагал прочь.

Мне показалось, что веганцу на секунду стало плохо, но затем я вспомнил, что это веганский смех,— он что-то вроде козлиного блеянья. Я стараюсь держаться подальше от веганцев, избегая их курорты.

— Присаживайся,— сказал Лоурел — он хоть и прятался за свою трубку, но выглядел не очень-то ловко.

Я приволок кресло и поставил его наискосок от них.

— О'кей.

— Корт собирается написать книгу,— сказал Лоурел.

— Ты уже говорил.

— О Земле.

Я кивнул.

— Он выразил желание, чтобы ты был его гидом в поездке по ряду Старых Мест...

— Почтѹ за честь,— довольно холодно сказал я.— Также любопытно узнать, почему его выбор пал на меня?

— Еще более любопытно, откуда он может знать про вас, так? — спросил веганец.

— Пожалуй,— согласился я,— процентов эдак на двести.

— Я запросил машину.

— Славно. Теперь понял.

Я откинулся на спинку кресла и допил что у меня было.

— Я начал с проверки Реестра Жизнеобъектов на Земле, еще когда только задумал этот проект,— просто ради исходных данных о человечестве,— затем, раскопав интересную тему, сунулся в Фонд Земных Сотрудников...

— М-да...— сказал я.

— И на меня произвело впечатление скорее то, что они не сказали о вас, чем то, что сказали.

Я пожал плечами.

— В вашей карьере много пробелов. Даже теперь никто толком не знает, чем вы занимаетесь большую часть времени... Между прочим, когда вы родились?

— Не знаю. Это было в крошечной греческой деревушке, а в те времена обходились без календарей. Хотя мне говорили, что в Рождество.

— Согласно вашей личной карточке, вам семьдесят семь лет. Согласно Жизнеобъектам, вам то ли сто одиннадцать, то ли сто тридцать.

— Я привирал насчет возраста, чтобы получить работу. Тогда была Депрессия.

— Так что я сделал профиль Номикоса, который в общем-то весьма своеобразен, и запустил Жизнеобъекты выуживать физические аналоги с допуском до одной тысячной — во всех их банках данных, включая закрытые.

— Что ж, одни коллекционируют старые монеты, другие строят модели ракет.

— Я обнаружил, что вы — это, возможно, три или четыре других человека, все греки, а один из них и вправду личность поразительная. Но вы, конечно,— Константин Коронес, старший из них, родились двести тридцать четыре года тому назад. В Рождество. Голубой глаз, карий глаз. Правая нога искалечена. Та же линия волос, что и в двадцать три года. Тот же рост, те же градации по Бертильону.

— И те же отпечатки пальцев? И те же образцы глазной сетчатки?

— Это не включалось в большую часть старых регистрационных картотек. Может, в те дни работали небрежней? Не знаю. Бездумней, может,— те, кто имел допуск к записям общественной важности.

— Вы отдаете себе отчет, что **сейчас** на этой планете живет около четырех миллионов человек. А если еще покопаться в прошлом, три-четыре века назад, то смею сказать, что даже на меньшую публику вы найдете и двойняшек и тройняшек. Так что с того?

— Это придает вам некий ореол загадочности, вот и все, как и этому месту,— и вы такая же любопытная руина, как и само это место. Вполне вероятно, что я никогда не доживу до вашего возраста, сколько бы вам ни было, и мне бы хотелось выяснить, какого же рода восприимчивость могло развить человеческое существо, которому дадено столько времени,— особенно если учесть ваше положение, ведь вы дока в истории и искусстве этого мира. Поэтому я и попросил вас об услугах,— заключил он.

— А **коль** скоро вы уже встретились со мной, руиной и прочее, можно мне домой?

— Конрад! — атаковала меня трубка.

— Нельзя, мистер Номикос. Есть ведь и практические **соображения**. **Здесь** мир груб и жесток, а у вас высокая потенция выживания. Я хочу, чтобы вы были рядом, потому что я хочу выжить.

Я снова пожал плечами:

— Ладно, решено. Что еще?

Он **заблеял**:

— Полагаю, что я вам не нравлюсь.

— Кто вам это **внушил**? Только потому, что вы оскорбили моего друга, задавали мне нелепые вопросы, по **собственной прихоти** **втянули** меня в свои дела...

— И что эксплуатировал **ваших** сограждан, превратил ваш мир в публичный дом, показал вопиющую провинциальность человеческой расы в сравнении с галактической культурой, которая старше на целые эры...

— Я не **говорю** о **расах** — **моей** и **вашей**. Я **говорю** о **личном**. И **повторяю**, что вы **оскорбили** моего друга, задавали мне **нелепые вопросы**, по **собственной прихоти** **втянули** меня в свои дела.

— Да мне,— по-козлиному фыркнул он,— начхать на эту троицу! Чтобы этот тип пиитствовал для человеческой расы? Да это оскорбление теней Данте и Гомера!

— На сей момент никого лучше у нас нет.

— Ну так обошлись бы и вовсе без него.

— Это не повод поступать с ним так, как вы себе позволили.

— Думаю, что повод, иначе бы я себе этого не позволил... Второе, я задавал те вопросы, которые у меня задавались, и вы вольны были отвечать или не отвечать, как вам заблагорассудится. Так вы и поступили... Наконец никто ни во что вас не втягивал. Вы гражданский служащий. Вы получили задание. Спорьте со своей Конторой, а не со мной... И, в порядке послесловия,— я сомневаюсь, что у вас на руках достаточно оснований, чтобы с такой легкостью использовать слово „прихоть“.— Так он закончил.

— Отлично! Раз так, то считайте свою невоспитанность прямоотой, или даже продуктом другой культуры, оправдывайте свою наглость софизмами и после словьте обо всем, чего только душа пожелает. Можете выложить все свои заблуждения на мой счет, но тогда и я скажу, что я о вас думаю. Вы корчите из себя Представителя Короля в Колонии Его Короны,— выдал я, нажимая на заглавные буквы,— и мне это не нравится. Я прочел все ваши книги. Я также прочел кое-что у вашего деда — скажем, „Плач Земной проститутки“,— таким, как он, вы никогда не будете. У него есть то, что называется сострадание. У вас этого нет. Что бы вы ни испытывали по отношению к старому Филу, это лишь вдвойне работает против вас — в МОЕЙ книге.

Тот пассаж о дедушке, должно быть, задел его за живое, поскольку его передернуло, когда мой голубой глаз вонзился в него.

— Так что поцелуйте мой локоть,— сказал я что-то в этом роде по-вегански.

Сэндз не так хорошо говорил по-вегански, чтобы уловить эту фразу, но он тут же примирительно зашумел, оглянувшись, дабы удостовериться, что нас не подслушивают.

— Конрад, пожалуйста, разыми свое профессиональное отношение к делу и водрузи его на место... Шрин Штиго, почему бы нам не заняться разработкой плана?

Миштиго улыбнулся своей зелено-голубой улыбкой.

— И свести наши противоречия до минимума? — спросил он. — Согласен.

— Тогда давайте перейдем в библиотеку, — там спокойнее и есть экран с картой.

— Прекрасно.

Я почувствовал себя немного уверенней, когда мы встали, поскольку **наверху** был Дон Дос Сантос, а он ненавидит веганцев, а где бы ни был Дос Сантос, там всегда Диана, девушка в красном парике, а она ненавидит всех; и я знал также, что **наверху** Джордж Эммет и Эллен, а Джорджу **незнакомы** до лампочки (как, впрочем, и друзья); может, позднее забредет и Фил и пойдет в атаку на **Форт Самтер**; к тому же там был Хасан — а он не из разговорчивых, он просто сидит и покуривает свою марихуану, непроницаемый, как вещь в себе, и если постоять с ним рядом и сделать пару глубоких затяжек, то станет абсолютно все равно, какую там чертовщину ты нес веганцам или кому еще.

Я еще надеялся, что у Хасана отшибло память или что последняя витает где-нибудь в облаках. Но надежда эта умерла, едва мы вошли в библиотеку. Он сидел очень прямо и потягивал лимонад. То ли восьмидесяти, то ли девяноста лет от роду, выглядел он на сорок, однако, когда он был в деле, ему можно было дать и тридцать. Пилюли Животворный Самсер нашли в его лице исключительно благодарный материал. Такое бывает не часто. А если уж точно, то — почти никогда. Одних они без всякой видимой причины подвергают в ускоренный анафилактический шок, и даже атомная доза адреналина в сердечную мышцу не вернет их обратно; других, и таких большинство, они затормаживают на пять-шесть десятилетий. Но есть редкие особи, которые, приняв несколько серий пилюль, молодеют, — такие попадают раз на сто тысяч.

Как странно, подумал я, что в большом тире судьбы этому малому суждено было выбрать столько очков.

Прошло уже больше пятидесяти лет с того Мадагаскарского дела, к которому Редпол привлек Хасана, чтобы кровной мстью отомстить тайлеритам. Он был на содержании у большого К. в Афинах (да почит тот в мире и спокойствии) — К. и послал его покончить

с Компанией Недвижимости Земного Правительства. Он и это сделал. И хорошо. С помощью одного крошечного ядерного устройства. Сила! Вот как надо обновлять города. Прозванный Кучкой Хасан-Убийца, он последний профессиональный наемник на Земле.

Кроме того, не считая Фила (который далеко не всегда был обладателем шпаги без клинка и эфеса), Хасан был одним из представителей Малой Кучки, где еще помнили старый Карагиоз.

Итак, выдвинув вперед челюсть и выставив напоказ свой грибок, я попытался запудрить ему мозги своим обликом. Однако или там действовали какие-то древние и таинственные силы, в чем я лично сомневаюсь, или он оказался покруче, чем я предполагал, что вполне возможно, или он забыл мое лицо, что хотя и вполне возможно, но скорее — сомнительно, или же он просто демонстрировал профессиональный этикет, если не низкое животное коварство, — и профессионализм и животное были одинаково присущи ему, хотя акцент все-таки смещался в сторону животного, — но только он и бровью не повел, когда нас представили друг другу.

— Хасан, мой телохранитель, — сказал Дос Сантос, ослепляя своей улыбкой, словно вспышкой магния, когда я тряс руку, которая однажды, так сказать, потрясла весь мир.

Это была еще очень сильная рука.

— Конрад Номикос, — сказал Хасан, прищуриваясь, как будто вычитывая это имя из свитка.

Всех остальных в этом помещении я знал, поэтому я поспешил занять кресло подальше от Хасана. На всякий случай я держал фужер со второй порцией алкоголя поближе к лицу.

Диана, обладательница Красного Парика, стояла неподалеку.

— Доброе утро, мистер Номикос, — сказала она.

Я качнул фужером в знак приветствия:

— Добрый вечер, Диана.

Высокая, гибкая, почти вся в белом, она торчала возле Дос Сантоса, как свечка. Я знал, что на ней парик, поскольку мне доводилось видеть, как он случайно соскальзывал, приоткрывая любопытный и некрасивый шрам, который она обычно прятала, низко надвигая парик. Бывало, вставая на якорь и созерцая созвездия, тут и там выглядывавшие из-за облаков, или

откапывая поврежденные статуи, я себя спрашивал, что это за шрам. Думаю, что ее пурпурные губы татуированы,— и я никогда не видел на них улыбку; на скулах играют желваки, потому что зубы ее всегда сжаты; и из-за всей этой суровости брови ее делаются домиком; маленький подбородок высоко поднят — признак ли это непокорности? Когда она говорит в своей напряженной, отрывистой манере, то едва шевелит губами. Мне было трудно сообразить, сколько ей лет. В общем, больше тридцати.

Они с Доном представляют собой интересную пару. Он смуглый, словоохотливый, постоянно курит и более двух минут не может оставаться на месте. Она выше его почти на пять дюймов, загорается без спички. Всей ее истории я так и не знаю. Чувствую, что и не узнаю никогда.

Пока Лоурел представлял Корта Дос Сантосу, она подошла и встала возле моего кресла.

— Ты...— сказала она.

— Я...— сказал я.

— Возглавишь эту поездку.

— Все знают о ней, кроме меня,— сказал я.— Хоть бы поделилась со мной толикой знаний на сей предмет.

— Каких знаний, на какой предмет? — сказала она.

— Ты изъясняешься вроде Филадельфии,— сказал я.

— И не собиралась.

— Но так получается. Так в чем дело?

— В чем что?

— Ты. Дон. Здесь. Вечером. С чего бы все это?

Она коснулась кончиком языка верхней губы, затем прижала его сильнее, словно пыталась выдавить из него виноградный сок или попридержать слова. Затем она глянула в сторону Дона, но он был слишком далеко, чтобы услышать, к тому же не смотрел на нас. Он был занят тем, что наливал Миштиго настоящей Коки из кувшина, что был в услужливом глубоком подносе. Рецепт Коки был, согласно веганцам, археологической находкой века, его утратили во время Трех Дней и восстановили лишь лет десять назад или около того. Повсюду было множество самых разных полукокок, но ни одна из них не оказывала такого воздействия на веганский обмен веществ, как подлинная Кока. „Второй вклад Земли в галактическую культуру“, — как назвал это событие один из их современных историков. Первым

вкладом, конечно, считается великолепная социальная проблема, из тех новоявленных, которых усталые веганские философы ждали много поколений.

Диана снова обернулась ко мне.

— Пока не знаю,— сказала она.— Спроси Дона.

— Спрошу.

Я, конечно, спросил. Однако позднее. И не был разочарован, поскольку ничего особенного и не ожидал.

Но когда я, сидя в кресле, изо всех сил старался что-нибудь подслушать, передо мной внезапно возник некий визуальный образ — один психолог некогда в разговоре со мной определил его как псевдотелепатическое исполнение желаний. Вот как это бывает.

Я хочу узнать о том, что происходит где-то. У меня, в общем, достаточно информации, чтобы догадаться. Следовательно, я догадываюсь. Только это происходит так, будто я вижу и слышу глазами и ушами одного из участников действия. Хотя не думаю, что это настоящая телепатия, поскольку иногда она бывает и ложной. При том, что кажется абсолютно реальной.

Этот психолог мог объяснить мне все, кроме самой причины подобного явления.

Согласно которому
я стоял посреди комнаты,
глядел на Миштиго,
был Дос Сантосом
и говорил:

— ...буду рядом для вашей защиты. Не как Секретарь Редпола, а просто как частный гражданин.

— Я не искал вашей защиты,— говорил веганец,— тем не менее благодарю. Я приму ваше предложение, чтобы избежать смерти от рук ваших друзей.— Сказав это, он улыбнулся.— Если она им понадобится во время моих поездок. Я сомневаюсь, что понадобится, но было бы глупо отказываться от щита Дос Сантоса.

— Мудрая мысль,— сказали мы, слегка склонив голову.

— Вполне,— сказал Корт.— А теперь скажите мне,— кивнул он в сторону Эллен, которая только что перестала спорить о чем-то с Джорджем и уходила от него решительными шагами,— кто это?

— Эллен Эммет, жена Джорджа Эммета, Директора Отдела Охраны Природы.

— Сколько она стоит?

— Не помню, чтобы в последнее время она называла цену.

— Ну а раньше-то какая была цена?

— И раньше не было.

— Все на Земле имеет цену.

— В таком случае, полагаю, вам следует самому выяснить.

— Обязательно, — сказал он.

Земные женщины всегда испытывали странную тягу к веганцам. Однажды какой-то вегашка сказал мне, что с ними он себя чувствует зоофилом, то бишь любителем животных. Что само по себе интересно, поскольку одна славная девица на курорте Кот Дор, хихикая, рассказывала мне, что с веганцами она себя чувствует *une zoophilist*. Видимо, те воздушные сопла то ли щеко-чут, то ли еще что, и в обоих будят животного.

— Кстати, — сказали мы, — вы еще не перестали бить свою жену?

— Которую? — спросил Миштиго.

Изображение потухло, и я снова оказался в своем кресле.

— ...И что, — спрашивал Джордж Эммет, — ты об этом думаешь?

Я устался на него. Еще секунду назад его здесь не было. Возникнув внезапно, он уселся на широкий подлокотник моего кресла.

— Повтори, пожалуйста. Я дремал.

— Ты спишь, а мы победили летуче-паучью мышь. Что ты об этом думаешь?

— Что она рифмуется, — заметил я. — Так расскажи, как это мы победили летуче-паучью мышь?

Но он уже смеялся. Он из тех субъектов, у кого смех — вещь непредсказуемая. Он может целыми днями слоняться вокруг с кислой миной, а затем заржать по пустяковому поводу. Когда он смеется, то вроде как задыхается, словно ребенок, и этому впечатлению явно способствуют жиденькие его волосики и его розоватая дряблость. Поэтому я ждал, пока он успокоится. К этому моменту Эллен уже вылила на Лоурела все свои оскорбления, а Диана повернулась к книжным полкам, чтобы почитать названия книг.

Наконец, переведя дух, он доверительно бормотнул:

— Я вывел новую породу *слишей*.

— Вот это да! Потрясающе!

После чего я осторожно спросил:

— А что это такое — *слиши*?

— *Слиш* — это Бакабианский паразит, — объяснил он, — вроде большого клеща. Мои — длиной около трех восьмых дюйма, — сказал он гордо, — они внедряются глубоко в плоть и производят сильно ядовитые продукты отхода.

— Смертоносные?

— Мои — да.

— Не одолжишь ли мне одного? — спросил я его.

— Зачем?

— Я хочу сунуть его кому-нибудь за шиворот. А если подумать, то хорошо бы сразу пару дюжин. У меня слишком много друзей.

— Мои людей не трогают, только летуче-паучьих мышей. Людей они отличают. Скорее, это люди могут отравить моих *слишей*. — (Он произнес „моих *слишей*“ как настоящий собственник.) — Их хозяин должен иметь в основе метаболизма не железо, а медь, — пояснил он, — а летуче-паучьи мыши подпадают под эту категорию. Вот почему я хочу отправиться с тобой в это путешествие.

— Ты хочешь, чтобы я нашел летуче-паучью мышь и подержал бы ее, пока ты будешь грузить на нее своих *слишей*? Это ты хочешь сказать?

— Ну, я действительно хотел бы занять парочку летуче-паучьих — всех своих я уже израсходовал прошлый месяц... но теперь я уже твердо уверен, что *слиши* сработают. Я хочу пойти дальше и вызвать чуму.

— Какую чуму?

— Мышиную... *Слиши* размножаются в земных условиях довольно быстро, если им дать подходящего носителя, а если мы их запустим в нужное время года, они будут исключительно инфекционными. Я имею в виду ближайший брачный период юго-западной летуче-паучьей мыши. Он начнется через шесть-восемь недель на территории Калифорнии, в Старом Месте — хотя больше и не Главному — под названием Капистрано. Я понимаю, что путешествие не позволит тебе быть там в это время. Когда же летуче-паучьи мыши возвратятся в Капистрано, я хочу дожидаться их там с моими *слишами*. Я готов и отпуск потратить на это.

— Хм, хм... Ты советовался с Лоурелом?

— Конечно, и он считает, что это прекрасная идея. Он даже хочет встретиться там с нами и сделать снимки. Не так уж много возможностей их увидеть — как они все небо закрывают своими крыльями, как гнездятся в руинах, как едят диких свиней, роняя на улицы свой зеленый помет,— знаешь, это довольно красивое зрелище.

— У-у-у, что-то вроде Хэллоуина. А что будет со всеми теми дикими свиньями, если мы уничтожим летуче-паучьих мышей?

— О, их станет гораздо больше. Но я полагаю, что пумы не дадут им развестись, как австралийским кроликам. Во всяком случае, лучше уж иметь свиней, чем летуче-паучьих мышей. Согласен?

— Я не очень-то люблю ни тех, ни других, но если уж выбирать, то я бы все же предпочел свиней. Так что полный порядок, можешь ехать с нами.

— Благодарю,— сказал он,— я был уверен, что ты поможешь.

— Не стоит благодарности.

Тут Лоурел вежливо прокашлялся, как бы извиняясь перед нами. Он стоял посредине, возле большого стола, перед которым медленно опускался широкий экран. Экран был голографический, так что никому не надо было искать местечка поудобней. Лоурел нажал на кнопку в столе сбоку, и свет в библиотеке пошел на убыль.

— Хм, я хочу показать несколько карт,— сказал он,— если только найду этот самый синхронизатор... А, да. Вот он.

На экране в пастельных тонах появилась верхняя часть Африки и почти все средиземноморские страны.

— С этой начнем? — спросил он Миштиго.

— Почему бы и не с этой,— сказал большой веганец, прерывая приглушенный разговор с Эллен, которую он уволок в уголок французской истории под бюст Вольтера.

Света стало еще меньше, и Миштиго двинулся к столу. Он глянул на карту, а затем на всех вместе и никого в отдельности.

— Я хочу посетить некоторые ключевые точки, которые по тем или иным причинам имеют важное значение в истории вашего мира,— сказал он.— Я бы хотел начать с Египта, Греции и Рима. Затем я хотел бы

двинуть быстренько через Мадрид, Париж и Лондон.— По мере того как он говорил, карты сменяли друг друга — не спеша, но и не отставая от него.— Затем я хочу повернуть на Берлин, попасть в Брюссель, посетить Санкт-Петербург и Москву, прыгнуть назад через Атлантику и сделать остановки в Бостоне, Нью-Йорке, штат Колумбия и Чикаго (названия эти уже вогнали Лоурела в пот), затем наведаться на Юкатан и махнуть на территорию Калифорнии.

— Именно в такой вот очередности? — спросил я.

— Почти.

— А чем, в таком случае, провинилась Индия, Средний Восток или Дальний? — узнал я голос Фила. Он вошел уже после того, как библиотека почти погрузилась во тьму.

— Ничем. Если не считать грязь, песок и жару, и что там нет ничего того, что мне нужно.

— А что вам нужно?

— Хоть какая-нибудь история.

— Какая именно?

— Одну я вам пришлю, со своим автографом.

— Благодарю.

— К вашим услугам.

— Как вы хотите отправиться? — спросил я его.

— Послезавтра,— сказал он.

— О'кей.

— Специально для вас я приготовил подробные карты со спецификацией мест. Лоурел говорит, что они были сегодня во второй половине дня доставлены в вашу контору.

— Еще раз о'кей. Но есть вещи, о которых вы, возможно, далеко не полностью информированы. Это касается того обстоятельства, что все места, которые вы пока упомянули,— материковые. В настоящем мы, по-преимуществу, островная культура, и на это есть весомые причины. Во время Трех Дней материк здорово пропитался, и большая часть названных вами мест до сих пор относится к довольно-таки горючим. Однако это не единственная причина, по которой их считают небезопасными...

— Я не профан в вашей истории,— прервал он меня,— и отдаю себе отчет в необходимости радиационной защиты. Равно как информирован и о наличии в Старых Местах разнообразных живых организмов-

мутантов. Да, это вызывает у меня озабоченность, но никак не тревогу.

Я пожал плечами в искусственном полумраке.

— Для меня лично все о'кей.

— Хорошо.— Он сделал еще глоток Коки.— Тогда добавьте немного света, Лоурел.

— Слушаюсь, Шрин.

Снова стало светло.

Когда экран за его спиной ушел вверх, Миштиго спросил меня:

— Это правда, что вы знакомы с некоторыми tambo и туземцами тут же, в Порту?

— Почему бы нет,— сказал я.— А что?

Он приблизился к моему креслу.

— Насколько я понимаю,— живо сказал он,— эти вуду, или водун, почти не изменились с древних времен.

— Возможно,— сказал я.— Меня тут не было, когда они появились, так что не могу судить наверняка.

— Насколько я понимаю, этим местным не очень-то нравится присутствие чужаков...

— И это верно. Но если поискать подходящий поселок и заявиться туда с подарками, то для вас устроят целое представление.

— Однако я бы предпочел быть свидетелем подлинных ритуалов. Если бы меня сводил туда кто-нибудь, кого жители не считают чужаком, то я бы получил первоисточник.

— Зачем вам это? Нездоровое любопытство к языческим обрядам?

— Нет. Я занимаюсь сравнительным изучением религий.

Я внимательно посмотрел ему в лицо, но ничего там не вычитал.

Не так давно я навещал Маму Джули и Папу Джо и прочих, и сам поселок был недалеко, но я не знал, как они отнесутся к тому, что я приведу с собой веганца. Если я приводил людей, они, естественно, никогда не возражали.

— В общем...— начал я.

— Мне хотя бы глянуть одним глазком,— сказал он.— Я буду держаться в тени. Они даже не узнают, что я там.

Я еще что-то промямлил и в конце концов сдался. Я неплохо знал Маму Джули и не усмотрел никакой реальной опасности для нас.

Поэтому я сказал:

— О'кей. Я вас отведу в одно такое местечко. Вечером, если не возражаете.

Он кивнул, поблагодарил меня и пошел за очередной Кокой. Джордж, так и не слезавший с подлокотника моего кресла, близко наклонился ко мне и заметил, что было бы очень интересно препарировать веганца. Я с ним согласился.

Миштиго вернулся с Дос Сантосом.

— Это правда, что вы берете мистера Миштиго на языческую церемонию? — спросил тот. Его ноздри раздувались от возмущения.

— Правда, — сказал я. — Беру.

— Без личного телохранителя нельзя.

Я повернул руки ладонями вверх.

— Я и сам обойдусь, что бы там ни было.

— Я и Хасан будем вас сопровождать.

Я уже готов был возразить, когда Эллен вклинилась между ними.

— Я тоже хочу с вами, — сказала она. — Я никогда там не была.

Я пожал плечами. Если идет Дос Сантос, то пойдет и Диана, что делает нашу компанию довольно многочисленной.

Одним больше, одним меньше — какая разница. Все рухнуло, еще и не начавшись. Так что я сказал:

— Почему бы нет?

Поселок этот располагался в пределах гавани, возможно, потому, что он возник в честь Агве Войо, бога моря. Однако скорей всего потому, что люди Мамы Джули всегда были людьми гавани. Бог Агве Войо — не из ревнивых, так что на стенах в ярких красках запечатлено великое множество других языческих божеств. Дальше по острову есть поселения и поустроенней, но они носят более коммерческий характер.

Большая великолепная лодка Агве, выкрашенная в голубой, оранжевый, зеленый, желтый и черный цвета, казалась для моря непригодной. Малиновый Дамбалла Ведо кольцами извивался во всю длину противоположной стены. Папа Джо ритмично постукивал в несколько больших там-тамов — он был в глубине помещения,

правее единственной двери, в которую мы вошли. Разнообразные христианские святые с непостижимым выражением взирали на пеструю геральдику, могильные кресты, флаги, мачете и дорожные знаки, что покрывали каждый дюйм стен; застыв в послеураганном сюрреализме благодаря ослепительным краскам с планеты Титан — один Бог знает, одобряли они это, или нет — святые смотрели сверху вниз из дешевых своих рамок, будто те были окнами в некий враждебный мир.

Маленький алтарь был завален пузырьками из-под алкогольных напитков, бутылками из тыквы, священными сосудами для духов Лоа, амулетами, курительными трубками, флажками, фотоснимками неизвестных подводных существ; среди прочего лежала и пачка сигарет для Папы Легбы.

Когда нас привел сюда юный туземец по имени Луис, служба была уже в разгаре. Помещение было метров восемь в длину и пять в ширину, с высоким потолком и грязным полом. Вокруг столба в центре медленно и важно двигались танцоры. Их темная плоть мерцала в тусклом свете древних керосиновых ламп. С нашим приходом в помещении стало тесно.

Мама Джули взяла мою руку и улыбнулась. Она отвела меня к алтарю и сказала:

— Эрзули была добра.

Я кивнул.

— Ты ей нравишься, Номико. Ты долго живешь, много путешествуешь и возвращаешься.

— Всегда, — сказал я.

— А те вон люди? — темные ее глаза блеснули в сторону моих спутников.

— Друзья. Они не будут докукой.

Она засмеялась, когда я это сказал. Я тоже.

— Я их спрячу подальше, если ты позволишь нам остаться. Мы постоим в тени по углам комнаты. Если хочешь, чтобы я их увел, я уведу. Вижу, вы уже много танцевали, много бутылок опустошили...

— Оставайтесь, — сказала она. — Как-нибудь приходи днем поболтать.

— Приду.

Затем она отошла, и для нее освободили место в круге танцующих. Она была довольно крупной, однако голос у нее был тоненький. Она двигалась как огромная резиновая кукла, но не без грации, делая шажки

под монотонный гром там-тамов Папы Джо. Через какое-то время эти звуки заполнили собою все вокруг — мою голову, землю, воздух,— возможно, такими казались удары сердца кита наполовину переваренному Ионе. Я следил за танцорами. И я следил за теми, кто следил за танцорами.

Я выпил пинту рома в надежде догнать остальных, но не догнал. Миштиго продолжал потягивать Коку из бутылки, которую он прихватил с собой. Никто не заметил, что он голубой, но мы пришли довольно поздно, и все шло своим чередом, так, как и положено.

Красный Парик стояла в углу, и вид у нее был презрительный и испуганный. Она прижимала к себе бутылку, но и всего-то. Миштиго прижимал к себе Елену, но и всего-то. Дос Сантос стоял возле двери и следил за всеми — даже за мной. Хасан, присевший у стены, справа от двери, курил маленькую трубку с длинным чубуком. Вид у него был мирный и спокойный.

Мама Джули, насколько я понял, начала петь. Остальные голоса подхватили песню:

Рара Legba, ouvri bayé!
Рара Legba, attibon Legba,
ouvri bayé pou pou passé!
Рара Legba...

Так все шло, и шло, и шло. Меня охватила дремота. Я пил ром, и жажда усиливалась, и я пил ром.

Не знаю, сколько уже мы там околачивались, когда это случилось. Танцоры целовали ритуальный столб и пели, и гремели погремушками из тыквы, и разливали вокруг воду, и парочка туземцев вела себя как ненормальная и болтала что-то бессвязное, и жертвенное блюдо на полу превратилось в кашу, и воздух был полон дыма, и я стоял, привалившись к стене, и, полагаю, с минуту или две глаза мои были закрыты.

Звук этот раздался оттуда, откуда я его не ждал.

Это вопил Хасан.

Долгий его то ли вопль, то ли стон вернул меня в реальность, ошелолил, лишил равновесия, так что я тяжело ударился о стену.

Там-тамы продолжали стучать все так же ровно, без сбоев. Однако некоторые из танцоров остановились, озираясь.

Хасан уже встал на ноги. Зубы его были оскалены, глаза были как шелки, лицо его в блеске пота пошло от напряжения горами и долинами.

Борода его была как огневой удар наконечника копья.

Одежда его, зацепившаяся за какие-то настенные украшения, была как черные крылья.

Руки его, гипнотически медленно шевелясь, душили кого-то невидимого.

Звериный рык вырывался из его глотки.

Он продолжал давить кого-то невидимого.

В конце концов он удавил, и руки его пружинно разомкнулись.

Тут же возле него возник Дос Сантос, стал что-то говорить, но они обитали в разных мирах.

Один из танцоров принялся тихонько стенать. К нему присоединился другой — затем все остальные.

Мама Джули отделилась от круга и пошла ко мне — как раз в тот момент, когда Хасан начал все по новой, на сей раз с большим артистизмом.

Там-там продолжал излагать свой равномерный земной танец.

Папа Джо даже глаз не поднял.

— Плохой знак,— сказала Мама Джули.— Что ты знаешь об этом человеке?

— Много чего,— сказал я, усилием воли очищая свои мозги.

— Ангелсу,— сказала она.

— Что?

— Ангелсу,— повторила она.— Это бог тьмы, которого надо бояться. Ангелсу вселился в твоего друга.

— Объясни, если можешь.

— Он редко приходит в наше селение. Он здесь нежеланный гость. Те, в кого он вселяется, становятся убийцами.

— Думаю, Хасан просто попробовал новую курительную смесь — мутантную амброзию или еще что-нибудь.

— Ангелсу,— снова сказала она.— Твой друг станет убийцей, потому что Ангелсу — бог смерти, и он приходит только вместе с ней.

— Мама Джули,— сказал я,— Хасан и так уже убийца. Если бы за каждого убитого им ты получила бы кусочек жвачки и попробовала бы всю ее сжевать, ты

бы выглядела, как бурундук. Он профессиональный убийца — как правило, в рамках закона. С тех пор как на материке разрешены дуэли, большую часть своей работы он на них и делает. Ходили слухи, что иногда он совершает незаконные убийства, но это ни разу не удалось доказать. Так что, — закончил я, — скажи мне, кто он, Ангелсу — бог палачей или убийц? Все-таки между ними должна быть какая-то разница.

— Для Ангелсу — никакой, — сказала она.

Тем временем Дос Сантос, дабы прекратить спектакль, схватил Хасана за запястья. Он пытался разомкнуть его руки, однако как-нибудь попробуйте согнуть прутья решетки, и вы представите эту картину.

Я пересек помещение и со мной еще несколько человек. Как оказалось — к счастью, поскольку Хасан наконец заметил, что перед ним кто-то стоит, и рывком вниз освободил руки. Тут же из-под его одежды появился стилет с длинным лезвием.

В действительности ли он собирался применить его против Дона или еще кого-нибудь, вопрос спорный, потому что в этот момент Миштиго заткнул бутылку своей Коки большим пальцем и ударил его ею за ухом. Хасан упал вперед, и Дон поймал его, я же вырвал лезвие из его пальцев, а Миштиго закончил свою Коку.

— Интересный ритуал, — заметил веганец, — я и представить себе не мог, что в этом большом парне кроются такие сильные религиозные чувства.

— Это только доказывает, что ни в чем нельзя быть слишком уверенным, не так ли?

— Да. — Он вытянул руку, указывая на зевак: — Они что, все поголовно пантеисты?

Я покачал головой:

— Скорее примитивные анимисты.

— А в чем разница?

— Ну, скажем, если эта бутылка Коки, только что опустошенная вами, должна занять свое место на алтаре, или „ле“, как его называют, — она будет сосудом для Ангелсу, коль скоро она оказалась в тесной мистической связи с богом. Так ее видит какой-нибудь анимист. Ну а пантеист будет немного огорчен, если кто-нибудь явится без приглашения во время ритуала да еще и накуролесит вроде нас. Пантеисту, возможно, захочется принести незваных гостей в жертву Агве Войо, богу моря, — и он раскроит им черепа в соответ-

ствии с ритуалом и сбросит с пирса. Вот почему я не чувствую себя обязанным объяснять Маме Джули, что все эти люди, глазающие на нас, самые настоящие анимисты. Простите, я отойду на минутку.

На самом деле все обстояло далеко не так мрачно, но мне хотелось немножечко его напугать. Думаю, это удалось.

Извинившись и пожелав доброй ночи, я подобрал Хасана. Он был холоден и недвижим, и только мне было под силу тащить его.

Кроме нас, на улице никого не было, а большая великолепная лодка Агве Войо взрезала волны где-нибудь за восточным краем мира, плеща в небеса его любимыми красками.

Дос Сантос рядом со мной сказал:

— Наверно, вы были правы. Видимо, нам не следовало с вами ходить.

Я не стал утруждать себя ответом, но Эллен, шедшая впереди с Миштиго, остановилась, обернулась и сказала:

— Чушь. Если бы мы не пошли, то лишились бы замечательного драматического монолога в исполнении того, кто ставит шатры-палатки.— Тут я оказался в зоне досягаемости — обе ее руки метнулись ко мне, и пальцы сомкнулись у меня на горле. Давить она не давила, но ужасно гримасничала, рычала, мычала, охала: — В меня вселился Ангелсу, да и в тебя тоже! — А затем рассмеялась.

— Отпусти горло, иначе я сброшу на тебя этого араба,— сказал я, невольно сравнивая оранжево-коричневый цвет ее волос с оранжево-розовым цветом неба за ней и улыбаясь.— А то слишком уж он тяжелый.

Перед тем как отпустить, она сжала пальцы на моем горле — не сильно, но все же довольно чувствительно для шутки,— а затем снова повисла на руке у Миштиго, и мы двинулись дальше. Да, женщины никогда не дают мне пощечину, поскольку я всегда подставляю первой другую щеку, а они боятся грибка; так что полагаю, слегка меня придушить — это и есть единственная для них альтернатива.

— Ужасно интересно,— сказала Красный Парик.— Так необычно. Как будто во мне самой кто-то танцевал

с ними. Странное было чувство. Вообще-то я не люблю танцы — никакие.

— Какой у тебя акцент? — перебил я ее. — Никак не могу определить.

— Не знаю, — сказала она. — Во мне помесь ирландского с французским. Жила на Гибридах, а также в Австралии, Японии, до девятнадцати лет...

Тут Хасан простонал, изогнулся, напрягая мышцы, и я почувствовал резкую боль в плече.

Я опустил его на порог и обыскал. Я обнаружил у него два метательных ножа, еще один стилет, очень изящный гравитационный нож, Бови с зубчатым лезвием, цепочки для удушения и металлическую коробочку с различными порошками и пузырьками с жидкостями, которые я не стал тщательно исследовать. Мне понравился гравитационный нож, и я оставил его при себе. Это был Корикама, очень хорошей отделки.

В конце следующего дня — назовем его вечером — я хитростью заманил старика Филадельфия, решив сделать себе такой подарок за посещение номера люкс Дос Сантоса в отеле „Роял“. Рэдпол до сих пор дает Филу от ворот поворот, как какому-нибудь **возвращенцу** Тому Пейну, даже несмотря на то, что мой друг уже более полувека доказывает, что он тут ни при чем, — с тех самых пор, как стал обретать значительность и респектабельность. Помимо „Зова Земли“, возможно, лучшего из написанного им, он также клепал Статьи **Возвращения**, которые помогли высветить нужную мне злобу дня. В ту пору Фил был способен на безответственные поступки, но в то же время он считался постановщиком проблем, и я уверен, что он еще собирает в свой архив нежные взгляды и пылкие признания, получаемые в связи с этим, время от времени достает их, **стряхивает** пыль, испытывая при этом явное удовольствие.

Кроме Филадельфия, у меня был еще один предлог для визита — я хотел посмотреть, как чувствует себя Хасан после прискорбного удара, который он получил в поселке. А вообще-то я хотел воспользоваться случаем, чтобы поговорить с Хасаном и выяснить, если уж на то пошло, готов ли он мне сообщить, каковы его теперешние обязанности.

Итак, мы с Филом отправились туда пешком. От строений Конторы до отеля было недалеко. Около семи минут своим ходом.

— Ты уже закончил писать элегию на меня? — спросил я.

— Я еще над ней работаю.

— Ты уже двадцать лет это говоришь. Поторопился бы, чтобы я успел прочесть.

— Я могу показать тебе несколько очень милых... на Лоурела, на Джорджа, есть даже одна на Дос Сантоса. В моей картотеке есть все виды заготовок — из разряда трафаретов — для людей менее выдающихся. Однако твоя — целая проблема.

— А именно?

— Я вынужден постоянно ее обновлять. Ты ведь не стоишь на месте — живешь себе, радуешься, делаешь что-то.

— Не одобряешь?

— Большинство людей имеют честь что-то делать с полвека, а затем они замирают на месте. С их элегиями нет проблем. У меня такими шкафы забиты. Но, боюсь, что твоя должна быть вещью свежее испеченной с диссонансом в конце. Я не люблю так работать. Мне нужны годы, чтобы все хорошенько обдумать, чтобы тщательно оценить жизнь моего героя, и без вмешательства со стороны. А вы, те, кто живет свои жизни, как в народных песнях, с вами хлопот не оберешься. Думаю, ты хочешь, чтобы я написал тебе эпос, но я становлюсь слишком стар для этого. Иногда я засыпаю на ходу.

— По-моему, ты просто водишь меня за нос, — сказал я ему. — Другие заполучают свои элегии, меня же устроила бы даже парочка хороших детских стишков.

— У меня такое чувство, что твоя вскоре будет закончена, — заметил он. — Я постараюсь вовремя сделать для тебя экземпляр.

— О! Из каких таких глубин проистекает сие чувство?

— Кто может локализовать источник вдохновения?

— Ты.

— Это снизошло на меня, когда я медитировал. Я был занят сочинением элегии на веганца — конечно, просто так, в порядке упражнения — и вдруг поймал себя на мысли: „Скоро я закончу элегию на грека“. — Немного помолчав, он продолжал: — Концепция этой

вещи такова: ты — как два человека, один ростом выше другого.

— Это можно сделать, если я встану перед зеркалом и буду переносить вес с ноги на ногу. У меня одна нога короче другой. Таким образом я концептуализирую твою идею. Ну и что дальше?

— Ничего. Ты все это не совсем правильно понимаешь.

— Это культурная традиция, против которой у меня никогда не было достаточного иммунитета. Вроде моей слабости к узлам, лошадям — Гордия, Троя... Сам знаешь. Мы прилипали.

Он молчал на протяжении десяти последующих шагов.

— Так перья или свинец? — спросил я его.

— Пардон?

— Это загадка калликанзаросцев. Выбирай.

— Перья?

— Ты ошибся.

— А если бы я сказал: „свинец“?

— Ну... У тебя только один шанс. Правильный ответ тот, который нужен калликанзаросцу. Ты проиграл.

— Это слегка смахивает на приговор.

— Такова Калликанзароя. Скорее греческое, чем восточное коварство. Не столь непостижимое. Поскольку твоя жизнь часто зависит от ответа, калликанзаросец, как правило, предпочитает, чтобы в проигравших был ты.

— Почему?

— Спроси при встрече у какого-нибудь калликанзаросца, если представится такой случай. Они натуры неуправляемые.

Мы вышли на нужную авеню и повернули по ней.

— С чего это тебя вдруг снова заинтересовал Редпол? — спросил он. — Ты ведь давным-давно ушел оттуда.

— Я ушел в подходящее время, и все, что меня интересует, это оживает ли он снова — как и в прежние дни. Хасан мнит себя шишкой, поскольку всегда обещивает успех, и я хочу знать, что там у них в загашнике.

— Ты не встревожен тем, что они тебя отыскиали?

— Нет. Возможно, в этом есть свои неудобства, но я сомневаюсь, что это меня свяжет.

„Роял“ засверкал перед нами, и мы вошли. Прямым мы направились в номер-люкс. Когда мы шагали по ковровой дорожке коридора, Фил в порядке констатации заметил:

— Опять я создаю помехи.

— Похоже, что так.

— О'кей. Десять против одного, что ничего ты не разнюхаешь.

— На это ставить не буду. Возможно, что ты прав. Я постучал в дверь из темного дерева.

— Привет,— сказал я, когда она открылась.

— Входите, входите.

И мы вошли.

Десять минут ушло у меня, чтобы перевести разговор на прискорбную тему избиения Бедуина, поскольку там была Красный Парик, сбивавшая меня с толку тем, что была там и сбивала с толку.

— Доброе утро,— сказала она.

— Добрый вечер,— сказал я.

— Есть что-нибудь новенькое в Искусствах?

— Нет.

— В Монументах?

— Нет.

— В Архивах?

— Нет.

— Какая интересная у вас работа!

— О, это все романтики из конторы информации — это они создали ореол, растрезвонили про нас чего нет. А в действительности мы лишь обнаруживаем, восстанавливаем и сохраняем письменные следы и остатки материальной культуры человечества на земле.

— Что-то вроде старателей культурной помойки?

— М-да... Думаю, сказано точно.

— Но зачем?

— Зачем что?

— Зачем вы это делаете?

— Кто-то должен, ведь это культурная помойка. Так что постараться стоит. Свою помойку я знаю на земле лучше всех.

— Ты одержим, при том, что и скромн. Тоже хорошо.

— Когда я просился на эту работу, было не так уж много, из кого выбирать,— а я знал, где припрятано огромное количество помоек.

Она протянула мне питье, сама сделала полтора глоточка из своего бокала и спросила:

— Они еще и вправду вокруг нас?

— Кто? — поинтересовался я.

— Старые боги. Корпорация божеств. Вроде Ангелсу. Я думала, что все боги покинули землю.

— Нет, не покинули. То, что в большинстве своем они похожи на нас, не означает, что они ведут себя так же, как мы. Когда человек покидал землю, он не предложил им отправиться вместе с ним, а у богов тоже есть гордость. Однако, возможно, они должны были остаться, — есть такая вещь под названием *ананке*, смертная участь. Никому ее не миновать.

— Как и прогресса?

— Да. К вопросу о прогрессе. Как Хасан прогрессирует? Когда я видел его в последний раз, он остановился на мертвой точке.

— Уже на ногах. Орясина. Толстая черепушка. Здоровехонек.

— Где он?

— Дальше, налево. Зал для игр.

— Пожалуй, я схожу выразить ему свое сочувствие. Прощаешь?

— Уже прощен, — сказала она, кивая, и пошла послушать, как Дос Сантос говорил с Филом. Фил, естественно, приветствовал такое пополнение.

Никто не отметил мой уход.

Зал для игр был в другом конце длинного коридора. Подходя, я услышал „шмак“, потом стало тихо, а потом снова — „шмак“.

Я открыл дверь и заглянул.

Он был там один.

Он был спиной ко мне, но, услышав, что дверь открылась, быстро повернулся.

На нем был длинный пурпурный халат, правая его рука покачивала нож. На затылке у него была большая наклепка пластыря.

— Добрый вечер, Хасан.

Рядом с ним стояла корзина с ножами, а на противоположной стене он укрепил мишень. В ней торчало два ножа — один в центре, другой на шесть дюймов в сторону, девятка на циферблате.

— Добрый вечер, — медленно сказал он. Затем, подумав, добавил: — Как себя чувствуешь?

— О, отлично. Я пришел задать тебе тот же вопрос. Как твоя голова?

— Боль очень сильная, но пройдет.

Я закрыл за собой дверь.

— Тебе, должно быть, что-то привиделось прошлым вечером.

— Да. Мистер Дон Сантос говорит, что я сражался с призраками. Я не помню.

— Ты ведь не курил то, что толстый доктор Эммет называет Каннабис сатива — конопля.

— Нет, Караги. Я курил цветок-вампир, который сосет человеческую кровь. Я нашел его у Старого Места — Константинополя — и аккуратно высушил его лепестки. Одна старуха сказала, что он позволит мне заглянуть в будущее. Она соврала.

— ...И кровь вампира вызывает приступы безумия? Это что-то новое, надо записать. Между прочим, ты только что называл меня Караги. Я бы хотел, чтобы ты так не называл. Меня зовут Номикос, Конрад Номикос.

— Хорошо, Караги. Я был удивлен увидев тебя. Я думал, что ты давно умер, когда твой великолепный корабль разбился в гавани.

— Караги тогда и умер. Ты говорил кому-нибудь, что я похож на него?

— Нет, я попусту не болтаю.

— Хорошая привычка.

Я пересек комнату, выбрал нож, взвесил его на руке, метнул, и он воткнулся примерно в десяти дюймах справа от яблочка.

— Ты давно работаешь на мистера Дон Сантоса? — спросил я.

— Примерно с месяц, — ответил он.

Он метнул нож. Тот воткнулся на пять дюймов ниже яблочка.

— Ты что, его телохранитель?

— Верно. Я также охраняю голубого.

— Дон Сантос говорит, что он боится покушения на Миштиго. Тому действительно что-то угрожает, или же он в безопасности?

— Возможно и то, и другое, Караги. Я не знаю. Мне платят только за охрану.

— Если я заплачу тебе больше, ты скажешь, кого тебе поручили убить?

— Мне поручили только охрану, но если бы было иначе, я бы все равно тебе не сказал.

— Не думаю. Пойдем возьмем ножи.

Мы подошли к мишени и вытащили из нее ножи.

— Итак, если это, случаем, я, что вполне возможно, почему бы нам не решить это прямо сейчас? — предложил я. — У каждого из нас по два лезвия. Тот, кто выйдет из зала, скажет, что другой на него напал, так что остальное было делом самообороны. Свидетелей нет. Прошлым вечером нас видели пьяными, во всяком случае нетрезвыми.

— Нет, Караги.

— Что нет? Нет, что я не был пьяный? Или нет, чтобы мы все решили именно таким образом?

— Я могу сказать: ты ни при чем. Но откуда тебе знать, правду я говорю или нет.

— Верно.

— Я могу сказать, что не хочу это решать именно таким образом.

— В самом деле?

— Я этого не говорю. Но чтобы дать тебе приемлемый ответ, я скажу следующее: если бы я хотел тебя убить, я бы это сделал не ножом, что у меня в руке, и я не стал бы боксировать с тобой или бороться.

— Почему?

— Потому что много лет тому назад, когда я был мальчиком, я работал на курорте в Керчи, прислуживал за столом у богатых веганцев. Ты не знал меня тогда. Я только что приехал с Памира. А ты с другом-поэтом прибыл в Керч...

— Теперь я вспомнил. Да... В тот год умерли родители Филя — они были моими добрыми друзьями, — и я собирался отдать Филя в университет. Но там был веганец, который отобрал у Филя его первую женщину и взял ее с собой в Керч. Да, циркач-эстрадник — я забыл его имя.

— Его звали Трилпай Лиго, шаджапта-боксер, и выглядел он как гора на краю великой равнины — высокий, неколебимый. Он боксировал против цестуса веганцев — на голый кулак наматывается кожаный ремень с десятью острыми шипами.

— Да, я помню...

— Прежде ты никогда не занимался боксом шаджапта, но ты дрался с ним за девушку. Собралась

огромная толпа из веганцев и девушек-землянок, и, чтобы видеть, я забрался на стол. Уже через минуту твоя голова была вся в крови. Он старался, чтобы кровь залила тебе глаза, а ты все встряхивал головой. Мне было тогда пятнадцать, и я сам лично убил только троих, и я думал, что ты умрешь, потому что ты даже ни разу не коснулся его. А потом правая твоя рука выстрелила в него, как брошенный молот, как молния! Ты ударил его прямо в середину этой двойной кости, которая есть в грудной клетке голубых,— а они в этом месте куда как крепче нас,— и ты расколол его как яйцо. Я бы никогда так не смог — вот почему я боюсь твоих кулаков и твоих рук. Позднее я узнал, что ты убил голыми руками летуче-паучью мышь. Нет, Караги, я бы убивал тебя на расстоянии.

— Это было так давно... Не думал, что кто-нибудь еще помнит.

— Ты отбил эту девушку.

— Да. Забыл ее имя.

— Но ты не вернул ее поэту. Ты взял ее себе. Вот, вероятно, почему он тебя ненавидит.

— Фил? Из-за той девушки? Я даже забыл, как она выглядела.

— А он никогда не забывал. Вот почему, думаю, он ненавидит тебя. Я распознаю запах мести, могу вынюхать ее источник. Ты увел его первую женщину. Я был там.

— Это было ее желание.

— И он стареет, а ты остаешься молодым. Это печально, Караги, когда у друга есть причина ненавидеть друга.

— Да.

— И я не могу ответить на твои вопросы.

— Возможно, что тебя наняли убить веганца.

— Возможно.

— Зачем?

— Я сказал, что это возможно, но это не факт.

— Тогда я задам тебе еще только один вопрос, и покончим с этим. Какой прок в смерти веганца? Его книга принесла бы пользу нашим отношениям с веганцами.

— Я не знаю, есть ли в этом прок или нет, Караги. Давай лучше метать ножи.

Что мы и делали. Я уловил расстояние и баланс и послал два ножа прямо в десятку. Затем Хасан всадил еще два, вдобавок к ним, последний нож вскрикнул болевым криком металла, завибрировав возле одного из моих.

— Я должен кое-что тебе сообщить,— сказал я, когда мы снова их вытащили.— Я возглавляю поездку и отвечаю за безопасность ее участников. Я тоже буду охранять веганца.

— Это будет очень хорошо, Караги. Ему нужна защита.

Я положил ножи в корзину и двинулся к двери.

— Мы отправляемся завтра в девять утра. У меня будет конвой скиммеров на первом поле территории Конторы.

— Хорошо. Доброй ночи, Караги.

— ...И зови меня Конрад.

— Хорошо.

Он изготовился, чтобы бросить нож в мишень. Я закрыл дверь и двинулся по коридору обратно. Пока я шел, я услышал еще один „шмак“, и прозвучал он гораздо явственней, чем тот, первый. А эхо его прокатилось мимо меня по всему коридору.

Пока шесть скиммеров летели через океаны в направлении Египта, я обратил свои мысли сначала к Косу и Кассандре, а затем не без труда выудил их оттуда и послал вперед — к пескам, к Нилу, к крокодилам-мутантам и некоторым усопшим фараонам, которых должен был тогда потревожить один из последних моих проектов. („Смерть приходит на мягких крыльях к тому, кто оскверняет...“ и т. д.) А затем я стал думать о человечестве, грубо запихнутом на полустанок Титана, где оно работает в Конторе Земли, унижающемся на Тайлере и Бакабе, болтающемся на Марсе и кое-как перебивающемся на Рилпахе, Дивбахе, Литане и на паре дюжин других миров Веганского Объединения. Затем я стал думать о веганцах.

Голубокожий народец со смешными именами и рябой, как после оспы, взял нас к себе, когда мы замерзли, и накормил нас, когда мы голодали. Да. Они прекрасно разобрались в том, как пострадали наши колонии на Марсе и Титане в результате почти вековой

оторванности от всего и всея, случившейся после Трехдневного конфликта,— это ведь только потом был создан приемлемый межзвездный корабль. Как корабочный долгоносик (по словам Эммета), мы искали свой дом, поскольку мы привыкли к тому, что прежде он у нас был. Хотели ли веганцы уничтожить сих насекомых? Нет. Раса более древняя и мудрая, они позволили нам селиться в их мирах, жить и работать в их городах, будь то на суше или на море. Потому что даже такая продвинутая цивилизация, как веганская, испытывает некоторую потребность в ручном труде одной из разновидностей живых существ с противостоящим большим пальцем руки. Ни машины, ни машинные мониторы не заменят хороших домашних слуг, равно как хороших садовников, рыбаков в соленом море, представителей опасных профессий — подземных рабочих и наземных проституток, — а также фольклорных циркачей из чуждой веганцам разновидности живого мира. По общему убеждению, присутствие там человека несколько снижает уровень веганской среды обитания, однако же люди сами это компенсируют своим вкладом во все увеличивающееся тамошнее благосостояние.

Мысль эта и вернула меня к Земле. Веганцы прежде никогда не видели полностью разрушенной цивилизации, так что наша родная планета произвела на них большое впечатление. Достаточно большое, чтобы терпеть на Тайлере наше правительство-в-отсутствии. Достаточно большое, чтобы покупать билеты для земного путешествия, дабы осмотреть руины. Достаточно большое даже для того, чтобы покупать здесь недвижимость и строить курорты. Есть свое очарование в планете, которую используют как музей. (Что там Джеймс Джойс говорил о Риме?) Так или иначе, по итогам каждого бюджетного года веганцев мертвая Земля еще приносит своим живущим на ней внукам небольшой, но ценный доход. Вот почему — Контора, Лоурел, Джордж, Фил и все прочее.

Вот почему даже и я, в каком-то смысле.

Далеко внизу океан был как серо-голубой ковер, который утаскивали из-под нас. Его сменил темный материк. Мы устремились в направлении Нового Каира.

Приземлились мы в стороне от города. Посадочной площадки там нет. Мы просто опустились на пустое

поле, которое использовали для этих целей, и оставили Джорджа для охраны.

Старый Каир еще горюч, однако те, с кем можно иметь дело, живут в основном в Новом Каире, так что для путешествия все довольно нормально. Миштиго не захотел посетить мечеть Кейт Бей в Городе Мертвых, которая сохранилась после Трех Дней; однако он ради меня согласился сесть в мой скиммер и полетать вокруг нее на малой высоте и скорости, дабы пофотографировать и посмотреть. Если уж говорить о монументах, то он хотел посетить пирамиды, Луксор, Карнак, Долину Царей и Долину Цариц.

Хорошо, что мы осмотрели мечеть с воздуха. Под нами судорожно бегали какие-то темные фигуры, оставившись лишь затем, чтобы бросить в летательный аппарат камень.

— Кто они? — спросил Миштиго.

— Горючие, — сказал я. — Что-то вроде людей. Они различаются по размеру, форме и ничтожности.

Мы еще покружили, пока он не удовлетворил свое любопытство, и вернулись на наше поле.

Итак, снова приземлившись в лучах сверкающего солнца, мы высадились, выставили охрану у последнего скиммера и двинулись по разбитому шоссе, где асфальт чередовался с песком; кроме меня и двух временных помощников шли Миштиго, Дос Сантос и Красный Парик, Эллен и Хасан. Эллен лишь в последнюю минуту решила сопровождать в поездке своего мужа. По обе стороны дороги тянулись поля высокого сахарного тростника, блестящего на солнце. Вскоре поля остались позади — мы шагали мимо низких служебных построек города. Дорога стала шире. Тут и там росли пальмы — возле них лежали островки теней. Два малыша с огромными карими глазами проводили нас взглядом. Они погоняли усталую шестиногую корову, вращавшую сакию, большое колесо для поливки, — для здешних мест обычнейшая картина, с тем лишь отличием, что от этой коровы оставалось больше отпечатков копыт.

Мой надзиратель этих мест Рамзес Смит встретил нас в гостинице. Он был крупный, на его золотистого цвета лицо была надета крепкая сеть морщин; у него были типично печальные глаза, но его постоянные смешки компенсировали это впечатление.

В ожидании Джорджа мы сидели в главном зале гостиницы, потягивая пиво. Чтобы заменить его, была послана охрана из местных.

— Работа идет все лучше,— сказал мне Рамзес.

— Отлично,— сказал я. Никто меня не спросил, что это за „работа“ такая, в связи с чем я испытывал положительные чувства. Я хотел, чтобы для них это был сюрприз.

— Как твоя жена, дети?

— Отлично,— констатировал он.

— А новорожденный?

— Выжил,— сказал он гордо,— и безо всяких осложнений. Я послал жену на Корсику, там он и родился. Вот его фото.

Я притворился, что внимательно разглядываю, и выразил свое одобрение ожидаемыми от меня междометиями.

— Так вот, что касается съемки,— сказал я,— тебе не нужно дополнительное оборудование?

— Нет, мы хорошо обеспечены. Все идет хорошо. Когда вы хотите посмотреть работу?

— Сразу же, как только что-нибудь поедим.

— Вы мусульманин? — вмешался в разговор Миштиго.

— Я коптской веры,— ответил Рамзес, на сей раз не улыбувшись.

— О, в самом деле? Вы еретики-монофизиты, не так ли?

— Мы не считаем себя еретиками,— сказал Рамзес.

Когда Миштиго ударился в перечень христианских ересей, для него забавных, да и только, я сел, размышляя, правильно ли сделали мы, греки, что пустили логику в этот несчастный мир. Еще раньше, в приступе злобы, оттого что должен возглавить поездку, я записал их все в журнале путешествия. Позднее Лоурел сказал мне, что это был отличный и хорошо оформленный документ. Что, кстати, показывает, как отвратительно я должен был себя чувствовать в тот момент. Я даже занес в журнал информацию о том, как в шестнадцатом веке по ошибке канонизировали Будду как Святого Иозафата. Под конец, поскольку Миштиго явно смеялся над нами, я понял, что мне остается или убить его, или сменить эту пластинку. Хотя сам я и не был христианином, его теологическая комедия ошибок

не нанесла удар в солнечное сплетение моей религиозности. Однако я испытал досаду, что представитель другой расы не поленился предпринять такое трудоемкое исследование, что мы рядом с ним выглядим как идиоты.

Пересматривая данный вопрос в настоящем, я понимаю, что ошибался. Успех видеозаписи, которую я тогда делал (та самая „работа“, что упоминал Рамзес), подтверждает более поздние мои гипотезы относительно веганцев: они столь смертельно наскучили себе, а мы были столь неизведаны, что они вцепились и в злободневные наши проблемы, и в те, что стали уже классическими, равно как и в ту, что для нас всегда остается животрепещущей. Они принялись ломать себе голову над тем, кто в действительности написал пьесы Шекспира, на самом ли деле Наполеон умер на острове Святой Елены, кто были первые европейцы, ступившие на земли Северной Америки, и указывают ли книги Чарльза Форта, что Землю посещала неизвестная веганцам разумная раса — и так далее. Высшая же каста веганского общества интересуется даже теологическими дискуссиями нашего средневековья. Смешно.

— Так вот, относительно вашей будущей книги, Шрин Штиго...— прервал я его.

То, что я использовал почтительное обращение, остановило его на полуслове.

— Да? — отозвался он.

— У меня такое впечатление, — сказал я, — что у вас нет ни малейшего желания говорить на эту тему ни теперь, ни впредь. Я, конечно, полон уважения к подобному чувству, но, как руководителя поездки, оно ставит меня в довольно затруднительное положение.

Оба мы понимали, что мне следовало бы затронуть этот вопрос в личной беседе, особенно после его реплики, адресованной Филу в гостиную, но я был настроен сварливо и хотел, чтобы он знал об этом и чтобы разговор перешел в другое русло. Поэтому я сказал:

— Будет ли это в основном географический отчет о местах, которые мы посетим, или вам предпочтительнее, чтобы мы обратили ваше внимание на местную специфику — будь то, так сказать, вопросы политики или насущные вопросы культуры.

— Главный мой интерес — это написать занимательную книгу о путешествии, — сказал он, — но для

меня представит интерес любая информация о нашем пути. Во всяком случае, я считал, что это — ваша работа. Что же касается земных традиций и здешних текущих проблем, то общее представление о них я имею, и они не очень меня занимают.

Дос Сантос, который ходил и курил в ожидании, пока сготовят еду, остановился в полушаге от нас и сказал:

— Шрин Штиго, что вы думаете по поводу Движения Возвращенцев? Вы сочувствуете нашим целям? Или считаете затею эту мертворожденной?

— Да,— сказал он,— последнее. Я убежден, что если кто-то мертв, то единственная его обязанность — это удовлетворить потребителя. Я уважаю ваши цели, но я даже не вижу, как вы можете надеяться на их реализацию. Почему люди должны отказываться от гарантий своей безопасности ради возвращения сюда? Большинство представителей нынешнего поколения никогда даже не видели Землю, кроме как на пленках,— а вы должны признать, что это весьма маловдохновляющие документы.

— Я с вами не согласен,— сказал Дос Сантос,— и я считаю ваш подход ужасно патрицианским.

— Именно таким он и должен быть,— ответил Миштиго.

Джордж и еда появились почти одновременно. Два официанта стали накрывать на стол.

— Я бы предпочел есть один за маленьким столом,— объяснил Дос Сантос официанту.

— Вы здесь, потому что вы просили быть здесь,— напомнил я.

Дос Сантос взял себя в руки и глянул тайком на Красный Парик, которая по воле случая сидела справа от меня. Мне показалось, что я засек едва уловимое движение ее головы, сначала налево, затем направо.

Дос Сантос собрал все черты своего лица вокруг маленькой улыбки и слегка кивнул.

— Простите мне мой латинский темперамент,— заметил он.— Мне вряд ли удастся обратить кого-либо в веру Возвращенцев за пять минут, и каждый раз мне трудно скрыть свои чувства.

— Это уж точно,— сказал я и добавил: — Я голоден.

Он сел напротив нас, рядом с Джорджем.

— Узрите Сфинкса,— сказала Красный Парик, указывая на гравюру на дальней стене,— чья речь — то долгое молчание, то вдруг загадка. Он стар как само время. В высшей степени уважаем. Дряхл вне всякого сомнения. Рот он не открывает и ждет. Чего? Кто знает... Вы испытываете тягу к монолитному в искусстве, Шрин Штиго?

— Иногда,— заметил он, сидя слева от меня.

Дос Сантос быстро глянул через плечо и снова посмотрел на Диану. Он ничего не сказал.

Я попросил Красный Парик передать мне соль, и она передала. Мне и в самом деле хотелось высыпать на нее соль, чтобы она застыла соляным столпом, и тогда бы в свободное время я бы наконец познал ее, но вместо этого я использовал соль для картошки.

И в самом деле, узрите Сфинкса!

Солнце в зените, короткие тени, жара — вот как это было. Я не хотел, чтобы какие-нибудь вездеходы или скиммеры портили картину, поэтому заставил всех идти пешком. Это было недалеко, и я выбрал несколько окольный путь, чтобы достичь предполагаемого эффекта.

Вкривь и вкось мы прошагали милю, где карабкаюсь, где спускаюсь. Я конфисковал у Джорджа сачок для бабочек, чтобы избежать раздражающих пауз, когда мы пересекали несколько клеверных полей, лежащих на нашем пути.

Ходьба обратно сквозь время — вот что это было: мимо стремительно проносились птицы ярких расцветок (фьють! фьють!), а стоило нам только подняться на какой-нибудь небольшой пригорок, как далеко на горизонте возникала пара верблюдов. (Очертания верблюдов, как будто рисунок углем... Но хватит об этом. Никого не волнует впечатление от верблюдов. Даже самих верблюдов, если уж по правде. Бедные больные животные...) Невысокая смуглая женщина устало тащила мимо с высоким кувшином на голове. Миштиго отметил сей факт для своего карманного помощника. Я кивнул женщине и произнес приветствие. Женщина ответила на приветствие, но, естественно, не кивнула. Эллен, уже мокрая от пота, обмахивалась большим зеленым треугольником из перьев; Красный Парик ша-

гала прямая, высокая, капельки испарины выступили на верхней ее губе, а глаза были спрятаны за солнечными очками, затемнившимися до своего предела. Наконец мы добрались. Мы взобрались на последний невысокий холм.

— Глядите,— сказал Рамзес.

— *Madre de Dios!* — сказал Дос Сантос.

Хасан выругался.

Красный Парик быстро повернулась ко мне, затем обратно. Из-за ее солнечных очков я не смог прочесть выражения ее лица. Эллен продолжала обмахиваться.

— Что они делают? — спросил Миштиго. Впервые я видел его таким удивленным.

— Ничего особенного,— сказал я,— они разбирают великую пирамиду Хеопса.

Последовала пауза, а затем Красный Парик спросила:

— Зачем?

— В общем, затем,— сказал я,— что в этих местах нехватка строительных материалов. Камень из Старого Каира радиоактивен, вот они и добывают стройматериал, растаскивая по частям этот древний кусок твердого геометрического тела.

— Они оскверняют памятник великому прошлому рода человеческого! — воскликнула она.

— Нет ничего дешевле, чем великое прошлое,— заметил я.— Мы же имеем дело с настоящим, и сейчас им нужны строительные материалы.

— Давно ли это началось? — гневно осведомился Миштиго.

— Мы начали разборку три дня назад,— сказал Рамзес.

— Кто дал вам право делать подобные вещи?

— Решение принимала Земная Контора, Шрин,— Отдел Искусств, Памятников и Архивов.

Миштиго повернулся ко мне, его янтарные глаза странно светились.

— Вы! — сказал он.

— Я,— признал я,— то бишь Комиссар. Все так.

— Почему никто не знает об этой вашей акции?

— Потому что сюда приезжают лишь единицы,— объяснил я.— Что является еще одной причиной для разборки пирамиды. В настоящем ее даже перестали

осматривать. Мне же дано право принимать подобные решения.

— Я прибыл сюда из другого мира, чтобы осмотреть ее!

— Тогда поторопитесь взглянуть,— сказал я ему.— Она скоро исчезнет.

Он отвернулся и впился в нее глазами:

— Вы, очевидно, не имеете никакого представления о ее подлинной ценности. А если имеете...

— Наоборот, я знаю абсолютно точно, сколько она стоит.

— ...А те несчастные создания, которые работают там, внизу,— голос его становился все выше, по мере того как он вглядывался в происходящее,— под жгучими лучами вашего мерзкого солнца, они ведь трудятся в примитивнейших условиях! Вы хоть слышали когда-нибудь о подвижных механизмах?

— Конечно. Они дороги.

— И у ваших прорабов кнуты! Как можно так относиться к собственным людям? Это не лезет ни в какие рамки!

— Все те люди работают добровольно, за символическую плату, и „Эквити“ актеров не позволяет нам использовать кнуты, даже несмотря на то, что статисты выступают за право их применения. Все, что нам разрешено,— это щелкать кнутами возле работающих.

— „Эквити“ актеров?

— Их союз. Хотите посмотреть на механизмы? — Я сделал широкий жест.— Взгляните вон на тот холм.

Он посмотрел.

— Что там?

— Мы записываем все это на видеопленку.

— С какой целью?

— Когда мы закончим, мы смонтируем пленку до приемлемой продолжительности и пустим ее в обратную сторону. Мы хотим назвать ее „Строительство Великой пирамиды“. Отличная штука — и для развлечения, и для денег. С тех пор как ваши историки узнали о пирамиде, они ломают себе голову, как же именно мы ее сложили. Надеюсь, эта пленка их немножко ошастливит. Я решил, что операция ГСПН — это то, что надо.

— ГСПН?

— Грубая Сила и Полное Невежество. Нет, только полюбуйте, как они мне ее портят — следят за камерой, валяются на камнях, а затем вскакивают, как угорелые, едва она поворачивается в их сторону. В конце концов они так действительно свалятся от усталости. Но все-таки это первый земной фильм за многие годы. И они по-настоящему воодушевлены.

Дос Сантос глянул на оскаленные зубы Красного Парика, на бугорки мускулов под ее глазами. Затем уставился на пирамиду.

— Вы сумасшедший,— провозгласил он.

— Едва ли,— отозвался я.— Отсутствие памятника может, в некотором роде, тоже быть памятником.

— Памятником Конраду Номикосу,— подтвердил он.

— Нет,— сказала затем Красный Парик.— Раз есть искусство созидания, то наверняка есть и искусство разрушения. Видимо, он это и пробует. Он играет роль Калигулы. Пожалуй, я даже могу понять, почему.

— Спасибо.

— Не ждите от меня „пожалуйста“. Я говорю „пожалуй“. Ведь художник и это должен делать с любовью.

— Любовь это отрицательная форма ненависти.

— „Я умираю, Египет, умираю“,— сказала Эллен. Миштиго рассмеялся.

— А вы круче, чем я думал, Номикос,— заметил он.— Но вы не незаменимы.

— Попробуйте уволить гражданского служащего, особенного такого, как я.

— Это легче, чем вы думаете.

— Посмотрим.

— Увидим.

Мы снова повернулись к великой (на девяносто процентов) пирамиде Хеопса (Хуфу). Миштиго снова стал записывать свои наблюдения.

— Я бы хотел, чтобы вы сделали обзор прямо отсюда,— сказал я.— Наше присутствие там — это лишь напрасная трата пленки. Мы туда не впишемся. Мы можем спуститься вниз, когда будет перерыв на чашку кофе.

— Я согласен,— сказал Миштиго,— и полагаю, что догадываюсь, кто не вписывается. Но здесь я уже

увидел все, что мне нужно. Пошли обратно в гостиницу. Я хочу поговорить с местными.

Затем он стал размышлять вслух:

— Тогда я сверх намеченного осмотрю Сахару. Вы еще не начали разбирать памятники Луксора, Карнака и Долины Царей?

— Пока еще нет.

— Отлично. Тогда прежде всего их и осмотрим.

— Только пойдем отсюда,— сказала Эллен.— Жара чертовская.

И мы повернули назад.

— Вы и в самом деле думаете то, что говорите? — спросила Диана, когда мы шли обратно.

— До некоторой степени.

— Как вы можете думать о подобных вещах?

— По-гречески, конечно. Затем перевожу их на английский. Это я умею.

— Кто вы?

— Озимандис. Взгляните на дело рук моих, ваше величество отчаяния.

— Я не величество.

— Ой ли...— сказал я и отвернулся от обращенной ко мне стороны ее лица, на которой, насколько мне было видно, отображалось довольно смешное выражение.

— Позвольте рассказать вам о боадилах,— сказал я.

Наша фелюга медленно скользила по слепящей водной дорожке, прожигающей себе путь в виду у великих серых колоннад Луксора.

Миштиго находился спиной ко мне. Он ел взглядом колонны и надиктовывал свои первые впечатления.

— Где мы высадимся? — спросил он меня.

— Мйлей ниже по нашему ходу. Может, я лучше расскажу вам о боадилах?

— Я знаю, что такое боадил. Я говорил вам, что изучал ваш мир.

— Хо-хо... Читать о них — это одно, а...

— Я видел боадилов. На Талере их целых четыре, в Саду земли.

— ...а видеть их в водоеме совсем другое...

— С вами и Хасаном мы настоящий плавучий арсенал. Я насчитал на вашем поясе три гранаты, четыре — на его.

— Если боадил навалится сверху, вы не сможете применить гранату — прежде всего в интересах самозащиты. А если он далеко, гранатой вы его не подорвете. Слишком уж они быстры.

Наконец-то он обернулся ко мне:

— Так что вы применяете?

Я покопался в своей галабее (надетой взамен родной, утраченной) и вытащил оружие, которое старался всегда иметь под рукой, когда ходил этим маршрутом.

Он осмотрел его:

— Как это называется?

— Пистолет механического действия. Стреляет пулями с метацианидом — ударная сила в одну тонну при беглой стрельбе. Не очень прицельно, да это и не нужно. Сделан по образцу автомата двадцатого века под названием шмайссер.

— Не очень-то послушное оружие. Им можно остановить боадила?

— Если повезет. У меня есть еще парочка в одном из ящиков. Дать?

— Нет, спасибо.— Он помолчал.— Но вы можете поподробнее рассказать мне о боадице. Я ведь только взглянул на них в тот день, и они, в общем-то, были на глубине.

— Н-да... Голова почти как у крокодила, только больше. Длиной около сорока футов. Могут свернуться в клубок — что-то вроде огромного пляжного мяча, только с зубами. Стремительные — и на земле, и в воде, и еще до чёрта маленьких лап с обеих сторон...

— Сколько лап? — переспросил он.

— Хм,— остановился я.— По правде говоря, никогда не считал. Минуточку. Эй, Джордж,— кликнул я, обернувшись назад, где в тени паруса лежал и подермывал выдающийся главный биолог Земли.— Сколько лап у боадила?

— Чего? — Голова его приподнялась.

— Я спрашиваю: сколько лап у боадила?

Он встал, слегка потянулся и подошел к нам.

— Боадила,— подумал он, ковыряя пальцем в ухе и пролистывая внутреннюю свою картотеку,— они несо-

мненно принадлежат к классу рептилий,— в этом мы можем быть уверены. Но относятся ли они к отряду крокодилов, к собственному подотряду, или же они из отряда чешуйчатых, подотряда ящеров, семейства неоподов — как не вполне серьезно настаивают мои коллеги с Талера,— этого мы не знаем. Для меня они своего рода реминисценция фотокопий того, как в предтрехдневные времена художники изображали фитозавров мезозойской эры, естественно, с добавлением численности ног и способности к сокращению мышц. Я же лично настаиваю на отряде крокодилов.

Он прислонился к ограждению борта, и взгляд его вперился вдаль над мерцающей поверхностью воды.

Я понял, что он больше ничего не собирается добавлять, потому снова спросил:

— Так сколько у него лап?

— Чего? Лап? Никогда не считал их. Однако если нам повезет, то обязательно это сделаем. Тут их великое множество. Тот молодой, что у меня был, долго не протянул.

— Что с ним случилось? — спросил Миштиго.

— Его съел мой мегадонаплат.

— Мегадонаплат?

— Что-то вроде утковидного платипуса с зубами,— пояснил я,— ростом около десяти футов. Только представьте себе. Насколько нам известно, их видели только три или четыре раза. Австралийцы. Мы добыли наших по счастливой случайности. Возможно, не выживут как вид — то есть подобно боадилам. Они яйцеродные млекопитающие, и их яйца слишком уж большие для голодного мира, чтобы это позволило данному виду продолжение рода — если это только подлинный вид. Может, они просто отдельная мутация.

— Возможно, да,— сказал Джордж, кивая с умным видом,— а возможно, и нет.

Миштиго отвернулся, покачивая головой.

Хасан уже частично распаковал своего робота голема, которого называли Родем, и мудрил над его регулировкой.

Эллен отказалась наконец от своего полумакияжа и лежала под солнцем, загорая всем, чем только можно. Красный Парик и Дос Сантос что-то замышляли на другом конце судна. Та парочка просто так никогда не встречается — свидания у них всегда тайные. Наша

фелюга медленно скользила по слепящей водной дорожке, прожигающей себе путь в виду у великих серых колоннад Луксора, и я решил, что время направить ее к берегу и посмотреть, что там нового среди гробниц и разрушенных храмов.

Шесть последующих дней были небогаты событиями, но в чем-то они были незабываемыми, ужасно деловыми, и как бы уродливо-прекрасными — вроде цветка с еще не тронутыми лепестками, но с почерневшей, уже загнившей завязью.

А именно, вот какими...

Миштиго, должно быть, проинтервьюировал чуть ли не каждого каменного барана вдоль четырехмильной Дороги в Карнак. И в ослепительном свете дня, и в сумерках мы топали по руинам, нарушая покой летучих мышей, крыс, змей и насекомых и слушая монотонные комментарии веганца на его монотонном языке. Вечером мы разбивали в песках лагерь, огораживаясь двухсотметровым периметром системы электрооповещения и выставляя двух человек в охрану.

У боадилов кровь холодная, по ночам же было свежо. Так что извне нам почти ничто не угрожало.

Огромные лагерные костры горели в эти ночи, освещая нашу территорию, поскольку веганец хотел, чтобы все было как можно примитивней — ради пущей натуральности, догадался я. Наши скиммеры были дальше к югу. Мы прилетели на них к месту, которое я знал, и оставили их там охраннику из конторы, взяв для нашего путешествия фелюгу, — тем самым мы повторяли путь Царя всех Богов из Карнака в Луксор. Так захотел Миштиго. По ночам Хасан тренировался в метании *ассагая*, вымененного у большого Нубийца, или, обнажившись по пояс, часами боролся со своим неутомимым големом.

Голем этот был ценным партнером. Хасан запрограммировал его по силе на двух среднестатистических мужчин и ускорил время его реакции на пятьдесят процентов. В его „памяти“ были сотни приемов борьбы, и его командный блок теоретически не давал ему убивать или калечить своего противника — все это благодаря набору электрохимических аналогов центростремительных нервов, которые позволяли ему с точностью

до унции измерять усилие, необходимое, чтобы сломать кость или порвать сухожилие. Ролем был ростом пять футов шесть дюймов и весил около двухсотпятидесяти фунтов; сделанный на Бакабе, он был довольно дорогим, цвета теста, с карикатурной внешностью, и его мозги помещались где-то под пупком — если у големов есть таковой,— дабы то, чем он думает, не повредилось от сотрясений при приемах греко-римской борьбы. Однако несмотря на все это, бывали и несчастные случаи. Эта штукавина убивала людей, если в мозги ей, или в афференты, проникал амок или если люди сами совершали промах, скажем, пытались переключить голема на ходу, добавив ему мощи на несколько лишних унций. Когда-то у меня был такой, почти год, он был запрограммирован на бокс. Я обычно проводил с ним после полудня минут пятнадцать. И привык думать о нем почти как о личности. Однажды он нарушил правила боя, и я больше часа колошматил его и в конце концов так ему засветил, что у него отскочила голова. Но эта штука как ни в чем не бывало продолжала боксировать, и с тех пор я перестал считать голема дружески настроенным спарринг-партнером. Знаете, это довольно-таки странное чувство, когда боксируешь с безголовым големом. Вроде того, как если очнуться после приятных снов и обнаружить в изножии своей постели притаившийся ночной кошмар. На самом деле голем не „видит“ своего партнера тем, что у него вместо глаз; его оболочка начинена пьезоэлектрическим радарным мезентерием, так что он наблюдает всей своей поверхностью. Тем не менее, когда иллюзия партнера исчезает, испытываешь чувство досады. Я выключил его и больше никогда не включал. У меня его купил торговец верблюдами, за довольно хорошую цену. Не знаю, поставил ли он на место голову. Но он был турок, так что не все ли равно?

Что же до Хасана — он сплетался со своим Ролем, и оба они блестели в свете костра, а мы сидели на одеялах и смотрели, и летучие мыши время от времени проносились низко над нами, как пепел, и жиденькие облака занавешивали луну и шли дальше. Так оно было на третью ночь, когда я и свихнулся.

Я вспоминаю ее, как вспоминают какой-нибудь мимолетный пейзаж во время ночной грозы в конце лета — как серию стоп-кадров при вспышках молнии...

Почти добрый час проговорив с Кассандрой, я закончил нашу связь обещанием взять скиммер в следующий полдень и провести ночь на Косе. Вспоминаю наши последние слова:

— Будь осторожен, Константин. Я видела плохие сны.

— Все это вздор, Кассандра. Спокойной ночи.

И кто знает, не были ли ее сны результатом скоротечной ударной волны силой в 9,6 баллов по шкале Рихтера, что уже катилась туда?

С выражением жестокости, мерцающей в его глазах, Дос Сантос зааплодировал Хасану, когда тот грохнул Ролема об землю, да так, словно гром загремел. Однако земля продолжала трястись и тогда, когда голем уже снова встал на ноги и принял низкую стойку, и руки его извивались перед арабом, как змеи. Земля все тряслась и тряслась.

— Ну и силища! Даже я ее чувствую! — воскликнул Дос Сантос. — Олэ!

— Это сейсмическое возмущение, — сказал Джордж, — хоть я и не геолог.

— Землетрясение! — взвизгнула его жена, роняя непастеризованный финик, которым она угощала Миштиго.

Бежать нам было незачем, да и некуда. Поблизости не было ничего такого, что могло бы на нас упасть. Земля была ровной и довольно голой. Так что мы просто сидели и нас пошвыривало, а парочку раз чуть не уложило плашмя. Костры наши выделявали что-то поразительное.

Время Ролема вышло, и он замер, а Хасан подошел и сел возле меня и Джорджа. С добрый час продолжались колебания почвы, затем они начались снова, только послабее, и так многожды в ту ночь. После того как первый сильный толчок пошел своим курсом, мы связались с Портом. Тамошние приборы показали, что эпицентр всего этого находится на порядочном расстоянии к северу от нас.

В самом деле, нехорошее расстояние.

...В Средиземном море.

А если точнее, то в Эгейском.

Я почувствовал слабость, внезапно.

Я попытался выйти на связь с островом Кос.

Молчание.

Моя Кассандра, моя возлюбленная, моя принцесса... Где она? Два часа я пытался ее найти. Затем меня вызвал Порт.

Это был голос Лоурела, а не какого-нибудь там тупицы оператора, дежурившего на связи.

— Хм... Конрад, не знаю, как сказать тебе о том, что конкретно произошло...

— Просто скажи, а когда закончишь — остановишься.

— Минут двенадцать назад вашим путем прошел спутник наблюдения, — потрескивал он в диапазоне на-стройкн. — В передаваемой картинке нескольких островов Эгейского архипелага больше не существует...

— Нет, — сказал я.

— Боюсь, что среди них и Кос.

— Нет, — сказал я.

— Мне очень жаль, — сказал он, — но так показывает спутник. Не знаю, что еще сказать...

— Этого достаточно, — сказал я. — Это все. Вот именно. До свидания. Позднее мы еще поговорим! Нет! Я чувствую — нет!

— Постой, Конрад!

И я свихнулся.

Летучие мыши, вытряхнутые из ночи, шныряли надо мной. Я сделал выпад правой и убил одну, когда она вспыхнула впереди. Подождал пару секунд и убил другую. Потом я поднял обеими руками большой валун, чтобы размозжить передатчик, но в этот момент Джордж положил руку мне на плечо, тогда я выронил валун, отшвырнул его руку и тыльной стороной ладони ударил его по рту. Не знаю, что с ним случилось, но когда я нагнулся, чтобы снова поднять валун, то услышал за спиной топот. Я упал на одно колено и повернулся на нем, загребая пригоршню песка, чтобы бросить в глаза. Они мчались ко мне, вся их компания: Миштиго, и Красный Парик, и Дос Сантос, Рамзес, Эллен, трое слуг, из местных, гражданских, и Хасан. Увидев мое лицо, кто-то завопил: „Врассыпную!“ — и они развернулись веером.

В тот момент они были теми самыми, кого я всегда ненавидел, — я это чувствовал. Я видел другие лица, слышал другие голоса. Те самые, кого я знал, ненавидел, кого хотел крушить и крушил, стояли там перед огнем, воскресшие из мертвых, только белизна их зубов

вспыхивала сквозь тени, проходящие по их улыбающимся лицам, когда они приближались ко мне, держа в руках разные варианты погибели, в то время как губы их мягко меня уговаривали, — потому я швырнул песок в самого ближнего ко мне и бросился на него.

Мой апперкот опрокинул его навзничь, и тут же на мне оказалось с двух сторон по египтянину.

Я стряхнул их с себя и краем своего холодного глаза увидел великого Араба, державшего в руке что-то вроде черного авокадо. Он замахнулся им в мою голову, поэтому я бросился на землю. Он уже был совсем рядом, и мне удалось так садануть его в живот, что он вдруг сел. Затем два человека, которых я отбросил, снова оказались на мне. Где-то неподалеку раздавался женский визг, но никаких женщин я не видел.

Я вырвал свою правую руку и начал дубасить ею кого-то, пока он не рухнул, но его место занял другой. Спереди какой-то голубой человек кинул в меня камень, попав в плечо, что только еще больше меня взбесило. Я поднял в воздух чье-то пинающееся тело и бросил его в другое тело, а затем я достал кого-то кулаком. Меня трясло. Моя галабия порвалась и испачкалась, поэтому я разорвал ее до конца и отбросил.

Я огляделся. Больше они не пытались приблизиться ко мне, а это было нечестно — это было нечестно, что они остановились, когда мне так страшно хотелось посмотреть, как эти твари ломаются. Поэтому я поднял человека, валявшегося у моих ног, и оплеухой снова его уложил. Когда я снова его поднял, кто-то завопил: „Эй, Карагиозис!“ и на ломаном греческом стал называть все мои имена. Я опустил человека на землю и обернулся.

Там, перед огнем, стояли двое: один высокий и бородатый, другой маленький, очень плотный и без волос, вылепленный из смеси земли с мастикой.

— Послушай, грек, мой друг говорит, что уложит тебя, — крикнул мне высокий, делая что-то за спиной второго.

Я двинулся на них, и тот второй, из замазки и грязи, прыгнул на меня.

Он сделал мне подножку, но я быстро вскочил и, обхватив его ниже подмышек, бросил набок. Но он снова оказался на ногах с такой же быстротой, с какой это сделал я, и, приблизившись, ухватил меня одной

рукой ниже шеи. Я сделал такой же захват, а также поймал его локоть, и мы крепко держали друг друга, и он был силен.

Так как он был силен, я менял хватку, проверяя его силу. Он был также и скор, реагируя на каждое мое движение, едва я его задумывал.

Я жестко бросил руки вверх между его руками и сделал упор на заднюю, усиленную ногу. Освободившись на мгновение друг от друга, мы кружили, ища уязвимое место в обороне.

Руки я держал низко и из-за его короткого роста довольно сильно наклонялся вперед. На какой-то миг руки мои оказались слишком близко к туловищу, и он с не виданной мною быстротой поймал меня в замок и так сдавил, что из пор моих брызнули большие плоские цветы, и сильная боль пронзила мой бок.

Его руки все сжимали меня, и я знал, что, если сейчас не разорву его замок, он меня раздавит.

Удваивая силу рук, я сжал кулаки, воткнул ему в живот и оттолкнулся. Но он только еще сильнее меня стиснул. Я ступил назад и с трудом выбросил вверх-вперед локти. Теперь кисти моих рук были ближе к лицу, и я уперся правым кулаком в ладонь левой руки и стал их проталкивать между нашими телами. Руки мои продвигались выше и выше, а голова кружилась, и почки были как в огне. Затем я напряг все мышцы спины и плечевого пояса и почувствовал, как в руки, наполняя кисти, хлынула сила, и я шибанул ими в небо, и на их пути оказался его подбородок, и это их не оставило.

Мои руки выстрелили над головой, и он упал на спину.

Удар, который пришелся по его подбородку, был таков, что сломал бы человеку шею,— опрокинувшись, этот тип имел возможность посмотреть на свои собственные пятки.

Однако он тут же вскочил, и тогда я понял, что он борец не из простых смертных, а из тех существ, что рождены не женщиной; скорее всего он, подобно Антею, вырвался из чрева самой Земли.

Я жестко даванул его плечи, и он упал на колени. Тогда я схватил его за горло, шагнул к его правому боку и поставил левое колено ему под заднее место.

Я стал наклоняться вперед, напирая ему на бедра и плечи, чтобы сломать хребет.

Но не мог. Он просто гнулся, пока не воткнулся головой в землю, а дальше мне некуда было его сгибать.

Еще ничей позвоночник так не гнулся, чтобы при этом не лопнуть.

Тогда я поднял его коленом и отпустил, и он снова оказался на мне — такой шустрый.

Теперь я решил задушить его. Руки мои были гораздо длиннее, чем у него. Я вцепился ему в горло двумя пятернями, надавив большими пальцами, чтобы перекрыть дыхание. Однако он изнутри, под локтями, обхватил мои руки и стал отрывать их от себя движением вниз. Я продолжал сжимать горло, ожидая, когда лицо его потемнеет, а глаза ползут из орбит. Локти же мои все больше и больше сгибались, по мере того как он тянул вниз.

Затем его руки скользнули мимо моих и поймали мое горло.

Так мы там и стояли, пытаюсь удавить друг друга. Только его было не задушить.

Его большие пальцы как два штыка вонзались в мышцы моей шеи. Я чувствовал, что мое лицо наливается кровью. В висках стало пульсировать.

Откуда-то издалека я услышал крик:

— Останови его, Хасан! Он не должен этого делать!

Похоже, это был голос Красного Парика. Во всяком случае, именно это имя пришло мне на ум: Красный Парик. А это означало, что где-то поблизости находился Дональд Дос Сантос. И она сказала „Хасан“, имя, написанное на другой картинке, вдруг ясно представшей передо мной.

А это означало, что я Конрад, и что я в Египте, и что бесстрастное лицо, плавающее передо мной, следовательно, принадлежит борцу голему — Ролему — созданию, которое можно поставить на мощность, в пять раз превышающую силу человеческой особи, что, видно, и было сделано; вдобавок, ему можно было сообщить рефлекс кота после инъекции адреналина, и, без сомнения, с ними он и функционировал.

Однако голем не убивает, кроме как случайно, а Ролем старался убить меня.

А это означало, что его командный блок не действовал.

Я перестал его душить, убедившись, что это зряшное дело, и сделал упор левой ладонью под его правый локоть. Затем я дотянулся свободной рукой до его предплечий, ухватил правое его запястье и насколько возможно пригнул к земле, толкая вверх его локоть и оттягивая его запястье.

Когда, потеряв равновесие, он качнулся влево и я избавился от его хватки, я, продолжая удерживать его запястье, закрутил его руку так, чтобы локоть пошел вверх. Я напряг левую ладонь, вскинул ее возле своего уха и с силой опустил на локтевой сустав.

И ничего. Ничто не лопнуло, не треснуло. Рука его просто пошла вниз, выгнувшись в другую сторону под неестественным углом.

Я выпустил запястье, и он упал на одно колено. Затем он снова встал, тут же, и рука его при этом сама выпрямилась, а затем согнулась в подходящую ей сторону.

Если бы я мог прочесть мысли Хасана — что таймер Ролема поставлен на максимум, на целых два часа... А это, учитывая все обстоятельства, довольно много времени.

Но в тот момент я знал только, кто я такой и что я делаю. Я знал также, что именно входило в приемы борьбы голема. Этот экземпляр был големом борцом. Следовательно, он не умел боксировать.

Я бросил быстрый взгляд через плечо, туда, где я стоял, когда началась эта заварушка, — возле палатки с радиоприемником. До нее было футов пятьдесят.

И тут он меня чуть не достал. Стоило мне на долю секунды перенести внимание назад, как он освободился и, ухватив меня одной рукой ниже шеи, уперся другой в мой подбородок.

Он бы сломал мне шею, если бы продолжал в том же духе, но в этот момент последовал еще один толчок — довольно мощный, так что мы оба упали, и я успел освободиться от его захвата.

Прошло несколько секунд, и, когда я не без труда встал на ноги, земля еще подрагивала. Однако и Ролем был уже на ногах, готовый к новой атаке.

Мы были как два пьяных матроса, дерущихся на корабле, который бросает в бушующем море...

Он пошел на меня, и я отступил.

Я ударил его слева джебом и, пока он пытался схватить мою руку, врезал ему в живот. Затем я отскочил.

Он снова пошел на меня, и я продолжал наносить ему удары.

Бокс для него был то же самое, что для меня четвертое измерение,— он его просто не мог увидеть. Он продолжал наступать, вздрагивая от моих ударов, а я продолжал пятиться в направлении палатки с радиопередатчиком, а земля продолжала трястись, и где-то кричала женщина, и я слышал возглас „Оле!“, когда приложил правой ниже пояса, надеясь хоть немножко покурочить его мозги.

Затем мы оказались на том самом месте, и я увидел то, что мне было нужно — большой валун, которым я хотел запустить в радио. Я сделал ложный выпад левой, затем схватил Ролема за плечо и за бедро и поднял высоко над головой.

Я отклонился назад, напряг все свои мышцы и хрястнул его о камень.

Камень пришелся ему прямо в живот.

Ролем снова стал подниматься на ноги, но медленнее, чем прежде, и я трижды пнул его в живот своим значительно утолщенным правым сапогом, и на моих глазах он снова рухнул.

Станный, как у волчка, звук раздался из средней его секции.

Земля снова вздрогнула. Ролем обмяк и распластался неподвижно, и только пальцы его левой руки еще шевелились. Они продолжали сжиматься и разжиматься, странным образом напоминая мне руки Хасана в предыдущую ночь, проведенную в поселке.

Затем я медленно обернулся — и все они стояли там: Миштиго, и Эллен, и Дос Сантос с распухшей щекой, Красный Парик, Джордж, Рамзес и Хасан и три заклеенных пластырем египтянина. Я сделал к ним шаг, и они попятились — на их лицах был написан страх. Но я покачал головой.

— Нет,— сказал я,— со мной уже все в порядке,— только оставьте меня одного. Я иду к реке искупаться.— Я сделал семь шагов, а затем будто кто выдернул вилку из штепселя — во мне что-то екнуло, мир закружился и все как сквозь землю провалилось.

Дни, что последовали, были пеплом, а ночи — железом. Дух, вырванный из моей души, был захоронен глубже мумий, что лежали, рассыпаясь во прах, под теми песками. Сказано, Кассандра, что мертвый забывает мертвого в доме Гадеса, но я надеялся, что это не так. Желание возглавлять путешествие себя исчерпало, и Лоурел предложил мне назначить кого-нибудь для его завершения, а самому отбыть.

Я не мог.

Что бы я тогда делал? Сидел бы в мрачном раздумии в каком-нибудь Старом месте, зашибая на выпивку у неосторожных путешественников? Нет. В такой момент нужны хоть какие-то желания — они неизбежно заполняют внутреннюю пустоту. Так что я продолжил путешествие, сосредоточившись на маленьких загадках, наполнявших его.

Я разобрал Ролема и проверил его командный блок. Он, конечно, был разбит, а это означало, что его сломал или я, когда мы только начали схватку, или Хасан, когда поднакрутил его, чтобы Ролем меня одолел. Если это сделал Хасан, стало быть, он желал мне не просто поражения, а смерти. А если так, то возникал вопрос — зачем? Я спрашивал себя, знал ли его наниматель, что я когда-то был Карагиозисом. Если знал, то почему же он хотел убить основателя и первого секретаря своей собственной Партии — человека, который поклялся, что не даст распродать землю под своими ногами и превратить ее в место для развлечений своры голубых чужаков, — но не объявляя войны, а действуя иным способом, — и создал группу единомышленников, которые систематически, вплоть до нуля, занижали цену всей земельной собственности, принадлежавшей веганцам, и зашли даже столь далеко, что стерли с лица земли буйно процветающую на Мадагаскаре контору тайлеритов по продаже недвижимости, — человека, чьи идеалы он якобы поддерживал, хотя они постоянно направлялись в русло более мирных и легальных способов защиты собственности, — с чего бы ему желать моей смерти?

Следовательно, он или предал Партию, или же не знал, кто я такой, и замышлял что-то иное, когда ин-структировал Хасана убить меня.

Или же Хасан действовал по приказу кого-то другого.

Но кто это мог быть? И опять же, почему?
Ответа у меня не было. И я решил таковой найти.

Джордж первым выразил свое соболезнование.

— Я огорчен, Конрад, — сказал он, посмотрев куда-то мимо меня, затем вниз, на песок, а затем быстро — прямо мне в глаза. Он расстраивался, когда высказывал что-нибудь человеческое, и при этом испытывал желание исчезнуть. Я мог это объяснить. Сомневаюсь, чтобы парад, который устроили я и Эллен в предыдущее лето, хоть в какой-то мере привлек его внимание. За стенами биологической лаборатории страсти его прекращались. Я помню, как он анатомировал последнюю на земле собаку. Однажды после того, как целых четыре года он почесывал псу за ушами, вылавливал блох у него из хвоста и слушал, как тот лает, — однажды он позвал Ролфа. Ролф вбежал, таща старое посудное полотенце, которым они обычно играли в перетягивание, и Джордж подтянул пса поближе, сделал ему укол, а затем вскрыл. Он решил заполучить пса, пока тот еще в расцвете сил. На шкафу в лаборатории до сих пор стоит скелет. Он хотел также выращивать своих детей — Марка, Дороти и Джима — в камерах Скиннера, но Эллен каждый раз решительно этому противилась (устраивая там-тарарам!) в послеродовом своем приступе материнства, продолжавшемся по меньшей мере месяц — что было достаточно длительным сроком, чтобы нарушить баланс первичной стимуляции, необходимый Джорджу. Так что я, действительно, не видел в нем особого желания снять с меня мерку для деревянного ящика, что хранят под землей. Если бы он захотел, чтобы я умер, то это было бы что-нибудь хитроумное, быстроедействующее и экзотическое — ну, например, яд кролика с планеты Дивбан. Нет, ему до этого не было дела. Уверен.

Эллен, хотя и способная на сильные чувства, — всего лишь испорченная заводная кукла.

Едва она соберется действовать в соответствии со своими чувствами, как в ней непременно соскакивает какая-нибудь пружинка, и на следующий день она уже полна таких же сильных чувств по совсем другому поводу. Она замучила меня до смерти там, в Порту, и что касается ее, та наша с ней любовная история явно

не задалась. Ее соболезнование было такого вот рода:

— Конрад, ты даже не знаешь, насколько я огорчена. Правда! Хотя я никогда ее не встречала, я знаю, что ты должен испытывать, — и голос ее то набирал высоту, то падал, как на шкале, и я знал, что она верит в то, что говорит, и я ее тоже поблагодарил.

Хасан же подошел, когда я стоял, глядя на внезапно поднявшийся и помутневший Нил. Так мы стояли какое-то время, а потом он сказал:

— Женщина твоя ушла, и на сердце у тебя тяжело. Словами его не облегчишь, что написано, то написано. Но пусть тебе будет известно, что я скорблю вместе с тобой.

Затем мы еще довольно долго стояли вместе, и он ушел.

Насчет него я не гадал. Он был тем, кого можно было отставить в сторону, даже если он и запустил машину в действие. Он никогда не носил в себе злобу, никогда не убивал просто так. У него не было личных мотивов меня убивать. Я был уверен, что его соболезнование — истинное. Если он и собирался меня убить, то это никоим образом не пересекалось в данном случае с искренностью его чувств. Настоящий профессионал должен уметь отделять личное от того, что ему поручено.

Миштиго не выразил ни слова сочувствия. Это было бы противно его природе. Среди веганцев смерть — это время радости. На духовном уровне это означает *sagl* — завершение — рассыпание души на маленькие сладострастные уколы, рассеивающиеся вокруг, чтобы принять участие в великом всемирном оргазме; на материальном же уровне смерть представлена *apsakundabad't* — строго официальной описью большей части личного имущества покойного, чтением его завещания по наследству и дележом его богатств, что сопровождается мощным застольем с песнями и выпивкой.

Дос Сантос сказал мне:

— То, что с тобой случилось, очень печально, мой друг. Лишиться своей женщины — это лишиться крови в венах. Горе твое велико, и тебя не утешить. Это как тлеющий огонь, который не умирает, это печально и это ужасно... Смерть жестока и темна, — закончил он,

и глаза его увлажнились, поскольку, случись она с греком, евреем, мавром или еще кем-нибудь, для испанца жертва есть жертва, вещь, которой следует выказать свой пietet на одном из тех таинственно сокрытых уровней, каковых недостает мне.

Красный Парик подошла и сказала:

— Это чудовищно... Огорчена. Больше нечего сказать, сделать, но огорчена.

Я кивнул:

— Спасибо.

— И кое-что я должна тебя спросить. Но не сейчас. Позднее.

— Хорошо,— сказал я и, когда они ушли, стал снова смотреть на реку и подумал об этой последней парочке. В голосах их было такое же сочувствие, как и у остальных, однако похоже, что они каким-то образом были замешаны в истории с големом. Но я был убежден, что это именно Диана кричала, когда Родем теснил меня, кричала, чтобы Хасан его остановил. Таким образом, оставался Дон, но тут я начал испытывать сильные сомнения в том, что он способен что-либо сделать, не посоветовавшись предварительно с ней.

Сие же не оставляло никого.

И не было ни одного по-настоящему очевидного мотива...

И все это могло быть случайностью...

Но...

Но у меня было чувство, что кто-то хочет меня убить. Я знал, что Хасан не побрезгует делать две работы в одно и то же время для разных нанимателей, если только там нет столкновения интересов.

И это соображение сделало меня счастливым.

У меня появилась какая-то цель, какое-то дело. Ничто так не вызывает жажды жить, как чье-то желание, чтобы ты умер. Я найду этого человека, выясню, что к чему, и остановлю его.

Второй пасс смерти не заставил себя долго ждать, и как бы мне ни хотелось приписать его некоему агенту в человеческом облики, сделать этого я не мог. Это был один из фокусов слепой судьбы, который иногда является незванным гостем на обед. Однако же сам финал оставил меня в некотором недоумении, подарив мне для

размышления несколько новых, смущающих меня соображений.

Вот как это было.

Возле Нила, этого великого наводнителя, приносящего урожай, этого стирателя границ и отца геометрии на плоскости, сидел веганец, делая наброски противоположного берега. Полагаю, что, будь он на том берегу, он бы зарисовывал тот, на котором сидел, но это циничное предположение. Что меня беспокоило, так это факт, что он ушел один на то теплое, заболоченное место, никому не сказав, куда собрался, и не взяв с собой ничего более грозного, чем карандаш номер два.

И это случилось.

Старое пятнистое бревно, что проплывало вблизи берега, вдруг перестало быть старым пятнистым бревном. Его длинный извивающийся конец хлестнул небеса, а впереди возникла огромная зубастая пасть, и множество маленьких ног, цапнув кромку берега, покатались по земле колесом.

Я завопил и схватился за пояс.

Миштиго выронил блокнот для рисования и бросился наутек.

Но боадил уже настиг его, и стрелять я не мог.

Так что я сделал рывок к нему, но, пока я добежал, гад уже дважды обвился вокруг Миштиго, и тот из светло-голубого стал темно-голубым, и зубы уже приближались к нему. Теперь оставался лишь один способ расслабить сокращающиеся мышцы гада, хотя бы на мгновение. Подпрыгнув, я ухватился за эту голову, которая чуть замедлила движение, словно чтобы разглядеть свой завтрак, и мне удалось уцепиться пальцами за костяные наросты по ее бокам.

Со всей силой, на которую только способен, я воцелил большие пальцы в глаза гаду.

Тогда этот дергающийся гигант ударил меня серозеленым кнутом.

Я взлетел и приземлился на расстоянии десяти футов от своего прежнего местонахождения. Миштиго отбросило дальше, в сторону берега. Он еще не успел встать на ноги, когда гад снова атаковал.

Но только не его, а меня.

Он приподнялся над землей на футов восемь и обрушился на меня. Я метнулся в сторону, и большая плоская голова промахнулась всего лишь на несколько

дюймов, при том что меня с ног до головы обдало грязью и галькой.

Я откатился как можно дальше и начал вставать, но его хвост оказался тут как тут и снова сбил меня с ног. Ползком я рванулся назад, но было поздно — он набросил на меня петлю. Она обвилась вокруг моих бедер, и я снова упал.

Тут меня выше этой петли обхватили две голубые руки, но их помощи хватило только на пару секунд. Затем оба мы были повязаны узлами.

Я сопротивлялся, но можно ли бороться с толстым скользким бронированным кобелем, у которого множество лап, старающихся тебя разорвать. В тот момент правая моя рука была плотно прижата к боку, а левой мне не за что было уцепиться, чтобы что-нибудь придумать. Кольца вокруг меня сжимались. Голова приближалась, и я пытался выдернуться. Я колотился и царапался, пока наконец мне не удалось выпростать правую руку, отчасти лишившись при этом кожи.

Этой рукой я и остановил надвигающуюся голову. Я ухватился за нижнюю челюсть и уперся в нее, не давая голове приблизиться. Вокруг моего пояса обвилась еще одна тугая петля — она была даже мощнее, чем объятие голема. Гад замотал головой, освобождаясь от моей руки, — голова опустилась, широко раскрывая челюсти.

Соппротивление Миштиго, должно быть, тоже мешало гаду — движения последнего были не столь скоры, что давало мне время сориентироваться.

Чтобы удержать челюсти, я сунул обе руки в пасть.

Небо было скользким, и ладонь моя медленно сползала по нему. Собрав все свои силы, я еще крепче даванул на нижнюю челюсть. Пасть открылась еще на полфута и на этом застопорила.

Гад попытался податься назад, чтобы освободиться от меня, но петли, которыми он нас сжимал, лишали его надежной опоры.

Правая моя рука скользнула глубже — еще немного, и я потеряю упор.

И тут я услышал чей-то громкий крик.

И почти одновременно последовал этот вздрог. Я быстро высвободил руки, почувствовав, что на мгновение силы покинули это существо. Затем раздалось

страшное клачение зубов, и по телу гада пошли конвульсии. На какой-то миг я потерял сознание.

Затем я стал с ним бороться, пытаюсь выпутаться из узлов. Копье с гладким древком, проткнувшее боадила, вынимало из него жизнь, и движения его вдруг стали скорее спазматическими, нежели агрессивными.

Меня еще дважды опрокинуло ударами его хвоста, но я все же освободил Миштиго, и мы отбежали футов на пятьдесят, откуда и смотрели, как умирает боадил. Это продолжалось недолго.

Тут же с невозмутимым видом стоял Хасан. Ассагай, в метании которого Хасан так долго тренировался, сделал свое дело. Когда позднее Джордж вскрыл это чудовище, мы обнаружили, что копье прошло в двух дюймах от сердца, перебив большую артерию. Между прочим, у него было две дюжины ног, равно расположенных по двум его сторонам, как и можно было ожидать.

Дос Сантос стоял возле Хасана, а Диана стояла возле Дос Сантоса. Все остальные из нашего лагеря тоже были там.

— Хороший номер,— сказал я.— Отличный бросок. Спасибо.

— Ничего особенного,— ответил Хасан.

Ничего особенного, сказал он. Ничего, если не считать смертельной схватки с големом, которого он изловчился настроить на убийство. Но если в тот раз Хасан хотел меня убить, тогда почему он спас меня от боадила?

Если только все, что он сказал тогда в Порту, не голая правда — что его наняли защищать веганца. Это было его главное дело, а убивать меня было делом второстепенным — в таком случае он спас меня как бы за компанию с Миштиго.

Но тогда...

О, черт подери. Выброси это из головы.

Я поднял камень и швырнул его как можно дальше, затем другой. Скиммер должен был прилететь к нашему лагерю на следующий день, и мы должны были отправиться в Афины, сделав только одну остановку, чтобы подбросить Рамзеса и трех его помощников до Нового Каира. Я был рад, что покидаю Египет с его былью

и пылью, с его мертвыми полубогами-полуживотными. Меня уже тошнило от этого места.

Тут на связь из Porta вышел Фил, и Рамзес позвал меня в палатку с радиопередатчиком.

— Слушаю,— сказал я.

— Конрад, это Фил. Я только что написал элегию в память о ней, и я бы хотел тебе ее прочесть. Хотя я никогда с ней не встречался, я слышал, что ты говорил о ней, и я видел ее портрет, так что, думаю, у меня довольно хорошо получилось...

— Фил, пожалуйста, мне сейчас не до поэтических соболезнований. Может, в другой раз...

— Но эта элегия написана не по трафарету. Я знаю, что ты такие не любишь. Так что я на тебя не обижаюсь.

Рука моя зависла над тумблером отключения связи, подождала, а затем вместо этого потянулась к сигаретам Рамзеса.

— Ладно. Давай. Я слушаю.

И он прочел, и это в самом деле было неплохо написано. Я мало что запомнил. Я только запомнил те живые, чистые слова, идущие сюда с расстояния в полземного шара, и себя, что стоял здесь, ободранный снаружи и внутри, и слушал их. Он описал добродетели Нимфы, которую заполучил Посейдон, затем уступивший ее своему брату Гадесу. Он взывал к всеобщей скорби всех четырех стихий. И пока он читал, я мысленно перенесся обратно в те два счастливых месяца на Косе, и все последующее изгладилось из памяти; и мы снова были на борту „Идола“, держа курс на островок, с его полусвященной рощицей — мы выбрали его для нашего пикника, и купались там, лежали под лучами солнца, не разнимая рук, без слов, просто ощущая, как солнце пад, словно водопад, только нежный, горячий, сверкающий, низвергается на наши розовые обнаженные души, там, на бесконечном пляже, который кружил, окружая то крошечное царство, и неизменно возвращался к нам.

Он закончил и пару раз кашлянул, прочищая горло, и остров мой пропал из виду, унеся часть меня с собой, поскольку все это было, было.

— Спасибо, Фил,— сказал я.— Очень мило.

— Мне очень приятно, что ты одобряешь,— сказал он.— Я вылетаю в полдень в Афины. Я бы хотел при-

соединиться к вам на этом отрезке вашего пути, если ты не возражаешь.

— Давай,— сказал я.— Только, если можно, объясни, с какой целью?

— Хочу снова увидеть Грецию. Поскольку и ты там будешь, есть повод вспомнить наше прошлое. Я бы хотел бросить прощальный взгляд на несколько Старых Мест.

— Ты что, с жизнью прощаешься?

— Хм... Я принял серию таблеток Ж. С. со всеми вытекающими отсюда последствиями. Мне чудится, что пружина у меня внутри все слабеет и слабеет. Может, таблетки подзаведут ее, а может, нет. Так или иначе, я снова хочу повидать Грецию, и, кажется, это последний шанс.

— По-моему, ты заблуждаешься. Так или иначе, мы будем обедать завтра в Алтарном Саду, около восьми вечера.

— Прекрасно. Там и увидимся.

— Кончаю связь.

— До свидания, Конрад.

— До свидания.

Я вышел, принял душ, натерся жидкой мазью и оделся во все чистое. В нескольких местах еще болело, но тело мое было по крайней мере чистым. Затем я разыскал веганца, который только что завершил такое же омовение, и вперил в него злобный взгляд.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь,— начал я,— но одна из причин, почему вам хотелось, чтобы я устроил этот спектакль,— это мой потенциальный дар выживания. Верно?

— Верно.

— Так вот, я сделал все возможное, дабы вы убедились в его реальности, как и в том, что я его использовал исключительно ради всеобщего благополучия.

— Разве для вас это не то же самое, как когда вы в одиночку сражались против всех?

Я потянулся к его горлу, однако сдержался. Наградой мне был его страх, округливший его глаза и искрививший уголки его рта. Он сделал шаг назад.

— Забудем,— сказал я ему.— Я здесь лишь для того, чтобы доставлять вас, куда вам угодно, и следить, чтобы вы вернулись домой с целой и невредимой шкурой. Этим утром в роли неплохой закуски для боадила

вы создали мне некоторые проблемы. Таким образом вы получили предупреждение, что отправляться в ад за огоньком для сигареты дураков нет. И если вам вздумается шляться в одиночку, сначала убедитесь, что ничего вокруг вам не угрожает.— Во взгляде его появилась нерешительность. Он отвел глаза.— В противном случае,— продолжал я,— берите с собой вооруженный эскорт, поскольку сами вы отказываетесь носить оружие. Вот и все, что я должен сказать. Если вас это не устраивает, скажите мне — я уеду и предоставлю в ваше распоряжение другого гида. Во всяком случае, Лоурел полагал, что так я и сделаю. Так что слово за вами.

— Лоурел действительно так сказал?

— Да.

— Поразительно... Ну конечно, да. Я буду выполнять ваши требования. Я вижу, что это благоразумно.

— Вот и отлично. Вы сказали, что хотите в полдень снова посетить Долину Цариц. Рамзес возьмет вас. Сам я что-то не очень настроен. Мы отбываем завтра утром в десять. Будьте готовы.

И я пошел прочь, ожидая, что он что-нибудь скажет, хотя бы одно слово.

Но он не сказал.

К счастью для тех, кто выжил, и для тех, кто еще не родился, Шотландия мало пострадала во время Трех Дней. Я достал из морозильника коробку со льдом, а из палатки, где мы ели, бутылку содовой. Я включил вентилятор возле койки, открыл пятую бутылку виски из своих личных запасов и провел остаток дня в размышлении по поводу нашей суеты сует.

Поздно вечером, когда я окончательно протрезвел и что-то нашарил, дабы подкрепиться, я взял оружие и вышел подышать свежим воздухом. Приблизившись к восточной стороне периметра электрооповещения, я услышал какие-то голоса, поэтому сел в темноте, прислонившись спиной к довольно большому камню, и прислушался. Я узнал вибрирующие диминуэндо голоса Миштиго, и мне захотелось услышать, о чем он говорит.

Однако слов я не мог разобрать.

Собеседники были далековато, а акустика пустыни — не самая лучшая в мире вещь. Я сидел, напрягши

ту часть себя, которая слушала, и случилось то, что бывало и раньше.

Я сидел на одеяле возле Эллен, обняв рукой ее за плечи. Своей голубой рукой...

Но видение исчезло, поскольку я с содроганием отмел возможность побыть веганцем, пусть даже в состоянии телепатического исполнения желаний, и я снова оказался возле своего камня.

Однако мне было одиноко, а Эллен показалась мягче, чем камень, а меня по-прежнему разбирало любопытство.

Так что я опять оказался там, задрав при этом голову.

— ...отсюда мне не видно,— говорил я.— Но Вега является звездой первой величины, расположенной в том самом месте, которое ваши люди называют созвездием Лиры.

— А как там на Тайлере? — спросила Эллен.

Последовала долгая пауза. А после нее:

— Зачастую людям не под силу вообразить то, что представляется наиболее существенным. Как передать лицу, с которым вы говорите, информацию, которую он органически не может воспринять,— вот в чем проблема. Тайлер не похож на эти места. Там нет пустынь. Весь мир покрыт зеленью. Но... Позвольте мне цветок из ваших волос. Взгляните. Что вы видите?

— Красивый белый цветок. Потому я и сорвала его и воткнула в волосы.

— Но это вовсе не просто красивый белый цветок. Во всяком случае, для меня. Ваши глаза воспринимают свет на длине волны от 4000 до 7200 единиц ангстрем. Глаз же веганцев видит как бы глубже — ультрафиолетовые лучи на волне примерно до 3000. Мы не видим то, что вы относите к „красному“, однако в этом „белом“ цветке я вижу два цвета, для которых в вашем языке нет слов. Мое тело покрыто узорами, которых вы не можете разглядеть, но они примерно такие же, как у остальных членов моей семьи, так что любой веганец, знакомый со Штигогенами, может с первого взгляда назвать мою семью и место, где мы живем. Некоторые наши картины выглядят слишком кричащими для землян или даже кажутся одноцветными — обычно, голубыми — поскольку оттенков земляне не видят. Наша музыка по преимуществу воспринимается вами как

паузы тишины, хотя на самом деле это не паузы, а мелодия. Наши города чисты и рационально расположены. Они собирают дневной свет и излучают его в ночное время. Движение в них медленное, а звуки приятны. Для меня это значит многое, но я не знаю, как все это описать человеку.

— Но ведь люди — я имею в виду землян — живут в ваших мирах...

— Но на самом-то деле они видят, слышат или чувствуют эти миры совсем не так, как мы. Между нами пропасть — мы это признаем и понимаем, но нам ее не преодолеть. Вот почему я не могу вам рассказать о планете Тайлер. Для вас этот мир оказался бы не таким, каков он для меня.

— Однако я хотела бы его повидать. Очень. Думаю, я даже хотела бы там жить.

— Не уверен, что вы были бы там счастливы.

— Почему не уверены?

— Потому что эмигрант есть эмигрант, если только он не веганец. Здесь вы далеко не из низшей касты. Я знаю, что вы не употребляете этот термин, но это именно то, что я хочу сказать. На этой планете сотрудники Конторы и члены их семей принадлежат к высшей касте. Затем идут богатые люди, не входящие в штат, затем те, кто работает на богатых, а за ними — те, кто живет за счет обработки земли; и на самом дне пребывают те несчастные создания, что живут в Бывших местах. Здесь вы наверху. На Тайлере же вы будете на дне.

— Почему только так, а не иначе? — спросила она.

— Потому что для вас этот цветок — белый,— сказал я, возвращая его ей.

Последовало долгое молчание. Ветерок был довольно прохладным.

— Во всяком случае, я счастлива, что вы сюда приехали,— сказала она.

— Это интересное место.

— Рада, что оно вам нравится.

— Человек по имени Конрад действительно ваш любовник?

Я даже покачнулся от этого неожиданного вопроса.

— Это не вашего голубого ума дело,— сказала она,— но если хотите знать, то — да.

— Понимаю, почему,— сказал он, и мне стало не по себе, будто я подглядывал за собой со стороны, или же — если уж вдаваться в оттенки — будто я подглядывал, как я подглядываю.

— Так почему? — спросила она.

— Потому что вам нужно что-то странное, сильное, экзотическое. Потому что для вас счастье там, где вас нет и где вы не вы.

— Неправда... А может быть, и так. Да, однажды он что-то такое мне говорил. Возможно, что правда.

В тот момент мне стало ее очень жалко. Мне захотелось ее как-то утешить, и инстинктивно я потянулся к ней и взял ее руку.

Только это Миштиго потянулся и взял, хотя и не собирался. Из-за меня.

Я вдруг струсил.

Впрочем, как и он.

Я это чувствовал.

Я почувствовал, что он почувствовал присутствие постороннего в себе, и все поплыло передо мной, будто я был сильно пьян.

Мне тут же захотелось улизнуть, и я снова оказался возле своего камня, но это после, а до того она еще успела уронить цветок, и я услышал, как она сказала: „Бери меня“.

„Черт ее подери, эту псевдотелепатию по исполнению желаний! — подумал я. — В один прекрасный день может оказаться, что все это не псевдо, а всерьез“.

Я-то ведь видел два цвета в том цветке, цвета, для которых у меня не было слов...

Я пошел обратно к лагерю. Не останавливаясь, миновал его. Дошел до другой стороны периметра электрооповещения, сел на землю и закурил. Ночь была прохладна, ночь была темна.

Только я выкурил две сигареты, как позади раздался голос, но я не обернулся.

— В доме великом и в доме огня, в великий день, когда расчислены все дни и годы, о, верни мне имя мое,— произнес голос.

— Браво,— сказал я мягко.— Цитата к месту. Узнаю Книгу Мертвых, которую треплют почем зря.

— Я пользовала ее не почем зря, а наоборот,— к месту, ты сам это сказал.

— Тем лучше для тебя.

— О, в тот великий день, когда расчислены все дни и годы, если тебе вернут имя твое, как тебя будут величать?

— Не вернут. Я собираюсь задержаться. И что в имени тебе моем?

— Смотри в каком. Если, например, „Карагиозис“...

— Попробуй сесть так, чтобы я тебя видел. Не люблю, когда стоят за спиной.

— Сажусь. Ну так?

— „Ну так“ что?

— Например, „Карагиозис“.

— А я-то при чем?

— При том, что это кое-что значит. Во всяком случае, значило когда-то.

— Карагиозис был персонажем в старом греческом театре теней, что-то вроде Панча в европейских кукольных представлениях „Панч и Джуди“. Он был недотепа и шут.

— Он был греком, и он был далеко не глуп.

— Ха! Он был неряха и трус.

— Но также и храбрец. Обаяшка. Сама жизнь грубого помола. А чувство юмора! Готов разнести на куски даже пирамиду. Также и силач, когда захочет.

— Где он сейчас?

— Хотела бы знать.

— А почему вопрос ко мне?

— Потому что так тебя называл Хасан в ту ночь, когда ты дрался с големом.

— А... понятно. Ну, это что-то вроде бранного слова, общее обозначение, синоним дурака, уменьшительное имя — как если бы я называл тебя „Рыжик“... И коль скоро об этом речь, интересно бы знать, как все-таки ты выглядишь в глазах Миштиго? Ты знаешь, что веганцы не воспринимают цвет твоих волос?

— Мне абсолютно безразлично, как я для них выгляжу. Как ты выглядишь — вот что интересно. Полагаю, что у Миштиго на тебя довольно толстое досье. Что-то он говорил насчет того, что тебе несколько сот лет.

— Сильно преувеличено, чуть ли не вдвое. Однако ты вроде довольно много знаешь. А как насчет твоего досье на Миштиго, оно толстое?

— Пока не очень.

— Похоже, что ты ненавидишь его больше, чем кого бы то ни было. Это так?

— Так.

— Почему?

— Он веганец.

— И что с того?

— Я ненавижу веганцев, вот и все.

— Нет, что-то еще.

— Верно... Ты знаешь, что ты силач?

— Знаю.

— По правде говоря, ты самый сильный из человеческих существ, с которыми я только встречалась. Достаточно сильный, чтобы сломать шею летуче-паучьей мыши, затем упасть в воды бухты в Пирее, выплыть на берег и позавтракать.

— Странный ты выбрала пример.

— Не очень уж странный. Ну так как?

— Что?

— Я хочу знать, мне это нужно.

— Сожалею.

— Одного слова „сожалею“ маловато. Добавь еще какое-нибудь.

— Добавить нечего.

— Неправда. Нам нужен Карагиозис.

— Кому это нам?

— Редполу. Мне.

— Что, снова?

— Хасан древен, но не как само время, а лишь вполовину его. Карагиозис древнее. Хасан знал его. Он помнит, он назвал тебя „Карагиозис“. Это ты Карагиозис — тот, кто убивает, кто защищает Землю. Ты нам нужен. Очень. Армагеддон уже пришел — и не с мечом, а с чековой книжкой. Веганец должен умереть. Альтернативы нет. Помоги нам покончить с ним.

— Что вы хотите от меня?

— Не мешай Хасану уничтожить его.

— Нет.

— Почему нет? Кто он для тебя?

— Вообще-то никто. По правде сказать, мне он очень не нравится. Но кто он для вас?

— Несущий гибель.

— Но тогда скажи мне, как и почему, и, может, мой ответ тебя больше устроит.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что я не знаю.

— Тогда спокойной ночи. И все.

— Подожди! Я действительно не знаю — но так передали с Тайлера, из тамошней агентуры Редпола: он должен умереть. Его книга — это вовсе не книга, и дело не в нем, а в тех, кто за его спиной. Я не знаю, что все это значит, но наши резиденты прежде никогда не обманывали. Ты жил на Тайлере, ты жил на Бакабе и в доброй дюжине других миров. Ты Карагиозис. Ты знаешь, что наши резиденты никогда не врут, потому что это ты, Карагиозис, собственными руками создавал шпионскую сеть. А теперь ты получаешь от них информацию и пренебрегаешь ею. Я передаю тебе их слова: он должен умереть. Он воплощает собой конец всему, за что мы боремся. Они говорят, что он инспектор, которого нельзя допускать до инспекции. Принцип тебе известен. Деньги против Земли. И еще большая эксплуатация со стороны веганцев. Вот главное, а детали они не могли передать.

— Сожалею. Я обязался его охранять. Если бы ты назвала весомую причину, я, может, дал бы более весомый ответ... Хасан же пытался меня убить.

— Ему велели только остановить тебя, вывести из строя, чтобы мы могли уничтожить веганца.

— Нет, все это не то, не то. Я это не принимаю. Иди своей дорогой. Обещаю немедленно все забыть.

— Нет, ты должен помочь нам. Что для Карагиозиса жизнь одного веганца?

— Я не буду поддерживать идею его убийства без весомой и справедливой на то причины. Пока же ты ничего мне не доказала.

— Это все, что у меня есть.

— Тогда спокойной ночи.

— Нет. У тебя два профиля. Справа ты полубог, а слева ты дьявол. Один из них нам поможет, должен помочь. Мне все равно, кто именно.

— Не пытайся причинить зло веганцу. Мы о нем позаботимся.

Так мы там и сидели. Она взяла у меня сигарету, и мы сидели и курили.

— ...Не могу,— сказала она, помолчав.— Не могу тебя ненавидеть. Хотя это так просто.

Я не ответил.

— Я много раз видела, как ты важно расхаживаешь в своем Черном Костюме, пьешь ром, как воду, корчишь из себя знатока, кичишься своей силой... Ты ведь вкладываешься во все, что только движется, не так ли?

— За исключением шмелей и рыжих муравьев.

— Может, у тебя есть какой-нибудь капитальный план, о котором нам неизвестно? Тогда скажи нам, и мы поможем тебе его осуществить.

— Это тебе пришло в голову, что я Карагиозис. Я уже объяснил, почему Хасан назвал меня этим именем. Фил знал Карагиозиса, а ты знаешь Фила. Он что-нибудь когда-нибудь говорил об этом?

— Ты сам знаешь, что нет. Он твой друг, и он бы не стал злоупотреблять твоим доверием.

— Есть еще какие-нибудь признаки идентичности, кроме случайно оброненного Хасаном слова?

— Описания внешности Карагиозиса нет. Ты был предусмотрителен.

— Вот и прекрасно. Иди и не мешай мне.

— Нет, пожалуйста.

— Хасан пытался меня убить.

— Да. Должно быть, он подумал, что легче тебя убить, чем временно убрать с дороги. Все-таки он знает тебя лучше, чем мы.

— Тогда почему он спас меня сегодня от боадила, заодно с Миштиго?

— Я бы не хотела говорить.

— Хорошо, я не спрашивал.

— Нет, я скажу. Ассагай — это было единственное, что оказалось у него под рукой. Хасан еще недостаточно им овладел. Он целился не в боадила.

— О...

— Но также и не в тебя. Эта тварь слишком уж извивалась. Он хотел убить веганца, и он просто бы сказал, что пытался спасти обоих, используя то, что под рукой, но что произошло ужасное несчастье. К сожалению, ужасного несчастья не произошло. Он не попал в цель.

— Тогда почему он не предоставил боадилу убить веганца?

— Потому что ты уже высвободил руки и схватился с тварью. Он боялся, что ты сам спасешь веганца. Он боится твоих рук.

— Приятно слышать. Он что, по-прежнему будет пытаться его убить, если даже я откажусь от участия в этом?

— Боюсь, что да.

— Мне очень жаль, моя дорогая, но я этого не позволю.

— Ты его не остановишь. И мы его не отзовем. Пусть даже ты Карагиозис и изранен, а моя печаль по твоему поводу вышла из берегов, Хасана не остановить ни мне, ни тебе. Он Убийца. И он никогда не проигрывает.

— Равно как и я.

— Нет, ты проигрываешь. Ты только что проиграл и Редпол и Землю, и все, что еще хоть что-то значит.

— Женщина, я держу ответ перед самим собой. Иди своей дорогой.

— Не могу.

— В чем же дело?

— Если ты этого не знаешь, тогда Карагиозис действительно недотепа и глупец, персонаж театра теней.

— Некий человек по имени Томас Карлейл писал когда-то о героях и поклонении им. Он тоже был глупец. Он верил в существование подобных созданий. Героизм — это всего лишь вопрос обстоятельств и требований момента.

— Но идеалы входят в картину мира тоже случайно.

— Какие там идеалы? Это просто призраки призраков, и больше ничего.

— Пожалуйста, не говори мне подобные вещи.

— Я должен, потому что это правда.

— Ты лжешь, Карагиозис.

— Я не лгу, а если да, то на пользу, девочка.

— Я достаточно стара, чтобы быть бабушкой всякому, за исключением разве что одного тебя, так что не называй меня „девочкой“. Тебе известно, что мои волосы — это парик?

— Да.

— Тебе известно, что я однажды подцепила веганскую болезнь и что именно поэтому вынуждена носить парик?

— Нет. Очень сожалею. Я этого не знал.

— Когда я была молода, давным-давно, я работала на веганском курорте. Я была девочкой для удовольствий. Никогда не забуду, как они выдыхали из своих мерзких легких прямо в мое тело, как они каса-

лись меня своей плотью мертвецкого цвета. Я ненавижу их, Карагиозис, ненавистью, которую могут понять только такие люди, как ты, кто сам испытал великую ненависть.

— Прости меня, Диана. Прости, раз тебе до сих пор больно. Но я еще не готов действовать. Не подталкивай меня.

— Так ты Карагиозис?

— Да.

— Тогда я удовлетворена, в каком-то смысле.

— Но веганец будет жить.

— Это мы посмотрим.

— Да, посмотрим. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Конрад.

И я встал и оставил ее и вернулся в свою палатку. В ту же ночь, позднее, она пришла ко мне. Хлопали края палатки, шелестело постельное белье, и она была здесь. И уже забыв все, что к ней относилось — красноватый ее парик, и брови домиком, и желваки под скулами, и ее привычку проглатывать в разговоре слова и буквы, и все эти ее манерные жесты, и тепло ее тела, будто сердца звезды, и это ее странное обвинение, брошенное человеку, которым я, может, некогда был,— забыв все это, я запомню другое: что она пришла ко мне, когда я в ней нуждался, что она была тепла, нежна, и что она пришла ко мне...

На следующее утро после завтрака я собрался поискать Миштиго, но он первый меня обнаружил. Я был внизу у реки, где разговаривал с людьми, отвечающими за фелюгу.

— Конрад,— мягко сказал он,— можно поговорить с вами?

Я кивнул и махнул рукой в сторону лощины:

— Пойдемте туда. Здесь я все закончил.

И мы пошли.

С минуту помолчав, он сказал:

— Знаете, в моем мире есть несколько ментальных систем, и порой они обнаруживают свои экстрасенсорные возможности.

— Да, я об этом слышал,— сказал я.

— Веганцы по преимуществу к этому предрасположены, не всегда, но часто. У некоторых есть в этом

смысле определенные способности. У многих их нет. Однако почти у всех у нас есть для этого некое чувство,— мы чувствуем проявление этого феномена.

— Да что вы?

— Сам я не телепат, но я убежден, что у вас такой дар есть, поскольку вы применили его на мне прошлой ночью. Я это почувствовал. Для ваших людей это вещь редкая, вот почему я ее не предусмотрел и не предпринял никаких мер предосторожности. Кроме того, вы выбрали подходящий момент и попали в точку. Сознание мое было для вас открыто. Я должен выяснить, много ли вы узнали.

Да, тут явно была какая-то экстрасенсорика, связанная с планом зрительных образов. Обычно сюда входит мгновенное образное восприятие предмета плюс то, что можно назвать подглядыванием за чужими мыслями и чувствами, которые облекаются в слова,— и я иногда принимал их неправильно. Вопрос Миштиго показывал, что он не знал, как далеко я зашел, а я слышал, что некоторые профессиональные веганские психоаналитики умели буквально продираться в подсознание. Поэтому я решился на блеф.

— Я так понимаю, что вы пишете не просто книгу о путешествии,— сказал я.

Он не ответил.

— К несчастью, я не единственный, кто догадывается об этом,— продолжал я,— что ставит вас в несколько опасное положение.

— Почему? — неожиданно спросил он.

— Потому что они, может, просто впали в заблуждение,— рискнул я.

— Кто они?

— Сожалею, но...

— Я должен знать.

— Еще раз сожалею. Если вы хотите уехать, я сегодня же могу доставить вас в Порт.

— Нет, это невозможно. Я должен продолжать. Что от меня требуется?

— Какая-то дополнительная информация, чтобы я сделал свои выводы.

— Нет, вы уже и так слишком много знаете... Но тогда,— резко повернулся он ко мне,— тогда должна быть подлинная причина того, почему Дональд Дос Сантос здесь. Он человек умеренных взглядов. Должно

быть, активисты Редпола что-то разузнали и, как вы говорите, впали в заблуждение. Он должен знать об опасности. Видимо, мне следует пойти к нему

— Не думаю,— быстро сказал я.— На деле это ничего не изменит. Что вы ему скажете?

Последовала пауза. Затем он сказал:

— Понимаю, что вы имеете в виду. Мне тоже уже приходило в голову, что он, возможно, вовсе не такой умеренный, как я полагал... Если это так, то тогда...

— Ага,— сказал я.— Так хотите назад?

— Не могу.

— О'кей, голубочек. Так вы собираетесь мне доверять или нет? Можете рассказать мне кое-что о своей инспекции...

— Нет! Я не знаю, что вы уже знаете, а что нет. Для меня очевидно, что информации вам явно не хватает, посему, думаю, что вы знаете немного. То, что я делаю,— это пока секретно.

— Но я пытаюсь вас защитить,— сказал я,— следовательно, мне нужно столько информации, сколько возможно.

— Тогда защищайте мое тело и позвольте мне самому позаботиться о своих мыслях и мотивах. Впредь мое сознание будет для вас закрыто, так что вам нет смысла тратить время на его прощупывание.

Я протянул ему автоматический пистолет:

— Предлагаю вам носить оружие, пока путешествие не закончится,— чтобы защищать свои мотивы.

— Отлично.

Пистолет исчез под его колышущейся рубашкой.

Пуф-пуф-пуф,— дышали веганские легкие.

Так-тебя-растак,— бежали мои мысли.

— Идите готовьтесь,— сказал я.— Скоро мы отправляемся.

Я направился обратно в лагерь, выбрав другую дорогу, чтобы проанализировать свои собственные мотивы. Книга сама по себе не может ни создать, ни расколоть ни Землю, ни Редпол, ни Возвращенство. В действительности этого не сделал даже „Зов Земли“ Фила. Но Миштиго был занят чем-то более важным, чем книга. Инспекцией? Но какого рода? Хочет что-то раскрыть? Но в каком направлении? Я не знал,

и я должен был знать. Если бы нас собирались уничтожить, то веганцу Миштиго не позволили бы здесь жить,— я же не мог позволить его уничтожение, если в задуманном веганцами была хоть какая-то польза. А она могла быть.

Следовательно, кто-то должен был взять тайм-аут, пока мы не разберемся.

Ниточку дернули — и я пошел по ней.

— Диана,— сказал я, когда мы стояли в тени ее скиммера,— ты говоришь, что я для тебя что-то значу — и сам по себе и как Карагиозис.

— Похоже, что так.

— Тогда слушай меня. Ты, конечно, имеешь право заблуждаться по поводу веганца. И в случае, если ты в самом деле заблуждаешься, его убийство будет очень большой ошибкой. Именно по этой причине я не могу этого допустить. Отложите все, что вы запланировали, пока мы не прибудем в Афины. Затем запросите Редпол уточнить вашу задачу.

Она уставилась на меня, а затем сказала:

— Хорошо.

— А что Хасан?

— Ждет.

— Он действует по собственному выбору относительно места и времени, так, что ли? Он только ждет случая нанести удар?

— Да.

— Тогда ему надо дать отбой, пока мы не разберемся.

— Хорошо.

— Ты ему скажешь?

— Ему скажут.

— Вот и славно.

И я отошел.

— А если,— сказала она,— если ответ только подтвердит предыдущую задачу, что тогда?

— Посмотрим,— сказал я, не оборачиваясь.

Она осталась возле своего скиммера, а я вернулся к своему.

Когда пришел именно тот ответ, которого я и ожидал, я знал, что заполучу только лишнюю головную боль. Потому, что я уже принял решение.

Далеко на юго-восток от нас Мадагаскар еще оглушал счетчики Гейгера своими радиоактивными криками боли, отдавая должное искусству одного из нас.

Я был уверен, что ни перед какими препятствиями Хасан не остановится и глаз не отведет — тех самых пронизанных солнцем, привычных к смерти желтых глаз...

Помешать ему будет трудно.

Вон. Внизу под нами.

Смерть, пекло, грязные полосы прибоя, новые очертания берегов...

Вулканическая деятельность Хиоса, Самоса, Икарии, Накоса...

Сметен Галикарнас...

Снова видна западная оконечность Коса, ну и что с того?

...Смерть, пекло, грязные полосы прибоя.

Новые очертания берегов...

По моему приказу мы сошли с трассы — весь наш конвой — чтобы осмотреть эти места. Миштиго делал свои устные заметки, фотографировал.

Еще раньше Лоурел передал: „Продолжайте путешествие. Имуществу нанесен не слишком большой ущерб, поскольку архипелаг был в основном забит макулатурой. Персонал или погиб, или получил травмы — раненым оказана необходимая помощь. Так что продолжайте“.

Я скользил на малой высоте над тем, что осталось от Коса, — над его вытянутой западной оконечностью. Дикий вулканический ландшафт, новые дымящиеся вулканы среди заполненных сверкающим морем трещин, крест-накрест исчертивших землю. Когда-то здесь была древняя столица Астипалея. Фукидид сообщает, что она была разрушена мощным землетрясением. Посмотрел бы он на вот это. Мой северный город Кос был заселен с 366 года до Рождества Христова. Теперь все исчезло, вместо него только вода и пекло. Ничего не уцелело — ни дерево Гиппократы с плоской кроной, ни мечеть Логгия, ни замок Родосских Рыцарей, ни фонтаны, ни мой коттедж, ни моя жена — все, видимо, было сметено волнами прибоя или погрузилось на дно моря — ушло туда же, куда и почивший Феокрит, который некогда столь обессмертил эти места. Ушло. Прочь.

Далеко... Бессмертное и мертвое — для меня. Дальше на восток из морских вод еще высовывались несколько пиков той высокой горной гряды, что пересекала северную прибрежную равнину. Это был мощный пик Дикайос, или Христос Справедливый, который прежде обозревал сверху вниз деревни на северном склоне. Теперь это был лишь маленький островок, и никому не удалось вовремя забраться на его вершину.

Что-то подобное, должно быть, имело место и в давно минувшие времена, когда море возле земли, где я родился, теснимое полуостровом Халкидики, вздыбилось и атаковало сушу; в те времена, когда воды внутреннего моря нашли себе выход через горловину Теспе, этот могучий катаклизм оставил свой след даже на стенах самого дома богов Олимпа, пощадив лишь мистера и миссис Девкалион, которые благодаря этим богам остались на плаву, чтобы сотворить миф и рассказать его людям.

— Вы жили здесь, — сказал Миштиго.

Я кивнул.

— Однако родились вы в деревне Макриница среди холмов Фессалии.

— Да.

— А поселились здесь.

— Ненадолго.

— „Дом“ — это идея всемирная, — сказал он, — я высоко ее чту.

— Благодарю.

Я продолжал смотреть вниз, на то, что было под нами, сходя с ума от боли и горечи, а затем возникла пустота.

После моего отсутствия Афины внезапно оказываются столь мне близки, что это всегда бодрит, иногда обновляет, а порой и возбуждает. Как-то Фил читал мне строки одного из последних великих греческих поэтов Йоргаса Сефериса, дабы поддержать то, что он относил к моей Греции: „Страна, которой нет у нас больше, нет и у вас“, — он имел в виду веганцев. Когда я на это заметил, что во времена Сефериса никаких веганцев в наличии не было, Фил возразил, что-де поэзия существует независимо от времени и пространства и в ней только тот смысл, который вкладывает в нее читатель. Хотя я никогда не был убежден, что лицензия на право заниматься литературой тоже под-

ходит для путешествия во времени, у меня были другие причины не соглашаться с ним и не считать, что ее тексты универсальны.

Это наша страна. Готы, гунны, болгары, сербы, франки, турки, а позднее веганцы так и не отринули ее от нас. Люди, я выжил. Афины и я — мы вместе изменились, до какой-то степени. Однако материковая Греция есть материковая Греция, и она для меня не меняется. Попробуйте ее отобрать, кто бы вы ни были, и мои клефты скрытно выйдут на холмы, как хтонические мстители древности. Вы уйдете, а холмы Греции останутся, ничуть не изменившись, с их запахом паленой кости, когда пекут на огне козью ляжку, с примесью крови и вина, со вкусом очищенного миндаля и холодного вина по вечерам и с дневными небесами — такими же ярко-голубыми, как глаза какого-нибудь там божества. Посмейте только тронуть все это.

Вот почему я полон бодрости, когда возвращаюсь, и, снова ощущая за своей спиной годы и годы, я испытываю то же самое чувство и за всю Землю. Вот почему я сражался, вот почему я убивал и бомбил, вот почему я шел также на всяческие ненаказуемые бухгалтерские ухищрения, чтобы не дать веганцам раскупить Землю, и так заговор за заговором, пренебрегая правительством-в-отсутствии, там, на Тайлере. Вот почему под другим именем я полез в эту большую машину гражданской службы, что заправляет здесь, на планете,— и вот почему, в частности, эти Искусства, Памятники и Архивы. Тут в ожидании грядущих событий я мог сражаться за сохранение того, что еще осталось.

Вендетта Редпола напугала экспатриантов равно так же, как и веганцев. Последние не могли взять в толк, что потомки тех, кто выжил после Трех Дней, не будут с готовностью уступать свои лучшие прибрежные районы под веганские курорты и отдавать своих сынов и дочерей для работы на них; так же как не будут водить веганцев на экскурсии по руинам своих городов, показывая для развлечения гостей свои достопримечательности. Вот почему наша Контора для большей части ее служащих является как бы отделом службы иностранных дел.

С призывом вернуться мы обращались к тем потомкам, чьи колонии были на Марсе и Титане, однако никто не вернулся. Они выросли там в тиши и спокой-

ствии, далекие от проблем нашей культуры, которую мы считали отправной точкой возрождения. Они перестали быть землянами. Они бросили нас.

Однако „де юре“ их интересы представляло правительство Земли, законно выбранное отсутствующим большинством, — а может, также и „де факто“, если бы до того дошло. Пожалуй, что так. Я надеялся, что до этого никогда не дойдет.

Более чем полвека имел место пат. Никаких новых веганских курортов, никаких новых выступлений Редпола. Так же как и никакого Возвращения. Но скоро последует новый виток. Это носится в воздухе — если Миштиго действительно инспектирует.

Так вот, я вернулся в Афины в мрачный день во время холодного морозящего дождя, когда город растрясло и переиначило последними подвижками земной коры, и голова моя была в вопросах, а тело в ранах, но я был бодр. Национальный Музей еще стоял между Тоссизой и Василеос Ираклиу, Акрополь был разрушен еще больше, чем я помнил, и гостиница Садовый Алтарь — в прошлом старый королевский дворец — там, на северо-западной стороне Национальных Садов, наискосок от площади Синтагма, — гостиница эта была растрясена, но стояла на своем месте и действовала, несмотря ни на что.

Мы вошли и зарегистрировались.

Как Комиссару по Искусствам, Памятникам и Архивам, мне было оказано особое внимание. Я получил номер под цифрами 19.

Он был не таким, каким я его оставил. Теперь здесь было чисто и опрятно.

Маленькая металлическая табличка на двери гласила:

„В этом номере был штаб Константина Карагиозиса в период основания Редпола и Восстания Возвращенцев“.

На спинке кровати была надпись:

„На этой кровати спал Константин Карагиозис“.

В длинной узкой передней комнате на дальней стене я заметил еще одну надпись. Там было сказано:

„Это пятно на стене осталось от бутылки с напитком, которую Константин Карагиозис швырнул во время празднования бомбардировки Мадагаскара“.

Хотите — верьте, хотите — нет.

„Константин Карагиозис сидел на этом стуле“, — настаивала следующая табличка.

В ванную же комнату я и вовсе боялся заглядывать.

Поздно ночью, когда я шагал по усыпанным камнями мостовым моего почти пустынного города, старые воспоминания и сегодняшние мысли текли во мне вместе, как две реки. Все остальные члены нашей группы похрапывали в гостинице, а я вышел из Алтаря, спустился по широкой лестнице, задержался, чтобы прочесть одну из надписей, взятую из надгробных речей Перикла, — „Вся Земля — это могила великих людей“, — там, сбоку, на Мемориале Неизвестному солдату, — оглядел мощные мускулистые конечности этого древнего воина, распростертого вместе со всем его оружием на смертном ложе, а также весь этот мраморный барельеф, — в памятнике было какое-то живое тепло, может, благодаря афинской ночи, — и пошел дальше вверх по Леофорос Амалиас.

Обед был что надо: узо, жюветси, коккидели, юрты, метакса, много черного кофе, и Фил спорил с Джорджем об эволюции.

— Разве ты не видишь, что здесь, в последние дни жизни этой планеты, сходятся в одной точке миф и сама жизнь?

— Что ты хочешь сказать? — спрашивал Джордж, до блеска подчищая тарелку с наранцей и поправляя на носу очки.

— Я хочу сказать, что человечество выросло из тьмы, в которую было погружено, со всеми теми легендами и мифами и воспоминаниями о сказочных существах. Сейчас мы возвращаемся в ту же самую тьму. Сила жизни слабеет, становится неустойчивой, и наблюдается реверсия к тем первичным формам, которые по сию пору существовали лишь как смутные воспоминания разных народов...

— Чепуха, Фил. Ты говоришь „сила жизни“? Какой век ты считаешь своим собственным? Ты говоришь так, будто все живое представляло собой единую чувствующую реальность.

— Но это так.

— Докажи, пожалуйста.

— В твоём музее есть скелеты трех сатиров и фотографии одного живого. Они живут среди холмов этой страны. Здесь также наблюдали и кентавров, а кроме того, имеются цветы-вампиры и лошади с рудиментами крыльев. В каждом море есть морские змеи. Наши небеса прочесывают завезенные летуче-паучьи мыши. Есть даже клятвенные заверения лиц, видевших Черное Чудовище Фессалии, пожирателя людей, костей и тому подобного,— живы и все прочие легенды.

Джордж вздохнул.

— Все, что ты пока сказал, доказывает не что иное, как то, что когда жизнь во взвешенном состоянии, возникает возможность для появления любой ее формы, если на то есть сопутствующие факторы и благоприятная обстановка на достаточно продолжительный период времени. Все существа земного происхождения, которых ты тут называл, являются мутантами, появившимися возле Горючих Точек по всему земному шару. Одно такое место находится в холмах Фессалии. Если бы даже Черное Чудище вломилось бы в этот момент в дверь с сатиром на хребте, это бы все равно не поколебало бы мое мнение, как не доказало бы и твое.

В тот момент я глянул на дверь, но не в ожидании Черного Чудища, а, скажем, какого-нибудь неприметного старика, что мог робко остановиться за ней, споткнуться у порога и пойти прочь, или официанта, тайком несущего Диане выпивку и сунувшего счет внутрь сложенной салфетки. Однако никто не появился.

Я прошел Леофорос Амилиас, миновал Арку Адриана, оставил позади Олимпейон, так еще и не зная ответа. Диана связалась с Редполом, но от них до сих пор не было ни звука. Через тридцать шесть часов мы должны были улететь из Афин в Ламию, затем двинуть дальше пешком сквозь районы, поросшие странными новыми деревьями с бледной длинной листвой, пронизанной красными жилами, со свисающими ползучими растениями и всем тем, что ветвится там, наверху,— сквозь все эти цветущие места, где возле корней произрастает *strige-fleur*, а затем — через омытые солнцем долины вверх по извилистым козьим тропам, через высокие каменные гряды и вниз, через глубокие ущелья, минуя разрушенные монастыри. Это была дикая идея, но Миштиго опять же захотел, чтобы было именно так, и не иначе. Он полагал, что, коль скоро

я родился в этих местах, ему ничто не угрожает. Я пытался рассказать ему о диких тварях, о каннибалах Куретах — племени, которое там бродило. Но он хотел быть Павсанием и увидеть все собственными глазами. Что же, о'кей, решил я, раз Редпол его не сцапал, то это сделает здешняя фауна.

Но на всякий случай я зашел в ближайшее почтовое отделение Земного правительства, заполучил разрешение на дуэль и заплатил налог за свою смерть. Мне как Комиссару и прочее, решил я, следует предусмотреть все варианты.

Если Хасану нужно убивать, я убью его законно.

Я услышал игру бузуки — мелодия звучала из маленького кафе по другую сторону улицы. Отчасти потому, что мне этого хотелось, а отчасти потому, что чувствовал за собой слежку, я пересек улицу и вошел внутрь. Я двинулся к маленькому столику, за которым можно было сесть спиной к стене и лицом к двери, заказал кофе по-турецки, пачку сигарет и стал слушать песни, в которых говорилось о смерти, разлуке, несчастье и вечном вероломстве мужчин и женщин.

Внутри было еще теснее, чем казалось снаружи, — низкий потолок, грязный пол, полутьма. Певницей была толстая сильно накрашенная приземистая женщина в желтом платье. Звенели рюмки, в тусклом свете медленно и ровно опадала пыль, под ногами — влажный слой опилок. В помещении было примерно с дюжину посетителей: три девицы с сонными глазами пили, сидя у стойки бара, тут же сидел мужчина в грязной феске, еще один похрапывал, уронив голову на вытянутые перед собой руки, за столиком напротив меня по диагонали сидели четверо — они смеялись, остальные сидели поодиночке, слушали музыку, ни на что особенно не глядя, ждали, а может, и не ждали, то ли чего-то, то ли кого-то.

Однако ничего и не было. Выпив третью чашку кофе, я заплатил по счету толстому усатому хозяину и вышел.

Температура снаружи, похоже, упала на несколько градусов.

На улице было пустынно и совсем темно. Я повернул направо по Леофорос Дионисия Ареопогита и дошел до разбитой ограды, что тянется вдоль южного склона Акрополя.

Позади за углом я услышал чьи-то шаги. Я стоял с полминуты, но вокруг была только тишина и чернота ночи. Пожав плечами, я прошел ворота и двинулся к обителю Дионисия Элевтерия. От самого храма ничего не осталось, кроме фундамента. Я миновал его, держа направление к Театру.

На том обеде Фил высказал предположение, что история циклична в своем движении и напоминает стрелки часов, день за днем обогающие одни и те же цифры.

— Это заблуждение,— сказал Джордж,— что доказывает историческая биология.

— Я говорю не в буквальном смысле,— возразил Фил.

— Тогда перед тем, как двинуться дальше, нам следует договориться о терминах.

Миштиго рассмеялся.

Эллен тронула Дос Сантоса за руку и спросила его о бедных лошадях, которых седлают пикадоры. Он пожал плечами, подлил ей коккинали и опустошил собственный бокал.

— Это всего лишь часть большого действия,— сказал он.

А ответа все нет и нет...

Я шел через разор и хаос,— это все, что оставляет от величия время. Испуганная птица вспорхнула справа от меня и, испуганно крикнув, исчезла. А я все шагал, добрался наконец до старого Театра и сквозь него двинулся вниз...

Эти дурацкие таблички, украшавшие мой номер, против моего ожидания, вовсе не рассмешили Диану.

— Но это их место. Вот и все. Они должны быть здесь.

— Ха!

— В другое время тут были бы головы убитых тобой животных. Или щиты разбитых тобой врагов. Мы стали цивилизованней. Так что теперь новое направление.

— Еще раз „ха“! — И я сменил тему разговора: — Есть что-нибудь новенькое о веганце?

— Нет.

— Тебе нужна его голова.

— Я-то не цивилизована... Скажи мне, Фил и прежде был таким дураком?

— Нет, не был. Ни тогда, ни сейчас. Его несчастье в том, что он не слишком талантлив. Его считают последним из поэтов Романтизма, он же зарыл талант в землю. Он переводит свой мистицизм на чепуху, потому что, как Вордсворд, он пережил свое время. Сейчас он живет с искаженным представлением о прошлом, которое ему кажется довольно славным. Как Байрон, он переплыл однажды Геллеспонт, но теперь он, скорее как Ейтс, предпочитает в глубине души компанию юных леди, которых можно утомлять своей философией и порой очаровывать какой-нибудь хорошо рассказанной байкой. Он стар. Иногда в его писаниях еще вспыхивает прежняя мощь, но его писания и его стиль, как таковой, это не одно и то же.

— То есть?

— Я вспоминаю один хмурый день, когда он стоял на сцене театра Диониса и читал написанный им гимн Пану. Слушали его человек двести или триста — и одному Богу известно, с чего это они там собрались, — но он начал читать. Его греческий был еще не слишком хорош, зато голос был впечатляющ, да и сама манера поведения вполне харизматическая. Вскоре начал накрапывать дождь, но никто не ушел. И вот под конец вдруг раздался раскат грома, по звучанию ужасно похожий на смех, и у каждого в этой толпе по спине побежали мурашки. Я не говорю, что это было точно так же, как в дни Теспия, но многие из тех слушателей, уходя, оглядывались через плечо. Я сам был под большим впечатлением. Затем, несколько дней спустя, я прочел эту поэму — она была никакой, она была архискверной, она была одно общее место. Другое было важно — как он ее читал. Эту часть своего таланта он утратил вместе с юностью, а то из оставшегося, что можно было называть искусством, оказалось не столь сильным, чтобы сделать его великим и поддерживать легенду о нем. Это его оскорбляет, и он утешается своей невразумительной философией, но если уж отвечать на твой вопрос, то — нет, он далеко не всегда был глуп.

— Может быть, что-то в его философии даже правильно.

— Что ты имеешь в виду?

— Цикличность. К нам снова возвращается эпоха странных чудищ. Так же как эпоха героев, полубогов.

- Я встречал только странных чудищ.
- Тут говорится, что „на этой кровати спал Карагиозис“. Похоже, на ней очень удобно.
- Да... Хочешь попробовать?
- Хочу. Табличку не снимать?
- Как тебе лучше...

Я двинулся к просцениуму. Со ступенек начался барельеф, рассказывающий мифы из жизни Диониса. Каждый руководитель группы и каждый турист должны, согласно правилу, утвержденному мной, „...иметь при себе в пути не менее трех осветительных ракет“. Я выдернул шнур одной из них и бросил ее на землю. Благодаря углу склона и каменной кладке, снизу эту вспышку никто не заметит.

Я смотрел не на яркое пламя, а выше — на словно облитые серебром фигуры. Вон Гермес, представляющий Зевсу бога-младенца, в то время как Корибанты по обе стороны его трона насмеваются над почитателем Пирры: далее следует Икар, которого Дионис научил виноделию, — Икар готов принести в жертву козу, а в это время его дочь предлагает богу лепешки (тот стоит поодаль и обсуждает ее с сатиром); вон пьяный Силен, пытающийся вроде Атласа поддержать небо, но только это получается у него гораздо хуже; а вон все прочие боги городов, наносящие визит в этот театр, — я заметил Гестию, Тезея и Эйрен с рогом изобилия...

— Ты зажег огонь в знак приношения богам, — провозгласил голос неподалеку от меня.

Я не обернулся. Голос раздался со стороны моего правого плеча, но я не обернулся, потому что я его знал.

— Возможно, — сказал я.

— Давно ты не ступал по этой земле, по Греции.

— Верно.

— Не потому ли, что здесь никогда не было бессмертной Пенелопы — терпеливой, как горы, верящей в возвращение ее калликанзароса, вяжущей что-то и терпеливой, как холмы?

— Ты что, теперь деревенский сказитель?

Он зафыркал от смеха.

— Я пасу многоногих овец в предгорьях, там, где рано поутру персты Авроры разбрасывают розы в небесах.

— Да, ты сказитель. Почему же сейчас ты не в предгорьях, где сбиваешь молодежь с толку своими песнями?

— Из-за снов.

— Вон как.

Я обернулся и взгляделся в это древнее лицо — его морщины в свете умирающего пламени были как черные рыбацкие сети, брошенные на дне морском, его борода была как снег, что медленно падает, придя со стороны гор, глаза его были того же цвета, что и голубая повязка, охватывающая его виски. Он опирался на свой посох, не более чем воин опирается на свое копье. Я знал, что ему больше ста лет и что он никогда не принимал таблетки Ж. С.

— Совсем недавно приснилось мне, что я стою посреди черного храма, — сказал он мне, — и подходит бог Гадес и встает около меня — он берет меня за запястье и велит идти с ним. Но я говорю „нет“ и просыпаюсь. Сон этот встревожил меня.

— Чего ты наелся в тот вечер? Ягодок из Горючего Места?

— Прошу, не смейся... Затем в другую ночь приснилось мне, будто я стою на арене во тьме. И что во мне вся сила бывших чемпионов и что я сражался с Антеем, сыном Земли, и сокрушил его. И тогда подходит ко мне снова бог Гадес и говорит, беря за руку: „Теперь иди со мной“. Но я снова ему отказал и проснулся. Земля дрожала.

— Это все?

— Нет. Затем, еще позднее, и не ночью, а когда я сидел под деревом, следя за своей отарой, мне было видение, хотя я не спал. Будто, как Феб, сражался я с монстром Питоном, и он почти сокрушил меня. На сей раз бог Гадес не являлся, но когда я обернулся, то неподалеку стоял Гермес, его посланник, и, улыбаясь, наставлял на меня свой кадуцей, будто ружье. Я покачал головой, и он его опустил. А затем снова поднял, на что-то указывая, и я посмотрел в ту сторону. Передо мной там лежали Афины — вот это самое место, этот театр, ты... и здесь же сидела старая женщина. Та, которая отмеряет нить жизни, сердилась, потому что она намотала твою нить на горизонт и концов было не найти. Но та, которая вяжет, разделила ее на две очень тонкие нити. Одна нитка убежала за моря и скрылась

с глаз. А другая прошла по холмам. А на первом холме стоял Мертвец и держал твою нить своими белыми-пребелыми руками. А за ним, на следующем холме, нитка эта пролегла по горящему камню. На холме же, что за горящим камнем, стояло Черное Чудище, и оно дергало твою нитку и рвало ее зубами. И вдоль этой длинной нити крался большой воин-иноземец, глаза его были желты, в руке его был обнаженный клинок, и он несколько раз угрожающе замахнулся им. Так что я спустился в Афины, чтобы встретиться с тобой здесь, в этом месте, и сказать, чтобы ты возвращался обратно за моря,— предупредить тебя не подниматься на холмы, где тебя ждет смерть. Потому что я понял, когда Гермес поднял свой жезл, что видение это не про меня, а про тебя, о отец мой, и что я должен найти тебя и предупредить. Уходи, сейчас же, пока у тебя еще есть возможность. Возвращайся. Прошу тебя.

Я сжал его плечо.

— Ясон, сын мой, назад я не поверну. За свои собственные действия я несу полную ответственность, правильные они или нет,— включая, если на то пошло, даже собственную смерть,— и на сей раз я обязан пойти на холмы, те, что возле Горючего Места. Благодарю за предупреждение. Наша семья всегда имела дело со снами, и часто они вводили в заблуждение. Я тоже их вижу — только не свои, а чужие, — чужими глазами, иногда отчетливо, иногда не очень. Благодарю за предупреждение. Прости, что не могу его учесть.

— Тогда я пойду к своей отаре.

— Пойдем в гостиницу. Завтра мы доставим тебя по воздуху до Ламии.

— Нет, я не сплю в больших зданиях, и я не летаю.

— Может, ты просто к этому не привык. Сделаем, как тебе удобно. Мы можем провести ночь здесь. Ведь я Комиссар этого памятника.

— Я слышал, что ты снова важная персона в Большом Правительстве. Будут новые смерти?

— Надеюсь, что нет.

Мы нашли ровное место и развалились на его плаще.

— Как же ты толкуешь эти свои сны? — спросил я его.

— Мы получаем от тебя подарки каждый сезон, но когда ты сам был здесь в последний раз?

— Почти девятнадцать лет назад,— сказал я.

— Тогда ты не знаешь о Мертвеце?

— Не знаю.

— Он почти что самый крупный из людей — толще и выше всех остальных, тело у него цвета рыбьего живота, а зубы как у зверя. О нем начали говорить лет пятнадцать назад. Он появляется только по ночам. Он пьет кровь. Он ходит по окрестностям в поисках крови — неважно какой, человеческой или животных, и смех у него, как у ребенка. По ночам он заглядывает, улыбаясь, в окна спален. Он сжигает церкви. Он свертывает молоко. Он наводит ужас на женщин, и у них случаются выкидыши. Говорят, что в дневное время он спит в гробу, охраняемый мужчинами из племени Куретов.

— Похоже, он не лучше калликанзароса.

— Отец, он на самом деле существует. Какое-то время назад кто-то начал убивать моих овец. Этот „кто-то“ частично съедал их и выпивал почти всю их кровь. Так что я выкопал себе укрытие и покрыл его ветками. В ту ночь я не смыкал глаз.

И через несколько часов он явился, и я был так напуган, что не положил камень в пращу, потому что он был таким, каким я его описал: большой, даже больше тебя, и тучный, цвета только что выкопанного трупа. Руками он свернул овце шею и стал из горла ее пить кровь. Слезы лились у меня из глаз, когда я смотрел на это, но я боялся что-либо сделать. На следующий день я увел свою отару, и больше он не беспокоил. Этим рассказом я пугаю своих правнуков — твоих праправнуков — когда они плохо себя ведут... И он ждет там, наверху, в холмах.

— М-да... Если ты говоришь, что видел его, значит, это правда. Станные существа возникают возле Горючих Мест. Мы это знаем.

— ...Где Прометей обронил слишком много огня созидания!

— Нет — где какой-то подонок бросил кобальтовую бомбу, и яркоглазые мальчики и девочки кричали Елоі радиоактивному пеплу... А что это за Черное Чудище?

— Оно тоже существует, я в этом уверен. Однако я никогда его не видел. Размером со слона и очень быстрое, и, как говорят, хищник. Оно охотится на равнинах. Возможно, когда-нибудь оно повстречается с Мертвецом, и они убьют друг друга.

— Обычно так не случается, но мысль хорошая... И это все, что ты о нем знаешь?

— Да, те, кого я встречал, видели его только мельком.

— Для меня, пожалуй, и это было бы ни к чему.

— ...И еще я должен рассказать тебе о Бортане.

— Бортан. Знакомое имя.

— Это твой пес. Ребенком я обычно катался верхом на нем и бил пятками в его стальные бока. Он ворчал и хватал меня за ногу, но осторожно.

— Мой Бортан умер так давно, что даже не стал бы грызть собственные кости, доведись ему в последний из инкарнаций выкопать их.

— Я тоже так думал. Но через два дня после того, как ты отбыл в последний раз, он вломился в твоё жилище. Он явно пробежал по твоим пятам пол-Греции.

— Ты уверен, что это был Бортан?

— Разве когда-нибудь была другая такая собака размером с небольшую лошадь, с бронированными пластинами на боках, а челюсти, как капкан на медведей?

— Думаю, что нет. Вот, возможно, почему вымирают виды. Собакам нужна броня, если они собираются ошиваться среди людей, а она нарастала у них недостаточно быстро. Если он еще жив, он, вероятно, последний пес на Земле. Знаешь, мы с ним были вместе в щенячьем возрасте — так давно, что даже больно об этом думать. В тот день, когда он исчез во время охоты, я подумал, что с ним произошел несчастный случай. Я искал его, а затем решил, что он мертв. В то время он уже был невероятно стар.

— Может, он получил рану, и так годами и бродяжничал. Но это был именно он, и он явился по твоим пятам, в тот последний раз. Когда он увидел, что тебя нет, он взвыл и снова бросился за тобой. С тех пор мы его больше не видели. Хотя иногда по ночам я слышу его лай, когда он охотится в холмах...

— Этой чертовой глупой дворняге следовало бы знать, что никто не стоит такой привязанности.

— Собаки были странные.

— Да, странные.

А затем ночной ветер, веющий холодом сквозь арки годов, выследил меня. Он коснулся моих глаз.

Усталые, они закрылись.

Греция кишмя кишит легендами, чревата опасностями. Большая часть территории материка возле Горючих Мест представляет собой традиционную угрозу. Все потому, что, хотя считается, что Контора правит Землей, на самом-то деле это относится только к островам. На большей части материка сотрудников Конторы примерно столько же, сколько было таможенных чиновников в горных районах в двадцатом веке. Для местных они желанная добыча во все времена года. Острова подверглись меньшему разрушению, чем остальной мир во время Трех Дней, и, соответственно, эти острова были логическими аванпостами для наших чиновников, когда тайлериты решили, что мы можем использовать кое-какую администрацию. Жители материка традиционно противостояли этому. Однако в регионах около Горючих Мест местные жители далеко не всегда полноценные человеческие особи. Вот в чем смысл этого традиционного противостояния, этих примеров аномального поведения. Вот почему Греция чревата.

Мы могли бы пойти морем по направлению к Волосу. Мы могли бы, в связи с этим, перелететь на Волос или почти в любое другое место. Однако Миштиго хотел идти пешком из Ламии, идти и наслаждаться возвращением легенд и враждебного мира. Вот почему мы оставили скиммер в Ламии. Вот почему к Волосу мы двинулись пешком.

Вот почему мы неожиданно повстречались с легендой.

С Ясоном я попрощался в Афинах. Он отправился вдоль побережья под парусом. Вполне мудро.

Фил уверял, что выдержит пеший маршрут гораздо лучше, чем предстоящие перелеты, и что встретит нас дальше по нашему движению.

Может быть, это тоже правильно, в каком-то смысле...

Дорога на Волос протекает сквозь глухомань и мелколесье. Она вьется между огромных валунов, случайно сбившихся вместе лачуг, полей опийного мака; она пересекает маленькие речушки, огибает холмы, а иногда идет прямо по ним, то расширяется, то сужается безо всякой видимой причины.

Было еще раннее утро. Небо было чем-то вроде голубого зеркала, поскольку солнечный свет, казалось,

шел отовсюду. Там же, где была тень, на траве и на нижних листьях деревьев еще держалась влага.

Именно на одной из памятных полянок вдоль дороги на Волос я и встретил полутезку.

Место это было некогда какой-то святыней, еще из тех Старых Добрых Времен. В юности я часто приходил туда, поскольку я любил его атмосферу — полагаю, что вы бы назвали ее „умиротворенной“. Иногда я встречал там полулюдей, или нелюдей, или видел там сладкие сны, или находил старые гончарные изделия или головы статуй, или что-нибудь в этом роде, что можно было продать в Ламии или в Афинах.

Тропы туда нет. Надо просто знать это место. Я бы не повел их туда, если бы не то обстоятельство, что с нами был Фил, а я знал, что ему нравится все, что отдает святостью, всякая там многозначительная уединенность, плавное скольжение по туманному прошлому и тому подобное.

В полумиле от дороги, пройдя сквозь маленький лес, самодостаточный в зеленом своем хаосе светотени и сваленных наудачу груд камней, вы неожиданно для себя спускаетесь с холма, находите тропу, перегороженную глухой чащобой, прорываетесь сквозь нее и затем обнаруживаете белую каменную стену. Если прокрасться, держась ближе к этой стене, и податься направо, то тогда и выйдешь на полянку, где порой так хорошо передохнуть, прежде чем двинуться дальше.

Там есть короткий резкий спуск, а внизу — площадка в форме яйца, около пятидесяти метров в длину и двадцати в ширину, и тупой конец этого яйца упирается в выбитое в скале углубление, с острого же конца находится неглубокая пещера, обычно пустая. В ней несколько наполовину врытых в землю камней почти кубической формы — кажется, что они брошены там наобум. Лозы дикого винограда ограждают со всех сторон это место, а в центре его возносится огромное древнее дерево, чьи ветви как зонтик прикрывают почти весь этот участок, держа его днем в тени. Вот почему его трудно заметить, даже находясь на полянке.

Но мы же заметили сатира, стоявшего посреди с задраным носом.

Я увидел, как рука Джорджа потянулась к ружью, стреляющему пилюлями со снотворным, — он прихватил его с собой. Я взял его за плечо, посмотрел ему

в глаза, покачал головой. Он пожал плечами, кивнул и опустил руку.

Я вытащил из-за пояса пастушью дудку, которую попросил у Ясона. Жестом я велел остальным пригнуться и оставаться на месте. Я продвинулся вперед на несколько шагов и поднял к губам дудку.

Первые ее звуки были пробными. Давненько я не играл на дудках.

Он прынул ушами и оглянулся. Он сделал несколько быстрых движений в трех различных направлениях — как испуганная белка, не знающая, к какому дереву броситься.

А затем застыл, дрожа, когда я уловил старую мелодию и она поплыла в воздухе.

Я продолжал играть, вспоминая все эти рожки, свирели, дудки, мелодии, и все то горькое, и сладкое, и хмельное, что на самом деле я всегда знал.

Все это вновь вернулось ко мне, когда я стоял там, играя для этого мохноногого парнишки,— я вспомнил и расположение пальцев, и подачу воздушной струи, и эти мелкие переходы, и это удержание звука — все, о чем можно поведать только на дудке. Я не могу играть в городах, но внезапно я снова оказался самим собой, и я увидел лица среди листвы, и я услышал стук копыт.

Я двинулся вперед.

Как во сне, я увидел, что стою, прислонившись спиной к дереву, а вокруг — все они. Они переминались с копыта на копыто, неспособные хотя бы чуточку остановиться, и я играл для них, как часто делал это много лет назад, не зная даже, те ли они самые, кто слушал меня тогда,— хотя в общем-то мне было все равно. Они копытили вокруг меня. Они смеялись своими белыми-белыми зубами, и глаза их плясали, и они кружились, пыряя воздух своими рожками, высоко вскидывая свои козлиные ножки, наклоняясь далеко вперед, подпрыгивая и топоча землю.

Я закончил и опустил дудку.

Все они враз превратились в статуи, застыв на месте, уставившись на меня, и в диковатых темных их глазах не было человеческого разума.

Я снова медленно поднял дудку. На сей раз я исполнил самую последнюю из своих песен. Я так хорошо ее запомнил. Это была песня-плач — я испол-

нял ее в ту ночь, когда решил, что Карагиозис должен умереть.

Я уже понял, что Возвращенство обречено. Они не вернутся, они никогда не вернутся. Земля погибнет. Я спустился тогда в Сады и играл эту последнюю мелодию, которую мне подсказал ветер, а может, даже звезды. На следующий день большой блестящий корабль Карагиозиса разбился в бухте Пирея.

Они расселись на траве. Порой кто-нибудь тайком смахивал слезы. Собравшись вокруг меня, они слушали.

Не знаю, долго ли я играл. Закончив, я опустил дудку и тоже присел. Прошло какое-то время, затем один из них потянулся, тронул дудку и быстро отдернул руку. Он глянул на меня.

— Уходите,— сказал я, но они, казалось, не поняли.

Тогда я поднял дудку и снова сыграл несколько последних тактов.

Земля умирает, умирает. Скоро она умрет...

Все по домам, праздник окончен. Уже поздно, поздно, так поздно...

Самый большой из них покачал головой.

А теперь уходите, уходите, уходите. Оцените тишину. Жизнь уже сыграна, как нам и не снилось,— оцените тишину. Чего надеялись боги добиться, добиться? Ничего. Это была всего лишь игра. А теперь уходите, уходите, уходите. Уже поздно, поздно, так поздно.

Они все еще сидели, поэтому я встал, хлопнул в ладони, крикнул „Уходите!“ и быстро пошел прочь.

Я собрал своих спутников и вывел их обратно на дорогу.

От Ламии до Волоса около шестидесяти пяти километров, включая крюк к Горючему Месту. В первый день мы, может, покрыли одну пятую того расстояния. Тем вечером мы разбили лагерь на пустой площадке в стороне от дороги, и ко мне подошла Диана и спросила:

— Ну так как?

— Что „как“?

— Я только что говорила с Афинами. Пустой номер. Редпол молчит. Мне нужно твое решение.

— Очень уж ты решительная. Почему бы нам еще не подождать?

— Мы и так ждали слишком долго. Полагаешь, что он решит закончить путешествие раньше времени?.. Местность здесь превосходная. Для несчастного случая ничего лучше и не придумаешь... Ты ведь знаешь, что скажет Редпол — то же, что и раньше,— а это означает одно: убить.

— И мой ответ тот же, что и раньше: нет.

Она опустила голову, быстро заморгала глазами:

— Пожалуйста, подумай.

— Нет.

— Тогда вот что от тебя потребуется,— сказала она.— Забудь об этом. Полностью. Ты умываешь руки. Соглашаешься на предложение Лоурела и даешь нам нового гида. Утром ты можешь улететь отсюда.

— Нет.

— Ты что, действительно не шутишь — насчет защиты Миштиго?

— Не шучу.

— Я не хочу, чтобы тебя покалечили, или чего похуже.

— Мне и самому не очень-то нравится такая перспектива. Так что ты избавишь обоих нас от массы неприятностей, если дашь отбой.

— Я не могу этого сделать.

— Дос Сантос сделает, только скажи ему.

— Это вовсе не административная проблема, черт ее подери! Как жаль, что я с тобой повстречалась!

— Виноват.

— На карту поставлена Земля, а ты занимаешь не ту сторону.

— Это вы не ту.

— Так что ты собираешься делать в связи с этим?

— Я не могу убедить — стало быть, я просто должен вам помешать.

— Ты не можешь встать между Секретарем Редпола и его супругой, не имея на то весомых оснований. Мы находимся в слишком щекотливом положении.

— Я это знаю.

— Так что ты не можешь нанести вред Дону, и я не верю, что ты способен на это по отношению ко мне.

— Верно.

— Тогда остается Хасан.

— Снова верно.

— А Хасан есть Хасан. Что ты сделаешь?

— Почему ты не выдашь ему его документы прямо сейчас — это избавило бы меня от лишних хлопот.

— Я не сделаю этого.

— Так я и думал.

Она снова взглянула на меня. Глаза ее увлажнились, но в голосе ее и лице не произошло никаких изменений.

— Если окажется, что ты был прав, а мы нет,— сказала она,— то я буду чувствовать себя виноватой.

— Я тоже,— сказал я.— Очень.

В ту ночь я дремал рядом с Миштиго, чтобы его нельзя было достать ножом, но все было спокойно, ничего подозрительного. Утро тоже прошло без каких-либо событий, как и большая часть дня.

— Миштиго,— сказал я, когда мы остановились, чтобы сфотографировать холмы,— почему бы вам не отправиться домой? Обратно на Тайлер. Еще куда-нибудь. Подальше отсюда. И написать книгу про что-нибудь другое. Чем ближе мы к населенным местам, тем меньше у меня возможности вас защищать.

— Вы дали мне автоматическое оружие, помните? — сказал он.

Правой рукой он изобразил стрельбу.

— Прекрасно, только я бы на вашем месте еще потренировался.

— Вон там вроде коза стоит на нижней ветви дерева, я не ошибаюсь?

— Верно. Они любят лакомиться маленькими зелеными побегами на ветках.

— Я хочу сделать такой снимок. Это, кажется, олива?

— Да.

— Я должен знать, как назвать этот снимок. „Коза, поедающая зеленые побеги дерева оливы“, — наговорил он своему диктофону.— Вот какая будет подпись.

— Великолепно. Снимайте, пока не поздно.

Если бы он только не был таким необщительным, таким отчужденным, таким безразличным к своему благополучию. Я его ненавидел. Я не мог его понять. Он всегда молчал, раскрывая рот только в том случае,

когда ему требовалась какая-нибудь информация или чтобы ответить на вопрос. Отвечал же он или немногословно, или уклончиво, или оскорбительно, или все сразу. Он был самодовольным, чванливым, голубым и очень властным. Это и вправду заставляло меня размышлять о вкладе Штигенов в область философии, филантропии и просвещенной журналистики. Он мне не нравился, вот и все.

Но в тот вечер я поговорил с Хасаном, после того как целый день не спускал с него глаза (своего голубого).

Он сидел у огня, напоминая своим видом набросок Делакура. Эллен и Дос Сантос сидели поблизости, пили кофе, так что я освежил в памяти свой арабский и подошел.

— Мое почтение.

— Мое почтение.

— Сегодня ты не делал попыток меня убить.

— Не делал.

— Может, завтра?

Он пожал плечами.

— Хасан, посмотри мне в глаза.

Он посмотрел.

— Тебя наняли для убийства голубого.

Он снова пожал плечами.

— Тебе нет нужды ни отрицать, ни соглашаться. Я и так знаю. Я не могу тебе этого позволить. Верни деньги, которые заплатил тебе Дос Сантос, и иди своей дорогой. Наутро я могу дать тебе скиммер. Он доставит тебя туда, куда ты только захочешь.

— Но мне и здесь хорошо, Караги.

— Тебе сразу же станет плохо, если с голубым что-нибудь случится.

— Я просто телохранитель, Караги.

— Нет, Хасан. Ты сын страдающего диспепсией верблюда.

— Что такое „диспепсия“, Караги?

— Я не знаю, как это по-арабски, а ты не знаешь, как по-гречески. Подожди, я подберу другое оскорбление... Ты подлый трус, трупоед, бандит с большой дороги, потому что ты шакал и придурок.

— Возможно, это так, Караги. Мне на роду написано, говорил отец, что с меня сначала кожу снимут живьем, а потом четвертуют.

— За что это?

— Я был неуважителен к Бесу.

— Да ну?

— Да, это так. Те, для кого ты вчера играл, они тоже были бесами? У них рога, копыта...

— Нет, они не бесы. Они дети Горючих Мест, рожденные от несчастных родителей, которые бросили их на верную смерть в дикой природе. А они живут, потому что дикая природа — это их настоящий дом.

— Ай-яй! Я-то надеялся, что они бесы. Я все-таки думаю, что это они, потому что один из них улыбался мне, когда я молился о прощении.

— Прощения? За что?

Во взгляде его отразилось что-то очень далекое.

— Мой отец был очень хорошим, добрым и набожным человеком, — сказал он. — Он поклонялся Малаки-Таузу, кого темные и отсталые шииты (тут он сплюнул) называют Иблис, или Шайтан, или Сатана, и он всегда отдавал дань уважения Аллаху и всем остальным из Санджака. Он был хорошо известен благодаря своему благочестию и многим своим добродетелям. Я его любил, но во мне, мальчике, уже сидел чертенок. Я был атеистом. Я не верил в Беса. Я был дитя греха, и я достал мертвого цыпленка, и водрузил его на палку, и назвал его Ангел-Павлин, и издевался над ним, бросая в него камни и выдергивая из него перья. Отец выпорол меня тогда, прямо на улице, и сказал, что мне на роду написано, чтобы за мое богохульство с меня заживо сняли кожу и четвертовали. Он велел мне идти на гору Санджар и молиться о прощении, и я пошел туда, но во мне так и сидел чертенок, несмотря на порку, и на самом деле я не верил тому, чему молился. Теперь, когда я много старше, тот чертенок исчез, но ушел также и мой отец — давным-давно — и я не могу ему сказать: „Прости, что я издевался над Ангелом-Павлином“. Чем старше я становлюсь, тем больше чувствую потребность в религии. Я надеюсь, что Бес, многомудрый и всемиловитый, понимает это и прощает меня.

— Да, Хасан, — сказал я, — тебя и в самом деле очень трудно оскорбить. Но предупреждаю — чтобы у голубого и волосок с головы не упал.

— Я всего-навсего простой телохранитель.

— Ха! Скорей ты змей, ядовитый и коварный. Подлый и вероломный. Порочный к тому же.

— Нет, Караги. Благодарю тебя, но это не так. Свои обязанности я всегда исполняю с гордостью. Вот и все. Это закон, по которому я живу. Кроме того, ты не можешь меня так оскорбить, чтобы я вызвал тебя на дуэль, дав тебе возможность использовать на выбор то ли кинжалы, то ли сабли, то ли голые руки. Нет. Меня нельзя обидеть.

— Тогда запомни,— сказал я ему,— твой первый шаг к веганцу будет твоим последним.

— Если только так написано, Караги...

— И называй меня Конрад.

И я зашагал прочь. С плохими мыслями.

Все мы были живы и здоровы и на следующий день, когда, свернув лагерь, двинулись дальше и прошли около восьми километров, прежде чем случилась следующая остановка.

— Кажется, где-то ребенок плачет,— сказал Фил.

— Ты прав.

— Откуда этот звук?

— Слева, вон оттуда, снизу.

Мы полезли сквозь какой-то кустарник, вышли на сухое русло ручья и пошли по нему до излучины. Среди камней лежал младенец, едва завернутый в грязное одеяльце. Его лицо и руки были уже обожжены солнцем, так что он, должно быть, лежал здесь второй день. На его крошечном мокром личике было множество следов от укусов насекомых.

Я опустился на колени и расправил одеяльце, чтобы получше завернуть младенца.

Эллен всхлипнула, когда оно раскрылось впереди и она увидела ребенка.

В груди у него была самая настоящая фистула, и что-то там шевелилось внутри.

Красный Парик вскрикнула, отвернувшись и начала плакать.

— Что это? — спросил Миштиго.

— Один из брошенных,— сказал я.— Один из меченых.

— Как это ужасно,— сказала Красный Парик.

— Ужасно, как он выглядит? Или что его бросили? — спросил я.

— И то и другое!

— Дай его мне! — сказала Эллен.

— Не трогай, — сказал Джордж, наклонившись над ним. — Вызовите скиммер, — велел он. — Мы должны немедленно отправить его в госпиталь. У меня нет инструментов и оборудования, чтобы оперировать его здесь... Помоги мне, Эллен.

Тут же она оказалась возле него, и они стали вместе рыться в его медицинской сумке.

— Запиши все, что я сделаю, в сопроводительную карту, и приколи ее к чистому одеялу — чтобы доктора в Афинах знали.

Дос Сантос позвонил в Ламию, чтобы вызвать один из наших скиммеров.

А затем Эллен наполняла для Джорджа шприцы, протираала тампоном укусы, наносила мазь на ожоги и все это записывала. Они напичкали ребенка кучей витаминов, антибиотиков, адаптивов общего действия и доброй дюжиной прочих лекарств. Вскоре я уже потерял им счет. Они покрыли ему грудь марлей, попрыскали чем-то, завернули в чистое одеяло и прикололи сверху сопроводительную карту.

— Как это отвратительно! — сказал Дос Сантос. — Бросать увечного ребенка, чтобы он вот так здесь умирал.

— Здесь все время так делают, — сказал я ему, — особенно возле Горючих мест. В Греции всегда существовал обычай убивать новорожденных. Меня самого выставили на вершину холма, едва я родился. Тоже провел там ночь.

Он прикуривал сигарету, но не прикурил, и уставился на меня.

— Вас? Почему?

Я засмеялся и глянул вниз, на свою ногу.

— Непростая история. Я ношу специальную обувь, потому что эта нога у меня короче другой. Кроме того, как я понимаю, я был очень волосатым ребенком, ну и потом у меня разные глаза. Полагаю, что, может, я бы и проскочил незамеченным, если бы все на том и кончилось, но к тому же меня угораздило родиться на Рождество, а это уже ни в одни ворота не лезло.

— А чем плохо родиться на Рождество?

— Согласно местным повериям, боги считают это слишком уж претенциозным. Дети, рождающиеся в такое время, как бы не человеческих кровей. Они из

племени разрушителей, носителей хаоса, паникеров. Их называют калликанзаросцами. В идеале они выглядят вроде тех ребят с рогами и копытами и всем прочим, но не обязательно. Они могут выглядеть вроде меня, в зависимости от своих родителей — если таковые были моими родителями. Так что они отказались от меня и бросили на вершине холма.

— А что произошло дальше?

— В той деревне был старый православный священник. Он услышал об этом и пошел к ним. Он им сказал, что делать подобное есть смертный грех, и чтобы они лучше быстренько забрали ребенка обратно и на следующий же день подготовили бы его для крещения.

— А... так вот как вас спасли и крестили.

— Да, что-то в этом роде.— Я взял у него сигарету.— Они вернулись со мной на руках, все так, но стали утверждать, что я не тот ребенок, которого они там оставляли. Оставляли они, по их словам, существо лишь с признаками мутанта, а выбрали младенца с еще большими дефектами. Они клялись, что он еще безобразней и что это вообще другой рождественский ребенок. Их дите было сатиром, говорили они, и они решили, что, может, какое-нибудь горячее существо подбросило своего детеныша точно так же, как это делаем мы, точнее — подменило его. До того никто меня не видел, так что их рассказ нельзя было проверить. Однако священник не принял это всерьез и сказал им, чтобы они глаз с меня не спускали. Но они примирились со случившимся и были очень добры. Я рос довольно крупным и сильным для своих лет. Им это нравилось.

— Так вас крестили?

— Ну, почти что крестили...

— „Почти что“?

— Во время моего крещения у этого священника случился удар. И немного погодя он умер. Другого такого там больше не было, так что я не знаю, совершен ли был весь обряд до конца или нет.

— Одной капли воды было бы достаточно.

— Я надеюсь. Хотя абсолютно не знаю, что было на самом деле.

— Может, вам лучше еще раз креститься? Чтобы уж наверняка.

— Нет, если уж небо тогда не захотело, я не собираюсь просить его об этом снова.

Мы установили радиомаяк на ближайшей полянке и стали ждать скиммер.

В тот день мы сделали еще около дюжины километров, что, имея в виду задержку, было довольно-таки хорошо. Нашего младенца подобрали и отправили прямым ходом в Афины. Когда скиммер приземлился, я многозначительно спросил, не хочет ли еще кто-нибудь вернуться обратно. Однако охотников не нашлось.

В тот вечер все и случилось.

Мы полулежали у костра. О, это был замечательный костер, машущий в ночи яркими языками пламени, согревающий нас, с этим своим чудесным запахом и дымком в небеса... Как хорошо.

Там же сидел Хасан — чистил свой алюминиевый дробовик. У дробовика были пластиковые ложе и приклад, и он был довольно удобный. Начищая его, Хасан все больше наклонял дуло вперед, так что в конце концов оно оказалось направленным прямо на Миштиго.

Должен признать, что он проделал это довольно искусно. Прошло более получаса, прежде чем он почти неуловимыми движениями точно нацелил ствол ружья.

Однако я осерчал, когда положение дробовика зафиксировалось в моем мозгу, а я был на расстоянии трех шагов от Хасана.

Я выбил дробовик у него из рук.

Тот врезался в какой-то небольшой камень примерно в восьми футах от нас. После удара саднило руку.

Хасан вскочил, из-под его бороды скрипнули зубы, лязгнули, как сталь о кремень. Я чуть не увидел искры.

— А ну-ка вслух! — крикнул я. — Давай, скажи что-нибудь! Что угодно! Ты, черт побери, отлично знаешь, что ты делал!

Кулаки его сжались.

— Давай! — сказал я. — Ударь меня! Хотя бы только тронь. Тогда мой ответ будет просто самозащитой, которую ты спровоцировал. Даже сам Джордж не сможет снова тебя собрать.

— Я просто чистил свой дробовик. Ты повредил его.

— Ты случайно никогда не прицеливаешься. Ты собирался убить Миштиго.

- Ошибаешься.
- А ну ударь! Или трусишь!
- Я с тобой не ссорился.
- Так ты трус.
- Нет.

Прошло несколько мгновений, и он заулыбался.

— Ты что, боишься вызвать меня на дуэль? — спросил он.

Вот оно. Единственный способ.

Теперь я должен был сделать ход. Я надеялся избежать этого. Я надеялся, что смогу вывести Хасана из себя, унижить или спровоцировать, чтобы он первый ударил меня или сам бросил вызов.

Но не получилось.

Что было плохо, очень плохо.

Я был уверен, что одолею его любым оружием, какое сам назову. Но если выбор за ним, то все меняется. Каждый знает, что у некоторых есть врожденный музыкальный дар. Они могут услышать какую-нибудь мелодию и тут же сесть и сыграть ее на фортепьяно или телинстре. Они могут взять в руки какой-нибудь новый для себя инструмент и через пару часов заиграть на нем так, будто всю жизнь играли. Им легко, очень легко даются подобные вещи, потому что у них есть талант — способность с помощью каких-то действий мобилизовать особый род интуиции.

Такой дар владения оружием был у Хасана. Может, им обладают и некоторые другие люди, но они его не оттачивают — неделя за неделей, используя буквально все, начиная от бумерангов и кончая духовыми ружьями. Кодекс дуэлянтов даст Хасану право выбора оружия, а из всех известных мне убийц он был самый искусный.

Но я должен был ему помешать, и я видел, что дуэль — это единственный способ, если не считать просто убийство. Я вынужден был принять его условия.

— Да будет так, — сказал я. — Я вызываю вас на дуэль.

Улыбка его стала еще шире.

— Принято... перед этими свидетелями. Кто ваш секундант?

— Фил Грейб. А кто ваш?

— Мистер Дос Сантос.

— Прекрасно. По случаю, у меня в сумке лежит разрешение на дуэль и регистрационные карточки, и я уже оплатил налог на смерть одной персоны. Так что не будем откладывать это дело в долгий ящик. Когда и где вам угодно и на каких условиях?

— Мы проходили мимо отличной поляны, в километре отсюда, по дороге назад.

— Да, помню ее.

— Встретимся там завтра на заре.

— Принято,— сказал я.— А оружие?..

Он вынес свой рюкзак, открыл его. Рюкзак оцетинился разными колюще-режущими любопытными штуковинами, что были скручены в кожаные и металлические спирали и кольца и посверкивали абсолютно подстрекательски.

Он вынул два предмета и закрыл рюкзак.

Сердце у меня упало.

— Праща Давида,— объявил он.

Я осмотрел их.

— На какой дистанции?

— Пятьдесят метров,— сказал он.

— Хороший выбор,— сказал я ему, поскольку сам лично не брал в руки пращу лет сто.— Я бы хотел одолжить одну на вечер, чтобы потренироваться. Но если вы против, то я сделаю свою собственную.

— Можете взять обе и тренироваться хоть всю ночь.

— Благодарю.— Я выбрал одну из них и повесил на пояс. Затем я взял один из наших трех электрических фонарей.— Если я кому-нибудь понадобится, я буду на поляне, что вниз по дороге,— сказал я.— Не забудьте выставить охрану на ночь. Это опасный район.

— Ты не хочешь, чтобы я пошел с тобой? — спросил Фил.

— Нет. Но спасибо. Я пойду один. Потом увидимся.

— Тогда доброй ночи.

Я отправился назад вдоль дороги и наконец вышел на поляну. Установил фонарь в одном ее конце, так, чтобы он светил на группку деревьев, и двинулся в другой ее конец.

Набрал камней, положил один из них в пращу и запустил в дерево. Промазал.

Я еще выпустил дюжину из пращи и попал только четырем.

Так что я продолжил это занятие. Через час я уже попадал чуть более регулярно. Тем не менее на дистанции пятьдесят метров я для Хасана не соперник.

Наступила ночь, а я по-прежнему крутил и бросал. Через какое-то время я добился того, что можно было считать моим потолком точности. Я попадал примерно шесть раз из семи.

Снова раскрутив пращу и запустив камнем точно в дерево, я осознал, что у меня есть одно преимущество. Мои броски были чудовищной силы. Когда я попадал в цель, то удар был мощнейший. Я уже сокрушил несколько небольших деревьев — такое Хасану было не по плечу, стреляй он даже вдвое больше. Если я достану его, тогда хорошо, но все силы мира бесполезны, если промахнусь.

А я был уверен, что он может достать. Сколько я выдержу его попаданий, — задавал я себе вопрос, — чтобы устоять и отвечать?

Это будет, конечно, зависеть от того, куда он попадет.

Далеко справа от меня хрустнула ветка — я бросил пращу и выдернул из-за пояса автоматический пистолет. На поляну вышел Хасан.

— Чего тебе нужно? — спросил я его.

— Я пришел посмотреть, как идет твоя тренировка, — сказал он, оглядывая сломанные деревья.

Я пожал плечами, сунул в кобуру пистолет и поднял пращу.

— Выйдет солнце — узнаешь.

Мы пересекли поляну, и я взял с земли фонарь. Хасан осмотрел маленькое дерево, вернее, то, что от него осталось — обрубок расщепленного ствола. Он ничего не сказал.

Мы пошли к лагерю. Все, кроме Дос Сантоса, уже отправились на боковую. Дон нас охранял. Он расхаживал по периметру электрооповещения с автоматическим карабином в руках. Мы помахали ему и вошли в лагерь.

Хасан всегда разбивал Гози — светонепроницаемую одноместную палатку, легкую, как пух, и очень прочную. Однако он в ней никогда не спал. Он прятал в ней свое барахло.

Я уселся на бревно перед костром, а Хасан нырнул в свою Гози. Мгновение спустя он вылез, держа в руках трубку для курения и блок чего-то плотного, на вид загустевшего, что он продолжал соскребать и мельчить. Он добавил туда немножко Burley и затем набил трубку.

Раскурив ее с помощью горящего прутика, он сел рядом со мной.

— Я не хочу убивать тебя, Караги,— сказал он.

— Разделяю это чувство. Я б тоже не хотел, чтобы меня убили.

— Но утром мы должны встретиться.

— Да.

— Ты бы мог взять обратно свой вызов.

— А ты бы мог улететь на скиммере.

— Не могу.

— И я не могу взять обратно свой вызов.

— Это печально,— не сразу сказал он.— Печально, что два таких человека, как мы, должны драться из-за какого-то голубого. Он не стоит ни твоей жизни, ни моей.

— Верно,— сказал я,— но тут замешано гораздо больше, чем его жизнь. Будущее этой планеты некоторым образом связано с его деятельностью.

— Я не понимаю таких вещей, Караги. Я сражаюсь за деньги. Других доходов у меня нет.

— Да, я знаю.

Пламя костра сникло. Я подбросил еще веток.

— Ты помнишь, как мы бомбили Золотой Берег во Франции? — спросил он.

— Помню.

— Мы, помимо голубых, убили много людей.

— Да.

— От этого будущее планеты не изменилось, Караги. Потому что с тех пор прошло много лет, а мы здесь, и все такое же.

— Я это знаю.

— А ты помнишь те дни, когда мы прятались в окопе на холме, что господствовал над бухтой в Пирее? Время от времени ты меня подпитывал пулеметными лентами, а я обстреливал корабли, а когда я уставал, за пулемет брался ты. У нас было много боеприпасов. Гвардия Правительства так и не высадилась ни в тот день, ни на следующий. Они не занимали Афины и не

обрушивались на Редпол. И мы сидели там в ожидании огненного шара и разговаривали, два дня и ночь, и ты рассказывал мне о Силах Неба.

— Я забыл...

— А я нет. Ты говорил мне, что есть такие же люди, как мы, что живут высоко, на звездах. А также, что есть и голубые. И ты говорил, что некоторые люди ищут покровительства у голубых и собираются продать им Землю, которая будет музеем. А другие, говорил ты, не хотели этого делать — они хотели, чтобы все осталось так, как сейчас — чтобы Земля принадлежала им и управлялась Конторой. По этой проблеме разделились и голубые, потому что возник вопрос, этично ли, законно ли предпринимать такое. Пошли на компромисс, и голубым было продано несколько чистых районов, которые они использовали под курорты и откуда они путешествовали по всем остальным местам на Земле. Но ты хотел, чтобы Земля принадлежала только людям. Ты говорил, что, если мы дадим голубым хотя бы один палец, они откусят всю руку. Ты хотел, чтобы люди со звезд вернулись обратно и восстановили бы города, захоронили бы Горючие Места, убили бы тварей, которые охотятся на людей. Когда мы сидели там в ожидании огненного шара, ты сказал, что мы воюем не из-за чего-то такого, что можно увидеть или услышать, почувствовать или попробовать, но из-за Сил Неба, которые никогда нас не видели и которых мы тоже никогда не увидим. Что все это затеяли Силы Неба и что из-за этого здесь, на Земле, должны умирать люди. Ты говорил, что, благодаря смерти людей и голубых, эти Силы могут вернуться на Землю. Но они не вернулись. Одна только смерть была вокруг. И это именно Силы Неба спасли нас в конце концов, потому что перед тем, как зажечь огненный шар над Афинами, они должны были получить консультацию. Они напомнили Правительству о старом законе, гласящем, что огненный шар никогда больше не вспыхнет в небе над Землей. Ты думал, что они все равно его зажгут, но они не стали. Именно поэтому мы и остановили их в Пирее. Я сжег для тебя Мадагаскар, Караги, но Силы так и не опустились на Землю. И когда люди зарабатывают много денег, они исчезают отсюда и никогда больше не возвращаются с небес. Ничего из того, что мы тогда делали, не привело ни к каким переменам.

— Благодаря тому, что мы делали, все осталось на своих местах и не сдвинулось к худшему,— сказал я ему.

— А что случится, если этот голубой умрет?

— Не знаю. Может, все ухудшится. Если он осматривает районы, через которые мы проходим, как предполагаемое недвижимое имущество, которое будут покупать веганцы, тогда это опять старая песня.

— И Редпол снова будет сражаться и бомбить их?

— Думаю, что так.

— Тогда давай убьем его сейчас, пока он не пошел дальше и не увидел больше.

— Все далеко не так просто — они возьмут и пришлют другого. Последствия не заставят себя ждать — может, начнутся массовые аресты членов Редпола. Редпол больше не ходит по краю пропасти, как тогда. Его люди не готовы. Им нужно время для подготовки. Этот голубой, по крайней мере, у меня в руках. Я могу следить за ним, разузнавать его планы. А затем, если необходимо, я могу сам его уничтожить.

Он пыхнул своей трубкой. Я чихнул. Запах чем-то напоминал сандаловое дерево.

— Что ты куришь?

— Это у меня из дому. Недавно я приезжал туда. Это одно из новых растений, которое раньше там никогда не росло. Попробуй.

Я сделал несколько полных затяжек. Сначала ничего не было. Я продолжал затягиваться и через минуту почувствовал, как прохлада и спокойствие постепенно растекаются по моему телу. Вкус у травки был горьковатый, но она расслабляла. Я вернул трубку. Приятное же состояние мое продолжалось и усиливалось. Так я не расслаблялся и не отдыхал душой уже много недель. Этот огонь, тени, земля вокруг нас — все вдруг стало более реальным, и этот ночной воздух, и далекая луна, и звук шагов Дос Сантоса и вправду показались более зримы и явственны, чем сама жизнь. И сама борьба представилась странной и непонятной. В конце концов мы от нее откажемся. Какой-то веганец писал, что из-за идей гуманизма люди перессорились, как кошки с собаками, превратились в обученных шимпанзе. Не так уж глупо, в некотором смысле. Может, мы нуждаемся, чтобы кто-нибудь, кто мудрей нас, следил за нами, распоряжался нашими жизнями. Во время

Трех Дней мы превратили наш мир в бойню, а у веганцев никогда не было ядерной войны. Они управляют с помощью незаметного и эффективного межзвездного правительства, держащего в поле зрения несколько дюжин планет. Все, что они делают, эстетически приятно. Собственные их жизни хорошо отрегулированы и преисполнены счастья. Почему бы не отдать им во владение Землю? Они, наверно, куда как лучше нас распорядятся ею. И почему бы к тому же нам не стать их кули? Не такая уж плохая перспектива. Отдать им этот древний ком грязи с его радиоактивными болячками и с калекami, живущими на нем.

Почему бы нет?

Я еще раз взял трубку и втянул еще одну порцию умиротворения. Однако как приятно вовсе не думать обо всех этих вещах. Не думать ни о чем таком, что тебе не изменить. Достаточно просто сидеть здесь и вдыхать ночь и быть заодно с этим огнем и с этим ветром. Вселенная исполняла свой гимн единения. Зачем же впускать хаос в этот храм?

Но я потерял мою Кассандру, мою смуглую колдунью с острова Кос, отдав ее бездумным силам, что движут землю и воды. И ничто не избавит меня от чувства потери. Оно было как бы в отдалении, как бы отгороженное стеклом, но по-прежнему было. Всем трубкам Востока не утишить эту боль. Я не хотел мира в душе. Я хотел ненависти. Я хотел сразиться со всеми личинами Вселенной — землей, водой, небом, Тайлером, Земным правительством, Конторой — чтобы обнаружить под одной из масок силу, которая взяла Кассандру, я бы заставил эту силу тоже испытать хотя бы толику моей боли. Я не хотел мира в душе. Я не хотел быть заодно с тем, что причинило зло мне, моему — по крови и любви. Я хотел, пусть бы только на пять минут, снова стать Карагиозисом, наводящим на цель крест окуляра и нажимающим на спусковой крючок.

„О Зевс, повелитель сверкающих молний,— молился я,— дай их мне, чтобы я мог сокрушить Силы Небес!“

Я снова прибежал к трубке.

— Благодарю, Хасан, но я не готов для Дерева Бо.

Я встал и пошел туда, где бросил свой тюк.

— Мне жаль, что утром я должен убить тебя,— сказал он мне вслед.

Как-то, потягивая пиво в охотничьем домике в горах на планете Дивбах с продавцом информации, веганцем по имени Крим (он уже умер), я глянул в широкое окно на высочайшую из вершин, что известны в освоенной части Вселенной. Имя ее Касла, и на ней никто никогда не бывал. Я потому упоминаю об этом, что утром перед дуэлью мне вдруг стало горько, что я так и не попытался взобраться на нее. Это была одна из тех бредовых идей, которые не дают покоя, и ты обещаешь себе, что как-нибудь обязательно попробуешь, но потом в одно прекрасное утро ты просыпаешься и осознаешь, что, пожалуй, время твое ушло и ты уже никогда не сделаешь этого.

Лица у всех в то утро лишились выражения.

Мир вокруг нас был ярок, и ясен, и чист, и полон пения птиц.

Я исключил из общения радиосвязь до конца дуэли, и Фил вынул, на всякий случай, из радиопередатчика несколько важных деталей.

Лоурел знать не должен. Редпол знать не должен. Никто не должен знать, до конца дуэли.

Приготовления были закончены, дистанция отмечена.

Мы заняли свои места на противоположных концах поляны. Солнце поднималось слева от меня.

— Вы готовы, джентльмены? — спросил Дос Сантос.

Последовало „да“ и „готов“.

— Я делаю последнюю попытку отговорить вас от развития подобного хода событий. Не желаете ли вы изменить свое решение?

„Нет“ и „нет“.

— У каждого из вас по десять камней одинакового размера и веса. Право первого броска дается, естественно, тому, кто принял вызов: Хасану.

Оба мы кивнули.

— Тогда приступайте.

Он отошел назад, и теперь нас разделяло только пятьдесят метров пространства. Мы оба встали боком, чтобы представлять собой наименее уязвимую цель. Хасан выбрал первый камень для пращи.

Я видел, как он стремительно раскрутил ее за собой и неожиданно выбросил вперед руку.

За спиной у меня грохотнуло.

Только и всего.

Он промахнулся.

Я положил камень в свою пращу, отвел назад и раскрутил. Засвистел рассекаемый воздух.

Затем всей силой правой своей руки я метнул снаряд.

Он оцарапал левое его плечо, едва коснувшись.

В основном он зацепил только одежду.

Прежде чем упасть, камень за спиной Хасана срикошетил от дерева в дерево.

А затем стало тихо. Птицы прекратили свой утренний концерт.

— Джентльмены,— сказал Дос Сантос,— каждый из вас использовал по одному шансу для решения вашего конфликта. Можно сказать, что вы не уронили своей чести перед лицом друг друга, дали выход своему гневу, и теперь удовлетворены. Не хотите ли вы прекратить дуэль?

— Нет,— сказал я.

Хасан потерял свое плечо и покачал головой.

Он положил второй камень в пращу, быстро раскрутил его и мощно метнул в меня.

Прямо между бедром и грудной клеткой — вот куда он попал.

Я упал, и в глазах у меня потемнело.

Через мгновение все снова прояснилось, но меня скорчило и тысяча зубов терзала мой бок, не давая встать.

Ко мне уже бежали, все сразу, но Фил махал им, чтобы они вернулись.

Хасан не сходил со своего места.

Приблизился Дос Сантос.

— Ну как? — тихо спросил Фил. — Ты можешь подняться?

— Угу. Мне нужна минута, чтобы отдышаться и преодолеть боль, и я встану.

— Как обстоят дела? — спросил Дос Сантос.

Фил объяснил.

Я прижал руку к боку и медленно поднялся.

Парочка дюймов ниже или выше, и была бы сломана какая-нибудь из костей. А так просто будто огнем обожгло.

Я потерял бок, сделав несколько круговых движений правой рукой, чтобы проверить работу мышц с этой стороны тела. Все о'кей.

Затем я поднял пращу и положил в нее камень.
На сей раз попаду. Я это чувствовал.

Камень описал в воздухе круг, второй, третий и вылетел.

Хасан упал навзничь, хватаясь за левое бедро.

Дос Сантос пошел к нему. Они поговорили.

Халат, что был на Хасане, смягчил удар, частично погасив его силу. Нога не была сломана. Как только Хасан сможет встать, он продолжит дуэль.

Минут пять он массировал ногу, а затем поднялся. За это время острое жжение в моем боку превратилось в тупую пульсирующую боль.

Хасан выбрал третий камень.

Он укладывал его медленно и тщательно.

Он готовил ответ мне. Затем он стал раскручивать пращу...

У меня же в этот миг возникло чувство — и оно крепко, — что мне следует отклониться чуть вправо. Так я и сделал.

Он повертел и бросил.

Камень содрал грибок с моей щеки и разорвал мне левое ухо. Щека моя стала вдруг мокрой.

Эллен коротко вскрикнула.

Еще бы чуть правее, и я бы ее уже не услышал.

Теперь была моя очередь.

В камне этом, гладком и сером, казалось, притаилась сама смерть. Он словно говорил: „А вот и я“.

Это было одно из тех маленьких, данных мне про запас предощущений, к которым я испытывал большой пиетет.

Я стер кровь со щеки. Уложил в пращу камень.

Когда я поднял руку, ею правила смерть. Хасан тоже это почувствовал, потому что он вздрогнул. Это было видно и отсюда.

— Оставаться на своих местах, бросайте оружие! — раздался голос.

Сказано было по-гречески, но, за исключением Фила, Хасана и меня, никто этого наверняка не понял. Разве что Дос Сантос или Красный Парик. До сих пор не знаю.

Но все мы поняли, что такое автомат в руках у этого человека, а также мечи, дубинки и ножи у примерно трех дюжин людей, или полулюдей, стоявших за ним.

Это были Куреты.

Куреты — это плохо.

Они никогда не упустят своей доли свежатинок.
Обычно печеной.

Но бывает, что и жареной.

Или вареной, или сырой...

Огнестрельное оружие, кажется, было только у говорившего.

...А у меня над плечом крутилась добрая порция смерти. Так что я решил сделать ему подарок.

Я отправил порцию смерти по этому адресу, и ему разнесло голову.

— Бейте их! — крикнул я, что мы и начали делать.

Джордж и Диана первыми открыли огонь. Затем Фил подхватил ручной пулемет. Дос Сантос бежал к своему рюкзаку. Эллен тоже не отставала.

Хасан не нуждался в моем приказе убивать. Единственным нашим с ним оружием были пращи. От Куретов нас отделяло меньше наших пятидесяти метров, и они были все в куче. Еще до того, как они бросились к нам, он метко посланными камнями уложил двоих. А я еще одного.

Затем они были уже на середине поляны, крича на бегу и спотыкаясь о своих убитых и раненых.

Как я говорил, не все они были людьми: там был один высокий и тонкий с трехфутовыми крыльями в язвах, там была парочка микроцефалов, таких волосатых, что они казались безголовыми, там был один субъект, скорее всего представлявший собой двух сросшихся близнецов, затем несколько стеатопигов и три огромных неуклюжих твари, которые продолжали наступать, несмотря на пулевые отверстия в груди и животе; у одного из этих последних руки, должно быть, были дюймов двадцати в длину и фут в ширину, у другого же, наверно, было что-то вроде слоновой болезни. Что до остальных, то у некоторых были относительно нормальные пропорции, но вид у них был грязный и крайне запущенный, и, в рогожках или без оных, все они были небриты и к тому же прескверно пахли.

Я еще запустил один камень, но уже не имел возможности увидеть, в кого он попал, так как они навалились на меня.

Я замолотил ногами, кулаками, локтями — не очень-то церемонясь. Пулемет перестал стрелять, замолк. Время от времени его надо перезаряжать, а слу-

чается, что его и заклинит. Боль в боку куда как мешала. И все же мне удалось вырубить трех из них, прежде чем что-то огромное и тупое садануло меня сбоку по голове, и я упал, как подкошенный.

Возвращаясь в эту жаркую духоту...

Возвращаясь в эту жаркую духоту, где разит конюшней...

Возвращаясь в эту жаркую духоту и тьму, где разит конюшней...

Не очень-то она способствует миролюбивым мыслям, хорошему пищеварению или возобновлению деятельности органов чувств при ровном попутном ветре.

Там стояла вонь и было чертовски жарко, и меня вовсе не тянуло получше осмотреть грязный пол — хотя для этого у меня была очень удобная позиция.

Я застонал, пересчитал все свои кости и сел.

Потолок был низкий, но еще и шел под уклон, для того чтобы встретиться с дальней стеной. Окошко наверху было маленьким и зарешеченным.

Мы находились в задней части деревянной хибарки. В противоположной стене было еще одно зарешеченное окно. Однако оно никуда не смотрело — это в него смотрели. За ним была комната побольше, и Джордж и Дос Сантос разговаривали у этого окна с кем-то, кто стоял по ту сторону. В четырех футах от меня лежал Хасан — то ли мертвый, то ли без сознания; на голове у него была корка крови. Фил, Миштиго и наши девушки тихо переговаривались в дальнем углу.

Отмечая все это про себя, я потерял висок. Левая сторона моего тела болела ровно и сильно, и все остальные его части решили присоединиться к ней.

— Он очнулся, — неожиданно сказал Миштиго.

— Всем привет. Я снова здесь, — признал я.

Они подошли ко мне, и я принял стоячее положение. Это была чистейшая бравада, но я ухитрился сохранить его.

— Мы попали в плен, — сказал Миштиго.

— Да ну? Неужто? Никогда бы не догадался.

— Подобных вещей на Тайлере не бывает, — заключил он, — равно как и на других планетах Веганского Объединения.

— Очень жаль, что вы там не остались,— сказал я.— Помните, сколько раз я просил вас вернуться?

— Ничего бы этого не случилось, если бы не ваша дуэль.

И тут я дал ему оплеуху. Кулак на него у меня не сжался. Слишком уж много в нем было патетики. Я засветил ему тыльной стороной ладони, и он кувыркнулся в стену.

— Вы хотите мне сказать, что не знаете, почему я стоял утром на поляне вместо мишени?

— Потому что вы поссорились с моим телохранителем,— заявил он, потирая щеку.

— ...Из-за того, что он, похоже, собирался убить вас.

— Меня? Убить?..

— Ладно, забудем,— сказал я.— Это не имеет никакого значения. Во всяком случае, теперь. Представьте себе, что вы не здесь, а на Тайлере и можете побыть там еще несколько часов напоследок. Было бы очень мило, если бы вы приехали на Землю и нанесли бы нам короткий визит. Но, увы, так на свете не бывает.

— Мы здесь умрем, да? — спросил он.

— По обычаю этой страны.

Я повернулся в другую сторону и изучающе посмотрел на человека, который изучал меня сквозь прутья решетки. Хасан в дальнем конце помещения поднял голову и прислонился к стене. Я не заметил, когда он пришел в себя.

— Добрый день,— сказал человек за решеткой, и сказал он это по-английски.

— Разве сейчас день? — спросил я.

— Вполне,— ответил он.

— Тогда почему мы не мертвы? — спросил я.

— Потому что я хотел, чтобы вы были живы,— заявил он.— О нет, не вы лично, Конрад Номикос, Комиссар по Искусствам, Памятникам и Архивам, и не все ваши высокочтимые друзья, включая поэта-лауреата. Я хотел, чтобы каждый, попавший в плен, оставался в живых. Ваши же конкретные персоны — это, скажем так, лишь приправа к общему правилу.

— С кем имею удовольствие говорить? — спросил я.

— Это доктор Морби,— сказал Джордж.

— Он тут их знахарь,— сказал Дос Сантос.

— Я предпочитаю слова „шаман“ или „шеф медицины“, — улыбаясь, поправил Морби.

Я подошел поближе к металлической решетке ручной работы и увидел, что это довольно тонкий, хорошо загорелый, чисто выбритый человек, волосы заплетены в огромную черную косу, свернувшуюся на голове, как кобра. У него были темные, близко поставленные глаза, высокий лоб и множество подбородков, свисающих ниже адамова яблока. На ногах были плетеные сандалии, на плечах — чистое сари зеленого цвета, а на шее ожерелье из костяшек человеческих пальцев. В ушах его были большие серебряные серьги в форме змеи.

— У вас довольно правильный английский, — сказал я, — а Морби — это не греческая фамилия.

— О боги! — изящно взмахнул он руками в насмешливом удивлении. — Я вовсе не местный! Как это вы могли принять меня за местного?

— Виноват, — сказал я. — Теперь я вижу, что для этого вы слишком хорошо одеты.

Он захихикал.

— А, эта старая накидка... Я просто набросил ее на плечи... Нет, я с Тайлера. Я читал потрясающую литературу на тему Возвращения, она меня перевернула — я решил вернуться и помочь возродить Землю.

— Неужто? Что же потом произошло?

— В то время Контора не брала на работу, и мне пришлось испытать кое-какие трудности, чтобы подыскать подходящее дельце. В конце концов я решил заняться исследовательской работой. В этих местах для нее предостаточно возможностей.

— Что именно вы исследуете?

— У меня две ученых степени из Нового Гарварда по антропологии культуры. Я решил досконально изучить какое-нибудь Горючее племя, и вот, после некоторых уговоров, это самое племя меня и приняло. Я взялся также и за их образование. Однако вскоре они мне подчинились — во всем этом регионе. Потрясающе с точки зрения „эго“. Со временем моя научная деятельность, мои социальные мероприятия стали значить все меньше и меньше. М-да, надеюсь, вы читали „Сердце Тьмы“, так что понимаете, что я имею в виду. Практика, практика на месте — вот что основа всего. Я обнаружил, что непосредственное участие стимулирует

гораздо больше, чем наблюдение. Я взял на себя задачу придать некоторым основополагающим их обычаям более эстетическую направленность. В конце концов именно таким образом я и обучал их. С тех пор, как я здесь появился, в их акциях стало гораздо больше стиля.

— А акциях? Каких, для примера?

— Ну, скажем, первая акция — это что раньше они были просто-напросто канныбалами. Второе — что они плохо себе представляли, как можно использовать пленников перед умерщвлением. А все это очень важно. Если все делать как подобает, это признак высокого класса, если вам понятно, что я имею в виду. И вот явился я с целым кладезем обычаев, поверий, табу, взятых из разных эпох, разных культур, а также и здесь, у нас перед носом. — Он снова взмахнул руками. — Человек, пусть даже получеловек, Горючий человек — это существо, которое любит ритуалы, а я знал столько разных ритуалов и тому подобное. Так что я все это пустил на пользу и вот занимаю теперь высокое положение, и мне оказываются великие почести.

— Все-таки каким образом ваши слова применимы к нам? — спросил я.

— Тут все делалось довольно неинтересно, — сказал он, — и местные жители пребывали в тоске и беспокойстве. Потому я решил, что пришло время новых церемоний. Я поговорил с Прокрустом, нашим Главным Воителем, и предложил ему взять кого-нибудь для нас в плен. Насколько я помню, на странице 466 сокращенного издания „Золотой ветви“ утверждается: „толалаки, пресловутые охотники за головами Центрального Целебеса, пьют кровь и едят мозг своих жертв, дабы стать мужественными. Италоны Филиппинских островов пьют кровь своих умерщвленных врагов, а также съедают в сыром виде их внутренности и затылочную часть их голов, чтобы обрести их смелость“. Так что у нас есть язык поэта, кровь двух грозных воинов, мозги выдающегося ученого, желчная печень пламенного политика и любопытного цвета плоть веганца — и все это здесь, в одном месте. Я бы сказал, неплохая добыча.

— Ваши намерения более чем понятны, — признал я. — А что насчет наших женщин?

— О, для них мы устроим довольно продолжительный ритуал воспроизведения потомства, с довольно продолжительным жертвоприношением в конце.

— Все ясно.

— ...Но все это, так сказать, в случае, если мы не предоставим вам возможности целыми и невредимыми продолжать свой путь.

— О?

— Да. Прокрусту нравится давать людям шанс — пусть проверяют, измеряют себя в соответствии со стандартом, вдруг да и спасутся. В этом отношении он поступает исключительно по-христиански.

— И, полагаю, в соответствии со своим именем?

Подошел Хасан и встал возле меня, уставясь на Морби сквозь железную решетку.

— Отлично, просто отлично, — сказал Морби. — Знаете, мне и вправду хотелось бы немножко поддерживать вас здесь, не отдавать. У вас есть чувство юмора. Большинству Куретов явно не хватает этой детали в сравнении с остальными личностными признаками. Мне бы у вас поучиться.

— Не утруждайте себя. Лучше расскажите мне про возможность спастись.

— А, да. Все мы — хранители Мертвеца. Это мое самое интересное детище. Уверен, что один из вас оценит это во время своего короткого знакомства с ним. — И он смерял взглядом меня, потом Хасана, потом меня, потом Хасана.

— Я знаю о нем, — сказал я. — Скажите мне, что надлежит делать.

— Этой ночью, когда он снова восстанет из мертвых, вас призовут померяться с ним силами на звание победителя.

— Кто он такой?

— Вампир.

— Да плевать на это. Кто он на самом деле?

— Он самый настоящий вампир. Сами увидите.

— О'кей, будь по-вашему. Вампир так вампир, и один из нас будет с ним драться. Как?

— Кетч безо всяких ограничений, с голыми руками, с полным контактом, а с Мертвецом нетрудно войти в контакт — он будет просто стоять и ждать вас. Ему будет хотеться пить, и он будет очень голоден, бедный мальчик.

— И если он потерпит поражение, вы освобождаете пленников?

— Таково правило, установленное мною где-то шестнадцать или семнадцать лет назад. Естественно, что такой возможности еще никому не предоставилось...

— Понятно. Вы хотите сказать, что он твердый орешек.

— О, он непобедимый. Вот что самое занятное. Если бы конец был другой, не было бы смысла устраивать такую красивую церемонию. Я описываю им всю картину схватки еще до того, как она начнется, а затем мои люди видят все воочию. Это поддерживает их веру в силы судьбы, равно как и в то, что все происходит при моем тесном сотрудничестве с последней.

Хасан глянул на меня:

— Что он хочет сказать, Караги?

— Это схватка, в которой победитель уже известен,— объяснил я ему.

— Наоборот,— сказал Морби,— не известен и не должен быть известен. На этой планете в связи с одной старинной игрой была когда-то пословица, гласящая: „Никогда не бейся об заклад с чертовым янки, или останешься без кошелька“. Мой Мертвец непобедимый потому, что у него были врожденные способности, однако мне пришлось немало потрудиться над ними. Он слопал столько чемпионов, что его сила, естественно, сравнялась с их силами, вместе взятыми. Каждый, кто читал Фрезера, знает это.

Он зевнул, прикрыв рот скипетром с перьями на конце.

— Я должен пойти проверить, как они оборудуют место для жаровни — его надо сплошь декорировать веточками. Решите, кто из вас будет драться, а вечером увидимся. Пока.

— Чтоб ты шею себе сломал.

Он улыбнулся и вышел из лачуги.

Я собрал всех.

— О'кей,— сказал я,— у них тут есть какой-то урод, из горючих, по имени Мертвец. Говорят, что он очень крепкий орешек. Я собираюсь сразиться с ним вечером. Если я одолею его, предполагается, что нас

освободят, но я не очень-то верю Морби на слово. Следовательно, мы должны придумать, как бежать отсюда, иначе из нас приготовят жаркое. Фил, ты помнишь дорогу на Волос?

— Думаю, что да. Правда, это было давно... А где именно мы находимся сейчас?

— Если от этого может быть какая-то польза,— отозвался Миштиго, сидевший у окна,— то я вижу некое сияние. Для данного цвета в вашем языке нет слова, но сияние вон в том направлении,— указал он.— Этот цвет я обычно вижу в районе радиоактивного заражения, если только уровень достаточно высокий. Сияние над довольно большим участком местности.

Я подошел к окну и посмотрел в указанном направлении.

— Тогда это должно быть Горючее место,— сказал я.— Если так, то, значит, они переместили нас еще дальше в направлении берега, что хорошо. Кто-нибудь был в сознании, когда нас сюда доставили?

Никто не ответил.

— Ладно. Тогда будем действовать, держа в уме, что это и есть Горючее место и что мы к нему очень близко. Стало быть, путь на Волос — в обратную сторону.— Я указал противоположное направление.— Поскольку солнце — на этой стороне хибарки и сейчас день, то, выйдя на дорогу, держитесь вот в этом направлении, спиной к закату. Тут должно быть не больше двадцати пяти километров.

— Они нас догонят,— сказал Дос Сантос.

— Есть лошади,— сказал Хасан.

— Что?

— В загоне вверх по улице. Я видел трех возле ограды, чуть раньше. Сейчас они за краем вон того строения. Возможно, их больше. Хотя на вид они не очень-то сильные.

— Вы умеете ездить верхом? — спросил я.

— Я никогда не ездил верхом на лошади,— сказал Миштиго,— но *шрид* чем-то похож на нее. Я ездил на *шриде*.

Все остальные на лошадях ездили.

— Стало быть, вечером,— сказал я.— Если придет-ся, садитесь по двое на каждую. Если лошадей будет больше, чем нужно, отвяжите и остальных, угоните их. Когда все будут смотреть на мою схватку с Мертве-

цом, вы должны смять охрану. Вооружайтесь чем попадя и прорывайтесь к лошадям... Фил, отправишься вместе со всеми в Макриницу и везде будешь называть имя Коронес. Они пустят вас к себе и защитят.

— Извиняюсь,— сказал Дос Сантос,— но ваш план плох.

— Если у вас есть лучше, давайте послушаем,— сказал я ему.

— Перво-наперво,— сказал он,— мы не очень-то можем положиться на мистера Грейба. Пока вы были без сознания, он себя очень плохо чувствовал и был очень слаб. Джордж считает, что во время нашей схватки с Куретами, или сразу же после нее, у него начался сердечный приступ. Если с ним что-нибудь случится, мы пропали. Если нам удастся освободиться от стражи, только вы можете вывести нас отсюда. Мы не можем рассчитывать на мистера Грейба. Далее,— сказал он,— вы не единственный, кто может сразиться с этим экзотическим страшилой. Хасан одержит победу над Мертвецом.

— Я не могу просить его об этом,— сказал я.— Если он даже победит, он, всего вероятней, будет в этот момент далеко от нас, и они, без сомнения, довольно быстро его схватят. Скорее всего, это будет стоить ему жизни. Вы наняли его, чтобы он убивал для вас, а не умирал.

— Я выйду против него, Караги,— сказал Хасан.

— Ты вовсе не обязан.

— Но я хочу.

— Как ты себя сейчас чувствуешь, Фил? — спросил я.

— Лучше, гораздо лучше. Я думаю, что это было просто расстройство желудка. Не беспокойся.

— Думаешь, сможешь доставить свой желудок до Макриницы верхом на лошади?

— Проще простого. Еще лучше, чем пешком. Я ведь практически родился верхом на лошади. Ты ведь помнишь.

— „Помнишь“? — спросил Дос Сантос.— Что вы хотите этим сказать, мистер Грейб? Как это Конрад может пом...

— ...помнить его знаменитую „Балладу верхом на лошади“, — сказала Красный Парик.— Ваше решение, Конрад?

— Спасибо,— сказал я.— Руководитель здесь я. Я приказываю, и я принял решение, что сам буду драться с вампиром.

— Думаю, в подобной ситуации нам следует быть более демократичными по поводу решений, за которыми жизнь и смерть,— возразила она.— Вы родились в этой стране. И независимо от того, хороша ли у Фила память, у вас лучше получится быстро доставить нас отсюда туда. Вы не приказываете Хасану умирать, не бросаете его. Он сам вызвался.

— Я убью Мертвеца,— сказал Хасан,— и догоню вас. Я знаю, как скрыться от людей. Я пойду по вашим следам.

— Это мое дело,— сказал я ему.

— Тогда, раз согласия нет, пусть решает случай,— сказал Хасан.— Бросьте монету.

— Хорошо. Они что, и деньги у нас забрали вместе с оружием?

— У меня есть немного мелочи,— сказала Эллен.

— Подбрось монетку.

Она подбросила.

— Орел,— сказал я, когда монета упала на пол.

— Решка,— сказала она.

— Не трогай!

Выпала решка, так-то вот. А орел был на другой стороне.

— О'кей, Хасан, тебе повезло, счастливчик,— сказал я.— Ты выиграл возможность стать героем Христофором, одолевшим монстра. Удачи тебе.

Он пожал плечами:

— Как написано.

Затем сел, прислонился спиной к стене, изъясл крошечный ножик из подошвы левой своей сандалии и принялся подрезать ногти. Он всегда был довольно ухоженным убийцей. Полагаю, что чистоплотность — рука об руку с дьявольщиной, или что-то вроде того.

Когда солнце медленно опустилось на западе, снова явился Морби, приведя с собой отряд Куретов-меченосцев.

— Время,— сказал он.— Вы решили, кто будет драться?

— Хасан,— сказал я.

— Отлично. Тогда пошли. Только, пожалуйста, без глупостей. А то я не люблю доставлять на праздник порченные продукты.

В окружении обнаженных лезвий мы вышли из хибарки и двинулись вверх по улице мимо загона. Там стояли, опустив головы, восемь лошадей. Даже в сумерках я увидел, что это были не очень хорошие лошади. Они были худы, бока покрыты ранами. Когда мы там проходили, каждый на них глянул.

В деревне насчитывалось примерно тридцать хибарок, похожих на ту, в которой нас держали. Мы шли по грязной дороге, в выбоинах и мусоре. Пахло мочой и потом, дымом и гнилыми фруктами.

Мы прошли метров восемьдесят и повернули налево. Тут улица кончилась, и мы стали спускаться с холма по тропе, ведущей к большой чистой площадке. Какая-то толстая лысая женщина с огромными грудями и лицом, похожим от карциномы на огненную лаву, поддерживала слабый, но наводящий на пренеприятнейшие мысли огонь на дне широкой ямы. Она улыбнулась, когда мы проходили, и облизнула губы.

Гигантские, заостренные шампуры лежали возле нее на земле...

Дальше начался ровный, как стол, участок голой земли, запруженный людьми. В одном конце этого поля стояло исполинское, обвитое ползучими растениями тропическое дерево, приспособившееся к нашему климату, а по краям всего поля тянулись ряды восьмифутовых факелов — языки пламени уже реяли в воздухе, как знамена. На другом конце поля стояла хижина, построенная с гораздо большим тщанием, чем все остальные. Она была метров пять в высоту и десять — по фасаду. Она была выкрашена в ярко-красный цвет и покрыта сверху донизу Пенсильванскими шестизначиями. Вся средняя часть передней стены представляла собой высокую, раздвижную дверь. Два вооруженных Курета стояли на страже перед этой дверью.

Солнце стало на западе крошечным кусочком апельсиновой кожуры. Морби вел нас через все поле к дереву.

От восьмидесяти до ста зрителей сидели на земле за факелами вдоль каждой из всех четырех сторон поля.

Морби махнул рукой, указывая на красную хижину.

— Как вам нравится мой дом? — спросил он.

— Славный,— сказал я.

— Там обитает мой сожитель, но днем он спит. Вы с ним встретитесь.

Мы подошли к самому стволу дерева-исполина, где, в окружении своей охраны, Морби нас и оставил. Он двинулся к центру поля и обратился на греческом к Куретам.

Мы договорились между собой, что подождем почти до конца схватки, как бы она ни сложилась, и, когда все члены племени под занавес войдут в раж, мы вырвемся. Мы окружили своих женщин, и мне удалось оказаться слева от меченосца правши, которого я намеревался быстро убить. Самое скверное — это то, что мы были на дальнем конце поля. Чтобы добраться до лошадей, нам придется прорываться обратно.

— ...И вот в ту ночь,— рассказывал Морби,— встал-поднялся Мертвец, повергая на землю могучего воина Хасана, ломая ему кости и швыряя его туда-сюда на нашем пиру. Под конец он убил этого великого врага, и выпил кровь из его шеи, и съел его печень, сырую, еще дымящуюся в ночном воздухе. Вот что он сделал в ту ночь. Велик он и могуч.

— Велик и могуч! — вскричала толпа, и кто-то начал бить в барабан.

— Сейчас мы снова призовем его к жизни...

И толпа радостно приветствовала:

— Снова к жизни!

— Снова к жизни;

— Снова к жизни!

— Привет тебе!

— Привет тебе!

— Острые белые зубы...

— Острые белые зубы!

— Белая, белая кожа...

— Белая, белая кожа!

— Руки, которые крушат...

— Руки, которые крушат!

— Рот, который пьет...

— Рот, который пьет!

— Кровь жизни!

— Кровь жизни!

— Слава нашему племени!

— Слава нашему племени!

— Слава Мертвецу!

- Слава Мертвецу!
- Слава Мертвецу!
- СЛАВА МЕРТВЕЦУ!

Под конец они уже ревели. Человеческие, получеловеческие и нечеловеческие глотки подхватывали эту короткую литанию, и она катилась по полю, словно волна прибоя. Вопили и наши охранники. Миштиго закрывал свои чуткие уши, и на лице его было выражение муки. В голове у меня тоже звенело. Дос Сантос перекрестился, и один из охранников покачал головой и многозначительно приподнял свой меч. Дос поежился и снова стал смотреть в сторону поля.

Морби подошел к хижине и три раза стукнул рукой по раздвижной двери.

Один из охранников открыл ее перед ним.

Внутри стоял гигантский черный катафалк, обвешанный черепами людей и животных. На нем возвышался огромный гроб из темного дерева, расписанный яркими зигзагами.

По указанию Морби охранники подняли крышку.

Следующие минут двадцать он делал подкожные впрыскивания тому, что находилось в гробу. Движения его были медленно-ритуальными. Один из охранников, отложив меч, помогал ему. Барабаны продолжали медленную ровную каденцию. Толпа затихла, как умерла.

Затем Морби повернулся к ней.

— Мертвец поднимается, — объявил он.

— Поднимается, — отозвалась толпа.

— Он выходит, чтобы принять жертву.

— Он выходит...

— Выходи, Мертвец! — позвал он, обращаясь к катафалку.

И тот вышел.

Встал во весь рост.

И был велик.

Огромен и тучен.

И вправду, могуч был Мертвец.

Потянул бы на все 350 фунтов.

Сначала он сел в гробу и огляделся. Потер свою грудь, подмышки, шею, пах. Он вылез из своего большого ящика и встал возле катафалка. Морби рядом с ним казался карликом.

На нем была только набедренная повязка, а на ногах сандалии из козьей кожи.

Кожа у него была белая, мертвенно-белая, белая, как рыбий живот, лунно-белая... мертвенно-белая.

— Альбинос...— сказал Джордж, и голос его услышали все, поскольку он был единственным звуком в ночи.

Морби повернул к нам голову и улыбнулся. Он взял Мертвеца за короткопалую руку и вывел его из жилища на поле. Мертвец шарахался от факелов. Когда он приблизился, я вгляделся в выражение на его лице.

— У него никаких признаков ума,— сказала Красный Парик.

— Ты видишь его глаза? — спросил Джордж, прищуриваясь. Очки его были разбиты в стычке.

— Вижу. Они у него розоватые.

— У него есть эпикантиальные складки?

— М-мм... да.

— О-хо-хо. Он монголоид, держу пари, что идиот. Вот почему Морби было нетрудно сделать с ним все, что хочешь. Взгляни на его зубы. Они, должно быть, заточенные.

Я вгляделся. Он расплылся в ухмылке, поскольку заметил яркую голову Красного Парика. Обнажились отличные острые зубы.

— Его альбинизм — это результат ночного образа жизни, который Морби ему навязал. Смотри! Он вздрагивает от света факелов. Он сверхчувствителен к любой форме актиничности.

— А что насчет его диеты?

— Принял, раз навязали. Множество примитивных народов пьют кровь своего домашнего скота. Казахи делали это до двадцатого века, то же самое тоды. Ты видел раны на тех лошадях, в загоне. Ты ведь знаешь, что кровь питательна — надо только научиться ее останавливать,— и я уверен, что Морби установил диету этому идиоту еще с детства. Так что он, конечно, вампир — таким его вырастили.

— Мертвец поднимается,— сказал Морби.

— Мертвец поднимается,— подтвердила толпа.

— Слава Мертвецу!

— Слава Мертвецу!

Морби опустил свою белую руку и направился к нам, оставив ухмыляться посреди поля чуть ли не самого настоящего вампира.

— Слава Мертвецу,— сказал он, подходя к нам

с такой же ухмылкой.— Не правда ли, он великолепен?

— Что вы сделали с этим несчастным существом? — сказала Красный Парик.

— Очень немного,— возразил Морби.— Он родился с хорошими данными.

— Какие инъекции вы ему сделали? — поинтересовался Джордж.

— О, я оглушил его болевые центры новокаином — перед такой схваткой это необходимо. Отсутствие у него реакции на боль усиливает образ его непобедимости. Кроме того, я подбросил ему гормональных средств. Недавно он начал набирать вес и стал немного инертен. Так что это компенсация.

— Вы говорите о нем так, будто это механическая игрушка,— сказала Диана.

— Он таков и есть. Непобедимая игрушка. К тому же бесценная. Ну как, Хасан? Готов? — спросил он.

— Готов,— ответил Хасан, снимая халат и бурнус и отдавая их Эллен.

Большие мышцы на его плечах вздулись, пальцы слегка напряглись, он двинулся вперед и вышел из круга обнаженных мечей. На левом плече у него был шрам, еще несколько шрамов было на спине. Факел высветил его бороду, кроваво окрасив ее, и я поневоле вспомнил ту ночь в поселке, когда он словно душил кого-то, а Мама Джули сказала: „В твоего друга вселился Ангелсу“ — и еще: „Ангелсу — бог смерти, и он приходит только с ней“.

— Слава воину Хасану,— объявил Морби, отвернувшись от нас.

— Слава воину Хасану! — ответила толпа.

— Сила его велика.

— Сила его велика,— повторила толпа.

— Но Мертвец еще славнее.

— Но Мертвец еще славнее.

— Он ломает ему кости и швыряет его туда-сюда на нашем пиру.

— Он ломает ему кости...

— Он ест его печень.

— Он ест его печень.

— Он пьет кровь из его горла.

— Он пьет кровь из его горла.

— Велик он и могуч.

— Велик он и могуч.
— Слава Мертвецу!
— Слава Мертвецу!
— Этой ночью,— спокойно сказал Хасан,— он и
впрямь станет Мертвецом.

— Мертвец! — крикнул Морби, когда Хасан подошел и встал перед своим противником.— Я отдаю тебе в жертву этого человека по имени Хасан.

Затем Морби подался в сторону и показал охранникам, чтобы те отвели нас на дальний край поля.

Идиот ухмылялся все шире и шире и медленно приближался к Хасану.

— Бисмалла,— сказал Хасан, делая вид, будто хочет увернуться, и отклоняясь вниз и вбок.

Он начал размах от самой земли и понес кулак вверх быстро и жестко, будто выстрел хлыста, вложив весь свой вес в удар, который пришелся с левой стороны челюсти Мертвеца.

Белая, белая голова дернулась разве что дюймов на пять.

И он продолжал ухмыляться.

Затем он выбросил вперед свои короткие толстые руки и обхватил Хасана под мышками. Хасан вцепился ему в плечи, оставляя на них хорошо видные красные борозды, и там, где его пальцы вонзались в белоснежные мышцы, выкатывались красные капли.

Толпа при виде крови Мертвеца завизжала. Возможно, запах собственной крови возбудил идиота. Или запах, или визг.

Потому что он оторвал Хасана от земли, подняв на высоту два фута, и побежал с ним вперед.

На его пути стояло исполинское дерево — Хасан ударился о ствол, и голова его мотнулась.

Мертвец всей тяжестью навалился на него, затем медленно отступил, встряхнулся и начал его избивать.

Это было настоящее побоище. Он молотил его своими до смешного короткими толстыми руками.

Хасан прикрывал лицо ладонями, а солнечное сплетение локтями.

Однако Мертвец продолжал колотить его по бокам и голове. Руки его знай подымались и опускались.

И он не переставал ухмыляться.

В конце концов руки Хасана упали, и он сцепил их у живота.

...Кровь выступила у него по краям рта.

Непобедимая игрушка продолжала свою игру.

А затем из далекого далека, с другого края ночи, из такого далека, что только я мог расслышать, донесся голос, который я узнал.

Это охотился мой адский гончий пес Бортан.

Где-то он напал на мой след, и он мчался сюда, сквозь ночь, прыгая, как коза, стелясь, как река или скаковая лошадь, пятнистой масти, глаза, как горящие угли, а зубы, как циркулярная пила.

Он никогда не уставал от бега, мой Бортан.

Такие, как он, рождаются без страха,— преданные охоте, клейменные смертью.

Мой адский гончий пес все ближе и ближе, и ничто не собьет его с пути.

Но он был далеко, в далеком далеке, на том краю ночи...

Толпа вопила. Хасан больше ничего не мог сделать. Никто бы не мог.

Краем глаза (карего) я заметил почти неуловимое движение Эллен.

Как будто она что-то бросила правой рукой...

И двумя секундами позже это случилось.

Я быстро отвел глаза от ослепительной вспышки за спиной у идиота.

Мертвец вскрикнул и выпустил Хасана.

Старая добрая инструкция номер 237.1 (выпущенная мною): „Каждый руководитель группы и каждый турист должны иметь при себе в пути не менее трех осветительных ракет“.

Это означало, что у Эллен осталось только две. Благослови ее бог.

Идиот перестал избивать Хасана.

Он пытался ногой откинуть пламя. Он вопил. Он зажал глаза руками. Он катался по земле.

А Хасан следил за ним, обливаясь кровью, тяжело дыша...

Пламя обжигало, и Мертвец вопил.

Наконец Хасан шевельнулся.

Он потянулся вверх и ухватил один из толстых стеблей ползучего растения, свисающего с дерева.

Он потянул его. Стебель сопротивлялся. Он дернул сильнее.

Стебель подался.

Движения Хасана стали уверенней, когда он наматывал на руки по концу.

Шипящее пламя брызнуло с новой силой...

Он упал на колени возле Мертвеца и быстрым движением затянул стебель петлей у него на горле.

Пламя искрило.

Хасан затягивал петлю.

Мертвец пытался подняться.

Хасан затягивал еще сильнее.

Идиот схватил его за пояс.

Большие мышцы на плечах убийцы вздулись, как канаты. Кровь на его лице перемешалась с потом.

Мертвец встал, подняв и Хасана.

Хасан затянул еще сильнее.

Лицо идиота было теперь не белым,— оно пошло пятнами, веревки вен выступили на лбу его и шее. Он снова оторвал Хасана от земли.

Он поднял Хасана так же, как я поднимал голема, и стебель еще глубже вонзился в его шею, когда он напряг все свои нечеловеческие силы.

Толпа выла и пела что-то бессвязное. Гром барабанов достиг бешеного предела. И затем я снова услышал лай, но он был еще очень далеко.

Пламя стало умирать.

Мертвеца качало из стороны в сторону.

...Затем его затрясло в судороге, и он отшвырнул Хасана. Петля на его горле ослабла, поскольку Хасан выпустил конец.

Хасан сделал укеми и перекатился на колени. В такой позиции он и остался.

Мертвец двинулся к нему.

Но поступь его вдруг изменилась.

Он весь затрясся. В горле у него булькнуло, и он схватился за него. Лицо его потемнело. Пошатываясь, он добрал до дерева и оперся о ствол рукой. Он тяжело дышал. Затем он стал шумно хватать ртом воздух. Рука его скользнула по стволу дерева, и он упал на землю. Согнувшись в три погибели, он снова поднялся.

Хасан встал с колен и снова взял выроненный стебель.

Он стал приближаться к идиоту.

На сей раз петля его была мертвой.

Мертвец упал и больше не поднялся.

Впечатление было такое, будто выключили радио, игравшее до того на полную громкость.

Щелк...

И огромная тишина — все произошло так быстро. И ночь была нежна, да, да, — воистину, когда, выпрыгнув из нее, я свернул шею меченосцу, что стоял возле меня, и схватил его клинок. Затем я развернулся влево и раскроил им череп еще одному.

Затем снова — щелк, и опять полная громкость, но на сей раз при всеобщем оцепенении. Ночь была порвана по самой середине.

Миштиго сбил с ног своего охранника запрещенным ударом в затылок и ногой саданул другого в голень. Джорджу удалось ударить коленом в пах того, кто был ближе всех.

Дос Сантос был не так разворотлив — или ему просто не повезло — и ему нанесли две нехороших раны, в грудь и плечо.

Рассеянная вдоль края поля толпа вскочила с земли — это было похоже на ускоренную съемку роста бобов.

Она бросилась к нам.

Эллен накинула Хасанов бурнус на голову меченосца, собравшегося распотрошить ее мужа. А затем земной поэт-лауреат из всех своих сил опустил камень на макушку бурнуса, тем самым несомненно обретя скверную карму, но, кажется, ничуть по сему поводу не встревожившись.

В этот момент Хасан уже снова присоединился к нашей маленькой группе — он рукой парировал удары меча, отбивая его с плоской стороны клинка; это был древний самурайский прием, который я считал давно утраченным. Затем и у Хасана в руках оказался меч — ему на это понадобилось лишь одно стремительное движение — а мечом он владел весьма искусно.

Толпа еще не миновала и половины расстояния до нас, как мы уже убили или тяжело ранили всех наших охранников, и Диана, по примеру Эллен, запустила три свои осветительные ракеты прямо в толпу.

И мы побежали; Эллен и Красный Парик поддерживали Дос Сантоса, — ноги плохо его слушались.

Но Куреты перерезали нам путь, и мы побежали на север, отклонившись от нашей цели.

— У нас ничего не получится, Караги,— крикнул Хасан.

— Знаю.

— ...Если только ты и я не задержим их, пока остальные не оторвутся.

— О'кей. Где?

— Возле ямы, где жаровня. Там толстые деревья вдоль тропы. Это бутылочное горло. Они там всех нас не достанут за один прием.

— Правильно! — Я обернулся к остальным: — Слышали? Бегите к лошадям! Вас поведет Фил. Хасан и я будем их сдерживать столько, сколько сможем.

Красный Парик повернула ко мне голову и стала что-то говорить.

— Никаких возражений. Вперед! Вам дорога жизнь или нет?

Они подчинились. Они побежали.

Мы с Хасаном остановились за ямой, поджидая Куретов. Остальные, оторвавшись, бросились через лес, держа путь к деревне и загону. Толпа катилась прямо на нас — меня и Хасана.

Первая волна врезалась в нас, и мы начали убивать. Мы занимали клин, где тропа вырывается из леса на волю. Слева от нас была дымящая яма, справа — стена деревьев. Мы убили трех, а еще несколько отступило; обливаясь кровью, они выждали и двинулись на нас с флангов.

Мы встали спина к спине и, едва они приближались, наносили им удары.

— Если хотя бы у одного из них пистолет, нам смерть, Караги.

— Знаю.

Еще один получеловек упал под моим клинком. Другой от удара Хасана с воплями свалился в яму.

Но теперь все они были здесь. Чей-то меч, миновав моего напарника, врезался мне в плечо. Еще один отметил мое бедро.

— А ну, назад, дурачье! Я кому сказал?! Отступайте, уроды!

Что они и сделали, отступив за предел досягаемости.

Тот, кто это крикнул, был ростом в пять с половиной футов. Нижняя его челюсть двигалась, как у куклы,—

будто на шарнирах, зубы же у него были, как костяшки домино — черные, шелкающие друг о друга, когда он открывал и закрывал рот.

— Слушаемся, Прокруст,— услышал я слова одного из нападавших.

— Принесите сети! Надо взять их живыми! Не приближайтесь к ним. Они и так уже положили слишком много наших.

Возле него был Морби, он всхлипывал.

— ...Я не знал, милорд!

— Молчать! Ты, затейник дерьмовых зрелищ! Ты и так стоил нам бога и многих его присных!

— Атакуем? — спросил Хасан.

— Нет, но приготовься к тому, чтобы резать сети, когда их принесут.

— Это плохо, что они хотят взять нас живьем,— сделал он вывод.

— Мы уже столько отправляли в Ад, чтобы вымостить и себе путь,— сказал я,— и мы еще держимся и держим клинки. Что еще нужно?

— Если мы их атакуем, то прихватим с собой на тот свет еще двух, а то и четырех. А если ждать, они накроют нас сетью и мы умрем без них.

— Какая нам разница, если мы уже будем мертвыми. Давай подождем. Пока мы живы, того и гляди может явиться павлиний хвост случая.

— Как скажешь.

А они нашли сети и приволокли их. Первых три мы порвали, но четвертую не успели и запутались в ней. Куреты затянули ее и бросились к нам.

Пальцы мои разжались, и меч выпал, кто-то пнул меня. Это был Морби.

— Теперь ты умрешь, как мало кто умирал,— сказал он.

— А что остальные, скрылись?

— Ненадолго,— сказал он.— Мы выследим их, поймем и приведем обратно.

Я засмеялся:

— Вы проиграли. Они скрылись.

Он снова меня пнул.

— Так где же ваши правила? — спросил я.— Ведь Хасан победил Мертвеца.

— Обманом. Женщина бросила зажигательную ракету.

Пока нас связывали в сети, подошел Прокруст и встал возле него.

— Отнесем их в Долину Спящих,— сказал Морби,— поступим с ними так, как они того заслужили, и будем их держать до следующего пира.

— Хорошо,— сказал Прокруст.— Пусть будет так.

Все это время Хасан, должно быть, пытался просунуть левую руку сквозь ячейки сети, потому что она вдруг вырвалась из нее и ногти Хасана вонзились в ногу Прокруста.

Прокруст пнул его несколько раз, а для ровного счета и меня в придачу. Он потерял царапины, оставшиеся на икре.

— Зачем ты это сделал, Хасан,— спросил я, когда Прокруст отошел, приказав подвязать нас для транспортировки к гигантским шампурам, которые мы видели на месте жаровни.

— Может, на ногтях осталось малость метацианида,— пояснил он.

— Как он туда попал?

— Из пуля на моем поясе, Караги, который они с меня не сняли. После того как я сегодня их подстриг, я покрыл их ядом.

— А! Ты поцарапал Мертвеца в самом начале встречи...

— Да, Караги. Просто от этого зависело, доживу ли я до момента, когда он упадет.

— Ты всем убийцам убийца, Хасан.

— Благодарю, Караги.

И нас, запеленутых в сети, подвязали к шампурам. Четыре человека по приказу Прокруста подняли груз.

Морби и Прокруст возглавили шествие. Нас несли сквозь ночь.

Мир, пока нас несли на этих кособоких носилках, менялся вокруг. Так бывает всегда по мере приближения к Горючей точке. Как будто идешь вспять сквозь геологические эры.

Деревья вдоль нашего пути становились все разнообразней. Под конец мы уже двигались по влажному коридору меж темных громадин с листьями, как у папоротника; какие-то неведомые существа с узкими желтыми глазами выглядывали из-за них. Ночь высоко над

головой была как просмоленная парусина, пологом натянутая на верхушки деревьев, проколота слабыми метинами звезд, вспоротая зазубренным желтым лунным серпом печали. В великом этом лесу раздавались птичьи крики, замирающие на хриплых низах. Что-то темное пересекало тропу далеко впереди.

Мы продвигались вперед, и деревья становились все меньше, а расстояние между ними все больше. Но они не были похожи на деревья, что росли там, возле деревни. Они сплелись между собой (и продолжали сплетаться!), ветви их были как пряди морских водорослей, стволы уродливо изогнулись, а вздыбленные корни медленно, словно крадучись, ползли по земле. Какие-то невидимые создания скрипели и скворчали, прыскавая во тьму от света электрического фонаря Морби.

Повернув голову, я засек слабое пульсирующее мерцание, прямо на границе видимой части спектра. Оно шло сверху.

Внизу появилось множество темных ползучих растений. Они корчились и извивались под ногами наших носильщиков.

Деревья стали просто папоротниками. Затем и они исчезли. Их заменило огромное количество косматых кроваво-красных лишайников. Они покрывали все камни. Они слабо светились.

Животный мир больше не подавал своего голоса. Звуков вообще больше не стало, за исключением прерывистого дыхания четырех наших носильщиков, тяжелых шагов, и время от времени — мягкого стука, когда автомат-карабин Прокруста ударялся в обросший камень.

На поясах у наших носильщиков висели клинки. У Морби было несколько клинков, а кроме того — маленький пистолет.

Путь резко пошел наверх. Один из наших носильщиков ругнулся. Края полога ночи дернуло вниз, до самой линии горизонта, и его наполнила смутная пурпурная мгла, тонкая, как выдох сигаретного дыма. Медленно и очень высоко, словно скат в воде, поводила крылами в воздухе темная тень летуче-паучьей мыши, пересекающей узкий лик месяца.

Прокруст упал.

Морби помог ему подняться на ноги, но Прокруст покачнулся и повис на нем.

— Что вас беспокоит, лорд?

— Внезапная слабость, онемение членов... Возьми мой карабин. Он потяжелел.

Хасан хмыкнул.

Прокруст повернулся к Хасану, кукольная его челюсть опустилась.

Затем он и сам опустился — упал на землю.

Морби только что взял карабин, и руки у него были заняты. Охранники приземлили нас, довольно-таки поспешно, и бросились к Прокрусту.

— У тебя есть вода? — спросил он, и глаза его закрылись.

Больше он их не открыл.

Морби приложил ухо к его груди, подержал оперенную часть своего жезла у него перед ноздрями.

— Он мертв, — объявил наконец он.

— Мертв?

Носильщик, покрытый чешуей, начал плакать.

— Он был бог, — всхлипывал он. — Он был великий воитель. Что нам теперь делать?

— Он мертв, — повторил Морби, — и я ваш вождь, пока не объявят нового Главного воителя. Заверните его в свою одежду. Оставьте его здесь прямо на этом плоском камне. Ни одно животное сюда не придет, так что никто его не тронет. Мы заберем его на обратном пути. Однако теперь мы должны отомстить этим двум. — Он указал на нас своим скипетром. — До Долины Спящих уже рукой подать. У вас есть таблетки, которые я вам давал?

— Есть.

— Есть.

— Есть.

— Есть.

— Хорошо. Снимите одежду и заверните его.

Так они и сделали, и вскоре нас снова подняли и понесли вверх по склону, за краем которого тропа нырнула во флюоресцирующую воронку с выщербленными краями. Огромные камни, разбросанные вокруг, казались объатыми пламенем.

— Это место, — сказал я Хасану, — описывал мой сын. Здесь нить моей жизни проходит через горящий камень. Он видел, что мне угрожает Мертвец, но судьба дважды подумала и подвергла этому смертельному испытанию тебя. Но если оглянуться назад, когда я все-

го лишь привиделся Смерти, именно это место и послано мне на погибель.

— Упасть с Шинвата — это согреться, — сказал Хасан.

Они втащили нас в расщелину и бросили на камни.

Морби снял карабин с предохранителя и отступил назад.

— Освободите грека и привяжите его вон к той колонне, — указал он оружием.

Они выполнили его приказ, понадежней связав мне руки и ноги. Камень был влажный и гладкий, убивающий совершенно незаметно.

То же самое они проделали с Хасаном, привязав его в восьми футах справа от меня.

Морби так установил свой фонарь, чтобы тот свечивал возле нас желтый полукруг. Возле него самого, как статуи дьяволов, стояли четыре Курета.

Он улыбался. Он прислонил карабин к каменной стене, что была у него за спиной.

— Это Долина Спящих, — сказал он нам. — Тот, кто здесь спит, не просыпается. Однако мясо здесь не портится, что обеспечивает нас в неурожайные годы. Но перед тем, как мы вас здесь оставим... — Он повернулся ко мне: — Видел, куда я поставил карабин?

Я не ответил.

— Думаю, твои внутренности до него достанут, Комиссар. Во всяком случае, я сейчас это проверю. — Он вытащил кинжал из-за пояса и приблизился ко мне. Четыре получеловека шли за ним. — Кто, по-твоему, из вас храбрее, ты или араб?

Ни я, ни Хасан не ответили.

— Ну что ж, вы сами про себя это узнаете, — процедил он сквозь зубы. — Ты первый!

Он выдернул края моей рубашки и вырезал ее спереди.

Он медленно и многозначительно описывал круг ножом в двух дюймах от моего живота, внимательно при этом вглядываясь мне в лицо.

— Боишься, — сказал он. — Лицо еще этого не выдает, но выдаст. — Затем: — Смотри на меня! Я буду вводить лезвие очень медленно. Когда-нибудь я тобой пообеду. Что ты на это скажешь?

Я засмеялся. Неожиданно рассмеяться — это было куда как кстати.

Лицо его скривилось, а затем вытянулось, словно озадачившись на миг.

— Ты часом не рехнулся от страха, Комиссар?

— Перья или свинец? — спросил я его.

Он знал, что это значит. Он хотел что-то сказать, но тут услышал, как примерно в двадцати шагах от него щелкнул камешек. Его голова дернулась в ту сторону.

Последнюю секунду своей жизни он истратил на вопль, пока Бортан, всей мощью своего прыжка опрокинув его на землю, не снес ему голову с плеч.

Явился мой гончий пес.

Куреты завершали, поскольку его глаза как два горящих уголья, а зубы его как циркулярная пила, ростом с рослого мужчину. Хотя они, схватив свои мечи, и ударили его, бока у него как у армадилла. В Бортане моем добрая четверть тонны... и он не совсем тот пес, что описан Альбертом Пейсоном Терхьюном.

Он был занят с минуту, и, когда закончил, живых среди них не было — все были разорваны на куски.

— Кто это? — спросил Хасан.

— Щенок, которого я нашел в мешке, выброшенном волной на берег... мешок был плотный и не утонул. А в нем моя собака, — сказал я, — Бортан.

В более мягкой части его плеча была рана. В этой схватке он ее не получал.

— Он нас сначала искал в деревне, — сказал я, — и они пытались поймать его. Много Куретов нашли свою смерть в этот день.

Он семенил лапами и лизал мое лицо. Он вилял хвостом, фыркал по-собачьи, вертелся по-щенячьи и носился кругами. Он прыгнул на меня и лизнул в лицо. Затем он снова стал делать курбеты, наступая на куски куретов.

— Хорошо, когда у человека есть собака, — сказал Хасан. — Я всегда любил собак.

После этих слов Бортан его обнюхал.

— Ты вернулся, ты, старый грязный сукин сын, — сказал я ему. — Разве ты не знаешь, что собаки все вымерли?

Он завилял хвостом, снова подошел ко мне и лизнул мою руку.

— Прости, что не могу почесать тебя за ухом. Однако ты знаешь, что мне бы этого хотелось, правда же?

Он завилял хвостом.

Я разжал и снова сжал пальцы правой руки, насколько это позволял узел. Делая это, я повернул голову направо. Бортан наблюдал — его влажные ноздри трепетали.

— Руки, Бортан. Мне нужны руки, чтобы освободиться. Руки, что развяжут мои узлы. Ты можешь их найти, Бортан, и привести сюда.

Он подхватил руку, лежавшую на земле, и положил ее к моим ногам. Затем поднял голову и помахал хвостом.

— Нет, Бортан. Нужны живые руки. Руки друзей. Руки, которые меня развяжут. Ты ведь понимаешь, правда?

Он лизнул мне руку.

— Иди и найди руки, чтобы освободить меня. Живые и преданные. Руки друзей. Ну, быстро! Пошел!

Он повернулся и побежал, остановился, оглянулся и затем задрал хвост.

— Он что, понимает? — спросил Хасан.

— Думаю, что да, — сказал я ему. — Мозги у него не такие, как у обычной собаки, и он живет гораздо дольше, чем человек, чтобы научиться все понимать.

— Тогда будем надеяться, что он найдет кого-нибудь раньше, чем мы навечно заснем.

— Да.

Мы так и торчали там, и ночь была холодна.

Мы ждали долго. В конце концов мы потеряли счет времени.

Мучительная судорога свела все наши мышцы. Мы были покрыты коркой крови из бесчисленных мелких ран, сплошь исцарапаны. От усталости и бессонницы кружилась голова.

Мы так и торчали там, и веревки врезались в нас.

— Думаешь, они доберутся до твоей деревни?

— Мы помогли им взять хороший старт. Думаю, у них довольно приличный шанс.

— С тобой всегда трудно работать, Караги.

— Знаю. Я и сам это заметил.

— ...Как в то лето, когда мы заживо гнили в подземных казематах Корсики.

— Согласен.

— ...Или когда мы добирались до вокзала в Чикаго, после того как в Огайо лишились всего оборудования.

— Да, это был плохой год.

— Но у тебя всегда сложности, Караги,— сказал он.— „Рожденный завязать узлом хвост тигру“ — это пословица о таких, как ты. С ними трудно. Я лично люблю спокойствие, прохладную тень, книгу стихов, свою трубку...

— Тише! Я что-то слышу.

Это был стук копыт.

За скошенным лучом света из упавшего фонаря появился сатир. Движения его были нервные, он переводил взгляд с меня на Хасана, и снова на меня, и вверх, и вниз, и мимо нас.

— Помогите нам, рогатенький,— сказал я по-гречески.

Он осторожно приблизился. Он увидел кровь расчлененных куретов.

Он повернулся, словно хотел бежать отсюда.

— Вернись! Ты мне нужен. Это ведь я, играющий на свирели.

Он остановился и обернулся ко мне, его трепещущие ноздри раздувались. Его острые уши прыдали.

Он вернулся, и, когда он обходил место, залитое кровью, на его почти человеческом лице отобразилась боль.

— Клинок. Возле моих ног,— сказал я, указывая глазами.— Подними его.

Похоже, ему не нравилась даже сама идея касаться того, что сделано человеком, особенно оружия.

Я насвистел последние такты моей последней мелодии.

Уже поздно, поздно, так поздно...

Глаза его увлажнились. Он вытирал их тыльной стороной своих покрытых шерстью запястий.

— Возьми лезвие и разрежь узлы на мне... Да не так, а то порежешься. Другим концом... Правильно.

Он поднял его как нужно и посмотрел на меня. Я пошевелил правой рукой.

— Веревки. Разрежь их.

Он стал разрезать. На это у него ушло двадцать минут, а мне стоило браслета из крови. Я должен был

все время шевелить рукой, чтобы он не перерезал мне артерию. Наконец он освободил мою руку и вопросительно посмотрел на меня.

— А теперь дай мне нож — я сам позабочусь об остальном.

Он положил лезвие в мою протянутую руку.

Я взял его. Несколько мгновений спустя я уже был свободен. Затем освободил Хасана.

Когда я обернулся, сатира уже не было. Я услышал, как вдали замирает отчаянный стук копыт.

— Бес простил меня,— сказал Хасан.

Мы поспешили назад от Горючей точки, обойдя стороной деревню и держа направление на север, пока не вышли на тропу, в которой я признал дорогу на Волос. Я так и не знал наверняка, Бортан ли это разыскал сатира и каким-то образом послал его к нам или же это существо само нашло нас и вспомнило меня. Но Бортан не вернулся, так что я склонялся к последнему.

Ближайшим надежным для нас городом был Волос, примерно в двадцати пяти километрах на восток отсюда. Если Бортан побежал туда, где его узнают многие из моих родственников, тогда он еще не скоро вернется.

То, что я послал его за помощью, было абсолютно зряшным делом. Если он направился куда-нибудь помимо Волоса, тогда у меня нет ни малейшего представления о том, когда он вернется. Однако он нашел мой след, найдет и снова. Мы шли и шли, так, чтобы вся дорога осталась позади.

Через километров десять пути нас стало пошатывать. Мы знали, что без отдыха долго не продержимся, так что попутно обшаривали глазами местность в поисках какого-нибудь подходящего местечка для сна.

Под конец я узнал крутой каменистый холм, где мальчиком я пас овец. Маленькая пещерка для пастухов в трех четвертях пути до вершины была сухой и свободной. Деревянная стенка, перегораживающая ее снаружи, сильно обветшала, но еще держалась.

Мы навалили для постели свежей травы, подперли дверь изнутри и растянулись на подстилке. Уже через мгновение Хасан захрапел. Сознание мое чуть покрутилось перед тем, как поплыть, и за этот краткий миг

я признал, что из всех радостей мира — глотка холодной воды, когда у тебя жажда, или спиртного, когда жажды нет, занятий любовью или сигареты, первой за многие дни, — из всех этих радостей ничто не сравнится со сном.

Сон лучше...

Я мог бы сказать, что если бы наша группа двинулась длинной дорогой от Ламии до Волоса — вдоль побережья, — то все сложилось бы совсем иначе, и Фил был бы сегодня жив. Но, по правде говоря, мне трудно понять, что бы в таком случае произошло; даже сейчас, оглядываясь назад, я не могу сказать, как бы я, если бы это было возможно, распорядился бы событиями. Силы рока уже вышагивали гусиным шагом среди руин, с оружием на изготовку...

Мы добрались до Волоса на следующий день и поднялись на гору Пелион к Портарии. За глубокой ложиной лежала Макриница.

Там мы нашли всех остальных.

Фил привел их в Макриницу, где попросил бутылку вина и экземпляр книги „Освобожденный Прометей“, и в тот вечер он хорошо сидел с ними двоими.

А утром Диана обнаружила, что он уже окоченел. На его лице была улыбка.

Я сложил для него погребальный костер в окружении кипарисов близ руин Епископальной церкви, потому что он не хотел быть зарытым в землю. Я положил сверху фимиам и ароматические травы, и кострище вдвое превышало рост человека. В ту ночь все сгорит и я скажу „прощай“ еще одному из своих друзей. Если оглянуться назад, то кажется, будто моя жизнь только и состоит, что из встреч и прощаний. Я говорю „привет“. Я говорю „пока“. Только Земля остается на месте...

К черту.

Так что в тот день я вышел вместе с группой из Пагасы, этого порта в древнем Иолке, выстроенного на мысе против Волоса. Мы стояли в тени миндальных деревьев на холме, откуда прекрасный вид и на море, и на гряды гор.

— Именно отсюда аргонавты поплыли на поиски Золотого руна, — сказал я в пространство.

— Кто они были? — спросила Эллен. — Я читала эту историю в школе, но забыла.

— Это были Геракл, Тезей и певец Орфей, Асклепий и сыновья Борея. Северного Ветра, и Язон, капитан, ученик кентавра Хирона, чья пещера, между прочим, находится вон там, возле вершины горы Пелион.

— Неужели?

— Как-нибудь я вам покажу.

— Отлично!

— Боги и титаны тоже сражались в этих местах, — сказала Диана, подходя ко мне. — Это ведь титаны опрокинули гору Пелион и бросили ее на Оссу, пытаясь подняться на Олимп.

— Есть такое предание. Но боги были добры и восстановили пейзаж после кровавого сражения.

— Парус, — сказал Хасан, указывая вдаль наполовину очищенным апельсином.

Я глянул поверх вод и увидел крошечную метину на горизонте.

— Да, это место еще используется как порт.

— Может, это какой-нибудь корабль с героями, — сказала Эллен, — которые возвращаются с каким-нибудь новым руном. А все-таки что они с ним будут делать?

— Дело не в самом руне, — сказала Красный Парик, — а в его поисках. Каждый хороший сказитель знал это. Деревенские женщины всегда делали сногшибательные одежды из руна. После ухода гостей они обычно подбирали все шерстинки.

— Такая одежда не подошла бы к цвету твоих волос, дорогая.

— Это поправимо. Хотя тебе, конечно, проще...

— За дорогой, — сказал я, повышая голос, — руны византийской — Епископальной — церкви, которая у меня намечена к реставрации через пару лет. Это традиционное место свадебных празднеств Пелея, тоже аргонавта, и морской нимфы Тетис. Наверно, вы слышали об истории этого празднества. Пригласили всех, кроме богини раздора, но она все-таки пришла и бросила вверх золотое яблоко с надписью „Прекраснейшей“. Бог Парис счел, что оно принадлежит Афродите, и это определило судьбу Трои. Когда Париса видели в последний раз, он был не очень-то счастлив. О, эти реше-

ния! Как часто я говорил, эта земля кишмя-кишит мифами.

— Сколько мы здесь пробудем? — спросила Эллен.

— Я бы хотел провести еще парочку дней в Макринице, — сказал я, — затем мы двинемся на север. Примерно еще неделю мы будем в Греции, а потом двинемся к Риму.

— Нет, — сказал Миштиго, который сидел на камне и наговаривал на свой диктофон, а теперь глянул поверх вод. — Нет, путешествие закончено. Это последняя остановка.

— Как это?

— Я вполне удовлетворен и теперь собираюсь домой.

— А как же книга?

— История мне уже ясна.

— Какая история?

— Когда я закончу, я пришлю вам экземпляр с автографом. Мне дорого мое время, а все необходимые материалы я уже заполучил. Все, что мне так или иначе понадобится. Этим утром я запросил Порт, и вечером они высылают за мной скиммер. Вы можете продолжать путешествие и делать, что хотите, но я закончил.

— Что-нибудь не так?

— Нет, все так, как нужно, но мне время уезжать. У меня много дел.

Он встал на ноги и потянулся:

— Нужно еще кое-что упаковать, так что я сейчас иду к себе. У вас тут, Конрад, несмотря ни на что, действительно прекрасная страна. Увидимся за обедом.

Он повернулся и стал спускаться с холма.

Я сделал вслед за ним несколько шагов, глядя ему в спину.

— Хотел бы я знать, что все это значит? — подумал я вслух.

В тишине раздавались его шаги.

— Просто он умирает, — тихо сказал Джордж.

Мой сын Ясон, опередивший нас на несколько дней, исчез. Соседи рассказали о его уходе на поиски Гадеса вечером накануне нашего появления. Патриарх сидел на спине огненноглазого гончего пса, который сорвал с петель дверь его жилища и понес его на себе

сквозь ночь. Все мои родственники хотели, чтобы я пришел на обед. Дос Сантос еще не вставал — Джордж залечивал его раны и не считал необходимым отправлять его морем в афинский госпиталь.

Всегда приятно вернуться домой.

Я спустился на площадь и провел день в разговорах со своими потомками. Рассказать им о Тайлере, о Гаити, об Афинах? Да, рассказать. Что я и сделал. Расскажут ли они мне о двух последних десятилетиях в Макринице? Несомненно.

Затем я положил цветы на кладбище, немного постоял и пошел к дому Ясона, чтобы починить дверь, — в сарае нашлись и инструменты. Затем я наткнулся на бутылку его вина и всю ее выпил. И закурил сигарету. Затем сварил себе кофе и тоже весь его выпил.

И все же мне было тяжело.

Я не знал, что происходит.

Хотя Джордж знал его болезни, и он сказал, что у веганца явные симптомы неврологического расстройства неизвестной разновидности. Неизлечимого. С неизбежным смертельным исходом.

И даже Хасан не мог этому поверить. „Этиология неизвестна“ — таков был диагноз Джорджа.

Все стало с ног на голову.

Джордж знал Миштиго с момента прибытия последнего... Что же предопределило такой ход развития событий?

...Еще Фил просил его осмотреть веганца в связи с признаками смертельного заболевания.

Почему?

Да, он так и не сказал, почему, и я уже не мог спросить его об этом.

Передо мной встала проблема.

Миштиго или уже закончил свою работу, или у него не осталось на нее времени. Но он сказал, что закончил. Если еще нет, то мне придется защищать смертельно больного еще неизвестно сколько. Если же закончил, то мне нужно знать результаты, чтобы очень быстро принять решение относительно оставшихся ему дней жизни.

Обед ничего не прояснил. Миштиго уже сказал все, что мог себе позволить, и отметал или просто-напросто игнорировал все наши вопросы. После чашки кофе Красный Парик и я отошли в сторонку, чтобы выкурить по сигарете.

- Что случилось? — спросила она.
- Не знаю. Я думал, может, ты знаешь.
- Нет. Так что теперь?
- Скажи.
- Убить его?
- Может, и да. И все же сразу вопрос — зачем?
- Он все закончил.
- Что? Что именно он закончил?
- Откуда я знаю?
- Пропади оно пропадом! Я должен, я хочу знать, с какой целью я убиваю кого-то. Иначе я выгляжу нелепо.
- Нелепо? Весьма. Явно, не правда ли? Веганцы снова хотят скупить земли. Он возвращается, чтобы доложить им о тех территориях, в которых они заинтересованы.
- Тогда почему он все их не посетил? Почему остановился после Египта и Греции? Пески, камни, джунгли и разнообразные монстры — это все, что он видел. Маловато для радужных выводов.
- Тогда причина в том, что он смертельно напуган и счастлив, что остался жив. Его чуть не съели — и боадил, и Куреты. Он просто спасается бегством.
- Прекрасно. Тогда пусть бежит. Пусть всучит им плохой отчет.
- Но он не может. Если уж они настроились покупать, его отрывочные сведения их не удовлетворят. Они просто пошлют кого-нибудь другого, кто покруче, чтобы закончить это дело. Если мы убьем Миштиго, они будут знать, что мы — это реальность, что мы еще протестуем, что мы и сами крутые.
- ...Но он не боится за свою жизнь,— сказал я задумчиво.
- Нет? Тогда что?
- Не знаю. Но должен раскопать.
- Каким образом?
- Думаю, я его спрошу.
- Ты просто псих! — И она отвернулась.
- Или будет по-моему, или никак,— сказал я.
- Тогда уж все равно. Это не имеет значения. Мы уже проиграли.
- Я взял ее за плечи и поцеловал в шею:
- Еще нет. Вот увидишь.
- Тело ее напряглось.

— Иди домой,— сказала она.— Уже поздно. Слишком поздно.

Так я и сделал. Я вернулся в просторное старое жилище Иакова Коронеса, где остановились Миштиго и я и где прежде был и Фил. Я занимал комнату, где он умер, и спал там же, где спал он. Его „Освобожденный Прометей“ еще лежал на письменном столе возле пустой бутылки. Он говорил мне о своем собственном уходе, когда вызывал меня на связь в Египте, и у него был сердечный приступ, и ему пришлось через многое пройти. Казалось, что по такому поводу он мог бы оставить какое-то послание старому другу.

Поэтому я раскрыл скучную эпiku Перси Биши и заглянул внутрь.

Послание его было написано на чистых страницах в конце книги по-гречески. Однако не на современном греческом. А на классическом.

Там было примерно вот что:

«Дорогой друг, хотя я ненавижу писать, не переписывая затем, я чувствую, что мне лучше поторопиться. Я в неважном состоянии. Джордж хочет, чтобы я улетел в Афины. Я тоже хочу, утром. Но однако прежде рассмотрим поближе наше дело...»

Сделай все, чтобы веганец отбыл с Земли живым и невредимым.

Это важно.

Это самая важная в мире вещь.

Я боялся рассказать тебе раньше, потому что допускал, что Миштиго может оказаться телепатом. Вот почему я не был с вами с самого начала поездки, хотя мне этого так страстно хотелось. Вот почему я притворялся, что ненавижу его, лишь бы побыть в стороне от него, насколько это возможно. Только убедившись в том, что он не телепат, я предпочел присоединиться к вам.

Я подозревал, что через Дос Сантоса, Диану и Хасана Редпол, должно быть, хочет его крови. Я полагал, что если он телепат, то сразу же об этом узнает и предпримет все необходимое для обеспечения своей безопасности. Если же он не телепат, то в этом случае я был полон веры в твою способность защитить его почти от всего и вся. Включая Хасана. Но я не хотел, чтобы до него дошло то, что я знаю. Однако в случае необходимости я бы предупредил тебя.

Татрам Миштиго, его дед, чудеснейшая и благороднейшая личность. Он философ, великий писатель и общественный деятель, оказывающий бескорыстную помощь своему народу. Я познакомился с ним во время своего пребывания на Тайлере тридцать с лишним лет назад, и позднее мы стали близкими друзьями. С тех пор мы с ним поддерживали связь, и даже тогда, давным-давно, он просвещал меня относительно веганских планов объединения, где рассматривалась роль Земли. Я поклялся держать все в секрете. Даже Двор не подозревал о моей осведомленности. Если бы все это всплыло раньше времени, для пожилого человека это было бы катастрофой — он бы утратил весь свой авторитет.

Веганцы находятся в весьма затруднительном положении. Наши эмигрировавшие соотечественники, земляне, только упрочили свою экономическую и культурную зависимость от Веге. Веганцам же дали понять — и очень наглядно! — в дни восстания Редпола, что здесь, на Земле, есть местное население, имеющее собственную сильную организацию и желающее восстания нашей планеты. Веганцы хотели бы того же. Земля им не нужна. Для чего? Если они хотят эксплуатировать землян, то на Тайлере таковых гораздо больше, чем здесь, на Земле, — но они и не эксплуатируют; или же в небольших масштабах и без злоупотреблений. Наши бывшие сами предпочли эксплуатацию своего труда там возвращению сюда. О чем это говорит? Возвращенство — это мертворожденное дитя. Никто не хочет обратно. Вот почему я ушел из этого движения. Думаю, что и ты по той же причине. Веганцы не хотели бы заниматься проблемой нашего собственного дома. Наверняка они хотели бы его посещать. Для них приехать сюда и собственными глазами убедиться в том, что мы сотворили со своим миром, и поучительно и отрезвляюще, это их ставит на место да и просто-напросто приводит в ужас.

Что им было нужно, так это обойти наше правительство-в-отсутствии на Тайлере. Тайлериты не спешили отказываться от своих требований по поводу налогов и существования Конторы.

Однако после множества переговоров и всяких экономических преследований, включая требование полного веганского гражданства для наших бывших, вы-

яснилось, что какие-то средства решения вопроса были найдены. Осуществление этого плана было поручено Штиго генам, прежде всего Татраму.

В конце концов он, по собственному своему убеждению, нашел способ, как возвратить Землю в автономное состояние при сохранении целостности ее культуры. Вот почему он и отправил сюда своего внука, Корта, чтобы тот сделал „обзор“. Корт — довольно странное существо; подлинный его талант — это действие (а талантливы все Штиги), и еще он обожает позировать. Думаю, что он ужасно хотел сыграть роль чужака, и уверен, что у него это получилось мастерски. (Татрам говорил мне также, что это будет последняя роль Корта. Он умирает от *drinfan*, которая неизлечима; полагаю, что это еще одна причина, почему выбор пал на него.)

Верь мне, Константин Карагиозис Коронес Номикос Конрад (плюс все остальные твои имена, которых я не знаю), когда я утверждаю, что он занимается вовсе не проверкой недвижимости, отнюдь.

И последнее, если можно. Дай мне слово, что он будет жить, выполни свое обещание и не выдай мою тайну. Когда ты все узнаешь, то не пожалеешь об этом.

Прости, что я так и не закончил элегию, посвященную тебе, и пропади ты пропадом за то, что отнял у меня мою Лару, тогда, в Керчи.— Фил».

„Что ж, очень хорошо,— решил я,— значит, веганцу не смерть, а жизнь“. Фил все сказал, и я ничуть не сомневался в его словах.

Я вернулся за обеденный стол Микара Коронеса и просидел с Миштиго, пока тот не собрался уходить. Я проводил его к дому Якова Коронеса и проследил, как он упаковывает последние вещи. За это время мы, наверно, обменялись всего-навсего шестью словами, не более.

Все его пожитки мы вытащили к месту приземления скиммера, перед домом. Перед тем как все (включая Хасана) вышли, чтобы попрощаться с ним, он повернулся ко мне и сказал:

— Скажите мне, Конрад, зачем вы разбираете пирамиду?

— Назло Веге,— сказал я.— Чтобы вы знали, что если вам захочется ее занять и вы решите ее отобрать у нас, то вам она достанется еще в худшем виде, чем

после Трех Дней. Чтобы не на что было смотреть. Мы испелим всю нашу оставшуюся историю. Чтобы вашим парням и соринки не досталось.

Воздух, стравливаемый нижней частью его легких, вышел из него с жалобным воем, оборвавшемся на низкой ноте, — веганский эквивалент нашего вздоха.

— Похвально, — сказал он, — но мне так хотелось увидеть ее. Не думаете ли вы снова когда-нибудь ее собрать? Может, в скором времени?

— А вы как думаете?

— Я обратил внимание, что ваши люди маркировали все куски.

Я пожал плечами.

— Тогда у меня только один серьезный вопрос к вам — по поводу вашей любви к разрушению, — заявил он.

— Какой именно?

— Это что, действительно искусство?

— Идите вы к черту.

Затем подошли остальные. Диана посмотрела на меня, и я медленно повел из стороны в сторону головой и довольно долго сжимал запястье Хасана, прежде чем вырвал у него тонкое острие, которое он прилепил к ладони. А затем позволил ему тоже пожать руку веганцу, но коротко.

Скиммер жужжа спустился из темнеющего неба, и я посадил Миштиго, лично погрузил его багаж и сам закрыл за ним дверь.

Скиммер стартовал безо всяких осложнений и исчез в мгновение ока.

Конец бессмысленной прогулки.

Я вернулся в дом и переоделся.

Пришло время сжечь друга.

Высоко возвышаясь в ночи, пирамида из сложенных мною поленьев несла на себе останки поэта, моего друга. Я зажег факел и вытащил электрический фонарь. Хасан стоял возле меня. Это он помог мне положить тело на повозку и взял в руки вожжи. Я устроил погребальный костер на холме с кипарисами над Волосом, возле руин церкви, которую я уже упоминал. Воды бухты были спокойны. Небо было чистым, и на нем сверкали звезды.

Дос Сантос, не одобрявший кремацию, решил не присутствовать, сказав, что его беспокоят раны. Диана предпочла остаться с ним в Макринице. После нашего с ней разговора она ко мне больше не обращалась.

Эллен и Джордж сидели на дне повозки, катившей под большими кипарисами, и держались за руки. Только они и были с нами. Филу не понравился бы погребальный плач моих родственников. Однажды он сказал, что в этом смысле предпочел бы что-нибудь крупное, яркое, быстрое, и без музыки.

Я прислонил факел к углу погребального костра. Пламя принялось медленно лизать дерево. Хасан зажег еще один факел, воткнул его в землю, отошел и стал смотреть.

Когда языки пламени поползли вверх, я прочел старую молитву и вылил на землю вино. Я бросил в огонь ароматические травы. Затем тоже отступил.

— „...Кем бы ты ни был, смерть возьмет и тебя, — говорил я ему. — Ты ушел, чтобы увидеть, как открывается влажный цветок на берегу Ахеронта среди судорожно мечущихся теней Ада“. Если бы ты умер молодым, твой уход оплакивали бы как гибель великого таланта, не успевшего осуществиться. Но ты хорошо пожил, и этого они не могут сказать. Некоторые выбирают короткую возвышенную жизнь перед стенами своей Трои, другие — длинную и менее беспокойную. Но кто скажет, какая лучше? Боги сдержали свое обещание бессмертной славы Ахиллеса, вдохновив поэта спеть ему бессмертный пеон. Но счастлив ли он от этого, будучи таким же мертвым, как теперь и ты? Не мне судить, старина. Сам в какой-то мере бард, я помню и твои слова, написанные о самом могущественном из Аргивов и о времени всеокрушающих смертей: „Суровыми разочарованиями чревата любая двойственность — опасны вздохи в угрозе лет... Но золе не стать древом. Невидимая музыка пламени раскаляет воздух, но день кончен“. Прощай же, Филлип Грейб. Пусть боги Феб и Дионис, которые любят своих поэтов и убивают их, передадут тебя своему темному брату Гадесу. И пусть его Персефона, Царица Ночи, благожелательно глянет на тебя и дарует тебе высокое положение в Элизии.

Пламя уже почти достигло вершины пирамиды.

И тогда я увидел Ясона, стоявшего возле повозки, и Бортана, сидящего возле него. Я отступил еще дальше. Бортан подошел ко мне и сел справа от меня. Он лизнул мою руку.

— Могучий охотник, — сказал я, — мы потеряли еще одного из нас.

Он кивнул огромной своей головой.

Пламя поднялось до самой вершины и начало глотать ночь. Трещал огонь, в воздухе веяли сладкие ароматы.

Приблизился Ясон.

— Отец, — сказал он, — он принес меня на себе к месту горящих камней, но вы уже покинули его.

Я кивнул:

— Какой-то нечеловек, из друзей, вызволил нас оттуда. А до того этот вот человек Хасан убил Мертвеца. Так что твои сны пока и сбылись и не сбылись.

— Он и есть желтоглазый воин моих видений, — сказал Ясон.

— Знаю, но это все тоже в прошлом.

— А что Черное Чудище?

— Ни храпа, ни сапа.

— Это хорошо.

Мы следили за костром долго, очень долго, пока ночь не обратилась вспять.

Несколько раз Бортан наострял уши и ноздри его расширялись. Джордж и Эллен были недвижны. Хасан глядел на огонь странно, безо всякого выражения на лице.

— Что ты теперь будешь делать, Хасан? — спросил я.

— Снова пойду на гору Санджар, — сказал он, — ненадолго.

— А потом?

Он пожал плечами и ответил:

— То, что написано.

И тут до нас докатился устрашающий гул, похожий на стоны гиганта-идиота, гул сопровождался треском ломаемых деревьев.

Бортан вскочил на ноги и залаял. Ослы, запряженные в повозку, шарахнулись в сторону. Один из них издал короткий резкий крик.

Ясон сжал заостренную палку, которую он вытащил из костра, и весь напрягся.

И тут оно обрушилось на нас, прямо на поляне. Большое и уродливое и все остальное, что только про него говорили.

Людоед...

Земной кошмар...

Могучее и мерзкое...

Черное Чудище Фессалии.

Наконец-то кто-нибудь сможет рассказать, каково оно из себя.

Должно быть, его привлек к нам запах горячей плоти.

И оно было огромным. По меньшей мере со слона.

Какой был четвертый подвиг Геракла?

Дикий кабан Аркадии, вот какой.

Мне вдруг захотелось, чтобы Геракл оказался бы где-нибудь поблизости и помог.

Огромный кабан... С острым хребтом и клыками с человеческую руку... Маленькие свинячьи глазки, бешено вращающиеся в свете огня...

На своем пути оно сокрушало деревья.

Однако оно взвизгнуло, когда Хасан выхватил из пламени костра головню и воткнул ее горящим концом в морду чудищу и тут же отскочил.

Оно тоже прыгнуло в сторону, что дало мне время схватить оружие Ясона.

Я бросился вперед и ткнул палкой в левый глаз чудищу.

Оно снова отпрыгнуло и пронзительно заверещало, как прохудившийся паровой котел.

...Бортан уже был на нем, вцепившись ему в плечо.

Ни один из двух моих ударов в горло чудищу не причинил ему заметного вреда. Оно боролось, прижимая плечо к клыку, и наконец ему удалось стряхнуть с себя Бортана.

А возле меня уже был Хасан, выхвативший из костра еще одну головешку.

Чудище бросилось на нас.

Откуда-то сбоку Джордж разрядил в него свой автоматический пистолет. Хасан запустил в него свой факел. А Бортан снова прыгнул, на сей раз со стороны ослепшего глаза чудища.

...Все это заставило чудище снова изменить направление атаки, и оно врезалось в пустую повозку, убив обоих ослов.

Затем я выбежал вперед и бросил палку под его левую переднюю ногу.

Палка переломилась надвое.

Бортан продолжал рвать зубами чудище, и рык пса был как непрекращающийся гром. Стоило чудищу сделать выпад, как он разжимал челюсти и откачивался прочь, а затем снова наседали, не давая опомниться.

Уверен, что моя смертоносная стальная пика не переломилась бы. Но она была на борту „Золотого идола“...

Хасан и я кололи чудище со всех сторон самыми острыми палками, которые нам удавалось вытащить из огня. Мы продолжали наносить удары, заставляя чудище крутиться на месте. Бортан все пытался достать до горла, но морда с огромным рылом была опущена, и один глаз вращался, другой кровоточил, и клыки только и делали, что рассекали воздух во всех направлениях, как мечи. Раздвоенные копыта размером с буханки хлеба оставляли в земле ямы, когда чудище поворачивалось против движения часовой стрелки в оранжевом, пляшущем пламени костра, пытаясь всех нас убить.

Под конец оно остановилось и внезапно повернулось — слишком внезапно для такой громадины — и ударило Бортана в бок плечом и отбросило его за меня на десять-двенадцать футов. Хасан огрел чудище по спине палкой, а я ткнул в другой глаз, но промахнулся.

Затем оно двинулось на Бортана, который еще не успел вскочить на ноги, — опустив голову с тускло отсвечивающими клыками.

Когда оно двинулось на мою собаку, я бросил свое оружие и прыгнул. А оно уже пригнуло к земле голову, чтобы нанести смертельный удар.

Клыки оказались совсем низко, и я ухватился за них. Из всех своих сил я надавил на них сверху, чувствуя, что ничто не сможет удержать этот таранящий удар.

Но я попробовал, и, может, мне это удалось на какую-то долю секунды...

Во всяком случае, когда меня с изодранными в кровь руками бросило в воздух, я увидел, что Бортан сумел избежать клыков.

Я едва не потерял сознание при падении, так как швырнуло меня высоко и далеко, и я услышал сумасшедший оглушительный свинячий визг. Кричал Хасан, а Бортан снова ревел во всю свою глотку, идя в атаку.

...И с небес дважды грянула красная молния Зевса.
...И все стихло.

Медленно, кое-как я встал на ноги.

Хасан стоял возле погребального костра, держа, как копье на изготовку, пылающую палку.

Бортан обнюхивал вздрагивающую гору мяса.

Под кипарисом воле мертвого осла стояла Кассандра — она прислонилась спиной к стволу, на ней были брюки из кожи, голубая шерстяная кофта, она слабо улыбалась, держа мое еще дымящееся ружье на слонов.

— Кассандра!

Она бросила ружье, лицо ее было смертельно бледным. Но не успело ружье еще упасть на землю, как она была уже в моих руках.

— Потом я задам тебе тыщу вопросов, — сказал я. — Но не сейчас. Сейчас ни одного. Давай просто посидим под этим деревом и посмотрим на огонь.

Так мы и сделали.

Месяцем позднее Дос Сантоса выгнали из Редпола. С тех пор ни о нем, ни о Диане не было слышно. Говорят, что они отказались от движения Возвращения, перебрались на Тайлер, где теперь и живут. Надеюсь, что это не так, имея в виду события этих последних пяти дней. Я никогда не знал толком всю историю Красного Парика, и полагаю, что никогда не узнаю. Когда веришь в кого-то, я имею в виду — по-настоящему, и заботишься о нем, как, может, она заботилась обо мне, то все время возвращаешься к мысли, кто же оказался не прав в том нашем последнем принципиальном споре. Не права была она — и я спрашиваю себя, сожалеет ли она об этом.

Я и вправду думаю, что вряд ли когда-нибудь еще увижусь с нею.

Едва в Редполе закончились административные пертурбации, как Хасан спустился с горы Санджар, немного побыв в Порту, а затем купил маленькое судно

я однажды ранним утром отправился в море, даже не попрощавшись и никому не сказав, куда он держит путь. Сошлись на том, что он нашел где-то новую работу. Однако несколькими днями позднее была буря, и я слышал в Тринидате, что его выбросило на побережье Бразилии, где он принял смерть от рук одного тамошнего жестокого племени. Я пытался проверить эту историю, но мне не удалось.

Однако через два месяца Рикардо Бонавентура, Председатель Альянса Против Прогресса, отколовшейся от Редпола группы, впавшей в немилость Афин, умер от апоплексического удара во время торжественного собрания партии. Шептались, что в анчоусах был яд Дивбанского кролика (совершенно летальная смесь, как уверяет меня Джордж), а на следующий же день таинственно исчез только что назначенный капитан дворцовой охраны, равно как и скиммер с протоколами трех последних секретных собраний АПП (не считая содержимого маленького сейфа, вмурованного в стену). Говорили, что это был крупный желтоглазый мужчина, со слегка восточными чертами лица.

Ясон по-прежнему пасет своих многочисленных овец в горах, там персты Авроры раньше, чем где-либо, украшают небо розами, и я не сомневаюсь, что он по-прежнему сбивает с толку молодежь своими песнями.

Эллен снова беременна, вся из себя утонченная, кроме как в талии, и ни с кем не общается, кроме как с Джорджем. Джордж хочет попробовать какую-то фантастическую эмбриохимию, именно в данный момент, пока еще не поздно, и заставить очередного своего младенца дышать как воздухом, так и водой, — все это в связи с тем гигантским, еще девственным океанским шельфом, который должны освоить его прямые потомки, он же, отец новой расы, напишет на сей предмет интересную книгу, и т. д. и т. п. Однако Эллен не слишком загорелась этой идеей, и я подозреваю, что океаны еще немного побудут девственными.

Ах да, я доставил Джорджа в Капистрано посмотреть на возвращение летуче-паучьих мышей. Это было и в самом деле впечатляюще — как темнеет небо от их крыльев, как они гнездятся в руинах, поедая диких свиней и покрывая все улицы зеленым своим пометом. Лоурел часами смотрит на все это в три-ди-колоре и показывает на каждой вечеринке Конторы. Это что-то

вроде исторического документа, поскольку летуче-паучьи мыши начинают исчезать. Верный своему слову, Джордж напустил на них слишей, вызвав эпидемию, и теперь они мрут, как мухи. Только неделю назад одна из них — шмяк! — шлепнулась прямо посреди улицы, когда я шел к Маме Джули с бутылкой рома и коробкой шоколадных конфет. Бедняга умерла от удара о землю. Слиши очень коварные. Летуче-паучьей мыши никак не сообразить, что же происходит, — летит себе, счастливая, поглядывая, что бы такое съесть, и вдруг — ззык! — укус, и она падает посреди сада, полного гостей, или в чей-нибудь бассейн.

Я решил на текущее время сохранить Контору. Я создам что-нибудь вроде парламента, после того как состряпаю новую партию, в оппозиции к Редполу — какую-нибудь там НЕПЕР — Независимые Перестройщики, или еще что.

Старые добрые силы рокового конца... они нужны нам здесь, среди руин.

А Кассандра — моя принцесса, мой ангел, моя прекрасная дама — я ей даже нравлюсь без грибка на щеке. Ночь в Долине Спящих излечила меня от него.

Конечно, Кассандра была на корабле героев, который Хасан видел день тому назад в Пагасе. Правда, без Золотого руна, а лишь только с набором моих винтовок в пирамиде и прочего в том же духе. Это был „Золотой идол“, который я построил собственными руками, довольно прочный, что было приятно узнать, если он выдержал даже цунами, последовавшее после того толчка в 9,6 балла по шкале Рихтера. Она как раз плыла на корабле в то время, как от Коса отвалилась его нижняя часть. После этого она пошла под парусами на Волос, потому что знала, что в Макринице полно моих родственников. Хорошо, что и у нее оказалось это мое предчувствие опасности, и, высадившись на берег, она прихватила с собой тяжелую артиллерию. (Хорошо и то, что она знала, как ею пользоваться.) Мне надо будет научиться более серьезно относиться к ее предостережениям.

Я купил тихую виллу на противоположном Порту оконечности Гаити. Оттуда всего пятнадцать минут лета на скиммере, и там большой пляж, а вокруг — сплошные джунгли. Мне нужна какая-то дистанция, вроде островной оторванности, от цивилизных мест, по-

скольку у меня, гм... есть некоторые проблемы с охраной жилища. Как-то, когда тут случилось быть чиновникам органов юстиции, они не поняли надпись: „Осторожно, злая собака“. Теперь понимают. Тот, который на вытяжении, не будет подавать жалобу по поводу нанесенных ему телесных повреждений, а Джордж буквально в считанные дни поставит его на ноги, как новенького. Другие же пострадают гораздо меньше.

Однако хорошо, что я оказался рядом.

Так что, вот он я, в необычном своем положении, как обычно.

Планета Земля была целиком и полностью выкуплена у правительства на Тайлере, выкуплена большим и богатым родом Штиго генов. Подавляющее большинство экспатриантов так или иначе добивались веганского гражданства, не желая оставаться под властью Тайлеритского эксправительства и работать на Объединение в качестве зарегистрированных чужеземцев. Так продолжалось долгое время, так что право распоряжаться Землею стало в основном вопросом поиска лучшего покупателя — потому что наш эмиграционный режим утратил единственную существенную причину своего существования в ту самую минуту, когда вопрос гражданства решился не в его пользу. Они еще могли заявлять о себе, пока там были земляне, но теперь это уже веганцы, которые не могут отдавать голоса за свое эксправительство, мы же здесь, на Земле, и не собираемся за него голосовать.

Отсюда и продажа огромной недвижимости, а единственным покупщиком был род Штиго генов.

Однако старый мудрый Татрам устроил так, что Штиго гены не владели Землей. Вся покупка была сделана на имя его внука, ныне покойного Корта Миштиго.

А Миштиго оставил после себя документ на право наследие, выразив, в стиле веганцев, свою волю в посмертном завещании... где называлось мое имя.

Ух... Так я унаследовал планету.

Ну а конкретнее — Землю.

Н-да...

На кой черт мне она. Я имею в виду, что я, конечно, привязан к ней, но я бы еще поработал где-нибудь и подальше отсюда.

Это все дьявольская машина Жизнеобъектов да еще

четыре думающих ящика, которыми пользовался старый Татрам. Он все искал администратора из местных, который бы взял в свои руки Землю и создал бы там представительное правительство, а затем, когда все это закрутится, отказался бы от права владения на том простом основании, что это и так место его пребывания. Он хотел, чтобы под рукой оказался кто-нибудь, кто хорошо зарекомендовал себя на административном посту и кто не будет держаться за свою собственность обеими руками.

Среди других имен машина выдала ему и одно из моих собственных, затем еще одно, второе, с указанием — „возможно, еще жив“. Затем была проверена моя личная учетная карточка, и всякая всячина по поводу второго типа, коим был тоже я, и машина довольно быстро выдала еще несколько имен, — все они были моими.

Она начала вылавливать разночтения и странные совпадения, продолжала вытягивать ниточку и выковыривать все новые и новые вопросы, ставящие в тупик.

Так что в скором времени Татрам пришел к выводу, что меня надо „посмотреть“.

И прибыл Корт, чтобы „написать книгу“.

Он действительно хотел убедиться в том, являюсь ли я Хорошим, Честным, Благородным, Чистым, Законопослушным, Искренним, Заслуживающим доверия, Чуждым эгоизма, Добрым, Приветливым, Надежным и Лишенным личных амбиций.

А это означает, что он был форменным психом, поскольку он сказал: „Да, этот человек таков и есть“.

Наверняка я его одурачил.

Возможно, он, однако, прав по поводу отсутствия личных амбиций. Я чертовски ленив и не очень-то тревожусь по поводу головной боли, которая ежедневно наваливается и дубасит меня из-за этой измученной Земли.

Однако поскольку тут затронут личный комфорт, я хочу пойти себе на некоторые уступки. Возможно, устрою шестимесячный отпуск и выпад в осадок.

Один из чиновников юридической службы (не тот, что на растяжении, а тот, что с фундой) доставил мне послание от Голубого. В нем, в частности, говорилось:

«Дорогой Каково-бы-там-ни-было-твое-чертово-имя!

Начинать так письмо крайне непривычно, потому, дабы уважить твое желание, я называю тебя Конрад.

„Конрад“, теперь ты уже знаешь истинную причину моего визита. Чувствую, что я сделал правильный выбор, называя тебя наследником всей той собственности, которую принято относить к Земле. Твою привязанность к ней невозможно отрицать; как Карагиозис, ты вдохновлял людей проливать кровь в ее защиту; ты восстанавливаешь ее памятники, собираешь и хранишь ее произведения искусства (между прочим, в порядке одного из условий выполнения моей воли я настаиваю на том, чтобы ты вернулся на свое место Великую Пирамиду), и твоя изобретательность, равно как и твоя твердость, будь то умственная или физическая, совершенно поразительны и исключительны.

Ты также, похоже, приближаешься к тому, чтобы быть единственным бессмертным надзирателем из имеющихся в наличии (много бы я дал, чтобы узнать твой настоящий возраст), и это, вместе с твоей высокой способностью к выживанию, делает тебя поистине единственным кандидатом. Если твоя мутация начнет тебя подводить, к твоим услугам всегда есть таблетки серии Ж. С., которые не дадут прерваться великому старательству твоей жизни. Я мог бы сказать „надувательству“, но это было бы невежливо, пусть я и знаю, что ты законченный пройдох. Взять хотя бы все те старые записи! Ты довел бедные Жизнеобъекты чуть ли не до сумасшествия разнотечениями. Теперь они запрограммированы так, чтобы никогда не принимать свидетельство о рождении грека за доказательство возраста!

Я передаю Землю в руки Калликанзароса. Если верить легенде, то это с моей стороны жесточайшая ошибка. Однако я хотел бы рискнуть догадкой, что если ты и Калликанзарос, то стал таковым по ложным побуждениям. Ты разрушаешь только то, что собираешься восстановить. Возможно, ты Великий Пан, который всего лишь притворился, что умер. Что бы там ни было, у тебя будет достаточно денежных средств и запасов тяжелого оборудования, которое поступит в этом году, а также множество бланков для заявок, которые следу-

ет посылать в фонд Штиго. Так что иди и плодись, и размножайся, и вновь населяй Землю. А Гены будут следить. Если понадобится помощь, то кричи-зови, и помощь не замедлит прийти.

У меня нет времени писать для тебя книгу. Прости. Что же до обещанного автографа, то вот он: КОРТ МИШТИГО.

Р. С. Я так и не просек, искусство ли это. И пошел ты сам к черту».

Вот такое послание, если вкратце.

Пан?

Разве компьютеры это утверждают?

Во всяком случае, надеюсь, что нет.

Земля — диковатое место, в смысле заселения. Твердая и каменистая. Надо убрать весь хлам, метр за метром, прежде чем на ней можно будет начать что-то привлекательное.

А это означает работу, уйму работы.

А это означает, что надо начинать со всех сооружений Конторы, так же как и с Организации Редпол.

Как раз сейчас я решаю, стоит ли продолжать практику путешествий по руинам. Думаю, я их разрешу и впредь, потому что у нас пока есть что показать. В каждом из нас заключена некая толика любопытства, заставляющая вдруг остановиться посреди пути, чтобы глянуть в дырку в заборе, за которым идут восстановительные работы.

Теперь у нас есть деньги, и нам снова принадлежит наша собственность, и это уже совсем другое дело. Может, даже Возвращенство не совсем еще умерло. Если есть полнокровная программа возрождения Земли, то мы можем заманить назад кое-кого из бывших землян, можем перехватить кое-кого из новых туристов.

Если же все они хотят оставаться веганцами, то и пускай, это их дело. Мы полны к ним симпатии, но обойдемся и без них. Я чувствую, что наша Заграничная эмиграция будет таять, когда люди узнают, что они могут преуспеть здесь; и наше население будет расти даже более чем в геометрической прогрессии, что вместе с продлением способности к воспроизведению потомства дается с помощью новой, пока довольно дорогой серии Ж. С. Я намереваюсь сделать Животворный Самсер полностью общественным достоянием. Я добьюсь этого, возложив на Джорджа от-

ветственность за Программу здравоохранения, создав на материке клиники и пустив в повсеместное обращение Ж. С.

Мы выдюжим. Мне надоело быть хранителем могил, и я действительно не хочу тратить попусту время, пока Пасха не пронизет своим звоном Дерево Мира, пусть даже происхождение мое подозрительно и дает основания для беспокойства. Когда колокола зазвонят на самом деле, я хочу иметь силы сказать: „Alêthôs anestê“ — „Воистину воскрес“, — а не бросать дудочку и не спасаться бегством (дин-дон — колокола, клак-клак — зубы, потом копыта и т. д.). Сейчас самое время для всех добрых калликанзаросцев... Это понятно.

Так что...

Эта вилла у нас с Кассандрой на Волшебном острове. Она любит бывать здесь. Я люблю бывать здесь. Она больше не обращает внимания на мой неопределенный возраст. А это хорошо.

Как раз этим ранним утром, когда мы лежали на пляже, глядя, как солнце стирает звезды с небосклона, я повернулся к ней и сказал, что вся эта огромная предстоящая работа содержит в себе неизбежное зло, не говоря уже о головной боли и прочем.

— Ничего подобного, — ответила она.

— Не преуменьшай того, что неизбежно, — сказал я. — Она ведет к человеческой несовместимости и неравенству.

— Ни того, ни другого не будет.

— В тебе слишком много оптимизма, Кассандра.

— Нет. Раньше я уже говорила, что тебе угрожает опасность, и так оно и случилось, но в тот момент ты мне не поверил. На сей раз я чувствую, что все будет хорошо. Понятно?

— Отдавая должное твоей точности в прошлом, я все-таки чувствую, что ты недооцениваешь то, что нам предстоит.

Она поднялась и топнула ногой.

— Ты никогда мне не веришь!

— Верю, конечно. Просто на сей раз ты ошибаешься, дорогая.

И она уплыла, моя сумасшедшая русалка, скрылась в темных глубинах. Спустя какое-то время она вернулась.

— О'кей,— сказала она улыбаясь, вытряхивая из волос нежные дождевики — Будь по-твоему.

Я поймал ее за лодыжку, подтащил ее, уложив на песок, и начал щекотать.

— Перестань!

— Эй, я тебе верю, Кассандра! Правда! Слышишь? Что ты на это скажешь? Я действительно тебе верю, черт возьми. Ты наверняка права.

— Ты, милый мой калликанзик, бычок в томате... Ай!

И она была прекрасна на берегу моря, и, счастливый, я не давал ей просохнуть, пока нас со всех сторон не обступил день.

Ну а на этом славном месте можно поставить и точку, sic.

РОМАН

Остров
МЕРТВЫХ

I

Жизнь — странная штука. (Простите меня за то, что я немного отклонюсь в сторону и пофилософствую, прежде чем вы поймете, какую картину я собираюсь нарисовать.) Она напоминает мне Токийский залив.

С тех пор, как я видел залив и пляж в последний раз, прошло много столетий, поэтому я могу ошибаться в деталях. Но, как мне сказали, там мало что изменилось: все осталось таким, каким было на моей памяти, только презервативов больше нет.

Я помню огромные пространства смрадной, грязной воды — чем дальше в море, тем она казалась ярче и чище, — пронизывающую сырость и плеск волн, напоминающих мне Время, которое стирает предметы, то приносит их, то уносит. Токийский залив всегда выбрасывает что-нибудь на берег. Назовите любую вещь, — и в один прекрасный день она будет выплюнута на сушу: мертвец или ракушка — алебастрово-белая, розовая или оранжевая, как тыква; или же из тугого завитка вырастет волна, похожая на загнутый рог носорога, и на ее гребне непременно покажется бутылка, — может, с запиской, которую вы то ли разберете, то ли нет, — а может, и без; или человеческий эмбрион, или кусок гладкой деревянной доски — с дыркой от гвоздя — может, обломок настоящего распятия, — точно не знаю, — или светлая галька, темная галька, рыбки, пустые рыбацьи лодки, обрывки веревок, кораллы, морские водоросли, — и все это жемчужины, которые и есть очи залива. Вот так-то. Не трогайте предметы, вынесенные на берег: скоро залив заберет их назад. Такая уж у него работа. Да, раньше там до черта валялось использованных презервативов, склизких, полупрозрачных, свидетельствующих об инстинкте продолжения рода (но, чур, только не в эту ночь!), иногда раскрашенных броскими рисунками или надписями, а некоторые были даже с кисточкой на конце. Теперь они исчезли, ушли тем же путем, каким ушли

Эдсель, клепсидра и платяные крючки,— их прокололи насквозь, расстреляли разовыми противозачаточными таблетками, которые ныне используются и для крупных млекопитающих. На что ж тут жаловаться?

Когда утром я, находясь на вынужденном отдыхе, бродил по залитому солнцем побережью и прохладный ветер помогал мне прийти в себя (мне был предоставлен отпуск для восстановления сил после небольшой и аккуратно проведенной военной кампании в Азии, стоившей жизни моему младшему брату), я порой слышал крики чаек, хотя их самих нигде не было видно. И этот необъяснимый факт еще больше усугублял сравнение, делая его неизбежным: жизнь — это штука, которая мне напоминает пляж у Токийского залива. Все приходит и уходит. К берегу прибывает странные, уникальные предметы. И я — один из них. И вы тоже. Мы какое-то время проводим вместе на пляже, лежа бок о бок, а затем налетает вонючая, холодная волна и подхватывает нас мокрыми, дрожащими пальцами,— и вот уже недосчитываешься многих из нас. Загадочные крики птиц — это только одна, непознанная грань человеческого существования. Голоса богов? Быть может. Я вбил гвоздики по углам картины — картины сравнения,— и теперь она на стене, перед вами, но, прежде чем уйти из комнаты, я хочу объяснить, какие две причины побудили меня повесить ее на самом видном месте: во-первых, мне кажется, что вещи, смытые водой, по капризу какого-нибудь течения, могут быть снова выброшены на берег. Я никогда раньше не сталкивался с подобным явлением, но, вероятно, я ждал недостаточно долго. Во-вторых, кто-нибудь может подойти, подобрать находку и отнять ее у залива.

И к тому моменту, когда до меня дошло, что первое, о чем я вам сообщил, вполне могло случиться, меня потянуло блевать: я уже трое суток подряд пил почерному и, кроме того, накурился до одури всяких разных экзотических травок. Потом я спустил с лестницы всех своих гостей. Бывает, что от озарений быстро трезвеешь: я понял, что второе — отнять вещи у залива — совершенно реально, потому что это случилось со мной самим, но мне никогда и в голову не приходило, что первое станет явью.

Итак, я проглотил таблетку, гарантирующую, что через три часа я снова стану нормальным человеком, посидел в сауне и наконец растянулся на широченной кровати, пока моя прислуга — роботы, автоматы и прочие — занимались уборкой. Затем я обмозговал все сначала. И я испугался.

Я — трус.

Честно говоря, я многого боюсь, и особенно — тех вещей, которыми практически не могу управлять; таких, например, как Большое Дерево.

Я приподнялся, опираясь на локоть, достал пакет с тумбочки и еще раз пересмотрел его содержимое.

Ошибки быть не могло: это послание адресовано лично мне, и никому другому.

Я получил заказное письмо, сунул его в карман куртки и вскрыл конверт на досуге.

И когда я увидел, что оно уже шестое по счету, меня опять затошнило, и я решил, что с этими штучками пора кончать.

Из конверта я вынул объемную фотографию, на которой была изображена Кэти, вся в белом, и по дате на карточке было видно, что снимок был сделан месяц назад.

Кэти была моей первой женой, и, наверное, единственной женщиной, которую я по-настоящему любил, но она умерла уже более пятисот лет тому назад. (Последние мои слова я со временем вам объясню.)

Я тщательно изучил фотокарточку. Таких ко мне пришло уже шесть штук за последние несколько месяцев. И на каждой — разные мои знакомые. Все они были мертвы. Умерли давным-давно.

Она, скалы и голубое небо. И больше ничего.

Кэти могли щелкнуть в любом месте, где есть скалы и голубое небо. Возможно, это была фальшивка, — на свете полным-полно умельцев, которые в состоянии подделывать все что угодно.

Но кто стоял за всем этим? Кто знал достаточно много, чтобы послать фотокарточку именно мне, и почему? Записки в конверте не было, только снимок, такой же, как и все остальные, на которых были и мои друзья, и мои враги.

Вся эта история заставила меня вспомнить о пляже у Токийского залива, а заодно и об Апокалипсисе.

Я натянул на себя одеяло и прикорнул в свете искусственных сумерек, которые я включил в полдень. До сих пор мне было хорошо и спокойно, так спокойно все последние годы! И вдруг то, что давно превратилось в прах, увяло, съежилось и отодвинулось на задний план, снова встало перед глазами, и у меня защемило сердце.

Ах, если бы у меня имелась хоть малейшая возможность поверить, что я дрожащей рукой сжимаю подлинную фотографию!

Я отложил ее в сторону. Вскоре я задремал и уже не помню, какое видение, явившееся из дурдомов сна, заставило меня покрыться холодным потом. Да лучше и не вспоминать...

Проснувшись, я принял душ, надел чистую одежду, наскоро перекусил, а кофейник с кофе унес к себе в кабинет. Когда я еще работал, кабинет назывался „бюро“, но уже лет тридцать — тридцать пять, как эта традиция заглохла. Я просмотрел рассортированную и тщательно подобранную корреспонденцию, скопившуюся за месяц: кипы писем от разношерстных благотворительных обществ и разномастных личностей с требованием денег и намеками на то, что мне подбросят бомбу, если я не пойду им навстречу, четыре приглашения прочесть лекцию, предложение принять участие в некоем туманном предприятии, которое якобы могло вылиться в интересную постоянную работу, груды газет и журналов, письмо от потомка в ...надцатом колене одного препротивного дальнего родственника моей третьей жены, сообщающего, что он собирается нанести мне визит, три слезницы от актеров, ищущих спонсора, тридцать три уведомления о том, что против меня возбуждено дело, и сообщения от моих адвокатов о том, что тридцать три дела против меня прекращены. Среди всей этой макулатуры я нашел то, что меня заинтересовало.

Письмо от Марлинга с Мегапей было одним из самых важных. Вот что он писал мне:

„О Сын Земли!

Приветствую тебя от имени Двадцати Семи Великих мира сего и молюсь за тебя в надежде, что ты бросил во тьму еще одну горсть драгоценных камней и заставил их светиться всеми красками жизни.

Боюсь, что время, отпущенное моей древней темно-зеленой оболочке, в которую я имел честь быть помещен, истекает к началу следующего года. Много воды утекло с тех пор, когда мои желтые глаза, перед которыми уже меркнет свет, видели моего инопланетного сына в последний раз. Пусть он придет ко мне до завершения пятого сезона, ибо я остаюсь наедине со своими заботами и тревогами, и только он, положив руку мне на плечо, сможет облегчить мое тяжелое бремя.

С уважением, М.“

Следующее письмо было от „Горнодобывающей компании по проходке сверхглубоких стволов и переработке полезных ископаемых“, которая, как всем давно было известно, в действительности являлась головной организацией филиала Центрального Разведывательного Управления. Меня спрашивали, не заинтересуюсь ли я покупкой горного оборудования для работы во внеземных цивилизациях, хоть и не нового, но в очень хорошем состоянии, однако складированного в местах, стоимость перевозки из которых не по средствам его нынешним владельцам.

На самом деле это был код, расшифровывать который я научился задолго до того, как нанялся работать по контракту на федеральное правительство. Там, довольно грубо и без всякого соблюдения формальностей, было сказано:

„В чем дело? Вы что, забыли про свою родину? Мы уже двадцать лет подряд просим вас прибыть на Землю и дать консультацию по вопросу безопасности нашей планеты, но вы упорно игнорируете все наши приглашения. Выезжайте немедленно, так как это дело особой важности и требует вашего непосредственного участия. Ждем вас.

Примите уверения и проч.“

Третье письмо было написано по-английски:

„Я не хочу, чтобы ты думал, будто я пытаюсь вернуть то, чему возврата нет. Но у меня крупные неприятности, и ты — единственный, кто мог бы мне помочь. Пожалуйста, как можно скорее приез-

жай ко мне на Альдебаран-V. Ищи меня по старому адресу, хотя место, где я живу, сильно изменилось. Целую. Рут“.

Итак, три послания, взывающие к гуманности Фрэнсиса Сэндоу. Которое же из них имело отношение к фотографиям, лежавшим у меня в кармане? А может, ни одно?

Пьянка, на которую я созвал накануне много народу, была чем-то вроде отвальной. И теперь все разъезжались по домам, покинув мой мир. Я затевал эту попойку не только с целью загрузить под завязку моих гостей и распахать их по кораблям: просто я сам собирался уехать кое-куда.

Фотография Кэти сбила мои планы. Я пораскинул мозгами.

Каждый из трех моих корреспондентов знал, кто такая Кэти. Рут могла стащить у меня фотографию, а уж потом кто-то рукастый поработал над ней. Марлинг мог просто создать ее из ничего. А ЦРУ могло откопать старые документы и сработать фальшивку в своих лабораториях.

Или все они ни при чем? Странно, что в конверте не было никакой сопроводилки, если от меня кому-то что-то было нужно.

Я должен был уважать просьбу Марлинга, иначе мне всю жизнь было бы не по себе. Визит к нему у меня стоял первым в повестке дня, однако пятый сезон в северном полушарии Мегапепи завершился уже год назад, следовательно, я мог себе позволить сделать несколько остановок на пути к Марлингу.

Только каких, и где?

По правде говоря, ЦРУ вовсе не нуждалось в моих услугах, и к тому же законы Земли не распространялись на меня. Даже если бы я горел желанием помочь Земле, не обязательно было лететь туда стремглав: дело явно не было срочным, поскольку волокита с ним продолжалась уже более двадцати лет.

Но Рут...

Рут — совсем другое дело. Мы прожили около года вместе и поняли, что загрызем друг друга до смерти, чего делать не стоило. Мы расстались друзьями и оставались ими до сих пор. Все-таки она много значила в моей жизни. Я удивился, что она еще жива. Но

если я ей был нужен, я всегда был готов прийти ей на помощь.

Все решилось само собой: сначала — к Рут. Я должен был вытащить ее из беды, в какую бы историю она ни вляпалась. Потом на Мегалею. А где-нибудь по дороге я мог напасть на след и разнюхать, кто, где, когда, как, зачем и почему прислал мне эти картинки. „И если будет прокол,— подумал я,— полечу на Землю и возьму ЦРУ за жабры“. Услуга за услугу.

Я выпил кофе и выкурил сигарету, велел принести мне рюмку портвейна и затем, в первый раз за последние пять лет, отдал приказ подготовить к запуску „Модель Т“, букашку-попрыгунчика для перемещений на дальние расстояния. Я прикинул, что с букашкой придется провозиться остаток дня, а может, и всю ночь, значит, она будет готова не раньше восхода солнца.

Потом я запросил своего автоматического Секретаря-Референта, кто в настоящее время является владельцем „Модели Т“. Мой С-Р выдал информацию: „Лоуренс Дж. Коннер из Локиера (Дж.— Джон)“. Я заказал необходимые документы и удостоверение личности Коннера, и через пятнадцать секунд они уже вылетели из трубы и мягко упали в корзинку для бумаг. Я изучил приметы Коннера, затем вызвал автогримера. Прикатив на колесах, он перекрасил мне волосы, сделав меня из bruneta блондином, осветлил мой загар, посадил на нос несколько веснушек, изменил цвет глаз, превратив их из серых в синие, и наложил мне новые отпечатки пальцев.

У меня имеется длинный список фиктивных лиц вместе с их подробными, внушающими доверие биографиями, которые могут мне пригодиться, когда я нахожусь вдали от дома. Это люди, якобы покупавшие „Модель Т“ друг у друга в прошлом, или ее будущие владельцы. Все они имеют рост около пяти футов десяти дюймов и весят не больше ста шестидесяти фунтов. Все они таковы, что я могу с легкостью преобразиться в любого из них, наложив на себя легкий слой косметики и запомнив несколько фактов из их биографий. Мне не нравится путешествовать на корабле, зарегистрированном на имя Фрэнсиса Сэндоу с планеты Свободный Дом, или, как ее называют иначе, Мир Сэндоу. Я бы мог принести себя в жертву и жить под собственным

именем, но это страшно неудобно, потому что я вхожу в первую сотню самых богатых людей Галактики (по последнему рейтингу я занимаю 87 место, но с таким же успехом я мог бы оказаться 86-м или 88-м), и от меня всегда кому-нибудь что-нибудь нужно. Как правило, требуют кошелек или жизнь. А ни с тем, ни с другим мне расставаться неохота. Если бы я был азартен, я б из кожи вон лез, чтобы стать 86-м, 85-м, 84-м и так далее. Но мне на это наплевать. Я никогда не рвался вперед, разве что чуть-чуть, в самом начале, но чувство новизны быстро притупилось. Цифра больше одного миллиарда становится метафизической. Я уже привык к мысли о том, что финансирую, сам того не ведая, массу вредных предприятий. И тогда я создал свою „Философию Большого Дерева“.

Итак, существует Большое Дерево, столь же древнее, сколь человеческое общество, существует — и все тут. Сумма листьев, растущих на его ветвях, представляет денежную массу. На листьях написаны имена. Какие-то листья опадают, взамен вырастают новые. Бывает, что при смене времен года меняются все имена. Но само дерево остается, оно только растет, осуществляя свои жизненные функции — в его структуре ничего не меняется. У меня бывали в жизни периоды, когда я пытался определить, где Дерево гниет, и вырезал на нем больные места. Я даже спать перестал. Вскоре я обнаружил вот что: стоит вырезать гниющую ткань в одном месте, разложение (черт его дер!) немедленно начинается в другом, сколько ни пускай денежек на добрые дела. А тем временем дерево выросло большое-пребольшое, и не желает ни замедлить свой рост, ни кланяться, мотая головой, как китайский болванчик. Я понял, что бороться с гниением — бессмысленная затея, и предоставил дереву расти как оно хочет. Мое имя значится теперь на всех его листьях. Некоторые из них пожухли и высохли, но вокруг мертвых листьев уже шелестит нежно-зеленая, молодая листва, а я раскачиваюсь на упругих ветвях и радуюсь, что ношу чужое имя, которое не увидишь ни на одном листочке. Ну, хватит болтать о себе и о Большом Дереве. История о том, как я завладел этой пышной кроной, требует более изысканной и остроумной метафоры, где будет поменьше ботаники. Я ее расскажу как-нибудь в другой раз. А пока хватит. Вспомните, что случилось

с бедным Джонни Донном, когда он перестал считать себя Островом. Знаете, где он теперь? Ложит на дне Токийского залива, хотя мне это — до лампочки.

Я проинструктировал С-Р, что надлежит делать моему обслуживающему персоналу в мое отсутствие и что ему запрещено. Я без конца нажимал кнопку возврата, корректировал запись, вносил дополнения, но, кажется, ничего не упустил. Потом я пересмотрел последний вариант завещания и не пожелал изменить ни слова. Кое-какие документы я сложил в специальные деструкторы и отдал распоряжение включить систему, если со мной что-нибудь случится. Потом я послал сигнал-„молнию“ моему представителю на Альдебаран с предупреждением о возможном приезде человека по имени Лоуренс. Дж. Коннер („Дж.“ — значит „Джон“), с просьбой оказывать ему всяческую помощь и поддержку, если таковая ему потребуется, и на крайний случай приложил аварийный шифр, по которому легко можно было определить, что Коннер — это я.

На все дела я потратил около четырех часов и вдруг почувствовал, что сильно проголодался.

— Сколько времени осталось до захода солнца? Хочу знать с точностью до минуты, — спросил я у С-Р.

Из встроенного громкоговорителя раздался металлический голос:

— Сорок три минуты.

— Я сегодня обедаю на Восточной Террасе. Буду там ровно через тридцать три минуты, — сказал я, сверяясь с хронометром. — Подать краба с гарниром из жареного картофеля по-французски и шинкованной капусты, булочки-ассорти в плетеной хлебнице, полбутылки местного шампанского, кофейник с кофе, лимонный шербет, самый старый коньяк из наших погребов и две сигары. Попросите Мартица Бремена оказать мне честь и прислуживать мне за обедом.

— Хорошо, сэр, — ответил С-Р. — А зеленого салата не надо?

— Салата не надо.

Я вернулся в спальню, собрал свои шмотки, сунул их в чемодан и переоделся к обеду. Затем я включил С-Р (терминалы у меня были выведены во все комнаты) и с замиранием сердца и сосущим чувством под ложечкой отдал еще одно распоряжение, — я отклады-

вал его до последней минуты, но дальше тянуть было невозможно.

— Ровно через два часа одиннадцать минут,— сказал я, снова посмотрев на хронометр,— позвоните Лизе и пригласите ее на коктейль. Спросите, сможет ли она быть на Западной Террасе через полчаса. Подготовьте для нее два чека, каждый на сумму пятьдесят тысяч долларов, а также один экземпляр Справки, форма „А“. Все три документа вышлите на данный терминал. Каждый — в отдельном конверте. Конверты не запечатывайте.

— Да, сэр,— ответил С-Р, и, пока я застегивал манжеты на рубашке, бумаги уже выскользнули из трубы и опустились в корзинку, стоявшую на тумбочке.

Я изучил содержимое всех трех конвертов, заклеил их, сунул во внутренний карман куртки и вышел в коридор, который вел на Западную Террасу.

Над узкой полосой побережья висел янтарный гигант, который через несколько секунд должен был погрузиться в воду и спрятаться за горизонт. В небе проплывали стаи золотисто-желтых облаков, розовеющих по краям, пока светило опускалось в пронзительно-голубую расщелину между Юримом и Тьюмимом — двумя горными пиками-близнецами, которые я специально воздвиг на этом месте, чтобы рисовать заходящее солнце, разрезанное на куски. В последние минуты заката горные склоны, окутанные радужной дымкой, окрашивались в кроваво-красный цвет.

Я сел за столик, установленный под дубом. Как только я прикоснулся к сиденью, автоматически включился силовой прожектор, создав вокруг меня поле, в которое не могла попасть ни пыль, ни комары, ни падающие сверху листья и птичьи экскременты.

Вскоре появился Мартин Бремен, толкая перед собой сервировочный столик на колесах.

— Топрый фечер, сэр.

— Добрый вечер, Мартин. Как дела?

— Ошень карашо, мистер Сэндоу. А как фы?

— Я уезжаю,— ответил я.

— Та?

Он поставил передо мной прибор, снял салфетку со столика и принялся накладывать мне еду.

— Да,— подтвердил я.— И может быть, надолго.

Я пригубил налитое мне шампанское и одобрительно кивнул.

— Послушайте, перед тем как расстаться с вами, я хочу вам кое-что сказать. Да вы и сами, наверно, это знаете: вы готовите лучше всех на свете.

— Спасипо, мистер Сэндоу.

Его красное от природы лицо покраснело еще больше.

Он с усилием растянул губы, пытаясь изобразить улыбку, и потупился.

— Мне пыло приятно с фами сотрутничать.

— И если вы хотите получить оплаченный отпуск на год, — жалованье сохраняется полностью, плюс деньги на карманные расходы, плюс кругленькая сумма на разработку и сочинение новых рецептов, — скажите мне, и тогда до отъезда я позвоню Директору Банка и все улажу.

— А кокта фы уесшаете, сэр?

— Завтра, на рассвете.

— Понятно, сэр. Спасипо. Я ошень дофолен.

— А пока меня не будет, вы научитесь готовить новые блюда.

— Путу стараться исо всех сил, сэр.

— Должно быть, забавно готовить еду для других и даже никогда не попробовать, какая она на вкус.

— Ну что фы, сэр, — запротестовал он. — У меня натешные тегустаторы. Воопше-то я не рас хотел проповать што-нипуть из фашей пишши, но... Аптекарь феть не должен пропофать фсе снатопья, которые он готофит. Фы понимаете, што я имею ф фиту?

В одной руке у него была плетенка с булочками, в другой — кофейник, в третьей — блюдо с шинкованной капустой, а четвертой рукой он опирался о край сервировочного столика. Сам он был ригелийцем голубых кровей, и звали его Мммртн Бррмн, или что-то вроде этого. Английскому он научился у повара-немца, который и подобрал английский эквивалент для его имени. Ригелийцы — самые искусные кулинару во всей Галактике и готовят великолепно, если им помогают два-три дегустатора низшей расы, которые, впрочем, тоже совершенно равнодушны к еде. Мы с Мартином Бременом часто вели беседы, посвященные вкусной и здоровой пище, и он под моим напором, прекрасно понимая, что я поддразниваю его, не раз вынужден

был признать, что человеческая еда напоминает ему солому, мусор или промышленные отходы. Конечно, подобные допущения противоречили его профессиональной этике. Обычно его поведение со мной было формальным и безупречно вежливым. Однажды, правда, пригубив то ли лимонный, то ли апельсиновый, то ли грейпфрутовый сок, он осторожно высказался, что готовить для Homo Sapiens считается у ригелийцев самой черной работой.

Я хотел сделать для Мартина Бремена все, что было в моих силах, не только потому, что он был мастером своего дела, но и потому, что я относился к нему с большой симпатией. И вообще, в наши дни трудно нанять повара-ригелийца, даже за очень большие деньги...

— Мартин,— сказал я,— если со мной что-нибудь случится, я хочу, чтобы вы знали: я включил вас в свое завещание.

— Я таше не снаю, што скасать, сэр.

— Ну и не говорите ничего. На всякий случай, не шейте большой карман: я собираюсь вернуться назад.

Мартин был одним из немногих, кому я мог рассказать о завещании, не опасаясь последствий.

Он прислуживал мне уже тридцать два года, и его мало заботила перспектива получить приличную пожизненную пенсию в случае моей смерти. Кулинария была его коньком, его тайной страстью, и, кроме того, по непонятной причине он был привязан ко мне. Вряд ли он стал бы подливать яд Мертарианской бабочки в салат из шинкованной капусты, хотя, если бы я откинул копыта, он смог бы устроить свою жизнь лучше.

— Поглядите, какой закат! — сказал я ему.

Пару минут он понаблюдал за солнцем и заметил:

— По-моему, перелошили коришнефой краски, сэр.

— Можете идти, Мартин. Спасибо. Коньяк и сигары оставьте здесь. А я еще посижу.

Он поставил бутылку на стол, рядом положил сигары, вытянулся во весь рост — восемь футов,— поклонился и произнес:

— Шелаю фам уташи, сэр. Шшаслифофо пути. То сфитания, сэр.

— До свидания,— ответил я.— Спокойной ночи, Мартин.

— И фам тоше,— поклонился он и исчез, растворившись в надвигающихся сумерках

Когда прохладный вечерний ветер донес из болот разноголосицу соловьиных жаб, напоминавшую кантату Баха, там, где только что закатилось солнце, взошла Флорида, моя оранжевая луна. Ночные розодуванчики, раскрыв лепестки, лили в темно-синем воздухе свой аромат, на небе, как конфетти из серебряной фольги, были рассыпаны звезды, а со свечи, горевшей на моем столе, стекали рубиново-красные капли. Нежное мясо краба таяло у меня во рту, а шампанское было холодным, как лед. Меня охватила грусть, и в какой-то момент я даже почувствовал желание сказать: „Я обязательно вернусь“.

Итак, я доел краба, допил шампанское, отправил в рот кусочек шербета и закурил сигару *до того*, как налил себе рюмку коньяку, что, по мнению многих, считалось варварским обычаем. Затем я, мысленно произнеся тост, выпил за все, что видел вокруг себя, и плеснул себе в чашечку кофе.

Пообедав, я встал и обошел вокруг замысловатое строение, которое было моим домом. Я приблизился к бару на Западной Террасе и расположился там, налив себе еще коньяку. В ожидании Лизы я раскурил вторую сигару. И тут она появилась в проеме арки, по привычке приняв позу фотомодели с рекламы новых духов. На ней было нечто шелковое, пенящееся, ниспадающее мягкими волнами и складками, и все это мерцало и переливалось десятками разных оттенков. На свидание она надела белые перчатки и бриллиантовое кольцо.

У Лизы были светло-пепельные волосы. Бледно-розовые губки она сложила бантиком, так что между верхней и нижней губой получился кружок, а головку склонила на одно плечо, томно прикрыв один глаз и скосив в сторону другой.

— Как хорошо встречаться под луной! — сказала она, и кружок между влажных губ неожиданно растянулся в широкую улыбку.

Я специально приурочил ее визит к тому времени, когда на западе должна была взойти вторая луна, белая, как снег.

Лизин голос напоминал мне заигранную пластинку, которую заело на „до“ верхней октавы. Грампластинок

больше не выпускают, и никто не помнит, как их заедает на одном месте, но я-то помню!

— Привет! — сказал я. — Что будешь пить?

— Скотч с содовой, — ответила она, как всегда. — Какой чудесный вечер!

Я посмотрел ей прямо в глаза (а они у нее были ярко-синие) и улыбнулся.

— Да, вечер действительно хорош! — ответил я, попутно делая заказ.

Через несколько секунд рюмка уже стояла перед ней.

— Ты сильно изменился, похудел.

— Да.

— Я уверена, что ты позвал меня неспроста.

— Возможно. А сколько ты уже здесь? Пять месяцев?

— Чуть-чуть больше.

— А контракт у тебя на год?

— На год.

Я вручил ей первый конверт и сказал:

— Вот это аннулирует контракт.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, и улыбка, застывшая у нее на губах, померкла и сползла совсем.

— Я всегда имею в виду то, что говорю, — ответил я.

— Ты хочешь сказать, что я уволена?

— К сожалению, да, — подтвердил я. — А здесь чек на такую же сумму, как и первый, — чтобы ты не чувствовала себя обиженной, — продолжил я, протягивая ей второй конверт.

— Объясни мне, что все это значит?

— Мне нужно уехать. И, может быть, надолго. Тебе нет никакого смысла болтаться здесь, пока меня не будет.

— Я тебя дождусь.

— Нет.

— Тогда я поеду с тобой.

— А если я погибну? Ты готова умереть вместе со мной?

В глубине души я надеялся, что она скажет „да“. Но за долгие годы я неплохо изучил человеческую натуру: поэтому я заранее подготовил для Лизы Справку (форма „А“).

— На сей раз я подвергаюсь большому риску. Даже для такого мужика, как я, путешествие опасно, не говоря уж о тебе.

— А ты мне выдашь Справку? — спросила она.

— Да. Она при мне.

Лиза отхлебнула скотч из рюмки.

— Ну, ладно, — вздохнула она.

Я протянул ей Справку.

— Ты меня ненавидишь? — спросила она.

— Нет.

— Почему нет?

— А за что?

— Например за то, что я слабая, опасаюсь за свою жизнь.

— И я опасаюсь за твою жизнь, потому что ничего не могу гарантировать.

— Вот почему я и попросила у тебя Справку.

— Вот потому я и подготовил ее заранее.

— Ты думаешь, что знаешь все наперед?

— Нет.

— А что мы будем делать сегодня вечером? — спросила она, допивая скотч.

— Только ты считаешь, что я все знаю наперед.

— Если ты не знаешь, то я знаю. Вообще-то ты очень хорошо ко мне относился.

— Спасибо на добром слове.

— Я бы хотела удержать тебя...

— Я тебя сегодня испугал?

— Да.

— Здорово испугал?

— Здорово испугал.

Я допил коньяк, затянулся, выдохнул дым от сигары и уставился на оранжевую Флориду и белую луну под названием Биллиардный Шар.

— Сегодня, — сказала она, беря меня под руку, — ты такой добрый!

Конверты вскрывать Лиза не стала. Она потягивала скотч (вторую рюмку), наблюдая за Флоридой и Биллиардным Шаром, как и я.

— А когда ты отправляешься?

— Ранним утром, как взойдет заря.

— О, да ты поэт!

— Ничего подобного, я такой, какой я есть.

— А я что сказала?

— Я-то себя поэтом не считаю... А знаешь, я рад, что мы были вместе.

Допив вторую рюмку, Лиза поставила ее на стол.

— Здесь становится прохладно.

— Да, ты права.

— Пойдем лучше в дом.

— Ну, пойдем.

Мы встали. Я потушил сигару, и Лиза поцеловала меня. Я обнял ее за тонкую талию, примяв голубоватую, переливающуюся блестками ткань, и мы, выйдя из бара, направились к арке, прошли сквозь нее и двинулись дальше к дому, который вскоре собирались покинуть. На этом месте я позволю себе поставить многоточие.

.

* * *

Много лет подряд я мечтал занять в обществе то место, которое занимаю сейчас. Должно быть, огромное состояние, приобретенное мною за долгие годы, и превратило меня в того, кем я стал: иначе говоря, в параноика.

Нет! Это уже чересчур!

Я мог бы объяснить дурные предчувствия и волнение, которые меня охватывают каждый раз, когда я покидаю Свободный Дом, именно паранойей. Но, с другой стороны, о какой паранойе может идти речь, если на тебя постоянно охотятся? Это уже не мания преследования, а реальная действительность. Вот почему я устроил свою жизнь так, что даже если я останусь один-одинешенек на своей планете, то смогу отразить нападение любого человека или государства, захотят они расправиться со мной. Моя смерть им дорого обойдется: ради одного убийства им придется разворотить всю планету. А если уж меня загонят в угол, то на крайний случай у меня есть одно надежное средство — правда, я еще не испытывал его в полевых условиях!

Нет, причина моих тревожений лежит совсем в другом: это обычный, общечеловеческий страх смерти, боязнь небытия, испытанные мной неоднократно, и с каждым разом — все сильнее. Хотя однажды я видел перед собой свет, происхождение которого я не в со-

стоянии объяснить... Забудем про него. Из тех, кто родился в XX веке и умудрился дотянуть до XXXII, остался один я, да, может, еще несколько экземпляров секвойи. Не обладая пассивностью растительного мира, я со временем пришел вот к какой мысли: чем дольше живешь, тем больше тебя мучают угрызения совести.

Замечу попутно, что борьба за существование, которую я когда-то, в свете учения Дарвина, считал способом выживания простейших, вроде инфузорий, теперь грозит стать повальным бедствием. Сейчас борьба за существование — гораздо более тонкое искусство, чем было в пору моей юности. На сегодняшний день насчитывается около тысячи пятисот населенных миров, причем каждый обладает собственными способами убийства, и эти способы быстро находят применение в других сферах обитания, поскольку космические путешествия практически не занимают времени; кроме того, существует семнадцать обладающих разумом инопланетных рас, четыре из которых, как я считаю, находятся на несколько ступеней выше человеческого рода, семь-восемь так же глупы, как человеческая раса, а остальные — еще хуже, и у каждой разработаны свои способы убийства; изобретены многочисленные машины и хитроумные приспособления, вошедшие в повседневный обиход и получившие такое же распространение, как автомобили в те добрые старые времена, когда я был еще ребенком, и каждое из них — орудие убийства; новые болезни; новое оружие; новые яды и новые хищные животные, новые объекты ненависти; алчность, похоть и наркомания, — и у каждой — свой способ убийства; и много-много-много мест, где запросто можно умереть. Я досыта нагляделся на смерть на своем веку и много знаю, как человек, занимающий особое положение: больше меня могут знать только двадцать шесть разумных существ во всей Галактике.

Поэтому я боюсь, хотя сейчас в меня никто не стреляет, как стреляли когда-то, за две недели до того, как я был послан в Японию для поправки и восстановления сил. С тех пор протекло двенадцать столетий, но я как сейчас это помню. Такова жизнь.

* * *

Я нарочно вышел из дома в предрассветной ночной тиши, чтобы ни с кем не прощаться, — так, я решил,

будет лучше. Но, когда я запарковал машину и пошел через поле, я увидел какую-то темную фигуру у Операционного Центра и помахал ей рукой. Мне помахали в ответ. Тот, кто стоял у Центра, тоже не узнал меня в темноте.

Я дошел до стартовой площадки, где лежала на брюхе „Модель Т“, поднялся на борт, включил двигатель и около получаса посвятил проверке контрольных систем. Потом спустился на землю для осмотра фазовых прожекторов и закурил сигарету.

На востоке желтел небосклон. Вдалеке, за черными горами, прогрехотал гром. Прямо над головой небо было покрыто тучами. В прорехах его рваного покрывала виднелись звезды, которые теперь напоминали не алюминиевые конфетти, а капельки росы.

— Авось пронесет на этот раз,— подумал я.

Где-то рядом запели птицы. Ко мне подошла серая кошка, потерлась о ноги и ушла в ту сторону, откуда доносился птичий щебет.

Ветер изменил свое направление: дуло с юга, из леса, который виднелся на краю лётного поля. Лес проснулся и ожил: потянуло утренней свежестью, травой и влажным мхом.

Горизонт начал розоветь, и горы, казалось, зябко ежились в рассветной дымке. Я последний раз затянулся, бросил окурок и затоптал его. Крупная птица с синим оперением подлетела ко мне и уселась на плечо. Я погладил ее по спинке и отпустил.

Я стал подниматься на борт корабля по трапу. Едва ступив на первую ступеньку, я споткнулся о болт, который торчал из боковой панели, и зашиб себе палец. Потеряв равновесие, я едва не полетел кувырком, но, к счастью, успел ухватиться за стойку и приземлился на одно колено. Стоя на четвереньках, я почувствовал, как мне в лицо тычется что-то мокрое. Это маленький бурый медвежонок лизнул меня в щеку. Я поскреб у него за ушком, погладил по голове и, встав на ноги, шлепнул его по задку. Он повернулся и направился к лесу.

Я второй раз попытался подняться по трапу, но зацепился рукавом за перила в том месте, где поручни пересекались со стойкой. Пока я выпутывался, на плечо мне села еще одна птица, и я увидел, как из леса выпорхнула целая стая и черным облаком летит прямо на

меня. Сквозь птичий гомон и крики я услышал новый грозовой раскат.

Опять все начиналось сначала.

Я сделал еще один шаг и чуть не наступил на зеленую крольчиху, сидевшую на задних лапах прямо передо мной, в проеме люка. Она вертела носиком, и ее красные близорукие глазки буравили меня. Сверкая чешуей, под ногами у меня проползла крупная прозрачная стеклянная змея.

Я забыл нагнуться при входе и больно стукнулся головой о верхний край люка. Из глаз посыпались искры. Пока я приходил в себя, светловолосая обезьянка с голубыми глазами, подмигивая, вцепилась мне в щиколотку. Я погладил обезьянку по голове и попытался стряхнуть ее с себя: она оказалась сильнее, чем я думал.

Наконец я поднялся на борт и стал задраивать люк, но у меня заел затвор. Пока я возился с ним, пурпурные попугайчики на разные лады окликали меня по имени, а стеклянная змея упорно прорывалась на корабль.

Я ощутил близость энергетического источника и подключился к нему.

— Ваша взяла, черт вас всех побери! — заорал я. — До свидания! Пока! Я уезжаю, но еще вернусь!

Сверкнули молнии, прогрехотал гром, и в горах началась буря; шквал двигался прямо на меня. В конце концов мне удалось справиться с затвором.

— Немедленно очистить летное поле! — рявкнул я, хлопнув крышкой люка.

Я проверил герметичность изоляции, сел перед пультом управления и включил все бортовые системы. На мониторе было видно, как звери и птицы убираются восвояси. Тучи нависли совсем низко, и я услышал, как по обшивке застучали первые капли дождя.

Не успел я поднять в воздух корабль, как разразился шторм. Я взмыл над облаками, вырвался за пределы атмосферы, и мой корабль, получив ускорение, вышел на орбиту и лег на курс.

Вот так всегда и бывает, когда я хочу улизнуть, не попрощавшись со своей планетой. До сих пор мне это ни разу не удавалось.

Но, честно говоря, мне приятно сознавать, что хоть кому-то я необходим.

В нужный момент я свернул с орбиты и оказался за пределами системы „Свободный Дом“. Несколько часов мне было не по себе, руки дрожали. Я выкурил слишком много сигарет, и в горле першило.

Дома, на своей планете, я отвечал за все. Теперь я снова выходил на большую арену. В какую-то минуту я даже подумал о возвращении назад.

Но, вспомнив о Кэти, о Марлинге, о Рут, о карлике Нике, умершем давным-давно, и о моем покойном брате Чакке, я, ненавидя себя, продолжал полет до перехода в другую фазу.

Как только я перешел в другую фазу и корабль понесся вперед на автопилоте, настроение у меня сразу же изменилось.

Я засмеялся, и чувство страха покинуло меня: я опять никого и ничего не боялся.

Ну что с того, если я сдохну? Ради чего я живу? Чтобы вкусно есть и сладко спать? Валяться с наемными шлюхами? Какой же я идиот! Рано или поздно Токийский залив поглотит нас всех, и меня тоже, несмотря ни на что. Пусть уж лучше я погибну на пути к благородной цели, чем буду вести растительный образ жизни, пока кто-нибудь не изобретет способ прикончить меня в постели.

И эти размышления также были признаком вхождения в новую фазу.

Я запел литанию на языке более древнем, чем сам человек. Такое радостное чувство нахлынуло на меня впервые за много лет, и впервые за много лет мне захотелось петь во все горло.

Свет в кабине померк, хотя я был уверен, что он горит так же ярко, как всегда. Циферблаты на пульте потускнели, стали тлеющими углями,— нет, немигающими глазами диких зверей, уставившихся на меня из темного леса. Теперь мой голос звучал как чей-то чужой, и, благодаря непонятному акустическому эффекту, я его слышал прямо перед собой.

К моему голосу присоединились другие голоса. Бскоре мой собственный голос затих, а странные голоса были слышны: слабые, неясные, то замирающие, то нарастающие, как будто принесенные легким ветром. Они не звали меня: тихий напев едва доносился до моих ушей. Я не мог разобрать ни одного слова, хотя яв-

ственно слышал мелодию. Вокруг себя я видел сотни горящих глаз, но они не приближались и не удалялись; впереди разливалось бледное сияние, похожее на закат солнца в молочно-белой дымке.

Я понял, что сплю и вижу сон, но просыпаться мне не хотелось. Я продолжал двигаться на запад.

Вдалеке, под белесыми небесами, громоздился утес, у подножия которого, мерцая, бурлил тускло-зеленый поток, преграждавший мне путь. Вода, кругом была вода, и она меня не пускала.

Густой туман окутывал горную вершину, ниже торчали крутые уступы, налезавшие один на другой, щербатые каменистые кручи, неприступное нагромождение обломков, тяжелые валуны, теряющиеся в серой мгле. В небо, обложенное грозowymi тучами, были нацелены остроконечные гребни, и весь массив напоминал взорванный эбонитово-черный айсберг.

Я стоял перед утесом, безнадежно протянув к нему руки. И, когда я понял, что пение доносится именно оттуда, по спине у меня побежали мурашки, а волосы встали дыбом.

Я увидел тени мертвых, легкие, как дым: они плыли по воздуху или прятались за мрачными гранитными глыбами. Я знал, что все они — мертвы, потому что среди тех, кого я узнал, были карлик Ник, делавший неприличные жесты, телепат Майк Шендон, который чуть не погубил империю — *мою* империю и которого я придушил своими собственными руками; с ними был и мой старый заклятый враг Данго-Нож, и Куркур Боджис, человек-компьютер, и леди Карла из Алгола, которую я любил и ненавидел одновременно.

И тогда я призвал на помощь те силы, на которые еще мог надеяться.

По небу прокатился грозовой раскат, и оно стало ясным и чистым, как лазурит. И тут я увидел *ее*, всю в белом, на фоне серых скал. Она мелькнула передо мной всего лишь на мгновение. Нас с Кэти разделял мутный поток, но, несмотря на расстояние, наши глаза встретились, и я услышал, как она прошептала мое имя. Больше я не уловил ни звука, потому что тишину разорвал новый грозовой раскат, и скалистый остров погрузился во тьму, которая скрыла и того, кто стоял перед ним, протянув к утесу руки. Я понял, что это был я.

Проснувшись, я долго гадал, что бы все это значило, но, как ни пытался разобраться, ни черта в моем сне не понял.

Когда-то я воплотил в жизнь картину Беклина „Остров мертвых“ — из желания польстить толпе моих воображаемых зрителей, и, пока я создавал свой шедевр, ритмы Рахманинова, как барабанная дробь, стучали у меня в мозгу.

Да, работенка была не из легких.

Мое широкомасштабное творчество обычно связано с живописью.

Когда я думаю о смерти (а мысли о ней часто лезут мне в голову), я вспоминаю две картины. Одна из них называется „Долина теней“. На холсте расстилается мрачная пологая долина, берущая начало между двумя массивными серыми скалами; у края она зеленоватая, погруженная в сумеречный свет, и чем дальше, тем темней она становится, и, если долго всматриваться вглубь, кажется, что летишь в зияющий провал космического пространства, без звезд, без комет, без метеоров, без всего.

А другая картина — плод безумного воображения Беклина — „Остров мертвых“, изображающая место, которое я только что видел в кошмарном сне. Из двух пейзажей „Остров мертвых“ оставляет наиболее гнетущее впечатление. В „Долине“ остается хоть какая-то надежда на спасение. Наверное, поэтому я, когда создавал свою Долину Теней, занимался не столько разработкой архитектурных деталей, сколько уделял внимание подбору оттенков, полутонов терзающего душу ландшафта.

И вот однажды, в противовес садам Эдема, я сотворил Остров мертвых, и он, став моей больной совестью, мучил меня до такой степени, что я не только не мог забыть о нем, а превратился в его придаток, но и он был неотъемлемой частью меня самого. Сейчас мое творение, частица моего „я“, в ответ на призывы, похожие на молитвы, отозвалось единственно возможным способом: Остров предупреждал меня, подавал мне знак, который со временем мог бы приобрести смысл. Символы — будь они прокляты — по природе своей таковы, что либо проясняют, либо затемняют суть явлений.

Во сне, сотканном из непрочных нитей воспаленной фантазии, я видел, что Кэти заметила меня, и это был добрый знак того, что у меня есть шанс...

Я включил монитор, и на дисплее вспыхнули светящиеся спирали, вращавшиеся и по, и против часовой стрелки вокруг точки, лежащей в центре экрана. Я узнал звезды, которые нельзя было увидеть иным способом на изнанке космического пространства.

Пока я висел в безвоздушной среде, а вселенная кружилась вокруг меня, плотные слои жира, которыми обросла моя душа, начали плавиться и таять. Личность, за существование которой я так долго боролся, умерла во мне, и я почувствовал, как вместо нее просыпается дух Громовержца Шимбо из Башни Черного Дерева...

Я с благодарностью, печалью и гордостью наблюдал за хороводом звезд и был настолько счастлив, насколько вообще может быть счастлив человек, проживший свою судьбу и ставший совсем другим.

Прошло неизвестно сколько времени, и космический круговорот засосал меня, погрузил в темную яму сна, хотя и без сновидений, но прохладную, спокойную и мягкую, как Долина Теней.

* * *

К тому моменту, как Лоуренс Коннер посадил свою „Модель Т“ на взлетно-посадочной полосе Альдебарана-V, иначе называемого Дрисколлом по имени его первооткрывателя, прошло две недели. Итак, путешественник провел целых две недели на борту космического корабля, но при этом не потратил на перелет ни минуты. И, пожалуйста, не спрашивайте меня: „Как это так?“ Мне пришлось бы написать об этом еще одну книгу. Но, если бы Лоуренс Коннер вздумал повернуть назад и лететь в обратном направлении к планете Свободный Дом, он, убив за время пути две недели на чтение книг, гимнастические упражнения и психоанализ, вернулся бы домой, к вящей радости дикого животного мира, в тот же день, когда Фрэнсис Сэндоу покинул свою империю. К счастью, Лоуренсу такое просто не пришло в голову. Более того, он против своей воли помог Фрэнсису Сэндоу прикинуться агентом по продаже курительных трубок, пока последний решал головоломку, складывая ее из разрозненных, случайно

найденных кусочков. А может, кусочки-то были от разных головоломок, перемешанных как попало? Кто знает?

На мне была легкая одежда, какую носят в тропиках, и темные очки; небо было безоблачным, если не считать нескольких оранжевых тучек, солнце нещадно палило, и его лучи, падая и разбиваясь о тротуары пастельных тонов, преломлялись, рассыпаясь на теплые брызги, искажающие реальность. Я взял напрокат аэросани на воздушной подушке и двинулся в Миди — квартал, где обитали художники, — район нежный и пряный одновременно, раскинувшийся, будто специально для моего удовольствия, на морском берегу со всеми своими башнями, шпилями, кубическими и яйцевидными постройками, в которых селились люди; конторами, студиями, магазинами, сложенными из нового строительного материала под названием „гляцилин“: он бывает прозрачным и матовым, бесцветным или окрашенным в различные цвета, что достигается путем расщепления синтезированных молекул.

Изрядно покружив по городу, беспрестанно меняющему цвет и напоминавшему многослойное желе с фруктами — малиновое, клубничное, вишневое, апельсиновое, лимонное, молочное, — я наконец отыскал улицу Облаков, лежавшую внизу, у самой воды.

Рут была права: я нашел дом по старому адресу, но местность, где она жила, сильно изменилась.

Давным-давно, когда мы были еще вместе, наша усадьба оставалась последним оплотом старины, на который уже напознали желеобразные массивы, пожиравшие город. Но и этот бастион был взят. Там, где высокая, оштукатуренная стена некогда окружала мощный булыжником двор, куда можно было пройти сквозь арку с узорчатыми чугунными воротами, где стоял старый дом, под боком у которого уютно примостился маленький пруд, в чьих водах отражались солнечные зайчики, отбрасывающие блики на шероховатые стены и черепичную крышу, теперь водрузился железный замок с четырьмя длинными башнями. Трясучка была малиновой.

Я остановил аэросани, вышел, пересек горбатый мостик и ткнул пальцем в кнопку переговорного устройства на двери.

— В доме никого нет,— сообщил мне невидимый автоответчик.

— А когда вернется мисс Ларис? — спросил я.

— В доме никого нет,— повторил механический голос.— Жильцы съехали. Если вы интересуетесь покупкой дома, свяжитесь с Полем Глидденом, компания „Солнечные брызги“, улица Семи Вздохов, дом номер 178.

— Мисс Ларис не оставляла адреса, по которому ее можно найти?

— Нет.

— А письма она не оставляла?

— Нет.

Я вернулся в машину, сел, поднял ее на восемь дюймов над землей и отправился на улицу Семи Вздохов, которая когда-то называлась Большим проспектом.

Мистер Глидден оказался лысенкиным здоровячком, круглым, как глобус. Редкие седые волосики торчали только на широко расставленных надбровных дугах, а сами брови были такими высокими и тонкими, как будто каждую нарисовали одним взмахом косметического карандаша высоко над серьезными глазами тускло-серого цвета; сплюснутые розовые губы были вытянуты в линеечку (во сне, наверно, она превращалась в подобие улыбки), над плоской щелью рта торчала маленькая шишечка, сквозь которую дышал ее обладатель, и эта вздернутая фитюлька казалась еще меньше, так как утопала в глубоких жировых складках обвислых щек, обещавших со временем раздуться до такой степени, что едва обозначившийся бугорок между ними мог утонуть совсем, после чего все черты лица расплылись бы и стали смазанными, если не считать острых, пронизательных глаз, а физиономия мистера Глиддена, такая же красная, как рубашка с короткими рукавами, прикрывающая его „северное полушарие“, превратилась бы в бесформенный кусок рыхлого теста.

Мистер Глидден сидел за столом в кабинете фирмы „Солнечные брызги“ и, когда я вошел, протянул мне пухлую, влажную ладонь. Опуская руку, он задел за керамическую пепельницу золотистого оттенка, и его масонское кольцо звякнуло. Взяв из нее сигару, он выпустил клуб дыма, чтобы наблюдать за мной, как за рыбой в аквариуме, через разделяющую нас завесу.

— Садитесь, мистер Коннер,— промямлил он.— Чем могу быть полезен?

— Вы — владелец дома на улице Облаков, где жила мисс Ларис?

— Да, я. Вы что, хотите купить его?

— Я ишу мисс Ларис,— объяснил я.— Вы не знаете, куда она переехала?

В глазах у него блеснул огонек.

— Нет,— ответил он.— Я не был знаком с мисс Ларис.

— Она, должно быть, просила вас переслать ей деньги за дом на новый адрес.

— Ну и что из того?

— А вы не могли бы мне сказать, куда?

— А почему я должен вам это говорить?

— А почему нет? Я хочу ее найти.

— Я только перевозжу деньги на ее счет в банке.

— Здесь, в городе?

— Да. Творческий Банк.

— Она вам оставляла какие-нибудь поручения?

— Нет. Ее делами занимается адвокат.

— Не можете ли вы назвать мне его имя?

Он пожал плечами, и дымовая завеса, качнувшись, поплыла в сторону.

— Отчего же, пожалуйста,— ответил он.— Андре Дюбуа, компания Бенсон, Карлинг и Ву. Отсюда — семь кварталов на север.

— Спасибо.

— Если я правильно понял, покупкой недвижимости вы не интересуетесь?

— Как раз наоборот,— возразил я.— Я приобрету дом, если смогу вступить в права владельца сегодня же, при условии, что обсужу покупку с ее адвокатом. Пятьдесят две тысячи вас устроят?

Внезапно он вынырнул из-за дымовой завесы.

— А где я смогу вас найти, мистер Коннер?

— Я остановился в отеле „Спектрум“.

— Я позвоню вам после пяти.

— Договорились.

Я наметил план, как действовать дальше.

Во-первых, я заехал в „Спектрум“. Во-вторых, используя тайный код, я связался со своим человеком на Дрисколле, чтобы меня обеспечили наличными деньгами для покупки недвижимости на имя Лоуренса Кон-

нера. В-третьих, я отправился в религиозный квартал, запарковал свои азросани, вышел из них и продолжил прогулку пешком.

Я прошел мимо соборов и храмов, в честь кого только ни воздвигнутых, от Заратустры до Иисуса Христа. Приблизившись к пейанскому сектору, я замедлил шаг.

Поискав, я нашел то, что хотел.

Над землей возвышался только входной зеленый павильон, размером не более одноместного гаража.

Я вошел внутрь и спустился по узкой лестнице.

Сначала я попал в небольшой, освещенный свечами зал, из которого нырнул под приземистую арку.

Я оказался в темном храме: посередине был установлен темно-зеленый алтарь, вокруг которого ярусами шли скамьи. Все пять стен святилища были украшены витражами из стекловита, изображающими деяния пейанских божеств. Может, мне и не нужно было заходить туда в тот день: столько воды утекло...

В храме находилось шесть пейан и восемь представителей человеческой расы. Четверо пейан были женского пола. На всех были широкие молитвенные пояса.

Все пейане ростом около семи футов, кожа у них зеленая. Приплюснутая голова пейанина похожа на воронку, а шея — на ее горлышко. У пейан огромные водянисто-зеленые или желтые глаза. Носы тоже сплюснуты, крупные ноздри утопают в округлых складках. Волос совсем нет. Рты широкие, зубы отсутствуют: в этом отношении они походят на жаберных позвоночных. Пейане постоянно жуют и заглатывают свою собственную кожу. Губ у них нет, но окологубные наросты от длительного жевания твердеют и превращаются в роговые зубцы. Кожа переваривается, а вместо нее вырастает новая. Для тех, кто никогда не видел пейан, их облик может показаться отвратительным, но в действительности они очень симпатичные и грациозные, как кошки. Род их древнее рода человеческого, и к тому же они гораздо умнее. Строение их тела обладает зеркальной симметрией: у них, как и у человека, две руки и две ноги, на каждой — по пять пальцев.

Особи как женского, так и мужского пола носят блузы и юбки, ноги обувают в сандалии. Одежда у них преимущественно темных расцветок.

Пейанки ниже ростом, стройнее мужчин и шире их в бедрах; молочных желез у них нет, потому что они не выкармливают грудью младенцев: новорожденные пейанята в течение первых недель жизни питаются подкожными жировыми запасами, а затем начинают жевать и переваривать кожу. Становясь старше, они едят взрослую пищу, в основном пюреобразное месиво из морских водорослей. Таковы пейане.

Язык у них очень трудный. Я говорю по-пейански. Их философская система весьма сложна. Я отчасти знаком с ней. Многие из пейан — телепаты, причем отдельные личности обладают уникальными способностями, как и я.

Я сел на скамью и расслабился. Посещение пейанских храмов вливает в меня силы, потому что я с уважением отношусь к Мегапее. Пейане чрезвычайно политеистичны. Их религия отчасти напоминает индуизм, потому что она вобрала в себя все что можно, ни от чего не отказываясь: за всю историю своего существования пейане, кажется, только тем и занимались, что создавали и накапливали богов, ритуалы, традиции. *Странтризм* — так называется их религия. За последние годы она получила большое распространение, и у нее есть возможность когда-нибудь стать универсальной религией, потому что в ней имеется нечто, удовлетворяющее каждого верующего, от анимиста и пантеиста до агностика и почитателя культов и обрядов. Сами пейане составляют не более десяти процентов общей массы убежденных странтристов, и, скорее всего, религия переживет их самих, потому что численность жителей Мегапеи сокращается с каждым годом.

Живут пейане необыкновенно долго, но рождаемость низкая. С тех пор как великие пейанские умы завершили свой многострадальный труд, написав последнюю главу 14 926-томной „Истории пейанской культуры“, обитатели Мегапеи решили, наверное, что с них хватит и дальше продолжать развитие нет смысла.

Они глубоко почитают своих ученых: смех, да и только!

В те древние времена, когда человек еще не вышел из пещеры, пейане уже освоили Галактику. Многовековая война с расой багулианов, прекратившей

свое существование, ослабила пейан, отняв у них много сил и энергии, уничтожила промышленность и в десятки раз сократила численность населения. Пейане перестали занимать ключевые позиции в Галактике и постепенно перебрались в малую систему миров, где они обитают и по сей день. Их родная планета, Мегапейя, также была разрушена багулианами, которые, как говорят, были отвратительные, жадные, подлые, грубые и свирепые негодяи. Подобные описания багулиан, естественно, встречаются в пейанских хрониках, но мы никогда не узнаем, каковы они были на самом деле. Багулиане не были странтристами: где-то я вычитал, что они были идолопоклонниками.

Человек, стоявший у стены, напротив арки, запел литанию, мелодию которой я сразу узнал, поэтому я поднял голову и стал ждать: будет или не будет? Да или нет?

Да. Это случилось опять.

Гляцитовая пластина, изображающая Шимбо-Громовержца из Башни Черного Дерева, озарилась желтовато-зеленым светом.

Одни пейанские боги пейаноморфны (если так можно выразиться), другие же, вроде египетских божеств, представляют собой помесь между пейанами и обитателями зоопарка, третьи вообще какие-то чудища. Я уверен, что пейане когда-то, в древние времена, посетили Землю, потому что Шимбо подобен человеку. Почему разумные существа выбирают себе богов из чужеземцев, навсегда останется для меня загадкой, но, так или иначе, портрет Шимбо — передо мной. Он стоит, обнаженный, на фоне желтого неба, и его зеленоватое лицо полуприкрыто поднятой левой рукой, в которой зажата грозовая туча. В правой руке Громовержец держит огромный лук, а на боку у него висит колчан с молниями.

Вскоре все прихожане — шестеро пейан и восемь человек — пели литанию хором. Сквозь арку начали просачиваться новые посетители. Храм постепенно заполнялся.

Где-то в глубине моего организма зародилось чувство силы и легкости одновременно: энергия разлилась по всему телу.

Я не понимаю, как это получается, но, стоит мне войти в пейанский храм, пластина с изображением

Шимбо начинает мерцать, и я, охваченный восторгом, чувствую прилив новых сил.

Закончив тридцатигодичный курс обучения, я потом еще двадцать лет проходил практику в одной компании, где впоследствии приобрел огромное состояние. Там я был единственным землянином, — остальные воротилы были пейанского происхождения. Все мы считались Великими, потому что каждому из нас было присвоено имя одного из пейанских богов. Такое положение дел нас устраивало: почтение к нам и объединяло нас и противопоставляло остальным смертным. Я выбрал Шимбо (или он выбрал меня?), потому что Громовержец антропоморфен.

Все верующие твердо знают: пока я жив, Шимбо имеет физическое воплощение во Вселенной. А когда я умру, Бог перейдет в состояние телесного небытия, пока кто-нибудь не возьмет себе его имя. Когда Великий входит в пейанский храм, вспыхивает изобращение Бога, в честь которого он назван. Такое происходит в каждом пейанском храме, в любом уголке Галактики. Я не понимаю, с чем это связано. Да и сами пейане вряд ли могут объяснить суть явления.

По правде говоря, мне казалось, что Шимбо давно бросил меня из-за штучек, которые я вытворял с энергией. Наверно, потому меня и потянуло в храм, чтобы удостовериться, так ли это. К счастью, я оказался не прав.

Я встал и подошел к арке; проходя сквозь нее, я почувствовал непреодолимое желание поднять левую руку. Крепко сжав пальцы в кулак, я резко опустил ее до уровня плеча: и тут прямо над головой загрохотал гром. Образ Шимбо продолжал сиять на стене храма, и, пока я поднимался вверх по лестнице, хоровое пение все еще звенело у меня в ушах. Наконец я выбрался на свежий воздух и обнаружил, что начал накрапывать дождь.

II

Мы с Глидденом встретились в конторе Дюбуа в 18.30 и заключили сделку на пятьдесят шесть тысяч. Дюбуа оказался коротышкой с обветренным лицом и пышной гривой седых волос. Он задержался

в конторе до такого позднего часа только потому, что я настоятельно просил его подписать контракт именно сегодня. Я внес требуемую сумму, и документы были быстро оформлены. Мы все обменялись рукопожатиями, я сунул ключи в карман, и трое мужчин — Глидден, Дюбуа и я — вышли на улицу. Мы пересекли мокрый от дождя тротуар и подошли к нашим роскошным машинам. И тут, хлопнув себя по лбу, я воскликнул:

— Ах, какой же я растяпа! Я оставил свою ручку у вас на столе, Дюбуа!

— Я пришлю ее вам. Вы остановились в отеле „Спектрум“?

— Да, но скоро переезжаю.

— Тогда я пришлю вашу ручку на улицу Об-лаков.

Я покачал головой.

— Нет, мне она понадобится сегодня вечером.

— Вот, держите, — и Дюбуа протянул мне свою ручку.

Пока я беседовал с юристом, Глидден сел в машину, и через секунду его уже не было видно. Я помахал ему вслед и сказал:

— Наконец-то мы остались одни. Я хотел бы поговорить с вами с глазу на глаз.

Брезгливое выражение на его лице внезапно сменилось любопытством, и в презрительно сощуренных темных глазах блеснул интерес.

— Ну, ладно, — произнес он, отпирая дверь конторы, и мы снова оказались в его кабинете.

— Выкладывайте, в чем дело? — спросил он, мягко опускаясь в кресло, стоявшее перед столом.

— Я ищу мисс Ларис.

Он закурил сигарету, — это всегда считалось наилучшим способом потянуть время.

— Зачем? — подумав, осведомился он.

— Рут — мой старый друг. — сказал я. — Вы не знаете, где она?

— Нет, — ответил Дюбуа.

— А вам не кажется несколько странным, что вы переводите на ее счет такие огромные суммы, не имея понятия, где она сама?

— Да, пожалуй, вы правы. Но для этого меня и наняли.

— Кто нанял?

— Что вы имеете в виду?

— Я вас спрашиваю, нанимала ли вас сама Рут Ларис, или кто-то поручил вам вести дела от ее имени?

— А вам какое дело, мистер Коннер? Я думаю, на этом наш разговор окончен.

Я помедлил секунду-другую и резко заявил:

— Прежде чем расстаться с вами, я вот что хочу сказать: я купил ее дом, только чтобы напасть на ее след. Между прочим, я собираюсь перестроить его, потому что мне не нравится архитектура вашего города. Превращу это место в старинную усадьбу, — что поделаешь, люблю потакать своим прихотям. Мое решение не наводит вас ни на какие мысли? Вы все еще не поняли, кто я такой?

— Да, вы — крепкий орешек, — осторожно заметил он.

— Это факт. Меня запросто не раскусишь. Я привык удовлетворять все свои капризы. И могу натворить черт-те что. Ну, к примеру: сколько стоит здание, в котором располагается ваша контора? Пару миллионов?

— Не знаю, — замаялся Дюбуа, и глаза у него беспокойно забегали.

— А что, если кто-нибудь купит весь дом и наделает в нем квартир? И кое-кому придется съезжать и подыскивать себе другое помещение для конторы?

— У меня договор на аренду, и его не так то просто аннулировать, мистер Коннер.

Я ухмыльнулся.

— Ну, а вдруг вас привлекут за правонарушение и вашей личностью займется местная коллегия адвокатов?

Дюбуа вскочил на ноги.

— Да вы просто сумасшедший!

— Вы уверены? Я, правда, еще не знаю, какие обвинения вам будут предъявлены, но, пока суд да дело, даже простое разбирательство осложнит вам жизнь. А тут еще неприятности с переездом на новое место...

Мне не хотелось запугивать его, но у меня не было другого выхода. Я торопился. Итак, я переспросил его:

— Вы все еще думаете, что я сумасшедший?

— Нет,— ответил он.— Пожалуй, нет.

— Если вы честно играете, и вам нечего скрывать, тогда почему бы вам не сказать мне правду? Кто отдавал распоряжения? Как получилось, что дом Рут Ларис был пущен в продажу? Мне наплевать и на ваши профессиональные связи, и на махинации с деньгами, я интересуюсь только обстоятельствами исчезновения мисс Ларис. Неужели она не оставила никакой записки?

Адвокат, откинувшись на спинку стула, пристально изучал меня сквозь дымовую завесу.

— Все распоряжения отдавались по телефону.

— Ей могли угрожать, могли накачать наркотиками...

— Нелепое предположение,— проронил он.— А зачем она вам?

— Я же говорил, что она — мой старый друг.

Он с недоверием посмотрел на меня. Мало кому было известно настоящее имя друга мисс Ларис.

— Кроме того,— продолжал я,— мне недавно пришло от нее письмо с просьбой приехать. Но я ее не застал, и нет ни записки, ни нового адреса. И это очень странно. Я хочу разыскать ее, мистер Дюбуа.

Адвокат явно оценил и покрой моего костюма, и его стоймость, а может, властные нотки в моем голосе (многолетняя привычка отдавать приказы) заставили его прислушаться к моим словам,— во всяком случае, набирать номер полиции он не стал.

— Все распоряжения я получал по телефону или по почте,— повторил он.— Клянусь, я не знаю, где она сейчас. Она сказала, что уезжает из города, и просила меня заняться продажей дома и всех вещей, которые в нем находятся, а деньги велела перевести в Творческий Банк. Я дал согласие заниматься ее делами и обратился в компанию „Солнечные Брызги“.

Глаза у него бегали.

— Она действительно оставила мне письмо с просьбой передать его одному человеку, если тот ко мне обратится. Но это не вы. Если письмо не будет востребовано, я должен переслать его этому человеку по истечении тридцати дней с момента его получения.

— Могу ли я узнать имя этого человека?

— Нет, сэр,— профессиональная тайна.

— Я имею право отменить инструкции мисс Ларис. Снимите трубку и наберите номер семьдесят три-семьдесят три-семьдесят три-семьдесят три. Попросите к телефону Доменика Малисти, директора компании „Наши вещи“. Поговорите с ним конфиденциально. Представьтесь, скажите пароль „Бе-е-е, бе-е-е, барашек“ и попросите объяснить, кто такой Лоуренс Джон Коннер.

Дюбуа связался с Домеником Малисти и, повесив трубку, пересек комнату, открыл маленький стеновой сейф, вынул оттуда конверт и протянул его мне. Пакет был заклеен, а на лицевой стороне было напечатано на машинке: „Фрэнсису Сэндоу“.

— Спасибо,— поблагодарил я адвоката и надорвал конверт.

Из него выпали три бумажки, при виде которых мне стоило большого труда сдержать свои чувства.

Первая представляла собой еще одну фотографию Кэти, но в другой позе и на другом фоне, вторая была фотографией Рут, на которой она выглядела постаревшей и чуть-чуть располневшей, на третьем листке было несколько строк. Записка была написана на пейанском языке. После традиционного приветствия шло мое настоящее имя, после которого стоял маленький тайный знак, используемый в пейанском Священном Писании для обозначения Громовержца Шимбо. Рядом с подписью „Грин-Грин“ я обнаружил идеографический знак, соответствующий Белиону, чье имя не относится к клану двадцати семи Великих Носителей Имен. Мало кому известно, имена каких богов соотносятся с двадцатью семью Великими. Белион — бог огня, который живет в подземном царстве. Он издавна считается заклятым врагом Шимбо. То один, то другой берут верх в вечной борьбе.

Я прочел записку. Вот что в ней было сказано:

„Если ты хочешь найти этих женщин, ищи их на Острове мертвых. Боджис, Данго, Шендон и карлик Ник тоже ждут тебя“.

На планете Свободный Дом у меня в спальне остались лежать объемные фотографии Боджиса, Данго, Шендона, Ника, Леди Карлы (которую тоже можно считать одной из моих женщин) и Кэти. Все они были изображены на тех шести фотографиях, которые я получил.

Теперь он забрал к себе и Рут.

Кто он?

Я не знал никакого Грин-Грина, но зато очень хорошо знал Остров мертвых.

— Спасибо,— повторил я.

— Что-нибудь не так, мистер Сэндоу?

— Да, неприятности,— ответил я.— Но я все улажу. Не волнуйтесь, к вам это не относится. И, пожалуйста, не называйте меня „Мистер Сэндоу“.

— Хорошо, мистер Коннер.

— До свидания, мистер Дюбуа.

— До свидания, мистер Коннер.

* * *

Я вошел в дом на улице Облаков, пересек холл и, миновав анфиладу комнат, наконец добрался до спальни, которую тщательно осмотрел. Вся мебель была на месте: в стенных шкафах и гардеробах висело бесчисленное множество платьев; комоды были набиты кучей необходимых мелочей, что при переездах, как правило, берут с собой.

Странное у меня было чувство: я бродил по незнакомому помещению и то и дело натывался на хорошо известные мне предметы: старинные часы, ширму с росписью, инкрустированный портсигар. Обстановка в ее доме, казалось, говорила мне: жизнь перераспределяет то, что было когда-то дорого и имело большое значение, разбрасывая старинные, милые сердцу предметы среди новых и чуждых тебе, тем самым убивая их таинственную, неповторимую прелесть, и только память удерживает вещи на тех местах, где они находились, и, когда они снова предстают перед тобой, это больно ранит, ибо в их появлении есть нечто сюрреалистическое. В момент узнавания они теряют свой мистический ореол, так как оказывается, что нежные чувства по отношению к любимым вещам опираются только на картины, сложившиеся в твоём воображении.

Час за часом тянулось время, пока я тщательно просеивал последние события сквозь сито памяти, связывал в единую цепочку мысли, преследовавшие меня с того момента, как я получил первую фотографию, до разговора в конторе Дюбуа. Я перевернул все факты, восстановил все детали до той секунды, когда ко мне

пришло озарение. Круг замкнулся: мозг — сердце — легкие — мозг.

Присев, я закурил сигарету. Именно в этой комнате был сделан снимок Рут. Ее фотография была единственной, на которой не было скал и голубого неба.

Я обыскал всю комнату, перерыл ее вещи, — но ничего не нашел: ни следов насилия, ни улики, указывающих на моего врага. С тех пор, как я попрощался с моим неожиданным союзником, долгогривым седовласым юристом, я не проронил ни звука. Первое, что я произнес, было слово „враг“, — оно взорвало тишину дома, похожего на круглый аквариум.

Мой враг.

Кто же он? Меня загоняли в угол, но зачем? Я не знал. Наверно, кто-то желает моей смерти. Если бы я только мог выяснить, который из моих недругов стоит за всем этим! Я тщетно представлял себе каждого по очереди, изумляясь, какое странное место выбрано моим противником в качестве поля боя. И тут я вспомнил свой сон!

Если кто-нибудь хочет расправиться со мной, нелепо заманивать меня в эту ловушку, разве что мой неприятель ничего не знает о силе, которой я обладаю: она растет и крепнет, как только я ступаю на планету, мною же созданную. Все становится моим союзником на Иллирии, земле, которую я сотворил много столетий назад, и где находится Остров мертвых, *мой* Остров мертвых.

Я вернусь туда. Я это твердо знал. Там Рут и Кэти... Они ждут моего возвращения в причудливый Эдем, возникший по моей собственной прихоти.

Рут и Кэти...

Два образа никогда не пересекались в моем сознании, но теперь мне пришлось думать о них обеих сразу. Они прошли через мою жизнь в разное время, и то, что обе женщины могут предстать передо мной одновременно, мне совсем не нравилось. Но я спасу их, и тот, кто строил мне капкан, еще пожалеет об этом: он будет наказан, навечно став пленником Острова мертвых.

Раздавив окурки, я запер румяно-красные ворота усадьбы и отправился в „Спектр“, так как внезапно почувствовал голод.

Переодевшись к обеду, я спустился в холл. Справа я заметил небольшой, приличный ресторанчик, но, к со-

жалению, опоздал на несколько минут: он уже закрылся. Поэтому я спросил у портье, где можно хорошо и вкусно поесть в такой поздний час.

— В ресторане „Бартолевы башни“, у залива,— ответил мне, зевая, ночной портье.

Выслушав рекомендации, как лучше всего туда добраться, я вышел на улицу, по дороге приклеив большую рекламу о продаже курительных трубок. Забавно, правда? Слово „забавно“ звучит здесь гораздо уместнее, чем „странно“, но вспомним, что каждый из нас живет в тени Большого Дерева.

Итак, я двинулся дальше и, прибыв в нужное мне место, поручил запарковать аэросани человеку в униформе, который попадает на глаза всюду, где бы я ни появился. Он с улыбочкой распахивает передо мною двери (что я вполне мог бы сделать сам), подает ненужное мне полотенце, сует папку с документами, которые я не собираюсь изучать,— и при этом всегда, угодливо склонившись, держит согнутую в локте правую руку на уровне пояса. Он распрямляет ее, протягивая ладошку, только при звяканье монет или шелесте купюр, чтобы немедленно упрятать добычу в свои бездонные карманы. Человек в униформе следует за мной по пятам уже много столетий, но не форма выводит меня из себя: меня бесит деланная улыбочка на его лице, которое озаряется лишь при звоне презренного металла.

Верзила в униформе покрутился на стоянке и наконец засунул мою машину между двумя параллельными белыми полосами. Что поделаешь: все мы — туристы.

Когда-то чаевые давали только тем, кто выполнял поручения расторопно и четко, и мзда служила для поддержания малоимущих, стоявших на низшей ступени социальной лестницы. Такое положение вещей понималось как должное. Но в конце XX века, когда туризм стал массовым явлением, жители слаборазвитых стран поняли, что туристы — денежные мешки и, следовательно, их можно и нужно потратить; это создало прецедент, в результате которого подобные предствления распространились во всех странах, и даже в тех, откуда родом были сами туристы. Теперь перед туристами на каждом шагу, блюдя свою выгоду, возникают громилы в униформах и с улыбочкой подсовывают им то, что

решительно не нужно. Их армия заполонила Вселенную. После мирной революции XX века каждый, кто выходит из дома, сразу же становится туристом, гражданином второго сорта, безо всякого зазрения совести эксплуатируемым легионами улыбающихся, пронырливых завоевателей в униформе.

В какой бы город я ни приехал, на меня набрасываются униформы: они стряхивают пылинки с моего костюма, подсовывают брошюры, сообщают последний прогноз погоды, молятся за мою душу, перебрасывают мостки через лужи, протирают ветровое стекло, держат зонтик над моей головой и в дождливые, и в солнечные дни, освещают мне путь в тумане ультрафиолетовыми (или инфракрасными?) фонариками, вынимают пух у меня из пупка, застегивают ширинку, начищают ботинки — и расплываются в улыбке, согнув в локте правую руку, прежде чем я успеваю выразить свой протест.

Ах, какой уютной стала бы наша Галактика, если бы вдруг все надели сверкающие, похрустывающие униформы! Тогда мы все улыбались бы друг другу!

Я поднялся на лифте на шестидесятый этаж, где находился ресторан „Бартолевы башни“. Я зря не заказал столик заранее, по телефону. Заведение было набито до отказа. Я совсем позабыл, что на Дрисколле начинались праздники. Дежурная, встречающая посетителей, записала мое имя и велела подождать минут пятнадцать-двадцать. Чтобы убить время, я отправился в один из баров на том же этаже.

Потягивая пиво, я глазел по сторонам, и, бросив взгляд через проход, тонущий во мраке, в баре напротив я увидел человека с круглой физиономией, которая показалась мне знакомой. Вытащив из кармана специальные окуляры, работавшие, как подзорная труба, я принялся изучать его лицо, теперь уже в профиль.

Форма носа и ушей осталась прежней, а волосы были перекрашены. Кожа посмуглела, но тон легко можно было подделать.

Я встал и пошел к выходу, но меня задержал официант, заявивший, что не положено выносить спиртные напитки из бара. Услышав, что я собираюсь перейти в бар напротив, через проход, он, улыбаясь и согнув в локте правую руку, услужливо предложил мне перенести бокал на другой столик. Я быстро сосчитал, что

заказать новую порцию будет дешевле, и оставил бутылку ему, предложив выпить за мое здоровье.

Посетитель сидел в одиночестве. Перед ним стояла маленькая рюмочка с красным напитком. Я сложил окуляры, убрал их подальше и, приблизившись к столику, визгливым фальцетом произнес:

— Разрешите присоединиться к вам, мистер Бейнер?

Он вздрогнул от неожиданности, и толстые слои жира колыхнулись у него под пиджаком. Бейнер уставился на меня круглыми птичьими глазками и моргнул, будто щелкнул затвором фотоаппарата. Я понял, что в голове у него уже закрутились колеса, набирая обороты, точно дьявол нажимал на педали гоночного велосипеда.

— Вы, должно быть, обознались,— приветливо ответил он, но тут же посерьезнел и нахмурился.— Нет, это я обознался, Фрэнк. Ведь столько лет прошло! Нас обоих не узнать!..

— Особенно в гриме,— съязвил я, перейдя с фальцета на свой обычный тембр, и уселся напротив него.

Моему знакомому удалось привлечь внимание официанта: того как магнитом притянуло к нашему столику.

— Что будете пить, сэр?

— Пиво, любой марки.

Официант, приняв заказ, кивнул и исчез.

— Ты ел что-нибудь?

— Нет еще. Я только успел заказать столик в ресторане,— вон там, через площадку,— и сразу увидел тебя.

— А я уже поел,— заявил он.— Хорошо, что мне пришла в голову мысль заскочить сюда и пропустить рюмочку после ужина, а то бы мы с тобой разминулись.

— Как странно,— произнес я,— Грин-Грин!

— Что-что?

— Зеленый-Зеленый. Verde-Verde. Grün-Grün.

— Я не понял, что ты сказал. Это что — шифр? Пароль?

Я пожал плечами.

— Назови это молитвой об усмирении недругов моих. А у тебя что новенького?

— Раз уж ты здесь,— сказал он,— я должен поговорить с тобой. Пойдем поужинаем вместе, ладно?

— Ну, давай,— согласился я.

Когда объявили имя Ларри Коннера, мы двинулись к заказанному столику через вереницу ресторанных залов и зальчиков, занимавших весь этаж башни. В ясную погоду отсюда открывался волшебный вид на залив, но в тот день небо было покрыто тучами, и вздымающееся тело океана было освещено лишь редкими буйками да прорезающими тьму быстрыми лучами прожекторов.

Бейнер решил, что, пожалуй, сможет одолеть еще один ужин, и заказал несколько плотных блюд. Не успел я сжевать и полбифштекса, как он с большим аппетитом уже проглотил гору спагетти с грудой кровавых сосисок и принялся уписывать пиццу, перейдя от нее к кофе с пирожными.

— Уф, хорошо-то как! — блаженно потянулся он с улыбкой, которую я не видел на его лице лет сорок, и ловко сунул зубочистку в щель между верхними зубами.

— Сигару не хочешь? — предложил я.

— Спасибо, пожалуй, хочу.

Как только зубочистка была вынута из рта и мы закурили сигары, нам немедленно принесли счет. Я давно освоил этот нехитрый прием: в людных местах, если официант тянет и не идет рассчитываться, закуливаешь сигару, пускаешь струйку голубого дыма, — и вот он уже стоит перед тобой как вкопанный, с блокнотом в руках.

— Я плачу, — заявил Бейнер, когда я принял из рук официанта бумажку с цифрами.

— Глупости. Ты — мой гость.

— Ну, ладно, будь по-твоему.

Между прочим, Билл Бейнер — сорок четвертый из самых богатых людей Галактики. Не каждый день доводится ужинать с такими преуспевающими дельцами!

Мы вышли на улицу, и мой знакомый заявил:

— Есть тут у меня одно местечко, где можно спокойно поговорить. Я тебя отвезу.

Итак, мы сели в его машину, оставив позади накупившегося лакея в униформе, минут двадцать покатили по городу, избавляясь от гипотетических „хвостов“, и наконец подъехали к многоквартирному дому, в восьми кварталах от ресторана „Бартолевы башни“. Бейнер кивнул привратнику, который встретил нас у подъезда, и тот поклонился в ответ.

— Похоже, дождик собирается,— заметил мой приятель.

— Это уж точно,— подхватил привратник.

Мы поднялись на седьмой этаж. Стены на площадке были облицованы драгоценными камнями, безусловно, искусственными, многие из которых явно служили глазками. Мы остановились перед скромной дверью и постучали: тук-тук-тук — пауза — тук-тук. „Завтра условный код сменят“,— подумал я.

Одетый в темный костюм молодой человек с кислой физиономией открыл нам дверь и исчез, как только Бейнер указал ему большим пальцем через плечо.

Мой приятель плотно прикрыл двери кабинета изнутри, но я все же успел разглядеть толстую листовую металлическую панель, вставленную между внутренним и внешним слоями деревянной обшивки. Последующие пять-десять минут хозяин ползал по комнате, обследуя ее на предмет прослушивающих устройств с помощью детектора новейшей конструкции, затем сам поставил несколько „жучков“ и, приняв все необходимые меры предосторожности, снял пиджак и повесил его на спинку стула.

— Ну, теперь все в порядке,— вздохнул он.— Можно говорить. Тебе принести что-нибудь выпить?

— А ты уверен, что мне туда ничего не подсыпят?

Он на секунду задумался и покачал головой.

— Уверен.

— Тогда налей мне бурбона, если есть. И разбавь водой.

Он удалился в соседнюю комнату и через минуту появился с двумя стаканами в руках. В его стакане, по всей вероятности, плескался чай, поскольку он собирался говорить со мной о бизнесе. А мне это было глубоко безразлично.

— Ну, в чем дело? — спросил я его.

— Про тебя, чертяка, мне такого порассказали... И говорят, что все — чистая правда. А ты что скажешь?

Я в недоумении развел руками.

— Но со мной у тебя этот номер не пройдет. Вспомни-ка, что ты вытворял с лицензиями горных разработок на Веге?

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Лет шесть назад.

Я расхохотался.

— Послушай,— сказал я ему.— Я не слежу за тем, что делают мои деньги, если уж я их поместил, куда следует. Они мои, и я могу получить их в любой момент, когда захочу. Я доверяю разным людям вкладывать определенные суммы в различные предприятия. И если я приобрел капитал на горных разработках системы Вега, то только потому, что поручил заниматься моими делами одному умному человеку. Я не пасу свои денежки сам, как ты. Я нанимаю людей.

— Ну, ладно, Фрэнк,— миролюбиво произнес он.— Будет тебе. Итак, ты появился инкогнито на Дрисколле и хочешь перейти мне дорогу накануне заключения большой сделки. Кого ты подкупил из моего окружения?

— Честное слово, никого.

Казалось, он обиделся.

— Обещаю тебе, что и пальцем его не трону. Просто переведу куда-нибудь подальше, чтобы не пакостил.

— Я здесь по личному делу,— пояснил я.— И налетел на тебя по чистой случайности.

— Ну, все тебе заграбастать не удастся, как ни китри,— возразил он.

— Я даже и пытаться не буду. Клянусь.

— Дело было уже на мази, и вдруг все летит к чертовой матери! — Он с силой стукнул кулаком по столу.

— Между прочим, я даже не видел конечного продукта,— заявил я.

Он вскочил, выбежал из комнаты и тотчас вернулся, протягивая мне курительную трубку.

— Чудная трубочка,— одобрил я.

— Пять тысяч,— шепнул он.— Дешевка.

— Я вообще-то не курю трубку.

— Тебе — десять процентов с оборота, и больше ни гроша не дам. Я сам — глава фирмы, и издеваться над собой не позволю.

И тут я взбесился. Этот сукин сын ни о чем другом, кроме денег, думать не мог, если не считать жратвы и питья. По глупости своей он решил, что меня заботят те же проблемы, что и его, потому что листва на Большом Дереве шелестела: „Сэндоу“.

Я сцепился с ним:

— Третий — моя. Иначе я открою собственное дело.

— Третий?

Он подпрыгнул и завизжал, как будто его режут. Слава Богу, в кабинете была звукоизоляция, а подслушивающие устройства были обезврежены. Давненько я не слышал таких крепких, забористых ругательств в свой адрес. Красный как рак, Бейнер бегал взад-вперед по комнате, а перед ним сидел такой алчный, такой жадный, такой наглый я и, пока тот раздражался гневными тирадами в мой адрес, думал только о курительных трубках.

Память у меня отличная: я храню в ней кучу разнообразной информации. Давным-давно, в пору моей юности, лучшими трубками считались пенковые или сделанные из верескового корня. Глиняные трубки быстро нагреваются, а деревянные трескаются и выгорают. Трубки из ствола кукурузного початка просто опасны. В конце XX века курение трубок снова вошло в моду, по всей вероятности, благодаря поколению, которому осточертели бесконечные разглагольствования сотрудников Медицинского Центра о вреде табака и угрозе легочных заболеваний.

На рубеже веков запасы морской пенки и верескового корня были практически исчерпаны. Морская пенка, или сепиолит (он же — гидросиликат магния), — это залегающая пластами осадочная порода, частично состоящая из ракушек, уплотнившихся за многие века, и теперь залежи ее пришли к концу. Вересковые трубки делают из корня белого вереска, иначе *Erica Arborea*, который растет только в степях вдоль побережья Средиземного моря. Корень должен пролежать не менее ста лет, прежде чем он станет пригоден для употребления.

Заросли вереска подвергались варварскому и бессмысленному уничтожению, и никому в голову не влетела мысль о необходимости рекультивации посадок. Теперь большинству курильщиков приходится довольствоваться трубками, сделанными из материала, называемого пиролитический карбонадо, но коллекционеры еще помнят о пенковых и вересковых трубках и бережно хранят уникальные образцы в своих собраниях. Небольшие месторождения сепиолита были обнаружены на некоторых планетах, и они в одночасье принесли огромное богатство их первооткрывателям. Но нигде, кроме Земли, не было найдено плантаций *Erica Arborea* или чего-либо подобного. В наши дни

курение трубок приобрело повальный характер, и только мы с Дюбуа остались консерваторами. Превосходный экземпляр, который показал мне Бейнер, был вырезан из верескового корня с огненными вкраплениями.

Можно было делать выводы...

— Пятнадцать процентов! — вопил Бейнер. — Иначе я разорюсь!

— Чушь собачья! Да каждая твоя трубочка в десять раз дороже, чем такой же кусок платины!

— Восемнадцать процентов! Ты и так режешь меня без ножа!

— Тридцать!

— Не зарывайся, Фрэнк! Будь благоразумнее!

— Тогда хватит вешать мне лапшу на уши.

— Ну, черт с тобой, двадцать процентов. С тебя — пять миллионов, — вступительный взнос.

Я рассмеялся.

Из чистого упрямства я еще битый час торговался с ним из-за первичного взноса, и сам себя не узнавал. По совести говоря, я вошел в азарт. Я отвоевал долю в двадцать пять с половиной процентов за начальный пай в четыре миллиона, которые легко можно было затребовать, позвонив по телефону моему агенту Малисти, чтобы тот открыл финансирование. Мне было жаль будить его.

Вот так я провернул операцию с курительными трубками из верескового корня на планете Дрисколл. Забавно, правда? (Слово „забавно“ здесь более уместно, чем „странно“, — ничего странного в этой истории нет, — ведь мы все живем в тени Большого Древа. Вы еще не забыли про него?)

Когда мы наконец обо всем договорились, Бейнер хлопнул меня по плечу, сказал, что я — молодец, нервы у меня железные, и пожалел, что я ему не друг, а соперник. Потом мы еще раз выпили, и он посетовал, что я отпустил насовсем Мартина Бремена, так как ему никак не удавалось нанять в повара ригелийца. И еще он опять приставал ко мне с расспросами, кто на него наступал.

Он подкинул меня к „Бартолевым башням“. Парень в униформе вывел мою машину со стоянки, проехал несколько футов и распахнул передо мною дверь. Получив на чай, он изобразил улыбку и скрылся. Я возвращался в „Спектрум“, сожалел, что не поужинал

в своем отеле, и бездарно провел полночи, ставя автографы на листьях Большого Дерева.

Радио в машине играло старинную мелодию Диксиленда, которую я не слышал уже много лет. Начал накрапывать дождик. И морось, и музыка вместе растравили мне душу, вызвав приступ хандры: я остро почувствовал свое одиночество. Машин на шоссе было мало, и я ехал быстро.

На следующее утро я послал курьерограмму на Мегэпею, чтобы Марлинг не беспокоился, ибо Шимбо предстанет перед ним до начала пятого сезона. И еще я спрашивал у него, не знает ли он случайно пейанина, называющего себя Грин-Грин, или кого-нибудь другого, чье имя можно было бы связать с именем Бедиона. Я просил известить меня о том, что ему известно, курьерограммой с оплаченным ответом и послать ее на имя Лоуренса Дж. Коннера, Свободный Дом. Послание я не подписывал, так как собирался уехать с Дрисколла в тот же день.

Курьерограмма — самый дорогой и самый срочный вид межпланетной связи, но даже в экстренных случаях ответа приходится ждать не менее двух недель.

Послав корреспонденцию такого класса и указав Свободный Дом в качестве обратного адреса, я раскрывал свое инкогнито на Дрисколле и, следовательно, подвергался определенному риску, но — что поделаешь, я хотел ускорить доставку моего сообщения, а задерживаться здесь не входило в мои намерения.

Я выписался из гостиницы и отправился на улицу Облаков, чтобы бросить последний взгляд на дом Рут Ларис. По дороге я заскочил в кафе, так как давно пора было позавтракать.

Малиново-желейные хоромы стояли на месте. Ничего нового я не обнаружил, кроме одной маленькой детали: из почтового ящика что-то торчало. Я вынул большой конверт, на котором не было обратного адреса. Я прочел надпись: „Рут Ларис, для Фрэнсиса Сэнду“.

Я убрал письмо подальше и не вскрывал его, пока не убедился, что рядом нет посторонних глаз. Переложив в наружный карман крохотную ампулу, в которой была заложена тихая, естественная и мгновенная смерть, я уселся поудобнее и наконец вскрыл конверт.

Да.

Еще одна фотография.

На ней был Ник, мой старый друг Ник, карлик Ник, ныне покойный Ник, заросший бородой и озлобленный, готовый наброситься на фотографа, спрыгнув с каменистого уступа.

Записка была по-английски. Она гласила:

„Приезжайте на Иллирию. Все ваши друзья там“.

Я закурил первую сигарету за день.

Малисти, Бейнер и Дюбуа знают, кто такой Лоуренс Джон Коннер.

Малисти — мой человек на Дрисколле; он получает достаточно, чтобы оставаться неподкупным. Конечно, кроме взятки, могли быть применены более жесткие методы давления, но ведь сам Малисти до вчерашнего дня не знал, кто такой Коннер, пока пароль „Бе-е-е, бе-е-е, барашек“ не дал ему ключ к расшифровке специнструкции. На особые методы давления просто не было времени.

Бейнеру незачем топить меня: он ничего не выиграет. Мы — партнеры в совместном предприятии, и следовательно — в одной упряжке. Для публики мы с ним представляем единое целое — и больше ничего. Денег у нас обоих — куры не клюют, и даже если наши коммерческие интересы сталкиваются, личных отношений это не задевает. Бейнера можно не брать в расчет.

Дюбуа показался мне человеком, не способным на предательство. Ему нет никакого смысла раскрывать мое настоящее имя, тем более что он еще не забыл наш разговор в конторе, когда я объяснил ему, что добиваюсь всего, чего хочу, любой ценой.

На планете Свободный Дом никому не была известна цель моего путешествия, кроме С-Р, память которого я стер перед отъездом.

Я перебрал все варианты.

Допустим, Рут похитили и заставили написать мне письмо. Тогда тот, кто взял ее в заложники, сразу поймет, что письмо я получил, если я предприму ответные действия. Даже если письма я не получу, большой беды для отправителя нет.

По логике вещей последняя версия была вполне правдоподобна.

Значит, на Дрисколле действует некто, чьего имени я не знаю.

Стоит ли застревать на планете, чтобы выяснить, кто он такой? У меня есть Малисти, и с его помощью мы нападём на след таинственного отправителя письма.

Но если он — пешка, а за ним стоит кто-то, умный и хитрый? Тот, кто опустил письмо, скорее всего, — исполнитель, последнее звено в длинной цепочке. Он ничего знать не знает, ведать не ведаёт. Я решил, что посажу ему на хвост Малисти, а полученные сведения он мне сообщит на Свободный Дом. Я собирался позвонить своему агенту, но, конечно же, не из ближайшего автомата.

Уже через несколько часов для меня никакого значения не будет иметь, кто знает, а кто не знает, что Коннер — это Сэндоу. Покинув Дрисколл, я никогда больше не стану скрываться под именем Коннера.

* * *

Однажды карлик Ник заявил:

— Все беды в этом мире только от красоты.

— А как же добро? Истина?

— Они — ее сообщники. Но главная преступница — красота. Именно она — средоточие всех зол.

— А разве не деньги?

— Деньги прекрасны.

— Значит, если тебе нечего есть, негде жить, не с кем спать, виновата...

— Вот-вот! — резко оборвал меня мой собеседник, хлопнув кружкой о стойку с такой силой, что добрый десяток завсегдатаев пивной обернулся в нашу сторону. — Все из-за нее, мерзавки.

— А если парень красив? Что тогда?

— Знаю я этих красавчиков. Ублюдки чертовы. Бывают ублюдки наглые — лишь бы урвать; бывают скромные — завидуют тем, кто их обскакал. Наглые прут вперед по головам, а скромные ввинчиваются в задницу. В конце концов и у тех, и у других крыша съезжает, и все из-за красоты сволочной.

— А прекрасные произведения искусства? Как с ними быть?

— Из-за них люди идут на разбой. А кто грабить не умеет, сокрушается, что не ему они достались. Да пошли они ко всем чертям...

— Послушай,— возразил я,— разве вещь виновата в том, что она прекрасна? Или красивая женщина — в том, что хороша собой? Так уж у них получилось...

— Виновата? А кто тут говорил о виновности?

— Ты говорил про зло, из чего прямо вытекает идея вины.

— Тогда красота виновна,— заключил он.—И будь она проклята.

— Красота как абстрактное понятие?

— Да.

— А красота конкретного объекта?

— Тоже.

— Ну, это просто смешно. За преступление полагается наказание. Если красота виновна, она должна нести ответственность.

— Красота будет наказана.

— Выпей-ка лучше еще пивка...

Ник опорожнил кружку и рыгнул:

— Видишь амбала у стойки бара? Вон того, что клеится к мочалке в зеленом платье? Ему сегодня точно набьют морду. А все потому, что он смазливый. Был бы уродом, ходил бы целый.

Чуть позже Ник блистательно подтвердил свою теорию практикой, расквасив этому парню нос за то, что тот обозвал его коротышкой. Впрочем, красавчик был не так уж не прав.

Ростом Ник не превышал и четырех футов. Зато у него были руки и плечи атлета. В приятельских состязаниях по армрестлингу Ник всегда выходил победителем. Голова у него была нормального размера. Портрет дополняли копна светлых волос, борода, голубые глаза и свернутый на правую сторону кривой нос, а еще — характерная ухмылочка, при которой обнажались редкие зубы (у него их оставалось пять-шесть), покрытые желтым налетом. От талии вниз он был весь перекручен. Родился Ник в семье, которая кишмя-кишела военными: отец его был генералом, и все братья и сестры, кроме одной, носили офицерские звания.

Ник вырос в окружении, где высоко ценилось военное искусство. Ник владел всеми видами оружия, какое ни назови. Он мог фехтовать, стрелять, ездить верхом, подкладывать взрывчатку, ломать доски и шейные позвонки ребром ладони, жить на необитаемом острове и многое другое. Но он проваливался на всех экзаменах

по физической подготовке, потому что был карликом. Я нанял Ника в охотники, чтобы он производил отстрел животных, появившихся на свет вследствие моих неудачных экспериментов. Он ненавидел прекрасное и все, что было крупнее его самого.

— То, что ты и я считаем красивым, ригелийцу может показаться отвратительным, и наоборот,—сказал я — Следовательно, красота — вещь относительная, и ты не имеешь права осуждать ее как абстрактное понятие, если...

— Бред сивой кобылы! — перебил он меня.—Значит, ригелийцы убивают, насилуют, грабят из-за того, что им кажется прекрасным. А все потому, что красота требует жертв.

— Тогда как же ты можешь возлагать вину на конкретные предметы?

— У вас есть контакты с ригелийцами?

— Да, а что?

— Пусть они сами растолкуют тебе, что к чему. И на этом — точка.

Тут смазливый парень, охмурявший потаскушку в зеленом платье, отошел от стойки и двинулся в туалет, а по пути зацепился за табурет, на котором сидел Ник, и обозвал его коротышкой. Что было дальше — вы уже знаете. Так кончился наш вечер.

Ник клялся, что встретит смерть на ходу, не разувая ботинок, где-нибудь в экзотическом сафари, но он нашел свой Килиманджаро в захудалой больнице на Земле, где ему починили все органы, но прохлопали быстротечную пневмонию, которую он в той же больнице и подцепил.

Было это примерно двести пятьдесят лет тому назад: за мной всегда тянется длинный шлейф воспоминаний.

* * *

В течение двух недель я имел возможность поразмышлять над тем, что я выяснил на Дрисколле, и привести себя в полную боевую готовность. Когда мой корабль вошел в систему Свободного Дома, я обнаружил неизвестное небесное тело, которое вращалось вокруг моей планеты. Это был спутник, и притом искусственный. Ситуация осложнялась.

Я послал кодированную радиограмму домой:

„Это что еще за штуки вопросительный знак“.

И получил ответ:

«Вам посетитель точка требует дать посадку точка отказано точка ждет разрешения орбите точка называет себя представителем Центрального Разведывательного Управления Земли точка».

Получив разъяснения, я вывел „Модель Т“ на орбиту, покрутился и стал снижаться.

Посадив звездолет и поиграв со встречающими меня зверушками, я пошел домой, где принял душ и содрал с себя личину Коннера, а затем переоделся к обеду.

Мне показалось, что какие-то веские причины заставили самое богатое и самое прижимистое правительство во Вселенной пойти на личную связь со мной и прислать ко мне на допотопной, разваливающейся межпланетной колымаге одного из мелких служащих, к тому же наверняка плохооплачиваемого.

Я собирался хотя бы накормить его как следует.

III

Мы с Льюисом Бриггсом сидели за большим столом, уставленным грязными тарелками, и смотрели друг на друга.

Из предъявленных мне документов следовало, что гость мой является агентом Центрального Разведывательного Управления Земли. Походил он на бритую обезьяну. Он был невелик ростом, тщедушен, и по виду его мне показалось, что его вот-вот вытурят на пенсию. В его глазах светилось любопытство. Представляясь мне, Льюис Бриггс слегка запинаясь от стеснения, но, пока мы обедали, он вполне освоился, и заикание как рукой сняло.

— Спасибо за прекрасный обед, мистер Сэндоу, — поблагодарил он. — А сейчас, если вы, конечно, не против, я хотел бы поговорить с вами о деле, ради которого я приехал.

— Тогда я предлагаю вам подняться наверх и подышать свежим воздухом. Там и побеседуем.

Мы встали из-за стола, и я повел его к лифту.

Через пять секунд лифт доставил нас на крышу, где был сооружен сад, и я указал Бриггсу на один из шезлонгов, стоявших под миндальным деревом.

— Ну как, нравится? — спросил я его.

Он кивнул и опустился в шезлонг. Смеркалось. Дул прохладный вечерний ветерок, — дышалось легко.

— Производит огромное впечатление, — восторгался гость. — Поразительная фантазия. Вы, наверное, удовлетворяете все ваши капризы?

— Садик, в котором мы с вами сейчас отдыхаем, тоже мой маленький каприз. Сверху крыша ничем не отличается от окружающего ландшафта, и дом практически невозможно обнаружить методами аэрофотосъемки.

— Ах, об этом я как-то не подумал!

Я предложил ему сигару, от которой он отказался. Сам я закурил и обратился к нему:

— Итак, какое дело привело вас ко мне?

— Не согласитесь ли вы вернуться на Землю вместе со мной и поговорить с моим шефом?

— Нет, — отказался я. — Я уже сотни раз отвечал на этот вопрос, и письменно, и устно. Земля раздражает меня, действует мне на нервы. Вот потому-то я и живу здесь. Земля чересчур бюрократична. Там слишком много народу и слишком много болезней. Земляне к тому же страдают разнообразными массовыми психозами: их столько развелось, что они не поддаются никакой классификации. Все, о чем ваш шеф хочет спросить меня, он может передать через вас, и я ему отвечу.

— Такие вещи обычно решаются на уровне глав отделов.

— Весьма сожалею, — ответил я. — Но если дело только в этом, я за свой счет пошлю на Землю кодированную курьерограмму.

— Ответ нам очень дорого обойдется, — испугался он. — Бюджет не позволяет, понимаете ли...

— Ах, Боже мой, какая ерунда! Я оплачу и ответ! Только пусть перестанут забрасывать меня письмами, следующими обычной почтой. Мне надоело наблюдать, как очередное ваше послание плюхается в корзинку для корреспонденции.

— Ради Бога, не надо! — В голосе у него появились нотки отчаяния. — Такого еще не случалось в нашей

практике! Представляете, сколько нужно будет затратить человеко-часов, чтобы подсчитать, какую сумму мы вам должны? Это невозможно!

В глубине души я горько оплакиваю тебя, матушка Земля, сожалея о разорительном для тебя расточительстве.

Когда появляется новое правительство, проникнутое патриотическими идеями, оно вначале процветает благодаря борьбе за незыблемые национальные границы. Затем приходит период затишья: люди мирно трудятся, каждый на своем месте. В это время создаются правящие слои и иерархическая структура,— да, именно так писал Макс Вебер¹. Он рассматривал бюрократизм как необходимую естественную эволюцию всех институтов власти и считал его положительным моментом. Что касается слов „необходимый“ и „положительный“, я бы после них поставил скобки, внутри написал бы „Боже мой!“ и поставил восклицательный знак. Потому что в судьбе всех бюрократических механизмов наступает такой момент, когда и они сами, и их функции становятся пародией на самое себя. Вспомните, что сделала с Кафкой австро-венгерская бюрократическая машина, или русская — с Гоголем. Они съехали с катушек,— бедняги!

Сейчас я смотрел на человека, которому удалось выжить, несмотря на то, что по нему проехала гораздо более хитроумная бюрократическая машина, когда он был еще в расцвете лет. Мне стало понятно, что ему посчастливилось уцелеть только благодаря тому, что его умственное и эмоциональное развитие было ниже среднего, что свидетельствовало о его духовном убожестве и неуверенности в себе. Или же он был сознательным мазохистом.

Эти среднеполюые бюрократические машины, выполняющие функции матери и отца и соединившие в себе самые худшие их черты, то есть плодовитость и авторитарность всезнающего вождя, всегда щадят своих недоносков.

Вот почему в глубине души я горько оплакиваю тебя, матушка Земля, глядя на пышный парад, называ-

¹ Макс Вебер (1864—1920) — немецкий социолог, историк, экономист, юрист.

емый „Время“: кривляясь, мимо проходят клоуны, но всем известно, что сердца их разбиты.

— Тогда вы сами задавайте мне вопросы, а я буду отвечать,— произнес я.

Он полез во внутренний карман и вытащил оттуда конверт, запечатанный множеством печатей, тщательно изучать которые я не стал.

— Мне было поручено передать вам этот пакет в том случае, если вы откажетесь лететь со мной на Землю.

— А если бы я согласился, что бы вы с ним сделали?

— Вернул бы моему шефу. Такова инструкция,— отчеканил он.

— А я получил бы конверт из его рук?

— Возможно,— согласился он.

Вскрыв конверт, я вынул оттуда одинарный лист бумаги и поднес его поближе к глазам, так как сумерки сгушались. На листочке было перечислено шесть имен,— и больше ничего. Читая список, я старался не выдать свое волнение.

Там значились имена тех людей, которых я когда-то любил или ненавидел: теперь каждое можно встретить только в заплесневелых от сырости поминальных книгах.

Все шестеро были изображены на фотографиях, которые я недавно держал в руках.

Выпустив изо рта клуб дыма, я положил листок обратно и бросил конверт на столик между нами.

— Что это значит? — спросил я, помолчав.

— Есть предположение, что они живы,— сообщил он.— Я настоятельно прошу вас уничтожить послание при первой же возможности.

— Отлично,— вздохнул я.— А почему вы считаете, что они живы?

— Украдены пленки памяти.

— Но как?

— Мы не знаем.

— А зачем?

— Мы тоже не знаем.

— И вы приехали ко мне?..

— Вы — связующее звено. Больше никого нет. Только вы были знакомы с каждым из них.

Сначала я не поверил ему, но виду не подал. Пленки памяти — единственное сокровище во Вселенной, кото-

рое я всегда считал недостижимым; хранят их тридцать дней, а затем уничтожают. Когда-то я пытался добыть одну кассету — но безуспешно: охранники были неподкупны, и к тайникам было не подобраться.

Отчасти поэтому я перестал посещать Землю. Мне неприятна была мысль о том, что на меня в обязательном порядке нацепят запоминающую пластину, пусть даже временную. Землянам закон предписывает носить такую пластину, имплантированную при рождении; им запрещается снимать ее, пока они остаются обитателями планеты. Каждый, кто приезжает на Землю даже с краткосрочным визитом, включая туристов, обязан носить такую штуковину.

На пластине регистрируется электромагнитная матрица нервной системы человека, то есть производится запись непрерывно меняющегося потока человеческого существования, каждый срез которого так же уникален, как отпечаток пальца. Основная функция пластины — фиксация данных; они передаются на пленку в момент смерти человека, когда делается последний срез.

Смерть — спусковой крючок, душа — пуля, прибор — цель.

О, сколь сложен этот прибор!

Как только наступает смерть, данные с запоминающей пластины немедленно переписываются на пленку, и все, что осталось от человека: его мысли, страсти, надежды — попадает в кассету весом не более унции, которая легко умещается на ладони. Через месяц запись стирают. Такие вот дела.

Однако в исключительных случаях (за последние столетия их по пальцам можно перечесть) с пленками поступают иначе: их берегут до определенного момента. Причина сохранения пленок (что обходится безумно дорого) заключается в следующем: на планете Земля есть полезные личности, умирающие внезапно, в самом расцвете сил. Они уходят и уносят с собой знания, остро необходимые для развития национальной экономики, науки и техники, оборонной промышленности. Вся запоминающая система настроена на сохранение информации, которой они владеют. Но ни один, даже самый хитроумный аппарат не может извлечь из матрицы информацию с требуемой полнотой. Вот почему в специальных морозильных камерах хранится тканевая культура каждого носителя запоминающей пласти-

ны, которая сохраняется вместе с пленками памяти в течение тридцати дней, а затем, как правило, подлежит уничтожению. Если требуется воссоздать какого-нибудь гения с целью извлечения информации, его тканевую культуру опускают в РУР (резервуар ускоренного роста) и получают новый организм, как две капли воды похожий на оригинал. К девственному мозгу, не отягощенному никакими фактами, подключают пленку, и готовая матрица личности проецируется на чистое, незамутненное сознание двойника. Человек из пробирки приобретает те знания, мысли, чувства, которыми его прототип обладал к моменту смерти. Теперь новое существо может и должно поставлять ценную информацию, генерировать идеи и прочее,—одним словом, выполнять те функции, ради которых по решению Мирового Конгресса ему была дарована еще одна жизнь.

В Далласе есть специальное хранилище для кассет с пленками памяти, занимающее площадь около одной квадратной мили. Каждая единица хранения с грифом „Совершенно секретно“ надежно охраняется.

— Вы считаете, что пленки украл я?

Бриггс отвел глаза в сторону, закинул ногу на ногу.

— Вы не можете не признать, что прецедент уже был: поэтому мы вправе ассоциировать пропажу кассет с вами.

— Да, но это не я.

— Вы также не можете не признать, что против вас было возбуждено уголовное дело по обвинению в подкупе ответственных лиц с целью приобретения пленки памяти вашей первой жены, Кэтрин?

— Поскольку процесс получил общественную огласку, я ничего не отрицаю. Но тогда суд постановил, что я невиновен.

— Верно. Репутация у вас сомнительная, но вы достаточно богаты, чтобы нанять себе хороших адвокатов. Тем не менее даже вам не удалось в тот раз достать пленку. Она была украдена позже, и прошло много лет, прежде чем пропажа была обнаружена. Запись не была стерта своевременно. Прямых улик во второй раз против вас не было. И преследовать вас по законам Земли мы не могли, потому что вы жили на другой планете. К вам было *никак* не подобраться.

Я усмехнулся, отметив ударение на слове „никак“: между прочим, у меня тоже есть своя шпионская сеть.

— А что, по вашему мнению, я сделал бы с пленкой, если бы мне удалось ее заполучить?

— Вы состоятельный человек, мистер Сэндоу. Вам по карману заказать дубликат оборудования для восстановления личности. А при ваших знаниях...

— Признаюсь вам честно: у меня была такая мысль. Но пленку достать мне не удалось, и идея погибла в зародыше.

— Тогда как вы объясните исчезновение других кассет с пленками памяти? За последние столетия было совершено несколько краж, в том числе пропали пленки тех, кто были вашими друзьями или врагами.

— Я вам ничего не должен объяснять. Я не обязан отчитываться перед вами за свои поступки. Но я еще раз говорю вам: я ничего не крал. Пленок у меня нет и не было, и я знать не знаю, где они сейчас. Более того, до сего момента я и понятия не имел, что они пропали.

О Боже мой! Шесть кассет!

— Допустим, вы говорите правду,— сказал Бриггс.— Тогда не могли бы вы сообщить нам, кто, по вашему мнению, мог настолько заинтересоваться вашими знакомыми, чтобы пойти на такие крайности?

— Нет, не могу,— сухо ответил я, а перед моими глазами стоял Остров мертвых. Я должен был выяснить, там ли они.

— Я считаю необходимым заявить,— продолжал Бриггс,— что дело об исчезновении кассет не будет закрыто до тех пор, пока нам не будет известно их местонахождение.

— Понятно,— кивнул я.— Скажите, пожалуйста, сколько у вас незакрытых дел о краже кассет?

— Это неважно,— отмахнулся он.— Главное — принцип. Мы никогда не прекращаем поиски.

— Как я понял, таких случаев у вас полным-полно. Кражи стали типичным явлением.

— Так вы не хотите сотрудничать с нами?

— Что значит „не хочу“? Не могу. Мне нечего вам сказать.

— Вы полетите со мной на Землю?

— Зачем? Чтобы услышать то же самое от вашего шефа? Передайте ему мои извинения. Скажите, что я сожалею о том, что ничем не могу вам помочь.

— Ну, что ж. Мне пора собираться. Еще раз спасибо за обед.— Бриггс встал.

— Вы могли бы переночевать здесь: я вас хорошо устрою. Перед путешествием надо крепко выспаться.

Гость покачал головой.

— Благодарю вас, но остаться никак не могу. Мне платят суточные, и я должен дать отчет за каждый рабочий день.

— А как рассчитываются командировочные за время, проведенное в субпространстве?

— Сложный вопрос,— уклонился он.

* * *

Я ждал письма. Вместо почтальона у меня есть большой аппарат, вроде факса, который принимает сообщения, передаваемые на Свободный Дом с помощью лазера, печатает их и в виде писем передает Секретарю-Референту, который сортирует корреспонденцию и складывает ее в корзинку для бумаг.

Времени я даром не терял: готовился к отъезду на Иллирию. От Бриггса я не отходил ни на минуту. Я проводил его до трапа корабля и по монитору проследил, как он покинул пределы моей системы.

Я не сомневался, что либо он сам, либо его шеф еще попадутся на моем пути, если мне удастся выяснить, куда подевались пленки, и завладеть ими. Однако мне было ясно, что тот, кто заманивал меня на Иллирию, вряд ли подстроил ситуацию так, чтобы подозрение в краже пало на меня. Вся моя подготовка к поездке сводилась к выбору оружия. Перебирая свой смертоносный арсенал, я неотвязно думал об украденных пленках памяти.

Безусловно, Бриггс был прав: только богатому человеку по средствам заказать дубликат дорогостоящего оборудования для воссоздания личности. Конечно, такая работа потребует ряда научных исследований и разработки новых методик.

Я искал похитителей среди моих соперников. Дуглас? Нет, не он. Меня он ненавидит, но вряд ли будет прибегать к столь трудоемким ухищрениям, чтобы отомстить мне. Креллсон? От этого типа всего можно ожидать,— неспроста я постоянно держу его под прожектором. Но он слишком мелкая сошка для аферы такого масштаба. Леди Квойл с Ригеля? Да она в ма-

разме! Всеми делами в империи заправляют ее дочечки, которые ни за что не раскошелятся на такую грандиозную авантюру,— уж их-то я хорошо знаю.

А кто тогда?

В ожидании вестей с Мегапей я прослушал все записи моего автоответчика, но ничего нового не обнаружил. Тогда я послал курьерограмму в Центральное Управление Регистрации Межпланетной Корреспонденции, коротко ЦУРМЕК, чтобы они посмотрели, нет ли сообщений из интересующего меня региона.

Письмо от Марлинга в ответ на мое послание с Дрисколла опередило курьерограмму из ЦУРМЕКа. В нем было всего несколько слов:

„Немедленно приезжайте на Мегапей“.

И больше ничего. Ни одной традиционно цветистой, пышной фразы, характерной для пейанского эпистолярного стиля. Только голая информация. В лоб. Верный признак того, что дело срочное. Либо Марлингу стало резко хуже, либо, наведя справки по моей просьбе, он напал на чей-то след.

Договорившись, что известия из ЦУРМЕКа мне перешлют на Мегапей, я тотчас отправился в путь.

О Мегапей, Мегапей, Мегапей!

IV

Мегапей. Если вы хотите умереть спокойно, подыщите себе уединенное местечко, как это сделали пейане. Я считаю, что они поступили мудро. Мне рассказывали, что планета, когда ее впервые открыли, выглядела пустынной и заброшенной, но пейане обустроили ее специально, памятуя о смерти.

В поперечнике Мегапей составляет семь тысяч миль; два больших континента располагаются в северном полушарии, а три поменьше — в южном. Самый большой материк похож на вытянутый шербатый заварной чайник с отбитой сверху ручкой, — он как будто поднят для разлива чая; другой похож на обглоданный лист плюща, у которого прожорливые гусеницы сгрызли северо-западный край. Два континента отстоят друг от друга на расстоянии восьмисот миль, причем черенок изъеденного листа наклонен под углом в пять градусов

к линии экватора. По размерам „заварной чайник“ никак не меньше Европы.

Все три континента южного полушария похожи на континенты: иными словами, у каждого есть изрезанная серо-зеленая береговая линия, отделяющая сушу от кобальтового моря. Они мне ничего не напоминают. Кроме того, на Мегапее есть несколько крупных островов и бесчисленное множество мелких. Температура на планете умеренная, так как северный и южный полюса недалеко отстоят от экватора. Все материки обрамлены цветущими побережьями и живописными горами. Можете себе представить, какая благодать на этой земле! Пейане сами это сделали, своими собственными руками.

Больших городов на планете нет. Городок под названием Мегапей расположен на побережье материка Мегапей, что находится на планете Мегапей. (Материк Мегапей и есть не что иное, как изжеванный гусеницами лист плюща.) Расстояние между пейанскими поселениями не превышает одной мили.

Я дважды облетел планету, так как мне было приятно полюбоваться на изумительное творение пейан. В шедевре, ими созданном, я не нашел ни единого изъяна. В древнем искусстве созидания они всегда были и будут моими непревзойденными учителями.

Я погрузился в воспоминания о тех днях, когда я был молод и счастлив (слава, богатство, ненависть пришли позже). Тогда население всей Мегапей составляло около миллиона жителей. Я мог затеряться, поселившись здесь. Но остаться здесь навсегда? Нет, это не для меня. Пока не для меня. А помечтать о другой жизни — не грех.

Сделав два круга по орбите, я вошел в слои атмосферы, и спустя несколько минут ветер уже свистел у меня в ушах, цвет неба резко менялся от индиго-синего до лилового, и вскоре я парил в чистой, прозрачной лазури, наравне с пушистыми перистыми облаками, плывшими в никуда, между бытием и небытием.

Площадка, на которую я посадил свой звездолет, была одним из задних дворов поместья Марлинга. Включив системы безопасности на корабле, я, с дипломатом в руках, направился к башне, где обитал мой друг. Ходу туда было не более мили.

Шагая по знакомой дороге, затененной широколиственными деревьями, я легонько свистнул: мне сразу

же отозвалась какая-то птичка. Я чувствовал запах моря, хотя пока его не было видно. Все вокруг было так, как и прежде, как в те дни, когда я взялся за непосильную задачу и бросил вызов богам, надеясь только на их забывчивость, но натолкнулся на нечто совсем иное.

Воспоминания внезапно вспыхивали в моем мозгу, как захватанные слайды — под лучом проектора, когда на пути к Марлингу мне поочередно попадались то огромный, замшелый валун, то гигантское дерево-Покровитель, то *криббл* (похожее на борзую существо размером не меньше лошади, бледно-сиреневого цвета, напоминавшего оттенком горную лаванду, с длинными ресницами и хохолком розовых перьев на голове), который при виде меня быстро унесся прочь, то желтый парус на море, неожиданно открывшемся моему взору, затем мол, врезавшийся в бухту, и, наконец, башня Марлинга, построенная задолго до моего рождения, — массивная, суровая громада, возвышающаяся над плеском волн и вонзающаяся, как острый зуб, в небесную синь.

Пробежав последнюю сотню ярдов, я постучался в резные ворота под аркой, ведущие в маленький внутренний дворик.

Минуты две спустя ко мне вышел молодой незнакомый пейанин и молча принялся рассматривать меня, стоя по другую сторону ограды. Я заговорил с ним попейански.

— Меня зовут Фрэнсис Сэндоу, — представился я. — Я приехал повидаться с Дра Марлингом.

В ответ молодой пейанин отворил ворота и распахнул створки настежь. Только после того, как я прошел внутрь (таков пейанский обычай), он приветствовал меня.

— Добро пожаловать, Дра Сэндоу. Дра Марлинг примет вас после того, как колокол возвестит о начале прилива. Покорнейше прошу следовать за мной: я провожу вас в комнату, где вы сможете отдохнуть с дороги, и принесу вам поесть.

Поблагодарив слугу, я стал подниматься вслед за ним по винтовой лестнице.

Я наскоро перекусил в той комнате, куда меня привел пейанин. До прилива оставалось не менее часа, поэтому я закурил сигарету, высунулся из широкого,

приземистого окна у моей кровати и, оперевшись локтями на серый жесткий подоконник из армированного пластика, принялся изучать океан.

Как может нравиться такая жизнь? — спросите вы. Ведь пейанская раса умеет делать такое, что никому и не снилось, а сам Марлинг обладает способностью созидания миров! Ну и ну! Только захоти — и Марлинг мог бы стать в сотни раз богаче, чем я и Бейнер, вместе взятые. Но вместо этого он предпочел башню на скале над морем и лес за ней, твердо решив обосноваться здесь до конца своих дней. Я не усматриваю никакой высокой идеи в его поступке, вроде удаления от мира, перенаселенного сверхцивилизованными расами, неприятие общества себе подобных, как такового, и так далее. Любое допущение вроде названных выше слишком примитивно. Марлинг жил здесь потому, что так хотел, — и все тут. Как говорят, „мой дом — моя крепость“. Крепости у нас разные, но мы с Марлингом — родственные души. Он первым почувствовал сходство наших натур, хотя я до сих пор никак не могу понять, каким образом ему удалось распознать колоссальную силу, дремавшую в усталом бродяге, случайно оказавшемся у его порога сотни лет тому назад.

Мне надоело шататься по белу свету: бег времени пугал меня, и я отправился искать утешения и поддержки к самой древней расе во Вселенной. Мне даже трудно объяснить вам, какой сильный страх я испытывал в те годы: ужасно видеть, как все вокруг тебя умирает. Вам, наверно, не знакомы подобные чувства. Вот поэтому-то я и поехал на Мегапею. Ну что, рассказать вам о себе? Почему бы и нет? Можно попробовать, тем более что я все равно жду, пока прозвонит колокол.

Я родился на планете Земля, в середине XX века, в тот период развития человечества, когда оно начисто отказалось от всех запретов и табу, налагаемых обычаями и традициями; в первый момент люди вздохнули с облегчением, но быстро смекнули, что ни черта они от этого не выиграли. Мертвецы все так же хоронили своих мертвецов, а живые все так же решали вечные проблемы жизни и смерти, — только теперь их преследовала мысль, что Мальтус был прав.

Я кончил второй курс уже не помню какого высшего учебного заведения, но бросил учебу и пошел служить

в армию вместе со своим младшим братом, выпускником школы. Так я попал на Токийский залив. Отслужив, я вернулся в институт, доучиваться на инженера, но решил, что делаю большую ошибку. Снова бросил учебу и вскоре засел за книги, чтобы поступить в медицинский колледж. Походя, без особых усилий, я изучил многие предметы и, получив степень магистра биологии, серьезно занялся экологическими вопросами.

В 1991 году мне исполнилось двадцать шесть лет. Отец мой умер, мать вышла замуж во второй раз. Я влюбился в одну девушку, сделал ей предложение, получил от ворот поворот и с горя завербовался в космонавты для одного из первых межпланетных полетов. Я шел по зеленому свету, так как имел разностороннее академическое образование. Для полета меня заморозили на сто лет. Целью нашего назначения была планета Бертон, где планировалось основать земную колонию. Примерно год спустя после прибытия я поймал какую-то местную заразу, которую никто не умел лечить, — даже названия ей еще не придумали. Меня снова заморозили в холодильнике до тех пор, пока не найдут методов лечения неизвестной болезни. Я провалялся в морозилке еще двадцать два года.

Очнувшись, я увидел перед собой незнакомый мир. Пока я спал, на планету прибыло еще восемь космических кораблей с колонистами. Четыре штуки прибыли за последний год, но из них на Бертоне оставалось только два. Остальные собирались совершить перелет в еще более отдаленную от Земли систему, чтобы основать там новую колонию. Мне удалось заполучить должность на одном из кораблей, перекупив место у колониста, который струсил и сошел с маршрута на втором этапе пути. Подобная удача выпадает лишь раз в жизни, — по крайней мере, тогда я думал именно так, и поскольку я позабыл и лицо, и имя девушки, заставившей меня сделать первый шаг, мое стремление идти вперед было продиктовано природным любопытством, а также тем фактом, что пространство, в котором я обитал, было уже завоевано, а, значит, вместе с ним был завоеван и покорен я сам.

Сто двадцать пять лет я провел в анабиозе, пока наш корабль не прибыл к цели своего назначения, и, надо сказать, местная обстановка мне совсем не понравилась. Не прошло и восьми месяцев, как я при-

соединился к долгосрочной экспедиции на планету Бифрост,— для перелета требовалось двести семьдесят шесть лет. Тогда это был самый дальний пункт, куда ступала нога человека, и, доберемся мы туда или нет, было весьма проблематично. Бифрост — планета с удручающе мрачным пейзажем,— он пугал меня, наталкивая на мысль, что быть колонистом вовсе не мое призвание. Я удрал оттуда, совершив еще один межзвездный бросок, но было уже слишком поздно. Все отдаленные уголки Вселенной были заселены людьми, вошедшими в контакт с инопланетянами. Космические полеты занимали не более недели, ну, в крайнем случае, месяц, а не столетие, как раньше. Смешно, правда? И я так считаю. Со мной сыграли глупую шутку. К тому же мне дали понять, что я — самый древний человек во Вселенной, ископаемое, пережившее самое себя, единственный представитель XX века. Мне много рассказывали про Землю. Даже фотографии показывали. Теперь мне было не до смеха, потому что Земля стала совсем другой. Внезапно на меня нахлынуло одиночество. Все знания, которые я приобрел в высшей школе, оказались анахронизмом, средневековыми представлениями. Что мне оставалось делать? Искать свое „я“. Я снова сел за парту и обнаружил, что еще не утратил способности воспринимать новое, хотя меня все время не покидал страх: я чувствовал себя не в своей тарелке.

Как-то я краем уха услышал, что только одна штука на свете может спасти меня, дать возможность зацепиться за Время, найти свое место в жизни, чтобы не считать себя Последним из Могикан, случайно затесавшимся в толпу на Бродвее, а обрести могущество, стать сильнее всех обитателей того странного мира, в который я попал волею судеб. Я узнал о пейанах — недавно открытой людьми расе, для которой все чудеса XXVII века, включая новейшие методы лечения болезней (а я, как дурак, угробил два столетия своей жизни, ожидая в морозилке, пока их разработают!) казались историей древнего мира.

В полубезумном состоянии я приехал на Мегапёю, Мегапёю, Мегапёю, пошел куда глаза глядят, увидел башню, постучался в ворота и, подождав, пока мне ответят, попросил:

— Возьмите меня к себе в ученики.

Так, сам того не зная, я попал к Марлингу, Великому Марлингу, одному из двадцати шести Носителей Имени.

Раздался звон колокола: начался прилив. За мной пришел молодой пейанин и по винтовой лестнице повел меня вверх. Слуга вошел в комнату, и я услышал голос Марлинга, ответившего ему.

— Вас хочет видеть Дра Сэндоу,— сообщил пейанин.

— Проси его войти.

Молодой пейанин вышел из комнаты и поклонился:

— Прошу пожаловать.

— Благодарю вас.

Я вошел в комнату.

Марлинг сидел ко мне спиной, глядя из окна на море. Я знал, что увижу его именно в такой позе. Три высоких стены его веерообразной комнаты были окрашены в блекло-зеленый цвет, напоминавший нефрит; одна стенка была оборудована откидным столом на консоли, покрытым слоем пыли. Рядом с низенькой, узкой и длинной койкой аскета стояла вечная тумбочка, которую столетиями украшала оранжевая фигурка рогатого дельфина, застывшего в прыжке.

— Добрый вечер, Дра,— поздоровался я.

— Подойди сюда и встань так, чтобы я мог хорошо видеть тебя.

Я обогнул стул, на котором сидел Марлинг, и встал перед ним. Мой учитель похудел, кожа потемнела.

— Ты быстро приехал,— отметил он, скользя глазами по моему лицу.

Я кивнул.

— Вы написали „приезжай немедленно“.

Марлинг издал дребезжащий звук, переходящий в шипение,— так смеются по-пейански,— и спросил:

— Как ты относишься к жизни?

— С почтением и страхом.

— Над чем работаешь?

— То одним занимаюсь, то другим.

— Садись.

Он указал мне на скамью, шедшую вдоль окна, и я выполнил его приказ.

— Я получил несколько фотографий,— сказал я.— На них — мои знакомые, которые умерли на Земле много лет тому назад. А недавно я узнал, что пропали

их пленки памяти,— кто-то украл, наверное. Значит, все они живы. А потом мне пришло вот это.

Я протянул Марлингу письмо с подписью: „Грин-Грин“. Поднеся записку поближе к глазам, он медленно прочитал ее.

— Ты знаешь, где находится Остров мертвых?

— Да. На планете, которую я создал.

— Ты едешь туда?

— Да, я должен.

— Твой Грин-Грин, как мне кажется, это Грин-Грин-тарл из Дилпеи. Он тебя ненавидит.

— Но за что? Я даже не знаком с ним.

— Это неважно. Ты наносишь ему оскорбление своим существованием, и, естественно, он хочет отомстить тебе за обиду. Печально, но факт.

— Согласен с вами. Еще печальнее будет, если он преуспеет в своих начинаниях. Но как мое существование может оскорблять его чувства?

— Ты — единственный чужеземец среди Великих Носителей Имен. Раньше считалось, что только пейанину под силу овладеть тем мастерством, которым владеешь ты,— между прочим, не всякому пейанину даны такие способности. Грин-Грин прошел полный курс обучения. Он должен был стать двадцать седьмым Великим, но провалился на последнем экзамене.

— На *последнем* экзамене? А мне казалось, что это — пустая формальность.

— Для кого формальность, а для кого и нет. Итак, после полувека стажировки у Делгрена из Дилпеи он не смог подтвердить свою квалификацию мастера. Но он многому у него научился. Грин-Грин часто говорил с обидой, что последний из принятых в клан Великих даже не пейанин. Вскоре он покинул Мегапею. Естественно, обладая такой ученостью, Грин-Грин вскоре разбогател.

— А как давно это было?

— Лет семьсот тому назад. Ну, может быть, шестьсот.

— Значит, все это время он ненавидел меня и готовился к мщению?

— Да. Спешить ему было некуда, а хорошая месть требует тщательной подготовки.

У меня всегда возникает чувство неловкости, когда я слышу подобные рассуждения из уст пейан. Они —

рафинированные интеллигенты, но тем не менее идея мщения вошла в их плоть и кровь, стала целью жизни. Может быть, поэтому пейанская раса столь малочисленна? Некоторые из них ведут специальные дневники, куда они вносят досконально выверенные списки тех, кому следует отомстить. Там же они вычерчивают схемы, на которые наносятся пути следования и перемещения тех, кого они собираются наказать. Там же пишутся подробные отчеты о ходе подготовки мщения. Месть для пейанина — ничто, если она не превращена в искусно разработанную поэтапную акцию, детально продуманный план, который реализуется лишь постепенно; окончательное возмездие настигает обидчика лишь много лет спустя после нанесенного им оскорбления, и месть осуществляется с дьявольской жестокостью. Мне объяснили, что самая сласть для них — в предвкушении мести. А смерть, безумие, унижение их жертвы как результат для них вторичны. Марлинг однажды признался мне, что у него есть три дела, которыми он занимается уже более тысячи лет, и это еще не рекорд. Таков их образ жизни, — тут уж ничего ни убавить, ни прибавить. И он их устраивает. Они носятся со своим детищем, обсасывая детали со всех сторон, и, когда работа у пейан не клеится, утешаются тем, что лелеют коварные замыслы, трепетно и скрупулезно выстраивая свою теорию, каждая ступень которой — их маленький триумф, ведущий к заветной цели. Когда наступает кульминация и наконец опускается занесенный меч, пейане испытывают эстетическое наслаждение, имеющее, пожалуй, мистическую подкладку. Детей обучают науке мщения с раннего возраста, но подлинного совершенства они достигают лишь к глубокой старости. Мне пришлось поспешно осваивать эту систему, и в некоторых изощренных вопросах я до сих пор чувствую себя неуверенно.

— Что же вы предлагаете делать? — спросил я.

— Поскольку бессмысленно пытаться уйти от мщения пейан, — ответил мне Марлинг, — я бы посоветовал тебе немедленно разыскать Грин-Грина и бросить ему вызов. Пригласи его на прогулку по тайникам души. А на дорогу я тебе дам свежие корни *глиттена блестящего*.

— Благодарю вас. Правда, вы знаете, что мщение — не мой конек.

— Ничего страшного, тут все просто. Один из вас должен умереть, и проблема будет решена. Лишь бы он только принял вызов,— тогда тебе нечего бояться. Если ты умрешь, мои пейане отомстят за тебя.

— Спасибо, Дра.

— Не за что.

— А какое отношение Грин-Грин имеет к Белиону?

— Белион в союзе с ним.

— Как?

— Они вступили в сговор.

— А дальше что?

— Больше я ничего не знаю.

— А как Белион отнесется к идее прогулки?

— Тоже не знаю.

Марлинг отвернулся и сказал:

— Давай лучше посмотрим, как прибывает вода.

Прошло не менее получаса, прежде чем он снова заговорил.

— Ну, вот и все,— заключил он.

— Вода больше не поднимается?

— Нет.

Небо темнело, и вскоре парусов не стало видно. Я слышал гул моря, вдыхал его запах, издали ощущая, как черный гигант, весь в отблесках звезд, тяжело перекачивается с боку на бок. Я ждал крика птицы, и она прокричала из мрака.

Что-то забрезжило на периферии моего сознания, как будто я узнавал давно забытые вещи, которые, впрочем, мне никогда не были понятны до конца.

Большое Дерево поникло, померкла Долина Теней, и Остров мертвых казался мне лишь брошенным в воду камушком, который сразу же булькнул на дно, не оставив даже кругов на поверхности.

Я почувствовал себя одиноким, беспредельно одиноким. Мне было заранее известно, какие слова я услышу от Марлинга. Минуту спустя я услышал то, чего ждал.

— Проводи меня этой ночью,— сказал Марлинг.

— Дра...

Молчание.

— Это произойдет сегодня ночью? — спросил я.

Молчание.

— А в ком теперь будет жить Лоримель Многорукий?

— Он, как всегда, перейдет в счастливое небытие и вернется, когда придет его время.

— У вас есть долги?

— Я вернул свои долги.

— А как насчет врагов?

— Им я тоже уплатил сполна.

— Вы раньше говорили о конце пятого сезона будущего года.

— Обстоятельства изменились.

— Я вижу.

— Мы проведем ночь в приятной беседе, о сын Земли, и я смогу передать тебе последние тайны мастерства до рассвета. Сядь со мной.

Я расположился у его ног, как в те дни, которые уже подернулись дымкой в моей памяти,— тогда, правда, я был намного моложе. Он заговорил, а я слушал, закрыв глаза.

Марлинг знал, что делал, и знал, чего хотел. Но от его уверенности мне было и страшно, и печально. Он избрал меня в проводники. Я должен был стать последним живым существом, которое он увидит. Мне, землянину, была оказана высочайшая честь, и я ее не стоил. Я не использовал всех тех знаний, которые он дал мне. Я натворил множество дурных дел, от которых можно было воздержаться. Он знал про меня все. И мои поступки не имели для него никакого значения. Выбор пал на меня. Он был единственным во всей Вселенной, кто напоминал моего отца, скончавшегося тысячу с чем-то лет тому назад. Он простил мне все мои прегрешения.

Страх и печаль...

Почему сейчас? Почему он выбрал именно это время?

Потому, что другого времени у него не было.

По мнению Марлинга, я затеял предприятие, из которого вряд ли смогу вернуться живым. Наша встреча могла оказаться последней.

О всемогущий! О тебе скорбя,
Я в ночь пойду сопровождать тебя.

Хорошие строки. Их мог бы породить Страх, а не Знание. Впрочем, если хорошенько подумать, у них много общего.

Ну, про Страх уже все сказано. А о Печали мы

не говорили. Это было бы неуместно. Мы немного поболтали о мирах, которые мы создали, о городах, построенных и заселенных нами, обо всех науках, что нужно изучить для магии превращения неживой материи в живую, и, конечно, мы говорили об искусстве. Игра в экологию гораздо более изысканная, чем игра в шахматы, и она неподвластна компьютерной формализации: ее проблемы скорее относятся к области эстетики, чем к научной сфере. Несомненно, шарики-ролики должны быстро крутиться в нашей черепной коробке скоростей с семью входными-выходными отверстиями, но определяющим фактором в данной игре становится полет фантазии, чаще всего называемый вдохновением.

Пока мы с Марлингом толковали о вдохновении, с моря подул сильный ветер,— в комнате стало сыро и промозгло. Мы озябли, и мне пришлось закрыть окно и растопить камин, огонь в котором взвился, как священное пламя,— наверно, потому, что в морском воздухе было много кислорода. Немые картины того вечера, которые видели мы оба, теперь хранятся только в моей памяти, и они уже далеки от меня: между нами легло Пространство и Время.

— Путешествие окончено,— сказал Марлинг, и через минуту забрезжил рассвет.

С первыми лучами солнца он вручил мне корни *глистена блестящего*, немножко посидел, и мы занялись последними приготовлениями.

Три часа спустя я позвал слуг и велел им нанять плакальщиков, а также отослать в горы специальный отряд, чтобы они вскрыли для погребения фамильный склеп. С помощью аппаратуры Марлинга я разослал сообщения о его смерти двадцати пяти Великим, а также тем, кого мой учитель считал своими друзьями, включая знакомых и родственников, которых по желанию покойного следовало пригласить на похороны. Подготовив к погребению старое, темно-зеленое тело — оболочку, в которую был заключен Марлинг, я спустился на кухню, позавтракал, закурил сигару и отправился на залитый солнцем берег моря, где, сидя на песке у тихой бухты, пускал колечки, наблюдая за яркими, багряно-желтыми парусниками, пересекавшими горизонт.

Я пребывал в оцепенении,— лучшего слова не под-

берешь. Я бывал в его доме и раньше, и каждый раз, когда я расставался с Марлингом, к горлу подкатывал комок, душа саднила от щемящего чувства утраты.

Я хотел бы испытывать печаль или хотя бы страх, но не ощущал ничего, кроме пустоты. Даже гнев улегся. Я понимал, что чувства придут позже, — значит, пока не время. Наверно, я либо слишком молод, либо слишком стар.

Почему сегодня день такой ясный и волны пенятся, искрясь? Почему свежий ветер, напоенный морской солью, дует мне в лицо, а из леса, подобное звукам музыки, доносится пение птиц? Нет, природа не способна на сострадание, что бы там ни утверждали поэты. Только люди порой проявляют интерес к тем, кто навсегда закрывает за собой дверь. Я останусь на Мегапее, Мегапее, Мегапее и буду слушать литанию в честь Лоримеля Многорукого, исполненную на древних флейтах, и мелодия поплывет над планетой, укутает ее, как покрывало статую. Затем Шимбо вновь поднимется в горы, возглавляя похоронную процессию, а я, Фрэнсис Сэндоу, буду наблюдать, как откроют склеп, обнажив серо-буро-черный провал, и замуруют тело Марлинга. После похорон я останусь здесь на несколько дней, чтобы проследить за исполнением последней воли покойного, а затем отправлюсь далее, по своим делам. Если исход будет плачевным — что ж, такова судьба.

Ну, хватит ночных мыслей в утреннюю пору. Я встал и вернулся в башню.

Шимбо давал о себе знать все последующие дни. Как сквозь сон, я вспоминаю грозовые раскаты. Гремел гром, пели флейты, молнии вычерчивали причудливые иероглифы над горами, на фоне дождевых туч. В те дни природа плакала, а Шимбо дергал за веревку, раскачивая колокол. Я вспоминаю зелено-серую процессию, вившуюся змейкой по лесной тропе до того места, где деревья кончались и мягкая земля переходила в каменистую почву. В головном уборе Великого Носителя Имени, с завязанными черным платком глазами, я шел следом за поскрипывающим катафалком. На плечах у меня лежала темная, с подпалинами, траурная шаль, а в руках я нес маску Лоримеля. Никогда больше не вспыхнет пластина с изображением Многорукого в пейзажных храмах, пока кому-нибудь не присвоят имя Бога. Я знал, что во время совершения печального

обряда лик Лоримеля сиял во всех пейанских святилищах Вселенной. Затем последняя дверь захлопнулась, оставив позади себя серо-буро-черный провал.

Правда, похоже на ночной кошмар?

После того как все кончилось, я, в соответствии с местными обычаями, целую неделю не выходил из башни, соблюдая пост и оставаясь наедине со своими мыслями.

Пока я сидел взаперти, ко мне через Свободный Дом пришло сообщение из ЦУРМЕКа. Я не стал читать его до истечения недельного срока.

Ознакомившись с посланием, я выяснил, что на Иллирии появился новый хозяин — фирма „Грин и компания. Разработка полезных ископаемых“. Еще до наступления вечера мне удалось установить, что глава фирмы — Грин-Грин-тарл, бывший житель Дилпеи, ученик Делгрена из Дилпеи, Великого Носителя Имени Бога Клайса, Чьи Уста Порождают Радугу.

Я позвонил Делгрону и договорился с ним о встрече на следующий день. Траурный пост был окончен. Я наконец поел и уснул крепким сном. Если мне и снилось что-то, то я ничего не помню.

* * *

Малисти не удалось напасть на след: на Дрисколле он никого не обнаружил. Делгрэн из Дилпеи мало чем был полезен: он не видел своего ученика несколько столетий. Он туманно намекнул мне, что Грин-Грина ожидает сюрприз, если тому вздумается вернуться на Мегапею. (Интересно, совпадали ли наши намерения?)

Как бы то ни было, для меня данные обстоятельства уже не имели значения. Мое время на Мегапее истекло.

Я завел двигатели „Модели Т“, взмыл в небеса и, покинув планету, устремился вперед, пока Время и Пространство не сгустились в пространственно-временной комок.

Полет продолжался.

* * *

Я сам себе произвел местную анестезию и, сделав надрез на среднем пальце левой руки, имплантировал в мякоть лазерный кристалл на пьезоэлектрической подкладке, стянул края ранки и приложил к ней заживитель на четыре часа: на пальце даже шрама не

осталось. Если мне придется воспользоваться этой штукой, боль будет адская, кожу на подушечке разорвет в клочки. Нужно только повернуть руку ладонью вверх, сжать все пальцы в кулак и резко выбросить вперед средний палец: из него вылетит лазерный луч, способный пробить даже толстенную гранитную глыбу.

Я упаковал провиант, включая неприкосновенный запас, медикаменты и корень *глиттена блестящего* в небольшой рюкзачок, который я спрятал в укромном месте, рядом с люком. Ни компаса, ни карт мне, естественно, не понадобится, но коробок спичек, кусочек синтепласта, фонарик и очки для ночного видения могут пригодиться. Я тщательно продумал, что мне следует взять с собой, и обмозговал свои планы.

Я решил не спускаться на Иллирию в „Модели Т“, а пересечь в неметаллический спусковой снаряд и в нем выйти на орбиту. На Иллирии я намеревался пробыть не более недели. Я решил запрограммировать „Модель Т“ на спуск к концу заданного срока. Если в означенное время меня не окажется в условном месте, корабль будет зависать над мощнейшим природным энергетическим источником планеты в один и тот же час каждый следующий день.

Я спал, ел, ждал. Я ненавидел.

И вот наступил день, когда я услышал гул, постепенно переходящий в свист. И снова — тишина. Начался неистовый звездопад: космические градины пронесли мимо, и все застыло. Впереди светилась одна яркая звезда.

Определив местоположение Иллирии, я двинулся ей навстречу.

Двое суток спустя (по земным меркам за это время сменилось бы несколько поколений) я увидел ее: зеленовато-опаловый мир с синими морями, обрамленными бесчисленным множеством заливов, бухт, фиордов; пышная растительность на трех тропических континентах; леса, несущие прохладу, и бесконечная гладь озер на четырех материках с умеренным климатом; чрезмерно высоких гор нет, зато много холмов; для разнообразия рельефа — девять небольших пустынь; есть извилистая река длиной в пол-Миссисипи, система океанических течений, которыми я вправе гордиться, и узкий, длинный перешеек между двумя континентами не менее пятисот миль в длину, представляющий собой горную

цепь, — я перекинул этот „мостик“ только потому, что и антропологи, и геологи равнодушны к подобным структурам, только первые их обожают, а вторые — ненавидят.

Сверху мне было удобно наблюдать, как в недрах океана, у экватора, зарождается шторм и обрушивается стеной дождя. По мере моего приближения к планете три луны — Флопсус, Мопсус и Каттонталус по очереди закрывали мне обзор.

Я вывел „Модель Т“ на широкую эллиптическую орбиту, далеко отстоящую от орбиты последней из лун, в надежде, что мой корабль останется вне радиуса действия локаторов. Затем я разработал две программы спуска: одну — для себя, а другую — для последовательных ежедневных снижений моего звездолета, который будет прилетать за мной. Определив, в какой точке я нахожусь, я включил аварийные системы и прилег отдохнуть.

Проснувшись, я зашел в туалет, затем, проверив спусковой снаряд, обошел весь звездолет. Приняв сверхзвуковой душ, я натянул черную рубашку и брюки из водонепроницаемой синтетической ткани, название которой я начисто позабыл, хотя я сам — владелец компании. На ноги я надел сапоги, которые я всю жизнь называл армейскими, но теперь они переименованы в „туристские“, и засунул штанины внутрь.

Подпоясавшись ремнем из мягкой кожи, я щелкнул двойной металлической пряжкой, при необходимости легко распадавшейся на две половинки, которые могли бы в крайнем случае послужить ручками, если бы мне пришлось этим ремнем кого-нибудь душить. Я пристегнул портупею так, чтобы лазерный пистолет лежал на правом боку, и на спину прицепил несколько связок мелких гранат. На шее у меня висел медальон с минибомбой, а на левое запястье я надел часовой механизм, настроенный на распыление нервно-паралитического газа над Иллирией, начиная с девяти часов утра, — нужно было только вытащить стерженек. В карманы я не забыл сунуть расческу, носовой платок и — на счастье — потертую за тысячелетия кроличью лапку. Все было готово.

Однако, следовало выждать. Я хотел спуститься на Иллирию ночью, слететь легко, как пушинка — только

черная,— и приземлиться на континенте Сплэндида, в радиусе от ста до трехсот миль от цели моего назначения.

Надев рюкзак и выкурив сигарету, я направился в отсек, где находился спусковой снаряд. Открепив зажимы, я сел в него. Задвинув откидывающийся прозрачный купол моих аэросаней и проверив его герметичность, я почувствовал струю свежего воздуха над головой и приятное тепло у ног. Одно нажатие кнопки — и люк звездолета открылся.

Стена корабля раздвинулась, и в проеме показался полумесяц,— это была Иллирия. „Модель Т“ должна была катапультировать снаряд в нужный момент; торможение при спуске работало в автоматическом режиме. Мое дело было управлять полетом только при вхождении в атмосферу. Вместе с аэросанями я весил не более двух-трех фунтов: в корпус спускового снаряда были вмонтированы антигравитационные элементы. Летательный аппарат был оснащен рулевым управлением, элероном, стабилизаторами, а также парусами и парашютами. Мои аэросани мало чем напоминали планер, как их представляют себе те, кто слышит о таком средстве передвижения впервые. Скорее, аэросани походили на парусную лодку для перемещения в трехмерном пространстве. Сидя в кабине, я наблюдал, как волны ночи постепенно смывают день на Иллирии. В квадрате люка показался Мопсус, а Каттонталлус исчез из поля зрения. Вдруг у меня зачесалась лодыжка.

Пока я скреб ногу, над головой загорелся синий свет, и, едва я успел пристегнуть ремни, он сменился красным. На расслабление не было ни минуты: раздался низкий звуковой сигнал, и снаряд выбросило из корабля с такой силой, будто осел лягнул меня в спину. Мою прозрачную капсулу со всех сторон окружали звезды, не втиснутые более в рамку выпускного люка, а передо мной висела темная Иллирия.

Я скорее плыл, а не спускался вниз, не падал, а парил в пространстве, но, стоило мне закрыть глаза, даже это перемещение не было заметно. Вселенная напоминала мне пропасть, черную дыру: она медленно разрасталась. В капсуле было тепло. В тишине были слышны лишь мое собственное дыхание, да стук сердца, да шум реактивного двигателя.

Обернувшись назад, я не увидел „Модели Т“. Отлично!

Давненько я не пользовался таким летательным аппаратом в военных целях. Раньше я летал на аэросанях лишь для развлечения. Каждый раз, когда мне приходилось садиться в спусковой снаряд с серьезными намерениями, я вспоминал предрассветное небо, бурлящий океан подо мной, холодный пот, мерзкий привкус драмина во рту и первый залп береговых артиллерийских орудий по заходящему на посадку самолету. В этих случаях я вытирал о колени липкие ладони, совал руку в карман и доставал оттуда свой талисман — кроличью лапку. У моего брата тоже была такая. Ему бы понравилось летать на аэросанях. Он любил и самолеты, и планеры, и лодки. Он обожал водные лыжи и акваланги, а фигурные полеты и выший пилотаж были его стихией, — вот почему он погиб в воздухе. Наверно, он заслужил такую смерть. А чего еще можно ожидать от траченой молю кроличьей лапки?

Блеск звезд, как любовь Господня, стал холоден и далек, когда я задвинул шторку в своей капсуле, чтобы солнце не било мне в глаза. Однако Мопсус светился отраженным светом, отбрасывая блики в черный провал. Орбита Мопсуса была средней из трех. Флопсус вращался по ближней орбите, но в данный момент его не было видно: он находился по другую сторону планеты. Все три луны управляли приливами и отливами. Как правило, моря на Иллирии вели себя относительно спокойно. Но раз в двадцать лет, когда все три луны сопрягались, начинался отлив, являющий собой необычайное, поразительное зрелище. Оказавшись в пустыни океанического дна коралловые острова, обнажаясь, сверкали пурпурно-красными ребрами, а воды, громоздясь, откатывались от рифов, образуя зеленую стену, — нет, гору, вихрем несущуюся вокруг планеты; галька, кости, деревянные обломки, дохлые рыбы валялись на оголенном песке, напоминая, что здесь ходил Протей. Затем поднимался ветер, температура скакала, как бешеная, климатические зоны путались, небо застилали облака, принимавшие причудливую форму храмов; потом начинался дождь. Ливень обрушивался водопадом, разбиваясь о землю, затопляя прекрасные города, и заколдованные острова возвра-

шались в пучину морскую, а Протей (где только он прятался?) неистово хохотал, и смех его рассыпался раскатами грома. А в небе вспыхивал и гас огненный трезубец Нептуна,— вспыхивал и гас.

Потом все стихло: вам оставалось только протереть глаза от изумления.

Сейчас Иллирия была освещена так, как будто лунные лучи пробивались сквозь затянутое марлей окно. Где-то внутри планеты, объятай сном, вскоре начнет потягиваться, урча, ее похожая на кошку душа. Она проснется, выгнет спину и замурлычет, собираясь на охоту. Потом немного посидит, глядя на небо, на луны, мимо лун... Шепот пробежит над долинами, на деревьях зашелестит листва: они почувствуют мое приближение. Порожденные моей нервной системой, плоды расщепления моей собственной молекулы ДНК, они узнают меня. Они — мое создание, собранное из первичных клеток и отлитое в формы исключительно властью моего разума. Предчувствие.

— *Да, дети мои, я иду к вам, ибо Белион осмелился появиться среди вас.*

Полет.

Ах, если бы хоть один человек на Иллирии ждал меня, мне было бы легче. Честно говоря, все мое смертоносное оружие — не более, чем побрякушки. Если бы мой враг был человеком, я бы даже не стал возиться с подобной амуницией. Но Грин-Грин — не человек. Он даже не пейанин, что само по себе могло бы внушить ужас. Он — нечто большее.

Он — Носитель Имени, хотя и не по праву, а Великие могут оказывать воздействие на все живое, даже на микроскопические элементы, когда они попадают в их биополе или хотя бы соприкасаются с контуром их тени. Я ни в коем случае не впадаю в мистицизм. Я наслушался наукообразных объяснений касательно природы подобных воздействий. Стоит развесить уши — и вы, заработав шизофрению, свихнетесь на почве божественного начала своего „я“. Пойдите на выучку к экстрасенсам, но прежде подумайте, сколько лет нужно потратить на обучение и какой процент кандидатов заканчивает полный курс.

Я чувствовал свое преимущество перед Грин-Грином, потому что местом встречи он выбрал *мой* мир. Сколько времени он там находился и что натворил на

моей планете? Мне это было неизвестно, и проклятые вопросы мучили меня. Какие новости меня ожидают? Грин-Грин, безусловно, знал, что приманка сработает. Что за сети он плетет? Каков его перевес? Вряд ли он рассчитывает на неравенство сил, ведь он вступает в борьбу с Великим. Но и я не могу быть до конца уверенным в победе.

Вам никогда не приходилось наблюдать за сражением *betta splendens*, сиамских борцовых рыб? Оно не похоже ни на петушиный бой, ни на собачью драку, ни на поединок кобры с мангустом, ни на любую другую схватку. Это — уникальная вещь. Двух самцов помещают в один большой аквариум или бассейн. Они быстро плывут навстречу друг другу, распрямив блестящие красно-сине-зеленые плавники и растопырив жабры. Кажется, что их тела внезапно распускаются, как цветы, увеличиваясь в объеме. Рыбы медленно сближаются, застывают напротив друг друга не более чем на четверть минуты, покачиваясь рядом. Затем они срываются с места, мелькая так быстро, что не успеваешь уследить за ними.

И опять — спокойствие, рыбы мирно колышутся в воде. Внезапно — цветной водомет, бурная вспышка. И снова — покой. Потом снова — быстрый зигзаг. Так продолжается очень долго: туда-сюда мечутся пестрые плавники. Но не поддавайтесь на обман: спустя некоторое время вокруг соперников начинает расплываться красноватая дымка. Еще один шквал — и тишина. Затем рыбы, вцепившись друг в друга, смыкают челюсти. Проходит минута, другая. Один из самцов ослабляет хват и уплывает прочь. Другой остается на месте без движения.

Вот как я себе представляю, что может произойти.

Я обогнул луну, — темный массив моего мира, закрыв собой звезды, стал крупнее. По мере моего приближения к нему скорость замедлялась. Все необходимые приборы в кабине были включены, когда я, войдя в верхний слой атмосферы, медленно поплыл вниз. Под собой я видел огонь: отблески лунного света на глади сотен озер — так блестят монетки на темном дне фонтана.

Поглядев на монитор, я не обнаружил ни одного источника искусственного освещения. На горизонте появился Флопсус, и его сияние слилось со светом его

небесного брата. Примерно через час мне удалось рассмотреть очертания материков и их рельеф. Память подсказала то, что не было видно невооруженным глазом. Предвкушая радость узнавания, я прибавил скорость.

Покачиваясь и кружась, как опавший лист на ветру, я приближался к земле. По моим расчетам, озеро Ахерон с Островом мертвых посередине лежало в шести стах милях к северо-западу.

Подо мной дыбилась комкастая вата облаков. Я двигался дальше, и облака остались позади. Постепенно снижаясь, я приблизился к цели моего путешествия еще миль на сорок. „Интересно,— подумал я,— засекли меня уже или нет?“

Я попал в воздушную яму, и пришлось изрядно помучиться, прежде чем удалось выбраться из нее. Пришлось опуститься еще на несколько тысяч футов, чтобы избежать аналогичной ловушки.

В течение последующих двух-трех часов я уверенно шел на северо-запад. Высота была пятьдесят тысяч футов: до нужного мне места оставалось около четырехсот миль. Я опять подумал: „Интересно, засекли меня наконец или нет?“

За следующий час я спустился еще на двадцать тысяч футов, покрыв около семидесяти миль. Пока обстоятельства складывались в мою пользу.

Неверное рассветное марево озарило восток, и я нырнул вниз, чтобы не оказаться на виду. Спускаясь, я опять прибавил скорость. Мой полет напоминал погружение в океан: из светлых вод вглубь, в темноту.

Но рассвет преследовал меня,— я бежал от него.

С трудом пробивая себе путь в толще облаков, я, трезво оценив свое положение, решил идти на посадку. Сколько мне осталось лететь до Ахерона?

Не меньше двухсот миль.

Свет накрывал меня,— я терялся из виду, но он снова шел за мной по пятам.

Еще пятнадцать тысяч футов вниз — и сорок миль позади. Я сбросил с моего летательного аппарата несколько лишних слоев обшивки.

Высота полета была три тысячи футов, когда на востоке уже вовсю полыхала заря. В течение десяти минут я круто шел вниз и, наконец выбрав подходящую площадку, совершил посадку.

Когда краешек солнца показался из-за горизонта, я находился в ста — ста десяти милях от Ахерона. Откинув прозрачный купол, я выскочил из аэросаней, дернул за конец шнура-деструктора и, пригнувшись к земле, быстро побежал прочь.

Минуту спустя летательный аппарат сплюснулся, скукожился и начал медленно истлевать на глазах. Перейдя на шаг, я сориентировался на местности и пошел через поле, туда, где начинался лес.

V

Иллирия возвращалась ко мне: казалось, я никогда и не уезжал. Рассеянные лучи янтарно-розового солнца пробивались сквозь лесной утренний туман; капельки росы переливались на лепестках цветов и травинках, воздух был свеж, приятно пахло влажной землей и прелой листвой. Рядом со мной порхала маленькая птичка с желтым оперением. Она сделала круг над моей головой и села мне на плечо, но не успел я пройти и десятка шагов, как пичужка расправила крылышки и улетела. Я остановился, чтобы срезать себе посох, и запах белой древесины перенес меня в Огайо, к излучине ручья, в заросли земляники, где я срезал ивовые веточки для свистулек, замачивал их на ночь, чтобы легко отходила кора, и, пытаясь ослабить сцепление оболочки с сердцевиной, постукивал по палочке черенком ножа.

Здесь, на Иллирии, я тоже отыскал землянику и, давя пальцами крупные пурпурные ягоды, слизывал сладкий сок. Пока я лакомился дарами леса, дремавшая на камушке ящерица с зубчатым гребнем, красная, как помидор, лениво шевельнулась и переместилась на носок моего сапога. Потрогав пальцем острый хохолок, я стряхнул ее с ноги. Обернувшись, я поймал ее взгляд: она изучала меня своими красно-белыми — соль с перцем — глазами. Задевая за ветки, с которых на меня дождем сыпались капли, я прошел под сорока-пятидесятифутовыми деревьями. Птицы уже проснулись, вилась мошकारа. Прямо над моей головой горластый трубач, толстобрюхий зеленый певун, затянул арию минут на десять. Из глубины чащи, по левую руку от меня, ему вторил его лесной собрат. Шесть гигантских цвет-

ков, пунцовых *sobra de capella* внезапно выросли из-под земли и, с шипением распустив розетки и обнажив пламенеющие, как флаги, пестики, покачивались на стеблях, наполняя воздух дурманящим ароматом, распространявшимся со скоростью взрывной волны. Меня они не испугали: все это было мне привычно, как будто бы я никогда и не уезжал отсюда.

Я шел вперед, и постепенно трава под ногами редела. Дальше деревья были повыше, до пятидесяти-семидесяти футов, почва становилась каменистой, то и дело попадались массивные валуны. Хорошее местечко, чтобы устроить засаду. „Прятаться здесь тоже неплохо“, — подумал я.

Вокруг меня ложились густые тени, высоко в кронах резвились псевдообезьяны, а с запада стремительно надвигался легион облаков. Лес горел и переливался под косыми лучами солнца. Толстые пучки света пробивались через густую листву. Ползучие растения в цвету, оплетающие мощные стволы, протягивали ко мне свои ветви, похожие на серебряные канделябры, и запах, шедший от них, напоминал мертвящий церковный дух.

Пока я перебирался через жемчужный ручей, под ногами у меня кишели рогатые водяные змеи, ухая, как совы. Они были ядовитые, но вели себя вполне дружелюбно.

С другой стороны ручья берег, поначалу пологий, резко забирал круче, и, продвигаясь дальше, я ощутил некоторую перемену в обстановке. Ни с чем конкретно это не было связано, однако в воздухе витало беспокойство, давшее мне знать, что незыблемые основы порядка покачнулись.

С началом дня утренняя прохлада, пронизывающая лес, не сменилась теплом. Напротив, стало еще холоднее. От промозглого сырого воздуха было зябко и неуютно. Тучи уже наполовину закрыли небо, воздух постепенно насыщался озоном, что, как известно, является верным предвестником грозы. Нагнеталась тревожная атмосфера.

Я сделал привал и перекусил, устроившись на огромном пне, служившем мне ориентиром. Я нечаянно спугнул пандриллу, которая рыла землю под корнями. Она бросилась наутек, и мне ее поведение показалось странным.

Мысленно я дал ей приказ вернуться. Она обернулась и, с опаской посмотрев на меня, медленно пошла назад. Я угостил ее печеньем и, пока она хрупала, пытался заглянуть ей в глаза.

Страх, узнавание, страх... Поначалу она была охвачена ужасом, но паника постепенно проходила.

Значит, не я был ее причиной.

Я перестал гипнотизировать пандриллу, но она осталась со мной, довольная тем, что ей перепало неожиданное лакомство. Продолжая скармливать ей сласти, я думал о том, что ее первая реакция была весьма необычна,— такими фактами не следовало пренебрегать. Что бы это значило?

Ясно: я находился на вражеской территории.

Позавтракав, я двинулся вперед. Мой путь лежал через долину, над которой висел густой туман. Вскоре низина кончилась, но и дальше я продолжал идти в молочно-белой дымке. Небо, за исключением редких просветов, было сплошь обложено тучами. Звери, почуяв мои шаги, разбегались в разные стороны, но я не стал напрягаться, чтобы внушить им желание повернуть назад. Холодало. При выдохе у меня изо рта вырывался пар.

Я прошел мимо двух природных энергетических источников. Если бы я подключился хотя бы к одному из них, меня могли бы заметить, а я не желал выдавать свое местоположение.

Вы не знаете, что такое энергетический источник? Ладно, сейчас поясню. Это — часть всего сущего и вечного, имеющего электромагнитное поле. В каждом мире, на каждой планете есть множество мигрирующих силовых точек в пределах гравитационной матрицы. К ним, как к специальным емкостям, могут подключаться машины или особо талантливые личности, которые потом действуют как распределительные щиты, аккумуляторы, конденсаторы и так далее. „Энергетический источник“ — удобный термин для обозначения подобного резервуара со сгустком энергии, откуда определенный сорт людей черпает свою сверхсилу. Мне не хотелось прибегать к этому средству, поскольку я до конца не знал, что представляет из себя мой соперник, хотя, впрочем, все Великие обладают способностью питаться от энергетического источника.

От высокой влажности одежда моя промокла до нитки а кожа на сапогах потеряла блеск, хотя я, наверно, мог бы всего этого избежать. Я шагал, придерживая оружие правой рукой и держа наготове левую, чтобы при необходимости сразу открыть огонь.

Впрочем, никто не нападал на меня в пути. По правде говоря, навстречу мне не попало ни одно живое существо. До позднего вечера я без устали пробивался вперед, отмахав не менее двадцати миль. Сырость была невообразимая; я пропитался влагой насквозь, но дождь так и не начинался. Обнаружив пещеру в полых холмах, через которые мне предстояло перебраться, я укрылся в ней, расстелив на земляном полу кусочек синтепласта десять на десять дюймов (непромокаемый плотный материал не более трех молекул в толщину), чтобы предохранить себя от сырости, съел сухой паек и лег спать, положив рядом с собой пистолет.

* * *

Утро было таким же пасмурным, как и накануне: туман сгушался. Усматривая чей-то злой умысел в дурной погоде, я осторожно шел вперед. Внезапно меня охватило раздражение: пьеса была плохо поставлена. Если мой неприятель хотел подавить меня морально, напустив туман, мрак и холод и удалив весь животный мир с моего пути, он жестоко ошибался. Мне было противно, и только. Скверная погода злила меня, подстегивая мою решимость как можно скорее добраться до первопричины такого безобразия.

За вторые сутки моего путешествия я то поднимался вверх по склонам холмов, то спускался вниз. День клонился к вечеру, когда я почувствовал, что за мной кто-то идет.

Слева появился огонек, который двигался, не отставая, вровень со мной. Он держался ближе к земле, на уровне двух-трех футов от поверхности, и цвет его менялся от палево-желтого до оранжевого или белого.

Огонек порхал, то приближаясь на расстояние до двадцати футов, то удаляясь футов на сто. Иногда он исчезал совсем, но непременно возвращался.

Что это было? Посланный за мной блуждающий огонь, чтобы заманить меня в пропасть или в болото? Быть может. Тем не менее, огонек интриговал меня:

я восхищался его постоянством. Было неплохо, что у меня появился попутчик.

— Добрый вечер,— сказал я ему.— Я пришел убить того, кто тебя послал, кем бы он ни был. Но если ты — болотный газ, можешь не принимать мои слова всерьез. Однако я не допущу, чтобы ты морочил мне голову. Давай-ка лучше присядем и выпьем кофейку.— И я стал насвистывать „Долог путь до Типперери“.

Мой спутник не покидал меня ни на минуту. Я остановился под деревом, чтобы выкурить сигарету. Пока я курил, огонек, подрагивая, поджидал меня футах в пятидесяти.

Я попытался мысленно вступить с ним в контакт, но он не отреагировал. Я решил быть начеку, поэтому вытащил пистолет из кобуры. Докурив сигарету, я растоптал окурок и двинулся дальше. Огонек тоже снялся с места.

Примерно час спустя я выбрался на небольшую пологую площадку: пора было сделать привал,— и, набросив на плечи синтепласт, сел, прислонившись к скале. Я развел костер и сварил на нем суп из пакетика, который у меня был с собой. Мой спутник явно не собирался расставаться со мной в эту ночь. Блуждающий огонь мерцал совсем рядом,— я видел его сквозь пламя костра.

— Не хотите ли чашечку кофе? — еще раз предложил я ему, но, к счастью, он не ответил,— у меня была всего одна кружка.

Завершив нехитрый ужин, я курил, глядя, как дгорает костер. Пуская колечки, я ворошил тлеющие угольки, любуясь звездным небом. Туманная ночь была тиха; холод пробирал меня до мозга костей. Замерзшие пальцы ног начали ныть. Я уже пожалел, что не прихватил с собой флягу с бренди. Недвижимый, мой спутник застыл, как на карауле. Если огонек — явление природы, значит, его послали шпионить за мной. „Могу ли я позволить себе вздремнуть на часок?“ — подумал я. И решил, что могу.

Хронометр сообщил мне, что я проспал час пятнадцать минут. За это время ничего не произошло. Еще сорок минут спустя я опять не заметил никаких перемен,— и провалился в сон еще на два часа десять минут.

Так я спал рваным сном до утра, а на рассвете обнаружил, что огонек по-прежнему со мной.

Новый день, как и предыдущий, встретил меня молочно-белым мороком и сыростью. Снявшись с места, я тронулся в путь. Шли третьи сутки моего похода. Вдруг в движении огонька произошли некоторые изменения: раньше он держался слева от меня, теперь же он мерцал прямо передо мной. Постепенно забирая вправо, огонек маячил футах в шестидесяти впереди. Когда я добирался до места, где мой спутник поджидал меня, он, как бы дразнясь и играя, снова убегал вперед.

Мне совсем не нравилось его поведение: он, как разумное существо, подсмеивался надо мной, как бы говоря: „Послушай, дружок, я заранее знаю, куда ты идешь. Почему бы мне не помочь тебе? Я укажу тебе кратчайший путь“.

У меня были в запасе способы борьбы с ним, но пока я не хотел пускать оружие в ход.

Я продолжал идти, пока не наступило время перекусить. Огонек вежливо подождал, пока я закончу свою походную трапезу, и мы двинулись дальше.

Точно так же он терпеливо ждал, пока я пообедаю.

Однако вскоре мой попутчик переменял тактику. Он метнулся влево и исчез. Остановившись, я ждал его появления: что ни говори, я уже привык к своему „хвосту“. Может быть, меня специально приручали, желая сбить с толку? Может, кто-то рассчитывал, что усталость, накопившаяся за трое суток похода, возьмет свое и я, по привычке, дальше пойду за огоньком? Кто знает...

Интересно, куда он заведет меня, решишь я следовать за ним?

Минут двадцать я шел один, в надежде, что огонек непременно появится. На всякий случай я расстегнул кобуру.

И он появился! Мигая, он звал меня за собой. Я повернулся и пошел за ним. Огонек делал бросок вперед, ждал меня и снова совершал рывок.

Минут пять спустя начало моросить. Сумерки сгущались, но пока я разбирал дорогу без помощи фонарика. Под ногами чавкала грязь, я вымок до нитки. Чуть не увязнув в хлюпающем месиве, я выругался и побрел дальше, дрожа от холода.

Преодолев еще полмили под дождем, в крошечной тьме, которая усугубляла чувство одиночества, я обнаружил, что меня покинули. Огонек пропал. Я тщетно ждал, но он так и не появился.

Держа пистолет наготове, я на ощупь пробирался к тому месту, где заметил огонек в последний раз. Но его нигде не было видно. Я поцарапался, зацепившись рукой о ветку, и она с хрустом сломалась.

— Не надо! Ради Бога, не надо! — услышал я чей-то стон.

Я бросился на землю и резко откатился прочь.

Крик шел откуда-то справа, с высоты десяти-двенадцати футов. Крик? Был ли это человеческий голос, или мне что-то примерещилось? Я не был уверен ни в том, ни в другом.

Я замер.

Затем до меня донеслись еле различимые всхлипывания. Обычно бывает трудно определить источник звука, если он очень слаб. Сколько я ни напрягал слух, мне ничего не удалось обнаружить.

— Кто здесь? — спросил я драматическим шепотом, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Фрэнк? Это ты? — Мне был задан встречный вопрос.

Я решил выждать немного и откликнулся минуты две спустя.

— Помоги мне, — раздался новый стон.

— Кто ты? Где ты находишься?

— Я тут...

По спине у меня бегали мурашки от страха, а рука все крепче сжимала пистолет. Я наконец узнал, чей это голос.

— Данго! Данго-Нож!

Теперь я понял, что произошло, но не сообразил сразу включить фонарик, чтобы увидеть Данго.

Впрочем, было не до фонарика.

В тот самый момент передо мной возник блуждающий огонь. Он проплыл мимо меня, поднимаясь все выше и разгораясь все ярче. Вскоре он разросся и светил с такой интенсивностью, что можно было ослепнуть. Он покачивался на высоте двадцати футов, излучая мощное сияние. Под неистовым прожектором я увидел Данго. Он стоял и не мог сдвинуться с места.

Данго корнями врос в землю. Свисающая космами черная борода еще больше удлиняла его худое, вытянутое лицо, а курчавые волосы вились, переплетаясь с листьями кроны. В его темных глазах сквозила бесконечная печаль и усталость. На теле, покрытом изъеденной жучками корой, были видны зарубки от ножа и присохшие комки птичьих экскрементов, а у основания торчали обугленные корни — следы многочисленных кострищ. Там, где я случайно сломал сучок, образовалась открытая рана, из которой капала кровь.

Я медленно встал с земли.

— Данго,— выдохнул я.

— Грызуны подтачивают мне корни,— пожаловался он.

— Прости меня, я не хотел...— лепетал я в оправдание, чуть не выронив пистолет.

— Почему меня не оставят в покое? Зачем меня воскресили?

— Потому что когда-то ты был моим другом, а потом стал врагом,— объяснил я.— При жизни ты хорошо меня знал.

— Значит, это из-за тебя...

Дерево раскачивало ветвями, как будто хотело схватить меня. Данго костил меня на чем свет стоит, а я стоял, слушая его брань, и наблюдал, как кровавые капли, смешиваясь с дождевыми, падают на землю. Когда-то мы были партнерами в одной фирме, и Данго попытался надуть меня. Я возбудил судебное дело, но он отвертелся. Потом он решил убить меня. Я насильно отправил его на Землю полечить мозги. Он умер в результате дорожной аварии через неделю после выписки из больницы.

Будь у него хоть малейшая возможность, он наверняка прикончил бы меня: прирезал бы ножом, и дело с концом. Но я никогда не предоставлял ему такой возможности. Вы, конечно, можете подумать, что автомобильная катастрофа — дело моих рук, и будете не так уж не правы. Но я же знал, что Данго-Нож не уgomонится, пока не пришьет меня! Мне не хотелось отправляться на тот свет с перерезанным горлом.

Под яркими фосфорическими лучами черты его лица казались призрачными. У него было сморщенное лицо, кожа землистого цвета и злой взгляд дикой кошки. Зубы были наполовину выбиты, а на левой щеке гноил-

ся глубокий шрам. Затылком он врос в ствол дерева, плечи едва выступали из-под коры, а ветви служили продолжением рук. От пояса вниз Данго был деревом.

— Кто это сделал с тобой?

— Одна большая зеленая сволочь. Пейанин, — сказал он. — Я вдруг оказался здесь. Как — не знаю сам. Помню только, что попал под машину...

— Я найду его, — пообещал я. — Я иду по его следу. Найду и убью. А потом вернусь и освобожу тебя.

— Нет! Не уходи!

— Другого выхода я не вижу, Данго.

— Ты не знаешь, что это такое... Я больше не могу терпеть ни минуты... Ну, пожалуйста, помоги мне.

— Через несколько дней я приду за тобой.

— А если он одолеет тебя? Значит, ты никогда не вернешься... О Боже праведный! Какие невыносимые муки! Мне искренне жаль, что тогда так вышло, Фрэнк. Поверь мне... Ну, пожалуйста, помоги!

Я навел на него пистолет, но снова опустил руку.

— Не могу убивать тебя дважды.

Данго кусал губы от боли, и кровь стекала по подбородку на грудь. На глаза у него навернулись слезы. Я старался не встречаться с ним взглядом.

Спотыкаясь, я отступил на несколько шагов и начал бормотать по-пейански. Внезапно я осознал, что нахожусь рядом с энергетическим источником. Я нутром почувствовал его близость. И я стал расти, становясь все выше, а Фрэнк Сэндоу во мне делался все меньше и меньше. Поиграв мускулами, я услышал гром за спиной. Когда я поднял левую руку, яростные грозовые раскаты громыхнули прямо над головой. Полыхнула молния, ослепив меня, раздался оглушительный треск, — и от ужаса волосы у меня стали дыбом.

Воздух наполнялся озоном, от головешек валил дым, а я стоял один над обугленными останками того, кто назывался Данго-Нож. Даже блуждающий огонь исчез. Заструились ливневые потоки, прибывая к земле запах пожарища.

Я потащился назад, к тому месту, откуда я сделал крюк в сторону. Сапоги хлюпали по лужам, мокрая одежда прилипала к телу.

Не помню, где и как я устроился на ночлег.

Человек многое умеет. Но способность спать, пожалуй,— самый замечательный из всех его талантов. Благодаря ему человек остается в здравом рассудке: сон как бы закрывает скобки за каждым прожитым днем. Если вы натворили глупостей или у вас неприятности, а кто-нибудь ткнет вам это в нос, вы сделаетесь сам не свой от негодования. Но если что-либо случилось с вами вчера, а не сегодня, вы воспримете критику гораздо легче: просто кивнете или засмеетесь в ответ, ибо через Сон или через Ничто вы перенеслись на другой остров Времени. Сколько разных событий оживает в памяти в одно мгновение? Вам может показаться, что очень много. На самом деле, память удерживает лишь малую толику происходящего, и чем дольше живешь, тем больше копится воспоминаний. Сон лечит: если хочешь отвлечься от каких-то мыслей, он приходит тебе на помощь. Звучит жестоко, не так ли? Но я сказал чистую правду. Я не хочу, чтобы вы подумали, будто я живу без угрызений совести, без чувства вины. Просто за много столетий у меня выработался сознательный рефлекс: при эмоциональной перегрузке, когда нервная система перевозбуждена, я проваливаюсь в глубокий сон. Когда я просыпаюсь, меня волнуют мысли не о прошлом, а о сегодняшнем дне. Пройдет немного времени, и воспоминание, как стервятник, медленно кружа над жертвой, будет опускаться все ниже и ниже, пока не вонзит в вас свои острые когти. Память разорвет душу в клочки, жадно проглотит окровавленные кусочки и станет их переваривать, а Прошлое, как немой свидетель, будет стоять рядом. Наверно, это и называется ретроспективой. Я видел смерть много раз. В разных обличьях. И всегда она потрясала меня. Но здоровый сон дает памяти возможность перевести стрелку часов и начать новый день, трезво смотря на вещи, ибо я видел также и жизнь и знаю, как многообразна бывает радость, печаль, любовь, умиротворенность и пресыщение.

...Я нашел ее в горах рано утром, вдалеке от человеческого жилья. Губы у нее посинели от холода, пальцы были обморожены. На ней был только трикотажный акробатический костюм в тигровую полоску.

Она лежала, свернувшись в комочек, под колючим кустом. Я завернул ее в свою куртку и понес к машине,

а геологический рюкзак с образцами породы и инструменты бросил под скалой, да так никогда и не нашел их. Она была без сознания, и мне показалось, что она, бредя, несколько раз прошептала: „Ноэль“. Она была вся в синяках, царапинах и ушибах. Я отвез ее в больницу, где с ней провозились всю ночь. На следующее утро я пошел проведать ее и узнал, что она отказывается назвать свое имя. Денег у нее тоже не было. Я заплатил за нее по счету и спросил, что она собирается делать дальше, но вразумительного ответа не получил. Я предложил ей переехать ко мне, в небольшой домик, который я тогда снимал, и она согласилась.

Первую неделю атмосфера в доме была невыносимо тягостной. Она ни разу не сделала попыток заговорить со мной и еле-еле отвечала на вопросы. Она готовила для меня еду, мыла посуду и мела пол, а все свободное время проводила, запершись у себя в комнате. Однажды я вытащил старую мандолину и стал подбирать на ней мелодии. Услышав звуки музыки, она вышла в гостиную и села слушать меня. Я играл несколько часов подряд,—гораздо дольше, чем хотелось мне,—только для того, чтобы удержать ее подле себя. Мандолина — единственное, что нашло в ней живой отклик. Когда я отложил инструмент, она попросила у меня разрешения поиграть, и я, согласившись, кивнул. Она пересекла комнату, взяла мандолину и, склонившись над ней, начала перебирать струны. Виртуозом ее никак нельзя было назвать,— даже я играл лучше. Я послушал ее, принес ей чашку кофе и пожелал спокойной ночи. С этого момента с ней произошла перемена: наутро она стала совсем другим человеком. Она расчесала и пригладила свои спутанные черные волосы. Синяки под глазами почти исчезли. Она оживленно общалась со мной за завтраком, болтая о погоде, о последних новостях, о моей коллекции минералов, о древностях, об экзотических рыбах,— обо всем на свете, кроме себя самой.

После этого я стал выводить ее в свет: я таскал ее по ресторанам, по театрам, на пляж,— повсюду, кроме гор. Так прошло четыре месяца. И однажды я понял, что влюблен в нее. Конечно, я ничего не сказал ей, но, должно быть, она и сама догадалась, что со мной происходит. Но, черт возьми, я же ничего о ней не знал! Незнание смущало меня. У нее мог оказаться муж

и шестеро детей! Один раз она попросила свести ее куда-нибудь потанцевать. Мы пошли в одно место, где танцевали на открытой террасе под звездами до четырех часов утра, пока заведение не закрылось. На следующее утро, встав после полудня, я обнаружил, что ее нет. На кухонном столе лежала записка:

*„Большое спасибо. Не ищи меня, пожалуйста.
Мне пора возвращаться. Я тебя люблю“.*

Подписи, конечно, не было. Вот и все, что мне известно о девушке без имени.

...Мне было лет пятнадцать, когда я косил лужайку на заднем дворе. Под деревом я нашел птенчика, выпавшего из гнезда. Наверное, это был скворец. Обе ножки у него были сломаны. Я скорее догадался об его увечье, потому что они торчали под разными углами из его тельца, а сам он сидел на земле, задрав хвостик. Когда я подошел поближе и встал перед ним, он откинул голову назад и раскрыл клюв. Я нагнулся и увидел, что по нему ползают муравьи. Я подобрал птенца и стряхнул с него насекомых. Нужно было его куда-то положить. Я поместил его в небольшую корзинку, дно которой я выстелил травой. Я поставил корзинку на столик на открытой террасе, под кленами. Несколько раз я пытался накормить птенца молоком из пипетки, но он давился моим угощением. Я снова пошел косить траву. Вечером того же дня я решил навестить своего питомца и на траве рядом с ним увидел пять-шесть больших черных жуков, которых я с отвращением выбросил вон. На следующее утро я снова пришел покормить птенца молоком и на подстилке обнаружил новых жуков: на сей раз их было еще больше. Пришлось опять почистить корзинку. Немного позже я заметил крупную темную птицу, которая сидела на краю корзинки. Она спорхнула внутрь, к своему птенцу, и улетела мгновенно спустя. Продолжая наблюдать за скворцами, я сосчитал, что мать трижды возвращалась с добычей. Она улетала на охоту, ловила насекомых и приносила их в клюве птенцу, пытаясь его накормить. Так как есть он уже не мог, мать оставляла жуков рядом с ним.

Той ночью кошка съела птенца.

Когда на следующее утро я пришел с пипеткой, то нашел лишь несколько перышек да следы крови на травяной подстилке, рядом сдохлыми жуками.

...Во Вселенной есть одно место: обломки скал кружат в хороводе вокруг ярко-красного солнца. Несколько столетий тому назад мы открыли расу разумных членистоногих, которые называли себя *вильсами*. С ними было невозможно иметь дело. Они отвергали все дружеские контакты со всеми представителями других рас. Они убивали всех наших посланцев и возвращали изуродованные останки. У убитых не хватало либо каких-нибудь органов, либо конечностей. Когда мы впервые вступили с ними в контакт, они обладали космическими кораблями для передвижения в пределах их собственности Солнечной системы. Вскоре они создали межгалактические звездолеты. Они убивали и грабили всюду, где бы ни появлялись, и тащили добычу домой. Наверно, они не осознавали, насколько крепким было межгалактическое братство в те годы, или же им было на все наплевать. Они рассчитывали, что до объявления звездной войны дело не дойдет; слишком много времени нужно, чтобы их противники объединились и достигли согласия. Практически звездных войн никогда не бывает. Только пейане — самая древняя раса Вселенной — помнят про них. Вильсы успешно отражали наши атаки, и остатки наших разгромленных военных подразделений пришлось срочно вывозить оттуда. Мы начали бомбить их планету. Но у вильсов была гораздо более совершенная техника, чем мы предполагали. Они обладали идеально отработанной системой противоракетной защиты. Нам пришлось уйти ни с чем и попытаться заключить мир. Но они не прекратили своих бандитских налетов на другие планеты. Тогда Великие собрались на совет, и трое Носителей Имен: Санг-Ринг с Грелдеи, Карт-Тинг с Мордеи и я были выбраны, чтобы обуздать агрессоров. Мы, объединившись, использовали все наши возможности.

Вскоре после совета Великих, в пределах системы, населенной вильсами, на удаленной от их планеты орбите начал сам по себе разрушаться пояс астероидов, образуя планетоид. Камень за камнем, он рос, постепенно изменяя курс. А мы втроем, при помощи приборов с дистанционным управлением, контролировали его медленное развитие и движение по спирали внутрь, к планете вильсов. Когда членистоногие разбойники поняли, что произошло, они попытались разрушить

новообразовавшееся тело, но было уже слишком поздно. Они не просили пощады, и ни один из жителей планеты не предпринял ничего, чтобы спастись бегством. Они ждали своей гибели, и грозный час настал. Орбиты двух планет пересеклись, и теперь на том месте, где обитали вильсы, вокруг красного солнца кружатся раздробленные осколки. После того случая я крепко напился и целую неделю не просыхал.

...Однажды я, потерпев аварию, упал в обморок в пустыне, пытаясь добрести хоть до какого-нибудь населенного пункта. Я тащился по пескам четверо суток, — последние двое — без капли воды. Я не чувал под собою ног от усталости, в горле першило. Слизистая оболочка во рту превратилась в наждачную бумагу. И я потерял сознание. Сколько я пролежал среди барханов — не знаю. Быть может, целый день. Вдруг ко мне подошло какое-то чудище — такие могут привидеться только в страшном сне. Багряно-красный урод с хомутом из перьев вокруг шеи. На морде, как у ящера, — три роговидных нароста. Он был фута четыре в длину. Тело было покрыто чешуей. У зверя был короткий хвост и острые когти. Когда образина моргала, на темные эллипсовидные глаза натягивались мембраны. В лапах страшилище держало полую камышинку и маленький мешочек. Я до сих пор не знаю, кто это был. Зверь, внимательно изучив меня, поспешил прочь. Я повернулся на бок и стал наблюдать за ним. Чудище сунуло камышинку в песок одним концом, а другой обхватило губами и сделало несколько сосательных движений. Затем вытащило камышинку и перешло на другое место. Так повторялось одиннадцать раз, пока зверь не добился успеха: щеки его раздулись, как мячики. Потом он подбежал ко мне, оставив камышинку воткнутой в песок, и провел передней лапой по моим губам. Я понял, что он хочет сделать, и открыл рот. Медленно наклонившись надо мной, он прикоснулся своими губами к моим и аккуратно, чтобы не пролить ни капли, влил в меня горячую грязную воду. Шесть раз он возвращался к камышинке и носил мне воду во рту. Я опять потерял сознание. Когда я очнулся во второй раз, мой друг снова принес мне воды. К утру я собрался с силами и сам дополз до спасительной камышинки, чтобы напиться живительной влаги. Чудище медленно просыпалось, поеживаясь от предраассвет-

ной прохлады. Зверь подошел ко мне, и я, сняв с руки часы, отстегнув охотничий нож и вытряхнув из карманов все имеющиеся у меня деньги, разложил свое богатство перед ним. Он тщательно исследовал мои вещи. Я подтолкнул подарки к нему, указав на его мешок. Он отпихнул от себя награду и поцокал языком. Я пожал ему переднюю лапу и, горячо поблагодарив своего спасителя на всех известных мне языках, подобрал свои вещи и побрел дальше. Тем же вечером я вышел к жилию.

Девушка, птенец, погибшая планета, глоток воды и Данго-Нож, превратившийся в головешку.

Свитки воспоминаний не только дают работу мысли и чувствам, — они вызывают боль, ставя вечные вопросы: кто? как? почему? Сон, проводник памяти, помогает мне сохранить рассудок, — и больше я ничего не хочу знать. Честное слово. Не считайте меня бессердечным, жестоким человеком, если я просыпаюсь с мыслями о завтрашнем дне, а не о вчерашнем.

* * *

Следующие пятьдесят-шестьдесят миль дались мне с большим трудом. Рельеф становился все круче, почва сделалась сухой и каменистой. Листва на деревьях была твердая, как жестянка, с острыми, зазубренными краями. И флора, и фауна здесь были совсем иные. Они напоминали мне жалкую пародию на то, чем я по праву гордился. Мои полночные певуны вместо трелей издавали хриплые каркающие звуки, все насекомые больно жалили, а от цветов шел смрадный дух. Вместо стройных, высоких деревьев шла скособоченная, скрюченная поросль. Некогда грациозные, как газели, левожирафы были похожи на калек. Мелкая живность, попадавшаяся мне навстречу, разбегалась, злобно скалясь и фырча. Более крупных животных приходилось усмирять взглядом.

Чем выше я поднимался, тем больше мне закладывало уши. Я настойчиво пробирался вперед, несмотря на густой туман, и за день преодолел около двадцати пяти миль. По моим представлениям, идти оставалось еще дня два, может, чуточку меньше.

Ночью меня разбудил оглушительный взрыв. Ничего подобного я никогда не слышал. Я сразу вскочил и стал оглядываться. Эхо многократно повторило гро-

хот. Или звенело у меня в ушах? Сидя под старым, раскидистым деревом, я крепко сжимал в руке пистолет.

Сквозь плотную завесу тумана на северо-западе мелькали всполохи. Горизонт был залит оранжевым светом. Свечение начало расплываться в небе.

Второй взрыв был послабее первого, третий и четвертый были еще менее интенсивными. Но начались новые неприятности.

Земля под ногами задрожала. Я стоял, не двигаясь с места, в ожидании, что будет дальше. Толчки становились все чаще и чаще.

Полыхало уже полнеба,— судя по зареву, планета была объята пламенем.

Мне ничего другого не оставалось, как засунуть пистолет обратно в кобуру, сесть, прислонившись к дереву, и закурить сигарету. То, что вытворял Грин-Грин, не лезло ни в какие ворота. Он был дьявольски уверен в том, что его выкрутасы произведут на меня огромное впечатление. Странно: ведь он должен был знать, что я — не из слабонервных. Землетрясения не были характерны для той местности, где я находился. Значит, пейзаж был единственной причиной разгулявшейся стихии. Но зачем? Хотел ли он сказать мне: „Посмотри, как я разрушаю твою планету, Сэндоу. Что ты собираешься делать?“ Или он демонстрировал передо мной свою сверхъестественную силу, в надежде, что Белион способен испугать меня? С минуту я поколебался в раздумьях, не поискать ли мне ближайший энергетический источник и не устроить ли над всей территорией невиданную, мощнейшую электрическую бурю,— пусть он полюбуется, какой я впечатлительный. Но я быстро оставил эту идею: мне не хотелось сражаться с ним на расстоянии. Я должен был встретиться с ним лицом к лицу и высказать ему все, что я о нем думаю. Я хотел предстать перед ним лично. Пусть он взглянет мне в глаза и ответит на один вопрос: почему он такой дремучий идиот? Почему то, что я — homo sap¹, вызывает у него бешеную ненависть, ради которой он пустился во все тяжкие? Он определенно был в курсе моего прибытия на Иллирию и тайно всюду стоял за

¹ Homo sap (искаж. лат.) — homo sapiens — человек разумный.

моей спиной,— иначе блуждающий огонь не привел бы меня к Данго. Дальше я сделал вот что.

Закрыв глаза, я наклонил голову и сконцентрировался. Я попытался представить его себе: где-то недалеко от Острова мертвых мстительный пейанин со злорадной ухмылкой наблюдает за извержением вулкана: клокочит и бурлят потоки лавы, застилая небо, сыплется черный горячий пепел, змеями ползут извивающиеся струи серы... И, собрав в комок всю мою жгучую ненависть к нему, я напрягся и с усилием передал ему следующую мысль:

— Ну, погоди, Грин-Грин. Ну, погоди, Грин-Грин-тарл. Дождешься ты у меня. Я буду у тебя через несколько дней. Ждать осталось недолго. Я иду к тебе.

Ответа не было, да я на него и не рассчитывал.

Следующим утром передвигаться стало намного труднее. Запорошивая глаза, сквозь туманную мглу валила черная сажа, как густой снегопад. Земля поддрагивала под ногами от мелких толчков, редкие животные, попадавшие мне навстречу, в панике разбегались, не обращая на меня ни малейшего внимания. Я отвечал им взаимным пренебрежением.

С севера небо пламенело. Не обладай я безошибочным чутьем, помогавшим мне ориентироваться на собственной планете, я мог бы подумать, что иду на восток, где уже теплилась заря. Но меня, матерого волка, было не провести.

Грин-Грин был пейанин, хоть и чуть-чуть не дотянувший до ранга Великих, но все же представитель наиболее искушенной в науке мщениа расы,— и разыграл жалкую, недостойную его клоунаду перед землянином, которого ненавидел всеми фибрами души! Ну ладно, меня он терпеть не может и не жалеет никаких средств, лишь бы покончить со мной. Но это не причина, чтобы совершать такие грубые ошибки, забывая прекрасные, добрые традиции своего рода. Извержение вулкана — детская забава, с которой легко справится и маленький пейанин. Ребяческое проявление силы. Мне стало стыдно за него. Слишком грубо сработано для такой тонкой игры. Даже я, при кратком и поспешном ознакомлении с системой мщениа, знал больше, не говоря уже о нюансах. Теперь мне стало понятно, почему он провалился на последнем экзамене.

Я на ходу сгрыз шоколадку, решив отложить завтрак до лучших времен. Хотелось побольше пройти за то утро. Шел я мерным, спокойным шагом, а передо мной ширилось небесное краснополосье, вулканический пепел сыпался, как мука сквозь сито, а почва подо мной каждый час вздрагивала от подземных ударов.

Около полудня на меня напал бородавчатый медведь. Укротить мне его не удалось. Зверя пришлось пристрелить, и я проклял того, кто превратил моих мирных животных в агрессивных хищников.

Туман постепенно рассеивался, но зола и копоть продолжали разъедать мне глаза. Из-за летящей пыли стояли вечные сумерки; я беспрерывно кашлял. Темп мой замедлился, потому что привычный рельеф сильно изменился. Требовалось пересмотреть планы и накинуть еще один день на дорогу.

Когда я устраивался на ночлег, позади меня легло уже много миль, и я был уверен, что к полудню следующего дня увижу Ахерон.

Я сделал привал на сухой каменистой площадке, где под разными углами торчали крупные острокопечные обломки. Почистив оружие, я расстелил синтепласт, развел костер и немного поел. Затем выкурил предпоследнюю сигарету, чем немного способствовал загрязнению окружающей среды, и залез в спальный мешок.

Я спал и видел сон, который теперь ускользает от меня. Осталось только впечатление, что поначалу мне снилось что-то очень приятное, затем видение перешло в ночной кошмар. Заворочавшись на жесткой подстилке, я вдруг понял, что больше не сплю. Глаз я не открывал, — лишь повернулся на другой бок, будто все еще объятый дремой. В руке я продолжал сжимать пистолет. Я лежал, чутко прислушиваясь к звукам, всей кожей ощущая опасность. Я был весь — внимание.

Во рту у меня был мерзкий привкус гари и копоти, витавших в воздухе. Даже через ткань спального мешка я ощущал сырость, шедшую от земли. Мне показалось, что кто-то стоит надо мной. Где-то справа от меня едва скрипнул сдвинутый с места камень. И снова — тишина.

Я пальцем нащупал спусковой крючок и направил дуло пистолета в ту сторону, откуда раздался звук.

Затем я, лежа в своем темном временном пристанище, почувствовал легкое дистанционное касание, как будто убийца дотронулся до моей головы,— так пчела осторожно забирается внутрь цветка.

— Спи,— казалось, кто-то говорил мне,— спи и не просыпайся. Ты не очнешься ото сна, если я этого не пожелаю. Ты спишь и слышишь меня сквозь сон. Так я хочу. Тебе незачем просыпаться. Спи глубоко и крепко, как я велю тебе. Сейчас ты должен спать ..

Я позволил ему продолжать в том же духе, хотя я уже окончательно проснулся, но сдерживал себя, прикидываясь спящим, пока он бормотал надо мной свои одурманивающие заклинания.

Верно, он позволил себя провести, потому что минутой спустя я снова услышал какое-то шевеление. Звук доносился оттуда же, откуда и в первый раз.

Открыв глаза, но не поворачивая головы, я стал следить за колебанием теней.

Около одного из валунов, футах в тридцати от меня, появились новые, незнакомые мне контуры,— когда я устраивался на ночлег, такого не было. Я замер, внимательно приглядываясь, не колыхнется ли странная тень. Точно определив положение темной фигуры, я снял с предохранителя пистолет, прицелился и выстрелил в точку, лежавшую футах в пяти перед моим преследователем.

— *Не двигаться с места, или я сделаю из тебя решето*,— мысленно приказал я ему, не опуская пистолет.

Наконец-то я столкнулся с ним лицом к лицу!

Я заговорил с ним по-пейански: вспышка от выстрела на мгновение осветила того, кто стоял у валуна,— это был пейанин.

— Грин-Грин,— обратился я к нему,— грубо работаете. Вам, как пейанину, должно быть стыдно.

— Я допустил несколько промахов,— признался он, подав голос из темноты.

Я ухмыльнулся.

— Да уж.

— Но у меня есть смягчающие обстоятельства.

— Ладно, на первый раз прощается. Пусть этот камень послужит вам уроком. Вам казалось, что камень находится в состоянии абсолютного покоя, но при вашем прикосновении он сместился, хотя и незначительно. Скрип выдал вас.— Я укоризненно покачал

головой.— Ай-ай-ай! Все дело испортили. Не умеете мстить — не беритесь. Интересно, что скажет ваша родня, узнав о таком провале?

— Если тем все и кончится, мои родственники будут недовольны.

— Ну почему же кончится? Разве вы заманили меня сюда не для того, чтобы убить? — с издевкой спросил я.

— Зачем отрицать очевидное?

— Тогда логично было бы с вашей стороны ожидать, что я окажу вам сопротивление.

— Послушайте, Фрэнк Сэндоу, Дра Сэндоу, о какой логике вы говорите? Я мог бы уничтожить вас любым способом, поскольку вы оказались в моей власти.

— Наверно, у вас просто нервишки пошаливают в связи с моим появлением.

— Я не такой уж слабонервный, как вы думаете. Я пришел, чтобы взять вас под свой контроль.

— Но потерпели фиаско.

— К сожалению, да.

— Зачем я вам?

— Вы мне нужны. Мне не справиться одному.

— С чем?

— Мне необходимо как можно скорее убраться отсюда. У вас есть транспорт?

— Конечно. А чего вы боитесь?

— За долгие годы жизни вы накопили не только много друзей, но и много врагов, Фрэнсис Сэндоу.

— Зовите меня Фрэнк. Мне кажется, что мы уже давным-давно знакомы, старик.

— Зря вы использовали телепатические средства связи, Фрэнк. Ваше послание перехватили, и кое-кому стало известно, что вы здесь. Если мы с вами не улизнем отсюда, вас ждет мщение еще более коварное, чем мое.

Дуновением ветра до меня донесло затхлый, тошнотворно-приторный запах,— так пахнет пейанская кровь. Я включил карманный фонарик и направил луч света на Грин-Грина.

— Вы ранены!

— Да.

Опустив фонарик, я дотянулся до рюкзака и стал шарить в нем левой рукой. Выудив оттуда походную

аптечку со средствами первой помощи, я бросил ее пейанину.

— перевяжите раны,— сказал я ему, снова включая фонарик.— От вас дурно пахнет.

Грин-Грин вынул бинт из аптечки и обмотал им правое плечо и предплечье. Мелкие царапины и ссадины на груди он проигнорировал.

— Вы как после боя.

— Я дрался.

— Интересно, в каком виде сейчас ваш противник?

— Ему от меня крепко досталось. Мне везло в схватке. Жаль, что не убил его. А теперь уже слишком поздно.

Я заметил, что оружия у него нет, и сунул свой пистолет обратно в кобуру.

— Делгрэн из Дилпей просил передать вам привет. Он тоже значится в ваших дерьмовых черных списках?

Грин-Грин хохотнул, издав гортанный, хрюкающий звук.

— Он у меня под номером вторым,— хмыкнул он.— Следующий за вами.

— Никак не пойму, зачем я оставил вас в живых.

— Я вызвал ваше любопытство, вот вы и подарили мне жизнь. Да еще и бинт дали, раны перевязать.

— Ну, хватит болтать. Чаша моего терпения переполнилась.

— Получается, что вы споткнулись о тот же камень, что и я. Пусть этот камень и вам послужит уроком.

Я, нахмурившись, закурил.

— Нечего пользоваться моим же оружием и оборачивать против меня мои же слова,— возмутился я.

Грин-Грин, кончив бинтовать раны, произнес:

— Я хочу предложить вам сделку.

— Говорите.

— У вас есть корабль, уж не знаю, где вы его прячете. Возьмите меня с собой,— пора убираться прочь с этой проклятой планеты.

— А что вы предлагаете мне взамен?

— Жизнь.

— Не в вашем положении угрожать мне.

— А я и не угрожаю. Я просто предлагаю вам спасти вашу жизнь за то, что вы спасете мою.

— А от кого вы собираетесь меня спасти?

— Вы знаете, что я могу воскресить умерших?

— О, да. Ведь вы украли пленки памяти? Между прочим, как вам это удалось?

— Телепортация. У меня особый талант. Я могу перемещать предметы в пространстве. Много лет назад, когда я только начал изучать вашу личность и разрабатывать этапы мщения, я стал наносить визиты на Землю. Фактически мои посещения совпадали со смертью ваших друзей или врагов. К тому времени я накопил достаточно средств, чтобы приобрести Иллирию, — ваша планета казалась мне подходящим местом для осуществления того, что я задумал. А Великому по плечу восстановить умерших по пленкам памяти.

— Итак, вы вернули к жизни моих покойных друзей и врагов?

— Именно так.

— Но зачем?

— Чтобы вы видели, как страдают те, кого вы любили. А те, кто вас ненавидел, радовались бы, глядя на ваши страдания.

— Почему вы так гнусно обошлись с Данго?

— Этот человек раздражал меня. Его превращение в дерево должно было послужить вам грозным предупреждением. Я убрал его с глаз долой и заставил терпеть нечеловеческие муки. Таким образом, я сразу попал в три цели.

— Какова же третья?

— Я получил удовольствие!

— Понятно. Но почему вы выбрали именно это место? Почему Иллирия?

— Если не считать Свободный Дом, куда мне не подступиться, Иллирия — ваша любимая планета. А разве не так?

— Так.

— Тогда где же еще? Больше нигде.

Бросив окурок на землю, я раздавил его каблуком.

— А вы сильнее, чем я думал, Фрэнк, — сказал Грин-Грин, задумавшись на секунду. — Ведь вам когда-то удалось прикончить его, а теперь он одолел меня, отобрав у меня то, чему цены нет.

Внезапно я перенесся мыслями на Свободный Дом, в свой садик на крыше, где мы сидели за столиком рядом: я и бритая обезьяна по имени Льюис Бриггс. Я вспомнил, как из вскрытого конверта выпала бумажка с шестью именами.

Ни о какой телепатии речи не было. Просто память и интуиция.

— Майк Шендон,— прошептал я.

— Да, это он. Я не знал, что он из себя представляет, иначе ни за что не стал бы его воскрешать.

До меня только сейчас окончательно дошло, что Грин-Грин оживил всех шестерых. Жаль, я не подумал об этом раньше,— слишком углубился в мысли о Кэти и кровавом мщении.

— Безмозглый сукин сын,— выругался я.— Безмозглый сукин сын.

* * *

В веке, когда я родился (он идет под номером двадцатым), искусство (или ремесло?) шпионажа было в гораздо большем почете, чем, скажем, служба в американском военно-морском флоте или в сухопутных войсках. Оно было окружено романтическим ореолом,— как я полагаю, в связи с ростом международной напряженности. Сейчас романтика этой профессии несколько поблекла, но тогда она была знаменем времени.

В длинной цепочке популярных героев, от принцев эпохи Возрождения до чистеньких, аккуратных мальчиков, которые хоть и бедны, но честны и в поте лица зарабатывают хлеб свой, а в награду за добродетель женятся на дочерях начальников, в семидесятых годах двадцатого столетия появился супермен с защитой в воротник ампулой цианистого калия, обладающий прекрасной любовницей, которая предает его во время выполнения невероятно сложного и ответственного задания, где секс и насилие перемешаны с любовью и смертью. Секретный агент стал самой большой знаменитостью, любимцем публики, и его до сих пор вспоминают не без ностальгической грусти, как праздник Рождества в средневековой Англии. Его образ, естественно, не имел ничего общего с реальностью. А сегодняшние шпионы во сто раз скучнее, чем были их предшественники в те времена, о которых я говорю. Они по крохам собирают факты и, если им удастся что-то вынюхать, передают сведения оператору, который закладывает данные в компьютер вместе с кучей других, а еще кто-то третий пишет туманный отчет по полученным распечаткам, который подшивается к делу, и вскоре все о нем

забывают. Как я уже упоминал, звездные войны — штука чрезвычайно редкая, а классический шпионаж всегда был связан с военными тайнами.

Когда расширение политических границ стало невозможным благодаря современным средствам обороны, военный шпионаж потерял смысл. Остались только самые одаренные, самые талантливые профессионалы: промышленные шпионы. В двадцатом веке человек, укравший чертежи последней конструкции у „Дженерал Моторс“ для „Форда“, или девица, вынесшая в бюстгальтере выкройку модели от Диора — последний писк моды, — остались бы безо всякого внимания со стороны общественности. Но сейчас только такие шпионы в чести, только их и пестуют. Межпланетная торговля приобрела огромный размах, а с ней выросла и конкуренция. Отныне все, что могло бы дать преимущество перед соперниками, будь то новая технология или тщательно разработанная схема отгрузки товара, имеет такое же значение, как когда-то имел крупномасштабный план застройки Манхэттена. И если вы занимаетесь куплей-продажей или производством, грамотный шпион для вас — настоящий клад.

Майк Шендон был великолепным шпионом. От заказчиков у него отбоя не было. Я всегда немножко завидовал ему, потому что он достиг таких высот, каких не сумел достичь я сам.

Ростом он был дюйма на два выше меня и весил фунтов на двадцать пять побольше. Глаза у него были как отполированное ореховое дерево, а волосы — черные, как смоль. Он был изящен, одевался с большим вкусом. Говорил он бархатным баритоном, от которого у дам замирало сердце. Мальчишка, выросший на ферме, затерявшейся на захудалой планете Вава, вырос в пробивного малого, жадного до денег и любящего пожить на широкую ногу. Он занимался самообразованием, пока находился в „реабилитационном периоде“ за некие антиобщественные деяния. Попросту говоря, если перевести этот термин на язык, на котором изъяснялись в пору моей юности, он отсидел три года за какую-то грандиозную аферу и нахватался знаний, изучая литературу в тюремной библиотеке. Так грубо уже никто не выражается, но смысл остается тот же. „Реабилитационный период“ прошел успешно, судя по тому, что Майк долго не попадался на мошенни-

честве. Он, конечно, был необыкновенно везучий. Удивительно, как его вообще смогли замести,— с его-то способностями, хотя, впрочем, он не раз говорил мне, что его удел — всегда приходиться к финишу вторым. Майк Шендон был телепатом, а память у него была, наверно, от дьявола: в ней каждая деталь запечатлялась с фотографической точностью. Он был ловким, энергичным и сильным, снимал пенки, где только мог, а женщины слетались к нему, как мухи на мед,— я сам неоднократно имел возможность в этом убедиться.

Он работал на меня уже несколько лет, прежде чем я познакомился с ним лично. Один из моих вербовщиков откопал его где-то, нанял и отправил проходить обучение в спецотряде на Курсах Сэндоу, то есть в моей шпионской школе. Через год он закончил курс, вторым по успеваемости. Позднее он отличился в одном деле, которое скромно называлось „Исследование производственных процессов“. Его имя стало мелькать в тайных донесениях, и однажды я решил пригласить его на обед.

У него были приятные манеры и подкупающая искренность,— вот и все, что я смог потом про него вспомнить. Он был прирожденным авантюристом.

На свете мало телепатов, и информация, полученная при помощи передачи мыслей на расстоянии, не принимается к рассмотрению в суде. Тем не менее уникальные способности телепатов представляют огромную ценность. Каким бы нужным человеком ни был Шендон, он усложнял мою жизнь тем, что вечно влипал в какие-нибудь истории. Он постоянно тратил куда больше, чем зарабатывал.

Мне удалось узнать о его левых заработках и шантажах только многие годы спустя, уже после его смерти. Он всегда двурушничал, работая на разных хозяев. Нам стало известно об утечке информации из шпионской школы. Мы не знали, кто и как передает наши секреты. На розыски ушло пять лет. К тому моменту Курсы Сэндоу начали окончательно разваливаться.

Мы вычислили его. Было нелегко напасть на его след, но на помощь пришли четыре телепата. Они загнали его в угол, и Майк Шендон предстал перед судом. Я выступал как свидетель обвинения. Его признали виновным и осудили на новый „реабилитационный“ период. Только ради того, чтобы не закрывать

школу, мне трижды пришлось заниматься космическим строительством. Раны удалось зализать с большим трудом, и школа стала вновь функционировать нормально.

...Все бы было ничего, если бы не одна деталь: через несколько лет Шендон сбежал из реабилитационного центра, то есть из тюрьмы. Новости о его побеге распространились быстро — процесс получил сенсационную огласку.

Итак, его имя прибавилось к длинному реестру лиц, находящихся в уголовном розыске. Но во Вселенной так легко затеряться...

Однажды, прилетев на Землю, я решил обосноваться в штате Орегон, на побережье, рядом с городишком Кус-Бей. Три или четыре месяца все было тихо: я руководил деятельностью нашего концерна, в который входили еще две североамериканские компании. Видеть перед собой каждый день бескрайнюю гладь океана было отдыхом для истерзанной души. Морские запахи, береговые птицы, выброшенные на берег обломки, песчаный пляж, перемена погоды (то было холодно, то жарко; то дождь, то зной), соленый привкус на губах, необозримый горизонт, постоянное соседство перекачивающихся, разбивающихся о скалы сине-сериозно-зеленых волн поднимали тонус, успокаивая тревогу. Я прогуливался по берегу дважды в день. Если кто-нибудь интересовался моим именем, я представлялся как Карлос Палермо. Полтора месяца спустя я почувствовал себя посвежевшим, поздоровевшим и отдохнувшим, а моя финансовая империя, благодаря деятельности концерна, вновь укрепила уже пошатнувшиеся было позиции.

Местечко, где я остановился, раскинулось у маленькой бухточки. Белый оштукатуренный домик с красной черепичной крышей, где я жил, стоял у самой воды. Крохотный внутренний дворик был обнесен стеной. Сразу за тяжелыми чугунными воротами простирался пляж. К югу поднимался крутой кособор, сложенный серыми глинистыми сланцами; на севере бухту окаймляла поросль из перемежавшихся кустов и деревьев. Мирная, спокойная картина, — и у меня на душе было спокойно.

Ночь была прохладной, даже холодной. Низко висящая луна с отъеденной четвертушкой, отбрасывая блики на поверхности воды, начинала свой путь на восток. Звезды светили особенно ярко. Издалека доносилось

скрежетание работающих морских буровых вышек. Восемь торчавших мачт заслоняли мне созвездия. Лунный свет играл на отполированной морем глади плавучего острова.

Я не слышал его шагов. Он явно пробрался с северной стороны бухты, прячась среди кустов, и, подождав моего появления, которое он заранее вычислил, подошел как можно ближе и напал на меня, едва я осознал, что рядом кто-то есть.

Всякий телепат с легкостью может выпасть из поля зрения другого телепата,— это гораздо проще, чем вы думаете. Но в то же самое время он наблюдает за своим противником, отлично зная, где тот находится и что делает. Вся проблема сводится к так называемой „блокировке“. Телепат мысленно воздвигает вокруг себя непроницаемый щит, оставаясь эмоционально инертным.

Нужно признать, что это довольно трудно. Если один человек люто ненавидит другого и собирается его убить, невозможно настроить себя на абсолютное спокойствие,— вот что, оказывается, спасло мне жизнь.

Не могу сказать, что я с самого начала ощущал чье-то зловещее присутствие. Я просто гулял по влажной прибрежной полосе, вдыхая ароматы моря, когда внезапно спиной почувствовал, как кто-то идет за мной. Бывает, неожиданно просыпаешься среди ночи — теплой, летней, южной,— от неоформленных тревожных дум, хотя никаких причин для беспокойства нет, и ты уже начинаешь чертыхаться, на кой ляд ты так рано открыл глаза, как вдруг из соседней комнаты доносится странный шум, который усиливается и разрастается у тебя в мозгу, и вот уже все нервы напряжены, ты приходишь в состояние боевой готовности, а в желудке — спазм от ужаса, и, замирая, екает сердце; когда дурные мысли внезапно одолевают тебя, кончики пальцев, в которых бегают иголочки, начинают неметь (старинный общечеловеческий рефлекс), ночь кажется темнее, чем обычно, и мнится, что море — гигантская люлька, где качаются чудища, тянущие из вод свои жадные щупальца; в небе светлым пунктиром обозначен след от космического корабля, у которого в любую минуту могут отказать двигатели, и он, как метеор, упадет на землю, расплющив тебя.

Итак, когда я услышал хруст песка позади себя, кровь бросилась мне в голову.

Резко обернувшись, я чуть не растянулся во весь рост. Я споткнулся, зацепившись за что-то правой ногой, и грохнулся на песок, удачно встав на одно колено.

Тут я получил резкий удар кулаком по лицу и свалился набок. Он налег сверху на меня, и мы, сцепившись, покатались по прибрежной полосе. Кричать было бессмысленно: рядом не было ни души. Я, бросив пригоршню песка ему в глаза, пытался дать ему коленом в пах. Я знал, куда нужно бить: на теле человека есть не менее дюжины наиболее уязвимых и болезненных точек. Но у нападавшего была хорошая подготовка, он был крупнее меня и более ловок.

Как ни странно, лишь минут через пять после того, как мы начали драться, я понял, кто это был. Мы боролись у самой воды, — комья мокрого песка летели из-под потных, сплетенных в клубок тел. Он, сделав неожиданный рывок, головой разбил мне переносицу, а когда я схватил его за горло, с силой заломил мне два пальца. В лунном свете я увидел лицо своего противника — и узнал Майка Шендона.

Я понял: или он убьет меня, или я его. Избить до полусмерти было недостаточно. Больница или тюрьма только отложили бы нашу следующую встречу. Если я хотел жить, он должен был умереть. Наверно, его преследовала та же мысль.

Несколько секунд спустя я почувствовал, как что-то острое вонзилось мне в спину. Я отпрянул влево. Если он решил прикончить меня, значит, ему все равно, какими средствами пользоваться. Тогда и мне нечего быть разборчивым; главное — успеть, и нанести ему смертельный удар раньше.

Шендон тащил меня в воду. Когда меня с головой накрыла набежавшая волна, я правой рукой нащупал на дне шероховатый камень.

Он, прикрывшись, отразил мой первый удар. У телепатов в драке есть преимущество: они знают, как поведет себя их противник в следующий момент. Ужасно предвидеть свою смерть заранее — и быть бессильным.

При повторном ударе я попал ему в правый глаз, и, должно быть, предчувствуя гибель, он завыл, как со-

бака, прежде чем я разможил ему висок. Я стукнул его камнем по голове еще два раза для надежности и, отпихнув труп от себя, стал выкарабкиваться на сушу. Камень выскользнул из моих пальцев и, булькнув, ушел на дно.

Я долго лежал на песке, глядя на звезды, а волны, накатывая, мягко плескались у моих ног, омывая тело моего врага, распростертого в нескольких футах от меня.

Отдышавшись, я обыскал Майка Шендона, и среди его вещей обнаружил боевой пистолет. Он был заряжен и находился в отличном рабочем состоянии. Другими словами, он хотел убить меня своими собственными руками.

Он, взвесив все за и против, пошел на риск и предпочел личную встречу. Шендон мог бы выстрелить в меня из темноты, но он слишком сильно ненавидел меня, чтобы прицеливаться из-за угла. Будь он поумнее, он мог бы стать самым опасным и коварным врагом. Я уважал его за смелость. Если бы он пользовался другими методами, мне было бы легче справиться с ним. Впрочем, если дело касается насилия и преступлений, сам я *никогда* не позволяю эмоциям увести меня столь далеко, чтобы они диктовали мне средства.

Я сообщил куда следует о разбойном нападении, и Шендон остался лежать на Земле. Где-то в Далласе он превратился в узкую пленку памяти, которая вполне умещается на ладони,— и все, чем он был или надеялся стать, уместилось в кассету весом не более унции. Я думал, что через тридцать дней от него не останется ничего.

Много недель спустя, накануне моего отъезда, я вернулся на то место, которое находилось как раз напротив Токийского залива, если пересечь большую лужу под названием Тихий океан, и я был твердо уверен в том, что прошлое никогда не вернется назад. В воде, прыгая, искривлялись отраженные звезды, и, хотя я об этом не подозревал, на устах у зеленого пейянина уже бродила коварная улыбка: он собирался поудить рыбку в заливе.

* * *

— Безмозглый сукин сын,— сказал я ему.

VI

Мне не хотелось начинать все с самого начала. Кроме раздражения, во мне гнезился страх. Первый раз Шендон сделал промах, пойдя на поводу у своих эмоций. Вряд ли он допустит одну и ту же ошибку дважды.

Он был горяч и очень опасен, теперь же он обладал такой властью, которая делала его опаснее во сто крат. Он знал о том, что я нахожусь на Иллирии. Я невольно выдал себя, передав мысленное сообщение Грин-Грину.

— Вы осложнили мою задачу,— произнес я.— Значит, будем решать ее вместе.

— Не понимаю вас,— удивился Грин-Грин.

— Вы заманили меня в мышеловку. Приманка была весьма соблазнительной. Другие тоже поставили мышеловку, с более крепкой защелкой. Но приманка не стала менее соблазнительной. Итак, я отправляюсь дальше, а вы идете со мной.

Он рассмеялся.

— К сожалению, наши пути здесь расходятся. Я бы охотно сопровождал вас, но какой прок от меня в качестве пленника? Я буду только обузой.

— У меня есть три варианта,— заявил я.— Либо я убиваю вас, либо отпускаю на все четыре стороны, либо позволяю вам следовать за мной. Первый вариант — не выход из положения. Мертвый вы мне не нужны. Отпустив вас на все четыре стороны, я один завершу то, что начал. И если я одержу победу, то непременно вернусь на Мегалепю и там расскажу, как провалился с треском ваш многолетний план мщения простому землянину. Я поведаю всем, как вы отказались от своей затеи и позорно бежали, испугавшись, что другой землянин сделает из вас котлету. Если вам вздумается жениться, то невесту придется поискать где-нибудь подальше от пейан, в других мирах, но и туда может докатиться ваша дурная слава. И никто уже не станет называть вас „Дра“, несмотря на ваше богатство. И вы никогда не услышите звон колоколов после начала прилива, и даже похоронный колокол будет бить не для вас.

— Пусть глубоководные слепые рыбы со светящимся круглым брюхом узнают вкус вашего костного моз-

га,— Грин-Грин пробормотал вычурное пейанское проклятие.

Я выпустил колечко дыма и продолжал:

— Если я пойду дальше один и погибну в бою, разве вам удастся избежать смерти? Разве вы еще не поняли, кто такой Майк Шендон? Вы же сами сказали, что однажды одолели его. Он не такой человек, чтобы забыть о своих обидах. Он вам отплатит сполна. Правда, он не так скрупулезен, как пейане: он не будет оттачивать идею мщения, доводя ее до совершенства. Изыски ему ни к чему. В один прекрасный день он достанет вас из-под земли и прикончит на месте. И неважно, проиграю я или одержу победу: для вас дело обернется либо бесчестьем, либо гибелью.

— А если я соглашусь следовать за вами и помогать вам, что тогда? — спросил он.

— Я забуду о том, что вы собирались мне мстить. Я докажу вам, что с моей стороны не было *пайбарды* — личного глубокого оскорбления, и тогда вы сможете спокойно, с чистой совестью отказаться от мщения. Я не буду стремиться воздать вам за то зло, которое вы мне причинили, и мы разойдемся в разные стороны, не держа обид друг на друга.

— Нет,— возразил он.— *Пайбарда* была. Вспомните, как вас возвысили, причислив к клану Великих. Я не принимаю ваше предложение.

Я пожал плечами.

— Ну, ладно,— буркнул я.— Подумайте сами, что будет дальше. Поскольку все ваши намерения мне заранее известны, бессмысленно разрабатывать схемы мщения в классическом стиле. Для вас самый сладкий и прекрасный миг наступает лишь тогда, когда ваш враг осознает, почему, как, из-за какой *пайбарды* ему предстоит мучительная смерть, и его внезапно осеняет, что вся его жизнь была лишь нелепой экспозицией к трагической развязке. Так вот, такого момента не ждите. Он сводится к нулю.

Я могу вам также предложить другие условия. Я принимаю ваш вызов, а не дарю вам прощение,— предложил я.— Помогите мне сейчас, а потом я представлю вам возможность поединка со мной. Быть может, вам удастся уничтожить меня. Но и у меня есть равные шансы: я могу уничтожить вас. Что вы на это скажете?

— А к каким средствам вы думаете прибегнуть?

— Пока ни к каким. Воспользуемся тем, что будет достойно нас обоих.

— А какие заверения вы мне дадите?

— Клянусь Великим Божеством, имя которого я ношу.

Он отвернулся от меня и помолчал. После паузы он произнес:

— Я согласен на ваши условия. Я готов сопровождать вас и помогать вам во всем.

— Тогда давайте присядем и устроимся поудобнее,— предложил я.— Нам много о чем нужно поговорить. Вы намекаете на обстоятельства, о которых я бы хотел знать все до конца.

Повернувшись к нему спиной, я отошел в сторону. Сложив палатку и расстелив синтепласт, чтобы не сидеть на сырой земле, я развел костер.

Пока мы рассаживались у костра, я чувствовал, как земля дрожит у нас под ногами.

— Ваша работа? — спросил я, указывая рукой на северо-запад.

— Отчасти,— ответил он.

— Но зачем? Чтобы напугать меня?

— Не только вас.

— Ну и как, удалось вам испугать Шендона?

— Ничуть не бывало.

— Может, вы расскажете мне, что здесь, в сущности, произошло?

— Давайте сначала поговорим о нашем соглашении,— попросил он.— У меня к вам встречное предложение. Не сомневаюсь, что вы им заинтересуетесь.

— Что вы хотите мне предложить?

— Вы собираетесь спасти своих друзей, не так ли? — Он вопросительно поднял брови.— А что, если мы вызволим их из беды, не подвергая себя риску? Что, если мы вообще не будем трогать Майка Шендона? Или вы жаждете крови, и немедленно?

Я сидел, обдумывая его идею. Если я оставлю Майка Шендона в живых, рано или поздно он встанет на моем пути. С другой стороны, если сейчас его можно обойти и добиться того, чего я хочу, не сталкиваясь с ним лицом к лицу, я впоследствии смогу изобрести тысячу способов расправы. Я прибыл на Иллирию,

чтобы встретить покойников. Их лица и имена могли измениться, но какая разница? И все же...

— Ближе к делу, Грин-Грин,— поторопил я его.

— Люди, которых вы ищете,— продолжал он,— находятся здесь только потому, что я воскресил их. Вы уже знаете, как я это сделал. Я пользовался кассетами. Пленки памяти в них в целости и сохранности, и я один знаю, где они. Я рассказывал вам, как мне удалось их добыть. Я могу воспользоваться тем же способом и сейчас. Стоит только меня попросить,— и через минуту они будут здесь, в ваших руках. Затем мы уезжаем отсюда, и вы восстанавливаете ваших знакомых. А когда мы, в полной безопасности, будем сидеть в вашем корабле, я покажу вам местечко, куда нужно сбросить бомбу, чтобы покончить с Майком Шендоном. Разве это не выход? И проще, и надежнее. А наши разногласия, согласно уговору, мы уладим потом.

— В вашей программе есть два слабых места,— возразил я.— Первое. У вас нет пленки Рут Ларис. Второе. Уезжая, я бросаю моих друзей здесь. И неважно, могу ли я воссоздать их личности снова или не могу. Важно то, что я сейчас бросаю их на произвол судьбы.

— Восстановленные вами индивиды не будут помнить того, что с ними произошло на Иллирии.

— Не в этом суть. Сейчас они живы. Они так же реальны, как вы и я. Они не знают, что я могу сделать еще один дубль. Кстати, где они сейчас? На Острове Мертвых?

— Да.

— Я должен спасти их всех, даже если ради них мне придется прикончить Майка Шендона и разрушить остров.

— Ну, зачем же такие крайности?

— Я отказываюсь от вашего предложения.

— Ваше право.

— Других предложений у вас нет?

— Нет.

— Отлично. Поскольку тема исчерпана, давайте поговорим о другом. Расскажите мне, что у вас с Шендоном здесь произошло.

— Он теперь тоже Великий Носитель Имени.

— Что?!!

— За ним стоит тень Белиона.

— Но это невозможно! Просто ни в какие ворота не лезет! Он же не творец мироздания!

— Одну минуточку, Фрэнк. Сейчас я вам все объясню. Есть вещи, о которых Дра Марлинг никогда не говорил вам. Он был ревизионистом, и его можно понять. Знаете ли вы, что вовсе не обязательно быть Великим Носителем Имени Бога, чтобы создавать новые миры?

— Как это не обязательно? Это — необходимая психологическая предпосылка для реализации скрытых возможностей, которые необходимы на определенных этапах работы. Нужно чувствовать себя Богом, чтобы стать творцом Вселенной.

— Но я же обладаю такими способностями!

— Я никогда раньше не слышал о вас, пока вы не объявили мне войну. Я ни разу не видел ваших работ, а знаком только с теми фокусами, которые вы вытворяли на Иллирии, чтобы устроить меня. Если все ваши произведения таковы, вы — не мастер, а топорный ремесленник.

— Называйте меня как хотите,— обиделся он.— Но я знаю одно: я умею управлять сложнейшими универсальными процессами.

— Да любой халтурщик может этому научиться! Речь ведь идет о судьбах мироздания, о божественном промысле, но вы к таким вещам не имеете никакого отношения.

— Я не говорил вам о пантеоне Странтри? Он существовал еще задолго до того, как появились Великие Носители Имен.

— Я знаю. Ну и что из того?

— Ревизионисты, подобно Дра Марлингу и его предшественникам, в своих деяниях опирались на старую религию. Они использовали ее не ради своих личных выгод, а, как вы изволили выразиться, в качестве психологической предпосылки. То, что вас возвели в звание Громовержца,— не более чем средство координации вашего подсознания. Для фундаменталиста сей факт является святотатством.

— Так вы — фундаменталист?

— Да.

— Тогда с какой целью вы изучали науки, которые вы сами считаете греховными?

— Чтобы получить право называться Великим.

— Боюсь, что начинаю терять к вам уважение.

— Я хотел получить статус Великого, а не приобрести мастерство. Мною двигало не стремление к выгоде, а религиозные убеждения.

— Но поскольку речь идет о психологической предпосылке...

— Вот-вот. Не в ней суть. Истинны только религиозные обряды. Их высший смысл — личный контакт с Богом. Таким ритуальным правом пользуются только посвященные в высший духовный сан служители Странтри.

— Почему же вы не стали священнослужителем, а занялись созиданием миров?

— Потому что только Великие могут совершать культовые обряды, а все двадцать семь Носителей Имен Божьих — ревизионисты. Они — не я, и всегда будут действовать согласно своим сектантским религиозным представлениям.

— Теперь их двадцать шесть,— сообщил я.

— Двадцать шесть?

— Дра Марлинг лежит под горой, в склепе, а Лоримель Многорукий пребывает в Счастливом Небытии.

Грин-Грин опустил голову и, помолчав, произнес:

— Еще одним меньше. Я помню времена, когда их было сорок три.

— Печально.

— Да, весьма печально.

— А для чего вы хотели стать Великим?

— Для того, чтобы стать служителем культа, а не творцом мироздания. Но ревизионисты не допустили меня в свой круг. Они дали мне возможность пройти полный курс обучения, а затем отвергли меня. Мало того, чтобы еще больше унижить меня, они дали звание Великого чужаку, какому-то неизвестному землянину...

— Теперь понятно. Поэтому вы избрали меня объектом мщения?

— Да.

— За то, что случилось с вами, я не несу никакой ответственности. Более того,— обо всей этой истории я слышу впервые. Мне всегда казалось, что сектантские противоречия в странтризме не имеют основополагающего значения.

— Теперь вы будете в курсе религиозных расхождений. Вы также должны понять, что я не имею ничего

против вас лично. Возмездие — только удар по богохульникам.

— Зачем же вы занимаетесь космическим строительством, если считаете его аморальным?

— Само по себе созидание миров не аморально. Я возражаю лишь против превращения истинной веры в служанку ради утилитарных целей. Хотя я и не являюсь полноправным Носителем Имени, если говорить о титулах, но обладаю теми же способностями, что и они. Почему же не использовать свой талант и не получать деньги за работу?

— В самом деле, никаких причин нет, и, если кто-то хочет вам платить, пусть платит. А какова ваша связь с Белионом, и что общего у Белиона с Майком Шендоном?

— Я совершил грех и получил возмездие. Однажды ночью я сам произвел обряд конфирмации, причастившись в храме на Прилбее. Вы знаете, как это происходит. Сначала — жертвоприношение, потом, читая молитвы, идешь вдоль стен храма, отдавая дань уважения каждому из богов. И вдруг одна из пластин с изображением бога вспыхивает, и ты чувствуешь, как твое тело наливается новыми, неизвестными силами; значит, перед тобой — бог, имя которого тебе суждено носить.

— Да, я знаю.

— Со мной это произошло, когда я остановился перед Белионом.

— Итак, вы причастились.

— Скорее, он причастил меня, своим собственным именем. Я не хотел останавливаться перед Белионом, потому что он — разрушитель, а не созидатель. Я надеялся, что меня выберет Кирвар Четырехликий, Отец Цветов.

— Каждому суждено свое.

— Да, вы правы. Но со мной произошла ошибка. Белион движет мной даже когда я не призываю его на помощь. Я до конца не уверен, но, вероятно, он подтолкнул меня к тому, чтобы я мстил вам, потому что Белион и Шимбо-Громовержец, имя которого вы носите, — вечные враги. Я выложил вам все начистоту. Теперь я смотрю на мир другими глазами. Да, да, так бывает... Многое изменилось с тех пор, как он оставил меня.

— Как он мог оставить вас? Благосклонность бога даруется пожизненно.

— Поскольку конфирмация была незаконной, я лишился его покровительства. Белион бросил меня.

— А что Шендон?

— Шендон — один из немногих представителей вашей расы, кто умеет передавать мысли на расстоянии, — как и вы.

— Я не сразу этому научился. Я овладевал искусством телепатии постепенно, по мере занятий с Марлингом.

— Когда я воскресил Шендона, первое, что я прочел в его сознании, была гнетущая мысль о том, что он погиб от вашей руки. Но вскоре он оправился, отбросив печальные думы, и быстро разобрался, что к чему. Меня забавляла оригинальность его мышления, — я выделил его среди других заложников. Мы часто беседовали с ним, и он многому у меня научился. Он стал помогать мне в подготовке вашего визита.

— А сколько он уже здесь?

— Около *спланта*, — ответил Грин-Грин (сплант равен восьми с половиной месяцам). — Я воскресил всех примерно в одно время.

— А зачем вы похитили Рут Ларис?

— Я думал, вы не поверите в воскресение ваших знакомых. Ведь после того, как вы получили фотографии, не было предпринято никаких мер по розыску. Мне было бы приятно, если бы вы обнаружили ваших мертвецов лишь после долгих и мучительных поисков. Но, поскольку на мои письма вы не отреагировали, пришлось перейти к более крутым мерам. Я похитил вашу подругу, одну из тех женщин, что много значили для вас. Если бы вы проигнорировали то послание, которое я рискнул оставить для вас на Дрисколле, я предпринял бы еще одну попытку, затем другую, третью и давил бы на вас до тех пор, пока бы вы не начали поиски.

— Итак, Шендон стал вашим фаворитом. Вы доверяли ему?

— Безусловно. Он был очень способным учеником и отличным помощником. Прибавьте к этому живой ум, хорошие манеры... Мне нравилось общаться с ним.

— До недавнего времени, — съязвил я.

— Да. К сожалению, я неверно истолковал его заинтересованность и готовность к сотрудничеству. Он, естественно, поддерживал меня в намерении отомстить вам. Все остальные ваши враги разделяли мои позиции, но они далеко не так сообразительны, как Майк. Кроме того, только он был телепатом. Ни с кем больше я не мог вступать в контакт на расстоянии.

— И на какой же почве возник конфликт у новых друзей? — ядовито спросил я.

— Вчера между нами произошла размолвка. Сначала мне казалось, что причиной ссоры был вопрос о том, кто из нас будет вам мстить. Но, как я сейчас понимаю, речь шла о власти. Он оказался хитрее, чем я предполагал, и я позволил обвести себя вокруг пальца.

— Каким образом?

— Сначала он сказал, что вашей смерти, как таковой, ему мало. Он заявил, что хочет расправиться с вами лично, и потребовал, чтобы я уступил ему право отомстить вам. Так мы не договаривались. Разгорелся жаркий спор. В конце концов он отказался следовать моим указаниям, а я в ответ пригрозил, что он будет за это наказан.

Грин-Грин помолчал минуту и продолжил свой рассказ.

— Тогда он ударил меня. Кулаком по лицу. Я защищался. Ярость кипела во мне, и я решил избить его до полусмерти. Я призвал Белиона, своего покровителя, чье имя я ношу, и он, услышав мой вопль о помощи, пришел ко мне. Черпая силы из ближайшего энергетического источника, я устроил землетрясение: трава горела под ногами, из недр земли, сквозь разверстые трещины вырывались языки пламени и ядовитые газы. Шендон чуть не погиб: на какое-то мгновение он потерял равновесие, закачавшись на краю пропасти. Он получил сильные ожоги, но чудом сумел удержаться и не рухнуть вниз. Он добился, чего хотел: он заставил меня призвать Белиона.

— Для чего ему это было нужно?

— Он знал мою историю так же хорошо, как теперь знаете ее вы. Я сам рассказал ему, как стал Великим, и у него был план, который он непонятным образом смог укрыть от меня. Будь мне заранее известно о его

коварных намерениях, я бы только рассмеялся. Я, как и вы сейчас, не верил, что такое возможно. Но я горько ошибался. Шендон вступил в сговор с Белионом.

Он нарочно вызвал у меня гнев и, подвергая мою жизнь опасности, вынудил меня вызвать моего покровителя, и ждал его появления. Он знал, что делает, и какое-то время нарочно боролся вполсилы. Когда тень Бога накрыла меня и я стал един с ним, Шендон мысленно обратился к Белиону. Майк — игрок по натуре и рисковал жизнью в борьбе за власть. Он послал Белиону сигнал, не облакая свою речь в слова. Вот что он передал ему:

— Я буду верно служить тебе и твоему промыслу, который есть огонь и разрушение всего сущего. Тот, кто стоит передо мной, слишком слаб для твоих целей. Ему был нужен не ты, а Отец Цветов. Ты зря причастил его. Иди ко мне, и мы оба выиграем от такого союза.

Грин-Грин снова замолчал.

— И что же было дальше? — поинтересовался я.

— Я остался один.

Вдалеке прокричала птица. Ночь дышала сыростью, и влажные испарения, казалось, обволакивали весь мир. Я ждал, что вскоре на востоке заалееет горизонт. Я глядел на костер и в его отблеске не видел знакомых лиц.

— После вашего рассказа теория автономного комплекса разваливается на куски, — сказал я. — Но я слышал, что психические расстройства, которыми страдают телепаты, могут передаваться другим. Здесь, наверное, что-то в этом роде.

— Нет. Мы с Белионом были связаны обрядом конфирмации. Он нашел себе другого фаворита и бросил меня, переметнувшись к нему.

— Я до конца не верю, что Белион — нечто реально существующее.

— Как?! Вы — Великий Носитель Имени, и не верите? Вы наносите мне оскорбление.

— Ну, ладно, не делайте из мухи слона. Не ищите пайбарды там, где ее нет и в помине. Я только сказал, что не до конца верю. Я просто не знаю. Итак, что же случилось после того, как Шендон вступил в сговор с Белионом?

— Он, повернувшись ко мне спиной, медленно отошел прочь от расселины, лежавшей между нами.

Я больше не существовал для него. Я телепатически проник в его сознание и понял, что Белион остался с ним. Шендон поднял руку — и весь остров задрожал. Тогда я обратился в бегство. У причала стояла лодка. Отвязав ее, я поплыл к другому берегу, прорываясь сквозь бурлящие водовороты. Внезапно началось извержение вулкана. Я обернулся назад и увидел жерло огнедышащей горы, поднимающейся со дна озера. Посреди острова, подняв руку, стоял Шендон, окутанный дымом и пламенем. Тогда я решил разыскать вас. Лишь потом я получил ваше мысленное послание.

— Скажите, а умел ли Шендон пользоваться энергетическими источниками?

— Нет. Он даже не ощущал их присутствия.

— А что случилось со всеми остальными пленниками?

— Они сейчас на острове. Правда, кое-кому для успокоения пришлось дать наркотики.

— Понятно.

— Может, вы передумаете и поступите так, как я вам посоветовал?

— Нет.

Мы минут пятнадцать посидели молча, пока не стало совсем светло. Туман начал постепенно рассеиваться, но небо по-прежнему было облачным. Края облаков пламенели в лучах рассветного солнца. Подул сильный ветер. Я размышлял о своем бывшем тайном агенте, забавляющемся игрой в извержение вулкана и запросто говорящем с Белионом. Пришла пора нанести ему удар, пока он опьянен новой силой и властью. Лучше всего было бы убрать его с острова подальше, закинув куда-нибудь в отдаленный уголок Иллирии, где еще не успел поработать Грин-Грин, и где животный и растительный мир будут моими союзниками. Ясно, как дважды два, что там ему нечего будет мне противопоставить. Я хотел разлучить его с другими обитателями Острова мертвых, но не знал как.

— Интересно, сколько времени у вас ушло на то, чтобы так испоганить это место?

— Я начал работать над изменением местности лет тридцать назад,— признался он.

Покачивая головой, я поднялся и стал забрасывать землей костер, пока пламя не погасло.

Давным-давно, в стародавние времена, центром мира, как считали древние скандинавы, была пропасть *Гиннунга*, в которой вечно царили сумерки. С северного края она оканчивалась льдом, зато с южного полыхало пламя. Многие века две стихии боролись друг с другом, огонь расплавлял лед, текли реки, и в пропасти зародилась жизнь.

А шумерский миф повествует об Эн-Ки, который победил в схватке Тиамата, морского дракона, и, усмирив его, отделил землю от воды. Надо полагать, что Эн-Ки представлял собой нечто вроде огня.

Ацтеки же считали, что первый человек был создан из камня, а огненное небо послужило предзнаменованием новой эры.

У людей бытует масса представлений о конце света: Страшный Суд, *Gottterdammerung*¹, расплав атомов. Я много раз наблюдал, как уходят люди и миры (и в прямом, и в переносном смысле). И всегда было, есть и будет одно и то же. Всегда — лед и пламя.

Совершенно неважно, какое у вас академическое образование: в душе вы алхимик. Вы живете в мире твердых, жидких и газообразных тел, а также процессов теплообмена, которые способствуют переходу материи из одного состояния в другое. Есть вещи, которые вы осознаете, и есть вещи, которые вы чувствуете. То, что вам известно об их природе, тесно связано с древними представлениями. Чувственное восприятие každодневной реальности — от утренней чашечки кофе до запуска воздушного змея — основывается на четырех идеальных элементах, о которых говорили еще древние философы: земля, воздух, огонь, вода.

Давайте рассмотрим каждую субстанцию по порядку. Воздух ничего особенного из себя не представляет, с какой точки зрения его ни рассматривай. Без него нельзя жить, но, поскольку он невидим и поведение его не поддается наблюдению, его воспринимают как нечто само собой разумеющееся. Им можно пренебречь.

Земля. Вся беда в том, что она чересчур устойчива и прочна. Твердые предметы характеризуются удручающим однообразием.

¹ *Gottterdammerung* — Сумерки богов (нем.)

Огонь и вода ведут себя совсем по-другому. Они бесформенны, но обладают цветом. Они всегда в действии. Призывая грешников к раскаянию, духовники или провидцы очень редко грозят тем, что божий гнев обрушится на их головы в виде оползней или ураганов. Нет, в наказание за несправедливые дела они пророчат им потоп или геенну огненную. В развитии первобытного человека произошел огромный скачок, когда он научился добывать огонь и тушить его водой.

Издавна считается, что в аду бушует пламя, а океан заселен чудищами. Я полагаю, что случайности здесь нет. Оба элемента подвижны, а движение — признак жизни. Они оба таинственны и непостижимы и обладают разрушительной силой. Не удивительно, что все мыслящие существа во Вселенной относятся к огню и воде с одинаковым уважением. Это — взгляд алхимика.

Мы с Кэти тоже были как две стихии. У нас был бурный роман, загадочная, непонятная страсть, наносящая обиды и раны, то пробуждающая к жизни, то зовущая к смерти.

До того как мы поженились, она два года проработала у меня личным секретарем: маленькая смуглянка с красивыми руками, которой очень шли яркие цвета. И еще она очень любила бросать крошки птицам.

Я нанял ее через агентство на планете Маэль. В пору моей юности считалось большой удачей взять на службу умную, красивую девушку со знанием стенографии и машинописи. Когда мы познакомились, на рынке рабочей силы предложение намного превышало спрос, академическое образование обесценилось, а требования к правильной и своевременной обработке лавины деловых бумаг повысились. Я принял ее по совету компаньонов моей фирмы, узнав, что она — обладательница диплома, полученного на Высших Курсах Секретарей при одном маэльском институте. Боже мой! Даже вспоминать страшно, что творилось у меня в первый год ее службы. Все валялось у нее из рук. То у нее ломалась моя персоналка, то она по полгода забывала отдать мне срочную корреспонденцию. Я не пожалел затрат и отремонтировал для нее пишущую машинку XX века. Я обучил ее машинописи и стенографии, и вскоре она стала не хуже старых выпускниц коллед-

жа со званием „референт-делопроизводитель“. Деловая жизнь вернулась в нормальное русло. Из всего моего окружения только она одна умела разгадывать ребусы: оставляя записки, мы часто сочиняли их друг для друга, чтобы другим ничего не было понятно, и это нас объединяло. Она была как яркий огонек, а я — большое влажное покрывало. В первые месяцы ее работы я не раз доводил ее до слез. Но вскоре она стала незаменимым помощником, и я понял, что не могу без нее обходиться не только потому, что она — хороший секретарь. Мы поженились и шесть лет были счастливы, вернее, шесть с половиной. Она погибла при пожаре на пристани в Майами, куда отправилась, чтобы встретить меня и отвезти на конференцию. Она родила мне двух сыновей, и один из них еще жив. С тех пор пожары преследуют меня всю жизнь. Вода же всегда была моим верным другом.

Несмотря на то, что я тяготею к воде больше, чем к огню, миры, мною созданные, суть порождение обеих стихий. Мои планеты Кокитус, Новая Индиана, Святой Мартин, Бунинград, Милосердие и Иллирия прошли процессы горения, затопления, испарения и охлаждения. Сейчас я шел лесом по планете, которую задумал как парк или курорт. Я шагал по Иллирии бок о бок со своим недавним врагом, купившим ее, и с грустью взирал на опустошенные заказники, куда больше не ступит нога человека; не будет здесь больше туристов, отдыхающих, отпускников — счастливчиков, до сих пор обожающих дикую природу: деревья, горы, озера. Путешественников теперь сюда не заманишь: деревья превратились в скрюченных калек, озера — в грязные отстойники, земля вздыбилась, и жаркие потоки лавы — ее кровь — изливаются из огнедышащей горы, которая маячит впереди; огонь, как всегда, ждет не дожидается меня. На плечи давили низко нависающие облака, и их матовая белизна резко контрастировала с моей облаченной в черное фигурой, а между нами в воздухе, как бесконечное напоминание о смерти, вились, оседая на меня, сажа и копоть, посылаемые огнем.

Кэти понравилось бы на Иллирии, попади она сюда по своей воле и в другое время. Мысль о том, что она здесь, во власти Шендона, глодала меня. Я чертыхнулся и тем самым подвел итог своим рассуждениям об алхимии.

Мы шли не более часа, но Грин-Грин начал жаловаться на общую усталость и боль в плече. Я популярно объяснил ему, что он может рассчитывать на мое сочувствие лишь пока идет вперед, не останавливаясь. Должно быть, мой ответ его осадил,— по крайней мере, ныть он перестал. Еще час спустя я позволил ему передохнуть, а сам полез на дерево, чтобы сверху осмотреть окрестности. Остров был уже близко: предстоял еще один спуск, каких мы уже немало преодолели.

С момента моего приземления погода была отвратительная; сейчас заметно потеплело. Меня обдувал теплый ветерок, и, пока я взбирался по ветвям все выше и выше, мягкая кора крошилась у меня под руками. С листьев, которые я задевал, сыпались хлопья саж и пепла, создавая вокруг меня облако пыли. Глаза у меня покраснели и стали слезиться,— я несколько раз чихнул.

Поверх развесистых крон мне удалось разглядеть самую высокую точку острова. Чуть левее, позади него, из воды выпирал неизвестный мне конический силуэт вулкана, из жерла которого валил удушливый дым. Я опять чертыхнулся и стал спускаться вниз.

До Ахерона ходу оставалось не менее двух часов.

На маслянистой поверхности озера отражались огненные блики. Лава и горячие обломки магматических пород с шипением уходили под воду. Я чувствовал себя потным, грязным, распаренным. Мне стало совсем худо, когда я увидел то, что осталось от моего творения.

С мелкой пенистой волной на берег выносило нечистоты, оставлявшие грязную кромку на песке. Вода помутнела от всякой дряни, устремлявшейся к суше. Отмель была усеянадохлыми рыбами, валявшимися кверху брюхом, и от них шла непереносимая вонь, как от тухлых яиц. Я, с сигаретой в зубах, присел на береговую скалу, наблюдая за обстановкой.

В миле от меня лежал Остров мертвых, такой же, как и прежде,— пустынный и зловещий, как тень без фигуры. Я наклонился и попробовал воду пальцем. Она была горячей, почти кипящей. Далеко на востоке зажегся новый огонь на конической вершине: из озера вставал еще один вулкан.

— Я высадился на берег в полумиле отсюда,— сообщил мне Грин-Грин.

Я кивнул в ответ, продолжая наблюдение. В тот утренний час Остров мертвых напоминал мне картинку из рекламного проспекта. С южной стороны, то есть с той, на которую я смотрел, вдоль извилистой бухточки тянулась узкая полоска песка, не более двухсот футов в ширину. За ней начиналась скала с триадой естественных уступов, зигзагом уходящих к остроко-
нечному пику.

— Как вы думаете, где он сейчас? — спросил я.

— В замке. Примерно посередине скалы, на полпути вверх. У меня там была своя лаборатория. Я под нее расчистил несколько пещер, — ответил Грин-Грин.

Атаковать остров с тыла было почти безумием, так как по всему его периметру, кроме южного побережья, в воду уходили отвесные, голые скалы.

Почти безумием, но...

Ни Грин-Грин, ни Шендон наверняка не имели понятия, что остров можно взять с севера, взобравшись по скале. Проектируя горный массив, я нарочно сделал так, чтобы с виду он казался неприступным, но в действительности дела мои обстояли не так уж плохо. Я всегда оставляю себе путь для отступления: неплохо иметь запасной выход. Поэтому я продумал архитектуру острова заранее. Выбрав такой маршрут, мне предстояло влезть по гранитной скале и спуститься с ее вершины к замку, где засел Шендон.

Утвердившись в своем намерении, я решил ничего не говорить Грин-Грину до последней минуты. Во-первых, он был телепатом, а во-вторых, рассказывая мне байки про свою несчастную судьбу, он мог просто морочить мне голову. Они с Шендоном вполне могли договориться, вступив в дистанционный контакт, и обвести меня вокруг пальца. Да и Шендон вряд ли был нужен Грин-Грину, как таковой, — он вполне мог приплести его для красного словца. Я не верил пейанину ни на грош, — так говорили в старые времена, когда в обращении еще были медные монеты.

— Ну, пошли, — позвал я его, бросив окурков в помойную яму, которую сделали из моего озера. — Покажите мне, где вы спрятали лодку.

Мы двинулись влево по прибрежной полосе, к тому месту, где когда-то высадился Грин-Грин, но лодки не нашли.

— Вы точно уверены, что оставили ее здесь?

— Да.
— Где же ваша посудина, черт побери?
— Наверно, отвязалась при землетрясении, и ее унесло.

— Вы можете доплыть до острова?

— Да.

— А как же больное плечо?

— Я — пейанин, — с гордостью заявил он, и это означало, что даже прошитый пулями насквозь он сможет переплыть хоть Ла-Манш, причем туда и обратно, без отдыха.

Я нарочно задал ему последний вопрос, чтобы подразнить его.

— Нам не доплыть до острова, — вдруг сказал он.

— Почему же?

— Из вулкана в озеро изливаются горячие потоки лавы. Вода почти кипит.

— Тогда мы построим плот, — сообразил я. — Пока я буду валить деревья, вы поищите что-нибудь подходящее, чем связать стволы.

— А что именно? — спросил он.

— Вы же сами портили этот лес, — ответил я. — Значит, не хуже меня знаете, что здесь растет. Впрочем, где-то неподалеку я видел лианы. Они крепкие, нам вполне сгодятся.

— У них стебли колючие. Голыми руками не разорвать, — заканючил Грин-Грин. — Дайте мне ваш нож.

Я поколебался несколько секунд.

— Так и быть, держите.

— Волны будут захлестывать плот. Мы сваримся, — предупредил Грин-Грин.

— Не каркайте. Воду можно остудить.

— Каким образом?

— Вызвать дождь.

— А как же вулканы?

— Посмотрим.

Он кивнул, недовольно передернув плечами, и отправился срезать лианы. Я, непрерывно оглядываясь, валил деревья и сдирал со стволов кору, следя, чтобы срез в диаметре был не более шести дюймов, а длина бревна — десять футов.

Вскоре, благодаря моим усилиям, пошел дождь, обложной и промозглый.

Несколько часов подряд с неба, как из решета, на землю сыпалась мелкая морось. Капли барабанили по воде, и от них на поверхности озера пучились пузыри; меж береговых кустов вились мутные ручейки, отдающие нечистотами.

Выточив из дерева два широких весла и срезав пару длинных шестов, я стал поджидать Грин-Грина с добычей, чтобы как следует связать бревна для плота, но так и не дождался. Внезапно земля разверзлась передо мной, и из расщелины хлынула огненная река, пламенеющая, как заходящее солнце. Меня оглушило ударной волной. Все озеро вздыбилось, и вода стеной двинулась на меня. Но это были еще игрушки... Я бросился бежать и мгновенно взобрался на верхушку самого высокого дерева. Волна добралась до корней, но не поднялась выше фута. За последующие двадцать минут меня едва не накрыли с головой три таких волны; затем воды медленно начали отступать, обволакивая густым илом и грязью свежеструганные весла и бревна для плота.

Я просто взбесился. Я и раньше понимал, что мой дождь не сможет погасить его чертовы вулканы, но теперь опасность усугублялась.

Меня заколотило от ярости, когда я увидел, что вся моя работа пошла насмарку.

Я грязно выругался.

Откуда-то издалека донесся голос пейанина. Грин-Грин звал меня, но я не откликнулся.

В тот момент я уже не был Фрэнсисом Сэндоу.

Припав к земле, я почувствовал мощную тягу: слева от меня, в нескольких сотнях ярдов, пульсировал энергетический источник. Я устремился вверх по склону, чтобы подключиться к нему.

Сверху мне открывался вид на остров и на озеро, по которому гуляли всклокоченные волны. Наверно, острота зрения у меня повысилась: отсюда я ясно различал силуэт замка. Мне даже показалось, что кто-то копошится во дворе, у ворот, преграждавших вход в замок со стороны озера. У человека глаз не такой острый, как у пейанина. Грин-Грин говорил мне, что после побега четко видел Шендона на другом берегу.

Я слышал, как бьется сердце Иллирии, стоя у ее основной водной артерии, и могущество мое постепенно росло, сила все прибывала.

Я сконцентрировался, и вскоре морось перешла в страшный ливень, а когда я опустил руку, сверкнула молния и загрохотал гром, эхом раскатывая барабанную дробь по свинцово-серому небу.

Ветер, внезапный, как кошачий прыжок, и холодный, как северное сияние, чуть не сбив меня с ног, обжег мне щеки ледяным дыханием.

Грин-Грин снова окликнул меня. Голос шел откуда-то справа.

Небеса прорвало: дождь лил, как из ведра, укрыв замок плотной завесой, да и сам остров стал едва различим сквозь густую сетку капель. Вершины вулканов слабо мерцали над водой. Ветер оглушительно шумел в ушах, напоминая грохот летящего мимо то-варняка, и к его завываниям присоединялся рокот грозовых раскатов. Гул стоял невообразимый. Ахерон разлился, затопив берега, и волны, сгрудившись, смерчем пронеслись в обратную сторону, туда, откуда они обрушились на меня.

Если Грин-Грин и звал меня в тот момент, я бы все равно его не услышал.

Струи бежали у меня по волосам, стекали по лицу... Вода заливалась за шиворот. Я ничего не видел из-за дождя, но мне и не нужно было ничего видеть; сила давала мне власть над природой. Температура воздуха резко понизилась, ливень лупил, шелкая по земле уда-рами бича.

Стало темно, как ночью. Я захохотал, и воды, взметнувшись столбом, повисли над озером, качаясь, как джинн, выпущенный из медного кувшина; гром боксерскими перчатками молотил по голове, и казалось, раз-гулу стихии не будет конца.

— *Сейчас же прекратите, Фрэнк!* — вспыхнуло в моем мозгу. — *Шендон поймет, что вы здесь!* — Грин-Грин послал мне мысленное сообщение.

— *Он и так это знает!* — ответил я телепатическим образом. — *Спрячьтесь где-нибудь и ждите, пока все кончится.*

Водяной столб рухнул под напором ветра, и земля снова начала сотрясаться от толчков. Вырвавшийся из недр язык пламени разрастался, сверкая, как заходящее светило. Затем над головой снова вспыхнули молнии, рисуя на небе письмена, и в хаосе букв и имен я прочитал и свое имя.

От следующего толчка я упал на колени, но тотчас же вскочил, воздев к небу обе руки.

...И вдруг я очутился в каком-то странном месте, где не было ни твердых тел, ни жидких, ни газообразных. Не было ни света, ни тьмы, ни жары, ни холода. Может, место это существовало только в моем воображении, а может, нет.

Мы смотрели друг другу прямо в глаза. Бледно-зеленой рукой я придерживал колчан с молниями.

Он был похож на серый могильный камень, покрытый чешуйками. У него была крокодилья пасть и злые глаза. Пока мы беседовали, он, не сдвигаясь с места, жестикулировал тремя парами рук.

— *Старый враг, старый друг,*— обратился он ко мне.

— *Да, Белион, я здесь.*

— *Твое время истекло. Спасайся, или весь твой мир будет превращен в руины. Уходи, если хочешь сохранить свою планету.*

— *Мой мир никогда не погибнет, Белион.*

Молчание.

Затем он снова заговорил:

— *Я вызову тебя на бой, Шимбо, если ты не уйдешь отсюда по доброй воле.*

— *Я не уйду.*

— *Тогда будет бой,*— он выдохнул пламя.

— *Да будет так.*

И Белион исчез.

Я стоял на вершине холма, опустив руки.

У меня было странное ощущение, которого я никогда раньше не испытывал: сон наяву (если хотите, назовите его так). Или — фантазия, плод усталости, помноженной на ненависть.

Дождь лупил по-прежнему, но уже не с таким ожесточением. Ветер понемногу улегся, гроза кончилась. Прекратились также и подземные толчки. Извержение вулкана пошло на убыль, и только самая макушка горы, где гнезвился огонь, еще светилась, но уже не столь ярко.

Я спокойно взирал на происходящее, снова почувствовав сырость, холод и каменистую почву под ногами. Наша дистанционная схватка прервалась: силы обоих противников иссякли. Мне даже короткая передышка была весьма кстати. Вода в озере почти остыла, и се-

рый, отполированный водой и ветром остров уже не казался таким неприступным, как прежде.

Уф!

Пока я отдыхал, из-за облаков показалось солнце, и, сияя на фоне последних редких капель, на небе появилась радуга, очертив полукружием Ахерон, Остров мертвых и приплюснутый конус вулкана, которые, как миниатюра в книжке с глянцевою обложкой, казались необыкновенно живописными и слегка нереальными.

Спустившись с вершины холма, я пошел к месту, где лежали срубленные деревья. Пора было вязать плот.

VII

Я всегда отличался отсутствием малодушия и даже жалел об этом, так как данная добродетель многим спасала жизнь; но теперь страх заговорил во мне. Я был до смерти испуган.

Я слишком долго существую на свете, и каждый день, который не приносит мне удачи, прожит для меня зря,— он лишь укорачивает мой век. Однако моя страховая компания считала иначе, что выражалось в растущих премиальных после каждого следующего договора на страхование жизни. По компьютерным данным страхового агентства, как донесли мне мои шпионы, я значился в особых списках, куда включали лишь *ксенопатов*, то есть сверхдолгожителей, чужаков в современном мире, но даже среди них я считался особым случаем. Весьма утешительно. Впрочем, они, наверно, были правы.

Впервые за много лет я снова затеял рискованное путешествие. Я растренировался, чувствовал себя не в форме, но не сожалел о том, что у меня не накопилось опыта опасных приключений. Если бы Грин-Грин увидел, что руки у меня трясутся от страха, он бы деликатно промолчал,— ведь в них была его жизнь. Его угнетала мысль, что он зависит от меня. Он хотел моей смерти и был готов уничтожить меня в любой момент,— но не мог. Он знал это. И я это знал. И он знал, что я знаю, и я...

Единственное, что сдерживало его, было желание как можно скорее покинуть Иллирию на моем корабле. Сделав логический вывод, можно было догадаться, что

его собственный корабль находился на острове. Если Шендону удалось завладеть звездолетом Грин-Грина, он мог бы обнаружить нас с воздуха. Тогда нам, вчерашним врагам, не помог бы наш шаткий, иллюзорный союз. Значит, нам не следовало оставаться на берегу озера. Лучше всего было укрыться в лесу, в тени деревьев, и пуститься в плавание под покровом ночи.

Я рассказал Грин-Грину о моем плане высадки на остров, и он одобрил мою идею.

Днем небо по-прежнему было облачным, с редкими просветами. Пока мы собирали плот, то и дело начинал накрапывать дождь, но к вечеру прояснилось, на горизонте показались две белых луны: Каттонталлус и Флопсус,— только, в отличие от естественного спутника Земли, у них не было ни глаз, ни улыбающегося рта.

Чуть попозже вечером с острова выпорхнул огромный мерзкий комар серебристого цвета, раза в три больше моей „Модели Т“, который шесть раз облетел вокруг озера и вернулся обратно. Мы замерли, притаившись в тени густой листвы, и стали ждать, пока он улетит. Я украдкой схватился за свой талисман, и кроличья лапка меня не подвела.

Мы закончили вязать плот часа за два до захода солнца, и остаток вечера болтались в лесу без дела, в задумчивости подпирая спиной деревья.

— Скажите, о чем думаете,— дам пенс,— пошутил я.

— А что такое пенс? — спросил Грин-Грин.

— Поговорка такая была. Вообще-то пенс — старинная мелкая монета. Когда-то имела хождение на планете, откуда я родом. Нет, пожалуй, я не буду давать вам пенс,— они нынче дороги.

— Какая странная идея: покупать мысли,— удивился Грин-Грин.— У вас, что, на Земле был такой обычай?

— Наверно, он появился с развитием торговли,— ответил я.— С тех пор все продается и все покупается, в том числе и мысли.

— Очень интересная концепция. И я даже могу понять, что такой человек, как вы, поддерживаете ее. Скажите, а можно купить *пайбарду*?

— Такая сделка расценивалась бы как взятка или шантаж. *Пайбарда* побуждает к действию.

— А вы бы заплатили мстителю, чтобы он забыл о пайбарде?

— Нет.

— Почему же?

— Вот вы, например, можете взять деньги, внушив мне чувство безопасности, а сами тем временем будете готовить возмездие.

— Я не говорю о себе. Вы знаете, что я богат, и, кроме того, пейанин не откажется от мщения ни за какую мзду. Я имел в виду Майка Шендона. Он — представитель вашей расы и, следовательно, также считает, что все продается и все покупается. Насколько мне известно, он впал у вас в немилость в первую очередь из-за денег: ради них он пошел на обман, тем самым оскорбив вас до глубины души. Теперь он ненавидит вас: ведь вы посадили его в тюрьму, а потом убили своими собственными руками. Но он — человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Так же, как и вы, он ставит деньги превыше всего. Может, вы предложите ему кругленькую сумму, и он откажется от пайбарды?

Выкупить свою жизнь? Такая здравая мысль не приходила мне в голову. Я прибыл на Иллирию, чтобы отразить нападение пейанского мстителя. Теперь он был у меня в руках, не представляя реальной угрозы. Его место занял землянин, и, если я правильно произвел оценку сил, Шендон стал моим врагом номер один. Майк — продажная шкура, такой же негодяй, как и я, как и вся наша человеческая порода. Он попал в переплет только благодаря своей страсти к роскоши. Со времени моего приезда на Иллирию события чередовались с невероятной быстротой, и, как ни странно, я ни разу не вспомнил о том, что Большое Дерево может оказаться моим спасителем.

С другой стороны, Шендон всегда был мотом. Он транжирил деньги, швыряя их направо и налево: даже в первом уголовном деле, по которому он проходил, и в апелляции к суду его квалифицировали как растратчика. В мире денег он чувствовал себя как *betta splendens*, иначе говоря, как рыба в воде, одним из самых важных алхимических элементов.

Допустим, я выпишу ему чек на полмиллиона в обшечкосмической валюте. Любой другой положил бы деньги в банк и жил бы припеваючи на дивиденды. Шендон просадит все за год-два. И у меня снова воз-

никнут проблемы. Напав на меня один раз, он нападет и во второй. Я готов отразить его удар. Готов в любой момент. Быть может, он и не захочет резать курицу, которая несет золотые яйца. Но черт его знает... До конца нельзя быть уверенным ни в чем. Я не смогу жить с этой мыслью.

Согласись он на отступное, я тотчас же отвалю ему солидный куш. Потом я договорюсь с бандой наемных убийц, и они быстренько выведут его из игры.

А если Шендон уйдет от них?

Тогда он снова сядет мне на хвост, и снова вопрос станет так: или он, или я.

Я перебрал все мысленные варианты, обмозговав проблему со всех сторон.

Все сводилось к одному.

В тот раз у него был с собой пистолет, но он предпочел схватку врукопашную.

— С Шендоном этот номер не пройдет, — сказал я. — Он не занимается торговлей.

— Я никого не хотел обидеть. Просто до сих пор я никак не могу разобраться в обычаях землян.

— Не только вы не можете.

Смеркалось. На облачном небе снова не было ни единого просвета. Еще немного — и мы спустим плот на воду и поплывем к острову по грязной жиже, теплой, как парное молоко. Мои луны не вышли из-за туч, значит, операция будет проходить в кромешной мгле.

— Грин-Грин, — обратился я к своему напарнику, — мы сейчас скованы одной цепью. Я даже чувствую себя больше пейанином, чем человеком. Тот, кем я стал, лишь продолжение меня самого. Я умею убивать, и вы умеете убивать. Моя *пайбарда* — смертельная обида — может быть не менее глубока, чем ваша, и месть моя будет страшна.

— Я знаю, — откликнулся Грин-Грин. — За это я вас уважаю.

— Вот что я хотел сказать вам: когда с Шендоном будет покончено, вместо вражды я предлагаю вам свою дружбу. Я могу походатайствовать за вас, чтобы Великие допустили вас к новой, законной конфирмации. Я поговорю с первосвященником храма Странтри о присвоении вам имени Кирвара Четырехликого, Отца Цветов. Он наверняка согласится.

— Вы хотите купить меня, сын Земли?

— Ничуть. Я искренне хочу помочь вам. Дальше решайте сами. Я не держу на вас зла,— ведь вы не наносили мне *пайбарды*.

— Но я же хотел убить вас!

— Для меня в том *пайбарды* нет. Вы не виноваты.

— Вы знаете, что я могу уничтожить вас в любой момент?

— Знаю. Вы не раз подумывали об этом.

— Как странно, что вам были известны мои намерения! Я же поставил блокировку на свои мысли!

— Дело не в телепатии, а в дедуктивном методе.

— Вы *действительно* становитесь похожи на пейанина,— сказал Грин-Грин, помолчав.— Клянусь вам, что отложу мщение до того момента, как мы разберемся с Шендоном.

— Конец уже близко. Скоро мы уедем отсюда,— пообещал я.

Больше мы не разговаривали, в ожидании, пока опустится ночь. Наконец стало совсем темно.

— Пора,— произнес я.

— Пора,— отозвался он.

Мы встали и вдвоем понесли плот к береговой кромке.

Пошлепав ногами по мелководью, мы подтянули плот к остывающему озеру и спустили нашу посудину на воду.

— Весло у вас есть? — спросил я Грин-Грина.

— Есть.

— Ну, поплыли.

Мы взобрались на плот и погребли, а на глубине стали отталкиваться шестами.

— Если Шендон неподкупен,— задал мне вопрос пейанин,— зачем он торговал вашими секретами?

— Если бы мои люди платили ему больше, он бы продавал нам секреты других.

— Тогда я не понимаю, почему вы считаете его неподкупным,— заявил Грин-Грин.

— Потому что он — человек, как и я. Он люто ненавидит меня, и этим все сказано. Такую *пайбарду* нельзя выкупить ни за какие деньги.

Мне казалось, что я прав.

— Для меня в сознании человека есть белые пятна,— заметил пейанин.— Когда-нибудь мне бы хотелось узнать побольше о его мыслительных процессах.

— И мне тоже,— подхватил я.

За тучами мелькало расплывчатое светлое пятно: лунное сияние пробивалось сквозь небесные прорехи. Катонталлус медленно восходил.

Вода мягко плескалась, заливая ботинки, но не доходила выше колен. С берега нам вдогонку дул свежий ветер.

— Вулкан спокоен,— заметил Грин-Грин и добавил: — А о чем вы беседовали с Белионом?

— От вас и это не ускользнуло!

— Я не раз пытался вступить с вами в телепатическую связь и обнаружил, что у вас был с ним контакт.

— И Белион, и Шимбо занимают выжидательную позицию,— пояснил я.— Потом будет схватка, и на поле боя останется один из них.

Вода была черней чернил и теплая, как кровь. В жемчужной, беззвездной ночи остров блестел, как антрацит. Вскоре шести перестали доставать до дна, и мы снова осторожно погребли, стараясь не брызгать веслами. Грин-Грин, как и все пейане, обожал воду. Я видел, какое наслаждение было написано на его обычно непроницаемом лице, пока мы пересекали озеро.

Плыть по темной воде было и упорно, и страшно. Это место много значило для меня: когда я создавал свой остров, меня вела Гармония. Однако вид, открывавшийся передо мной, не внушал мне спокойствия, как Долина Теней; наша переправа не напоминала безмятежную прогулку. Скоро мой остров станет похож на лавку мясника. Я ненавидел свой шедевр и боялся его одновременно, зная, что у меня не хватит пороку воспроизвести его еще раз. Впервые в жизни я пожалел о том, что сотворил.

Пересечь под покровом ночи темные воды означало для меня вступить в борьбу с самим собой, а я не желал ни понимать этого, ни принимать. Я внезапно нашел ответ загадки: я плыл не по озеру, а по Токийскому заливу, который выбросил на берег кучу отбросов памяти, груды жизненных помоев, которые, как казалось мне, навек легли на дно и не должны были вернуться назад; остров был немым свидетелем тщеты, ничтожности всех идеалов и устремлений, хороши были они или дурны, и о его неприступные скалы разбивались все человеческие ценности, что говорило о бессмысленности

самой жизни, которая тоже расшибется об утес, и от такого удара уже не оправится никто, нигде, никогда...

Я стоял на плоту, по колено в теплой воде, но меня внезапно начало трясти от озноба. Грин-Грин, заметив, что я гребу с ним не в лад, тронул меня за плечо, и мы выровняли нарушенный ритм.

— Зачем же вы создали этот остров, если вы его так ненавидите? — спросил он меня.

— Мне хорошо заплатили,— ответил я и дал ему команду: — Поворачивайте влево, мы огибаем остров.

Мы изменили курс. Грин-Грин делал частые и сильные гребки, а я лишь направлял плот.

— Огибаем остров? — переспросил он.

— Да,— подтвердил я, не вдаваясь в подробности.

Приближаясь к острову, я отбросил в сторону свои философствования и начал действовать, как машина. Я всегда так поступаю, когда одолевает слишком много тяжелых мыслей.

Мы бесшумно, как тени, крались в ночи, и вскоре до острова, на котором мигали загадочные огоньки, было рукой подать. Тела коническая верхушка вулкана, отбрасывая блики на воду и на скалы, излучавшие таинственный красноватый свет.

Огибая остров, мы шли к его северной стороне, которую я видел ясно, как днем. В моей памяти отпечатался рельеф местности, каждый ярус, каждый гребень скалы, и даже на расстоянии пальцы чувствовали текстуру каждого камня.

Мы подошли к массиву вплотную, и, тронув веслом его черное гладкое тело, я поднял глаза вверх и произнес:

— Это — восточная сторона.

Проплыв еще несколько сотен ярдов, мы остановились у места, где я когда-то соорудил тайный лаз. В скале шла наклонная трещина, эдакая дымовая труба, длиной футов в сорок, по которой можно было взобраться наверх; после нее начинался подъем, чьи щербатые ступени вполне выдерживали вес человеческого тела; за ним шла узкая терраса, откуда легко было подняться еще на шестьдесят футов, цепляясь за выступы.

Я объяснил маршрут Грин-Грину и, пока он удерживал в равновесии плот, полез в „дымоход“. Пей-

анин без жалоб последовал за мной, несмотря на ноющее плечо.

Преодолев узкий лаз, я посмотрел вниз, но плота не увидал, о чем и сообщил Грин-Грину. Тот только хмыкнул. Подождав, пока голова Грин-Грина покажется над трубой, я протянул ему руку. Поднимаясь все выше, мы двигались в западном направлении, ползком по уступу.

Минут через пятнадцать нам предстояло восхождение по стене. Я первым пошел на приступ, Грин-Грин — за мной. Я сообщил ему, что до следующего уступа не менее пятисот футов. Пейанин опять только хмыкнул в ответ.

Руки у меня саднило: пока мы добирались до второго яруса, я ободрал кожу на ладонях. Мы присели передохнуть, и я закурил. Минут десять спустя мы продолжили штурм. К полуночи мы добрались до вершины без приключений.

Мы шли вперед еще минут десять и вдруг увидели чью-то фигуру. Человек шатался, как пьяный, — или же его здорово накачали наркотиками, — по виду было трудно определить.

Я приблизился к нему и, положив руку ему на плечо, заговорил с ним.

— Как дела, Куркур?

Он, с трудом подняв опухшие веки, посмотрел на меня туманным взором. Весил мой знакомый не менее трехсот пятидесяти фунтов. У него были голубые глаза, бледное лицо и мягкий, тихий голос. Одет он был в элегантный белый костюм (наверняка — вкус Грин-Грина). Он шепеляво ответил мне:

— Я ф курсе фсефо.

— Отлично! — произнес я. — Значит, ты знаешь, что я приехал сюда сразиться с Грин-Грином. Но мы недавно стали союзниками в борьбе против Майка Шендона.

— Одну минуточку, — прервал меня Куркур. — Дай подумать.

Помолчав, он заявил:

— Да. Ты проиграл.

— Что ты имеешь в виду?

— Через три часа десять минут Шендон убьет тебя.

— Не может быть!

— Если он не убьет тебя, ты убьешь его. И тогда тебя убьет Грин-Грин. Это будет через пять часов двадцать минут.

— Откуда в тебе такая уверенность? — спросил я.

— Грин-Грин — один из Великих. Он создал планету Коррлин, — пояснил Куркур.

— В самом деле? — усомнился я.

— Да, — подтвердил Грин-Грин.

— Значит, он убьет тебя, — подытожил Куркур.

— Но как?

— Каким-то тупым инструментом, — пояснил он. — Если тебе чудом удастся уйти от смерти — пейанин в твоих руках. Ты всегда казался немного сильнее, чем был на самом деле. Это создавало ложный эффект. Но теперь тебе ничто не поможет...

— Спасибо за предупреждение, — оборвал его я. — А теперь иди, немножко проспись.

— ...если только ты не владеешь тайным оружием, — продолжал он. — Вполне вероятно, что у вас обоих есть такая смертоносная штука...

— А где Шендон?

— В замке.

— Я сниму с него голову. Любой ценой. Как мне добраться до него?

— В тебе всегда было нечто демоническое. Какая-то скрытая сила, не поддающаяся измерению.

— Тут ты прав.

— Не используй свою сверхъестественную силу.

— Почему же?

— Потому что Шендон тоже обладает сверхъестественной силой.

— Я знаю.

— Если ты решил расправиться с ним, выбери какой-нибудь способ попроще.

— Хорошо, я подумаю.

— Ты не веришь мне.

— Я никому не верю.

— Ты помнишь тот вечер, когда ты взял меня на службу?

— Весьма смутно.

— Я никогда не ел так вкусно, как в тот раз. Одни эскалопы чего стоили! Горы свиных отбивных!

— Да-да, припоминаю.

— Тогда ты еще рассказывал мне о Шимбо. Если ты призовешь его на помощь, Шендон тоже призовет кого-нибудь. Тут слишком много переменных. Но конец может оказаться для тебя плачевным.

— Ты явно работаешь на Шендона.

— Нет. Я только взвешиваю все за и против.

— Скажи мне, — вмешался в разговор Грин-Грин, — может ли Ярл Всемогуший создать камень, который он сам не в состоянии поднять?

— Нет, не может, — ответил Куркур.

— Почему?

— Не может, и все.

— Это не ответ.

— Нет, ответ. Подумайте сами хорошенько. А вы смогли бы?

— Я ему не доверяю, — заметил Грин-Грин. — С ним все было в полном порядке, когда я перенес его сюда. Его явно обработал Шендон.

— Да нет же! — возразил Куркур. — Я просто хочу помочь вам.

— Чем? Угрозами, что Сэндоу должен умереть?

— Я сказал правду: он умрет.

Грин-Грин поднял руку — и молниеносно мой пистолет вылетел из кобуры и оказался у него в руке. Должно быть, сработал метод телепортации, тот самый, при помощи которого были украдены пленки памяти.

Выстрелив в Куркура два раза подряд, пейанин вернул оружие мне.

— Зачем вы это сделали?

— Он лгал вам, пытаясь сбить вас с толку. Морочил вам голову, подрывая доверие ко мне, — объяснил Грин-Грин.

— Когда-то мы были очень близки. У него была не голова, а компьютер. Сегодня он просто пытался быть объективным.

— Если вам его жалко, возьмите пленку памяти и восстановите его.

— Ладно, пошли. Мне остается два часа пятьдесят восемь минут.

Когда мы удалились от злополучного места, Грин-Грин спросил:

— Вы считаете, что я не должен был этого делать?

— Нет, не должны были.

— Приношу свои извинения.

— Как легко у вас все получается... Прошу вас больше никого не убивать без моего разрешения.

— Хорошо,— Грин-Грин помолчал.— А вам много приходилось убивать, Фрэнк?

— Да.

— Почему?

— Вопрос стоял так: или они, или я. Я не хотел умирать.

— Ну и...

— Вы зря застрелили Куркура Боджиса.

— Я думал...

— О, ради Бога, помолчите! Хватит болтать.

Мы, миновав расселину, двигались дальше. Просачиваясь сквозь горные трещины, узкими змейками вился туман, обволакивая нас,— одежда сразу просырела.

Еще одна призрачная фигура, отделившись от скалы, встала у нас на пути, когда мы выбрались к более или менее пологому спуску.

— Пришел за своей смертью,— проронила тень.

Я остановился, чтобы взглянуть, кто это был.

— Леди Карла! — воскликнул я.

— Проходи мимо, проходи! — повторяла она.— Спешь навстречу своей судьбе! Ты даже не представляешь, как я буду рада твоей гибели!

— Я любил тебя когда-то,— сказал я, явно не к месту.

— Ты любил только себя и деньги. Они были твоей страстью. Ты погубил очень многих, Фрэнк, чтобы приумножить свое богатство. Наконец-то пришел тот, кто убьет тебя! Я горжусь тем, что мне выпала честь присутствовать при твоей кончине!

Включив карманный фонарик, я направил луч света на нее. Ярко-рыжие волосы еще больше подчеркивали белизну ее кожи. Лицо с остроконечным подбородком, зеленые глаза... Я узнавал знакомые черты. В какой-то момент мне показалось, будто я снова желаю ее.

— А что, если я одолею его?

— Тогда, быть может, я снова вернусь к тебе,— обнадежила она.— Но, я надеюсь, этого не случится. Ты причинил мне слишком много зла и должен умереть. Если мы снова будем вместе, я найду способ отомстить тебе.

— Хватит,— прервал ее Грин-Грин.— Я воскресил вас из мертвых. И я же заманил сюда этого человека, чтобы убить его. Но на мои права посягнул другой землянин, который, к счастью, или к несчастью, имел те же намерения: покончить с Сэндоу. Теперь наши судьбы — моя и Фрэнка — тесно переплелись. Послушайте меня. Я воскресил вас, и в моей власти сохранить вам жизнь. Помогите нам,— и вы будете вознаграждены.

Леди Карла отошла в сторону, чтобы свет от фонарика не бил ей в глаза, и холодно рассмеялась.

— Нет, ни за что на свете! — выкрикнула она.— Покорно благодарю!

— Я же любил тебя когда-то,— пробормотал я.

Она, задумавшись, помолчала.

— А мог бы ты снова полюбить меня?

— Не знаю. Но ты была мне очень дорога.

— Уходи,— отрубила она.— Пора возвращать свои долги. Иди к Шендону, и пусть он убьет тебя.

— Ну, пожалуйста,— умолял я ее.— Я так любил тебя, пока мы были вместе. Даже когда ты ушла в мир иной, я никогда не забывал тебя. Леди Карла, меня оговорили, это не я погубил тех десятерых с Алгола.

— Нет, ты.

— Я докажу тебе, что это не так.

— Я и слушать тебя не буду. Ступай.

— Ну, ладно,— вздохнул я.— Я только одно хотел сказать тебе на прощанье.

— Что именно?

— Я всегда буду любить тебя, прежнюю.

— Уходи! Прошу тебя, уходи!

И мы ушли.

Я беседовал с ней на ее родном языке — драмминском. Забавно: я даже не заметил, когда перешел на него с английского.

— Вы любили многих женщин, Фрэнк?

— Да, многих.

— Вы солгали, сказав ей, что по-прежнему любите ее?

— Нет.

Мы спустились вниз по узкой тропке, и вдали, под мной, я наконец различил огни замка. Мы поспешили в том направлении, но путь нам преградил еще один призрак.

— Ник!

— Угадали, мистер. Это — я.

— А это я — Фрэнк.

— Мать честная, кого я вижу! Ну-ка, подойди поближе!

— Давай я посвечу.

Я включил фонарик, чтобы мой приятель мог лучше рассмотреть меня.

— Черт возьми! Фрэнк — собственной персоной! — воскликнул карлик Ник. — Знаешь, там внизу засел один гад. Он хочет снести тебе башку.

— Угу. Я знаю.

— Он сперва хотел, чтобы я помог ему тебя отловить, а я его послал подальше. Посоветовал ему снять штаны и полюбоваться на себя в зеркало. Он прямо озверел, полез драться. Я его отлупил: чуть душу не вытряс. Надавал ему тумаков, нос расквасил. Он пока от меня отстал, — посмотрим, что дальше будет. Крепкий орешек, паскуда.

— Я знаю.

— Хочешь, помогу тебе его взять?

— Давай.

— Послушай, что-то мне не нравится вон та зеленая образина, что рядом с тобой, — процедил карлик.

Ник, возникший из прошлого Ник бушевал... Как всегда, он был великолепен.

— Это он, падла, во всем виноват. Он, сукин сын, притащил сюда меня и всех остальных. Я бы на твоём месте быстренько показал ему, где раки зимуют.

— Мы теперь союзники.

Ник сплюнул.

— Вот уж я до тебя доберусь, мистер, — пригрозил он Грин-Грину. — Кончим дело с Шендоном, а потом я с тобой расквитаюсь. Помнишь, какой ты учинил мне допрос? Тогда мне было не до смеха. Теперь моя очередь.

— Ну, хорошо, — отмахнулся Грин-Грин.

— Хорошо? Нет уж, дудки! Ничего хорошего не жди от меня. А кто обзывал меня коротышкой? Не помню, как это будет по-пейански. Слушай, ты, индюк надутый, я тебе, поганцу, шею сверну. Слава Богу, что я жив, хоть и обязан этим тебе, недоноску беззубому! Ты у меня еще наплачешься, дерьмо собачье! Будешь у меня землю есть, скотина! Допрыгаешься у меня! Убью гада чем под руку подвернется!

— Сомневаюсь, что тебе это удастся, малыш,— снисходительно бросил Грин-Грин.

— Поживем — увидим,— заключил я.

Итак, Ник присоединился к нашей компании, и дальше мы пошли втроем: я — посередине, а Ник — слева от меня, подальше от Грин-Грина.

— Он там, внизу? — спросил я Ника.

— Да. У тебя бомба есть?

— Есть.

— Бомба — лучше всего. Подкараулим его — и швырнем бомбу в окно.

— Шендон один в замке?

— Вообще-то нет. С ним еще одна баба. Ничего, пусть они все взлетят на воздух. Надо будет — достанешь пленку памяти и получишь ее назад.

— А кто она?

— Понятия не имею. Какая-то Кэти.

— Кэти была моей женой,— сказал я.

— А-а-а... Это меняет дело. Нужно прорываться внутрь.

— Попробуем,— ответил я.— Я займусь Шендоном, а ты уведешь Кэти.

— Не бойся, он ее не тронет.

— А почему ты знаешь?

— Мы здесь уже несколько месяцев, Фрэнк. Сначала мы ничего не понимали: ни где мы, ни как тут очутились. А потом появилась вот та зеленая образина и тоже ничего толком не объяснила. Прикидывался, подлец, что ему известно не больше нашего. Нам только дали понять, что все мы — мертвяки ходячие. А про тебя мы узнали только когда Майк с зеленым скандал устроили. До меня сразу доперло, что Грин-Грин своего охранника небесного упустил, а Майк его подобрал. Между прочим, у Майка с этой бабой, Кэти то бишь, всякие шуры-муры. Романы крутят.

— Грин-Грин, почему же вы раньше мне ничего не сказали?

— Я не думал, что для вас это важно.

Я не ответил ему, потому что и сам не знал. Прислонившись к скале, я до отказа выжал педаль соображения.

Итак, я приехал сюда, чтобы найти и убить своего врага. Теперь он, в качестве моего союзника, стоит рядом. Врагом оказался совсем другой, и он по уши

влюблен в мою бывшую жену, которую я собирался выволочить из его лап. Ситуация резко менялась. Я растерялся. Если Кэти любит Шендона, мне не следует грубо вламываться в замок, чтобы застрелить ее возлюбленного у нее на глазах. Даже если Кэти — игрушка в его руках и ему на нее наплевать, я не имею права уничтожить его, поскольку убийство станет ее личной трагедией. Оставался единственный выход из положения, — тот, который мне посоветовал Грин-Грин: попробовать откупиться от Шендона. Майк обладает сверхъестественной силой, у него есть красивая женщина. Чего ему еще надо? Если плюс ко всему он получит солидный куш, мы мирно разойдемся в разные стороны. Правда, у меня навсегда останется неприятный осадок в душе: ведь когда-то он первым набросился на меня, желая придушить собственными руками.

Если он согласится, я свободен. Тогда я сяду в „Модель Т“ и уже через сутки увижу Свободный Дом. Если Кэти нравится Шендон, пусть остается с ним. А с Грин-Грином мы разберемся потом, по пути домой.

— Для меня это очень важно, — наконец ответил я Грин-Грину.

— Ваши планы меняются? — спросил пейанин.

— Да.

— Только из-за нее?

— Только из-за нее.

— Станный вы человек, Фрэнк. Прodelать такой путь, преодолеть столько препятствий! А теперь все пойдет насмарку из-за женщины.

— Эта женщина много для меня значит.

Я никак не мог примириться с мыслью, что фаворит Белиона, заклятого врага Шимбо, чье имя я ношу, сам останется жив-здоров, постоянно желая моей смерти. Даже по возвращении на Свободный Дом меня будет преследовать образ Шендона, не давая спать по ночам. С другой стороны, зачем ему резать курицу, которая несет золотые яйца? От мертвой птички проку нет никакого. Прожив такую длинную жизнь, забавно вдруг очутиться на феерическом бале-маскараде, где все твои бывшие друзья, враги, жены, любовницы и прочие кружатся в танце вокруг тебя, то и дело меняясь масками.

— Что ты собираешься делать? — спросил Ник.

— Потолкую с ним. Может, удастся кое о чем договориться.

— Вы же говорили, что его *пайбарда* не продается? — вмешался Грин-Грин.

— Когда я это говорил, я действительно думал так. Но ради Кэти я попробую выкупить его *пайбарду*.

— Не понимаю.

— И не пытайтесь. Вам двоим, наверно, лучше подождать меня здесь. Вдруг он сразу откроет огонь?

— Что нам делать, если вас убьют?

— Это — ваши проблемы. Ну, до скорого, Ник.

— Пока, Фрэнк.

Я стал опускаться и, чтобы прикрыть свои мысли, поставил блокировку. Прячась за валунами, ползком пробираясь по уступам, я приближался к цели. Лежа на животе, я разглядывал замок, находящийся футах в ста пятидесяти подо мной. Я притаился в ложбинке за двумя массивными глыбами, отбрасывающими густую тень. Положив дуло пистолета на сгиб левой руки, чтобы удобнее было прицеливаться, я взял на мушку ворота замка.

— Майк, — крикнул я, — выходи! Это я, Фрэнк Сэндоу! — И стал ждать.

Прошло не меньше минуты, прежде чем он откликнулся.

— Да?

— Я хочу поговорить с тобой.

— Говори.

Внезапно подо мной зажглись огни.

— Правда то, что рассказывают про вас с Кэти? Шендон смешался.

— Вообще-то да.

— Она рядом с тобой?

— А зачем она тебе?

— Пусть она сама мне это скажет.

Потом я услышал ее голос:

— Это правда, Фрэнк. Тебе не солгали. Мы не знали, как мы оказались здесь и почему. Мы ничего не понимали. Помню только пожар... Я сейчас тебе все объясню...

Я закусил губу.

— Не надо, обойдусь без объяснений.

— Прости, если что не так...

— Прощать мне тебя не за что. Все было так давно... Будем жить дальше.

Майк усмехнулся:

— Ты в этом уверен?

— Да, более чем уверен. Мы сейчас пойдем по самому простому пути.

— Что ты имеешь в виду?

— Сколько ты хочешь?

— Ты предлагаешь мне деньги? Ты что, боишься меня, Фрэнк?

— Я пришел сюда, чтобы убить тебя. Но если Кэти против, я не стану тебя убивать. Она говорит, что любит тебя. Ну, ладно. Ее дело. Если вы хотите быть вместе, я выхожу из игры. Но и ты перестанешь гоняться за мной. Скажи, сколько ты хочешь, а потом — забирай свои игрушки и катись.

— Какие еще игрушки?

— Это я так, к слову пришлось. Говори, сколько тебе дать, чтобы ты навсегда отстал от меня?

— Мне даже в голову не приходило, что ты предложишь мне выкуп. Даже не знаю, сколько с тебя содрать. Но, учти, я заломлю крупную сумму. Мне нужна гарантированная пожизненная рента. Это раз. И еще я хотел бы сделать некоторые приобретения. Список я тебе составляю. Это два. Фрэнк, а ты не шутишь? Ты в самом деле готов отвалить мне кучу денег? Или надуть меня хочешь?

— Мы оба — телепаты, Майк. Давай снимем блокировки с наших мыслей. Я предлагаю это как одно из условий нашего договора.

— Кэти просила меня не убивать тебя, — сказал он. — Никогда бы не простила мне, если бы я прикончил тебя. Только ради нее пойду тебе навстречу. Ты даешь мне денежки — и мы с твоей бывшей женой исчезаем.

— От всей души благодарю.

Майк рассмеялся.

— Все-таки мне везет. А как ты передашь мне деньги?

— Если хочешь, я дам распоряжение моим поверенным, и банк немедленно откроет тебе кредит.

— Давай так. Хочу, чтобы наша сделка была законной. Итак, ты даешь мне миллион сразу плюс сто тысяч ежегодной ренты.

— А не много будет?

— Для тебя — это пустяк.

— Ладно, спорить не буду. Я согласен.

Интересно, что скажет на это Кэти? Наверно, обрадуется. Вряд ли она сильно изменилась за последние несколько месяцев.

— Еще два условия,— потребовал я.— Первое. Грин-Грин-тарл теперь мой. У нас с ним — свои счета.

— Забирай его! Кому он теперь нужен! А второе что?

— Без Ника, карлика, я никуда не уеду. Мы с ним — как одно целое.

— А-а-а, коротышка... — И Майк засмеялся.— Бери и его. Честно, он мне даже нравится. Ну, все?

— Все.

Первые лучи солнца щекотали круглое небесное брюхо; факелами Титанов горели вулканы над водой.

— Чего еще тебе надо?

— Подожди, Майк, пока я передам сообщение своим друзьям,— попросил я.

— *Грин-Грин, он согласен*,— телепатировал я моему союзнику.— *Я выкупил его пайбарду. Скажи Нику. Мы улетаем через несколько часов. Мой звездолет будет ждать меня вечером.*

— *Понял вас, Фрэнк. Мы идем к вам*,— пришел ответ.

Теперь мне оставалось разобраться только с пейанином. Мы с Шендоном уладили наши противоречия слишком легко. И это меня настораживало: я чувал подвох. Наверно, он изобрел нечто весьма хитроумное, чтобы усыпить мою бдительность. Я склонялся к тому, что Шендон не вступал в сговор с Грин-Грином. Если бы они договорились за моей спиной, я немедленно узнал бы их планы, так как мы с Шендоном пообещали друг другу снять блокировку со своих мыслей.

Меня смущало, что после тяжелой, тщательной подготовки к бою мы с ним заключили контракт как двое бизнесменов.

Я усмехнулся,— нет, скорее, угрюмо хмыкнул.

Что-то было здесь не так. Что же? Я не знал. В самом воздухе витала тревога; в кронах деревьев, в скальных пещерах таилась опасность. Дьявол! Она ширилась, как океан! В чаду и дыму на туманном небе показался Флопсус, окрашенный в кроваво-красный цвет.

Ветер совершенно улегся, в мире стояла хрустальная тишина. Ко мне снова подступил страх, от которого засосало под ложечкой,— я старался бороться с ним. Внутренне содрогаясь, я лежал, распластанный, на земле, как будто чья-то гигантская рука с небес должна была нанести мне смертельный удар. Я не двигался с места. Я завоевал Остров мертвых, и Токийский залив омывал мою душу горячими волнами. Я попытался представить себе уходящую вглубь Долину Теней. Я весьма впечатлителен, и многие фантазии доводят меня до болезненного состояния. Здешняя обстановка способствовала психической неуравновешенности. Я изо всех сил смирал свою дрожь: было бы очень скверно, если бы Шендон увидел страх в моем сердце.

Больше терпеть я не мог.

— Шендон,— предложил я,— давай снимем блокировку. Я убираю щит,— теперь ты.

— Хорошо.

...И наши мысли встретились, одно сознание проникло в другое.

— Ты этого хотел...

— И ты тоже...

— Уговор есть уговор.

— Да.

— *Нет!!!* — вырвалось с оглушительной силой откуда-то из недр земли и эхом прокатилось по небу, отозвавшись тысячами цимбал в наших ушах. Меня обдало жаром. Я медленно встал, и члены мои налились и окрепли, мускулы стали тверды, как камень. От красно-зеленых всполохов стало светло, как днем. Я видел, как Майк Шендон вышел из замка и напряженно задрал голову, озирая окрестности. Наши глаза встретились, и я понял, что мне было видение, которое становилось явью, и что слова, произнесенные в странном месте, где я стоял напротив Белиона, прижимая к груди колчан с молниями, оказались пророческими.

— *Тогда будет бой!*

Огненные вспышки...

— *Да будет так!*

Темнота...

Передо мной быстрой чередой промелькнули все события: с того часа, как я покинул Свободный Дом, до настоящего момента, который одним махом перечеркнул, уничтожил соглашение двоих смертных. Человече-

ские конфликты превратились в пустяк; мелкие, вторичные, они ничего не значили для тех, кто сделал нас своим орудием.

Да, сделал своим орудием.

Я всегда считал Шимбо искусственным созданием, атрибутом религиозного культа пейан, образ которого я принимал для строительства новых миров. Он никогда не навязывал мне свою волю. Он приходил ко мне, когда я призывал его, помогал мне и отбывал. Но ни разу доселе он не вселялся в меня по своей прихоти, не подавлял мое „я“, направляя мои поступки.

Где-то в глубине души я хотел считать его Богом: мне приятно было сознавать, что Бог (или Боги) есть, ибо не они ли наделяют меня сверхъестественной силой? Я ничего не понимаю, теперь я совершенно ничего не понимаю... Однажды, когда он пришел ко мне, я был внезапно ослеплен вспышкой интенсивного света и невольно вскрикнул, сам не зная почему. Нет, это не ответ. Я просто ничего не понимаю.

Я в упор глядел на Шендона. Мы — два врага, которыми, как шахматными фигурами, играют два других врага. Я представил себе, каково было изумление Майка: он явно не ожидал, что дела примут такой оборот. Я хотел вступить с ним в телепатический контакт, но мои мысли были насильственно заблокированы извне.

Я полагал, что на память Шендону пришла та же сцена, что и мне: он тоже вспомнил о пророчестве Белиона.

Тучи сгустились над головой, и я понял, что это значило. Земля под ногами дрогнула, и я также понял, что это значило.

Никто из нас не хотел умирать. Но все же одному из нас предстояло погибнуть в схватке.

— Шимбо, о Шимбо-Громовержец из Башни Черного Дерева, должно ли быть так, как ты хочешь?

...Я задал вопрос, заранее зная, что ответа не будет.

Вместо ответа по небу прокатился гром; пока еще ухало вдалеке, будто били молотом по наковальне.

Вулканическое пламя, колыхавшееся над водой, разгоралось.

Мы с Шендоном, как два дуэлянта, стояли друг напротив друга в кромешном аду, охваченные дымом и огнем; влажный туман обволакивал нас, на плечи

ложились сажа и копоть. Даже луна Флопсус спрятала свое лицо, окрасив кровавым светом тучу, за которую она зашла.

Силы в меня вливались постепенно; на это нужно было время. Я почувствовал мощную тягу от ближайшего энергетического источника и приник к нему. Наполнив мой организм, сила могучими волнами стала распространяться от меня в разные стороны.

Вдруг я застыл на месте, не в состоянии пошевелить даже пальцем. Несмотря на неверный свет, я узнал в мерцающих бликах очертания того, кто был мне знаком под именем Белиона.

Я уменьшался в размерах и рос одновременно; не сразу я осознал, что я, Фрэнк Сэндоу, стал крохотным, пассивным, ничтожным. И я же почувствовал, как молнии рвутся у меня из рук, уходя остриями высоко в небо, чтобы огненными зигзагами вонзиться в землю. Я превратился в Шимбо-Громовержца из Башни Черного Дерева.

Из серого конического вулкана, как из порезанной вены на руке, хлестал кровавый поток, низвергаясь водопадом в Ахерон, чьи бурлящие, дышащие парами воды переливались в свете жарких языков пламени, чадающих в ночи. Я снова послал вереницы молний, в беспорядке разлиновавших небо. Грохотала канонада, поднялся штормовой ветер, и хлынул ливень.

Мой враг был для меня тенью, никем, ничем. В свете молний, прорезавших тьму, его контуры стали хорошо различимы. Замок горел за его спиной, и я услышал громкий вопль:

— Кэти!

— Фрэнк! Берегись! — закричал мне Грин-Грин, а карлик потянул меня за рукав. Но я отшвырнул прочь их обоих и сделал первый шаг навстречу своему врагу.

Должно быть, я упал без чувств, но через секунду очнулся. Наверно, Белион был оглушен, потому что не сразу я почувствовал его ответную реакцию. Грин-Грин снова закричал и оттащил карлика от меня.

Мой неприятель тоже сделал первый шаг, и земля задрожала под ним, осыпаясь лавиной камней.

Неистовый ветер сбил его с ног, когда он сделал второй шаг. При его падении брызнули осколки, и от места, куда он рухнул, побежали глубокие трещины.

Я сделал второй шаг и упал опять: почва уходила у меня из-под ног.

Пока я лежал, распластавшись на земле, остров дрогнул и скала за моей спиной стала, осыпаясь, разваливаться на куски. Начался оползень, из вскрывшихся пустот в горном массиве повалил пар.

Мы с Белионом встали и сделали третий шаг навстречу друг другу. Теперь мы с ним стояли почти на одном уровне. Я швырнул в него горную лавину; он ответил мне гигантским оползнем.

На пятом шаге я обрушил на него дождь, на шестом — наслал вихрь. Он вызвал землетрясение, охватив меня огненным столбом.

Все небо полыхало: горели верхушки вулканов, в ярости бились молнии. Ветры вспенивали воду озера, и с каждым следующим подземным толчком Остров мертвых вместе с нами погружался все глубже, уходя на дно.

Я слышал рокот волн, вой ветра, грохот взрывов и непрерывный шум дождя. За спиной моего врага продолжался пожар: горел полуразрушенный замок.

Когда я сделал двенадцатый шаг, поднялся смерч. Остров трещал и рассыпался на глазах, истекая ядовитыми испарениями и газами.

Что-то внезапно насторожило меня, как будто ко мне прикоснулись на расстоянии. Я стал искать причину.

На обломке скалы стоял мой зеленый союзник, держа в руках пистолет, который еще минуту тому назад висел у меня на боку. В такой глобальной схватке я и не думал пускать его в ход.

Сначала он, как бы шутя, направил оружие на меня, но, помахав мне рукой, сразу же отскочил в сторону, прежде чем я успел поразить его.

Тьму прорезал луч света — и мой враг упал.

Но остров качнулся как раз в тот момент, и это спасло ему жизнь: зеленый пейанин тоже упал от подземных толчков, и оружие выпало из его ладони. Мой враг поднялся с земли. Оторванная правая рука осталась лежать перед ним. Он поднял ее за запястье.

Все новые расселины возникали между нами. Вдруг я увидел свою жену.

Она выбежала из замка и бросилась вправо, к тому склону, по которому я спустился сюда. Она замерла на

секунду, наблюдая, как мы с Шендоном медленно наступаем друг на друга.

Я неотрывно следил за ней,— и к ужасу своему заметил, что она балансирует на краю пропасти, внезапно открывшейся перед ней. Сердце больно сжалось у меня в груди; я знал, что уже ничем не смогу помочь ей. Ее было не спасти.

...Остров вздрогнул — и я тоже содрогнулся в душе. Шимбо наконец оставил меня в покое, и я бросился к ней, но было уже поздно.

— Кэти! — закричал я, видя, как она, покачнувшись, падает вниз.

...К ней подскочил неизвестно откуда взявшийся Ник и на лету схватил ее за руку. На мгновение мне даже почудилось, что ему удастся удержать ее.

Но только на мгновение...

Дело не в том, что Нику не хватило сил втащить ее наверх. Он был очень могуч. Он опоздал на доли секунды, и они оба потеряли равновесие.

До меня донеслись громкие проклятия: Ник падал в пропасть вместе с ней.

Подняв голову, я посмотрел на Шендона, и меня, как молнией, прошило яростью. Сперва я потянулся за пистолетом, но его не было на месте. Я вспомнил, куда он девался. Передо мной мелькнули все последние картины: это было как дурной сон.

На меня сверху градом посыпались камни: Шендон сделал еще один шаг вперед. Я снова упал,— бедренная кость правой ноги была сломана. Сознание мое помутилось, но резкая боль привела меня в чувство. Очнувшись, я увидел, что Шендон сделал еще один шаг. Теперь он стоял совсем близко, и мой мир, превратившись в ад, рассыпался прахом у меня на глазах. Я посмотрел на обрубок, оставшийся от его руки, на его безумный взгляд, на открытый рот, из которого вот-вот раздастся зловещий смех,— и решился прибегнуть к последнему средству. Повернув левую руку ладонью вверх, я, поддерживая ее за запястье правой, резко выбросил вперед средний палец, сжав остальные в кулак. Я резко вскрикнул от боли: кончик пальца обожгло огнем. Голова Шендона упала с плеч долой. Шмякнувшись о землю, она покатилась передо мной и рухнула в пропасть, следом за моей женой и лучшим другом. Глаза Шендона были открыты,— казалось, его отре-

занная голова смотрит на меня. Труп покачнулся и распростерся у моих ног. Я долго пялился на обезглавленное тело, пока сознание не померкло и я не погрузился во тьму.

* * *

Я очнулся на рассвете. Все еще лил дождь. Поврежденная нога пульсировала: травма была дюймов на восемь выше колена. Перелом был в неудобном месте, и к тому же нога зверски болела. Сеял обычный, мелкий дождик, не ураганный, не проливной. Ливень кончился. Земля перестала дрожать.

Я с трудом приподнялся и на мгновение забыл о боли. Я оцепенел от ужаса.

Остров мертвых почти целиком погрузился в воду. То, что осталось от него, никак не напоминало мой шедевр.

Я лежал футах в двадцати над водой, на широком каменистом уступе. Замок больше не существовал, а передо мной валялся обезглавленный труп без одной руки. Отвернувшись от него, я стал оценивать свое положение.

В утреннем небе с шипением и треском догорали факелы вулканов — свидетели кровавого пиршества ночи. Я повернулся и, чертыхаясь, стал осторожно разгребать камни, которыми был засыпан.

* * *

Боль и монотонно повторяющиеся движения приглушают сознание. Иногда начинается просто бред.

Даже если Боги реально существуют, какая разница? Что мне до них? Что им до меня? Я такой же, каким был рожден тысячу лет тому назад, — и опять лежу в грязи и крови. Боги используют нас в своих жестоких играх. Да пошли они все подальше...

— Тебя это тоже касается, Шимбо, — сказал я. — Никогда больше не приходи ко мне.

На кой черт мне нужно искать порядок там, где его никогда не было? А если где-то и есть порядок, я не вписываюсь в его рамки.

Я вымыл руки в луже. Пораненный палец саднил, и от холодной воды стало немного легче. Хотя вода была реальной. Реальны были земля, воздух и огонь. В них я верил, — а больше ни во что. Давайте

посмотрим, что составляет основу всего на свете. Основа — это то, что дано нам в ощущениях, а также то, что можно купить. Если выудить что-нибудь из Токийского залива и выставить товар на продажу, собственность все равно будет зарегистрирована на твое имя, сколько бы Великих ни вмешивалось в твои дела. Пусть они воют от злости. Или скулят. Большое Дерево принадлежит мне,— оно же древо познания добра и зла.

Я снял с себя последний камень и, расправив члены, облегченно вздохнул. Я был свободен.

Теперь мне предстояло найти энергетический источник и дожидаться, пока вечером на востоке появится „Модель Т“. Я напрягся, почувствовав пульсацию слева от меня. Собравшись с силами, я сел и попробовал разогнуть сломанную ногу, надавив руками на колено. Когда боль и дрожь понемногу утихли, я разрезал штанину и убедился, что мягкие ткани не были повреждены: перелом, к счастью, оказался закрытым. Наложить шину было некому. Я сам туго перебинтовал ногу выше и ниже перелома, повернулся на живот и медленно, как черепаха, пополз к энергетическому источнику, оставив лежать под дождем то, что когда-то было Шендоном.

Пока я передвигался по ровному месту, было еще ничего. Можете представить себе, чего мне стоило влезть наверх по склону, шедшему под углом сорок пять градусов. С трудом преодолев десять футов, я смачно выругался: подъем был крутой, да еще и скользкий.

Обернувшись, я посмотрел на Шендона и покачал головой. Он ведь знал, подлец, что его удел — быть везде вторым. Вся его жизнь целиком подтверждала это. На какое-то мгновение мне даже стало его жаль. Еще немного,— и все было бы в его руках. Он играл не в свою игру, начав ее не вовремя и не в том месте, как, впрочем, и мой покойный брат,— и я до сих пор не знаю, где лежит его разорванное на куски тело.

Я упорно полз вперед. Энергетический источник лежал совсем близко, в нескольких сотнях ярдов, если идти напрямик, но я предпочел окольный путь, который мне казался легче.

Внезапно я услышал чей-то плач, такой далекий и слабый, что я решил, будто мне это показалось. Затем сразу наступила тишина.

Приглушенные рыдания донеслись до меня во второй раз. Кто-то жалобно хныкал у меня за спиной. Я остановился и подождал, пока не услышу плач в третий раз. Повернув назад, я пополз туда, откуда шел звук.

Минут через десять мне удалось добраться до огромного валуна. Он лежал у основания отвесной скалы, рядом с которой валялись крупные обломки породы. Кто-то плакал совсем рядом: глыба завалила вход в пещеру. Мне неохота было терять время на детальную разведку, поэтому я громко крикнул:

— Эй! Что там такое?

Молчание.

— Эй! Кто там?

— Фрэнк? — я услышал голос леди Карлы.

— А-а-а, это ты, гадина? — спросил я. — А кто вчера вечером посылал меня навстречу моей судьбе? Получай теперь по заслугам. Как тебе там, ничего?

— Я не могу выбраться из пещеры, Фрэнк. Мне самой не сдвинуть камень.

— Чудный камушек, просто прелесть. Вот смотрю я на него с другой стороны и думаю, что ты — тоже прелесть.

— Ты можешь вытащить меня отсюда?

— А как ты сюда попала?

— Спряталась, когда началось землетрясение. Хотела сделать подкоп, но ничего не вышло: только ногти сломала да руки ободрала в кровь. Убрать камень я не могу, а другого пути нет...

— Какой уж там другой путь...

— Скажи мне, Фрэнк, что тут произошло?

— Все погибли, остались только мы с тобой. Остров разрушен и уходит под воду. Сейчас идет дождь, заливая его сверху. А вчера был кровавый бой.

— Ты сможешь мне выбраться из пещеры?

— Я еле дышу. Хорошо бы мне самому выбраться отсюда.

— Ты что, в другой пещере?

— Нет, я снаружи.

— Тогда откуда тебе надо выбраться?

— Из этого гиблого места. Пора лететь домой, на Свободный Дом.

— У тебя есть звездолет?

— Да. Скоро он прилетит за мной. „Модель Т“ будет здесь к вечеру. Я ее запрограммировал.

— Значит, у тебя есть аппаратура на борту корабля. Ты сможешь взорвать камень или землю под ним и освободить проход.

— Леди Карла,— сказал я.— У меня сломана нога и контужена рука, а о прочих мелких ранениях: синяках, царапинах, ссадинах — я уж и не говорю. Если мне повезет и я выберусь отсюда, буду спать неделю без просыпа. А что касается тебя, ты могла помочь мне вчера вечером. Но ты повернулась ко мне спиной. Ты помнишь свои слова?

— Да.

— Теперь твоя очередь: ступай навстречу своей судьбе.

Я приподнялся на локтях и пополз прочь от пещеры.

— Фрэнк!

Я не откликнулся.

— Фрэнк! Подожди! Не уходи! Прошу тебя, ну пожалуйста!

— Не вижу смысла оставаться здесь.

— Ты помнишь, что сказал мне вчера вечером, на прощание?

— Да. И я прекрасно помню, что ты ответила мне. Но все это было вчера, а сегодня я стал совсем другим человеком. Ты упустила свой шанс. Будь у меня силы, я бы высек на этой скале твое имя и годы жизни. Ну, пока. Приятно было встретиться с тобой снова.

— Фрэнк!

Я даже не оглянулся.

— *Перемены в вашем поведении не раз изумляли меня,— передал мне Грин-Грин.*

— *Вы тоже к этому руку приложили, Грин-Грин. Вы, наверно, сейчас сидите в какой-нибудь пещере и ждете, пока я вас откапаю.*

— *Нет, я совсем близко, в ста футах от вас. Я там, куда вы направляетесь. Жду вас у энергетического источника,— жаль, что уже не могу им воспользоваться. Я крикну, когда вы будете рядом.*

— *Почему не можете воспользоваться?*

— *Пришел мой час. Я ухожу в страну смерти, а там я буду лишен своей силы. Меня сильно ранило минувшей ночью.*

— *Что я должен делать по этому поводу? У меня своих проблем по горло.*

— Я хочу, чтобы вы совершили обряд прощания. Вы говорили мне, что сопровождали Дра Марлинга в последний путь. Значит, вы знаете дорогу туда. И еще вы сказали, что у вас есть корни глиттена...

— Я не верю во всякую ерунду и никогда не верил. Я взял корни только потому, что так хотел Марлинг.

— Вы — первосвященник. Вы — Великий и носите имя Шимбо-Громовержца из Башни Черного Дерева. Вы не можете отказать мне.

— Я отрекся от Шимбо и потому отказываю вам.

— Как-то вы обронили, что похлопочете за меня на Меганее, если я помогу вам. Я был с вами до конца.

— Я помню свои слова. Но теперь уже слишком поздно: вы умираете.

— Тогда вместо этого совершите обряд.

— Я утешу вас в ваших печалях, я буду с вами до последней минуты. Но увольте меня от ритуалов. После сегодняшней ночи я покончил с этим навсегда.

— Подойдите ко мне.

Я приблизился к нему. Дождь, к сожалению, прекратился, и теперь мне было нечем смыть зловонные кровь и пот с его израненного тела. Мне предстояла большая работа. Он сидел, откинувшись, у скалы, и видно было, как сквозь рваные куски плоти просвечивают его белые кости. Таких ран было четыре.

— Живучесть пейан — фантастическая штука, — заметил я. — Скажите, где вас так продырявило? В ночном побоище заработали?

Он кивнул, продолжая общение телепатическим способом.

— Мне больно говорить, поэтому я продолжу мысленную беседу. Я был уверен, что вы остались живы, и не хотел умирать, пока не увижу вас.

Изловчившись, я достал из рюкзака походную аптечку, уже наполовину опустевшую. Открыв ее, я протянул ему снадобье.

— Вот, держите. Снимает болевые ощущения. Годится не только для человека, но и для пяти других космических рас, в том числе и для пейан.

Грин-Грин отшвырнул от себя лекарство.

— Я не желаю обременять свое сознание такой ерундой в свой последний час.

— Грин-Грин, я не собираюсь выполнять ритуальный обряд для вас. Я дам вам корень *глиттена блестящего*, и вы сможете совершить церемонию сами.

— *А если в обмен на ритуал я дам вам то, чего вы хотели бы больше всего на свете?*

— Что же это?

— *Они снова воскреснут, и никто ничего не будет помнить о происшедшем.*

— Вы отдадите мне пленки памяти?

— *Да.*

— Где они?

— *Услуга за услугу, Дра Сэндоу.*

— Дайте мне их сейчас.

— *Только за последний обряд...*

...Новая Кэти, Кэти, которая никогда не видела Майка Шендона, и Ник, любитель разбивать чужие носы...

— Вы ставите мне очень тяжелые условия, пейанин.

— *У меня нет выбора,— и прошу вас, поторопитесь.*

— Ну, хорошо. Я совершу обряд, последний раз в жизни. А где пленки?

— *Приступайте к церемонии — и я скажу вам. Когда обряд начнется, его уже нельзя будет прервать.*

Я поцокал языком.

— Ну, ладно. Не буду вас винить за недоверие ко мне.

— *Вы поставили блокировку на свои мысли. Наверно, вы хотели обвести меня вокруг пальца.*

— Не знаю. Не уверен.

Я развернул корень *глиттена*, отломил от него равные доли и начал священнодействовать.

— Мы пойдем вместе по длинному пути,— бормотал я,— и только один из нас вернется назад...

* * *

Какое-то время мы шли сквозь холодный, серый туман, потом потеплело, и мы зашагали в непроглядной мгле. Мы миновали сумеречное место, где не было ни ветра, ни звезд. Была только ядовито-зеленая трава, высокие холмы, иссиня-черное небо и слабая розоватая кромка зари, узким языком лизавшая изломанный горизонт. Казалось, все звезды, упав с высоты, рассыпью легли на склоны холмов и тускло мигают, будто присыпанные тальком.

Мы шли безо всяких усилий, прогулочным шагом, хотя цель назначения нам была известна. В телах снова чувствовалась упругость. Грин-Грин шагал по левую руку от меня. Со всех сторон нас обступали горы из наркотического сна, навеянного корнем *глиттена*, — или это был не сон?

Иллюзия казалась явью, а наши искалеченные, израненные останки, валявшиеся, как пустые каркасы, на скале под дождем, — были для нас далеким кошмарным сном. Создавалось впечатление, что мы с Грин-Грином, дружески беседуя, не раз бродили по этим местам, и нас не покидало ощущение счастья. Так же было и в тот раз, когда я с Марлингом приходил сюда. Возможно, я никогда и не уходил отсюда.

Мы спели старинную пейанскую песню, и затем Грин-Грин сказал мне:

— Я отказываюсь от мщения, Дра. Я больше не держу на вас *пайбарды*.

— Отлично, Дра тарл.

— Я обещал вам кое-что сказать. Насчет пленок. Они лежат под моим бездыханным зеленым телом, в котором имела честь жить моя душа.

— Понятно.

— Они безнадежно испорчены. Я перенес их на остров методом телепортации из тайника, в котором они были спрятаны. Но кассеты с пленками оказались поврежденными: виноваты стихии, разгулявшиеся на Иллирии. Погибли и тканевые культуры. Я сдержал свое слово, возвращая их вам, но пользоваться ими нельзя. Я чувствую себя неловко, но вы сами не оставили мне выбора. А я не мог пуститься в последний путь один.

Наверное, я должен был расстроиться, но не смог.

— Вы сделали то, что должны, — сказал я ему. — Не огорчайтесь. Может, оно и к лучшему, что я не смогу их воскресить. С тех пор, как они умерли, много воды утекло. Они бы чувствовали себя чужими в странном новом мире, как и я сам когда-то. Скорее всего, они никогда бы не сумели найти себя, — мне это далось с большим трудом. Пусть будет, как будет. Потерянного не вернешь.

— А теперь я хочу рассказать вам о Рут Ларис, — сказал он. — Она находится в психиатрической лечебнице Фаллона в Корбачо, на Дрисколле, зарегистриро-

ванная под именем Риты Лоуренс. У нее изменено лицо, память потеряна. Заберите ее оттуда и наймите хороших докторов.

— Почему вы отправили ее туда?

— Поместить ее в клинику оказалось легче, чем тащить на Иллирию.

— Неужели то зло, которое вы причинили, ничего для вас не значит? Совесть вас не мучает?

— Нет. Наверное, я слишком много видел жизнь во всех ее проявлениях...

— И смотрели на нее с ожесточением. Вероятно, вы сами никогда бы не натворили столько бед,— вами водил Белион.

— Я не хотел бы произносить это вслух, потому что я не собираюсь приносить никаких извинений. Но, наверно, так оно и было. Вот почему я и хотел расправиться с Шимбо. Вы столкнулись со мной, когда я был одержим Белионом, а вы олицетворяли его врага. После того, как Белион бросил меня ради Шендона, я раскаиваюсь во многих своих поступках. Я понял, что Белиона нужно обезвредить. За тем и явился Шимбо-Громовержец из Башни Черного Дерева. Нельзя было допустить, чтобы Белион и дальше творил уродливые, переполненные злобой миры. Шимбо же, создавая свои миры, разбрасывал их во тьме, как горсть драгоценных камней, сверкающих яркими красками, полными жизни и света. Он пришел вызвать Белиона на бой. Шимбо одержал победу, и, я надеюсь, вскоре в космической мгле засияют новые миры.

— Нет,— ответил я.— Мы с Шимбо не можем творить поодиночке. А я умываю руки.

— Вам горько от того, что здесь произошло, и вы, наверно, правы. Но не так-то просто отречься от дара, ниспосланного вам свыше, Дра. Пройдет какое-то время, и вы...

Я не ответил ему, погружившись в собственные мысли.

Мы шли дорогой смерти. Какой бы приятной она ни казалась, мы понимали, что на нас воздействовал корень *глиттена*. Обычно люди используют его как наркотик: он одурманивает, приводя в состояние эйфории. Но телепаты хранят *глиттен* для других целей.

Если телепат применяет *глиттен* в одиночку, корень укрепляет его силу.

Если же им пользоваться вдвоем, корень навевает общий сон. Сон этот всегда бывает сладким и приятным, и у всех приверженцев *странтризма* он всегда одинаков, так как в религии пейан имеется учение о подсознании, которое при определенной подготовке срабатывает как рефлекс.

Такова традиция.

...Двое видят одинаковый сон, но просыпается только один из них.

Корень *глиттена блестящего* незаменим в похоронном обряде: он облегчает судьбу умирающего, которому не приходится уходить одному в то место, которого я избегаю уже тысячу с лишним лет.

Он также применяется для мысленного поединка. Если корень берут не для ритуальных целей и не по обоюдной договоренности, то назад возвращается только сильнейший, победитель в схватке интеллектов. По своей природе наркотик обладает такими свойствами, что в конфликте находится только подсознание двух противников, а бодрствующие участки мозга не принимают в этом участия.

Грин-Грин был связан ритуалом, и я не опасался, что он в последнюю минуту пойдет на обман, ради мщения по-пейански. Интеллектуального поединка с ним мне нечего было бояться, учитывая его состояние.

Пока я провожал Грин-Грина в последний путь, у меня закралась мысль, что я ускоряю его смерть, хотя бы на несколько часов, под видом мистического, но приятного ритуала.

Телепатическая эвтаназия.

Убийство мыслью.

Я был рад помочь разумному существу, представителю другой космической расы, встретить свою смерть так, как он этого желал. Проводы пейанина натолкнули меня на размышления о моем собственном последнем часе,— я был уверен, что легкой смерти мне нечего ждать.

Я не раз слышал от людей: как бы ты ни любил жизнь, сколько бы ты ни был уверен, что будешь жить вечно, придет минута, когда ты захочешь умереть и будешь молить смерть, чтобы она пришла за тобой. Те, кто так говорил, думали о смерти со страхом и болью. Все они хотели бы отойти в мир иной легко и светло.

Я не собираюсь покорно, без борьбы, расставаться с жизнью, чтобы погрузиться в темную, вечную ночь. Нет уж, благодарю.

Я восстану против угасания света и, сцепив зубы, буду отвоевывать каждую минуту жизни. Я уже один раз прошел через страдания на пути к смерти, — можете назвать это агонией, — когда подцепил неизлечимую инопланетную заразу, и меня, еле живого, заморозили до лучших времен. Я много думал о смерти и решил, что не сдам свои позиции без боя. Хочу жить полной жизнью, радоваться и страдать. Есть писатель, которого я уважаю: это Анре Жид с его „Плодами земли“. Лежа на смертном одре и зная, что жить ему осталось всего несколько дней, он писал как одержимый. Он закончил книгу за трое суток — и испустил дух. В ней он описывает все прекрасное, что видит в превращениях земли, воздуха, огня и воды, говорит о вещах, которые окружали его и которые он любил, и, судя по его прозе, он, стоя на пороге небытия, прощается с жизнью, хотя и не хочет уходить, несмотря ни на что. Я, конечно, согласился сопровождать Грин-Грина, но никак не мог одобрить его выбор. На его месте я бы остался лежать у скалы, даже с перебитыми костями, радуясь, что я жив, и, с благодарностью глотая капли дождя, немного жалел бы себя, досадуя, и желал бы очень-очень многого. Быть может, неутолимая жажда жизни в первую очередь помогла мне овладеть искусством созидания миров. Я хотел сам творить жизнь, способствовать ее зарождению и дальнейшему развитию. Черт побери!

Поднявшись на гору, мы с Грин-Грином остановились на вершине. Когда мы еще только шли вверх по склону, я уже заранее знал, какой пейзаж откроется мне сверху.

...Меж двумя массивными серыми скалами просвечивала яркая полоска зеленой травы, которая, убегая вдаль, становилась все темнее. Она плавно переходила в большую, мрачную долину. Скользнув по ней взглядом, я внезапно уперся в черноту, зияющую дыру, в которой ничего не было.

Абсолютно ничего.

— Я провожу вас еще немного, — предложил я.

— Спасибо, Дра.

Мы спустились вниз по склону и пошли дальше, к зловещему провалу.

— Интересно, что будут говорить обо мне на Мегатее, когда узнают, что меня больше нет?

— Не имею понятия.

— Скажите всем, кто будет расспрашивать обо мне, что я был глупцом. Еще скажите, что перед самой кончиной, на пути к этому месту, я раскаялся в том, что поддался безумию.

— Я скажу.

— И еще...

— Я понял,— подхватил я.— Я попрошу, чтобы ваш прах был перенесен и погребен в горах, там, где ваша родина.

Он поклонился мне.

— Это все. Вы посмотрите, как я буду уходить?

— Да.

— Говорят, что в конце пути я увижу свет.

— Да, так говорят.

— Я пойду ему навстречу.

— Счастливого пути, Дра Грин-Грин-тарл.

— Вы выиграли сражение и покидаете планету победителем. Вы будете снова создавать новые миры? Вы сделаете то, что никогда не удавалось мне?

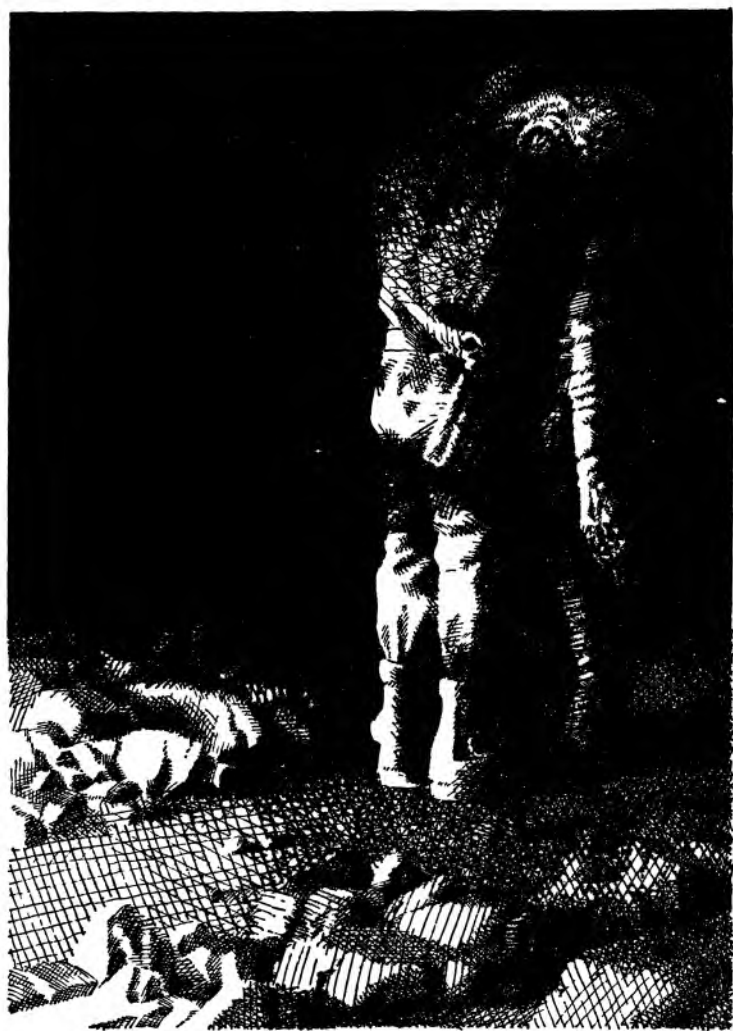
— Посмотрим,— ответил я, вперея взгляд в крошечную мглу, без звезд, без комет, без метеоров, без всего.

Внезапно в пустом пространстве появилась светящаяся точка.

В зияющей черной пропасти возникла Новая Индиана. Она мерцала вдалеке, на расстоянии нескольких миллионов миль, но контуры ее рельефа были четко вырезаны, как на камне. Планета медленно передвинулась вправо и скрылась за скалой. Следом за ней на небо вышел Кокитус и, очертив полукруг, пропал из виду. За ним показались все остальные мои детища: Святой Мартин, Бунинград, Дисмал, М-2, Хонкитонк, Милосердие, Вершина, Танджия, Иллирия, Фантазия Родена, Свободный Дом, Кастор, Поллукс, Централья, Денди и другие.

По непонятной причине слезы навернулись у меня на глаза. Я увидел парад планет: все они, созданные мной и выведенные на свою орбиту, сверкая, прошли над моей головой в вышине. Я забыл о славе.

Меня переполняло чувство гордости и счастья: только благодаря мне там, где не было ничего, возникла жизнь. В черном безвоздушном пространстве закружи-

лись мои планеты. Вот мой ответ на вопрос о жизни и смерти. Когда я уйду в Долину Теней, они останутся после меня. Чего бы там ни требовал Токийский залив, я сделал по-своему,— и плевал я на него. Я многого достиг и еще многое могу.

— Я вижу свет! — воскликнул Грин-Грин.

Оказывается, я даже не заметил, как он, вцепившись мне в руку, пристально смотрит вдаль.

Обняв его, я пожелал ему напоследок:

— Пусть к вам придет Кирвар Четырехликий, Отец Цветов!

Ответа я не расслышал, потому что Грин-Грин, покинув меня, прошел по тропе между серых скал, нырнул в долину и исчез.

Я повернулся лицом к востоку и пошел прочь. Мне предстоял долгий путь обратно.

Возвращение...

Литавры и медные трубы.

На меня давил какой-то низкий свод. Нет, меня почти согнуло пополам, пока я, уставясь в пустоту, подпирал Вселенную своими плечами. О, как тяжела была эта ноша! Казалось, массивные глыбы вот-вот расплющат меня. А подо мной лежал Токийский залив и заброшенный мусором пляж: презервативы, щепки, стебли водорослей, бутылки, ил и пустые ракушки.

Я различал далекий шум прибоя, и высокие набегающие волны почти касались моего лица. Там была жизнь. В холодной, смрадной, пенящейся воде, я чувствовал ее биение. Внезапно меня окатило с головы до ног, и, опустив глаза, я понял, что падаю — падаю на мокрый прибрежный песок. Быть может, я слышал крики птиц. Я посетил Долину Теней — и возвращался назад, благополучно выскользнув из ледяных крючковых пальцев смерти. Я летел вниз,— и мир красок распускался передо мной, становясь все ярче, пока не сделался таким, каким я покинул его.

Истекающее копотью небо было серым, как глина. Воздух был пропитан сыростью. В спину мне впивались осколки камней. Поверхность Ахерона морщилась, покрываясь рябью. В промозглой зыби не было и намека на потепление.

Я сел, помотав головой, чтобы прочистить мозги, поежился от холода и взглянул на зеленое бездыханное тело, лежавшее подле меня. Согласно ритуалу, я произ-

нес последние слова прощания и заметил, что голос у меня дрожит.

Я расправил члены покойного, чтобы он лежал в естественной позе, и прикрыл его куском синтепласта, предварительно вытащив из-под него кассеты с пленками памяти и био-контейнеры с тканевыми культурами. Грин-Грин был прав. Все было безнадежно испорчено. Я положил находку, теперь уже бесполезную, в свой рюкзак. „По крайней мере, смогу обрадовать Разведуправление Земли“, — подумал я. Затем я подполз к энергетическому источнику и, направив в небо силовой луч, чтобы вызвать „Модель Т“, стал ждать ее появления.

...Она уходила от меня, уходила насовсем, и я видел, как покачивались слегка ее стройные бедра, туго обтянутые белой тканью, и слышал стук босоножек по каменным плитам. Я хотел броситься за ней, объяснить, что я тут ни при чем. Но я знал, что все бесполезно, она и слушать меня не будет. Зачем было унижаться зря? Сказка внезапно оборвалась, занавес закрылся, и я, как одинокий зритель, остался стоять в пустом зале, не надеясь увидеть счастливый конец. Я не вернусь в сказочную страну, где живут великаны и карлики, где водятся говорящие жабы и растут волшебные грибы, где есть пещеры, набитые драгоценностями, которые охраняют не один, не два, а целых десять колдунов.

Да, колдунов было десять. Десять финансовых магов Алгола. Денежные мешки.

Все они приходились ей дядьями.

Я думал, что наш договор крепок, как обручение, скрепленное поцелуем. У меня никогда не возникало задних мыслей. Но когда мне начали строить козни, нужно было что-то делать. Не я нанес последний удар. Там было много отягчающих обстоятельств. Я не смог бы остановить эту компанию, даже если бы и очень хотел...

„Модель Т“ приближалась. Нога у меня ныла зверски. Я потер бедро выше перелома и прислушался.

Прямой переход от дела к сказке, а от сказки — к мщению. Было уже слишком поздно вспоминать вторую фазу этого цикла. В последней я выиграл. Стоило собой гордиться.

На горизонте показалась „Модель Т“. Она быстро спустилась и, как небесное тело, зависла над энерге-

тическим источником, с помощью которого я управлял ею.

Я был трусом, Богом и сукиным сыном одновременно. Так уж у меня получилось — ведь я прожил очень долгую жизнь. Человек проходит различные фазы своего существования. Сейчас я чувствовал лишь усталость и желание вернуться домой. Мною владела только одна мысль.

По моему приказу „Модель Т“ села на ровную площадку, люк открылся, и я пополз по направлению к ней.

Все осталось позади. То, о чем я думал, когда был охвачен столбом пламени, уже не имело никакого значения. С какой бы стороны ни смотреть — решительно никакого значения не имело.

Я дополз до звездолета, подтянулся и забрался на борт.

Осмотрев пульт управления, я включил приборы.

Нога чертовски болела.

Корабль тронулся с места.

Я передумал взлетать и остановил „Модель Т“. Взяв необходимые инструменты, я снова вылез наружу.

Прости мне мои прегрешения, детка.

Приняв удобную позу, я навел прибор на цель и растворил огромный валун, заваливший вход в пещеру.

— Фрэнк, это ты?

— Нет, это моя тень.

Из проема выскочила Леди Карла, перепачканная с головы до ног, с безумными глазами.

— Ты вернулся за мной!

— А я и не уходил.

— Ты ранен!

— Я тебе уже говорил об этом!

— Ты же сказал, что уезжаешь, а меня бросаешь здесь...

— Ты так и не научилась понимать, когда я шучу, а когда говорю серьезно.

Она поцеловала меня и помогла встать на здоровую ногу.

Я обхватил ее за шею, и мы попрыгали к „Модели Т“.

— Будто снова играю в классики, — усмехнулся я.

— А что такое классики?

— Старинная детская игра. Вот заживет нога — научу тебя, если захочешь.

— Куда мы летим?

— На Свободный Дом. Ты можешь остаться там или уехать к себе,— смотри сама.

— Я уж было подумала, что ты бросил меня... Ты наговорил кучу гадостей. О Боже мой! Какой тяжелый день! Скажи мне, что тут происходит?

— Остров мертвых медленно погружается в Ахерон. Идет дождь.

Я взглянул на ее исцарапанные в кровь руки, на измазанное лицо, на спутанные волосы...

— Я действительно нес черт знает что. Ты же знаешь, я не хотел обидеть тебя.

— Знаю.

Я бросил последний взгляд на Иллирию. Когда-нибудь я вернусь сюда и восстановлю свою планету.

— Боже! Какой ужасный день! — воскликнула Ле-ди Карла.

— Солнце уже встало. Попробуем подняться по трапу. Ты pomoжешь мне?

— Обопрись на меня.

Я обнял ее за плечи.

ПРИМЕЧАНИЯ

ТВОРЕЦ СНОВ

К стр. 28

Разумный Шляпник — иронический парафраз имени одного из героев сказки Льюиса Кэрролла (1832—1898) „Алиса в стране чудес“ — Безумного Шляпника.

К стр. 53

Фенрир Волк — персонаж древнескандинавского эпоса: сын злого божества Локи, рожденный на погибель другим богам.

К стр. 69

Кракен — по средневековым поверьям, живущий в глубинах океана чудовищный спрут.

К стр. 93

Лимб — в „Божественной комедии“ Данте — первый круг Ада, где обитают души некрещеных младенцев и праведных нехристиан.

К стр. 101

Тáнатос — у древних греков — олицетворение смерти.

К стр. 113

Здесь и далее использованы цитаты из стихотворения американского поэта Уолта Уитмена (1819—1892) „Песнь о себе“.

К стр. 140

Манолите — Мануэль Родригес (1917—1947), по прозвищу Манолите, знаменитый матадор, кумир испанской публики, погибший во время одной из коррид.

В. Симонов

ЭТОТ БЕССМЕРТНЫЙ

К стр. 181

Пан — в греческой мифологии сын бога Гермеса; первоначально почитался как покровитель пастухов, бог стад, впоследствии (к 2 в. до н. э.) — как покровитель всей природы. Изображался в виде человека с рогами, козлиными ногами и козлиной бородой

К стр. 184

Патио (исп.) — внутренний дворик.

К стр. 188

.. об изображении на щите *Ахиллеса* .. — щит украшали изображения земли, моря, солнца, месяца, звезд, а также различных сцен из жизни Греции, включая свадьбы, войны, уборку урожая и прочее.

К стр. 194

Граф Элгин — английский граф, вывезший в 1803 г. из Афинского Акрополя части фриза Парфенона.

К стр. 195

Кисмет (тур.) — рок, судьба.

К стр. 196

...избавить от груза кармы? — то есть убить. „Карма“ на санскрите означает закон причинности, судьба.

...как сама улыбка... — в США „улыбкой“ называют порцию алкоголя, особенно виски.

К стр. 199

Бертильон, Альфонс (1853—1914) — французский юрист, антрополог, автор системы судебной идентификации.

К стр. 202

Форт Самтер — с атаки конфедератов на этот форт в Южной Каролине 12—13 апреля 1861 г. началась Гражданская война северных и южных штатов Америки.

...у большого К. — имеется в виду Карагиозис

К стр. 203

...потрясла весь мир. — Намек на книгу Джона Рида „10 дней которые потрясли мир“

К стр. 205

...социальная проблема из тех... которых... ждали много поколений — то есть проституция.

К стр. 207

Метаболизм — обмен веществ.

К стр. 208

Хэллоуин (англ.) — религиозный праздник, отмечаемый 31 октября, канун дня всех святых. В настоящее время особенно любим детьми, которым в этот день принято дарить гостинцы.

К стр. 210

Mambo — местный танец гаитянского происхождения. Возможно герой так пренебрежительно именуется местных жителей.

Вуду, водун — политеистическая религия, распространенная преимущественно среди негров Вест-Индии, сочетающая в себе традиционные элементы африканских культов и элементы, заимствованные из католицизма.

К стр. 211

Агве Войо — в дагомейской мифологии глава пантеона божеств моря.

К стр. 212

Лоа — в мифах микронезийцев Маршалловых островов дух (божество)

Легба — в дагомейской мифологии верховное божество

К стр. 213

...наполовину переваренному Ионе. — Иона — ветхозаветный пророк, в течение трех дней пребывавший в чреве кита

Papa Leqba, ouvri bayé! и т. д. — Текст на так называемом гаитянском креольском языке, сформировавшемся на базе французского языка с заимствованиями из языков Африки, индейских диалектов, английского и испанского языков

К стр. 215

Пантеисты — приверженцы пантеизма, учения о божестве, растворенном в природе, идентифицирующимся с ней

Анимисты — приверженцы анимизма, религиозного представления о духах и душе, где явления и объекты природы наделяются собственной волей.

К стр. 219

...концептуализирую твою идею. — Весь пассаж представляет собой шутку по поводу идей философии концептуализма, занимающе-

гося поисками общего в единичных предметах, на основе чего возникает концепт, выраженный словом.

Гордия — герой не точен. Речь может идти только о мифологическом царе Фригии по имени Гордий, завязавшем узел, который никто не мог развязать.

К стр. 224

Цестус — кулачный боец в Древнем Риме.

К стр. 227

Джойс, Джеймс (1882—1941) — ирландский писатель, автор знаменитого романа „Улисс“.

К стр. 228

Город Мертвых — средневековое кладбище в восточной части Каира.

К стр. 229

Монофизиты — сторонники разновидности христианского учения, сложившегося в VII в. в Византии.

К стр. 232

...чтобы она застыла соляным столпом... — намек на библейскую историю о жене праведника Лота, превращенной в соляной столп.

К стр. 233

Madre de Dios! — испанское восклицание, которое можно перевести как „Бог ты мой!“

К стр. 234

„Эквити“ актеров — профсоюз актеров в Англии.

К стр. 235

Калигула — Гай Цезарь Германик (12—41 н. э.), римский император с 37 г. н. э., который прославился жестокостями и бесчинствами. Однако, судя по контексту, здесь подразумевается Герострат, грек из Малой Азии, который, желая прославиться, сжег в 356 г. до н. э. храм Артемиды в Эфесе.

К стр. 236

Фелюга — легкое парусное судно, используемое, в частности, для плавания по Нилу.

К стр. 237

Галабея — длинная, до пят, рубашка у арабов.

К стр. 239

Ассагай — турецкое копье с железным наконечником.

К стр. 240

Афференты — центростремительные нервы.

Амок — нарушение функций головного мозга; состояние при котором больной пускается бегом, уничтожая все на своем пути. Память о таких проступках у него отсутствует. Болезнь характерна для жителей Малайских островов.

Мезентерий — брыжейка.

К стр. 247

Джеб — в боксе прямой короткий удар по корпусу.

К стр. 248

Гадес — то же, что Аид, в греческой мифологии бог подземного мира, владыка царства теней усопших.

К стр. 256

...унеся часть меня с собой... — намек на знаменитую цитату из Джона Донна, взятую эпиграфом к роману Э. Хемингуэя „По ком звонит колокол“.

К стр. 261

Книга Мертвых — сборник заупокойных текстов, составлявшихся

с начала периода Нового Царства и до конца истории Древнего Египта, то есть с XVIII в. до н. э. — до Рождества Христова.

К стр. 263

Армагеддон — вершина Мегиддо, город при подножии горы Карнил, согласно Ветхому Завету известный как место кровавых битв. В Новом Завете название города используется как символ последней эсхатологической битвы светлых сил и сил тьмы.

К стр. 266

Карлейл, Томас (1795—1881) — английский публицист, историк, философ. Речь идет о его цикле лекций „Герои, почитание героев и героическое в истории“.

К стр. 271

Фукидид (ок. 460—395 до н. э.) — один из древнейших древнегреческих философов.

Феокрыт — греческий поэт 3 в. до н. э., председатель эллинистической, александрийской поэзии.

К стр. 272

...поощаив лишь мистера и миссис Девкалион... — имеются в виду герои древнегреческой мифологии Девкалион и Пирра, муж и жена, спасшиеся от потопа в огромном ящике и заселившие землю новым родом людей, происшедших из камней.

Сеферис, Йоргас (1900—1971) — греческий поэт, дипломат.

К стр. 273

Клефты — вольнолюбивые, воинственные горцы Северной Греции.

...как хтонические мстители... — согласно древнегреческой мифологии подземные жители.

К стр. 275

Перикл (ок. 490—429 до н. э.) — древнегреческий политический деятель, стратег Афин.

К стр. 277

Куреты — в греческой мифологии демонические существа, составляющие вместе с корибантами окружение Великой матери богов Рен-Кибелы и младенца Зевса на Крите.

Павсаний (2 в.) — древнегреческий писатель и путешественник, автор „Описания Эллады“.

К стр. 278

...о бедных лошадях, которых седлают пикадоры — во время корриды первая атака быка — против лошади, на которой сидит пикадор. В настоящее время бока лошади прикрывают жесткой попоной.

К стр. 279

Вордсворт, Уильям (1770—1850) — английский поэт-романтик, один из представителей так называемой „озерной школы“.

Эйтс, Уильям Батлер (1865—1939) — английский поэт и драматург.

...манера... вполне харизматическая. — Харизма — исключительная одаренность. Харизматический лидер — человек, наделенный исключительным авторитетом.

Теспий — в древнегреческой мифологии сын Эреффея. Чтобы иметь в роду наследников Геракла, Теспий возвел на его ложе 50 своих дочерей. Однако контекст далек от данного мифа.

К стр. 280

Дионис — в греческой мифологии бог плодородия и виноделия.

Празднества в честь Диониса и карнавальные обряды положили начало древнегреческому театру.

Корибанты — в греческой мифологии спутники и служители Велкой матери богов Рен-Кибелы.

...далее следует Икар.— Автор не точен. На самом деле здесь не Икар, сын Дедала, пытавшийся перелететь море на крыльях из перьев и воска, а Икарый, первым из людей вырастивший в Аттике виноград.

...я приметил... Тезей...— Автор не точен. Тезей не бог, а герой.

...здесь никогда не было бессмертной Пенелопы...— верная супруга Одиссея ожидала его на острове Итака.

К стр. 281

Кадуцей — в греческой мифологии деревянный жезл, обвитый глядящими друг на друга змеями. Первый кадуцей был изготовлен Гефестом для Гермеса.

...та, которая отмеряет нить жизни...— в греческой мифологии *мойры* — богини судьбы, прядущие и обрезающие нить жизни; тождественны паркам в римской мифологии.

К стр. 283

Eloi (греч.) — Бог.

К стр. 292

Делакруа, Эжен (1798—1863) — французский живописец-романтик.

Диспепсия — расстройство желудка.

К стр. 293

Малаки-Тауз — от арабского „ангел-павлин“. В мифологии езидов (исповедующая особую религию часть кудров) верховный ангел. Изображается в виде павлина (петуха).

Иблис — в мусульманской мифологии дьявол.

К стр. 294

Если только так написано...— широко распространенное в мусульманском мире выражение, означающее, что все в руках Аллаха; сама же человеческая судьба записана в книге судеб Корана.

К стр. 297

...не может тебя собрать — цитата из знаменитого стихотворения о Шалтае-Болтае (см. Льюис Кэрролл „Алиса в Зазеркалье“).

К стр. 304

Дерево Бо — зд. дерево мира.

К стр. 308

Микроцефалы — люди со значительно уменьшенным размером черепа и, соответственно, головного мозга, при нормальных размерах других частей тела.

Стеатопиги — люди с сильно развитым подкожным жировым слоем на ягодицах. Стеатопигия — болезнь, характерная для некоторых племен; позднее перекинулась в США.

К стр. 313

„Золотая ветвь“ — книга известного религиоведа и этнолога Джеймса Фрэзера (1854—1941).

К стр. 314

Прокрусту нравится давать людям шанс...— в греческой мифологии знаменитый разбойник Прокруст укладывал на большом ложе малорослых путников и бил их молотом, чтобы увеличить их рост; высокорослых же укладывал на маленькое ложе и отпиливал „лишнее“. Отсюда выражение „прокрустово ложе“, которых традиционно было два.

К стр. 318

...Христофором, одолевшим монстра.— Герой ошибается, мотив драконоборчества характерен для другого фольклорного персонажа у христиан и мусульман — Георгия Победоносца. Одним же из главных деяний Христофора является перенесение им через реку младенца Христа, весящего „как целый мир и все его легенды“.

К стр. 319

Карцинома — раковое образование.

К стр. 322

Эпикантиальные складки — „монгольская“ складка у внутреннего угла глаз человека, характерная для монгольской расы.

Актиничность — светобоязнь.

К стр. 328

И ночь была нежна...— цитата из знаменитого стихотворения Джона Китса „Ода к соловью“, давшая название роману Скотта Фицджеральда и взятая к нему эпиграфом.

К стр. 335

Армадиллы — семейство млекопитающих, имеющих на теле костный панцирь. Тоже самое, что броненосцы.

Терхьюн, Альберт Пейсон (1872—1942) — американский писатель.

К стр. 340

„Освобожденный Прометей“ — лирическая драма П. Б. Шелли, английского поэта-романтика (1792—1822).

К стр. 343

Этиология — причина болезни.

К стр. 349

Пеон — в античности — четырехсложный размер стиха, использовавшийся для пеанов, заклинательных песен, обращенных к богу Аполлону.

К стр. 358

Фунда — пращевидная повязка.

И. Куберский

ОСТРОВ МЕРТВЫХ

К стр. 366

Эдсель (точнее Эдсель-форт) — покрытые водой горы на Западном побережье Антарктиды. Открыты в 1929 году.

К стр. 373

Донн Джон (1572—1631) — английский поэт, родоначальник так называемой метафизической школы поэтов. Настоятель собора Св. Павла в Лондоне. Развивал в своем творчестве мысль о том, что в одиночестве своем человек подобен острову.

К стр. 387

Беклин Арнольд (1827—1901) — немецкий живописец швейцарского происхождения, представитель символизма и стиля „модерн“. Картина „Остров мертвых“ написана в 1880 году. Хранится в музее Изобразительных Искусств в Мюнхене.

Рахманинов Сергей Васильевич (1873—1943) — русский композитор, пианист, дирижер. С 1917 года жил за рубежом, с 1918 — в США. Симфоническая поэма „Остров мертвых“ (соч. 29) создана в 1909 году под впечатлением одноименной картины А. Беклина.

Ю. Шор

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ю Шор</i> МИФЫ И ФАНТАЗИИ РОДЖЕРА ЗИЛАЗНИ . .	5

Р О М А Н Ы

ТВОРЕЦ СНОВ. <i>Перевод В. Симонова</i>	17
ЭТОТ БЕССМЕРТНЫЙ <i>Перевод И. Куберского</i>	179
ОСТРОВ МЕРТВЫХ. <i>Перевод Ю. Шор</i>	363
ПРИМЕЧАНИЯ	537

Литературно-художественное издание

Роджер Зилазни

ОСТРОВ МЕРТВЫХ

Ответственный редактор Ольга Солохина

Художник Сергей Лемехов

Художественный редактор Виктор Меньшиков

Технический редактор Татьяна Тихомирова

Корректор Елена Шнитникова

Сдано в набор 16.12.92. Подписано в печать 03.03 93. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 28,56. Тираж
200 000 экз. Изд. № 124. Заказ № 107.

Издательство «Северо-Запад». 191187, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, 18.
ГПП «Печатный Двор». 197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

von Shrove, freischaffend gewidmet

Die Enteninsel

Symphonische Dichtung
zum Gemälde von A. Büchlin
für großes Orchester

von
Richard Maximilian
Op. 29
Piano 3-4
Preis 1,50

Preis 3,-

Preis 1,50

Toteninsel.
(Nach dem Gemälde von Böcklin.)
Soprano.
B. Bachmann Op. 25
für kleine und große Stimmen
mit Violoncello.

Andante.
Soprano.
Violoncello.
Violoncello.

Die Toteninsel.
(Nach dem Gemälde von Böcklin.)
Primo.
B. Bachmann Op. 25
für kleine und große Stimmen
mit Violoncello.

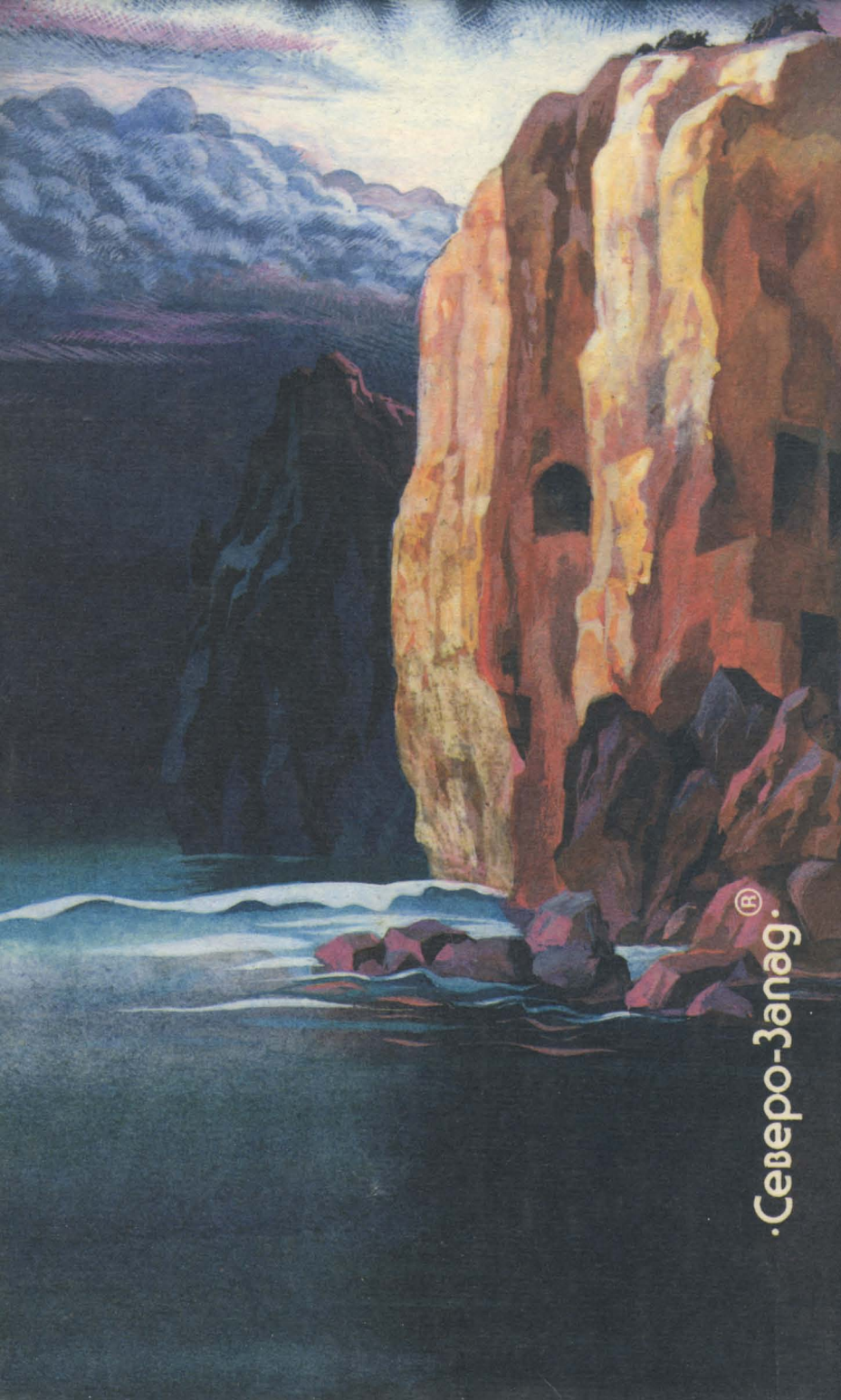
Andante.
Primo.
Violoncello.
Violoncello.

Andante.
Violoncello.
Violoncello.

Andante.
Violoncello.
Violoncello.

Andante.
Violoncello.
Violoncello.

Севепо-Занаг®.